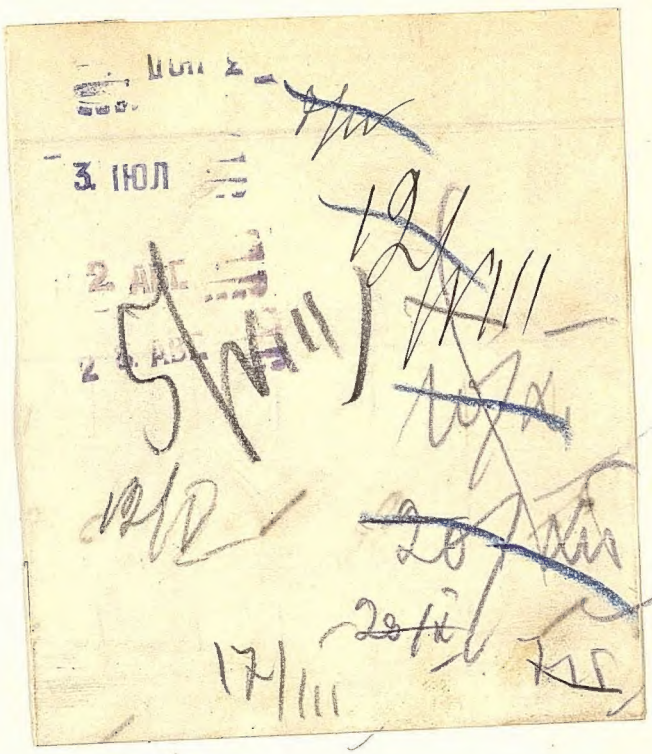

Николай Сергѣевичъ
Лепешкинъ.

П. Э. Бертло.

(1827—1907)

«Вѣстникъ Европы», 1910 г.

«Вратник Европы» 1840 г.

(1827—1840)

П. Э. Ретто.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

1016
22530
49 г.

СОРОКЪ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

ІЮЛЬ

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»: МОХОВАЯ, 32.

Главная Контора журнала:
Загородный проспектъ, № 14.

Экспедиція журнала:
Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1910

4074

ИДЕЯ БОГОЧЕЛОВѢКА
ВЪ ГРЕЧЕСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ САГѢ

I.

„По направленію, въ которомъ онѣ развиваются, религіи наиболѣе близкихъ намъ и наилучше изученныхъ народовъ распадаются на *теантропическія* и *теократическія*. Слова эти вполнѣ удобопонятны. Первое, сложное изъ theos „богъ“ и anthrôpos „человѣкъ“, говоритъ вамъ, что въ религіяхъ этого порядка удареніе лежитъ на theion en anthrôpô, воплощеніи божественнаго начала въ человѣкѣ и на родствѣ этого послѣдняго съ божествомъ; другое, состоящее изъ элементовъ theos и kratein „властвовать“, даетъ вамъ понять, что въ соотвѣтствующихъ религіяхъ съ особенной силой развито ученіе о власти божества надъ человѣкомъ и природой. Конечно, всѣ религіи по необходимости содержатъ въ себѣ и теантропическое, и теократическое начало — но далеко не въ одинаковой степени... А именно: теократическое начало господствуетъ у семитовъ, теантропическое — у арійцевъ“.

Въ этихъ словахъ К. П. Тиле, не такъ давно скончавшійся профессоръ исторіи и философіи религіи въ Лейденѣ („Введеніе въ науку о религіи“, I, 133, нѣм. перев.), характеризуетъ сущность различія между религіями арійскихъ и религіями семитскихъ народовъ. Осмѣливаюсь утверждать, что въ нихъ заключается одно изъ самыхъ крупныхъ открытій въ малоизслѣдованной области морфологіи религій. Замѣчу тутъ же — чтобы на

наглядномъ примѣрѣ показать важность этого открытія,—что, согласно теоріи Тиле, христіанство, заключающее въ своей сердцевинѣ элементъ богочеловѣчества, этимъ самымъ отходитъ къ группѣ арійскихъ религій, и притомъ не только то христіанство, которое оформилось въ III-мъ вѣкѣ работой греческихъ богослововъ, но и самое исконное, христіанство Іисуса Христа. Повторяю: основанная Христомъ религія съ самаго начала сознавалась какъ имъ, такъ и окружающимъ его іудейскимъ міромъ, какъ теантропическая, а, стало быть, какъ несемитская религія. „Заклинаю тебя Богомъ Живымъ, скажи намъ, ты ли Мессія, Сынъ Божій?“ — спрашивали первосвященники Іисуса; торжественность заклинанія доказываетъ намъ, что въ этомъ вопросѣ сосредоточена догматическая сущность новой религіи. Но въ этомъ вопросѣ заключено два представленія: Іисусъ-Мессія и Іисусъ-Сынъ Божій. И насколько первое представленіе объ Іисусѣ-Мессіи было основано на данныхъ іудейской религіи, настолько второе представленіе объ Іисусѣ-Сынѣ Божьемъ ей противорѣчитъ, имѣя свои корни въ религіи арійскаго, а именно эллинскаго народа. И нужно ли говорить, что именно это второе представленіе объ Іисусѣ какъ Сынѣ Божьемъ, объ Іисусѣ какъ Богочеловѣкѣ сдѣлало христіанство тѣмъ, чѣмъ оно было, есть и, надѣемся, будетъ во вѣки вѣковъ? Іисусъ-Мессія заглохъ бы на берегу Іордана, подобно столькимъ мессіямъ до и послѣ него, но Іисусъ-Сынъ Божій побѣдилъ весь міръ.

Исходя изъ этого основного факта, я въ одной изъ своихъ религіозно-историческихъ статей позволилъ себѣ назвать античную религію, съ ея идеей богочеловѣка, настоящимъ Ветхимъ Завѣтомъ нашего христіанства. Само собою разумѣется, что въ этихъ словахъ не заключается никакого даже формальнаго приравненія христіанства къ античной религіи. Нѣтъ: будучи приближено къ античной религіи самой идеей богочеловѣчества, отсутствующей у семитовъ, христіанство отличается отъ нея существенно пониманіемъ этой идеи. Говоря кратко—*богочеловѣкъ христіанской религіи есть спаситель рода человѣческаго, между тѣмъ какъ богочеловѣкъ античной религіи*, какъ и арійскихъ религій вообще, *представляется спасителемъ царства боговъ*. Двойная эволюція потребовалась для этого перехода языческаго богочеловѣка въ христіанскаго. Съ одной стороны возвысилось понятіе о божествѣ: перенесенное съ какого-нибудь земного Олимпа или Асгарда въ надзвѣздныя высоты, оно перестало быть зависимымъ отъ земныхъ или подземныхъ силъ, перестало, такимъ образомъ, нуждаться въ спасеніи со стороны человѣка. Обратнаго рода эво-

люцію испытало представленіе о человѣкѣ: изъ гордаго своей самобытностью Прометеева потомка онъ превратился въ приниженное, погрязшее въ грѣхѣ существо, все сильнѣе и настойчивѣе просящее, чтобы рука помощи была ему протянута свыше. И та, и другая эволюція можетъ быть прослѣжена въ отдѣльныхъ своихъ фазисахъ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ античной религіи. Насъ, однако, здѣсь будетъ интересовать не она, а самая идея богочеловѣка, какъ намѣченнаго рокомъ спасителя царства боговъ.

Удобство обработки темы требуетъ нѣкотораго ея съуженія. Мы видѣли, что идея богочеловѣчества присуща арійскимъ религіямъ вообще; это вѣрно, и читатель, напр., индійской „Сакунталы“ съ удовольствіемъ отмѣтитъ черты, характеризующія ея героя Душьянту какъ богочеловѣка религіи Индры. Но мы ими здѣсь заниматься не будемъ. Для сравненія достаточно двухъ религій; таковыми будутъ у насъ двѣ наиболѣе близкія и извѣстныя намъ, греческая и германская. Нашъ краткій религіозно-морфологическій очеркъ будетъ посвященъ обоимъ богочеловѣкамъ германской и греческой саги, Зигфриду и Гераклу.

II.

Мнѣ пріятно указать здѣсь на одинъ очень красивый обычай, вотъ уже нѣсколько лѣтъ существующій у насъ въ С.-Петербургѣ на нашей казенной сценѣ и, повидимому, прочно привившійся. А именно: въ теченіе великопостныхъ недѣль, предшествующихъ Страстной, нашъ Маріинскій театръ ставитъ музыкальную трагедію богочеловѣка древне-германской религіи: „Кольцо Нибелунга“, Р. Вагнера. Такъ-то передъ торжественными днями, посвященными переживанію христіанскимъ міромъ великой новозавѣтной мистеріи, многіе изъ насъ получаютъ возможность углубиться въ созерцаніе очень глубокомысленной мистеріи той религіи, въ которой мы признали своего рода Ветхій Завѣтъ нашей.

Въ чемъ же сущность этой мистеріи?

Въ ея основаніи лежитъ идея о предвѣчности и вѣчности божественной Земли, Эрды, и о преходящести возникшаго во времени высшаго бога, Вотана. Центръ земли и ея жизни—это родникъ Судьбы у корней мірового ясеня; здѣсь пророчицы судьбы, норны, поютъ вѣсть Земли, считывая ее съ нитей золотого каната, прикрѣпленнаго къ міровому ясеню. Но вотъ къ роднику

приходитъ Вотанъ; цѣною своего глаза онъ добываетъ право отломить вѣтвь мірового ясеня. Это отнынѣ его копье; на немъ онъ пишетъ руны договора, подчиняющаго ему силы вселенной. Но нѣтъ золота вѣчности во власти, пріобрѣтенной договоромъ: основанный на обоюдности услуги и воздаянія, договоръ подчиняетъ себѣ своего господина, и этотъ послѣдній не можетъ увеличить своей силы въ одной области, не уменьшая ея въ другой. За твердыню Валгаллы, построенную исполинами, Вотанъ долженъ заплатить имъ даромъ молодости и любви, воплощеннымъ во Фреѣ, а выкупить Фрею онъ можетъ не иначе, какъ жертвуя символомъ власти—проклятымъ кольцомъ Нибелунга. Такъ владыка копья сталъ рабомъ начертаннаго на немъ договора; онъ не можетъ отвратить рокового дня, когда необузданныя силы Земли, соединившись, придутъ разрушать основанное имъ свѣтлое царство, и изъ пламени Валгаллы взойдутъ, предвѣщая вѣчную ночь, „сумерки боговъ“.

Онъ самъ этого дня отвратить не можетъ; но не могъ ли бы за него отвратить его другой — отпрыскъ его крови, сынъ смертной жены, который, ничѣмъ не обязанный своему божественному родоначальнику, не былъ бы связанъ и угнетающимъ его договоромъ и этимъ самымъ былъ бы сильнѣе его? И вотъ передъ глазами Вотана сверкнула идея меча—того меча, который разрубитъ копье съ рунами договора. Онъ идетъ въ люди, беретъ въ образѣ смертнаго Вельзе смертную жену, дѣлается отцомъ близнецовъ, Зигмунда и Зиглинды. Ихъ онъ предоставляетъ своей участи, чтобы они ничѣмъ не были обязаны ему; только завѣтный мечъ онъ вонзаетъ глубоко въ дерево, чтобы онъ, въ минуту крайней опасности, явился спасителемъ его сына. И этотъ сынъ растетъ, не признавая угнетающихъ людей договоровъ, руководимый только своей собственной волею и любовью. Онъ находитъ послѣ долгой разлуки свою сестру женой мрачнаго мужа; что̀ ему въ томъ, что она—чужая жена, а ему сестра? Онъ ее любитъ по закону весны, а отъ врага его спасетъ завѣтный мечъ его отца, который онъ добываетъ вмѣстѣ съ нею. Но увы! Этотъ мечъ исходитъ отъ Вотана, вынужденнаго въ силу договора выступить защитникомъ чистоты брака противъ роднаго сына и спасителя. Мечъ разбивается о руны Вотанова копья—Зигмундъ гибнетъ. Но идея богочеловѣка не гибнетъ вмѣстѣ съ нимъ: ее спасаетъ дѣва—Валкирія, Брюнгильда.

Эта дѣва—второй символъ силы Вотана, обособившейся отъ своего творца. Какъ дочь Вотана и Эрды, она исполняетъ волю

своего отца; но почувствовавъ, что эта воля здѣсь сама невольна, какъ раба договора, — она возмущается противъ отца, заступается за Зигмунда въ его роковомъ бою и послѣ его паденія спасаетъ Зиглинду и осколки меча. Этимъ самымъ она спасаетъ и зародышъ второго богочеловѣка—сына Зигмунда и Зиглинды. Но за ослушаніе и ее, въ силу того же договора, ждетъ кара: Вотанъ снимаетъ съ нея безсмертіе и усыпляетъ, среди моря пламени, на вершинѣ скалы.

Сынъ Зигмунда и Зиглинды—это и есть Зигфридъ, второй и совершеннѣйшій богочеловѣкъ; въ немъ, наконецъ, идея богочеловѣчества, послѣ второй, такъ сказать, закалки, достигаетъ силы, превосходящей свой источникъ. Вотану онъ уже ничѣмъ не обязанъ; даже свой мечъ, свое единственное оружіе, онъ сковалъ себѣ самъ изъ спасенныхъ Брюнгильдой осколковъ. Самъ не зная, что онъ дѣлаетъ, онъ добываетъ кольцо Нибелунга, символъ міровой власти, у обладавшаго имъ змѣя-исполина. Не власть ему нужна. Движимый смутнымъ влеченіемъ любви, онъ идетъ освобождать спящую среди пламени невѣсту. Тщетно Вотанъ преграждаетъ ему путь: теперь его копье разбивается отъ удара самовольнаго меча Зигфрида. Нѣтъ болѣе договора, подчинявшаго весь міръ Вотану, а его—року; есть только свободная власть, красующаяся на рукѣ Зигфрида въ видѣ рокового кольца. Куда поведетъ она своего носителя? Онъ самъ объ этомъ не думаетъ; освободивъ Брюнгильду, онъ оставляетъ ей свое кольцо; символъ власти сталъ залогомъ любви.

Тѣмъ временемъ и силы подземной глубины продолжаютъ свое тихое, мрачное дѣло, направленное къ разрушенію свѣтлаго царства боговъ. Тотъ Нибелунгъ, который однажды, отрекшись отъ любви, цѣною этого отреченія сковалъ себѣ кольцо власти и, будучи его лишенъ Вотаномъ путемъ хитрости, проклялъ его—онъ напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы овладѣть имъ вновь. По примѣру своего божественнаго противника, и онъ рождаетъ себѣ сына отъ смертной — жадной супруги царя Гибиха. Среди дѣтей послѣдняго, Гунтера и Гутруны, выростаетъ и сынъ Нибелунга, Гагенъ, антихристъ нашей саги. По его наущенію Гутруна подноситъ Зигфриду волшебную чашу: осушивъ ее, юный богатырь забываетъ о своей невѣстѣ, которую онъ самъ освободилъ на вершинѣ скалы, окруженной моремъ пламени. И онъ не только забываетъ о ней: обольщенный красотою Гутруны, онъ обѣщаетъ Гунтеру добыть для него Брюнгильду, принявъ волшебствомъ его образъ. Замыселъ удается: проклятое кольцо опять на рукѣ у Зигфрида, какъ трофей его побѣды надъ Брюн-

гильдой; послѣдняя же, ставъ насильственно женой Гунтера, видитъ среди его свиты своего прежняго мужа женихомъ Гутруны. Тутъ ея прежняя любовь переходитъ въ ярость: она выдаетъ Гагену то мѣсто, гдѣ можно пронзить желѣзомъ непроницаемое тѣло Зигфрида, и богочеловѣкъ гибнетъ отъ копья сына Нибелунга на охотѣ, устроенной въ прирейнскихъ лѣсахъ. На этотъ разъ гибель его окончательна: царство Вотана некому больше спасти. Но и Гагену не удается овладѣть кольцомъ своего отца: его беретъ, какъ свое законное наслѣдіе, прозрѣвшая Брюнгильда и бросаетъ въ волны Рейна, прежде чѣмъ броситься самой въ огненныя волны сооруженнаго для Зигфрида костра. Выше и выше вздымаются эти волны — тонетъ въ нихъ Валгалла, сумерки спускаются надъ царствомъ боговъ.

III.

Я передалъ подробно сущность дивнаго творенія Вагнера, такъ какъ оно по замыслу автора должно было быть не столько твореніемъ, сколько, такъ сказать, востворенiемъ — воспроизведеніемъ древнѣйшаго божественнаго миѳа германскаго народа. Вагнеръ былъ не только композиторомъ и поэтомъ, но и философомъ, и филологомъ; въ качествѣ послѣдняго онъ усердно и могуче, подобно своему Зигфриду, сковалъ мечъ древнѣйшей саги изъ осколковъ эддическихъ пѣсенъ. Правда, его имя не упоминается среди изслѣдователей преданія о Нибелунгахъ. Что дѣлать. Онъ былъ, увы, филологомъ, но и философомъ, и не только философомъ, но и поэтомъ, и не только поэтомъ, но и композиторомъ — а тутъ въ глазахъ филологовъ цеха одна рекомендація хуже другой. Такъ-то и здѣсь оправдались сложенные про мастеровъ музыкальнаго цеха язвительные стихи Вагнера:

Denn wer als Meister ist geboren,
Unter Meistern hat der schweren Stand [1]).

Не будемъ, однако, несправедливы къ мастерамъ: само собою разумѣется, что Вагнеръ-филологъ, не будучи спеціалистомъ, страдалъ нѣкоторымъ дилеттантизмомъ, что у него зачастую поэтическая интуиція занимала мѣсто филологическаго метода. Болѣе строгій филологъ, всматриваясь въ швы Вагнеровскаго меча, укажетъ немало такихъ, гдѣ эддическіе осколки были имъ не-

[1]) Ибо кто мастеромъ родился, тому среди мастеровъ туго живется.

правильно спаяны; но сущность дѣла отъ этого не измѣнится, лишь бы основной принципъ оказался вѣрнымъ.

Какой же основной принципъ? Онъ совпадаетъ съ началомъ четвертаго Евангелія и гласитъ вкратцѣ: въ началѣ былъ Логосъ. Въ этомъ вся суть. Вѣрить въ этотъ принципъ необязательно; филологъ имѣетъ право требовать доказательства. Есть, однако, филологи, которые не довольствуются критическимъ отношеніемъ къ сторонникамъ Логоса, а незамѣтно для себя самихъ исходятъ отъ противоположнаго принципа: „въ началѣ была алогія“—и считаютъ самую идею Логоса въ построеніяхъ своихъ противниковъ доказательствомъ неправильности этихъ построеній. Вотъ съ этими-то „алогіанами“ необходима серьезная борьба. Можно не постулировать Логоса въ развитіи миѳовъ, но не должно постулировать алогіи.

„Въ началѣ былъ Логосъ“—это значитъ въ данномъ случаѣ вотъ что: въ началѣ была вѣра въ возникшаго во времени бога и въ грозящую ему отъ силъ Земли гибель; на фонѣ этой вѣры развивается драма богочеловѣка, который одинъ могъ бы отвратить эту гибель, но самъ гибнетъ раньше, и гибнетъ вслѣдствіе ревности той божественной дѣвы, для которой онъ дороже всего на свѣтѣ. Согласно этому логосу Зигфридъ—съ самаго начала отпрыскъ высшаго бога Вотана-Одина, рожденный смертною человѣкъ божественнаго сѣмени. Такъ намъ и представляетъ дѣло древнѣйшая трагедія, которую мы возстановляемъ главнымъ образомъ изъ Эдды и изъ саги о Вельзунгахъ. Это не значитъ, что генеалогія Вагнера во всѣхъ подробностяхъ правильна: отожествляя Вельзе, отца Зигмунда, съ Вотаномъ, онъ дѣйствуетъ скорѣе по поэтическимъ соображеніямъ, чтобы не осложнять еще болѣе и безъ того сложную драму. Филологія этого отожествленія не допускаетъ; а такъ какъ Вотанъ-Одинъ былъ все-таки родоначальникомъ рода Вельзунговъ, то скорѣе правдоподобно, что по древнѣйшему представленію этотъ предполагаемый Вельзе былъ сыномъ Вотана. Оно и лучше: такимъ образомъ мы получаемъ въ послѣдовательномъ чередованіи Вельзе, Зигмунда и Зигфрида—тройную закалку божественнаго сѣмени. Это и само по себѣ правдоподобнѣе въ силу всеобщаго магическаго значенія троицы, и подтверждается, какъ мы увидимъ, параллелизмомъ греческой саги. Но это не существенно: для логоса важно только, чтобы Зигфридъ остался отпрыскомъ высшаго бога—а эту данную онъ не постулируетъ, а находитъ въ древнѣйшей доступной для насъ традиціи. Отсюда дальнѣйшій выводъ: разъ Зигфридъ, рожденный Вотаномъ, богочеловѣкъ, то его драма связана съ

той божественной драмой, развязкой которой были сумерки боговъ.

Но вотъ, съ принятіемъ христіанства, и эти сумерки разсѣялись. Вотанъ сталъ вождемъ „дикой рати“, бушующей по ночамъ равноденствія въ лѣсахъ горной цѣпи, за которой осталось его имя (Оден-вальдъ); его связь съ героической сагой распалась сама собой. Эта послѣдняя не была забыта, такъ какъ не было никакой причины предавать ее забвенію, разъ она могла быть обособлена отъ языческаго миѳа. Итакъ, Зигфридъ, сынъ Зигмунда и Зиглинды, убиваетъ змѣя и купаньемъ въ его крови пріобрѣтаетъ неуязвимость, добываетъ золото Нибелунговъ и шлемъ превращеній, освобождаетъ спящую Брюнгильду, отправляется на новые подвиги, знакомится съ Гунтеромъ и Кримгильдой-Гутруной стариннаго преданія, пьетъ изъ ея рукъ напитокъ забвенія... Позднѣе этотъ напитокъ забвенія показался неправдоподобнымъ или, можетъ быть, народное преданіе пожелало очистить своего любимаго героя даже отъ невольной невѣрности: приключеніе Зигфрида и Брюнгильды было предано забвенію, при чемъ, однако, не удалось стереть всѣ слѣды прежняго знакомства Зигфрида съ невѣстой царя Гунтера. Какъ бы то ни было, по позднѣйшему преданію, Кримгильда—единственная невѣста героя; Брюнгильду онъ сватаетъ для своего шурина. Она не названа валкиріей, но сверхчеловѣческая сила таковой за ней осталась: побороть ее Гунтеръ не можетъ, это дѣлаетъ за него Зигфридъ, принявшій, благодаря шлему превращеній, видъ Гунтера. Въ послѣдней борьбѣ онъ безъ видимой причины отнимаетъ у обманутой женщины кольцо и поясъ и даритъ ихъ своей женѣ Кримгильдѣ. Вполнѣ понятно, что вслѣдствіе происшедшихъ измѣненій и сцена столкновенія обѣихъ женщинъ теряетъ значительную долю своего первоначальнаго трагизма: она сводится къ довольно вульгарному мѣстничеству, при чемъ Кримгильда, торжествуя, показываетъ своей противницѣ знакомые ей кольцо и поясъ и этимъ рѣшаетъ споръ. Все же здѣсь поворотный пунктъ: мстительная Брюнгильда поручаетъ Гагену убійство своего оскорбителя; Гагенъ путемъ обмана узнаетъ отъ простодушной Кримгильды единственное мѣсто, гдѣ ея супругъ уязвимъ, и убиваетъ его на охотѣ. Убійство обставлено очень красиво, но, за отсутствіемъ рокового заблужденія со стороны Брюнгильды, и здѣсь нѣтъ никакого трагизма: Зигфридъ падаетъ жертвой собственнаго легкомыслія, сказавшагося въ оскорбленіи, которое онъ нанесъ ни въ чемъ передъ нимъ неповинной женщинѣ и королевѣ.

Такова послѣдняя форма очеловѣченной саги о Зигфридѣ; ее даетъ знаменитая „пѣснь о Нибелунгахъ“, національный эпосъ германскаго народа. Убѣдительна ли представленная нами здѣсь — и, разумѣется, ничуть не претендующая на оригинальность — эволюція? Полагаю, что она имѣетъ всѣ данныя считаться таковою. Прежде всего, она вполнѣ соотвѣтствуетъ хронологической послѣдовательности сохраненныхъ или добытыхъ путемъ заключенія источниковъ отдѣльныхъ стадій развитія преданія. Затѣмъ и причина послѣдовательнаго измѣненія до очевидности ясна: разъ божественный миѳъ предшествовалъ героической сагѣ, то ясно, что именно изгнаніе боговъ и должно было вызвать развитіе саги изъ миѳа, т.-е. его очеловѣченіе. Такъ-то Логосъ не постулируется нами, но вносится эволюціею преданія извнѣ: онъ заключенъ въ ней, и требуется принципіально враждебное къ нему отношеніе для того, чтобы перевернуть естественный ходъ событій и признать за Зигфридомъ-героемъ временное первенство передъ Зигфридомъ-богочеловѣкомъ, за человѣческой сагой — первенство передъ божественнымъ миѳомъ.

Это и есть точка зрѣнія тѣхъ филологовъ, которыхъ я выше назвалъ „алогіанами“. По ихъ теоріи въ началѣ существовала въ прирейнской Германіи, безъ всякой связи съ божественнымъ миѳомъ, сага о Зигфридѣ, побѣдителѣ змѣя и освободителѣ спящей на скалѣ среди пламени Брюнгильды; затѣмъ эта сага была перенесена на скандинавскій сѣверъ и поставлена въ связь съ божественнымъ миѳомъ, при чемъ высшій богъ Вотанъ-Одинъ былъ сдѣланъ родоначальникомъ Вельзунговъ, а съ ними и Зигфрида-Сигурда. При этомъ толкованіи миѳъ о богочеловѣкѣ если не упраздняется совсѣмъ, то все же пріурочивается не къ исконному, а къ производному фазису развитія преданія, въ началѣ котораго оказывается не Логосъ, а алогія.

Критика этой теоріи не можетъ быть содержаніемъ настоящаго очерка; полагаю, однако, что нижеслѣдующій параллелизмъ косвенно сослужитъ намъ и эту критическую службу. Мы перенесемся съ германской почвы на греческую и прослѣдимъ здѣсь развитіе саги о богочеловѣкѣ; ея близкое родство съ германской докажетъ намъ исконность также и этой послѣдней.

IV.

Мы видѣли выше, что оба главныхъ стадія развитія германской саги — божественный и очеловѣченный — нашли свое поэтиче-

ское воплощеніе: первый—въ пѣсняхъ Эдды, второй—въ пѣсни о Нибелунгахъ. Для греческой саги у насъ нѣтъ источника, который можно было бы сопоставить съ Эддой; древнѣйшую форму преданія мы возстановляемъ изъ разныхъ намековъ и случайныхъ слѣдовъ, сохраненныхъ намъ болѣе поздними авторами. Очеловѣченную форму миѳа представлялъ одинъ изъ эпосовъ такъ называемаго „цикла", а именно пѣснь „о взятіи Эхаліи". Она намъ не сохранена; зато сохранена трагедія, содержаніе которой почерпнуто изъ этой пѣсни. Это—„Трахинянки" Софокла. Съ нея мы и начнемъ.

Объ одномъ, однако, я считаю нужнымъ предупредить читателя. Еслибы мы могли привлечь къ сравненію обѣ исконныя формы преданія, германскую и греческую, то ихъ родство бросилось бы читателю въ глаза; тогда мнѣ и не пришлось бы писать этихъ строкъ, такъ какъ то открытіе, которое я имѣю въ нихъ сообщить, давнымъ давно было бы сдѣлано другими. Но это, повторяю, невозможно: мы исходимъ изъ очеловѣченной саги. А какимъ измѣненіямъ подвергается таковая, объ этомъ свидѣтельствуетъ нѣмецкая пѣснь о Нибелунгахъ; много ли осталось въ ея Зигфридѣ отъ прежняго богочеловѣка? Неудивительно, поэтому, что и сходство германской саги съ греческой на почвѣ *очеловѣченной* формы послѣдней—а именно трагедіи Софокла—окажется не очень разительнымъ; но, конечно, и оно не ускользнетъ отъ вниманія подготовленнаго читателя.

Ея фабула заключается въ слѣдующемъ.

Мимо Плеврона въ Этоліи протекала великая греческая рѣка Ахелой; ея богъ, по неизвѣстной намъ причинѣ, получилъ права на прекрасную Деяниру, дочь плевронскаго царя Энея (Oeneus). Нѣсколько разъ приходилъ онъ напоминать о нихъ; наконецъ, былъ назначенъ послѣдній срокъ, когда Деянирѣ придется проститься съ родителями и послѣдовать за своимъ нелюбимымъ женихомъ. Въ это время въ Плевронъ явился молодой Гераклъ; могучій богатырь понравился царевнѣ, да и она полюбилась ему; онъ сразился съ Ахелоемъ, побѣдилъ его. Деянира стала его женой.

У Геракла былъ, однако, повелитель—аргосскій царь Еврисѳей, подъ верховенствомъ котораго онъ княжилъ въ сосѣднемъ съ Аргосомъ городѣ Тиринѳѣ. Отпраздновавъ въ Плевронѣ свою свадьбу, онъ отправился со своей молодой женой въ путь, чтобы вернуться въ Тиринѳъ. Пришли они на своемъ пути къ рѣкѣ Евену; русло было глубокое, моста не было, перевозчикомъ служилъ кентавръ Нессъ, а перевозилъ онъ путниковъ на своей

собственной лошадиной спинѣ. Гераклъ довѣрилъ ему Деяниру; очутившись съ нею на серединѣ теченія, Несъ вздумалъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы нескромной рукой коснуться своей прекрасной ноши. Деянира вскрикнула; замѣтивъ, въ чемъ дѣло, Гераклъ пустилъ въ Несса стрѣлой, а его стрѣлы были отравлены ядовитой кровью лернейской гидры. Такъ-то Несъ заплатилъ жизнью за свою дерзость. Желая отомстить своему убійцѣ, онъ, напрягая послѣднія силы, донесъ Деяниру до другого берега и тамъ сказалъ ей, чтобы она взяла съ собою комъ его запекшейся крови; эта кровь, говорилъ онъ, будетъ для нея талисманомъ, благодаря которому Гераклъ уже ни одной женщины не полюбитъ послѣ нея. Не подозрѣвая коварства, заключеннаго въ этихъ двухсмысленныхъ словахъ, Деянира послушалась его совѣта, ничего не говоря о немъ мужу. Затѣмъ они безъ дальнѣйшихъ приключеній пришли въ Тиринѳъ.

Въ Тиринѳѣ для Деяниры началась скучная, томительная жизнь. Ея супругъ былъ постоянно въ отлучкѣ, будучи посылаемъ Еврисѳеемъ то на одинъ подвигъ, то на другой; съ нетерпѣніемъ дожидалась она того дня, когда срокъ его службы прекратится. Онъ долго заставилъ ждать себя. Старшій изъ сыновей, которыхъ она родила Гераклу, Гиллъ, успѣлъ вырасти, при чемъ ей ни разу не пришлось вспомнить о Нессовомъ талисманѣ. Когда же ожидаемый день наконецъ насталъ, то вмѣстѣ съ нимъ явилось и новое горе на смѣну старому. Его причина заключалась въ слѣдующемъ.

Евритъ, царь евбейскаго города Эхаліи, былъ отцемъ многихъ дѣтей, изъ которыхъ наиболѣе славились старшій сынъ, „могучій“ Ифитъ, и красавица дочь, „свѣтлокудрая“ Іола. Ставъ гостемъ Еврита въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ странствованій, Гераклъ особенно подружился съ Ифитомъ; но и Іолѣ его образъ запалъ въ душу, и она стала мечтать о томъ, какъ бы ей стать женой славнаго богатыря... Въ этой эхалійской исторіи многое остается для насъ неяснымъ, но нѣкоторыя данныя заставляютъ насъ догадываться, что Іола задумала достигнуть своей цѣли съ помощью волшебнаго напитка, который она поднесла Гераклу, сговорившись объ этомъ со своимъ братомъ, а его другомъ, Ифитомъ.

Любовь Геракла къ Іолѣ—поворотный пунктъ въ трагедіи его жизни. Когда ея отецъ, желая выдать дочь замужъ, объявилъ для ея жениховъ состязаніе съ его сыновьями въ стрѣльбѣ, то въ числѣ жениховъ явился и Гераклъ. Съ помощью своего волшебнаго лука онъ легко побѣдилъ всѣхъ: какъ побѣдитель,

онъ потребовалъ Іолу для себя. Само собой разумѣется, однако, что Евритъ мужу Деяниры въ этомъ требованіи отказалъ. Съ двойною раною въ сердцѣ вернулся Гераклъ въ Тиринѳъ.

Затишье слѣдующихъ мѣсяцевъ было внезапно прервано приходомъ въ Тиринѳъ Ифита, отправившагося отыскивать славный табунъ коней, уведенныхъ разбойниками у его отца Еврита. Подъ гнетомъ невыносимаго позора, причиненнаго ему Евритомъ, Гераклъ рѣшился на недоброе дѣло. Онъ пригласилъ Ифита на высокую Тиринѳскую стѣну, какъ бы для того, чтобы указать ему уведенный табунъ, и тамъ сбросилъ его съ крутизны въ пропасть.

Убійство гостя, да еще коварное, требовало искупленія; искупить его могла только продолжительная рабская служба— таковъ былъ законъ. И вотъ самъ Зевсъ, отецъ Геракла, продаетъ своего сына въ рабство лидійской царицѣ Омфалѣ. Отъ семьи, однако, Гераклъ скрылъ свой позоръ: не говоря, куда онъ отправляется, но предвидя долговременную разлуку, онъ оставилъ Деянирѣ свое завѣщаніе, приказывая привести его въ исполненіе, если онъ въ данный срокъ—этотъ срокъ былъ ему указанъ додонскимъ оракуломъ — не вернется обратно. Затѣмъ онъ ушелъ.

Но и семья преступника не могла долго оставаться въ оскверненномъ преступленіемъ Тиринѳѣ. Къ счастью другъ Геракла, трахинскій царь Кеикъ, согласился дать ей убѣжище въ своемъ городѣ, что въ Ѳессаліи, близъ Ѳермопилъ, на склонѣ Эты. Здѣсь, въ Трахинѣ, для Деяниры началась новая разлука, самая мучительная изъ всѣхъ. Въ своемъ одиночествѣ она коротала долгіе дни тѣмъ, что ткала своему мужу роскошный плащъ, какъ украшеніе того дня, когда онъ вернется и совершитъ благодарственное жертвоприношеніе за счастливое исполненіе своего таинственнаго для Деяниры замысла.

Годъ рабства, между тѣмъ, прошелъ; но сильнѣе ныла та двойная рана, которую Гераклъ унесъ изъ Эхаліи. Теперь онъ былъ чистъ; набравъ вольную рать изъ пришлыхъ людей, онъ повелъ ее противъ Эхаліи. Недолго продолжалась осада: когда назначенный оракуломъ срокъ наступилъ, Эхалія стала добычей побѣдителей. Евритъ и все мужское населеніе было перебито, Іола же „среди крови, среди пламени“ утолила долгую страсть своего новаго господина.

Угаръ прошелъ; надлежало подумать о возвращеніи. Какъ представлялъ себѣ Гераклъ свою дальнѣйшую жизнь? Не знаемъ. Пока онъ Іолу съ прочей добычей отправилъ домой, довѣ-

ривъ ее своему другу и глашатаю Лихасу, самъ же на время остался въ Евбеѣ, чтобы на Кенейскомъ мысѣ воздвигнуть алтарь Зевсу и принести ему благодарственныя жертвы за счастливый исходъ эхалійскаго предпріятія. Это и есть тотъ пунктъ, когда начинается дѣйствіе нашей трагедіи.

V.

Остановимся здѣсь на минуту. Какъ видитъ читатель, неотвратимымъ взмахомъ колеса судьбы подготовлена та сцена, въ которой должны встрѣтиться обѣ женщины, раздѣлившія любовь Геракла. Вездѣ, гдѣ миѳъ о богочеловѣкѣ получилъ художественную обработку, эта сцена стоитъ въ центрѣ интереса; здѣсь—апогей паѳоса трагедіи богочеловѣка, здѣсь же и ея поворотный пунктъ. И все же можно сказать, что нигдѣ еще этотъ паѳосъ не нашелъ себѣ такого полнаго выраженія, при которомъ всѣ скрытыя въ немъ силы вырвались бы наружу, подобно спертымъ въ ущельѣ вѣтрамъ, и произвели бы соотвѣтствующую ихъ мощи бурю аффектовъ: вездѣ мы наталкиваемся на какой-нибудь сдерживающій моментъ—быть можетъ безсознательно подсказанный поэту его тактомъ и чувствомъ предѣловъ поэтической силы. Самое бурное выраженіе страсти мы имѣемъ у Вагнера, у котораго музыка могла придти на помощь поэзіи; но и здѣсь сдерживающій элементъ данъ въ незнаніи Гутруны, которая, сама обманутая, видитъ въ Брюнгильдѣ только свою насильно добытую невѣстку и даже не подозрѣваетъ, что она была ея предшественницей въ обладаніи любовью Зигфрида.

У Софокла отношенія обратныя: Іола знаетъ, что ей суждено предстать передъ исконной и законной супругой своего любовника, но Деянира не знаетъ, что въ лицѣ плѣнницы своего мужа—точнѣе говоря, одной изъ его плѣнницъ—она имѣетъ передъ собой свою разлучницу. Знаетъ объ этомъ глашатай Лихасъ, получившій отъ своего повелителя затруднительное порученіе пристроить его новую подругу въ домѣ его жены. Но и Лихасъ знаетъ не все: онъ не знаетъ, что эта жена—кроткая голубица и всего менѣе заслуживающая той участи, которую онъ ей готовитъ. Выросшій въ грубой солдатской средѣ и никогда раньше не видѣвшій Деяниры, онъ представлялъ себѣ ее, надобно полагать, немолодой и некрасивой, подозрительной и сварливой женщиной; ужъ, конечно, она была таковой, коль скоро Гераклъ, его боготворимый вождь, рѣшилъ ей на смѣну

послать Іолу. Онъ не торопится исполнить свое порученіе; отъ законной супруги, все равно, награды не будетъ. Окруженный на городскомъ выгонѣ толпой трахинянъ, жадно распрашивающихъ его о Геракле, онъ разсказываетъ имъ обо всемъ, ничуть не щадя Деяниру; когда же трахиняне, знавшіе и любившіе Деяниру, къ его рѣчи относятся недовѣрчиво, онъ подъ клятвой имъ подтверждаетъ, что дѣйствительно Іолѣ предстоитъ сдѣлаться новой женой Геракла. Среди его слушателей нашелся одинъ разсчетливый человѣкъ, сообразившій, что въ вѣсти Лихаса, все-таки, заключается и радостная для Деяниры частица; онъ рѣшается предупредить ею Лихаса—но, разумѣется, только ею,—чтобы получить отъ обрадованной госпожи положенные за благое извѣстіе дары.

Слѣдующую за его появленіемъ сцену позволю себѣ передать словами поэта. „Трахинянки“—его наименѣе извѣстная у насъ трагедія; даже стихотворнаго перевода по-русски не имѣется. Въ виду этого смѣю разсчитывать на нѣкоторый интересъ читателя къ приводимому образцу.

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Съ лѣвой стороны поспѣшно приближается увѣнчанный зеленой вѣтвью вѣстникъ. Это пожилой, но еще бодрый трахинецъ; въ его голосѣ, манерѣ говорить слышится, кромѣ наивнаго корыстолюбія, также и неподдѣльное участіе къ Деянирѣ.

Вѣстникъ.

Моя царица, первымъ изъ гонцовъ
Освобожу тебя отъ страха. Мужъ твой
Живъ, побѣдилъ и дань побѣды славной
Несетъ роднымъ Трахина божествамъ.

Дѣвушки съ радостными криками толпятся вокругъ Деяниры, поздравляя ее; она стоитъ какъ бы въ оцѣпенѣніи, едва вѣря своимъ ушамъ.

Деянира.

Что ты сказалъ, старикъ? Скажи еще разъ.

Вѣстникъ.

Сказалъ, что вскорѣ твой супругъ желанный
Вернется къ намъ съ побѣдоносной ратью.

Деянира.

Кто вѣсть принесъ? Трахинецъ, иль чужой?

Вѣстникъ.

Его жъ товарищъ все намъ разсказалъ,
Глашатай Лихасъ, тамъ, гдѣ скотъ пасется.
Я жъ, услыхавъ, къ тебѣ бѣжать пустился,
Чтобъ первымъ даръ и милость заслужить.

Деянира—*удивленно.*

Чего жъ онъ медлитъ, если вѣсть благая?

Вѣстникъ—*послѣ едва замѣтной заминки.*

Не такъ легко пройти ему, царица.
Его народъ малійскій обступилъ
Съ распросами, дорогу преграждая.
Вѣдь кто тоску по комъ питаетъ, тотъ
Не отойдетъ, не насладившись вдоволь.
Такъ-то и онъ, ихъ волѣ угождая,
Своей лишился; но придетъ онъ скоро.

Деянира—*молитвенно простирая руки по направленію къ Этѣ, съ жаромъ.*

О Зевсъ, властитель Эты заповѣдной!
Ты позднюю, но свѣтлую далъ радость.

Быстро направляясь къ портику.

Запойте пѣсню, вы, что въ домѣ нашемъ,
Что у дверей. Нежданнымъ солнцемъ яснымъ
Взошла та вѣсть, что̀ жизнь мнѣ принесла.

Уходитъ въ домъ. Кормилица подходитъ къ вѣстнику и уводитъ его черезъ ворота во дворъ.

22530

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Дѣвушки обращаются къ кумирамъ Аполлона и Артемиды. Челядь Деяниры высыпаетъ изъ дому; кто выходитъ въ портикъ, другіе толпятся у воротъ. Нѣсколько прислужницъ подходятъ къ алтарямъ Аполлона и Артемиды и воскуряютъ на нихъ ѳиміамъ; въ это время старшая дѣвушка поетъ слѣдующую пѣснь, при чемъ прочія сопровождаютъ ее мѣрными движеніями, а музыка—игрой на киѳарѣ.

Старшая дѣвушка.

Въ свадебномъ весельѣ
Возликуй, чертогъ!
Дружной пѣсней славьте,
Юноши, владыку:
Аполлонъ вамъ внемлетъ,
Сребролукій богъ.
Пойте, дѣвы, звонко:
„О пэанъ, пэанъ!“
Ту, что въ мракѣ ночи
Свѣточи возноситъ,
Чья стрѣла пугливыхъ
Ланей поражаетъ —
Ваша да прославитъ
Артемиду пѣсня,
Съ ней сосѣднихъ нимфъ.

Прислужницы подходятъ къ обоимъ другимъ алтарямъ—Діониса и Гермеса. Характеръ музыки мѣняется: вмѣсто строгихъ звуковъ киѳары слышатся шумные, восторженные напѣвы флейты. Дѣвушки хора срываютъ по вѣткѣ плюща; одна изъ нихъ поетъ, прочія сопровождаютъ ея пѣніе веселой пляской.

Вторая дѣвушка.

Помчусь и восторженной пляской
Отвѣчу на флейты призывъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Ты видишь, меня возбуждаетъ
Твой плющъ, эвоэ! всемогущій
Владыка ума моего!
Въ вакхической радости гонитъ
Прислужницъ своихъ Діонисъ.

ЧЕТВЕРТАЯ СЦЕНА.

Съ лѣвой стороны появляются на сцену нѣсколько ратниковъ; за ними рабы ведутъ муловъ, навьюченныхъ золотыми, серебряными и мѣдными сосудами, или парчами и другими матеріями, или виномъ; за ними, тоже въ сопровожденіи рабовъ, скотъ; шествіе замыкаетъ глашатай Лихасъ (*съ жезломъ въ рукахъ*) и отрядъ плѣнницъ, среди которыхъ находится Іола. Рабы Деяниры указываютъ ратникамъ ворота во дворъ; всѣ направляются туда, въ медленномъ шествіи проходятъ передъ зрителями.

Всѣ дѣвушки.

Іо, Іо, пэанъ!

Тѣмъ временемъ изъ дома выходитъ Деянира, въ роскошномъ облаченіи царицы, сіяя счастьемъ и красотой. Завидѣвъ ее, старшая дѣвушка подходитъ къ ней, обнимаетъ ее и говоритъ, указывая рукой на шествіе.

Старшая дѣвушка.

Смотри, смотри, подруга!
Лицомъ къ лицу блаженство
Ты видишь наконецъ.

Деянира—*въ радостномъ упоеніи.*

Да, милая. Отъ стражи глазъ не скрылся
Видъ этотъ—долго я ждала его.

Мало-по-малу передняя и средняя части шествія проходятъ передъ Деянирой; показывается Лихасъ съ плѣнницами, изъ которыхъ нѣкоторыя рыдаютъ, другія равнодушно разговариваютъ между собою; одна только Іола слѣдуетъ за Лихасомъ въ горделивомъ молчаніи, съ заплаканными, но въ настоящую минуту сухими глазами. Увидя Лихаса, Деянира быстро идетъ ему навстрѣчу.

Тебѣ, глашатай, первый мой привѣтъ,
Давно желанный —

(Лихасъ, до сихъ поръ наблюдавшій за плѣнницами, быстро оборачивается къ Деянирѣ. Догадавшись, кто передъ нимъ, онъ потупляетъ глаза; видно, что онъ всѣми силами старается побороть овладѣвшее имъ смущеніе. Деянира, удивленная его поведеніемъ, нѣсколько отступаетъ, прибавляя въ полголоса:)

—если только радость
Ты мнѣ несешь.

Лихасъ — *послѣ отчаяннаго усилія надъ собою.*

Да, госпожа моя.
Сколь радостенъ привѣтъ твой, столь отраденъ
И нашъ приходъ. За добрыя дѣла
Достойно добрыми встрѣчать словами.

Деянира—*съ прежнимъ жаромъ.*

О дорогой, на первый мой вопросъ
Отвѣтъ дай первый: встрѣчу ль я живымъ
Геракла?

ЛИХАСЪ—*съ напускной веселостью.*

Я живымъ его оставилъ,
Цвѣтущимъ, сильнымъ, безъ слѣда болѣзни.

ДЕЯНИРА.

Въ странѣ родной? Иль варварской? Скажи.

ЛИХАСЪ.

Въ Евбеѣ. Тамъ въ Кенейскаго честь Зевса
Онъ жертвенникъ и рощу освящаетъ.

ДЕЯНИРА.

Обѣта долгъ? Иль приказанье бога?

ЛИХАСЪ.

Онъ далъ обѣтъ, когда съ оружьемъ браннымъ
(показывая на плынищ)
Ихъ городъ онъ поработить сбирался.

ДЕЯНИРА.

А кто онѣ, скажи мнѣ, и откуда?
Мнѣ жаль ихъ—если жалость тутъ умѣстна.

ЛИХАСЪ—*съ притворнымъ равнодушіемъ.*

Ихъ мужъ твой, взявъ Еврита градъ, богамъ
Наградой выбралъ и себѣ добычей.

ДЕЯНИРА.

Еврита градъ? Такъ подъ его стѣнами
Весь долгій срокъ разлуки онъ провелъ?

Тѣмъ временемъ у воротъ показывается, въ сопровожденіи двухъ рабовъ, трахинскій вѣстникъ. Онъ въ новомъ плащѣ и слегка навеселѣ: рабы хотятъ его увести, но слова Лихаса приковываютъ его вниманіе, и онъ остается, не смотря на настойчивыя приглашенія рабовъ.

ЛИХАСЪ—*не замѣчая вѣстника.*

Не весь. Онъ долго у лидійцевъ медлилъ
(Такъ говоритъ онъ самъ) не доброй волей,
А купленный...
(Видя, что Деянира вспыхиваетъ:)
Негодовать не должно
О томъ, что Зевсъ опредѣлилъ, жена.
Онъ, проданный лидіянкѣ Омфалѣ,
Исполнилъ годъ (такъ говоритъ онъ самъ)
И такъ былъ уязвленъ обидой этой,
Что клятву далъ виновника ея
Поработить съ женою и дѣтьми.
И слово мужа не пропало даромъ:
Очистившись, онъ вольницу набралъ
Изъ люда пришлаго—и двинулся
Подъ градъ Еврита.
(Деянира обрываетъ его вопросительнымъ движеніемъ.)
Онъ его виною
Считалъ своихъ страданій одного.
Къ нему однажды, какъ кунакъ старинный,

Онъ гостемъ въ домъ вошелъ. И что жъ? Хозяинъ
И въ рѣчи дерзкой гостя поносилъ—
Смѣясь, что онъ, владыка стрѣлъ волшебныхъ,
Стрѣлокъ презрѣнный предъ дѣтьми его,
Что онъ, на рабство волю промѣнявъ,
Побои терпитъ отъ господъ надменныхъ—
И на пиру его, въ хмѣльной отвагѣ,
Съ позоромъ со двора прогнать велѣлъ.
Вскипѣлъ ретивый мужъ. И вотъ, въ отместку,
Когда Ифитъ, ища табунъ заблудшій,
Его тиринѳскій замокъ навѣстилъ,
И внизъ смотря, но о другомъ мечтая,
Стоялъ на вышкѣ—тотъ его внезапно
Низвергнулъ въ бездну со стѣны крутой.
Но не простилъ ему лихого дѣла
Отецъ нашъ общій, олимпіецъ Зевсъ.
Онъ сына въ рабство продалъ—въ наказанье,
Что онъ врага—одинъ лишь въ жизни разъ—
Убилъ коварствомъ. А убей открыто—
Зевсъ снизошелъ бы къ справедливой мести:
И небожителямъ противна спѣсь.
Теперь ихъ всѣхъ языкъ неукротимый
Въ Аида свелъ туманную обитель.
Ихъ городъ взятъ. А тѣ, что предъ тобой,
Простившись съ счастьемъ, въ незавидной долѣ
Къ тебѣ пришли. Такъ приказалъ твой мужъ;
Я жъ, вѣрный другъ ему, приказъ исполнилъ;
А самъ онъ вскорѣ, дань священной жертвы
Отцу принесши Зевсу за удачу,
Сюда придетъ. Таковъ конецъ отрадный
Хорошей рѣчи, госпожа, моей.

Деянира опять обратила свое вниманіе на плѣнницъ; мало-по-малу радостное выраженіе ея лица уступаетъ мѣсто глубокой грусти.

Старшая дѣвушка.

Царица, нынѣ счастлива ты явно:
И взоръ, и слухъ свидѣтельство даютъ.

Деянира—*съ грустной улыбкой.*

Конечно, рада повѣсти я славной
О счастьѣ мужа—рада отъ души.
И быть не можетъ иначе. Но все же
И страхъ питать за баловня успѣха
Велитъ намъ разумъ: долго ль до измѣны?
Ахъ, жалко мнѣ—такъ жалко мнѣ, подруги,
На нихъ смотрѣть, на сиротъ горемычныхъ,
Бездомныхъ, брошенныхъ въ странѣ чужой.
Давно ль онѣ въ свободѣ процвѣтали
Среди своихъ? Теперь удѣлъ ихъ—рабство.
(Простирая руки къ этейскому Зевсу.)
О Зевсъ вершитель! Не суди мнѣ видѣть

Такого жъ гнѣва твоего на тѣхъ,
Что мною рождены. Такой боязнью
Меня наполнилъ ихъ печальный видъ.

(Снова всматривается въ плѣнницъ. Мало-по-малу ея взоры останавливаются на Іолѣ, которая одна не старается разжалобить ее. Деянира продолжаетъ въ полголоса, обращаясь болѣе къ себѣ, чѣмъ къ Іолѣ.)

Ахъ, кто ты, кто, страдалица младая?
Въ дѣвицахъ ли? Иль матерью слыла?
Не говоритъ о мукахъ материнства
Твой станъ; и столько благородства въ немъ...

(Подойдя къ Лихасу и указывая ему рукой на Іолу, при чемъ Лихасъ вздрагиваетъ.)

Чья, Лихасъ, эта плѣнница? Скажи мнѣ:
Кто мать ея? Какъ звать ея отца?
Скажи. Всѣхъ болѣ тронута я ею;
Она одна достоинство хранитъ.

Лихасъ—*съ подозрительной торопливостью, въ крайнемъ смущеніи.*

Почемъ мнѣ знать? Къ чему меня пытаешь?
Евбеянка—и, видно, не простая.

Деянира.

Ужъ не царевна ль?
(*Какъ бы осѣненная внезапно мыслью, быстро.*)
Дочь имѣлъ Евритъ?

Лихасъ.

Почемъ мнѣ знать? Не наводилъ я справокъ.

Деянира.

И имени отъ спутницъ не слыхалъ?

Лихасъ.

Да нѣтъ же: молча путь свой совершалъ я.

Деянира—*подходитъ къ Іолѣ и тономъ теплаго участія говоритъ ей:*

Откройся жъ ты мнѣ, бѣдная.

(*Іола, потупивъ взоръ, молчитъ; Деянира съ ласковой настойчивостью продолжаетъ.*)

Вѣдь горе,
Если и имя пропадетъ твое.

(Хочетъ дружелюбно положить ей руку на плечо. Іола, съ протестующимъ движеніемъ руки, отступаетъ. Въ это время ея взоръ встрѣчается со взоромъ Деяниры, она какъ будто уже готова выдать тайну, но внезапно закрываетъ лицо руками и начинаетъ рыдать. Лихасъ, все время обнаруживавшій признаки крайней тревоги, поспѣшно вмѣшивается.)

Лихасъ.

Не жди отвѣта. Не измѣнитъ дѣва
Упорству своему. Она ни слова,
Ни звука одного не проронила

На всемъ пути; въ страданіи безмолвномъ
Она лишь слезы летъ съ минуты той,
Какъ на добычу шаловливымъ вѣтрамъ
Свой отчій домъ оставила она.
Была жестока къ ней судьба—но этимъ
На снисхожденье право ей дала.

ДЕЯНИРА, *не сводившая глазъ съ Іолы, съ участіемъ.*

Иди же съ миромъ въ домъ мой, чужестранка,
Такъ, какъ самой пріятнѣй. Не хочу
Двойныхъ страданій причинять тебѣ:
Довольно терпишь ты и такъ. (*Къ Лихасу*)
И мы
Войдемъ во дворъ, чтобъ и тебѣ, другъ Лихасъ,
Въ обратный путь собраться, и въ порядокъ
Мнѣ привести домашнія дѣла.

Лихасъ съ плѣнницами направляется къ воротамъ; Деянира, смотрѣвшая вслѣдъ Іолѣ, медленно и нерѣшительно подходитъ къ портику.

ПЯТАЯ СЦЕНА.

Видя, что Деянира собирается уйти, вѣстникъ внезапно вырывается у своихъ провожатыхъ, быстро подходитъ къ ней и въ полголоса, глядя вслѣдъ Лихасу, говоритъ ей:

ВѢСТНИКЪ.

Не торопись. Дай имъ уйти—узнаешь,
Кого ты въ домъ ввела, узнаешь все,
Что отъ тебя безсовѣстно скрываютъ:
Объ этомъ мнѣ вся истина извѣстна.

ДЕЯНИРА—*не останавливаясь, брезгливо.*

Въ чемъ суть? Зачѣмъ подкрался ты ко мнѣ?

ВѢСТНИКЪ.

Ты стоя слушай. Давеча вѣдь правду
Тебѣ сказалъ я—и теперь скажу.

ДЕЯНИРА.

Что жъ, призовемъ обратно тѣхъ? Иль тайну (*указывая на хоръ*)
Лишь мнѣ да имъ согласенъ ты открыть?

ВѢСТНИКЪ.

Тебѣ да имъ; а тѣхъ оставь въ покоѣ.

ДЕЯНИРА—*оглянувшись, дожидается, пока Лихасъ съ плѣнницами окончательно не войдутъ во дворъ; затѣмъ она опять обращается къ вѣстнику и быстро говоритъ ему:*

Они ужъ скрылись; говори, что знаешь.

Вѣстникъ—*еще ближе подходитъ къ Деянирѣ и съ таинственнымъ видомъ говоритъ ей, указывая пальцемъ по направленію къ ушедшему Лихасу.*

Глашатай этотъ весь разсказъ свой длинный
Велъ по неправды колеѣ кривой;
Онъ или нынѣ сталъ гонцомъ коварнымъ,
Иль раньше лживымъ вѣстникомъ пришелъ.

Деянира—*съ безпокойствомъ.*

Что говоришь ты? Выскажись яснѣе.
Въ недоумѣнье ты повергъ меня.

Трахинянки съ озабоченнымъ видомъ окружаютъ Деяниру; всѣ съ жадностью прислушиваются къ словамъ вѣстника. Рѣчь его страстна и злобна; на дѣйствіе, производимое его разсказомъ на Деяниру, онъ не обращаетъ вниманія.

Вѣстникъ.

На всемъ народѣ этотъ человѣкъ
Разсказывалъ, что ради дѣвы плѣнной
Твой мужъ престолъ Еврита ниспровергъ
И стѣны срылъ Эхаліи вѣнчанной,
Что лишь Эротъ изъ всѣхъ боговъ небесныхъ
Его на бранный подвигъ вдохновилъ—
Не Лидія, не прихоти Омфалы,
Не рабской службы у нея позоръ,
Не смерть Ифита, сброшеннаго въ пропасть,
Какъ онъ теперь облыжно говоритъ.
Вначалѣ словомъ онъ склонить пытался
Ея отца, чтобъ дочь свою родную
Ему для тайныхъ наслажденій далъ.
Отказъ. Тогда, предлогъ пустой измысливъ,
Онъ двинулъ рать на родину ея:
„Тамъ властвуетъ“, такъ молвилъ онъ дружинѣ,
„Лихой виновникъ горя моего“.
Царя-отца онъ лютой смерти предалъ,
Разрушилъ городъ; а красу-царевну
— Ты видѣла?—онъ въ теремъ твой ведетъ.
Ведетъ не спроста, не рабой смиренной—
Объ этомъ ты и думать перестань:
Ужъ коль онъ страстью воспылалъ такою...

(Деянира отчаянно вскрикиваетъ; вѣстникъ, только теперь замѣчающій ея состояніе, продолжаетъ болѣе спокойнымъ и почтительнымъ тономъ.)

Прости; рѣшилъ я все тебѣ открыть,
Царица, что отъ Лихаса я слышалъ.
Не я одинъ, а весь народъ трахинскій
Вмѣстѣ со мной тамъ былъ—спроси любого.
Тебя разсказъ мой огорчилъ, я вижу;
Что жъ дѣлать. Правду я зато сказалъ.

ДЕЯНИРА—*мало-по-малу приходитъ въ себя и смотритъ по направленію къ воротамъ, черезъ которыя ушла Іола.*

О горе, горе! Что со мной творится?
Какую язву тайную ввела
Я въ теремъ свой! Такъ вотъ она какая
Безродная, какъ клялся провожатый!

ВѢСТНИКЪ.

Да, какъ же. Въ блескѣ красоты и славы,
Державнаго Еврита дочь, она
Звалась Іолой—а ея онъ рода
Не могъ назвать: не наводилъ, молъ, справокъ.

СТАРШАЯ ДѢВУШКА — *торжественно простирая правую руку къ землѣ.*

Проклятье...

(Деянира обрываетъ ее умоляющимъ движеніемъ руки)

Нѣтъ, не всѣмъ злодѣямъ; тѣмъ лишь,
Кто въ злобѣ тайной долгу измѣнилъ!

ДЕЯНИРА.

Какъ быть, подруги? Такъ поражена я
Всѣмъ слышаннымъ; не знаю, что мнѣ дѣлать.

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

Войди въ хоромы, допроси его;
Онъ скажетъ правду—лишь пытай построже.

ДЕЯНИРА.

Да, я войду; совѣтъ дала ты здравый.

ВѢСТНИКЪ.

А мнѣ остаться? Иль войти прикажешь?

ДЕЯНИРА.

Нѣтъ, оставайся. И пословъ не надо:
Онъ добровольно изъ дому идетъ.

ШЕСТАЯ СЦЕНА.

Лихасъ выходитъ изъ воротъ и подходитъ къ Деянирѣ, не обращая вниманія на вѣстника, который отошелъ немного въ сторону.

ЛИХАСЪ.

Что мнѣ Гераклу передать, царица?
Ты видишь, я въ обратный путь готовъ.

ДЕЯНИРА—*стараясь казаться спокойной.*

Пришелъ такъ поздно, и уже уходишь,
Разговориться не успѣвъ со мной?

ЛИХАСЪ.

Я на вопросы отвѣчать согласенъ.

ДЕЯНИРА.

И правду всю мнѣ скажешь, безъ утайки?

ЛИХАСЪ.
Клянуся Зевсомъ—все, что знаю самъ.

ДЕЯНИРА—*внезапно, глядя въ упоръ Лихасу, строго.*
Скажи же, кто та плѣнница, что въ домѣ?

ЛИХАСЪ—*оторопѣвъ.*
А ты зачѣмъ вопросъ мнѣ этотъ ставишь?

ДЕЯНИРА—*гнѣвно.*
Изволь отвѣтить, коль въ умѣ ты здравомъ!

ЛИХАСЪ—*замѣчая вѣстника, почтительно и твердо.*
Евбеянка; а кто ея родитель,
Того сказать, царица, не могу.

ВѢСТНИКЪ—*грубо.*
Смотри сюда: ты знаешь, передъ кѣмъ ты?

ЛИХАСЪ—*окинувъ вѣстника презрительнымъ взоромъ.*
Передъ державной Деянирой, дщерью
Энея и Геракловой супругой—
Коль не ослѣпъ я—госпожей моей.

ВѢСТНИКЪ—*сначала было опѣшившій, жадно хватается за послѣднія слова Лихаса.*
Вотъ это и хотѣлось мнѣ узнать.
Ее ты госпожей назвалъ?

ЛИХАСЪ.
По праву.

ВѢСТНИКЪ.
Какую жъ казнь ты претерпѣть достоинъ,
Если ее ты нагло обманулъ?

ЛИХАСЪ.
Я обманулъ? Брось выдумки, почтенный.

ВѢСТНИКЪ.
Не я, а ты выдумывать гораздъ.

ЛИХАСЪ.
Мнѣ въ путь пора; и такъ я безразсуденъ,
Что время трачу, слушая тебя.

ВѢСТНИКЪ.
Постой, отвѣть мнѣ кратко на вопросы.

По его знаку рабы преграждаютъ Лихасу дорогу; Деянира кивкомъ головы одобряетъ происходящее.

ЛИХАСЪ—*съ досадой.*
Что жъ, спрашивай; не молчаливъ, небось.

Вѣстникъ.

Ту плѣнницу, что ввелъ ты въ домъ... ты знаешь,
О комъ я говорю?

Лихасъ.

Что жъ дальше? Знаю.

Вѣстникъ.

Ея ты имя прячешь; а тогда
Вѣдь звалъ Іолой, дочерью Еврита?

Лихасъ—*съ притворнымъ возбужденіемъ.*

Гдѣ звалъ? Кто слышалъ? Кто во всей Элладѣ
Свидѣтелемъ, что такъ я звалъ ее?

Вѣстникъ.

О, сколько хочешь. Въ сборищѣ трахинцевъ
Огромная толпа тебѣ внимала.

Лихасъ—*холодно и презрительно.*

Нѣтъ; я сказалъ, что ходитъ слухъ такой.
А вѣдь не все, что выскажешь догадкой,
Въ отвѣтственномъ ты словѣ передашь.

Вѣстникъ.

Какая тамъ догадка! Ты ль не клялся,
Что вводишь въ домъ ее женой Геракла?

Лихасъ.

Женою, я? Царица дорогая,
Скажи хоть ты: что это за чудакъ?

Вѣстникъ.

А тотъ чудакъ, что слышалъ отъ тебя—
Вотъ какъ теперь—что изъ любви онъ къ дѣвѣ
Эхалію разрушилъ всю до тла,
Да; что тому не Лидія причиной,
А только къ ней внезапная любовь.

Лихасъ.

Вели ему уйти, царица.

(Косясь на вѣстника, съ удареніемъ)

Право
Подъ стать ли мнѣ, степенному мужчинѣ,
На всякій бредъ больного отвѣчать?

(По данному Деянирой знаку рабы уводятъ вѣстника.)

СЕДЬМАЯ СЦЕНА.

Во время спора Лихаса съ вѣстникомъ Деянира, подавленная горемъ и униженіемъ, стояла въ какомъ-то забытьѣ, мрачно понуривъ голову. Упоминаніе „жены“ заставило ее очнуться: съ воплемъ она бросилась къ портику, къ богамъ своего крова, точно ища помощи у нихъ. При этомъ ея взоръ упалъ на пустыя кроснa и на сидѣнье, на которомъ она оставила сотканный для Геракла плащъ. Его видъ приводитъ ее въ ярость: она бѣшено хватаетъ плащъ; видно, что она хочетъ бросить его на землю, растоптать. Вдругъ она останавливается, какъ бы подъ вліяніемъ новой

мысли; бережно сглаживая складки плаща, она въ глубокомъ раздумьѣ возвращается къ спорящимъ. По уходѣ вѣстника она обращается къ Лихасу, указивая правой рукой на вершину Эты.

ДЕЯНИРА.

Зевсомъ молю, чьи молніи сверкаютъ
Съ вершины Эты: о, открой мнѣ все!

(Лихасъ въ смущеніи молчитъ; послѣ краткой паузы она тихо продолжаетъ; чѣмъ дальше, тѣмъ страннѣе и неискреннѣе звучитъ ея голосъ.)

Ты не пустой вѣдь женщинѣ внимаешь,
Я знаю сердце человѣка, знаю:
Самой природой не дано ему
Всегда однимъ и тѣмъ же увлекаться.
А тутъ еще—Эротъ. Кто съ нимъ дерзаетъ
Тягаться силой, какъ борецъ въ палестрѣ,
Тотъ безразсуденъ. И богами онъ
Державно правитъ прихотью своею.
И я его извѣдала законы;
Теперь другая—женщина, какъ я.
Мнѣ ль мужа своего корить, что онъ
Болѣзни той безмолвно подчинился?
Иль мстить... вотъ той, что согрѣшила страстью
Невинной, безобидной для меня?
(*Пауза. Лихасъ молчитъ. Деянира мѣняетъ тонъ.*)
Нѣтъ, не безумна я. А ты запомни:
Если Геракл ъ ко лжи тебя наставилъ,
То школу ты постыдную прошелъ.
Если жъ ты самъ себя въ наукѣ этой
Воспитываешь—вмѣсто благородства
Безчестье и позоръ ты обрѣтешь.
Скажи жъ мнѣ правду. Вѣдь прослыть лжецомъ—
Свободному тяжелая обида;
А истины ты все равно не скроешь:
Свидѣтелей немало—ихъ спрошу.

(Новая пауза. Видя, что ея искренность не дѣйствуетъ на Лихаса, Деянира, послѣ страшнаго усилія надъ собой, возвращается къ своему первоначальному, притворно-спокойному тону. Все же она говоритъ съ перерывами; видно, что она борется съ собою, чтобы выдержать свою роль.)

Иль ты меня боишься огорчить?
Мнѣ неизвѣстность тягостна, не спорю,
Но въ знаньѣ нѣтъ обиды для меня.
Ужъ сколько женщинъ въ жены бралъ супругъ мой.
И что жъ? Слыхала ль хоть одна изъ нихъ
Дурное слово отъ меня? А этой, (*злобно*)
Хоть расплывись она въ любви, не трону (*спохватываясь*).
О, нѣтъ. Мнѣ жалость видъ ея внушаетъ
Сильнѣйшую. Своею красотой
И собственную жизнь она сгубила,
И отчій городъ, бѣдная, неволей
Разрушила... Но въ этомъ боги властны;

Ты жъ будь непскренен съ кѣмъ хочешь, мнѣ же
Всегда и всюду правду говори.

Старшая дѣвушка.

Она права: послушайся ея,
И благодарны всѣ тебѣ мы будемъ.

Лихасъ—*видимо тронутый.*

Царица дорогая, такъ разумны
Слова твои, такъ далеки отъ спѣси,
Что я молчать и скрытничать не въ силахъ.
Да, правъ тотъ вѣстникъ. Къ ней Геракл въ тѣ дни
Воспламенился страстью роковою;
Ради нея въ потокахъ крови бранной
Свершился рокъ Эхалін родной.
Все жъ долженъ за него я заступиться.
Не отрекался отъ нея нигдѣ онъ,
И страсть свою скрывать мнѣ не велѣлъ.
Я самъ, царица, не рѣшился вѣстью
Правдивой сердце огорчить твое
И провинился—коль вина тутъ есть.
Теперь ты знаешь все. И въ знаньи этомъ,
Къ твоей, къ его отрадѣ обоюдной
Люби ту дѣву и сдержать старайся
То слово ласки, что ты ей дала.
Вѣдь онъ—во всемъ непобѣдимый витязь
И лишь предъ ней оружіе сложилъ.

Деянира—*съ зловѣщимъ спокойствіемъ.*

Я и сама такъ поступить рѣшила.
Усиливать лихое навожденье
Безумнымъ богоборствомъ не хочу.
Теперь пойдемъ. Тебѣ я передать
Словесное имѣю порученье
И даръ отвѣтный на дары его.
Пришелъ ко мнѣ ты съ полными руками—
Не слѣдъ тебѣ съ пустыми уходить.

(Уходятъ въ домъ.)

VI.

О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Деяниры не трудно догадаться по ея игрѣ; думаю, что еслибы ея поэтъ располагалъ музыкальными средствами новѣйшаго претворителя миѳа о богочеловѣкѣ, то въ томъ мѣстѣ, гдѣ несчастная женщина въ ярости схватываетъ плащъ Геракла и затѣмъ, внезапно остановившись, начинаетъ въ раздумьѣ его расправлять — въ оркестрѣ внушительно и зловѣще прозвучалъ бы „мотивъ кентавра“. Да, она вспомнила о кентаврѣ и его предсмертномъ словѣ:

Дочь старика Энея!
Хочу на память о моей услугѣ
Тебя почтить—за то, что я тебя
Наѣздницей послѣдней перевезъ.
Возьми въ свой плащъ моей ты крови комъ,
Что запеклась вокругъ стрѣлы въ томъ мѣстѣ,
Гдѣ ядъ лернейской гидры въ черный цвѣтъ
Ее окрасилъ. Талисманъ могучій
Въ немъ обрѣтешь ты для любви Геракла:
Его отвѣдавъ, ни одной жены онъ
Послѣ тебя ужъ болѣ не полюбитъ.

Она не ревнива, къ Іолѣ она враждебныхъ чувствъ не питаетъ: она только хочетъ себѣ вернуть любовь своего супруга, которую она—несправедливо, какъ показало дальнѣйшее — считаетъ утерянной. Волшебной и ядовитой кровью она намащаетъ тотъ плащъ, который она соткала, и со всѣми предосторожностями передаетъ его Лихасу для врученія Гераклу. Пусть онъ надѣнетъ его предъ совершеніемъ благодарственной жертвы: таковъ былъ ея обѣтъ. Лихасъ приноситъ своему повелителю плащъ какъ разъ во время, въ присутствіи дружины и сына Гилла, отправившагося, по просьбѣ матери, отыскивать отца и нашедшаго его именно здѣсь, на Кенейскомъ мысѣ. Дѣйствіе яда неотвратимо; въ страшныхъ мученіяхъ Гераклъ обрываетъ жертвоприношеніе, бросаетъ невольнаго виновника Лихаса о скалу, мечется, кричитъ... По его волѣ его переправляютъ въ Трахинъ; Гиллъ, отправившійся въ домъ за носилками, встрѣчаетъ тамъ Деяниру и рѣзко, считая ее убійцей своего отца, говоритъ ей объ успѣхѣ ея злодѣйскаго замысла. Въ его словахъ Деянира слышитъ свой приговоръ; ничего не отвѣчая сыну, она смиренно идетъ исполнить его. Тѣмъ временемъ приносятъ Геракла, уже обезсиленнаго отъ мученій; узнавъ, что его жена была жертвой коварства Несса, онъ видитъ въ этомъ исполненіе загадочнаго оракула, гласившаго, что не живому, а мертвому суждено его убить. Итакъ, его смерть неизбѣжна: Іолу онъ пристраиваетъ за сына своего Гилла—эта непріятная для насъ черта была дана генеалогическимъ миѳомъ и поэтому для античнаго поэта обязательна; себя же онъ велитъ сжечь на кострѣ, сооруженномъ на вершинѣ Эты, на заповѣдномъ лугу его отца, Зевса.

VII.

Въ оконченномъ только что пересказѣ Софокловой трагедіи мы имѣемъ, согласно замѣченному раньше, очеловѣченную форму

греческаго миѳа о богочеловѣкѣ; попробуемъ теперь, пользуясь путеводными вѣхами отрывочныхъ, но тѣмъ болѣе драгоцѣнныхъ свидѣтельствъ, возстановить его древнѣйшую божественную форму.

Здѣсь, однако, необходима оговорка. Уже Вагнеру пришлось при возстановленіи германскаго миѳа примѣнить интеграціонный методъ, устраняя расщепленность, такъ сказать, эддическаго преданія и сосредоточивая на своихъ геройхъ черты, распространенныя въ Эддѣ по различнымъ по имени, но единымъ по существу лицамъ. Еще въ большей мѣрѣ имѣемъ мы эту расщепленность въ греческомъ миѳѣ, соотвѣтственно племенному дѣленію греческаго народа. Мы можемъ указать на цѣлый рядъ героевъ, въ которыхъ воплотилась для даннаго племени идея богочеловѣка, и не безинтересно убѣдиться, какъ каждый изъ нихъ по той или другой своей особенности соотвѣтствуетъ германскому Зигфриду. Гераклъ былъ богочеловѣкомъ дорическаго миѳа; его мы главнымъ образомъ имѣемъ въ виду. Но немногимъ менѣе славенъ богочеловѣкъ ахейскаго миѳа Ахиллъ, очеловѣченный въ Иліадѣ; онъ раздѣляетъ съ Зигфридомъ физическую неуязвимость (ср. „Ахиллесову пяту“), утраченную въ раціонализирующей Иліадѣ, но сохраненную въ другихъ свидѣтельствахъ. Къ обоимъ приближается богочеловѣкъ минійцевъ, Ясонъ; его сближаетъ съ Зигфридомъ мотивъ проклятаго золота, воплощеннаго въ золотомъ рунѣ. Менѣе извѣстенъ богочеловѣкъ этолійскаго миѳа, Мелеагръ; подобно Зигфриду, и онъ гибнетъ на охотѣ—знаменитой калидонской охотѣ—и отъ этой гибели при расщепленіи получилъ свое имя (Mele-agros, „несчастный охотникъ“). Все же мы не будемъ по отношенію ко всѣмъ имъ примѣнять интеграціоннаго метода; это — область поэзіи, а не филологіи. Ограничимся возстановленіемъ первоначальной формы миѳа о Гераклѣ, другія же будемъ привлекать лишь попутно, въ видахъ параллелизма.

Гераклъ—сынъ Зевса; въ этой чертѣ до позднѣйшихъ временъ сохранилось богочеловѣческое значеніе этого героя. Но это не все. Его мать Алкмена происходила по прямой линіи отъ того Персея, который и самъ былъ сыномъ Зевса отъ аргосской царевны Данаи. Эта послѣдняя въ свою очередь происходила отъ Эпафа, который былъ сыномъ того же Зевса отъ аргосской нимфы, Іо. Въ этой генеалогіи мы имѣемъ ту же идею тройной закалки божественной крови, которую германскій миѳъ выразилъ въ нѣсколько иной формѣ, дѣлая Зигфрида не непосредственно сыномъ Вотана, а сыномъ Зигмунда, послѣдняго—сыномъ Вельзе и лишь Вельзе—сыномъ Вотана. Эту послѣднюю формулу точно

воспроизводитъ миѳъ объ Ахиллѣ: Ахиллъ считается сыномъ Пелея, Пелей — сыномъ Эака и лишь Эакъ — сыномъ Зевса. Такъ-то и здѣсь трижды закаливается мечъ, долженствующій разрубить древко гнетущаго договора, грозящаго гибелью свѣтлому царству боговъ.

Но что это за гибель? Въ германскомъ миѳѣ дѣло ясно: „сумерки боговъ“ нависли надъ свѣтлымъ Асгардомъ, о нихъ вѣщаетъ слово Эрды устами трехъ Норнъ у родника Судьбы, подъ міровымъ ясенемъ; но кто слыхалъ о подобной угрозѣ греческому Олимпу? И все же о ней нѣкогда знали. Древнѣйшее свидѣтельство о рожденіи Геракла сохранилъ намъ Гесіодъ въ своемъ „Щитѣ Геракла“ (ст. 27; перевожу прозой въ видахъ точности); оно гласитъ такъ: „Отецъ же людей и боговъ иную думу ткалъ въ своемъ умѣ — чтобы ему и для боговъ, и для людей, хлѣбомъ кормящихся, создать отвратителя гибели“. Этимъ ясно высказана задача Геракла, для которой его рождаетъ его божественный отецъ: онъ — отвратитель гибели боговъ. Свидѣтельство это, повторяю, древнѣйшее и важнѣйшее, но все же не совсѣмъ единичное: та другая традиція, которая, предвкушая успѣхъ Геракла и его бракъ на Олимпѣ съ Гебой, награждаетъ его дѣтьми отъ этой божественной супруги — эта традиція старшему изъ нихъ даетъ имя Алексіара, т.-е. именно „отвратителя гибели“ (Alexi-arês; ср. у Гесіода arês alktêr), по обыкновенію ипостасируя въ сынѣ главное достоинство отца.

Но, повторяемъ вопросъ, что же это за гибель? Логика отвѣчаетъ: именно та, за отвращеніе которой онъ долженъ былъ быть награжденъ бракомъ съ богиней вѣчной молодости, Гебой. Мы читаемъ въ „Ѳеогоніи“ того же Гесіода (ст. 954) про Геракла: „Блаженный мужъ. Совершивъ среди безсмертныхъ великое дѣло, онъ живетъ, не вѣдая ни боли, ни старости, во всѣ дни“. Точнѣе говоритъ объ этомъ великомъ дѣлѣ Пиндаръ, влагая въ I-ой Немейской одѣ своему Тиресію въ уста такое пророчество о будущей судьбѣ тогдашняго младенца Геракла (ст. 100 и сл.): „Когда боги на равнинѣ Флегры вступятъ въ бой съ гигантами — они подъ тяжестью его ударовъ смѣшаютъ свои свѣтлые волосы съ прахомъ земли. Онъ же въ мирѣ на всѣ времена, обрѣвъ вѣчную тишину въ блаженной обители, какъ роскошную награду за свои великіе труды, получитъ женой цвѣтущую Гебу и, отпраздновавъ свадьбу, съ ней займетъ священное мѣсто у Кронида Зевса“. Итакъ, тѣмъ великимъ дѣломъ среди безсмертныхъ, совершить которое было суждено Гераклу, было его участіе въ бою съ гигантами, въ гигантомахіи. Оче-

видно, это его участіе было очень важно, коль скоро онъ за него получаетъ столь чрезвычайную награду. И дѣйствительно, старинное свидѣтельство, сохраненное у миѳографа Аполлодора (I, 6, 4) гласитъ: „Богамъ былъ данъ оракулъ, что гиганты никѣмъ изъ боговъ сражены быть не могутъ, но что они падутъ, если нѣкто смертный придетъ на помощь богамъ“. Вотъ, значитъ, та угроза, подъ гнетомъ которой отецъ боговъ и людей

> Новую думу задумалъ въ душѣ своей, чтобъ и безсмертнымъ,
> И земнороднымъ создать отвратителя гибели лютой.

Гигантомахія—это „сумерки боговъ“ религіи Зевса.

Все это прекрасно одно къ другому подходитъ; цѣпь фактовъ смыкается безукоризненно. Все же присмотримся ближе къ свидѣтельству Аполлодора: тутъ есть одинъ мотивъ, приковывающій наше вниманіе: „Богамъ былъ данъ оракулъ“... Какъ это понимать? Обыкновенно боги даютъ оракулы смертнымъ. Здѣсь — пережитокъ глубокой старины, исконной религіи Зевса, когда боги, съ Зевсомъ включительно, считались лишенными вѣщей силы, обладательницей же таковой была „первопророчица Земля“, какъ ее называетъ Эсхилъ. Итакъ, Землей былъ данъ оракулъ Зевсу; ея роль здѣсь на греческой почвѣ такая же, какъ и въ языческой Германіи. Она сообщила Зевсу условіе его спасенія — и подъ вліяніемъ ея слова идея богочеловѣка, „идея меча“, сверкнула передъ прозрѣвшими глазами высшаго бога.

Попробуемъ прослѣдить дальше тотъ путь, на который насъ ведетъ это древнѣйшее свидѣтельство; сходство съ германскимъ миѳомъ станетъ еще поразительнѣе.

VIII.

Прорицаніе заставляетъ предполагать прорицалище. Древнѣйшимъ прорицалищемъ, о которомъ знаетъ Грецiя, была Додона, „бурная Додона“ въ ущельѣ эпирскихъ горъ. Объ этомъ прорицалищѣ намъ сохранилось очень древнее свидѣтельство—свидѣтельство Гомера, которое я, опять-таки въ видахъ точности, перевожу прозой. Ахиллъ молится Зевсу передъ роковымъ боемъ своего друга Патрокла (Ил. XVI, 233 ст.): „Зевсъ владыка Додонскій Пелазгическій, далеко живущій, властвующій въ бурной Додонѣ, въ ней же Селлы тебѣ живутъ пророками, не моющіе ногъ, спящіе на голой Землѣ“. Прошу замѣтить: живутъ *тебѣ* пророками, а не *твоими* пророками; въ это древнѣйшее время

они не смертнымъ вѣщаютъ знаніе Зевса, котораго у него нѣтъ, а Зевсу вѣщаютъ знаніе всевѣдущей Земли. И вотъ для чего они не умываютъ ногъ и спятъ на голой землѣ: для того чтобы срости съ Землей, чтобы проникнуться ея силой. Тамъ въ Додонѣ растетъ старинный, вѣщій дубъ; это—міровой дубъ греческой саги, вполнѣ соотвѣтствующій міровому ясеню германской; у корней его течетъ родникъ, давшій и Додонскому Зевсу прозвище „Зевса Родниковаго“ (Zeus Naios), родникъ, считавшійся (географически это неправильно) истокомъ Ахелоя, этого Рейна греческой саги — Ахелоя, культъ котораго правился въ той же Додонѣ. Все это элементы общіе обѣимъ миѳологіямъ, греческой и германской, и поэтому исконные.

Но вотъ созданіе спеціально греческой красоты. Сила Земли, проникая черезъ корни, стволъ и вѣтви додонскаго дуба, приводитъ въ движеніе его листья; шелестъ этихъ листьевъ—это вѣсть Земли. И двѣ голубки сидятъ на вѣтви додонскаго дуба и, проникнутыя исходящей отъ него силой Земли, тихо воркуютъ; ихъ воркованье — это вѣсть Земли. Зевсу эта вѣсть непонятна: онъ врагъ Земли. Онъ основалъ свое царство, сразивъ ея сыновей-титановъ; позволительно ли догадаться, что онъ именно съ этой цѣлью отправилъ къ додонскому дубу своихъ Селловъ, чтобы они, не умывая ногъ и спя на голой землѣ, тоже прониклись ея силой, чтобы они поняли шелестъ дубовыхъ листьевъ и воркованіе голубицъ и передали ему, невѣдущему богу, вѣсть всевѣдущей Земли?

Такъ-то „богамъ былъ данъ оракулъ“ — оракулъ о богочеловѣкѣ: „Смертному сыну безсмертнаго отца дано будетъ совершить то, что не по силамъ его отцу — побороть гигантовъ и обезпечить вѣчность богамъ Олимпа. Тогда царь боговъ—повторяю еще разъ знаменательное свидѣтельство Гесіода —

Новую думу задумалъ въ душѣ своей, чтобъ и безсмертнымъ,
И земнороднымъ создать отвратителя гибели лютой.

Началась земная жизнь Геракла. Съ тревогой слѣдитъ съ Олимпа его божественный отецъ за его дѣяніями и страданіями. Онъ вѣдь ничего не могъ ему дать кромѣ жизни: только вполнѣ самобытный въ своемъ развитіи сынъ можетъ быть сильнѣе отца. Власть царей исходитъ отъ Зевса — поэтому Гераклъ не царь. Богатствомъ награждаютъ боги—поэтому Гераклъ бѣднякъ. Его единственный покровъ—шкура того звѣря, котораго онъ убилъ; его единственное оружіе — та палица, которую онъ самъ себѣ отломалъ. Но зато онъ свободенъ и- ото всякихъ нравственныхъ

обязательствъ: онъ одинъ не подчиненъ тому договору, которымъ живетъ міръ и блюстителемъ котораго состоитъ Зевсъ. Его единственный законъ—его воля. Съумѣетъ ли онъ выйти невредимымъ изъ пучины жизни и дожить до того дня, когда рать гигантовъ двинется на Олимпъ? Если да, то и награда ему обезпечена. Гигантовъ онъ поборетъ, получитъ супругой Гебу, воплощенную молодость, и будетъ среди боговъ, самъ будучи богомъ, наслаждаться вѣчною жизнью.

Все это ему обезпечено, если онъ доживетъ до рокового дня. Только доживетъ ли онъ до него?

IX.

Здѣсь начинается дѣятельность Деяниры. Отъ читателя не ускользнуло, что ея роль въ греческой сагѣ соотвѣтствуетъ роли Брюнгильды въ германской. И ту и другую освобождаетъ богочеловѣкъ: Брюнгильду—Зигфридъ, изъ ограды пламени на прирейнской скалѣ, Деяниру—Геракл, изъ извилинъ самого Рейна греческой миѳологіи, Ахелоя. И той, и другой послѣ вѣрнаго супружества богочеловѣкъ измѣняетъ подъ вліяніемъ чаръ противницы; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ измѣна является причиной его гибели. Все же по характеру обѣ героини нимало непохожи другъ на друга. Брюнгильда—бывшая валкирія, и пережитки этой исконной роли сохранились даже въ „Пѣснѣ о Нибелунгахъ“. Напротивъ, Деянира—„нѣжная, прекраснооkая“—самая кроткая изъ всѣхъ кроткихъ героинь Софокла, настоящій идеалъ преданной, беззавѣтно любящей супруги.

Все же есть примѣты, доказывающія, что она не всегда была такою. Сюда относится прежде всего ея имя—„Dei-aneira“ („возбуждающая къ брани мужей“); это—настоящее имя валкиріи, мало идущее въ кроткому характеру Софокловой героини. Затѣмъ интересно сравнить свидѣтельство вышеназваннаго Аполлодора про Деяниру: „она умѣла управлять конями и занималась военнымъ дѣломъ“ (I, 64). У Софокла не осталось и слѣда отъ этихъ воинственныхъ наклонностей его героини, а это свидѣтельство не единично: въ схоліяхъ на Аполлонія Родосскаго (I, 1212) сохранилось поразительное извѣстіе, что Деянира помогла Гераклу въ его войнѣ противъ дріопійцевъ, сражаясь рядомъ съ нимъ. Я назвалъ это извѣстіе поразительнымъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, дріопійцы—это тотъ самый народъ, къ которому принадлежала Іола, новая подруга Геракла,

изъ-за которой онъ измѣнилъ Деянирѣ. А затѣмъ и потому, что это представленіе о Деянирѣ-валкиріи, помогающей Гераклу въ его сраженіяхъ, сближаетъ ее съ Аѳиной, дочерью Зевса, всегдашней валкиріей греческихъ миѳовъ. Спеціально съ Геракломъ Аѳина, по свидѣтельству расписныхъ вазъ, встрѣчается замѣчательно часто, какъ его помощница и покровительница—до того часто, что явилось даже мнѣніе о бракѣ между Геракломъ и Аѳиной.

Не могу здѣсь идти дальше по указанному пути: укажу лишь кратко на конечную цѣль, къ которой онъ ведетъ. Дѣйствительно, Деянира первоначально не что иное, какъ эпитетъ Аѳины — валкиріи, „возбуждающей къ брани мужей“. Великодушная дочь Зевса, раздѣляя его тревогу о земной жизни Геракла, намѣченнаго рокомъ спасителя его царства, жертвуетъ своей божественностью, чтобы стать его помощницей на землѣ. Частности мы возсоздавать не можемъ; особенно темнымъ остается вопросъ, какъ она подпадаетъ власти рѣчного бога Ахелоя, изъ которой ее освобождаетъ Геракл. Какъ бы то ни было, она становится его женой, и ея помощью онъ побѣждаетъ своихъ враговъ. Уже близокъ тотъ день, когда онъ—опять-таки рядомъ съ нею — сразитъ гигантовъ, залогъ его и ея вознесенія и совмѣстной блаженной жизни въ чертогахъ олимпійскаго Зевса. Но и вражьи силы не дремлютъ; попавъ въ ихъ коварныя сѣти, богочеловѣкъ забываетъ о своей великодушной подругѣ-покровительницѣ и падаетъ жертвой ея ревности. Орудіемъ ихъ коварства стала Іола, дочь Еврита, царя дріопійцевъ въ Эхаліи.

Кто же такая эта Іола?

Евритъ съ сыномъ Ифитомъ и дочерью Іолой—тѣ же имена имѣемъ мы на сторонѣ самого Геракла. Евритъ этимологически тожественно съ Еврисѳеемъ, его двоюроднымъ братомъ и господиномъ, Ифитъ—съ Ификломъ, его своднымъ братомъ, сыномъ Амфитріона, Іола—съ Іолаемъ, сыномъ Ификла, вѣрнымъ помощникомъ Геракла. Видно миѳъ сохранилъ память о томъ, что враги Геракла были одно время его (названными) братьями — также какъ и Гунтеръ былъ названнымъ братомъ Зигфрида,—и лишь очеловѣченіе миѳа повело къ расщепленію обѣихъ серій. Дріопійцы—„сыны дуба“—въ сущности тѣ же гиганты, какъ и Гундинги и родичи Гунтера до очеловѣченія германскаго миѳа. Эхалія же, согласно этимологіи (oichomai, „я исчезъ“, „меня нѣтъ“) — это городъ исчезновенія, Нифльгеймъ греческой саги. Принималъ ли Ифитъ, кунакъ Геракла, какое-нибудь дѣятельное участіе въ той сѣти коварства, которая сдѣлала вѣрнаго до тѣхъ

поръ Геракла любовникомъ Іолы? Была ли его страшная смерть отъ руки Геракла актомъ мести прозрѣвшаго героя? Здѣсь только догадки возможны; одно ясно—роль „свѣтлокудрой Іолы", какъ орудія коварства враговъ Геракла, подобно Гутрунѣ-Кримгильдѣ германской саги.

Такъ погибъ намѣченный рокомъ спаситель царства боговъ до исполненія той задачи, ради которой онъ былъ созданъ своимъ отцомъ. Теперь гибель этого царства неотвратима. Преисподняя поглощаетъ душу богочеловѣка послѣ сожженія его бреннаго тѣла на этейскомъ кострѣ. Придетъ роковой день — рать гигантовъ побѣдоносно двинется за беззащитный Олимпъ, „сумерки боговъ" заволокутъ его и всю вселенную съ нимъ. Таковъ грустный финалъ религіи Зевса.

X.

До сихъ поръ мы старались прослѣдить параллелизмъ обѣихъ религій, германской религіи Вотана и греческой религіи Зевса, на почвѣ общаго имъ обѣимъ — и не только имъ—миѳа о богочеловѣкѣ. Параллелизмъ этотъ до того поразителенъ, что мы должны признать исконными параллельныя въ обѣихъ религіяхъ черты—а слѣдовательно „принципъ": „въ началѣ былъ логосъ" также и для германской религіи и саги, вопреки критическимъ уловкамъ „алогіанъ". Въ сущности этимъ наша задача исполнена; все же, въ предупрежденіе неясности, мнѣ хотѣлось бы отвѣтить на одинъ вопросъ, который неминуемо долженъ возникнуть у вдумчиваго читателя.

А именно вотъ какой. Всѣ, сколько-нибудь знакомые съ германской миѳологіей, знаютъ о „сумеркахъ боговъ"; ближе знакомые знаютъ также, что это поэтическое выраженіе возникло путемъ этимологическаго недоразумѣнія изъ другого, болѣе древняго, которое означало: „рокъ боговъ". Прекрасно; почему же никто не слышалъ о такомъ „рокѣ боговъ" въ греческой религіи Зевса? Ему соотвѣтствуетъ гигантомахія; но вѣдь о ней мы узнаемъ, какъ о дѣлѣ прошлаго. Зевсъ сразился сначала съ титанами, сынами земли, и основалъ свое царство; затѣмъ онъ поборолъ „гигантовъ", тоже сыновъ Земли, которыхъ она родила какъ мстителей за свое пораженіе. Съ тѣхъ поръ онъ царствуетъ безопасно во вѣки вѣковъ. Какъ же это объяснить?

Вотъ на этотъ-то вопросъ я и попытаюсь отвѣтить.

Германцы, дѣйствительно, во все время пока они были язычъ-

никами, не пошли дальше своей религіи Вотана; память о ней они перенесли и въ христіанство, поскольку это было возможно для нихъ. Такимъ образомъ только Христосъ явился для нихъ тѣмъ богочеловѣкомъ, который побѣдоносно разсѣялъ нависшія надъ человѣчествомъ сумерки боговъ.

У грековъ не то. У нихъ культурная жизнь началась много раньше, чѣмъ у германцевъ; а чѣмъ болѣе эта культура развивалась, тѣмъ невыносимѣе становилось чаяніе предстоящей гибели Зевса съ богами и со всѣмъ осѣняемымъ его державой человѣчествомъ. Эллада жаждала избавителя; она обрѣла его, наконецъ, въ лицѣ Аполлона. Религія Аполлона явилась послѣ религіи Зевса, но не для того, чтобы смѣнить ее. Она сраслась съ нею. Аполлонъ исторгъ у Земли ея знаніе, убивъ ея змѣя Пиѳона и основавъ свое прорицалище на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ его убилъ; благодаря этому знанію, Зевсу обезпечена вѣчность. Онъ же заключилъ миръ между нимъ и Землей, и его пророчица провозгласила новую эру вѣчности, въ самой Додонѣ, у корней мірового дуба, знаменитымъ двустишіемъ:

> Есть Зевсъ, былъ онъ и будетъ: воистину молвлю, великъ Зевсъ.
> Зиждетъ плоды вамъ Земля: величайте же матерью Землю.

Съ этимъ пришлось отнынѣ считаться. А такъ какъ по стариннымъ вѣрованіямъ вѣчность царства Зевса была обусловлена его побѣдой надъ гигантами, то эту побѣду слѣдовало представить какъ состоявшуюся: *гигантомахія была изъ будущаго перенесена въ прошлое*, она стала простымъ дублетомъ титаномахіи. А такъ какъ побѣда Зевса надъ гигантами была обусловлена помощью Геракла, то и эту помощь надлежало представить какъ состоявшуюся: рядомъ съ Аѳиной Гераклъ поборолъ строптивыхъ сыновъ Земли. А такъ какъ наградой за побѣду Гераклу было обѣщано вознесеніе и бракъ съ богиней, то и это стало совершившимся фактомъ: послѣ всѣхъ своихъ земныхъ трудовъ и подвиговъ, законченныхъ гигантомахіей, Гераклъ былъ принятъ въ сонмъ боговъ и получилъ супругой... правда, не Аѳину (нельзя уже было пожертвовать представленіемъ о ея дѣвственности), а просто олицетвореніе вѣчной молодости, Гебу.

Таковъ былъ новый радостный конецъ греческаго миѳа о богочеловѣкѣ: Гераклъ-богъ смѣнилъ Геракла-героя, свѣтлый апоѳеозъ смѣнилъ грустное представленіе о сошествіи его души въ преисподнюю. Понятно, что эта смѣна произошла не вдругъ: на рубежѣ между обѣими эпохами греческой религіи представленія переплетались и путались. Гдѣ приносили Гераклу заупокойныя

жертвы какъ герою, а гдѣ молебственныя, какъ богу. Точно также и оба исхода его земной жизни — сошествіе въ преисподнюю и апоѳеозъ — одно время сосуществовали. Крайне любопытенъ въ этомъ отношеніи, какъ образчикъ этого сосуществованія, разсказъ Одиссея о своей встрѣчѣ съ Геракломъ въ подземномъ мірѣ („Одиссея", XI, 601 и сл., пер. Жуковскаго):

Видѣлъ я тамъ, наконецъ, и Гераклову силу—одинъ лишь
Призракъ воздушный; а самъ онъ съ богами на свѣтломъ Олимпѣ.
Сладость блаженства вкушаетъ близъ Гебы, цвѣтущей супруги.

Преисподняя не была еще представима безъ своей главной жертвы; а такъ какъ, съ другой стороны, и вѣра въ апоѳеозъ Геракла успѣла уже укрѣпиться, то пѣвцу-гомериду осталось только прибѣгнуть къ этому наивному эсхатологическому раздвоенію живого Геракла на его „самого" и его призракъ.

Съ принятіемъ идеи апоѳеоза и весь миѳъ о трагической смерти героя былъ обреченъ на забвеніе. Дѣйствительно, дорійцы, носители миѳа о Гераклѣ, не перенесли его на свои новыя мѣста въ Пелопонесѣ. Аргосскій миѳъ о двѣнадцати подвигахъ Геракла не признаетъ миѳа объ его смерти, которая, по греческимъ понятіямъ, несовмѣстима съ апоѳеозомъ: окончивъ свои земные труды, побѣдивъ также и гигантовъ, Гераклъ укрощаетъ Кербера, звѣреподобнаго бога смерти, затѣмъ добываетъ яблоки Гесперидъ, символъ вѣчной молодости, и возносится на Олимпъ. Миѳъ о его трагической смерти вмѣстѣ съ Деянирой и Іолой остался прикрѣпленнымъ къ прежнимъ сѣдалищамъ дорійцевъ, къ горѣ Этѣ; здѣсь его нашелъ авторъ эпоса о „взятіи Эхаліи", а изъ этого эпоса почерпнулъ матеріалъ для своей трагедіи Софоклъ. Давно уже былъ отмѣченъ мрачный конецъ этой трагедіи, исключающій всякую мысль объ апоѳеозѣ; а такъ какъ этотъ конецъ — въ то же время и подлинный конецъ исконнаго миѳа о богочеловѣкѣ, то я позволю себѣ его переводомъ закончить всю мою статью. Знатоки Вагнера и здѣсь найдутъ точки соприкосновенія и воздадутъ должное поразительному поэтическому чутью этого великаго художника; я особенно имѣю въ виду то мѣсто, гдѣ Брюнгильда передъ костромъ Зигфрида обращается къ богамъ съ патетической укоризной:

O ihr, der Eide.
Ewige Hüter
Blicket herab
Auf mein blühendes Leid,
Erkennt eure ewige Schuld!

Прошу теперь—но не только ради этой черты—углубиться въ конецъ Софокловой трагедіи съ того мѣста, гдѣ герой, передавъ сыну свою послѣднюю волю, благодаритъ его за его послушаніе.

ГЕРАКЛЪ—*опускаясь на носилки.*

Спасибо за конецъ. Теперь же, сынъ мой,
О скоромъ исполненіи прошу,
Чтобъ, не дождавшись судорогъ и корчей,
Ты упокоилъ на кострѣ отца.

(*Дружинѣ:*)

Скорѣй, друзья. Тамъ будетъ исцѣленье,
Послѣдній отдыхъ вашего вождя.

ГИЛЛЪ.

Препятствій нѣтъ; съ усердіемъ исполнимъ
Твое желанье—твой приказъ, отецъ.

(Глубокая ночь. На вершинѣ Эты показываются первые огни; это—факелы тѣхъ, которые пришли воздвигнуть костеръ для Геракла. Челядь Деяниры высыпала на сцену, наполняя ее вмѣстѣ съ дружиной Геракла; за ней появляются плѣнницы, въ томъ числѣ Іола. Маршевая музыка, торжественная и траурная, сопровождаетъ всю слѣдующую сцену.)

ГЕРАКЛЪ.

А теперь, пока вновь не взъярилась болѣзнь,
Мой безтрепетный духъ, удила на языкъ
Наложи мнѣ стальныя и крикъ задуши;
Пусть покажется всѣмъ, что на радость себѣ
Ты свершишь подневольное дѣло.

(Закрываетъ голову плащемъ и остается безъ движенія до конца.)

ГИЛЛЪ—*съ укоризненнымъ движеніемъ руки по направленію къ Этѣ.*

Поднимайте, друзья; вы великое мнѣ
Въ томъ дадите свидѣтельство; вы и боговъ
Уличите въ великой неправдѣ—боговъ,
Что отцами слывутъ и спокойно съ небесъ
На такія мученья взираютъ.

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

О грядущемъ судить не дано никому,
Настоящаго жъ обликъ печаленъ для насъ
И позоренъ для нихъ; но изъ всѣхъ тяжелѣй
Онъ тому, кто несетъ
Несказаннаго бѣдствія бремя.

(Носильщики поднимаютъ носилки; у нихъ стоитъ Гиллъ, за нимъ ратники, далѣе челядь, позади всѣхъ плѣнницы; одна только Іола въ смущеніи остановилась подъ колоннами портика. Старшая дѣвушка подходитъ къ ней.)

Не скрывайся, невѣста, и ты въ терему:
Ты младую, ужасную видѣла смерть,
Ты извѣдала столько страданій—душа

И понынѣ болитъ —
Но во всемъ была Зевсова воля.

Приводитъ ее къ Гиллу, который молча подаетъ ей руку; всѣ участвующіе въ шествіи, впереди Гиллъ съ Іолой, медленно идутъ по подъему направо, ведущему на Эту. Трахинянки, при послѣднихъ словахъ старшей дѣвушки, обратились съ простертыми руками къ вершинѣ Эты; послѣ нѣмой молитвы онѣ всѣ направляются въ теремъ Деяниры, дверь котораго затворяется, оставляя сцену въ полномъ мракѣ.

Ѳ. Зѣлинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

„МЫСЛЬ КАЖДАЯ...“

(FRÉDÉRIC AMIEL [1])

Мысль каждая—цвѣтокъ
Съ душою чутко-нѣжной,
Блестящій огонекъ
Средь ночи тьмы безбрежной.

Сверкнетъ, какъ лучъ зари,
И вновь во мглѣ таится,—
Какъ знать ея пути,
Куда, откуда мчится!?

Какъ сорванный листокъ
Средь жизни бури снѣжной,
Случайныхъ думъ потокъ
Храни душой мятежной.

Мысль каждая—цвѣтокъ
Съ улыбкой чутко-нѣжной.

[1]) Аміель — авторъ „Дневника“, переведеннаго подъ редакціей Л. Н. Толстого.

ИДЕАЛЪ

(Sully Prudhomme.)

Блѣдна луна въ равнинѣ неба ясной,
Сіяютъ звѣзды, спитъ земля втиши,
И рѣетъ міра духъ, и въ глубинѣ души
Мнѣ виденъ лучшій свѣтъ иной звѣзды прекрасной,

Звѣзды невидимой, чей блескъ въ странѣ иной
Сердцамъ другимъ златые сны вѣщаетъ
И въ чудномъ мірѣ грезъ незримо обитаетъ
И намъ когда-нибудь пришлетъ свой свѣтъ живой.

О вы, счастливые, которымъ та звѣзда
Зажжется нѣкогда въ иныхъ вѣкахъ далекихъ,
Скажите, что ее я сердцемъ ждалъ всегда,
По ней грустилъ въ скитаньяхъ одинокихъ.

Ел. Миличъ.

7 февраля, 1909 г.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ

Изъ воспоминаній А. Л. Костомаровой *).

У насъ съ сестрой былъ рѣдкой доброты вотчимъ: онъ любилъ насъ, какъ самый нѣжный родной отецъ. По нездоровью онъ не присутствовалъ на актѣ въ нашемъ пансіонѣ. Когда мы появились передъ нимъ въ нашихъ бѣлыхъ платьяхъ и бросились къ нему на шею, отъ радости впередъ жить съ нимъ неразлучно и отъ удовольствія представить ему наши отличные аттестаты, онъ прослезился и сказалъ, обращаясь къ нашей матери:

„Это ли взрослыя дѣвицы, окончившія курсъ наукъ! Да это дѣти, крошки! Имъ нужно расти и развиваться и имъ нужно помочь въ этомъ. Посовѣтуйся съ врачами: не пошлютъ ли они ихъ куда-нибудь къ морю купаться и подышать на свободѣ? Я употреблю всѣ мои трудовыя силы, чтобы доставить имъ тамъ и необходимое развлеченіе, и нѣкоторую экипировку, такъ какъ вполнѣ надѣюсь, что онѣ подрастутъ послѣ такой поѣздки“.

По совѣту врачей наша родная мама, не далѣе какъ черезъ двѣ недѣли послѣ того, повезла насъ въ Одессу, пригласивъ съ собою портниху для шитья намъ платьевъ. Одесса въ то время пользовалась правами porto-franco. Иностранные товары тамъ были чрезвычайно дешевы, но существовала таможня, ревизовавшая чемоданы ѣхавшихъ изъ Одессы внутрь Россіи, и ничего несшитаго нельзя было провезти безъ большого штрафа. Между

*) См. іюнь, стр. 195.

тѣмъ съѣздъ на купальный сезонъ въ Одессу бывалъ очень большой, въ особенности дамъ и дѣвицъ, которыхъ привлекала туда не столько необходимость поправить здоровье морскимъ купаньемъ, сколько жажда развлечься, послушать итальянскихъ пѣвцовъ и накупить себѣ нарядовъ. Поэтому модистки тамъ были совершенно недоступны; даже самыя незатѣйливыя портнихи были завалены работой и брали что хотѣли за свой трудъ, зная, что рѣдко кто рѣшится провезти въ своемъ чемоданѣ въ Россію кусокъ купленной въ Одессѣ матеріи или кружева. Многія, подобно нашей мамѣ, брали съ собой портнихъ, содержаніе которыхъ было неразсорительно, такъ какъ почти всѣ, пріѣзжавшіе въ Одессу цѣлой семьей, устраивались не въ гостинницахъ, а нанимали отдѣльныя квартиры въ нѣсколько комнатъ, смотря по средствамъ. Съ нами, кромѣ портнихи, былъ еще лакей, котораго предоставилъ намъ нашъ добрый вотчимъ для наблюденія за исправностью экипажа въ пути, для расплаты на станціяхъ за почтовыхъ и для услугъ на квартирѣ въ чужомъ городѣ.

Желѣзной дороги отъ Кіева до Одессы въ то время не было, и мы ѣхали туда чуть не цѣлую недѣлю, въ виду массы проѣзжавшихъ на почтовыхъ лошадяхъ. Въ Одессѣ мы скоро нашли себѣ очень удобную квартирку въ четыре комнаты въ нижнемъ этажѣ каменнаго дома, что признавалось лучшимъ для предохраненія живущихъ отъ нестерпимаго іюльскаго зноя. Мама немедленно взяла для меня на прокатъ помѣсячно хорошій рояль и стала освѣдомляться о лучшихъ учителяхъ музыки въ Одессѣ. Кстати, въ парадномъ вестибюлѣ того дома, гдѣ мы помѣстились, очень часто слышались звуки исполняемыхъ въ бель-этажѣ на роялѣ трудныхъ этюдовъ и пьесъ. Ежедневные выходы утромъ и вечеромъ для купанья приводили насъ къ постоянной встрѣчѣ съ пожилой особой, квартировавшей въ томъ же домѣ, гдѣ и мы. Особа эта, также какъ и мы, пользовалась морскимъ купаньемъ, такъ что мы встрѣчались и въ купальняхъ. Это подало поводъ сначала къ небольшимъ разговорамъ, а потомъ и къ знакомству. То была княгиня Шаликова, супруга престарѣлаго поэта. Долго намъ не случалось видѣть его въ гостиной его супруги-княгини; но какъ-то разъ, послѣ утренняго купанья, мы были приглашены княгиней на завтракъ. Пока накрывали столъ, я осматривала картины; взглянувъ на висѣвшій въ числѣ ихъ портретъ неизвѣстнаго мнѣ лица, я воскликнула:

„Княгиня! какой носъ! могу ли спросить имя его носителя?“

— Это мой князь, дитя мое. Я познакомлю его съ вами, и вы полюбите его.

Мнѣ было очень неловко, а мать моя, извиняясь передъ княгиней за мою выходку, оправдывала ее долгимъ пребываніемъ въ закрытомъ заведеніи, безъ обращенія въ обществѣ и, наконецъ, живостью и впечатлительностью моей натуры. Княгиня смѣялась, но князя мы въ тотъ день не видѣли: онъ гдѣ-то гулялъ.

Отъ княгини мы узнали, что надъ нашимъ помѣщеніемъ, въ бель-этажѣ, квартируютъ какіе-то богатые люди; у нихъ дочь музыкантша и ей даетъ уроки музыки извѣстный композиторъ Черни, пріѣхавшій на этотъ сезонъ въ Одессу; княгиня съ ними знакома и слыхала отъ нихъ, что Черни, идучи къ нимъ на урокъ, поинтересовался узнать, кто такіе пріѣзжіе, помѣщающіеся въ нижнемъ этажѣ дома. Благодаря тому, что для защиты отъ жгучихъ солнечныхъ лучей въ квартирѣ этихъ пріѣзжихъ всегда были спущены жалюзи, онъ всякій разъ останавливался у одного изъ оконъ на нѣсколько минутъ, такъ какъ всякій разъ слышалъ бойкое и отчетливое исполненіе различныхъ этюдовъ, что̀ указывало на присутствіе даровитаго молодого существа, учащагося или учащейся. И въ самомъ дѣлѣ, хотя я играла сидя спиной къ окну, но черезъ жалюзи мелькали и отражались на моихъ нотахъ тѣни проходящихъ; случалось, что нѣкоторые изъ нихъ останавливались.

Обрадованная слышаннымъ отъ княгини, мать моя просила ее узнать черезъ своихъ знакомыхъ, не пожелаетъ ли г. Черни давать уроки той учащейся, которую онъ иногда слушаетъ черезъ раскрытое окно изъ-за жалюзи? Я же съ этого дня вознамѣрилась подкараулить стояніе г. Черни подъ окномъ во время моей игры.

Дня черезъ два послѣ этого, почти при окончаніи моихъ упражненій, я замѣтила на нотахъ тѣнь остановившагося человѣка, быстро обратилась къ ней и прервала игру, надѣясь узрѣть Черни.

„Такъ мучительно жарко сегодня, что и наслаждаться подъ окномъ нельзя: позвольте войти!“

Я бросилась къ дверямъ въ увѣренности увидѣть во входящемъ не кого иного, какъ г-на Черни, и отворила ихъ съ выраженіемъ восторга на лицѣ. Но каково было мое глупое смущеніе при видѣ чудовищнаго носа... То былъ князь Шаликовъ. Наговоривши риторически подобранныхъ любезностей по поводу моей игры, онъ скоро ушелъ, а супруга его, при нашей вечерней встрѣчѣ на морѣ, обрадовала мать мою и меня извѣстіемъ, что Черни, отказавшійся многимъ пріѣзжимъ давать уроки, согла-

сенъ давать ихъ мнѣ, такъ какъ успѣлъ уже нѣсколько познакомиться съ моей игрой и, помимо моихъ способностей, плѣненъ моимъ трудолюбіемъ и терпѣніемъ, съ которымъ я добивалась преодолѣванія трудностей при изученіи музыкальныхъ этюдовъ.

Черни давалъ мнѣ уроки въ продолженіе августа и сентября, т.-е. до того времени, когда мы съ матерью должны были покинуть Одессу и возвратиться въ Кіевъ [1]).

Въ Одессѣ мы часто посѣщали театръ, гдѣ давались по преимуществу итальянскія оперы. Мы восторгались и новизною, какую представляло для насъ вокальное исполненіе громадныхъ пьесъ, и самими исполнителями. Мы помѣщались всегда въ одной и той же ложѣ нижняго яруса и заслушивались пѣвцами и хорошимъ оркестромъ. Мама наша усаживала насъ впереди, сама же помѣщалась за нами. Въ первыхъ числахъ августа случилось намъ слушать оперу „Саффо“ Паччини. Играли увертюру. Какъ ни требовала отъ насъ мама, чтобы мы съ сестрой сидѣли чинно и не возвышали голоса во время своей бесѣды, но при первомъ же сильномъ впечатлѣніи наставленіе это забывалось.

И вотъ видимъ въ партерѣ знакомое лицо... Мы обѣ привѣтливо кланяемся и слегка окликаемъ:

„Monsieur Kostomaroff! и вы здѣсь!“

— Потише, Бога ради! Кого это вы вздумали вызывать изъ партера? Сидите же прилично, прошу васъ!—сказала намъ въ полголоса мама.

„Мамочка!—залепетали мы, радостно сіяя:—это нашъ учитель, monsieur Kostomaroff!“

— Да Господь съ нимъ, съ вашимъ учителемъ! Вы здѣсь не въ пансіонѣ, а въ свѣтѣ, въ оперѣ!—сказала мать.

Но мы не унимались—и нашему восторженному настроенію никакъ нельзя было помѣшать, въ особенности когда m-r Костомаровъ вошелъ къ намъ въ ложу. Онъ представился нашей мамѣ и обратился къ намъ:

„Какими судьбами вы здѣсь?“

— Такими, вѣроятно, какъ и вы: пріѣхали сюда изъ Кіева для отдыха и къ морю,—сказала я.

Встрѣча съ нами и въ особенности мой отвѣтъ очень обрадовали Николая Ивановича. Онъ разсказалъ, что послѣ окончанія марша изъ „Отелло“ на актѣ у г-жи Де-Мельянъ онъ

[1]) Всѣ эти подробности о моихъ музыкальныхъ успѣхахъ описываю потому, что Николай Ивановичъ придавалъ имъ громадное значеніе и, любя музыку, приходилъ въ восторгъ отъ моей игры, мечтая о моемъ дальнѣйшемъ музыкальномъ образованіи.

вмѣстѣ съ другимъ учителемъ нашего пансіона, утомленные духотой въ залѣ, поспѣшили уйти и отправились бродить по „Аскольдовой могилѣ“ надъ Днѣпромъ [1]). Шла у нихъ рѣчь объ актѣ, и Николай Ивановичъ спросилъ у своего товарища о мѣстѣ жительства дѣвицъ Крагельскихъ, а тотъ ему сообщилъ, что мать наша не носитъ фамиліи нашей, такъ какъ вторично замужемъ, и что насъ увозятъ въ Курскую губернію.

„Тѣмъ пріятнѣе для меня сегодняшняя встрѣча, — сказалъ намъ Николай Ивановичъ, — что сообщеніе моего пріятеля невѣрно, и я надѣюсь представиться вамъ въ Кіевѣ, когда вы туда вернетесь“.

Послѣдовало сдержанное и сухое приглашеніе со стороны нашей матери и очень живое отъ насъ, но съ предупрежденіемъ, что раньше октября мы въ Кіевъ не возвратимся.

На другой день послѣ встрѣчи въ театрѣ Николай Ивановичъ пришелъ къ намъ. Много болтали и смѣялись. Строгая наша мама, незамѣтно для себя, попала подъ обаяніе нашего „учителя“, а при прощаніи напомнила ему о времени нашего возвращенія въ Кіевъ и дала адресъ нашей квартиры.

Николай Ивановичъ спѣшилъ въ Кіевъ къ своимъ педагогическимъ занятіямъ и уѣхалъ; мы же возвратились въ Кіевъ въ послѣднихъ числахъ сентября.

Съ первыхъ дней октября 1846-го года Николай Ивановичъ сталъ посѣщать насъ. Мой бѣдный вотчимъ мучился ревматизмомъ въ рукахъ, неподдававшимся никакому леченію. Въ рѣдкіе вечера выходилъ онъ изъ своего кабинета, съ трудомъ преодолѣвая страданія и изнеможеніе подъ вліяніемъ сильнаго жара. По этой причинѣ Николай Ивановичъ не могъ сблизиться съ нимъ и оцѣнить его высокія духовныя качества. Ревматизмъ, называемый врачами хирагрой, подтачивалъ силы крѣпкаго сорокалѣтняго организма, но ни мать моя, ни я съ сестрой не замѣчали этого и смотрѣли на хирагру только какъ на сильную ломоту, которая постоянно къ утру ослабѣвала и давала больному возможность выѣзжать и даже заниматься служебными дѣлами. Онъ былъ, притомъ, такъ терпѣливъ, такъ великодушно оберегалъ спокойствіе своей семьи, что не только выражалъ желаніе, но даже требовалъ, чтобы мы съ матерью выѣзжали на вечера къ знакомымъ и звали къ себѣ гостей. Мать

[1]) „Аскольдовой могилой“ называютъ кладбище, расположенное въ живописной мѣстности, на склонѣ къ Днѣпру, по пути изъ Печерской части гор. Кіева. Церковь этого кладбища построена на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, погребенъ Аскольдъ.—*В. К.*

моя находила, что мы обѣ съ сестрой еще слишкомъ молоды для того, чтобы посѣщать блестящіе балы генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова, что въ нашемъ возрастѣ полезнѣе вращаться въ домашнемъ кругу знакомыхъ и что годикъ-другой намъ нужно заняться серьезнымъ научнымъ чтеніемъ и усовершенствоваться въ музыкѣ. Знакомство Николая Ивановича казалось для моей матери тѣмъ болѣе подходящимъ, что онъ съ перваго своего посѣщенія завелъ рѣчь о томъ, какія сочиненія мы думаемъ читать съ сестрой, и предложилъ намъ не только свои книги, но и свой выборъ. Посѣщенія его учащались. Длинные осенніе и зимніе вечера, когда случалось, что у насъ не было гостей, игравшихъ въ карты, мы проводили то въ оживленной бесѣдѣ, то въ чтеніи. И то и другое, по просьбѣ Николая Ивановича, перемежалось моей игрой его любимѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ, и онъ до того увлекался, что упрашивалъ повторять то извѣстное отдѣленіе, болѣе другихъ ему нравившееся, то всю пьесу. Ему особенно приходились по душѣ творенія Бетховена, и не только сонаты, но и ораторіи въ переложеніи Листа. Любилъ онъ слушать „Stabat Mater“ Россини, увертюру изъ „Вильгельма Телля“ и „Erlkönig“ Шуберта въ переложеніи Листа. Послѣдняя пьеса никогда не проходила безъ повторенія, а такъ какъ она очень утомительна по скорому темпу и силѣ, необходимой для ея исполненія, то я за вторичное исполненіе придумала необходимость вознагражденія, въ видѣ чтенія Николаемъ Ивановичемъ какого-либо изъ произведеній Пушкина для меня, Мицкевича—для моей матери и для меня съ сестрой. Мать моя происходила изъ старинной польской фамиліи, вовсе не знала и не интересовалась иными поэтами, кромѣ Мицкевича, и приходила въ полнѣйшій восторгъ, слушая, какъ нашъ гость превосходно и съ увлеченіемъ перечитывалъ наизусть то „Dziady“, то „Konrad Wallenrod“. Память у Николая Ивановича была феноменальная. Лицо его при чтеніи такъ оживлялось, что плѣняло всѣхъ присутствующихъ. Въ глазахъ его блистала божественная искра. При всей прелести такихъ вечеровъ хозяйка дома скоро утомилась ими, и стала скучать... Она съ давнихъ лѣтъ привыкла къ другому способу времяпровожденія, привыкла посѣщать ежедневно карточные вечера и устраивать такіе же у себя; она стала скучать безъ нихъ. Николай Ивановичъ подмѣтилъ какое-то апатическое отношеніе моей матери къ нашимъ бесѣдамъ съ нимъ, къ его чтеніямъ и къ моей игрѣ на роялѣ; я прямо сказала ему, въ чемъ дѣло. Съ той поры Николай Ивановичъ вздумалъ предлагать кое-когда сыграть одну пульку въ преферансъ, садился играть самъ и,

разумѣется, приводилъ насъ въ смѣхъ своимъ неумѣньемъ не только распоряжаться картами, но и держать ихъ такъ, чтобы онѣ не были видны партнерамъ. Мама, увидѣвши, что посѣщенія Николая Ивановича учащаются, не сочла нужнымъ долѣе лишать себя пульки, и какъ только являлся кто-либо изъ партнеровъ, садилась съ нимъ за зеленый столъ въ гостиной, вполнѣ предоставляя намъ съ сестрой бесѣду съ Николаемъ Ивановичемъ, игру на роялѣ въ залѣ и чтеніе вслухъ всякихъ поэтическихъ произведеній, съ тѣмъ лишь, чтобы все это не происходило вблизи карточнаго столика, не отвлекало вниманія играющихъ. Это очень понравилось Николаю Ивановичу: онъ увидѣлъ, что визиты его не будутъ стѣснять хозяйку дома, а при такой обстановкѣ ему самому пріятнѣе проводить вечера въ обществѣ своихъ бывшихъ юныхъ ученицъ, слушавшихъ его восторженно. Такъ проходила зима. При такой обстановкѣ мы скоро сблизились. Наступалъ февраль 1847-го года.

Въ то время кіевская зимняя ярмарка—такъ называемые „Контракты“—бывала многолюдна. Съѣзжались помѣщики всего юго-западнаго края, будто бы для совершенія всякаго рода сдѣлокъ по имѣніямъ, въ сущности же для покупки различныхъ товаровъ отъ пріѣзжавшихъ купцовъ, своихъ и иностранныхъ, и чтобы повеселиться и, какъ говорится, себя показать и людей посмотрѣть. Съ этой цѣлью богатые помѣщики изъ числа польской знати, какъ напримѣръ князья Любомірскіе, Сангушки, графы Браницкіе, заранѣе присылали въ Кіевъ своихъ породистыхъ упряжныхъ лошадей, экипажи и громадный штатъ прислуги. Мѣстныя власти — генералъ-губернаторъ, губернаторъ и предводитель дворянства — давали балы, посѣщавшіеся этими „панами“ и ихъ семьями. Знаменитѣйшіе европейскіе артисты пріѣзжали давать концерты. Мѣстнымъ и пріѣзжимъ дамамъ представлялась возможность щегольнуть нарядами и драгоцѣнными украшеніями, экипажами и лошадьми. Кстати, „Контракты“ совпадали по времени съ окончаніемъ зимнихъ развлеченій и тянулись до послѣднихъ дней масляницы. Веселилась не одна знать, но и всякій, кто только хотѣлъ и могъ веселиться.

Въ одинъ изъ вечеровъ „контрактоваго“ времени входитъ къ намъ Николай Ивановичъ съ какимъ-то особеннымъ оживленіемъ и, поздоровавшись съ моей матерью, провозглашаетъ, обращаясь ко мнѣ:

„Францъ Листъ здѣсь! Слыхали?“

— Слыхали, видѣли и даже принимали его здѣсь у насъ въ

домѣ сегодня утромъ!—отвѣчала я, сіяющая отъ такого радостнаго событія.

„Какая звѣзда привлекла его къ вамъ?“

— Трехзвѣздіе: Витвицкій, Ванко и Поночини [1]). Они встрѣчали свое свѣтило въ приготовленной для него квартирѣ и послѣ подобающихъ привѣтствій, во время бесѣды о Кіевѣ и его обитателяхъ, сообщили о „маленькой“ музыкантшѣ, подающей большія надежды. Онъ спросилъ и записалъ нашъ адресъ—и пріѣхалъ.

Все это я проговорила съ напускною важностью, несвойственною ни моему характеру, ни возрасту. Я была внѣ себя отъ восторга. Николай Ивановичъ, какъ я тогда замѣтила, стоялъ молча, не сводя съ меня своихъ выразительныхъ глазъ: онъ любовался свѣжимъ, чисто дѣтскимъ проявленіемъ моего восторженнаго душевнаго состоянія.

„Это случилось нѣсколько иначе,—сказала моя мать, прерывая нѣмое, но выразительное созерцаніе нашего гостя.—Мы были съ утреннимъ визитомъ у графини Меллиной. Она никогда не упуститъ случая заставить Алину поиграть. Алина отдѣлывалась чѣмъ-нибудь коротенькимъ и, напрактиковавшись за послѣднее время въ исполненіи „Erlkönig“, принялась играть. Графиня, слушая, сказала мнѣ, что не сегодня-завтра пріѣзжаетъ въ Кіевъ Листъ. Въ это самое время кто-то подъѣхалъ въ саняхъ, быстро вошелъ въ прихожую и безъ доклада — въ залъ. Здѣсь, не представляясь хозяйкѣ дома, неизвѣстный гость остановился за спиной Алины и слушалъ... Вдругъ она, смущенная близостью какого-то невѣдомаго слушателя, прекращаетъ игру и, обернувшись назадъ, восклицаетъ: „Monsieur Lisst!“—„Continuez, mon enfant!“—ласково усаживая ее на табуретъ, отвѣтилъ Листъ, котораго она узнала по сходству стоявшаго передъ ней съ портретомъ и медальономъ, висящими у нея дома близъ рояля. Но куда! Она закрыла лицо руками и едва сдерживала слезы отъ волненія и стыда при мысли, что Листъ нѣсколько минутъ слушалъ, какъ коверкаютъ его мастерское произведеніе. Графиня поспѣшила представить ее Листу. Онъ вынулъ изъ кармана свою записную книжечку, взглянулъ туда и съ благодушнѣйшею улыбкой, обращаясь къ Алинѣ, медленно, но отчетливо прочиталъ: „M-elle Alina Krahelska, Petschersk, rue Hospitalnaïa... n'est-ce pas, petite?“ Тутъ онъ сказалъ графинѣ, что учителя музыки сообщили уже ему о способностяхъ Алины и дали адресъ нашъ.

---

[1]) Тогдашніе учителя музыки въ Кіевѣ.

„Не прикажете ли заранѣе записать билеты для концертовъ Листа?“—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Хороши вы, нечего сказать, а еще любите слушать „Erlkönig“, увертюру изъ „Вильгельма Телля“ и другія несравненныя переложенія Листа! Вѣдь вчера уже былъ первый концертъ его въ залѣ Контрактоваго дома. Давка была невообразимая, мы съ бою достали себѣ билеты въ десятомъ ряду, а множество слушателей стояло между колоннами и повсюду было загромождено публикой до того, что когда мы, по окончаніи концерта, направились къ эстрадѣ, чтобы пожать эти волшебныя руки, насъ чуть не задавили. А вы только предлагаете запастись билетами!

„Виноватъ, за лекціями опоздалъ. Зато слѣдующій и послѣдній концертъ будетъ въ актовомъ залѣ нашего университета и билеты будутъ поближе къ эстрадѣ“.

— Опоздали и тутъ!—весело перебила я Николая Ивановича.

„А вы поторопились рѣшить, что я опоздалъ. Вотъ и билеты!“

Онъ положилъ билеты въ гостиной на столъ. Мать взяла ихъ и, возвращая деньги, уплаченныя за билеты, благодарила за любезность, а взглядомъ, направленнымъ ко мнѣ, и мимикой давала мнѣ понять, чтобы я молчала объ имѣвшихся уже у насъ билетахъ помимо заботъ Николая Ивановича.

Но свѣтлое, радужное настроеніе духа не укладывалось въ свѣтскія рамки любезной лжи, и я побѣжала въ свою комнату, быстро вернулась въ гостиную и, поднося билеты перваго ряда креселъ, задорно проговорила:

„А это что такое! Развѣ не опоздали! Куда ужъ вамъ! Сидите себѣ надъ своей „Славянской Миѳологіей“, думайте о пѣсняхъ народныхъ, да о Богданѣ, а я думаю о музыкѣ, о Листѣ, и Листъ обо мнѣ хоть разъ въ жизни подумалъ—и то какое счастье! Сегодня онъ привезъ намъ билеты. Мама не хотѣла брать даровые билеты, благодарила и сказала, что мы уже обезпечены билетами, а онъ на это сказалъ: „Пусть и такъ, но мои билеты *особые*, для васъ полезные, входите въ залъ съ *моими*, вамъ укажутъ назначенныя мною для васъ мѣста,—а свои билеты подарите кому-нибудь“.

Чтобы сгладить выходку своей дочки, мама еще разъ поблагодарила Николая Ивановича и сказала, что доставленные имъ билеты сейчасъ отошлетъ знакомымъ, которые въ огорченіи, что не достали себѣ билетовъ; затѣмъ, поддаваясь чувству материнской гордости, свела разговоръ на посѣщеніе Листа.

„Представьте, онъ выбралъ изъ ея нотъ труднѣйшую увертюру изъ „Вильгельма Телля“ своего переложенія и слушалъ ее

съ величайшимъ вниманіемъ, все прибавляя скорости и поддерживая энергію исполнительницы непрерывными „браво“, затѣмъ обратился ко мнѣ съ просьбой довѣрить ему дочь для помѣщенія въ вѣнскую консерваторію, гдѣ онъ будетъ слѣдить за ея музыкальнымъ образованіемъ. Сулилъ ей блестящую будущность. Я очень благодарила, но отказалась: не для подмостковъ ростила я дочерей; да и возможно ли сдать молоденькую дѣвчонку на попеченіе Листа?“

— Васъ сегодня экзаменовали?—спросилъ Николай Ивановичъ, обращаясь ко мнѣ.

„Да—и экзаменъ былъ пострашнѣе нашихъ пансіонскихъ. Я садилась за рояль въ какомъ-то оцѣпенѣніи, а встала пылающая и смущенная своею дерзостью: играть при Листѣ!“

— Вамъ очень хочется въ Вѣну, въ консерваторію?

„Не будемъ говорить о несбыточномъ!“

— Отъ васъ будетъ зависѣть, чтобы такая мечта осуществилась.

„Отъ меня зависитъ только одно право—мечтать; все остальное—въ рукахъ мамы“.

— До извѣстнаго времени.

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ другихъ гостей. Послѣ продолжительнаго сидѣнія за чаемъ, игры на роялѣ и неклеившейся бесѣды Николай Ивановичъ уѣхалъ. Одинъ изъ оставшихся гостей, жившій по сосѣдству съ нами, проницательно замѣтилъ, что г. профессоръ бываетъ здѣсь очень часто, какъ онъ наблюдалъ это изъ окна.

Второй и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній концертъ Листа въ университетскомъ залѣ прошелъ тѣмъ болѣе блистательно, что резонансъ здѣсь несравненно лучше, чѣмъ въ контрактовомъ залѣ. Послѣ шумныхъ овацій при первомъ выходѣ великаго артиста на эстраду, устроенную по срединѣ зала, послѣ многочисленныхъ его поклоновъ на всѣ стороны зала, онъ спустился съ эстрады, подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку и ввелъ на эстраду. Отъ такой неожиданности я смѣшалась и какъ-то невольно повиновалась ему. Тамъ было установлено два рояля и у каждаго по стулу для артиста. Листъ отодвинулъ нѣсколько свой стулъ и усадилъ меня такъ, какъ будто я должна была играть съ нимъ въ четыре руки,—а самъ прошелъ къ другому роялю и взялъ оттуда стулъ для себя. Усѣвшись рядомъ, онъ сказалъ мнѣ по-французски: „Слѣдите за моей игрой—это урокъ для васъ на память обо мнѣ“.

Это было 7-го февраля 1847-го года.

Въ концертномъ залѣ публика была заинтересована вниманіемъ Листа къ молоденькой дѣвушкѣ, и въ промежуткахъ между пьесами носились то тамъ, то сямъ распросы — кто такая эта дѣвушка. Николай Ивановичъ, присутствовавшій на концертѣ, слышалъ, какъ близъ него кто-то распространялъ добытое свѣдѣніе, что это — „невѣста Листа, плѣнившая его здѣсь въ Кіевѣ своимъ талантомъ, и теперь она играетъ съ нимъ въ четыре руки".

По окончаніи концерта, когда Листъ, много разъ пожимая мои обѣ руки, простился со мной, Николай Ивановичъ подошелъ ко мнѣ и съ пылкостью проговорилъ, что вполнѣ понимаетъ, какъ на душѣ у меня свѣтло и радостно.

Дни шли; чуть не каждый вечеръ пріѣзжалъ къ намъ Николай Ивановичъ. Вслѣдъ за нимъ, словно на зло ему, являлся сосѣдъ, инженерный офицеръ А., подмѣтившій частые визиты „г. профессора". Это волновало Николая Ивановича: онъ желалъ бы посидѣть у насъ безъ постороннихъ свидѣтелей, поговорить со мной, а назойливый А. все тутъ... Наконецъ выпалъ счастливый вечеръ 12-го февраля, когда никого изъ гостей, кромѣ Николая Ивановича, не случилось. По обыкновенію исполнялись любимыя пьесы; какъ и прежде, Николай Ивановичъ стоялъ у рояля, не сводя съ меня глазъ... и едва дослушалъ послѣдній аккордъ, обратился къ сидѣвшей тутъ же моей матери:

„Я прошу у васъ руку дочери вашей Алины!"

— Пусть она ее сама вамъ отдастъ, Николай Ивановичъ!

Онъ взялъ меня за руки, хотѣлъ подвести къ матери.

„Не знаю,.. не знаю, — пробормотала я, — пусть будетъ такъ, какъ мама хочетъ".

Мама улыбнулась; Николай Ивановичъ не выпускалъ моихъ рукъ... Прошло нѣсколько секундъ въ молчаніи... Мы подошли къ матери. Она вызвала къ намъ своего страдальца-мужа и отрекомендовала ему жениха и невѣсту. Всѣ были тронуты.

Тутъ мать моя спохватилась и воскликнула:

„Долго же вамъ, Николай Ивановичъ, быть женихомъ: вѣдь Алинѣ всего пятнадцать съ половиной лѣтъ!"

— Шестнадцать съ половиной,—сказали мы въ отвѣтъ.

Мать открыла свое бюро, вынула бумаги, нашла мое метрическое свидѣтельство, взглянула и, отдавая жениху, сказала:

„Вы правы — странно, какъ это я ошиблась! А я все считаю Стефаніи семнадцатый, а Алинѣ шестнадцатый: не похожа она на невѣсту!"

По просьбѣ жениха, на слѣдующій же день, 13-го февраля,

назначено было наше обрученіе. То было на второй недѣлѣ великаго поста, и потому, какъ ни торопилъ Николай Ивановичъ со свадьбой, но раньше Ѳомина воскресенья, 30-го марта, назначить ее было невозможно.

Къ назначенному часу, вечеромъ 13-го февраля, къ намъ съѣхались священникъ съ причетникомъ, мой женихъ съ своею матерью и Л. О. Де-Мельянъ. Квартира наша была ярко освѣщена. Я была въ томъ самомъ платьѣ, бѣломъ кисейномъ, въ которомъ Николай Ивановичъ видѣлъ меня на послѣднемъ концертѣ Листа, съ тою разницею, что мать надѣла на меня очень цѣнныя брилліантовыя серьги и ожерелье. Крупные камни самой чистой воды сверкали при блескѣ огней. Послѣ обряда обрученія происходили поздравленія, объятія. Наши матери были взволнованы; у г-жи Де-Мельянъ скатилась слеза. Водворилось почему-то на нѣсколько минутъ молчаніе. Въ это время протяжно и жалобно завыла во дворѣ собака. Обѣ матери тревожно переглянулись; Татьяна Петровна [1]) упорно молчала, а моя мать сказала:

„И число выбралъ Николай Ивановичъ 13-ое для дня своего обрученія, и собаки воютъ у насъ при тостѣ, вмѣсто музыки! Такъ это все непріятно!“

— Мы не должны предугадывать будущее, да еще по такимъ примѣтамъ,—сказалъ священникъ.—Богъ милостивъ, и нашимъ новонареченнымъ ниспошлетъ все благое, а пока мы должны жить ихъ радостью и любоваться ими.

Мой женихъ и я были безмятежно счастливы и весело смѣялись, въ особенности когда послѣ повторенія всякихъ пожеланій за шампанскимъ подали чай и всѣ собрались какъ-то торжественно усаживаться за столомъ. Мы помчались съ женихомъ къ роялю: я сѣла играть, Николай Ивановичъ сѣлъ рядомъ со мною, но потомъ не утерпѣлъ и сталъ противъ меня, чтобы не сводить съ меня глазъ по прежнему. Мать моя почему-то нашла мое поведеніе неприличнымъ, вышла изъ-за чайнаго стола, подошла ко мнѣ и сказала:

„Нужно бы съ сегодняшняго вечера стать взрослой, посидѣть со старшими... Играть всегда успѣешь!“

— Почему же старшимъ не послушать, какъ мы играемъ?— сказалъ Николай Ивановичъ.

„Кто играетъ, а кто любуется!“—замѣтила мать, шутя.

---

[1]) Мать Николая Ивановича.—*В. К.*

— У моей невѣсты сегодня необыкновенно торжественный видъ.

„Это дѣлаютъ брилліанты, которые я только и могу дать своей безприданницѣ!“

— Да ей и не нужно никакихъ брилліантовъ, потому что она сама—драгоцѣнный брилліантъ.—

Мать моя какъ-то кисло улыбнулась и пошла къ чайному столу. Мы послѣдовали за нею.

Во все время нашего чиннаго сидѣнья за чаемъ я поглядывала на блѣдное и суровое лицо Татьяны Петровны—моей будущей свекрови. Ей шелъ уже пятидесятый годъ, но черты лица напоминали еще о былой красотѣ. Я не смѣла заговорить съ нею.

По тогдашней дисциплинѣ моей матери, я обязана была только отвѣчать на обращеніе ко мнѣ пожилыхъ людей, а тѣмъ болѣе будущей моей свекрови. А такъ какъ она была молчалива и только изрѣдка поглядывала на меня исподлобья, то оловянный взглядъ ея леденилъ меня: мнѣ становилось жутко... Николай Ивановичъ не скрывалъ отъ меня, что при немъ живетъ матушка, и когда былъ назначенъ день нашего обрученія, то попросилъ у моей матери дозволенія привезти къ намъ свою. Я встрѣтила будущую свекровь мою съ почтеніемъ, поцѣловала ей руку. Это ей, повидимому, понравилось, но было замѣтно, что она не вращалась въ обществѣ: она имѣла видъ запуганной и вмѣстѣ сердитой дикарки. При прощаніи она глухимъ голосомъ произнесла приглашеніе „на чай“. Я проводила ее въ прихожую, помогла одѣться и снова поцѣловала ея руку. Какое-то негармонирующее съ такимъ свѣтлымъ днемъ чувство, вызванное во мнѣ этой первой встрѣчей съ матерью моего Николая (какъ я теперь называла его про себя), умаляло впечатлѣніе моего перваго праздника жизни. Мнѣ не хотѣлось поддаваться этому чувству, и когда мы съ сестрой улеглись въ свои постели, поболтавши немного, я предалась невольно раздумью: какой въ самомъ дѣлѣ контрастъ съ моею матерью! думалось мнѣ; моя—съ черными, блистающими глазами; его—съ мутными, холодными; моя—строгая, настойчивая, ревниво хранящая свое полновластіе въ семьѣ; эта — словно запуганная, скрытная и тѣмъ не менѣе также настойчивая; тутъ нужно было исполнять волю матери безпрекословно—тамъ нужно будетъ догадываться, чего хотятъ! Но, думалось, вѣдь я успѣю заранѣе распросить жениха о характерѣ его матери — и съумѣю угодить ей! Съ такими мыслями я провела большую часть ночи, пока, наконецъ, сонъ не изгналъ ихъ.

Теперь, по праву жениха, Николай Ивановичъ сталъ бывать у насъ ежедневно. Въ первый же вечеръ я спросила его о характерѣ его матери, разумѣется когда мы были наединѣ, за роялемъ. Онъ заволновался.

„Какъ честный человѣкъ, я обязанъ сказать вамъ, что характеръ у матушки тяжелый. Она не была счастлива въ молодости, напротивъ, она много перенесла горькаго, оттого она недовѣрчива и скрытна; но я у нея одинъ, она живетъ мною и для меня, и я долженъ снисходить, хотя это рѣдко мнѣ удается по моей горячности. Всего хуже то, что на нее безпричинно налетаетъ какое-то дурное расположеніе духа; она ни съ того, ни съ сего, вставши отъ сна, съ ранняго утра, вдругъ смотритъ волкомъ, исподлобья... Я сейчасъ начинаю допрашивать ее, не больна ли она, не сдѣлалъ ли кто ей какой непріятности?— молчитъ и не глядитъ на меня, а я вскипячусь... ну, и выходитъ ни изъ-за чего огорченіе. Я виноватъ, что не сказалъ вамъ этого ранѣе“...

— Что дѣлать!—отвѣтила я.—Примѣняюсь къ характеру своей мамы, примѣнюсь и къ вашей, дастъ Богъ.

Дня черезъ два послѣ этого я поѣхала съ матерью къ Костомаровымъ „на чай“, по ихъ приглашенію. Насъ встрѣтили радушно.

Мать моя проскучала весь вечеръ въ обществѣ Татьяны Петровны, въ гостиной; я съ женихомъ сидѣла большею частью въ его кабинетѣ, и, разумѣется, скукѣ не было мѣста. При отъѣздѣ у меня въ рукахъ были двѣ книги: одна—сочиненіе объ уніи, другая—„Вѣтка“, сборникъ малорусскихъ стихотвореній. На обѣихъ рукою автора было написано во время нашего сидѣнья въ кабинетѣ: „Коханой, найкращей половинѣ души моей, Алинѣ Леонтьевнѣ Крагельской“. Я привезла домой эти книги. На другое утро мать моя спросила ихъ у меня и, заглянувши слегка въ ихъ содержаніе, сказала какъ бы про себя: „Вотъ такъ подарки невѣстѣ: одна книга польская, другая—мужицкая, съ хохлацкими пѣснями!“

— Сегодня я получу третью, французскую...

„Ну и слава Богу!“—ядовито закончила моя мать.

Вечеромъ пріѣхалъ Николай Ивановичъ и привезъ обѣщанную книгу. Это было сочиненіе Ѳомы Кемпійскаго: „L'imitation de Jésus Christ“. Я открыла книгу, ища надписи, и нашла большую надпись, которую и привожу здѣсь.

„Богомъ указанная подруга жизни, любезнѣйшая Алина! Принося вамъ въ подарокъ эту книгу, я прошу васъ больше всего,

чего могъ бы просить женихъ у своей невѣсты, прочитать все здѣсь написанное великимъ авторомъ съ величайшимъ вниманіемъ, проникнуться духомъ этого сочиненія, напечатлѣть въ своей памяти и въ своемъ сердцѣ въ особенности написанное на 178 стр. и далѣе и вообще такъ усвоить L'imitation de Jésus Christ, чтобы при помощи Всесильной Благодати вамъ стала ясною, какъ день, та великая спасительная мысль, что истинные христіане въ брачномъ союзѣ соединяются не только тѣломъ, но духомъ, не для плотскихъ удовольствій, не для карьеры, не изъ суеты, не изъ того влеченія половъ, какое въ мірѣ несправедливо профанируется именемъ любви и которое не болѣе, какъ похоть сердца и очей, не для всякихъ мірскихъ наслажденій, а для того, чтобы при взаимномъ содѣйствіи пройти дружно и твердо черезъ всѣ искушенія, болѣзни, несчастья, утраты и невозбранно достигнуть царства вѣчной любви Господа нашего Іисуса Христа. Соединяясь съ вами бракомъ, я не прошу васъ любить меня, а прошу любить Христа, и тотъ научитъ васъ, какъ любить и меня, и все васъ окружающее. Умоляю васъ не прежде приступить къ брачному алтарю, какъ тогда, когда, не обманывая себя, вы почувствуете, что готовы неуклонно слѣдовать по пути, намѣченному для насъ на землѣ, въ духѣ любви Христовой".

По желанію моей матери я прочла вслухъ эту надпись. Мама сказала нѣсколько словъ въ похвалу надписи, а я, признаться, смутилась, развертывая книгу и заглядывая вскользь въ ея содержаніе: оно не вязалось съ розовымъ настроеніемъ шестнадцатилѣтней невѣсты. Мама отошла въ сторону и вскорѣ совсѣмъ вышла изъ комнаты, гдѣ мы съ Николаемъ Ивановичемъ сидѣли на маленькомъ диванчикѣ рядомъ, на правахъ обрученныхъ; я вторично прочла про себя надпись.

„Чогось-то засумовала або й зажурилась, моя коханая!" — нѣжно проговорилъ Николай Ивановичъ.

— Все то, что̀ вы здѣсь объясняете о значеніи брака, очень вразумительно объяснялъ намъ въ пансіонѣ нашъ ксендзъ-законоучитель, говоря обо всѣхъ таинствахъ; да и о любви къ Христу мы читали немало, приготовляясь къ св. причастію. Прочту эту книгу потому, что вы объ этомъ просите—и пусть сила авторскаго таланта сдѣлаетъ изъ меня совершенство! А если скоро не сдѣлаетъ—добавила я, лукаво поглядывая на жениха,— тогда, разумѣется, отложимъ день нашей свадьбы на неопредѣленное время.

„Ну нѣтъ! — съ горячностью воскликнулъ Николай Ивано-

вичъ:—свадьба назначена на тридцатое марта; мнѣ это обѣщали и должны исполнить".

— Но вѣдь вы умоляете меня „*не прежде* приступить къ брачному алтарю, *какъ*"...

„Не позже какъ 30-го марта: книгу прочтете внимательно въ нѣсколько дней!"

— Прочесть недолго, а проникнуться... и почувствовать... Да развѣ есть срокъ для чувства? Если теперь ничего не чувствую, то, кто знаетъ, почувствую ли и послѣ! Можетъ, когда-либо и почувствую, а вы будьте терпѣливы!

„Ну, виноватъ, увлекся, не такъ выразился".

Мы скоро поладили и стали считать, сколько дней остается намъ до свадьбы. Время летѣло. Женихъ пріѣзжалъ къ намъ обыкновенно по вечерамъ. Я встрѣчала его въ прихожей. Иногда, желая подурачиться, я становилась на стулъ, за входною дверью, и оттуда привѣтствовала жениха нежданнымъ „ау!" Мать моя была занята распоряженіями по изготовленію мнѣ приданаго и часто толковала о неудобствѣ близкаго срока для свадьбы. Каждое утро, вплоть до обѣда, проходило у нея въ поѣздкахъ по магазинамъ, гдѣ дѣлались покупки; по вечерамъ являлись мѣховщики, бѣлошвеи, портнихи и даже башмачники, такъ какъ въ то время въ Кіевѣ не было магазина, гдѣ бы можно было заказать для себя обувь по желанію, а была въ продажѣ готовая, привозная обувь изъ Варшавы, изъ Москвы и изъ другихъ городовъ, и если привозная обувь не приходилась по размѣрамъ ногъ, то нужно было заказывать не въ магазинахъ, а рекомендованнымъ башмачникамъ, работавшимъ у себя на квартирахъ.

Николай Ивановичъ, замѣтивши такія хлопоты, спрашивалъ, зачѣмъ все это нужно дѣлать за одинъ разъ, а не по мѣрѣ надобности.

Намъ съ Николаемъ Ивановичемъ, конечно, нисколько не мѣшали эти вечерніе переговоры моей матери съ разнаго рода мастерами и мастерицами; напротивъ, мы были довольны, располагая полной свободой бесѣдовать по душѣ то вдвоемъ, то въ присутствіи моей сестры, которая очень любила и меня, и моего жениха, и раздѣляла наше свѣтлое настроеніе. Если случалось, что онъ являлся къ намъ днемъ, послѣ лекцій—это значило, что вечеромъ онъ занятъ чѣмъ-либо важнымъ и не пріѣдетъ.

Въ такіе дни, которыхъ, впрочемъ, было немного, я пресерьезно встрѣчала его такимъ возгласомъ: „Не быть нашей свадьбѣ въ Ѳомино воскресенье, мама никакъ не успѣетъ... Придется отложить".

— И пусть маменька приготовляетъ все это для Стефаніи, а мы сдѣлаемъ за границей все, что намъ крайне будетъ нужно; я надѣюсь, что меня командируютъ съ ученою цѣлью года на два: будемъ тамъ заниматься, я—науками, а моя Алина—музыкой!

Заманчивая мечта прожить два года за границей не разъ служила предметомъ нашихъ бесѣдъ; она сулила намъ несомнѣнные успѣхи, такъ какъ мы оба стремились къ развитію своихъ способностей и расширенію знаній; она сулила намъ въ то же время возможность прожить эти два года вдвоемъ, такъ какъ Татьяна Петровна не помышляла ни о путешествіи, ни о жительствѣ за границей. Въ то время заграничный паспортъ для каждаго лица оплачивался 500 руб., и поѣздки за границу уже поэтому были доступны только богатымъ людямъ. Еслибы состоялась командировка Николая Ивановича за границу, то университетъ снабдилъ бы его паспортомъ и лишь для меня предстояло пріобрѣсти паспортъ за 500 руб. Татьяна Петровна никогда не противилась временнымъ поѣздкамъ своего сына куда бы то ни было, но сама не любила ихъ.

Для того, чтобы она не скучала въ одиночествѣ, Николай Ивановичъ придумалъ купить хуторокъ вблизи Кіева и заранѣе сталъ пріискивать такой за Днѣпромъ, чтобы матушкѣ его было занятіе; съ дѣтства привыкшая къ сельской жизни и хозяйству, она продала свое имѣньице въ селѣ Юрасовкѣ, въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губ., единственно для того, чтобы не жить вдалекѣ отъ сына, избравшаго себѣ такую дѣятельность, которая влекла его въ университетскіе города. Какъ только онъ устроился въ Кіевѣ, она переѣхала къ нему на жительство. Купить теперь хуторъ вблизи Кіева казалось тѣмъ необходимѣе, что если не сейчасъ послѣ свадьбы осуществится наша поѣздка за границу, то и для насъ будетъ пріятнѣе провести лѣтнія каникулы 1847 года въ своемъ деревенскомъ гнѣздѣ, и для матушки не представлялось бы надобности оставаться цѣлыхъ два года въ городской квартирѣ, еслибы наша поѣздка состоялась.

Женихъ мой ѣздилъ осматривать хутора и чуть-было не купилъ одного изъ нихъ, но продавецъ подмѣтилъ торопливость и горячность покупателя и заломилъ такую цѣну, что Татьяна Петровна безъ особаго труда убѣдила сына не бросать деньги понапрасну.

Тогда онъ услыхалъ, что продается домъ съ садомъ въ Кіевѣ, вблизи университета, и упросилъ мою мать пріѣхать со мной въ назначенный день и часъ осмотрѣть этотъ домъ, куда и онъ

съ матерью явился въ то же время. Наступилъ уже мартъ, весна въ томъ году была ранняя, и яркіе лучи весенняго солнца уничтожили всякіе слѣды зимы. Деревья и кустарники начинали развиваться. Домъ показался намъ нѣсколько мрачнымъ. Николай Ивановичъ сталъ соображать, какъ можно сдѣлать его свѣтлѣе передѣлкой двухъ простыхъ оконъ въ венеціанскія. Садъ и близость дома къ университету плѣняли его. Домъ этотъ находился на Большой Владимірской улицѣ, у спуска къ Лыбедской части.

„Позвольте мнѣ, моя люба, купить этотъ домъ на ваше имя!“—обратился ко мнѣ въ полголоса Николай Ивановичъ.

— Для чего это нужно? Избави Богъ!—отвѣтила я:—умоляю васъ не дѣлать этого!

„Это почему? не нравится?“

— Вечеромъ, на свободѣ, скажу почему.

Едва мы поздоровались въ тотъ вечеръ у насъ въ домѣ, какъ Николай Ивановичъ, нервно оглядываясь, не помѣшаетъ ли моя мать нашему объясненію, спросилъ:

„Отчего не покупать дома?“

— Оттого, что покупка хутора болѣе нравилась вашей матушкѣ и подходила ближе къ нашей задачѣ—доставить матушкѣ привычный сельскій образъ жизни, болѣе разнообразныя занятія по хозяйству, нежели въ городѣ, развлеченіе пріѣхать къ намъ въ Кіевъ на два-три зимнихъ мѣсяца; для насъ же—провести лѣтнія каникулы у матушки въ деревнѣ. Съ покупкой дома все это проваливается... Пусть бы такъ было, какъ нравится матушкѣ... Ради Бога, купите хуторъ и непремѣнно на ея имя... И намъ, и ей будетъ съ хуторомъ удобнѣе, нежели съ домомъ.

„Понимаю, и это вѣрно, что всѣмъ будетъ лучше. Мнѣ приглянулся уютный домикъ вблизи университета, мое воображеніе подкупилъ развивающійся садъ. Все это продается за четыре тысячи рублей, а за хуторъ требуютъ четырнадцать—я и остановился на домѣ. Въ этомъ своемъ домикѣ, все равно какъ и въ квартирѣ, у матушки всѣ занятія ограничатся одной кухней, этими вѣчными дрязгами съ кухаркой, отъ которыхъ я иногда прихожу буквально въ ярость: мнѣ мѣшаютъ углубляться въ мои занятія, я сержусь, убѣгаю изъ дому, а матушка потомъ запирается въ своей комнатѣ и хмурится нѣсколько дней. Я уже говорилъ вамъ объ этомъ, но многаго еще не успѣлъ сказать или не рѣшался... Но скрытность не въ моей натурѣ. Лучше вамъ знать впередъ всѣ наши грѣхи! Я очень вспыльчивъ, а матушка своенравна. Она любитъ меня чрезвычайно и

ревниво охраняетъ свои права на мою любовь къ ней. Женитьбу мою она ставитъ въ ущербъ этимъ правамъ и, хотя прямо не говоритъ этого, даетъ мнѣ чувствовать это на каждомъ шагу. При первомъ моемъ сообщеніи о намѣреніи вступить въ бракъ матушка словно помертвѣла. Не дождавшись отъ нея ни слова, я повторилъ сказанное. „На комъ это?“ спросила, наконецъ, матушка.—На бывшей моей ученицѣ въ пансіонѣ г-жи Де-Мельянъ, Алинѣ Крагельской, съ которой я познакомился ближе въ домѣ ея родителей.—„Это что же за имя такое? ужъ не полька ли? Нѣтъ тебѣ моего благословенія брать католичку! Знать ее не хочу!“ Я вскипѣлъ, и чего только не наговорилъ бѣдной матушкѣ въ порывѣ горячности: и брошу ее, и пусть не благословляетъ, женюсь и безъ ея благословенія! Матушка тоже что-то кричала и, уходя въ свою комнату, хлопнула дверью. Я заоралъ, что сейчасъ самъ убѣгу отъ нея навсегда... Но тутъ вошелъ мой Ѳома, подалъ мнѣ стаканъ холодной воды и просилъ успокоиться, уговаривая, что матушка „поломается“ и согласится дать свое благословеніе. Я пошелъ къ ней, сталъ передъ нею на колѣни, объяснилъ, что мать моей невѣсты полька, а невѣста Польши не видѣла, родилась въ кругу русскихъ военныхъ людей, воспитывалась и выросла въ Кіевѣ съ малорусскими симпатіями, и если католичка, такъ какъ отецъ и мать ея католики, то это нисколько не должно безпокоить матушку, такъ какъ ея будущіе внуки — наши дѣти— будутъ православные въ силу существующихъ законовъ. Я употребилъ всѣ свои чувства, все умѣнье, чтобы склонить матушку не доводить меня до разлада съ ней, въ которомъ всецѣло виноватою будетъ она одна, такъ какъ я другой Алины не найду и съ этой не разстанусь ни за что. Матушка долго молчала, потупившись, и, наконецъ, сказала: „Ну, Богъ съ тобой, женись на этой Еленѣ своей, а тамъ будетъ видно, что и какъ...“ Я просилъ ее присутствовать на нашемъ обрученіи, привезъ ее къ вамъ—и она, повидимому, довольна вашимъ юнымъ возрастомъ и вашей лаской“.

— Однако, матушка начала подумывать о хуторѣ, какъ бы желая удалиться отъ насъ.

„Это къ лучшему; впрочемъ, мысль купить хуторъ подъ Кіевомъ явилась гораздо ранѣе моего сватовства“.

— И нужно осуществить ее.

Когда моя мать вошла къ намъ, отъ ея глазъ не ускользнуло наше обоюдное волненіе: наши лица горѣли. По отъѣздѣ Николая Ивановича, мать моя спросила меня — какая причина,

что мы съ нимъ казались смущенными при ея появленіи, о чемъ шелъ разговоръ у насъ. Я откровенно пересказала все, считая это тѣмъ болѣе необходимымъ, что мать моя поддерживала желаніе моего жениха купить домъ въ Кіевѣ; теперь, какъ мнѣ казалось, она уразумѣетъ, что покупка хутора, съ поселеніемъ тамъ матери Николая Ивановича, послужитъ къ устройству нашей спокойной семейной жизни. Дослушавши все, мама сказала мнѣ:

„Не знавши семьи, не слѣдовало торопиться входить въ нее. Мать и сынъ, какъ видно, оба крутого и непокойнаго нрава. На дняхъ была у насъ наша добрая знакомая и говорила, что Костомаровы нанимаютъ квартиру у одного изъ сослуживцевъ ея мужа и что тамъ всѣ жалѣютъ насъ, предрекаютъ, что ты, такая молоденькая, зачахнешь въ этой будущей твоей семьѣ. У нихъ чуть не ежедневныя баталіи: крики, ссоры. Думаютъ даже, что кто-нибудь изъ нихъ пьетъ; послѣ брани и крика твой женихъ убѣгаетъ иногда изъ дому какъ угорѣлый, а иногда хозяева черезъ стѣну слышатъ, какъ онъ кричитъ благимъ матомъ, что у него голова болитъ: его кучеръ-лакей Ѳома только и дѣлаетъ, что таскаетъ изъ колодца холодную воду и окачиваетъ своему барину голову. Еслибы не стыдъ и срамъ, не сплетни, которыя сдѣлаютъ изъ тебя покинутую невѣсту, — я бы готова хоть сейчасъ отказать этому жениху“.

Я много плакала, доказывала, что вспыльчивость Николая Ивановича нельзя считать крутымъ нравомъ, а относительно нрава его матери успокаивала свою тѣмъ, что будетъ купленъ хуторъ, гдѣ поселится Татьяна Петровна; мы поѣдемъ за границу, а по возвращеніи будемъ только гостить, то мы у нея, то она у насъ, и прочее...

Понятно, что послѣ такихъ разговоровъ, сначала съ женихомъ, потомъ съ матерью, я провела ночь не только безъ сна, но въ слезахъ.

При дальнѣйшихъ посѣщеніяхъ Николая Ивановича мать моя обнаруживала какое-то дѣланное гостепріимство и не показывала и тѣни того вниманія, какимъ прежде окружала моего жениха. Мнѣ было тяжело, ему тоже—и какъ институтки считаютъ дни и часы до выпуска, такъ мы считали ихъ до дня нашего бракосочетанія.

Разъ какъ-то вечеромъ мать моя обратилась къ Николаю Ивановичу съ вопросомъ, „какимъ экипажемъ онъ обзавелся для семейной жизни: не ѣздить же новобрачнымъ съ визитами на дрожкахъ!“ Николай Ивановичъ сказалъ, что еще не думалъ объ этомъ.

„Ну, такъ я за васъ подумаю и даю Алинѣ свою колясочку; но какъ она съ дверцами, то нуженъ лакей для выѣздовъ; онъ же будетъ служить вамъ и въ комнатахъ".

— Не люблю я лакеевъ ни въ какомъ смыслѣ слова!—возразилъ Николай Ивановичъ.—У меня Ѳома служитъ кучеромъ, служитъ и въ комнатахъ, когда это бываетъ нужнымъ, но въ комнатахъ по большей части служитъ горничная Галька, которую вы у насъ видѣли, а младшая сестра ея, другая Галька, стряпаетъ и тоже служитъ. Будемъ мы съ Алиной обходиться безъ лакеевъ: я самъ отворю ей дверцы коляски.

„Для ѣзды съ новобрачной это совсѣмъ неприлично, и вы ужъ пощадите Алину, наймите хоть мальчика лѣтъ 15—16-ти, чтобы это было недорого, не разоритесь: пройдетъ какой-нибудь годъ, и того меньше, васъ отправятъ за границу на два года, и тогда мальчика разсчитаете".

Понятно, что Николаю Ивановичу не могло нравиться вмѣшательство моей матери въ устройство нашего будущаго домашняго обихода, но онъ не возражалъ и готовъ былъ подчиниться указаннымъ ею правиламъ „приличія", такъ какъ не разъ говорилъ, что вращался не въ дамскомъ обществѣ и о „правилахъ" приличія, усвоенныхъ этимъ обществомъ, имѣетъ весьма скудныя свѣдѣнія.

Желая вывести его изъ затрудненія, я отозвалась:

— Право, мамочка, пусть лучше Николай Ивановичъ выучится открывать дверцы коляски, нежели заводить въ домѣ мальчика на подобіе лакея, да еще, пожалуй, шить на него миніатюрную ливрею, какъ это сдѣлали наши знакомые А. для своего двѣнадцатилѣтняго Мишутки. Да и что будетъ дѣлать у насъ такой Мишутка внѣ „выѣздовъ"?

„Ты слишкомъ еще молода, чтобы распоряжаться сообразно своимъ личнымъ взглядамъ на жизнь, и должна помнить, что если при вступленіи въ свѣтъ тебѣ и дастся, какъ „дамѣ", извѣстная доля свободы въ сравненіи съ дѣвицами, все же и послѣ твоего бракосочетанія власть надъ тобой твоей матери не прекращается".

— Ну нѣтъ!—съ горячностью возразилъ Николай Ивановичъ:—тотъ мужъ былъ бы пентюхъ, который допустилъ бы кого бы то ни было распоряжаться его женой.

Мою мать покоробило отъ этихъ словъ и въ особенности отъ пылкости, съ какою они были сказаны. Для перемѣны разговора я сдѣлала нѣсколько аккордовъ на роялѣ. Мать ушла, взволнованная, въ гостиную; я замѣтила Николаю Ивановичу его горячность. Онъ отвѣтилъ:

— Вѣдь я сказалъ правду, а правда всегда хороша. Тебѣ и безъ того предстоитъ сживаться съ привычками моей матери, вести домашнее хозяйство и держаться условнаго обихода, а тутъ ужъ неизвѣстно, что̀ бы и вышло въ нашемъ домѣ, еслибы допустить проявленіе родительской власти Анели Устиновны.

Какъ ни хороша правда, но она показалась моей матери слишкомъ горькой и заронила въ ней чувство такого глубокаго неудовольствія къ Николаю Ивановичу, что со слѣдующаго же утра начались постоянныя сѣтованія на судьбу, связавшую нашу семью съ Костомаровыми, изъ которыхъ у сына „бѣшеный“ нравъ, а у матери—злой и притомъ настойчивый, какъ то выражается на ея суровомъ лицѣ отсутствіемъ улыбки и привычкой не глядѣть никому въ глаза. При такихъ сѣтованіяхъ мать моя изо дня въ день повторяла полученныя свѣдѣнія о ссорахъ и крикахъ Костомаровыхъ, о бѣготнѣ Ѳомы къ колодцу за холодной водой для окачиванія больной головы Николая Ивановича, который, будто бы, „ревѣлъ“ отъ боли.

Я не выдержала и сказала все это жениху, умоляя его не ссориться съ матушкой своей и быть болѣе терпѣливымъ при головныхъ боляхъ, о которыхъ онъ часто говорилъ у насъ, нисколько не скрывая, что онѣ безпокоятъ его и что единственное средство нѣсколько ослабить ихъ—это голодать и окачивать голову самой холодной водой [1]).

Въ какихъ-то неловкихъ и натянутыхъ отношеніяхъ къ моей матери мы съ Николаемъ Ивановичемъ переживали время остававшееся намъ до 30-го марта, когда̀ назначено было наше вѣнчаніе.

Вотъ, слава Богу—говорили мы вечеромъ 28 марта, въ пят-

---

[1]) Въ старости, когда судьба соединила насъ послѣ 26 лѣтъ разлуки, я увидѣла на опытѣ, что у Николая Ивановича не по характеру было сдерживать выраженіе своихъ ощущеній, не только душевныхъ, но и физическихъ: онъ если и не „ревѣлъ“, то черезъ-чуръ громко вскрикивалъ при ежедневныхъ обтираніяхъ тѣла громадной губкой, напитанной ледяной водой, при окачиваніи такою же водой головы и даже при зѣваніи послѣ пробужденія отъ сна. Такія привычки, независимо отъ вліянія обстановки первоначальнаго домашняго воспитанія, а также впечатлительности и экспансивности натуры, сложились у Николая Ивановича, какъ я думаю, вслѣдствіе безсемейной жизни. Каковъ бы ни былъ темпераментъ, семейная обстановка, думается мнѣ, сдерживала бы громогласныя проявленія испытываемыхъ ощущеній: рожденіе дѣтей, ихъ болѣзни и т. п. внушали бы доброму семьянину заботливость о спокойномъ снѣ членовъ его семьи; матушка же Николая Ивановича всегда пользовалась при немъ отличнымъ здоровьемъ и вставала раньше его, такъ что ее безпокоить эти проявленія не могли.

ницу,—послѣ завтра конецъ всѣмъ непріятностямъ.—Шутя, я замѣтила жениху, что онъ не веселъ, и потому не отложить ли нашу свадьбу до каникулъ: тогда укатимъ прямо за границу или на хуторъ, за Днѣпръ.

„Избави Богъ откладывать! Не говори этого и въ шутку!“ съ грустью сказалъ Николай Ивановичъ.

— А зачѣмъ сидишь, повѣсивши носъ? Что за раздумье такое! Отниму обручальное кольцо!

При этомъ, рѣзвясь какъ беззаботный ребенокъ, я начала снимать съ руки жениха обручальное кольцо, а онъ, защищая его, снялъ съ своей руки другое кольцо, надѣлъ мнѣ на палецъ и сказалъ:

„Вотъ это кольцо могу тебѣ отдать. Спрячь его у себя, пусть у меня красуется только одно обручальное.

— Это еще что за „памятки“ чуть не наканунѣ свадьбы! Не хочу я этого кольца съ твоими излюбленными именами святыхъ; носи самъ!—При этомъ я надѣла Николаю Ивановичу это кольцо на палецъ другой руки, чтобы оно не мѣшало сіять обручальному. Николай Ивановичъ смѣялся, повеселѣлъ.

Не разъ и прежде этого вечера кольцо съ именами св. Кирилла и Меѳодія было предметомъ нашего разговора, какъ только бесѣда обращалась къ занимавшему въ то время Николая Ивановича вопросу о славянской взаимности, но никогда не придавалось особенной важности тому, носить или не носить это кольцо, какъ и не придавалось никакой таинственности этой эмблемѣ или символу проектировавшагося Кирилло-Меѳодіевскаго общества.

Кольцо это, золотое, плоское, съ матовыми поперечными рубчиками, совсѣмъ напоминало кольца съ именемъ св. великомученицы Варвары (въ большинствѣ серебряныя), продаваемыя въ кіевскомъ Михайловскомъ монастырѣ, гдѣ покоятся мощи этой святой. Только надпись на кольцѣ Николая Ивановича была: „Св. Кириллъ и Меѳодій“.

Около двухъ часовъ пополуночи Николай Ивановичъ сталъ собираться домой. Мать моя замѣтила ему, что онъ засидѣлся, а Николай Ивановичъ отвѣтилъ:

„Завтра я не могу быть у невѣсты — много дѣла. Нужно побывать въ университетѣ, взять хотя на недѣльку отпускъ, побывать у священника, назначить часъ вѣнчанія. Заѣду къ вамъ въ воскресенье поутру. Алина говорила мнѣ, что завтра утромъ, наканунѣ свадьбы, она будетъ у исповѣди и св. причастія. Не пожалуете ли къ намъ прямо отъ обѣдни? Матушка будетъ ожи-

дать съ чаемъ и кофе. За-одно, Алина указала бы въ нашей новой квартирѣ мѣсто роялю и другимъ вещамъ [1]).

Мать моя приняла это приглашеніе. Николай Ивановичъ уѣхалъ домой.

Алина Костомарова.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

[1]) По усиленной просьбѣ Николая Ивановича, торопившагося съ устройствомъ новой своей квартиры—нашего будущаго семейнаго гнѣзда, мать моя отослала туда въ пятницу, 28 марта, мой рояль и мои вещи въ сундукахъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ Николай Ивановичъ испросилъ разрѣшеніе моей матери взять къ нему въ квартиру рояль, чтобы я могла играть на немъ пока не придетъ новый, выписанный имъ для меня изъ Вѣны. Разумѣется, я была въ восторгѣ отъ такого сюрприза, приготовленнаго для меня женихомъ. Рояль этотъ былъ полученъ изъ Вѣны впослѣдствіи, когда уже ни Николая Ивановича, ни его матери не было въ Кіевѣ.

ВѢРУЮ...

Туда, гдѣ въ Небесахъ Мечты передо мною
Сіялъ, какъ солнца свѣтъ, какой-то чудный храмъ,
Туда, по спутаннымъ, таинственнымъ путямъ,
Вела меня Судьба заботливой рукою.

Вела отъ зорь весны до зимней тьмы ночей
И, вѣрю, поведетъ до часа усыпленья,—
И я пойду, какъ шелъ, безъ страха и сомнѣнья
Довѣрившись Судьбѣ, наставницѣ моей.

Не разъ, во тьмѣ земли, сбивался я съ дороги,
Къ видѣнью въ небесахъ терялся всякій слѣдъ.
Я говорилъ: „Храмъ пустъ, онъ призракъ, Бога нѣтъ,
Молюся вамъ, самимъ мной созданные боги!“

Но Жизнь-Судьба, сломавъ тѣхъ чтимыхъ мной боговъ,
Опять влекла меня туда, гдѣ Богъ Единый
Откроетъ мнѣ Своихъ дѣяній всѣхъ причины,
Съ Предвѣчной Тайны снявъ божественный покровъ.

Я много жилъ: въ добрѣ и злѣ я искусился,
Спускался въ адъ, стоялъ предъ райскими дверьми,
И, духомъ возносясь надъ міромъ и людьми,
Смирить свой гордый умъ предъ Богомъ научился.

Ему покоренъ, жду!— Онъ скажетъ: „Часъ насталъ!
Иди за грань міровъ, чтобъ жизнью жить иною“.
Тогда, покинувъ плоть, безсмертною душою
Я радостно сольюсь съ Началомъ всѣхъ началъ.

Ал. Луговой.

Луга, 13 мая, 1910 г.

„НОВАЯ КРѢПЬ“

Очерки изъ жизни современной деревни.

I.

Въ рабочемъ кабинетѣ виднаго бюрократа, тайнаго совѣтника Елецкаго, было богато и непривѣтливо. На письменномъ столѣ часы тикали преувеличенно звонко и презрительно. Бронзовый Вольтеръ, облокотившись на мраморную чернильницу, ехидно улыбался. По крайней мѣрѣ такъ казалось Борису Николаевичу Безсонову.

„Какая пытка просить, просить должнаго! Что за вздоръ! Ничего здѣсь нѣтъ постыднаго: вѣдь я прошу не милостыню, я прошу труда. Всякій человѣкъ имѣетъ право на трудъ“—мелькали у него въ головѣ неубѣдительныя мысли, а сердце между тѣмъ болѣзненно замирало, и кровь заливала щеки непріятно-жгучимъ румянцемъ.

Въ голосѣ Елецкаго звучали утомленно-скучающія нотки.

— Повторяю вамъ еще разъ, вы сдѣлали три очень трудно поправимыя ошибки: вы пошли на государственную службу—это разъ; во-вторыхъ, работали усердно и еще терпѣливѣе ждали милостиваго вниманія начальства, и наконецъ...—Елецкій на секунду пріостановился и разсмѣялся неискреннимъ генеральско-начальническимъ баскомъ.—Наконецъ, въ-третьихъ, вы напрасно пошли на государственную службу.

Безсонова стала разбирать злость.—Россія обновляется, ей нужны работники—это аксіома. Я хочу и могу работать. Не-

ужели желаніе трудиться на пользу родинѣ, искренно и честно исполняя свой долгъ на государственной службѣ, это только троекратно повторенная ошибка и больше ничего?—сказалъ онъ сухо.

По жирному, самодовольному лицу Елецкаго пробѣжала недовольная гримаса.

— Вы совершенно правы: желаніе работать на пользу родинѣ—великое чувство, способное двигать горы. Нельзя гасить въ себѣ эту святую искру—сказалъ Елецкій. Въ тонѣ его голоса промелькнула неуловимо-тонкая насмѣшка.

— Да, въ нашъ вѣкъ большое несчастье имѣть хорошую голову, отличные дипломы и не имѣть протекціи—продолжалъ Елецкій въ раздумьѣ.—Однако нужно что-нибудь придумать. Я очень жалѣю, что не могу предложить вамъ мѣсто въ моемъ департаментѣ, но у насъ на каждый стулъ по десятку кандидатовъ со связями. Конечно, я могъ бы васъ устроить у себя, но откровенно говорю: не хочу, боюсь, поднимется скрытый, трусливый пискъ.—Елецкій замолчалъ; по лицу его бродили тѣни какихъ-то соображеній.

— Скажите, вы жили когда-нибудь въ деревнѣ? Само собой, въ настоящей русской деревнѣ, а не гдѣ-нибудь близъ Стрѣльны—спросилъ онъ Безсонова.

— Я долго жилъ въ деревнѣ. Деревня вполнѣ настоящая—1.500 верстъ отъ Петербурга и 90 верстъ отъ полустанка—отвѣтилъ Безсоновъ.

— И, пожалуй, отличите овесъ отъ ржи?—недовѣрчиво спросилъ Елецкій.

— Отличу.

— А рожь отъ пшеницы?

— Тоже.

— А гречиху и просо представляете себѣ?

— Вполнѣ!—улыбнулся Безсоновъ этому оригинальному экзамену.

— Великолѣпно. Я очень радъ! Изъ васъ выйдетъ образцовый, не въ примѣръ другимъ, землеустроитель. Вы образованы, интеллигентны, хотите работать, видѣли въ своей жизни деревню и мужика. Чего же больше? Вѣдь кадры землеустроителей пополняются выгнанными околоточными, вольноопредѣляющимися, смотрителями волжскихъ пристаней и тому подобными субъектами,—повеселѣвшимъ голосомъ сказалъ Елецкій.

— Я люблю крестьянина и радъ буду поработать въ деревнѣ—отвѣтилъ Безсоновъ.

— Итакъ, выходъ найденъ. Я дамъ вамъ рекомендательное письмо къ Семену Семеновичу, къ нашему современному фельдмаршалу отъ землеустройства. Увѣренъ, что онъ исполнитъ мою просьбу. Да, къ слову сказать, каковы ваши политическія убѣжденія? Вижу, вижу безъ словъ, что вы не союзникъ. А жаль: ваше верховное начальство учуяло бы это нюхомъ и поставило бы вамъ на приходъ вашу политическую невинность.— Елецкій досталъ изъ бювара листокъ почтовой бумаги съ причудливымъ вензелемъ и дворянской короной, и размашистымъ твердымъ почеркомъ принялся быстро писать. Черезъ минуту письмо было готово.

— Вотъ вамъ письмо—сказалъ Елецкій, заклеивъ конвертъ и надписавъ на немъ адресъ.—Увѣренъ, что вы оправдаете мое довѣріе къ вамъ и наверстаете потерянные годы. Для этого нужно очень мало: умѣть служить и отвыкнуть отъ мечтаній, къ которымъ, къ слову сказать, русскій человѣкъ имѣетъ большую склонность.

Часы торопливо пробили двѣнадцать.

— Вы меня, Борисъ Николаевичъ, извините, но мнѣ пора собираться въ департаментъ—ласково замѣтилъ Елецкій.

Безсоновъ всталъ, радуясь, что наконецъ окончился весь этотъ разговоръ, и онъ не будетъ больше видѣть жирнаго, довольнаго лица Елецкаго, ехиднаго тощаго Вольтера, слышать самодовольную рѣчь виднаго бюрократа и вкрадчиво-презрительное тиканье дорогихъ часовъ.

— Позвольте мнѣ выразить вамъ... — началъ-было Безсоновъ, но Елецкій быстро прервалъ его.

— Пожалуйста, безъ благодарностей. Во-первыхъ, я не люблю ихъ, а во-вторыхъ онѣ преждевременны. Вотъ вамъ мой добрый совѣтъ: не теряя дорогого времени, идите нынче же на пріемъ къ его превосходительству.

Елецкій преувеличенно дружелюбно пожалъ руку Безсонова и пошелъ проводить его до передней. Изящный лакей, вѣжливый и безконечно презирающій всѣхъ кто небогатъ и не состоитъ въ чинѣ по крайней мѣрѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, подалъ Безсонову пальто.

— Еще разъ желаю вамъ успѣха, а для этого научитесь читать не только написанное вашимъ начальствомъ на бумагѣ, но даже не родившееся еще въ его мысляхъ!—сказалъ на прощанье Елецкій, и въ тонѣ его голоса Безсоновъ почуялъ презрительную насмѣшку сильнаго надъ слабымъ.

На улицѣ стонала ноябрьская вьюга. Безсоновъ шелъ бы-

стро, не замѣчая холода и леденящихъ объятій метели. Мысли охватили его тѣснымъ хороводомъ. Университетъ, милые студенческіе годы, мечты объ ученой карьерѣ, изученіе вопросовъ естественнаго права, а затѣмъ безконечныя синія дѣла дореформенной канцеляріи. Скука, затхлость, смерть; онѣ побѣждаютъ, и мечты о профессурѣ увядаютъ, не успѣвъ расцвѣсть. Но гдѣ-то въ глубинѣ сердца живетъ вѣчное желаніе осмысленнаго труда, красиваго, яркаго и полезнаго. Къ чорту дореформенный приказъ! Начинается новая жизнь: Елецкій далъ ему рекомендацію; онъ будетъ служить по землеустройству, онъ будетъ работать въ дѣлѣ пересозданія Россіи, созидать новый фундаментъ для великаго, чуднаго храма, имя которому будетъ—великая, свободная Русь. Безсоновъ улыбнулся припомнивъ экзаменъ, которому его подвергъ Елецкій.—Да, я знаю и люблю деревню!—отвѣтилъ самъ себѣ Безсоновъ. И словно чудодѣйственной силой исчезло сѣрое небо, сатанѣющая вьюга, и почудились дорогія, позабытыя картины. Синее глубокое небо, пестрѣющія полосы полей, кроткіе, покорные волы, догорающее въ заревѣ заката солнце, бѣлыя стѣны мазанокъ. Все это исчезло. Снова тяжелое небо и свирѣпыя ласки вьюги. Большое сѣрое зданіе. Строгій швейцаръ, увѣшанный медалями, помогъ Безсонову снять пальто и нехотя промычалъ:—второй этажъ направо, тамъ обратитесь къ господину секретарю, они все вамъ растолкуютъ.—По лѣстницѣ, кишащей испуганно-торопливыми чиновниками, Безсоновъ прошелъ въ пріемный залъ. Двѣ бонтонныя дамы капризнымъ тономъ что-то объясняли секретарю, упитанному человѣчку съ розовыми щечками. За круглымъ столомъ, углубившись въ „Русское Знамя“, нетерпѣливо сопѣлъ жирный генералъ. Человѣкъ десять мужичковъ робко жались по стѣнкамъ.

— Что вамъ угодно?—услышалъ Безсоновъ: передъ нимъ съ непріязненной улыбкой стоялъ упитанный секретарь.

— Я желалъ бы видѣть его превосходительство.

— По какому дѣлу?

— По личному.

— Пожалуйста, болѣе точно.—Голосъ упитаннаго человѣчка звучалъ недружелюбно, по-начальнически.

— Я пришелъ просить у его превосходительства мѣсто—отвѣтилъ Безсоновъ; его начиналъ злить этотъ глупо-начальническій тонъ.

— Но развѣ вы не видѣли?—Секретарь повелъ рукой по направленію къ стѣнѣ, гдѣ красовалось отпечатанное большими

буквами объявленіе, что мѣста, молъ, теперь и впредь всѣ заняты, и его превосходительство даже и разговаривать о подобныхъ вещахъ не станетъ. Объявленіе, пожелтѣвшее отъ времени и вдоволь засиженное мухами, говорило о томъ, что оно уже давно пугаетъ „людей съ вѣтра".

— Я пришелъ къ его превосходительству съ просьбой отъ Елецкаго—отвѣтилъ Безсоновъ.

— Директора департамента. Тогда, конечно, дѣло другое. Я могу въ такомъ случаѣ о васъ доложить его превосходительству—уже примирительнымъ голосомъ сказалъ секретарь.—Пожалуйста, вашу фамилію, имя, отчество. Такъ и запишемъ: съ просьбой отъ тайнаго совѣтника Елецкаго. Ваша очередь будетъ послѣ этихъ мужиковъ.

Секретарь покинулъ Безсонова и съ восторженно-почтительной улыбкой бросился къ полной, сильно наштукатуренной дамѣ. Потянулось убійственно медленное время ожиданія. Въ таинственную дверь кабинета его превосходительства впорхнули двѣ веселыя дамочки, громко шурша шелковыми юбками, потомъ внѣ очереди прослѣдовали наштукатуренная дама, генералъ и лихой корнетъ съ кавказской шашкой.

— Эй вы, уполномоченные! — сердито крикнулъ секретарь робко жавшимся къ стѣнамъ мужичкамъ:—сейчасъ вашъ чередъ. Только вы говорите меньше: губернія, уѣздъ, названіе товарищества, что̀ просите, подайте прошеніе и уходите.

Старикъ-курьеръ съ симпатичнымъ, умнымъ лицомъ распахнулъ дверь. Робко сбившись въ одну кучу, словно овцы въ стадѣ, бочкомъ прошли въ кабинетъ пятеро крестьянъ; остальные остались въ залѣ и стали истово креститься на икону въ громадномъ рѣзномъ кіотѣ. Короткій, энергичный звонокъ. Сѣдой курьеръ распахнулъ дверь, откуда выкатилось трое мужиковъ. Безсоновъ успѣлъ разсмотрѣть двухъ другихъ крестьянъ на колѣняхъ передъ низенькимъ, кругленькимъ господиномъ, въ гнѣвѣ топочущимъ на нихъ ногами. Еще звонокъ, и двое крестьянъ, печальные и смущенные, выходятъ изъ двери. Ихъ обступаютъ. Безсоновъ слышитъ обрывки разговора.

— Самъ-то больно сердитъ. Мы ему резоны, да просьбу нашу покорную, а онъ на насъ: молчать, да молчать, и ножкой такъ сердито стукаетъ.

— Не любитъ, видно, нашего брата-крестьянина.

— Чего ужъ тамъ любить.

— Гдѣ же правды-то искать теперь?

— Это старшой надъ нами, теперь и просить-то некого.

— Найдемъ, братцы.

Безсоновъ съ интересомъ слушалъ эти безхитростныя слова, интересныя по тону и тому оскорбленному блеску, который они зажигали въ усталыхъ, покорныхъ глазахъ мужиковъ.

— Ваша очередь, г. Безсоновъ. Пожалуйте!—услышалъ онъ вкрадчивый голосъ старика-курьера. Безсоновъ вошелъ въ кабинетъ. Громадная комната; на стѣнахъ портреты въ золоченыхъ рамахъ, большая сельско-хозяйственная карта Россіи. Передъ крохотнымъ столикомъ стоялъ коренастый господинъ въ синемъ пиджакѣ, съ глазами татарскаго баскака, хитраго и жестокаго. Онъ вертѣлъ въ рукахъ карандашъ и на лицѣ его было разлито выраженіе утомленія и злобнаго отвращенія. Его превосходительство не подалъ Безсонову руки, не сказалъ ни одного слова, только глянулъ на него вопросительно, закатилъ глаза къ потолку и продолжалъ быстро и ловко жонглировать карандашомъ. Безсоновъ изложилъ свою просьбу и передалъ рекомендательное письмо. Его превосходительство быстро пробѣжалъ письмо, сдѣлалъ какую-то помѣтку и два раза энергично надавилъ кнопку электрическаго звонка. Въ кабинетъ мягко вкатился кругленькій секретарь. Его превосходительство ткнулъ ему письмо и сквозь зубы буркнулъ: — Принимаю. Къ исполненію. — Съ чувствомъ безмѣрной искренней гадливости, что ему приходится подавать руку титулярному совѣтнику, человѣку безъ положенія и, къ тому же, въ довольно потертомъ сюртукѣ, его превосходительство протянулъ Безсонову кончики пальцевъ, сказалъ:—Хорошо-съ—и вразумительно повелъ глазами на дверь. Аудіенція была окончена. Въ пріемномъ залѣ все еще толкались опечаленные мужички.

— А какъ онъ ножкой-то пристукнулъ, тутъ я ему прошеньеце, а онъ больно осерчалъ, слушать резоновъ никакихъ не пожелалъ, да и погналъ насъ.

— Охъ, Господи, гдѣ же правда на землѣ?—вздыхалъ другой мужикъ.—Ужъ теперь правды, видно, не найти: самъ-то старшой.

— И чего осерчалъ на насъ: мы ему еще не объяснили, въ чемъ бѣда-то наша, а онъ, накось, взялъ да и прогналъ.

— Да, Иванъ Митрофановичъ, не больно-то господа нашего брата-крестьянина уважаютъ.

У Безсонова стала болѣть голова. Все сдѣлалось маленькимъ и непонятнымъ. И ему вдругъ показалось, что онъ стоитъ передъ опущеннымъ зановѣсомъ, который сейчасъ взовьется, и бездушныя маріонетки въ чьихъ-то невидимыхъ смѣлыхъ рукахъ будутъ разыгрывать первый актъ жестокой трагикомедіи жизни.

II.

Раннее утро. Поднимается на голубое небо ликующее солнце. На поляхъ блѣдно зеленѣетъ озимь; снѣжный покровъ еще не вездѣ исчезъ, но сталъ рыхлымъ и грязнымъ повсюду. Поѣздъ подходитъ къ станціи большого губернскаго города. Безсоновъ торопливо собиралъ свои вещи. Поѣздъ жестко скашиваетъ стрѣлки, гремитъ тормозами и останавливается. На громадномъ дебаркадерѣ шумъ, гвалтъ и безтолочь. На запасныхъ путяхъ стоятъ безконечныя теплушки. Дѣтскій плачъ смѣшивается съ пьянымъ хохотомъ, заунывная пѣсня чередуется съ крѣпкой бранью: это переселенцы въ Сибирь. По платформѣ трудно пройти: вездѣ лежатъ въ повалку, крохотныя дѣтишки вертятся подъ ногами. Свѣжій воздухъ отравленъ ѣдкимъ запахомъ карболки, доносящимся съ переселенческаго пункта. Жестко трясется по булыжной крупной мостовой разбитая пролетка. Все на мѣстѣ, какъ и подобаетъ приличному губернскому городу: старинныя церкви, торговые ряды, неизбѣжная для каждаго губернскаго города Дворянская улица. Извозчикъ останавливается у подъѣзда гостинницы. Часъ-другой отдыха подкрѣпили Безсонова. Пора и въ Отдѣленіе, чтобы представиться новому начальству и приступить къ исполненію обязанностей „мѣстнаго дѣятеля“, ликвидатора крестьянскаго банка. Но вотъ и Отдѣленіе. Трещатъ пишущія машинки; мужички о чемъ-то просятъ высокаго, худого блондина. Нѣсколько минутъ ожиданія—и новое начальство принимаетъ Безсонова. Управляющій понравился Безсонову: у него былъ умный взглядъ и приличный, сдержанный тонъ человѣка изъ общества.

— Итакъ, теперь весь вопросъ въ томъ, какой районъ вамъ поручить. Осталось свободными два района въ Городецкомъ уѣздѣ. Надо вамъ сказать, что этотъ уѣздъ очень неподатливъ для ликвидаціи: община тамъ сильна, земля неважная, и вамъ предстоитъ трудное дѣло.—Голосъ управляющаго звучалъ спокойно и ласково.—Я думаю поручить вамъ 36-й ликвидаціонный районъ; разбивки новой предстоитъ немного, но за то продать придется двѣ тысячи десятинъ земли, довольно-таки скверной,—добавилъ управляющій и засмѣялся. Еще нѣсколько фразъ, и аудіенція была окончена.

— Недѣльку-другую вамъ придется поработать здѣсь, ознакомиться съ дѣлами, а затѣмъ и на мѣсто—на прощанье сказалъ Безсонову управляющій.

Борисъ Николаевичъ пошелъ знакомиться со своими новыми сослуживцами. Рукопожатія, стереотипныя фразы. Въ комнатѣ по стѣнамъ развѣшаны образцовые ликвидаціонные планы да громадный схематическій чертежъ, который наглядным образомъ долженъ былъ доказать счастье Ивана Непомнящаго, рѣшившагося выйти изъ общины и закрѣпить надѣльную землю въ единоличную собственность. Вертлявый, низенькій чиновникъ громогласно повѣствовалъ:

— Они телеграмму губернатору съ жалобой на меня, потомъ другую. Наконецъ, его превосходительство пріѣзжаетъ, я ему все объясняю, прошу стражниковъ и вразумленія забастовщиковъ. Онъ собираетъ сходъ и объявляетъ: „Я такихъ негодяевъ-забастовщиковъ въ пятнадцать минутъ изъ губерніи высылаю. Помните это“. Вотъ потомъ я и продалъ первый участокъ, а теперь дѣло пойдетъ: лиха бѣда начать.

— Ты ловко началъ, прямо со стражниковъ! — замѣтилъ насмѣшливо молодой человѣкъ съ кукольнымъ лицомъ вербнаго херувима.

— Молчи, Николай! — обозлился вертлявый чиновникъ. — Барчукъ, бѣлоручка. Вообразите—обратился онъ къ Безсонову— этотъ субъектъ по деревнямъ и селамъ возитъ съ собой ночную вазу.—Онъ залился хохотомъ.—Туда же золотопромышленникъ!

Завязался споръ. Въ быстрыхъ словахъ злой пикировки Безсоновъ подмѣтилъ нотки глубокаго цинизма. Это его непріятно поразило. Незамѣтно промелькнула недѣля. Клубокъ Аріадны былъ наконецъ распутанъ: изъ всевозможныхъ плановъ, чертежей, сельскихъ приговоровъ и крестьянскихъ прошеній выдвинулась одна идея, одинъ силуэтъ: фигура мужика, бѣднаго землицей, вѣрнаго общинѣ, смущеннаго и перепуганнаго хуторами и богатѣями. Пора было ѣхать на мѣсто. Каждый день приходили мужички и просили г. ликвидатора на мѣстѣ посмотрѣть ихъ „правое дѣло“. Наконецъ, выправивъ необходимые документы, Безсоновъ пришелъ къ управляющему и сообщилъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ уѣздъ.

— Желаю вамъ успѣха,—сказалъ ему тотъ.—Для этого нуженъ тактъ, особый, понятный мужику тактъ. Но только помните одно: община должна погибнуть.

III.

Темная, сырая комната въ банковскомъ домѣ — вотъ помѣщеніе, гдѣ Безсоновъ долженъ былъ коротать свои труды

и досуги полгода, а можетъ быть и цѣлый годъ. Стѣны покрыты зловѣщими черными точками. За стѣной безтолково-назойливо бренчитъ балалайка. Вотъ первыя впечатлѣнія Безсонова по пріѣздѣ въ Городецъ. Его потянуло въ поле, подъ чистый пологъ апрѣльскаго неба. Городъ былъ безнадежно унылъ, какъ уныла современная русская дѣйствительность. Обойти его весь было дѣломъ десяти минутъ. Помѣстительное зданіе тюрьмы, почта, казначейство, двѣ церкви съ покачнувшимися оградами и мрачнымъ вороньемъ на крестахъ; большая площадь, если только этимъ словомъ можно назвать громадное болото грязи, гдѣ почти потонули телѣги съ поднятыми вверхъ оглоблями. Впрочемъ, обозрѣвая новыя мѣста съ добросовѣстностью англичанина-туриста, Безсоновъ открылъ еще чайную союза русскаго народа и сотни двѣ-три стражниковъ, на широкой улицѣ производившихъ ученье. Вотъ и весь городъ. Безсоновъ поставилъ на немъ крестъ и для прогулокъ рѣшилъ подальше выбрать закоулокъ. А за городомъ, гдѣ кончалась жалкая мѣщанская обывательщина, было хорошо, привольно и радостно. Внизу змѣилась рѣчка. Лугъ зеленѣлъ молодой, невинной травкой. На высокомъ крутомъ берегу стоялъ неодѣвшійся еще лѣсъ. Фіолетовые, желтые, зеленые блики сливались въ одинъ прекрасный, звучный аккордъ весенней мелодіи жизни. Между голыхъ вѣтвей бродили невнятно сѣдые призраки. Пахло гніеніемъ, землей и влагой. Солнце уже заходило, когда Безсоновъ вернулся въ свою неуютную комнату. Онъ погрузился въ дѣла—сумбурныя, гдѣ трудно было что-нибудь понять и еще труднѣе найти.—Итакъ, завтра,—подумалъ Безсоновъ — завтра начинается работа „отъ земли“, выражаясь техническимъ, довольно-таки непонятнымъ терминомъ.

У Безсонова въ ликвидаціи было пять имѣній. Вотъ уже цѣлый годъ два изъ нихъ—одно въ 1.100 десятинъ, другое въ 300—были безъ почина. Трагедію современной крестьянской жизни читалъ Безсоновъ въ томъ, что имѣніе въ 1.000 десятинъ перешло въ банкъ за недоимку товарищества и теперь продается тѣмъ же крестьянамъ.

„Просилъ я, Иванъ Микулинъ, его высокородія г. ликвидатора продать мине участочекъ подъ № 15 при сельцѣ Алексѣевкѣ, такъ теперь прошу мине его не продавать, потому я не согласенъ, а хотимъ обществомъ на себя нашу древнюю землицу возвратить“.

„Мы крестьяне сельца Алексѣевки просимъ господинъ банкъ нашу бывшую землю, отнятую за долгъ товарищества, продать намъ обратно, потому безъ нея наша неутѣшная жизнь

пришла въ совершенное разстройство“. Такія заявленія десятками были подшиты къ дѣлу и громко говорили о привязанности алексѣевцевъ къ міру.

Безсоновъ рано легъ спать, но долго не могъ заснуть: до часа тренькала балалайка, наигрывая „Катеньку“, потомъ пришли безжалостные клопы, и только на разсвѣтѣ онъ забылся тревожнымъ полусномъ.

— Ваше благородіе!—кричалъ за дверью голосъ работника Петра—по приказанію вашему лошади пришли.

Въ нѣсколько минутъ Безсоновъ былъ готовъ. Сейчасъ онъ ѣдетъ, верстъ за тридцать пять, въ банковское имѣніе „Ручьевку“. Изучая дѣла и планы, Безсоновъ еще въ Отдѣленіи заинтересовался этой деревней. Дарственный надѣлъ Ручьевскаго сельскаго общества былъ отовсюду мощно сдавленъ банковской землей, богатыми надѣлами государственныхъ крестьянъ (мордвы) и имѣніемъ богатаго купца. И казалось бы, одинъ прямой выходъ—это хуторскіе участки банковскаго имѣнія; но нѣтъ—только одинъ ручьевскій крестьянинъ купилъ себѣ отрубъ, остальные же чего-то ждали.

— А вѣдь интересно, въ самомъ дѣлѣ, войти въ самый центръ крестьянской экономики. У меня есть кое-какая дискреціонная власть. Можно сдѣлать много добра, незамѣтнаго, но очень осязательнаго для сѣрой рабочей шкуры крестьянина!—думалъ про себя Безсоновъ, подпрыгивая чуть не на аршинъ въ колеяхъ и ухабахъ невозможной дороги.

Налѣво красивыми уступами шло могучее краснолѣсье. Высокое небо наливается красками жизни.

Громадное сего Югово. Безконечная деревенская улица, прочныя избы, „Мануфактурная лавка“, образцовое зданіе трактира и казенки, даже что-то въ родѣ каменныхъ рядовъ. Село богатое: крестьяне государственники, да и торговлю лѣсомъ ведутъ большую. Мужики, бабы и ребятишки кланяются Безсонову. Отвѣчать на поклоны ему скоро надоѣдаетъ, и Безсоновъ начинаетъ разсматривать наивно-пухлыя, юныя облачка, тающія въ небѣ.

Ямщикъ на козлахъ обернулся къ Безсонову и замѣтилъ:

— Вотъ теперь наши юговскіе въ сумленіе пришли. Больно ужъ правила стали непонятныя для міра.

— Какія правила?—спросилъ Безсоновъ.

Мужиченко мялся.

— Да вѣдь, чай, вы и сами, ваше благородіе, знаете.

— Можетъ быть и знаю, да не знаю, о чемъ ты говоришь.

— Да вотъ, чтобы отъ крестьянъ землю отобрать, а потомъ къ господамъ насъ приписать.

Отъ изумленія Безсоновъ чуть не подпрыгнулъ.

— Что ты мелешь, милый человѣкъ! Нѣтъ такихъ правилъ, да и быть не можетъ. О крестьянинѣ заботятся, хотятъ, чтобы онъ побогаче жилъ, да самъ бы себѣ господиномъ сдѣлался, а ты что выдумалъ! — сказалъ Безсоновъ и невольно поморщился. — „Чортъ возьми, — подумалъ онъ — современная землеустроительная пропись довольно-таки скучна“.

Ямщикъ недовѣрчиво покачалъ головой въ огромной козьей шапкѣ.

— Ужъ намъ доподлинно, ваше благородіе, извѣстны новыя правила. Самъ земскій и господинъ непремѣнный членъ сходу объяснять изволили, чтобы мы по старинному обычаю, значитъ, обществомъ жить не смѣли бы.—Возница помолчалъ съ минуту и потомъ сказалъ, словно обронилъ:—Можетъ, вамъ отъ начальства приказано смущеніе наше образумить, такъ вы... того... на меня не памятуйте, а я... я ничего. Что люди толкуютъ, то и я.

Безсонова поразили эти печальныя, кошмарныя слова. Ямщикъ, видно, былъ наполовину откровененъ; форма и кокарда Безсонова мѣшали словоохотливому мужичку быть болѣе откровеннымъ. У Безсонова начинали ныть бока отъ ужасной дороги.

— Скоро будетъ Ручьевка?—спросилъ онъ ямщика.

— Общественная? нѣтъ еще. А это все банковское благосостояніе, и лѣсокъ, и пашня — повелъ кнутомъ ямщикъ. Телѣжка съ трудомъ спустилась съ косогора; за веселымъ быстрымъ ручейкомъ на пригоркѣ шелестѣлъ вѣтвями чахлый осинникъ. За перелѣскомъ шло широкое ровное поле... Словно понастроенныя прихотливой дѣтской рукой, были раскиданы тамъ и сямъ избы: это—хутора на банковской землѣ.

Лошади устали; идутъ уныло и неровно... Но что такое?.. Безсоновъ смотритъ и рѣшительно не можетъ понять, что должны обозначать и для чего предназначены эти странныя постройки—точно свайнаго періода... Четыре столба, крытые соломенной настилкой—и все...

„Для загона скота... Вѣдь я не знаю мѣстныхъ условій — думаетъ Безсоновъ.— Но почему такъ близко одно къ другому?“ Онъ хочетъ спросить ямщика, но боится попасть въ просакъ.— „Потомъ узнаю“ —рѣшаетъ про себя Безсоновъ. Но словоохотливый мужикъ самъ приходитъ ему на помощь...

— Ивана Асташина хуторокъ... А это, значитъ, Петра Трясова... Умнѣющіе хрестьяне... И за что Господь Богъ такое счастье людямъ далъ: вѣдь земля, то-есть не земля — а лучше золота.

— Гдѣ же хуторъ?—рѣшился спросить Безсоновъ.

— Да вотъ, ваше благородіе!—ямщикъ опредѣленно ткнулъ въ сторону свайныхъ построекъ...

— Какой же это хуторъ?.. Это для скота, для сѣна, для чорта, только не для человѣка—замѣтилъ Безсоновъ.

— Нѣ... зачѣмъ!.. Для коммиссіи это они построили да для банка... Значитъ запрошлый годъ пріѣхалъ господинъ ликвидаторъ и объявилъ крестьянамъ на сходѣ: кто, говоритъ, рѣшительность свою обнаружитъ да переселится, тому всякое вспомоществованіе будетъ: изъ коммиссіи сто рублей дадутъ, лѣса казеннаго отпустятъ, сѣмена дадутъ. Одно слово, утѣшительное житье будетъ. Подумали мы міромъ, да и порѣшили: хоть и хорошо оно выходитъ, а намъ все жъ статья неподходящая... міромъ прочнѣе, стало быть. Вотъ это, значитъ, Петръ да Иванъ — умнѣющіе мужики — ликвидатору свою рѣшимость переселиться и высказали... Тотъ это, значитъ, обрадовался, и участочекъ имъ даромъ предоставилъ, а въ коммиссіи по сту рублей задаромъ на хозяина отпустили... Вотъ они потомъ взяли и построились. — Возница замолчалъ и укоризненно покачалъ головой.—По сотнѣ рублей получили, а на пять рублей построились... Потомъ господинъ непремѣнный членъ очень огорчались, что довѣріе ихъ обманули. Иванъ Митрофановъ деньги, значитъ, пропилъ: потому къ вину они пристрастіе имѣютъ, а Трясовъ, тотъ крестьянинъ обстоятельный: дочери сапоги купилъ, женѣ платье городское справилъ, за годъ банку платежъ сдѣлалъ, а остальное, что осталось, сыну въ Челябу, на торговлю, отправилъ...—Ямщикъ тяжко вздохнулъ: — Эхъ, коли бы мы знали, всѣ бы такъ переселились...

Безсонову стало смѣшно, но вмѣсто смѣха у него вырвался невольный вздохъ...

Чернѣются на пригоркѣ изгородь, каменный господскій домъ, сбитыя подъ одну крышу хозяйственныя постройки: это усадьба банковскаго имѣнія. Чья-то невидимая рука отпираетъ ворота. Телѣжка въѣзжаетъ на большой дворъ. Банковскій староста, молодой блондинъ, съ симпатичнымъ лицомъ, встрѣчаетъ Безсонова. Распрягаетъ лошадей; жена старосты хлопочетъ у самовара. Мужъ бѣжитъ на деревню оповѣстить крестьянъ о пріѣздѣ господина ликвидатора. Безсоновъ пошелъ бродить по усадьбѣ. Вотъ барскій домъ, вѣрнѣе сказать—развалины бывшаго барскаго дома. Что-то страшное, загадочное кроется въ этихъ лишенныхъ стеколъ и рамъ окнахъ, въ этомъ молодомъ побѣгѣ березки, растущей изъ-подъ ржавой, насквозь пробитой дождемъ и време-

немъ крыши дома. Безсоновъ входитъ въ домъ. Пахнетъ склепомъ. Обвалились ступени скрипучей лѣстницы, потолки зіяютъ, словно смертельными ранами, огромными провалами, въ которые виднѣются погнувшіяся, гнилыя балки, да смотрится и клочокъ чистаго неба.

Безсоновъ зналъ исторію этого дворянскаго гнѣзда, исторію обыкновенную, но страшную своей жизненной шаблонностью. Жилъ былъ на свѣтѣ дворянинъ, добрый и мягкій, ни уха, ни рыла не понимавшій ни въ дѣлахъ, ни въ людяхъ; у него былъ приказчикъ тихій, вкрадчивый, богомольный. Всѣмъ вѣрилъ добрый дворянинъ, особенно же своему другу, приказчику Ивану Сергѣевичу. Вотъ напослѣдокъ и оказалось, что приказчикомъ состоитъ не Иванъ Сергѣевичъ, а добрый дворянинъ, у котораго нѣтъ больше ни кола, ни двора, а есть больная жена да шестеро голодныхъ ребятъ. Но помнилъ о Богѣ Иванъ Сергѣевичъ: далъ на прощанье дворянину фунтъ чая въ подарокъ, да подводу до ближней станціи. Зажилъ богато Иванъ Сергѣевичъ, купилъ себѣ другое имѣньице поближе къ желѣзной дорогѣ да къ своему винокуренному заводу, а Ручьевку продалъ банку, заработавъ на этой операціи по пятаку на копеечкѣ.

Уже вечерѣло, когда пришли мужички съ деревни. Собрались за изгородью на мірской землѣ. Было крестьянъ немного, человѣкъ двадцать-тридцать, но Безсоновъ почувствовалъ жуткую неловкость: въ ихъ взглядахъ онъ мгновенно прочиталъ злое чувство къ нему—къ „его высокородію господину ликвидатору, банковскому чиновнику“.

— Здравствуйте вамъ, ваше благородіе!—сказалъ, выступая впередъ, рыжебородый мужикъ съ мѣдной бляхой на груди.—Я, значитъ, старостой состою и по вашему приказанію собралъ сходъ; остальные на дѣлянкѣ работать къ графу ушли.

Безсоновъ старался говорить какъ можно проще и понятнѣе. Говорилъ онъ о томъ, что земля банковская имъ продается, что неволить большими задатками онъ крестьянъ не будетъ и сдѣлаетъ для нихъ все что только можетъ. Когда Безсоновъ кончилъ, наступило вдумчивое молчаніе; казалось, что непріязненное недовѣріе было поколеблено на минуту.

— Ну, слышали, что ихъ благородіе объяснять изволили?—спросилъ строго бородатый староста.

— Статья понятная, слышали.

— Дѣло ихъ благородіе говоритъ: до смерти землица нужна.

— Дарственники мы, одно слово: хуже нищихъ.

Передъ Безсоновымъ завертѣлся юркій мужикъ съ умными голубыми глазами.

— Ваше благородіе, согласны мы даже очень, только не иначе какъ обществомъ: потому каждому намъ не осилить.

— Нельзя. Каждый для себя покупаетъ хуторъ, самъ себѣ хозяинъ и работникъ. — Снова повторять этимъ общинникамъ, крѣпко спаяннымъ между собой земельнымъ голодомъ, объ удобствахъ единоличной собственности ему не хотѣлось.

— Нельзя!—протянулъ чей-то голосъ.

Снова мужикъ съ васильковыми глазами вертится передъ Безсоновымъ.

— И кто это такія правила открываетъ? И что это за врагъ всего христіанскаго міра? Нѣтъ, то-есть, я одно скажу, я одно скажу, не человѣкъ это выдумалъ, не человѣкъ.—Голосъ мужика дрожалъ отъ злобной горечи.

— Что ты толкуешь ихъ благородію? Развѣ они повинны? Тоже вѣдь, небось, человѣкъ: долженъ по законамъ поступать—замѣтилъ горбатый мужикъ съ черными строгими глазами.

— Ишь насѣлъ! — добавилъ другой голосъ. Мужикъ стушевался.

— Ахъ, ты, Господи—Мать святая Богородица, то-есть какая это наша жизнь неутѣшительная! Мірской землицы нѣтъ, мордва проклятая въ съемъ паръ не даетъ больше, а господинъ банкъ только одно названіе, что намъ подсобляетъ!—говорилъ плаксивый голосъ.

— Мы что, мы ничего, развѣ противъ воли начальства супротивничаемъ, а только, какъ въ прошлый годъ сказалъ намъ господинъ ликвидаторъ, что пропащій мы народъ и умирать намъ самое любезное дѣло, такъ и стали мы думать о новкѣ. И за что только разсердился господинъ ликвидаторъ—никто изъ насъ ума не приложитъ. Просили мы его отвести намъ выгонъ по плану, значитъ, литера Б. Вотъ по водотекъ сейчасъ!—мужичокъ повелъ рукой направо, гдѣ подъ горой змѣилась узенькая полоска воды. — А господинъ ликвидаторъ намъ объявилъ, что тамъ хуторъ устроитъ и переселенца посадитъ. Да мы за эту землю никакихъ денегъ, кажись, не пожалѣли бы, всѣ бы хуторки за собой оставили, потому не супротивничаемъ мы начальству, а землица травки не поднимаетъ. Хутора туда-жъ! — продолжалъ сокрушаться мужичокъ.

— Чего тамъ толковать: безпремѣнно человѣкъ по правиламъ начальства поступалъ.

— И что это за правила такія сурьезныя пошли!

— Вѣстимо сурьезныя.

— Спасибо его сіятельству, что выгономъ насъ облагодѣтельствовалъ, а то что бы стали со скотинкой дѣлать, хоть по воздуху летай!

Безсоновъ слушалъ эти слова, а глаза его были прикованы къ далекому горизонту, гдѣ въ мягкой лазури серебрился крестъ церкви, чернѣла ровная полоса лѣсовъ, догорали вечернія краски безмятежнаго весенняго неба.

А мужицкіе голоса продолжали:

— А ты скажи, Иванъ Кузьмичъ, какъ бы мы теперь стали жить, ежели бы господинъ Андреевъ намъ проходныхъ свидѣтельствъ въ Минусинскъ не выправилъ?

— Одно слово, дай Богъ ему здоровья, сердечный онъ крестьянину человѣкъ.

— Теперь, значитъ, ваше благородіе мы ходоками въ Сибирь направляемся, потому намъ своя деревня теперь не мать, а хуже мачихи.

— А если ничего не найдете? Что тогда? — спросилъ Безсоновъ.

— Обернемся назадъ.

— Ваше благородіе—вкрадчиво говорилъ чей-то голосъ. А вы того... землицу намъ поберегите; вѣдь неровенъ часъ и впрямь въ Сибири землицы не найдемъ.

— Судьба, Богъ дастъ, побережетъ! — отвѣтилъ Безсоновъ.

— Спасибо на ласковомъ словѣ, ваше благородіе.

— Прощевайте вамъ.

Выступилъ впередъ рыжебородый староста.—Приказаній какихъ, ваше благородіе, не будетъ ли?

— Оповѣсти всѣхъ крестьянъ на деревнѣ, чтобъ о землѣ крѣпко подумали бы—отвѣтилъ Безсоновъ.

— Оно само собой безпремѣнно.

Мужики двинулись по деревенской улицѣ.

— А я такъ вамъ, Егоръ Степановичъ, объясняю, что всѣ эти строгости не отъ человѣка — уловилъ Безсоновъ обрывки разговора.

Когда Безсоновъ перешагнулъ черезъ калитку, онъ невольно вздрогнулъ: черными впадинами глянулъ на него домъ, бѣлый, противный и загадочный, словно хохочущій черепъ. А вверху темнѣло синее, печальное и безконечно равнодушное ко всему и всегда небо.

IV.

Маленькая комната конторы биткомъ набита народомъ. Удушливо пахнетъ махоркой, потомъ и лукомъ. Конторщикъ, прыщавый молодой человѣкъ, усердно быстро щелкаетъ на счетахъ.

Почти всей деревней пришли къ Безсонову алексѣевскіе крестьяне, бывшіе члены товарищества, земля котораго за какую-то сравнительно ничтожную недоимку отошла къ банку, съ крестьянскими постройками, богатымъ урожаемъ крестьянскихъ посѣвовъ, и въ утѣшеніе мужикамъ осталась лишь маленькая бумажка — справка Отдѣленія, что-де, молъ, съ нихъ, крестьянъ, еще осталось дополучить.

Но земля никуда не ушла: она еще непочата, аккуратно и толково разбита на хутора. Вездѣ новенькіе приземистые столбы съ выжженными гербами и цифрами. Алексѣевцы—крѣпкіе общинники и даже говорить не любятъ объ „отрубяхъ“. Прошли апрѣль и май въ безуспѣшныхъ просьбахъ алексѣевцевъ продать имъ землю на общество. Наконецъ великая брешь была пробита: пришлось прощаться съ послѣдними надеждами. Давеча богатѣй изъ Борисовки закупилъ у господина ликвидатора хуторокъ, да къ тому же и люди говорили, что кто на себя одного участочекъ взять согласится, тому паръ даромъ отойдетъ. Вотъ почему всѣмъ обществомъ пришли нынче алексѣевцы къ Безсонову. Сегодня крайній день, а завтра районный подъ урожай сдастъ весь паръ — и тогда прощай, земля, до будущаго года.

— Такъ поняли, что ихъ благородіе объясняетъ?—спросилъ наставительно староста.

— Какъ не понять—поняли.

— Значитъ, за паръ теперь не возьмется, а до января ихъ благородіе обождетъ.

— А сколько съ меня задаточка придется? — выкрикивалъ, вытягиваясь изъ-за плотныхъ спинъ, маленькій мужичонка.

— И съ меня: я, стало быть, за собой хочу четырнадцатый хуторъ оставить.

— Ваше благородіе, а сколько съ меня процентовъ причитаться будетъ?—Сѣрыя однообразныя лица слились въ одну печальную стѣну, словно на картинѣ старо-нѣмецкаго художника. Какъ во снѣ, Безсоновъ повторялъ стереотипныя фразы, что онъ задаткомъ крестьянъ неволить не будетъ, что задатокъ „скостится“ съ продажной цѣны, и процента придется платить каждый годъ меньше.

— Получай съ меня, ваше благородіе, задатокъ за двадцать первый участокъ!—Высокій мужикъ съ непріятнымъ взглядомъ жестокихъ сѣрыхъ глазъ протянулъ Безсонову двѣ засаленныя десятирублевки. Полѣзли и другіе мужички за пазуху. Кто-то громко охалъ, слышался опасливый шопотъ, велись тихіе переговоры.

— Господи Боже Ты нашъ, и почему это господское овладѣніе всѣмъ крестьянскимъ міромъ приключилось? Думали мы себѣ, что земля намъ, крестьянамъ, достанется, а тутъ, скажи на милость, вся банковская стала, а мы плати ему пятьдесятъ пять лѣтъ. А ну какъ не осилимъ?—еле слышно мямлилъ мужичокъ съ добрымъ рябымъ лицомъ.

Открыто и смѣло выступилъ впередъ крестьянинъ богатырскаго сложенія.

— А что, ваше благородіе, какъ же насчетъ чернаго передѣла? Вѣдь люди говорятъ, вышелъ такой манифестъ.

— Полно вздоръ говорить!—строго замѣтилъ Безсоновъ.

— А и смутьянъ же ты, Егоръ Трофимовичъ! Развѣ не знаешь, что священное право собственности неприкосновенно?—сердито сказалъ мужикъ съ острымъ взглядомъ жестокихъ глазъ.—Или позабылъ, какъ запрошлый годъ стражники тебя поучили?—добавилъ онъ и въ голосѣ его послышалась злая угроза.

— Да я ничего, Василій Петровичъ: что люди говорятъ, то и я, конфузливо оправдывался добродушный богатырь.—А то правда ваша: то-есть, до сихъ поръ почитай спина чешется, словно вши ее накусали!—улыбнулся мужикъ, блеснувъ бѣлой полосой красивыхъ зубовъ.

— Не хочешь землю брать, не бери—а людей не смущай!—не унимался мужикъ съ сѣрыми злыми глазами.—Вѣдь ихъ благородіе не силкомъ землю даетъ: наше доброе согласіе и къ тому же добра намъ дуракамъ желаетъ.

Безсоновъ хотѣлъ-было сократить своего непрошеннаго союзника, но удержался. „Пусть выскажутся“—подумалъ онъ, выводя на зеленыхъ квитанціяхъ цифры полученныхъ задатковъ.

Мужички, до сихъ поръ сочувственно слушавшіе поученіе Василія Петровича, вдругъ довольно дружно загудѣли; видно было, что въ нихъ неосторожно расшевелили какую-то гнойную рану, разбудили что-то болѣзненное, чуткое, заснувшее на днѣ мужицкаго, тихо тоскующаго сердца.

— И что за слово такое нескладное ты сказалъ, Василій Петровичъ? Что за согласіе наше, ежели, стало быть, насъ за глотку господинъ банкъ ухватилъ?—говорилъ чей-то возмущенный голосъ.

— Третье лѣто банкъ намъ паръ по шести рублей сдавалъ; въ прошлое лѣто по десяти, а теперь по пятнадцати рублей, то-есть какая сурьезная цѣна. А намъ вѣдь безъ этой землицы жить совсѣмъ невозможно—вторилъ хриплый басъ.

— Хуже господъ этотъ банкъ-то самый и только чего онъ „крестьянскимъ“ величается! Охъ, Господи, Господи!

— То-есть, господинъ иной разъ съ совѣстью бываетъ. Нашъ баринъ его сіятельство аренду справедливую пятнадцать лѣтъ держалъ.

Такъ говорили мужички. Въ ихъ словахъ звучало печальное и злое раздраженіе. Безсоновъ прекратилъ мужицкія изліянія и сталъ раздавать написанныя квитанціи. Снова безконечные разговоры о землицѣ, разговоры полные мучительнаго любопытства, снова просьбы повременить съ задаточкомъ до ближайшей пятницы, когда на базарѣ коровенку продать можно будетъ, просьба укротить старосту, который „больно сердитъ“, и т. д., и т. д. безъ конца.

— Нищій мы народъ!—говорили Безсонову мужички, и ему становилось какъ-то совѣстно за свои обѣщанія повременить недѣлю съ задаткомъ и за добрые совѣты не продавать корову, а управиться инымъ способомъ.

— Ну вотъ спасибо вамъ, ваше благородіе, что пожалѣли насъ. Одно слово, народъ мы нищій, никому ненужный!—твердили мужики на прощанье.

Часамъ къ пяти дня убрались, наконецъ, послѣдніе мужички. Нѣсколько минутъ на обѣдъ, полчаса на отдыхъ, и снова неудобная телѣжка трясетъ Безсонова по ухабамъ большой трактовой дороги. Когда Безсоновъ доѣхалъ до Степановки, на далекомъ горизонтѣ уже плавилось солнце; по землѣ тянулись длинныя умирающія тѣни. Кончились пески, жидкая, хилая пашня, могучее краснолѣсье; пошли богатыя поля, улыбалась кокетливая веселая зелень чернолѣсья; вѣтряныя мельницы, съ широко разставленными объятіями застывшихъ крыльевъ, попадались каждую минуту. Кирпичная ограда стараго парка. Высокія, старыя липы. Барскій домъ, веселый и привѣтливый когда-то, теперь одинокъ и грустенъ. Безсонова встрѣчаетъ мордастый староста съ тупымъ и сердитымъ лицомъ. Нѣсколько мужиковъ толкутся на дворѣ. Безсоновъ идетъ въ сторожку. Пока поспѣваетъ веселый самоваръ, а усталое отъ далекаго пути тѣло отдыхаетъ, Безсоновъ достаетъ записную книжку и читаетъ, что̀ нужно будетъ завтра сдѣлать: „Посмотрѣть въ Плющевкѣ, какъ устроились хохлы-переселенцы, можно ли разрѣшить имъ рубку лѣса. Про-

вѣрить межевые признаки. Кто ближе живетъ, Кузьминъ или Ершовъ: просятъ участокъ безъ переселенія, а мужики оба хорошіе".

Въ сторожку между тѣмъ набрался народъ. Безсоновъ зналъ, о чемъ мужички съ нимъ будутъ калякать, и дѣйствительно онъ не ошибся. Просьбъ не было; были горькія сѣтованія на то, что ихъ господинъ банкъ отъ землицы „отдалилъ". Дѣло въ томъ, что годъ тому назадъ была эпидемія „хутораманіи": живи мужичокъ хоть въ двадцати саженяхъ отъ разбитыхъ довольнотаки скверно хуторовъ — онъ долженъ былъ селиться на покупаемый участокъ, бросать свою усадьбу и строиться вновь; иначе земля ему не продавалась. Неподходящая это статья оказалась для мужичковъ, какъ ни манила ихъ къ себѣ земля, глубокій ровный черноземъ. Община побѣдила. Но пришли другіе крестьяне, взяли хутора въ предварительную аренду, съ обязательствомъ переселиться въ теченіе года. Времена перемѣнчивы: прошелъ острый періодъ хутораманіи — наступилъ періодъ, девизомъ котораго было: „давай задатку побольше и можешь не селиться". Мечты арендаторовъ сбылись: съ нихъ взяли лишь задатокъ въ пять процентовъ съ продажной цѣны, и они становились счастливыми обладателями завѣтной земли. Бѣдные степановцы, съ ихъ привязанностью къ старымъ устоямъ крестьянской жизни, были жестоко посрамлены и наказаны: земля, смежная съ ихъ надѣлами, земля-золотое дно ушла отъ нихъ навсегда, а впереди — перспектива каждый годъ кланяться счастливымъ владѣльцамъ „отрубей" да просить ихъ Христомъ Богомъ сдать паръ, хотя бы по 30 рублей за десятину. Долго сѣтовали мужички, что „отдалили" у нихъ землицу и чужому народу отдали; долго судили-рядили, нельзя ли возвратить землю обратно и жеребій бросить. Безсоновъ сильно усталъ и уже собирался попросить мужичковъ идти по домамъ, когда къ нему съ таинственнымъ видомъ подошелъ рыжеволосый мужичонка, съ раскосыми, наглыми глазами.

— Запасный ефрейторъ Филиппъ Филимоновъ, — отрекомендовался онъ Безсонову.

— Здравствуй, что скажешь.

— Разрѣшите насчетъ карповъ.

— Что такое? — удивился Безсоновъ.

— Значитъ, въ господскомъ пруду карповъ наловить прошу сотню другую и къ себѣ въ прудецъ пустить на разводъ желаю.

Безсоновъ разрѣшилъ. Мужичонка досталъ изъ-за пазухи смятый клочокъ бумаги и протянулъ его Безсонову.

— Разрѣшеніе-съ. Все, значитъ, въ порядкѣ.

На бланкѣ Отдѣленія безъ подписи говорилось, что владѣльцу участка за № 13 Филиппу Филимонову, въ виду выраженнаго имъ желанія переселиться на арендуемый участокъ, дозволяется вырубить на немъ 1/2 десятины лѣса.

Безсоновъ внимательно посмотрѣлъ на Филимонова. Рысьи глаза мужика воровато забѣгали.

— Николай! — спросилъ Безсоновъ старосту:—трехполье у него на участкѣ правильное ведется?

— Чего тамъ правильное: всѣ пятнадцать десятинъ подъ рожью. Потому въ прошломъ году, говорятъ, можно было порядокъ по землѣ нарушать съ разрѣшенія начальства—отрапортовалъ староста.

— Всѣ пятнадцать десятинъ? Это правда? — спросилъ Безсоновъ. Глаза Филимонова еще быстрѣе забѣгали.

— Одно слово — правда. Только я отъ своей готовности трехполку нарушить господину прежнему ликвидатору объявилъ.

— Зачѣмъ тебѣ рубить понадобилось сразу 1/2 десятины лѣсу?

— Потому я строиться рѣшился. Ну, вѣстимо, избенку, мостикъ, гать придется сдѣлать. Господи Боже мой! Селиться желаю по волѣ начальства. Вѣдь ужъ такой порядокъ извѣстенъ, что кто не смутьянъ, тотъ селись.—Раскосые, хамскіе глаза бѣгали все быстрѣе и вороватѣе.

Безсоновъ сталъ понимать этого хищника: онъ игралъ въ тонѣ хуторманіи. За участокъ имъ еще ничего не уплачено. Платежъ скоро, такъ онъ и хочетъ вырубить лѣсъ, дорогой, хорошій лѣсъ, цѣнный особенно отъ близости губернскаго города и желѣзной дороги, снять хищническій урожай, смѣха ради, что одурачилъ господина ликвидатора, прихватить сотню карповъ и уйти, заработавъ на этой счастливой комбинаціи не меньше рублей 200—300.

— Николай,—сказалъ Безсоновъ старостѣ—слышишь, что я тебѣ говорю: ни одного дерева не позволяй ему рубить, иначе будешь въ отвѣтѣ ты.

— Слушаю-съ.—Мордастое лицо старосты, вѣрнаго банковскаго барбоса, выразило искреннее удовольствіе. Филимоновъ заволновался.

— Ваше благородіе, что же это? Такъ нельзя. Я по волѣ начальства. Я селиться хочу по правиламъ. Я—ефрейторъ конной артиллеріи, на войнѣ былъ. Я жаловаться пойду, жаловаться. Потому я по справедливости.

Безсоновъ почувствовалъ, что въ немъ начинаетъ закипать волна раздраженія; еле сдержавъ себя, Безсоновъ велѣлъ старостѣ принести въ домъ сѣна, сказалъ мужикамъ, внимательно слушавшимъ происходившій разговоръ: „прощайте братцы, приходите завтра“ и вышелъ изъ душной сторожки...

— Хоть и баринъ, а сообразительный!—услышалъ Безсоновъ вслѣдъ себѣ комплиментъ, убѣдившій его въ правильности предположеній объ истинныхъ планахъ артиллерійскаго ефрейтора. Послѣ затхлой, душной людской хорошо было почувствовать себя на свѣжемъ воздухѣ, подъ высокимъ шатромъ бездоннаго, изсиня чернаго неба. На горизонтѣ, подъ красной, быстро падающей кисеей, поднимался мѣсяцъ; на деревнѣ внятно брехали собаки; вставала внятная ночная чуть. Въ паркѣ невнятно бродили призраки былого—умершаго и никогда немогущаго воскреснуть. Вотъ къ этому подъѣзду подъѣзжали нѣкогда тройки, большіе нескладные дормезы; здѣсь встрѣчали гостей радушные хозяева; на этихъ хорахъ сидѣли музыканты изъ дворовыхъ; здѣсь танцовали, беззаботно пировали господа дворяне, пировали до тѣхъ поръ, пока наконецъ не распалась цѣпь великая и не ударила „однимъ концомъ по барину — другимъ по мужику“. А потомъ кого только не перебывало въ этихъ комнатахъ: казаки, стражники, землемѣры, ликвидаторы; на-дняхъ пріѣзжаетъ сюда на дачу колонія малолѣтнихъ преступниковъ. Безсоновъ ничуть не идеализировалъ старо-помѣщичьей культуры, но онъ отдавалъ должное той средѣ, гдѣ выросли Пушкинъ, Герценъ, Тургеневъ, Толстой, гдѣ окрылился прекрасно-творческій размахъ 60-хъ годовъ. Передъ Безсоновымъ вставало сумбурное настоящее, грозилось неуловимо страшное будущее. Безсоновъ вспомнилъ отвѣтъ одного мужика на его совѣтъ обратиться съ просьбой къ односельчанину, богатому крестьянину. „Нѣтъ, ваше благородіе, ошибаться изволите: еще иной разъ баринъ смилосердствовать сможетъ, а ужъ богатѣй изъ міроѣдовъ глотку перерветъ, а брата нашего не уважитъ“. Вотъ будущіе дворяне Россіи: мужикъ-міроѣдъ, скупившій у банка до сотни десятинъ и ухитряющійся ту самую землю, за которую самъ платитъ 45 рублей въ годъ, передать крестьянамъ подъ урожай за 150 рублей. Все даетъ счастливцу деньги: гонитъ общество скотъ по низу оврага на его участкѣ—плати; теленокъ или лошадь попала на ловко отгороженную полянку—плати; за воду изъ колодца, за проѣздъ по межнику, за все деньги, ни на копейку пощады. Вотъ она, будущая соль земли русской, будущая аристократія великорусской деревни. А остальные, ошалѣвшіе отъ вздорныхъ слуховъ, тол-

ковъ, кошмарныхъ предположеній, жмутся, молчатъ и чего-то ждутъ.

Сторожъ Николай принесъ огромный ворохъ душистаго сѣна. Въ окно изъ разноцвѣтныхъ, красиво подобранныхъ стеколъ вдумчиво свѣтила высокая луна. Липы прильнули къ окнамъ. Коротка лѣтняя ночь. Разгораются неясныя краски золотого дня; солнце омываетъ свой божественный ликъ въ умирающихъ туманахъ утренней зари. Тройка ожидаетъ у воротъ. Когда Безсоновъ пріѣхалъ въ Плющевку—блещущій красками жизни воцарился іюньскій торжествующій полдень. Десятка два мужиковъ встрѣчаютъ Безсонова. Свитки, удивительныя соломенныя шляпы, достойныя пера Майнъ-Рида, черныя лица, черные глаза, смышленые и хитрые мужички-переселенцы изъ Кіевской и Херсонской губерній. До слуха Безсонова доносится веселая, залихватская пѣсня, полная щебечущихъ звуковъ малороссійскаго нарѣчія. Еще нѣсколько саженей дѣлаетъ впередъ тройка. Крестьяне бѣгутъ позади. Предиковинная картина открылась за косогоромъ Безсонову: нѣсколько мужиковъ и бабъ, въ костюмахъ Адама и Евы до грѣхопаденія, мѣсятъ ногами глину, четверть казенки стоитъ на землѣ. Блеститъ подъ солнцемъ мокрая отъ пота кожа, весело звенитъ въ воздухѣ пьяная пѣсня. Присутствіе начальства было мигомъ замѣчено, и голая команда, вытащивъ не безъ труда изъ цѣпкой глины ноги, побѣжала къ землянкамъ за сорочками и портами. Безсонова окружаетъ небольшая плотная толпа. По обыкновенію — просьбы и просьбы безъ конца. Безсоновъ чувствуетъ безконечную нѣжность къ этимъ чернымъ отъ зноя и труда людямъ, которыхъ судьба-мачиха заставила бросить свою родную, уютно-прекрасную кіевщину и забраться сюда на новыя мѣста, къ новымъ людямъ. Здѣсь не могло быть мѣста тѣмъ нелѣпымъ, бутафорскимъ постройкамъ, которыми мѣстные мужики обманывали землеустроительную коммиссію и банкъ, якобы переселяясь на банковскую землю. Здѣсь чувствовалась искренняя влюбленность въ землю: вѣдь на родинѣ надѣлъ проданъ, возвращеніе немыслимо, вся надежда на новую родину. Но она непривѣтливо встрѣтила новоселовъ: уже трое ребятъ умерло, умерла и жинка Кузьменко, рожая на сырой землѣ въ землянкѣ, пробитой насквозь проливными дождями. Стоитъ Кузьменко, молодой рябой мужикъ съ голубыми задумчивыми глазами, на которыхъ блестятъ невольныя росинки слезъ.

— Ну что, Кузьменко,—спрашиваетъ Безсоновъ,—ты просилъ послѣдній участокъ тебѣ продать: берешь или нѣтъ?—Мужикъ весь вздрагиваетъ и дѣлается печальнѣе.

— Ни, ваше благородіе, совсѣмъ невозможно: жинка померла, двухъ лошадей изъ табуна угнали.—Мужикъ уныло смолкаетъ; всѣ притихаютъ на секунду и затѣмъ снова начинаютъ, перебивая другъ друга, тараторить на плохо понятномъ Безсонову языкѣ. Старый Тихонъ совѣтуется съ нимъ относительно фруктоваго садика, который онъ мечтаетъ развести; остальные толкуютъ о томъ, что хорошо было бы взять сѣялку и рандаль. Здоровый мужикъ съ рѣзкимъ, энергичнымъ лицомъ, братъ садовника Тихона, разсказываетъ Безсонову, какъ попали они вмѣсто далекаго Пріамурья въ мирную Плющевку. Безсоновъ знаетъ хорошо, но слушаетъ съ интересомъ: вѣдь жизнь и человѣческое слово всегда стары и вѣчно новы. Шли они ходоками въ Сибирь, а тутъ на станціи крушеніе поѣзда произошло и сильно попортило путь. Стали переселенцы съ мѣстными людьми толковать и прослышали, что въ 12-ти верстахъ банковская земля шибко хорошая продается. Что значитъ мужику 12 верстъ, когда ему то нужно! Какъ увидѣли переселенцы жирный черноземъ, да рѣчку, да веселенькій березнякъ, безъ долгихъ размышленій вылѣзли изъ теплушекъ и въ тотъ же день пріѣхали въ губернскій городъ, осадили Безсонова и мигомъ раскупили Плющевку, золотое дно, которое упустили мѣстные крестьяне, надѣющіеся на „манифестъ“, на то, что „господинъ банкъ пожалѣетъ ихъ бѣдное общественное состояніе“ и продастъ имъ на общество ту землю, которую ихъ отцы и дѣды еще крѣпостными поливали тяжелымъ мужицкимъ потомъ. Но земля ушла навѣки.

Провести прогонъ, осмотрѣть лѣсъ, который переселенцы желали почистить и частью вырубить, указать неясную межу—все это отняло у Безсонова много времени; надвинулся вечеръ, роса опустилась на задумавшіяся поля. Нужно было ѣхать домой, тѣмъ болѣе, что безобразный голодъ и усталость давали Безсонову знать о себѣ.

— Прощайте, ваше благородіе! Мы къ вамъ въ пятницу явимся насчетъ лѣсочка, ужъ сдѣлайте такую божескую милость! Грамотку агроному напишите намъ!—кричали вслѣдъ Безсонову мужики. Безсоновъ обернулся и увидѣлъ, что ветхая старуха благословила его широкимъ благоговѣйнымъ крестомъ. Безсонову стало весело и тепло на сердцѣ.—Прощайте, милые люди, сдѣлаю для васъ все, что могу!—крикнулъ онъ. Лошади весело подхватили, загудѣли бубенцы, неистово залился колокольчикъ.

V.

Въ вагонѣ душно и пыльно. Поѣздъ движется убійственно медленно, и Безсоновъ начинаетъ соображать, что ему придется опоздать къ началу ликвидаціоннаго совѣта, куда онъ вызванъ телеграммой. Напротивъ Безсонова сидитъ длинноволосый господинъ въ сѣромъ пыльникѣ. Дружелюбный разговоръ смѣнился враждебнымъ молчаніемъ, когда незнакомецъ узналъ, что Безсоновъ — ликвидаторъ; но, видно, незнакомцу хотѣлось говорить, и онъ нарушилъ сердитое молчаніе.

— Хутора насаждаете и крѣпкихъ людей творите?—спросилъ онъ.

— Стараюсь—отвѣтилъ Безсоновъ.

— И задатками мужичковъ разоряете. Для страха и любви къ начальству бьете его по уху? — продолжалъ задавать язвительные вопросы незнакомецъ въ пыльникѣ.

Безсонова началъ раздражать этотъ непріязненный допросъ.

— Нѣтъ, не грѣшенъ—засмѣялся онъ.

— Не удивляйтесь моимъ вопросамъ, я самъ изъ Б—скаго уѣзда, такъ у насъ почти всѣ крестьяне, взявшіе отруба, коровъ да лошадей попродавали. Легко сказать: ликвидаторы по 10-ти рублей съ десятины задатка требовали.—Незнакомецъ на минутку остановился.—А нравы господъ землеустроителей таковы: недавно созвалъ сходъ нашъ ликвидаторъ и спрашиваетъ старосту: „Ты староста?“—Староста—отвѣчаетъ мужикъ. Ликвидаторъ ему въ ухо. „Ты староста“—продолжаетъ допытываться ликвидаторъ.—Староста — отвѣчаетъ перетрусившій до смерти мужикъ и получаетъ вторую плюху. Мужикъ на колѣни и пріемлетъ отъ его высокородія индульгенцію: „Хуторянинъ ты, а не староста“. Конечно, все подкрѣплялось соотвѣтственными выраженіями.

— Въ семьѣ не безъ урода: таковъ печальный удѣлъ всякаго хорошаго дѣла—замѣтилъ Безсоновъ.

Незнакомецъ весело засмѣялся.

— Простите меня, но въ васъ или говоритъ профессіональная честь, или вы ничего не знаете и не видите, или же... или же вы сами таковы.

— Вы черезчуръ любезны—сухо замѣтилъ Безсоновъ.

Наступило неловкое молчаніе, которое наконецъ прервалъ таинственный господинъ въ пыльникѣ. Безсоновъ разсѣянно слушалъ его, глядя въ окно на свѣжую зелень бѣгущихъ мимо березовыхъ рощъ.

— Все идетъ по буквѣ соціалъ-демократической теоріи: пролетаризація деревни сильно подвинулась впередъ за послѣдніе два года, община разрушена безусловно, да иначе, впрочемъ, и быть не могло. Въ нашей губерніи съ 1905-го года была довольно сильно развита пропаганда вообще, въ частности соціалъ-демократическая; теперь она сведена къ нулю: во-первыхъ трудно, а во-вторыхъ — безсмысленно. Всякую истину можно доказать прямо и отъ противнаго. Но какой смыслъ эсдекамъ доказывать теорему прямо и за то попадать въ тюрьму, когда господа землеустроители, сдирая съ крестьянина семь шкуръ за участокъ, лупя его по мордѣ, продавая землю исключительно зажиточнымъ мужикамъ, докажутъ теорему отъ противнаго?

Голосъ незнакомца звучалъ спокойно и увѣренно. Говорить, а тѣмъ болѣе спорить Безсонову не хотѣлось: было слишкомъ душно и жарко, поѣздъ шелъ съ большимъ опозданіемъ и все это, вмѣстѣ взятое, лишало Безсонова спокойствія и логичности мысли, необходимыхъ для спора. Прогремѣлъ желѣзнодорожный мостъ, подъ которымъ змѣилась свѣтлая, ликующая подъ яркимъ солнцемъ рѣчка. На высокой, зеленѣющей садами горѣ виднѣлся городъ. Безсоновъ сталъ собираться.

— На судъ синедріона, изъ Питера прибывшаго, везете все это?—кивнулъ незнакомецъ на громоздкіе планы.

— Почему вы такъ думаете?—спросилъ Безсоновъ.

— Догадаться не хитро: три дня тому назадъ наши страны посѣтило ваше грозное начальство, а потомъ сюда направилось чинить судъ и расправу. Вообще, я человѣкъ весьма наблюдательный и гожусь въ россійскіе Шерлоки-Холмсы. Напримѣръ: вы везете тысячи двѣ-три крестьянскихъ денегъ въ кассу Отдѣленія и, боясь посягательства на нихъ и на вашу бюрократическую невинность, вы вооружились браунингомъ, который вамъ дьявольски мѣшаетъ. Не правда ли? — незнакомецъ весело засмѣялся.

Безсоновъ удивился; собесѣдникъ его не ошибся.

— Теперь позволю себѣ сказать о васъ самихъ нѣсколько словъ. Съ моей точки зрѣнія, вы очень и очень вредный человѣкъ: въ васъ есть чувство гуманности, вы мягки, у васъ нѣтъ никакой окраски; вы не заставите мужика продавать лошадей, коровъ, овецъ; вы не будете ловить по деревнямъ бабъ и дѣвокъ, бить мужиковъ по мордамъ, брать взятки, а въ результатѣ что? Мужикъ размякнетъ; онъ хоть и хитеръ, а все же и его обойти можно и, глядишь, въ результатѣ новая союзная

чайная открывается.—Въ голосѣ незнакомца зазвучали горячія нотки и, увлекаясь все болѣе и болѣе, онъ продолжалъ:

— По моей теоріи рѣшительно все-равно—на какой бортъ навалиться, на правый или на лѣвый, лишь бы только была дѣйствительная опасность перевернуться совсѣмъ; вотъ скверно, когда лодка начинаетъ идти ровно и спокойно, а это вѣдь вполнѣ возможно, попади государственная работа въ руки людей, готовыхъ кормиться либеральными палліативами, которые творятъ тишь да гладь не искусственную, а дѣйствительную. Но, слава Богу, времена всякихъ правовѣрныхъ октябристовъ, кадетовъ и тому подобныхъ не пріидутъ во вѣкъ.—Голосъ его звучалъ искренно.

„Кто онъ — филёръ или революціонеръ?“ подумалъ Безсоновъ, съ интересомъ всматриваясь въ загорѣвшееся жизнью лицо незнакомца.

Поѣздъ остановился у станціи.

— Позвольте познакомиться на прощанье — сказалъ незнакомецъ, протягивая Безсонову руку. Особенно ясно, словно подчеркивая, незнакомецъ назвалъ свою фамилію, старо-дворянскую, именитую на Руси уже нѣсколько сотъ лѣтъ. Вѣроятно на лицѣ Безсонова отразилось удивленіе; по крайней мѣрѣ незнакомецъ сказалъ:—Удивлены? Въ Россіи вообще удивляться нельзя, а въ настоящее время особенно: придется все время съ открытымъ ртомъ ходить. Да, представьте себѣ, былъ я раньше земскимъ начальникомъ, потомъ уѣзднымъ предводителемъ, а теперь скучающимъ зрителемъ состою: мечтаю и скучаю, единственное, на что русскій человѣкъ очень способенъ. Еще разъ прощайте.—Что, поѣздъ на Инзу поданъ?—спросилъ онъ подбѣжавшаго носильщика.

„Кающійся дворянинъ. Типъ старый, но въ наше время довольно рѣдкій“—подумалъ Безсоновъ. Они разстались.

Черезъ часъ Безсоновъ былъ уже въ Отдѣленіи; тамъ было шумно, чувствовалось тревожно приподнятое настроеніе духа. Еще бы. Вмѣстѣ съ уполномоченнымъ пріѣхалъ самъ Семенъ Семеновичъ, весь черный отъ злости, разнесшій въ пухъ и прахъ все Поволжье. Что-то будетъ?—читалось въ глазахъ каждаго. Сторожа таскали чудовищныхъ размѣровъ ликвидаціонные планы хуторовъ, отрубовъ, поселковъ, словомъ—картины будущей Россіи, счастливой и богатой. Разговоръ шелъ на тему о томъ, что мужикъ побѣжденъ, и землеустроительная кампанія удалась блестяще.

— Я задатка меньше 8% не беру—говорилъ одинъ.

— Только-то? Я 10%, а иной разъ и 15 нагоняю! — хвастался другой.

— У меня мужики въ струнѣ ходятъ, не разсуждаютъ, а только слушаютъ, да слушаются. А кто философствовать начинаетъ, тому я говорю: ты женатъ? „Такъ точно". Вотъ ты и долженъ свою бабу знать, а до остального тебѣ нѣтъ дѣла. Ну, конечно, къ maman посылаешь для должнаго впечатлѣнія.

Дружный одобрительный смѣхъ покрылъ слова остроумца.

— А у васъ, Борисъ Николаевичъ, какъ идутъ дѣла?— обратился къ Безсонову остроумный ликвидаторъ.

— Кажется, что довольно успѣшно; крестьяне участки берутъ.

— Да это что, пустяки. А вотъ вы сколько берете задаточныхъ?

— Безъ переселенья минимальный законный задатокъ въ 5%, а съ переселеньемъ—рублей десять.

— Съ десятины, конечно? — спросилъ вкрадчиво Безсонова его собесѣдникъ.

— Нѣтъ, со всего отруба—улыбнулся Безсоновъ.

Ликвидаторъ опасливо отодвинулся отъ Безсонова, и остальные стали смотрѣть на него недовѣрчиво - неодобрительно. А на другой сторонѣ громаднаго, покрытаго синимъ сукномъ стола апоплексическаго вида господинъ, въ формѣ непремѣннаго члена землеустроительной коммиссіи, повѣствовалъ:

— Я говорю всегда мужику одно: дай вамъ мерзавцамъ въ общинное владѣніе фруктовый садъ—и вы обратите его въ пустыню, въ скалу, въ голый камень, гдѣ и подохнете. А если тебѣ, милому человѣку, дать въ единичную собственность голый камень, то ты его скорехонько въ такое золотое дно превратишь, что ай-люли малина ягода. И вообразите — понимаютъ, молчатъ, косятся, а въ глубинѣ души соглашаются.

Безсоновъ съ интересомъ слушалъ вдохновенное повѣствованіе чурбана. Интересная бесѣда была прервана тревожной суетней на лѣстницѣ. Забѣгали курьеры. Изъ своего кабинета прошелъ съ озабоченнымъ видомъ управляющій. Наступила боязливая тишина. Черезъ минуту въ комнату вмѣстѣ съ управляющимъ вошелъ его превосходительство, въ сопровожденіи уполномоченнаго, элегантнаго молодого человѣка, съ отталкивающей застывшей улыбкой на бездушномъ красивомъ лицѣ. Его превосходительство обвелъ всѣхъ мутнымъ взглядомъ хитрыхъ и жестокихъ глазъ и, закативъ глаза къ потолку, протянулъ одному изъ непремѣнныхъ членовъ руку. На лицѣ его, черномъ и уста-

ломъ, Безсоновъ подмѣтилъ чувство самаго искренняго отвращенія, точно рука его прикасалась не къ рукѣ очень порядочнаго человѣка и честнаго работника, а окуналась во что-то зловонное. Остальные ликвидаторы придвинулись къ его превосходительству, желая удостоиться рукопожатія и вообще побыть на глазахъ у начальства; но эта маленькая подлость не удалась. Его превосходительство круто повернулся и прошелъ въ кабинетъ управляющаго. Молодой элегантный человѣкъ обходилъ присутствующихъ, крѣпко всѣмъ пожимая руки, и въ его стереотипномъ рукопожатіи, въ его застывшей улыбкѣ читалось безконечное презрѣніе ко всѣмъ этимъ незамѣтнымъ рядовымъ землеустройства. Эта сценка, этотъ шикъ, достойный опереточнаго купца, поющаго: „я гусаръ, а не купецъ“, эти разочарованныя физіономіи едва не заставили Безсонова разсмѣяться. Онъ сталъ смотрѣть въ раскрытое окно. Тамъ далеко внизу тускло поблескивала застывшая полоска рѣки, а за ней широко и привольно разливалось цѣлое море лѣса, примиряющаго безучастное небо съ тоскующей землей.

Между тѣмъ молодой человѣкъ окончилъ свой обходъ и удалился въ кабинетъ. Черезъ минуту выскочилъ управляющій и сказалъ, что засѣданіе назначено въ девять часовъ вечера, а теперь его превосходительство освобождаетъ отъ занятій всѣхъ и вся. Словно школьники, шумя и толкаясь, дружной гурьбой двинулись ликвидаторы къ выходу, за которымъ ждала ихъ свобода.

Безсоновъ вечеромъ опоздалъ къ началу засѣданія. За длиннымъ столомъ возсѣдалъ весь синклитъ землеустроителей. Передъ чудовищныхъ размѣровъ планомъ на подставкѣ коротенькій, апоплексическаго вида ликвидаторъ, тотъ самый, который проповѣдывалъ мужикамъ, что единоличная собственность сотворитъ изъ камня цвѣтущій садъ, водилъ по плану толстой, мясистой рукой и что-то съ воодушевленіемъ повѣствовалъ. Уполномоченный непріятнымъ, фальшиво-гортаннымъ голосомъ задавалъ ему вопросы. Въ залѣ царила почтительная тишина. Безсоновъ тихонько пробрался и занялъ мѣсто у окна.

— Здѣсь будетъ у меня поселокъ на 64 двора. Въ этомъ мѣстѣ у меня разбито 42 отруба съ переселеніемъ и 18 безъ переселенія. Въ этомъ мѣстѣ у меня оставлена десятина подъ кладбище — рапортовалъ ликвидаторъ деревяннымъ голосомъ, блуждая рукой по разноцвѣтному плану.

— Ну, какъ же крестьяне къ кладбищу относятся?—спросилъ уполномоченный.

— Хорошо. Они очень рады.

Въ залѣ послышался легкій смѣхъ.

— Теперь очень важный вопросъ относительно обводненія. Я думаю устроить 18 колодцевъ. Пробныхъ колодцевъ я не дѣлалъ, но я полагаю, что вода должна быть, такъ какъ въ Змѣевкѣ, въ трехъ верстахъ отъ имѣнія, есть колодецъ съ очень вкусной водой.

— Не слишкомъ ли это будетъ смѣло, не найдя воды, разбивать участки съ переселеніемъ?—усумнился уполномоченный.

Но ликвидаторъ заволновался, сталъ честнымъ словомъ утверждать, что тамъ найдется очень вкусная вода, и планъ будущаго земного рая былъ утвержденъ. У толстаго ликвидатора была цѣлая серія громадныхъ плановъ, проектъ возсозданія цѣлаго маленькаго государства, крѣпкихъ, русскихъ людей. Снова онъ сталъ махать по планамъ рукой и говорить дубоватыми словами о вкусной водѣ, которой нѣтъ, но которая можетъ, по его предположеніямъ, оказаться, о безконечномъ стремленіи мѣстнаго мужика порвать съ ненавистной общиной и зажить новой жизнью, достойной европейца. Правда, иногда хуторъ находился въ подозрительной близости къ непроходимому оврагу, дорога шла по мірской землѣ, но все это — пустяки, на которые не стоило обращать никакого вниманія. Планы утверждались съ большой быстротой, безъ долгихъ разговоровъ, послѣ двухъ-трехъ стереотипныхъ вопросовъ.

— Ну, теперь порадуйте насъ расцѣнками,—сказалъ уполномоченный, когда безконечные планы мирно лежали на столѣ.

Посыпались цифры. Ариѳметика очень простая и пріятная для начальства. Цѣна, по которой имѣніе досталось банку, считалась основной; къ ней прибавлялось 10 — 15%, смотря по радѣнію ликвидатора, да стоимость колодцевъ, а затѣмъ оцѣнить каждый отдѣльный участокъ предоставлялось доброй волѣ ликвидатора.

У толстаго ликвидатора на его тупомъ лицѣ разлилось вдругъ блаженное выраженіе. Съ таинственнымъ видомъ нагнувшись къ уполномоченному, онъ сказалъ:

— Это, Александръ Александровичъ, расцѣнки оффиціальныя для банка; на самомъ дѣлѣ я съ мужика беру за отрубъ на сто рублей больше. Доходъ банку бываетъ значительный.

Уполномоченный поморщился; видно было, что откровенная готовность драть съ мужика безъ пардона его немного шокировала.

— Едва ли, Иванъ Николаевичъ, такой пріемъ допустимъ: вѣдь вы дѣйствуете какъ представитель правительства. И потомъ я хотѣлъ вамъ сказать: на васъ есть жалобы со стороны

крестьянъ, этихъ жалобъ много и всѣ онѣ однородны. Крестьяне жалуются, что вы объявляете однѣ цѣны за участки, а въ запродажныхъ пишете другія, нерѣдко рублей на 300—500 выше.

Ликвидаторъ радостно заволновался.

— Именно, именно, Александръ Александровичъ, я всегда такъ и поступаю съ тѣми, кто неграмотный. Русская пословица не даромъ говоритъ: не обманешь—не продашь.

Онъ радостно быстро загоготалъ и сталъ собирать свои планы. Какъ ни были подготовлены ко всему землеустроители, но очевидно имъ стало стыдно за своего собрата. Воцарилась неловкая тишина, которую нарушилъ уполномоченный, сказавъ сухимъ тономъ:

— Благодарю васъ, вы свободны.

Ликвидаторъ шаркнулъ коротенькими ножками и выкатился изъ зала, сказавъ на прощанье:

— На поѣздъ еще поспѣю.

Когда онъ ушелъ, кто-то ему вслѣдъ демонстративно фыркнулъ. Зашевелились и заговорили довольно громко.

— Это, господа, одинъ изъ двухъ фокусовъ многоуважаемаго Ивана Николаевича. Вы помните, какъ въ прошломъ году онъ возилъ съ собой шестерыхъ хохловъ. Посадитъ ихъ въ одно имѣніе, глядишь, мужикъ перетрусилъ — переселенцы, молъ, пришли, земля уйдетъ,—и сталъ брать отруба, а онъ бутафорскихъ хохловъ потомъ сниметъ и посадитъ въ другое имѣніе. Результаты этого фокуса были отличные. Но второй слишкомъ рискованъ, я боюсь его вамъ рекомендовать. Однако, долженъ васъ предупредить, господа, что непремѣнное желаніе Семена Семеновича, чтобы ликвидаторы брали съ мужика возможно больше въ задатокъ, процентовъ 10—15, а то и 20. Ну, что за бѣда, если мужикъ корову, даже лошадь продастъ: вѣдь все это наживное, зато видна его истинная любовь къ землѣ!—говорилъ, развалясь на креслѣ, уполномоченный.

Безсоновъ съ трудомъ вѣрилъ своимъ ушамъ и тоскливое изумленіе закрадывалось въ его душу. Что это—мелочная лавочка, купецъ и подручные, мечтающіе выручку побольше справить, а покупателя увѣрить, что товаръ себѣ дороже—или же правительственное учрежденіе, цѣль котораго такъ или иначе утолить земельный голодъ, правильно разрѣшить проблему величайшей важности?

Время тянулось убійственно однообразно: быстро смѣнялись однообразные ликвидаторы, быстро утверждались однообразные планы. Правда, иногда выходили довольно забавные qui pro quo,

въ родѣ того, что ликвидаторъ вдругъ открывалъ на планѣ невѣдомые ему дотолѣ овраги, дороги и даже однажды довольно большую рѣчку; тѣмъ не менѣе все обстояло благополучно и было несомнѣнно, что будущіе хуторяне — счастливѣйшіе изъ смертныхъ.

Было уже поздно, когда уполномоченный, стукнувъ по столу кулакомъ, словно учитель на расшалившихся ребятишекъ, сказалъ:

— Прошу не шумѣть, когда я говорю!

Голосъ его, до тѣхъ поръ искусственно фальшивый, вдругъ зазвучалъ живыми нотками: сразу видно было, что человѣкъ заговорилъ о чемъ-то дорогомъ и близкомъ сердцу.

— Вы знаете, господа, что въ печальные годы такъ называемаго освободительнаго движенія, когда вездѣ хозяйничали „товарищи“ (онъ подчеркнулъ послѣднее слово искреннимъ чувствомъ презрѣнія), многіе помѣщики принуждены были покинуть свои старыя дворянскія гнѣзда не по своей охотѣ. Слава Богу, тѣ печальныя времена прошли и никогда больше не повторятся. Въ настоящее время, господа, мы должны охранить эти культурные оазисы отъ распыленія среди массы мелкихъ земельныхъ собственниковъ; мы должны помочь помѣщикамъ вернуть ихъ бывшія мѣста въ земствѣ, по выборамъ, однимъ словомъ, вернуть ихъ на землю, добытую доблестной службой ихъ предковъ. Какъ вамъ уже всѣмъ извѣстно изъ циркуляра, вамъ вмѣняется въ обязанность при образованіи особо-выдѣленныхъ культурныхъ участковъ нарѣзать ихъ безусловно въ размѣрѣ полной земской цензовой единицы. Очевидно, уже многіе изъ васъ исполнили это съ большой вдумчивостью и усердіемъ. Благодарю васъ, Николай Петровичъ, вы прекрасно поняли мысль его превосходительства.

Ликвидаторъ, стоявшій у плана, покраснѣлъ отъ радостнаго волненія.

„Ловкачи!“ — подумалъ Безсоновъ, и ему стало даже на минуту смѣшно. Потомъ безконечное чувство гадливости поползло ему въ душу. Что̀ это — законъ? Нѣтъ: только циркуляръ, только воля его превосходительства — но сомнѣній нѣтъ никакихъ, все что угодно и какъ угодно. Болѣзненно-смѣшная мысль пришла Безсонову въ голову.

„Не предложить ли начальству мое счастливое изобрѣтеніе: фокусъ, достойный двухъ фокусовъ Ивана Николаевича?.. — Господа, куплено имѣніе въ 500 десятинъ, по 100 рублей за десятину, у дворянина и своего человѣка. Земскій цензъ — 250 десятинъ, который и выдѣляется. Необходимо пожалѣть быв-

шаго владѣльца стараго дворянскаго гнѣзда. Итакъ, господа, въ одной рукѣ у меня 250 и въ другой столько же. Разъ, два, три! Пожалуйте, господинъ дворянинъ, 250 десятинъ за 12.500 рублей; берите, милые люди, 250 десятинъ за 37.500 рублей. Не хотите? Дорого? Бойкотъ? У насъ есть переселенцы-хохлы“.—Тяжелыя думы овладѣли Безсоновымъ. Онъ сталъ смотрѣть въ окно, за которымъ жила полная истомы красавица лѣтняя ночь. Серебрились въ лунномъ сіяніи зарѣчныя дали. Кровавой точкой свѣтилось пламя костра на лугу. На лѣсъ ниспала дымчатая вуаль.

Рѣзкій голосъ вывелъ Безсонова изъ прекраснаго, умиляющаго душу созерцанія.

— Господа, на сегодня засѣданіе объявляю закрытымъ. Завтра засѣданіе начнется въ десять часовъ утра!—объявилъ уполномоченный, начиная стереотипно дружески потрясать всѣмъ на прощанье руки.

„Какъ все это скучно и какъ безнадежно!“ — подумалъ Безсоновъ.

VI.

Снова тотъ же залъ, тѣ же лица, чинно сидящія за длиннымъ столомъ. Новое лицо—губернаторъ, небольшого роста господинъ, въ форменномъ кителѣ и съ причудливыми запонками на манжетахъ. Все по старому, какъ и вчера. Передъ объемистымъ планомъ стоитъ пухлый блондинъ съ идіотскимъ выраженіемъ лица. Голосъ уполномоченнаго звучитъ нынче какъ-то особенно звонко и нагло.

— Это дѣлаетъ вамъ честь, что вы возбудили настоящій вопросъ. Конечно, мы не можемъ ровнять мужика, бывшаго въ товариществѣ, земля котораго за невзносъ платежей перешла къ банку, и того мужика, который является къ намъ впервые, несетъ денежки въ задатокъ и признаетъ всѣ преимущества единоличной собственности. Нѣтъ, первому мужику мы должны сказать: ты ненадежный плательщикъ, изволь уплатить по долгу товарищества недоимку, 10—15% задатка—и тогда, пожалуй, получай свою старую землю; въ противномъ случаѣ ступай вонъ, ты ненадежный покупщикъ, ты нищій, и нечего тебѣ дѣлать на банковской землѣ.

Во время этой тирады губернаторъ нервно ёрзалъ на креслѣ. Когда уполномоченный кончилъ, губернаторъ сказалъ:

— Помилуйте, Александръ Александровичъ, но это ужъ слишкомъ. Вы только посудите сами: у товарищества отобрали землю, посѣвы, постройки, и когда крестьяне хотятъ возвратиться на землю уже на правахъ единоличной собственности, имъ продаютъ ту же землю по повышенной оцѣнкѣ, ихъ же старыя постройки—опять-таки за плату, и въ довершеніе всего вы желаете требовать съ нихъ уплаты недоимокъ по долгу товарищества. Какъ хотите, но это слишкомъ.—Голосъ губернатора дрожалъ отъ чувства искренняго возмущенія.

— Но мы, ваше превосходительство, должны въ такомъ духѣ толковать статью 41-ую инструкціи: иначе могутъ пострадать коммерческіе интересы банка—возразилъ уполномоченный.

— Наконецъ, подобная практика банка можетъ вызвать неудовольствіе, упреки—замѣтилъ губернаторъ.

Уполномоченный повернулся всѣмъ корпусомъ къ губернатору, и голосъ его зазвучалъ еще болѣе фальшиво, еще противнѣе.

— О, ваше превосходительство, мы должны бояться только справедливыхъ упрековъ, а на несправедливые упреки, которыхъ, къ сожалѣнію, такъ много, мы будемъ отвѣчать презрительнымъ равнодушіемъ.

Губернаторъ сталъ волноваться все больше и больше: видно было, что онъ сдерживается черезъ силу.

— Простите, Александръ Александровичъ, но это грабежъ, беззастѣнчивый грабежъ. Нужно пожалѣть мужика. Я съ вами не могу согласиться.

— Напрасно, ваше превосходительство, но повторяю: нужно съ мужика, бывшаго недоимщика по товариществу, брать недоимку—безъ пощады, безъ малѣйшаго снисхожденія. И не только съ него, но если его сынъ или внукъ покупаетъ, и съ тѣхъ нужно требовать недоимку въ теченіе по крайней мѣрѣ пятнадцати лѣтъ.

Безсоновъ слушалъ съ большимъ интересомъ. Къ нему нагнулся знакомый ликвидаторъ и съ подавленнымъ смѣхомъ сказалъ:—По крайней мѣрѣ пятнадцать лѣтъ. Восхитительно! Новое гражданское право творимъ.

— Какъ хорошо, что нашъ высокій патронъ не содержатель ссудной кассы, а то невзначай заложилъ бы ему часы, а онъ и цѣпочку потребовалъ бы—сказалъ Безсоновъ.

— Но вѣдь только въ теченіе пятнадцати лѣтъ, и то лишь при случаѣ!—заливался ликвидаторъ тихимъ, сдавленнымъ смѣхомъ. Безсоновъ посмотрѣлъ на управляющаго. Въ его умномъ взглядѣ

виднѣлся затаенный смѣхъ, смѣхъ прекрасно скрытый субординаціонной дисциплиной и хорошимъ воспитаніемъ.

— А я, простите, все же называю и назову все это грабежомъ. Впрочемъ, я напишу свои соображенія Семену Семеновичу—сказалъ губернаторъ.

— Прекрасно!—обрадовался уполномоченный.—А я, кромѣ того, внесу данный вопросъ на разсмотрѣніе комитета.

Оба представителя власти сердито смолкли. Сконфуженно продолжаетъ свой докладъ ликвидаторъ. Онъ повѣствуетъ о своемъ желаніи прирѣзать къ усадьбѣ банковскіе огороды, смежные съ крестьянской землей, и создать такимъ образомъ новое дворянское гнѣздо.

— Зачѣмъ прирѣзать еще землю? Подъ усадьбой находится 15 десятинъ, что вполнѣ достаточно для уютной дачи—говоритъ губернаторъ.

— Ваше превосходительство, мы желаемъ создавать новыя земскія цензовыя единицы. Мы желаемъ вернуть дворянамъ ихъ земли, утраченныя ими въ печальные дни иллюминацій!—патетически воскликнулъ уполномоченный.

Губернаторъ заёрзалъ на мѣстѣ.—Но позвольте, Александръ Александровичъ: вѣдь не сегодня-завтра земскій цензъ будетъ пониженъ, что и дастъ возможность помѣщикамъ вернуться хозяевами въ деревню. Я знаю хорошо данный уѣздъ и это имѣніе. Тамъ земля для крестьянина безусловно дороже золота, тамъ необходимо быть скупыми на землю, а не создавать латифундіи—сухо замѣтилъ губернаторъ.

— Мы должны идти быстрѣе законодательства. Жизнь не ждетъ, культурный элементъ быстро убываетъ изъ деревни. Непремѣнное желаніе Семена Семеновича—возсоздать аристократовъ земли.

— Я не слыхалъ о такомъ законѣ. Когда же онъ вышелъ?—спросилъ губернаторъ.

— Это дѣло недалекаго будущаго. Нѣтъ никакихъ сомнѣній, что комитетъ утвердитъ наше предположеніе.

— Тогда не лучше ли повременить?

— Ни въ какомъ случаѣ, ни одной минуты!—загорячился уполномоченный.

— Тогда я протестую.

— Но развѣ, ваше превосходительство, это не будетъ ложкой дегтя въ бочкѣ меда, помѣхой въ дружной работѣ объединеннаго правительства?—язвительно-угрожающе замѣтилъ уполномоченный. Ударъ былъ нанесенъ вѣрной рукой: пробормотавъ

что-то, губернаторъ замолкъ. Побѣдно и злобно звучалъ голосъ молодого человѣка.

Въ открытое окно дышалъ теплый лѣтній вѣтерокъ, пропитанный радостью далекихъ зарѣчныхъ полей. Безсоновъ зажалъ уши, чтобы не слушать этихъ мутныхъ потоковъ убійственно-скучнаго, однообразнаго угодничества.

— Господинъ Безсоновъ, прошу васъ!—послышался ему словно сквозь сонъ все тотъ же фатоватый и лживый голосъ. Безсоновъ захватилъ два плана и вышелъ къ доскѣ. „Совсѣмъ какъ въ гимназіи; чего добраго, отмѣтки ставятъ за поведеніе и успѣхи!“—подумалъ Безсоновъ. Глаза уполномоченнаго уставились на него недружелюбно-внимательно. Губернаторъ съ сосредоточеннымъ видомъ шлифовалъ ногти. Безсоновъ говорилъ долго. Онъ напередъ зналъ, что его проектъ разбивки лѣса на отруба будетъ проваленъ, но зналъ также, что этотъ юмористическій планъ былъ необходимъ для того, чтобы земля не ушла отъ крестьянъ и не попала къ милліонеру-кулаку, цѣпкія, жестокія руки котораго уже давно тянулись къ этому золотому дну, дремучему, сказочно-прекрасному чернолѣсью. „Всякую теорему можно доказать отъ противнаго“—думаетъ Безсоновъ, и ему становится весело при мысли о томъ, что никогда этотъ лѣсъ не попадетъ въ заводскія печи купца-милліонера. Безсоновъ развертываетъ второй планъ Ручьевки.

— Усадьба. Прекрасно. Вы говорите, что крестьяне не берутъ хутора. Почему? Вѣроятно бойкотируютъ?—спрашиваетъ уполномоченный.

— Ходоки ушли въ Сибирь. Ждутъ ихъ обратно.

— Но тутъ усадьба. Можно сдѣлать прекрасную цензовую единицу. Вы продумали? Нѣтъ, видно вы не продумали!—голосъ уполномоченнаго звучитъ нагло. Безсонова начинаетъ разбирать злость.

— Вполнѣ продумалъ и пришелъ къ убѣжденію, что думать о созданіи здѣсь цензовой единицы—невозможно!—сказалъ онъ сухо и принялся доказывать искусственность конфигураціи будущей цензовой единицы и ея экономическую нежизнеспособность. А въ головѣ у Безсонова вставали другія мысли. „Возвратятся ручьевскіе ходоки вѣроятно несолоно хлебавши... Уйдетъ банковская земля—совсѣмъ плохо имъ будетъ на голодномъ надѣлѣ. Въ общее владѣніе лугъ можно будетъ имъ отвоевать“.

Нехотя и сердито уполномоченный уступалъ его доводамъ. Въ концѣ доклада Безсоновъ порадовалъ губернатора тѣмъ, что

крестьяне берутъ отруба, и огорчилъ уполномоченнаго мизерностью получаемыхъ съ крестьянъ задатковъ. На колокольнѣ собора часы отчетливо пробили девять, когда уполномоченный закрылъ засѣданіе. Всѣ были голодны и безконечно злы отъ нуднаго сидѣнья. У Безсонова кружилась голова отъ усталости; онъ прощался съ однимъ ликвидаторомъ уже шестой разъ и говорилъ другому что-то о колодцахъ. Наконецъ-то надъ нимъ потемнѣвшій пологъ неба! Безсоновъ почувствовалъ себя одинокимъ, какъ никогда; возвращаться въ затхлый номеръ гостинницы ему не хотѣлось, и онъ рѣшилъ отправиться въ загородный садъ. Онъ былъ голоденъ и прошелъ въ буфетъ. По дорогѣ его кто-то окликнулъ. За столикомъ сидѣла сильно подгулявшая компанія въ форменныхъ фуражкахъ.

— Присаживайтесь къ намъ. Вы намъ, глухимъ провинціаламъ, послѣднія новости поразскажете! — громко говорилъ Безсонову его знакомый Мидяшинъ, земскій начальникъ сосѣдняго уѣзда.

Безсоновъ подошелъ къ компаніи. Незнакомымъ для него оказался только какой-то грузный старикъ въ дворянской фуражкѣ и чесунчевой поддевкѣ.

— Ты оставь, Петръ, такъ говорить: вѣдь ты все же особа VI-го класса—говорилъ Мидяшину толстый земскій съ лицомъ, на которомъ застыло выраженіе грустнаго недоумѣнія.

— Что ты думаешь, я революцію пускаю. Ничуть. А только что твои выдѣлы гадость и на нихъ жить невозможно, такъ это правда,—отвѣтилъ тотъ.

— Ну, бросьте, охота вамъ!—прохрипѣлъ пьяный басъ.— Выпьемъ еще. А только оно правда, что обидно: за выдѣлъ да вдругъ цѣлковый. Я на чай лакею въ „Центральной“ столько даю.

Безсоновъ молча слушалъ. Мидяшинъ подмѣтилъ его удивленіе и громко разсмѣялся.

— Это мы толкуемъ про послѣдній циркуляръ нашего превосходительства: за сто выдѣловъ намъ, земскимъ начальникамъ, обѣщано по 100 рублей, иначе: за одинъ выдѣлъ рубль-цѣлковый. Понимаете ли вы, въ чемъ тутъ вся драма: выдѣлъ—дѣло неизмѣримой важности, для мужика это—ломка всей его жизни, всей психологіи, а тутъ циркуляръ: торопиться съ выдѣлами, при чемъ за выдѣлъ—рубль-цѣлковый награды.

Безсоновъ слушалъ уже безъ удивленія.

— Значитъ, у васъ не лучше, чѣмъ у насъ?

Отвѣтомъ на вопросъ Безсонова былъ дружный смѣхъ всей компаніи.

— Алексѣй Михайловичъ идетъ впереди всѣхъ: у него 280 выдѣловъ!—говорилъ толстякъ въ дворянской фуражкѣ.

— И какихъ выдѣловъ: на томъ свѣтѣ отольются ему его выдѣлы. Но что же дѣлать: ужъ больно человѣкъ лютъ къ волѣ начальства!—сказалъ Мидяшинъ.

— А ты, Петръ, кукиша въ карманѣ не кажи, на это мы всѣ больно храбры!—строго замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Да я вовсе не въ карманѣ кукишъ кажу, а очень даже открыто. Сдѣлалъ два выдѣла и безъ хвастовства скажу—очень приличныхъ. Но, конечно, я дезертирую, дѣлаюсь честнымъ негоціантомъ и буду съ Англіей рогожей да лыкомъ торговать.

— Не дворянское это дѣло торговать—хмуро замѣтилъ сумрачный земскій.

Мидяшинъ только свистнулъ въ отвѣтъ. У Безсонова стала кружиться голова отъ выпитаго вина.

— И ничего-то изъ всего этого не выйдетъ путнаго!—сказалъ толстякъ въ красной фуражкѣ.

— Я деревню прекрасно знаю, мужика насквозь вижу, вѣдь не даромъ восемнадцать лѣтъ земскимъ состою, и конечно ничего хорошаго не ожидаю отъ всей нашей землеустроительной суетни. Потому больно чудна наша матушка Россія. Вотъ мы выдѣлы стряпаемъ, а мужики къ чудотворцу идутъ клятву давать, что общину соблюдать по старинѣ будутъ. Мы союзникамъ всяческія поблажки дѣлаемъ, а они у себя въ чайныхъ о черномъ передѣлѣ шушукаются. Я давно пересталъ удивляться—съ печальною искренностью говорилъ земскій съ интеллигентнымъ, умнымъ лицомъ.

— Милый мой другъ, вообще удивляться, говорю вамъ самымъ серьезнымъ образомъ, вещь весьма глупая. Жизнь идетъ по своимъ строго логическимъ законамъ. Если плохой охотникъ вмѣсто зайца убиваетъ свою вѣрную собаку, то удивляться здѣсь рѣшительно нечему!—замѣтилъ Мидяшинъ, насвистывая вальсъ изъ „Веселой вдовы“.

— Знаете ли, что̀ въ нашу коммиссію прислали въ видѣ поясненія къ наказу? Прислали брошюру: „Земельный вопросъ въ Ирландіи“. На кой она намъ чортъ?—слышалъ Безсоновъ пьяно-возмущенный голосъ.

— Иной разъ мнѣ кажется, что я не предсѣдатель союза...

— А кто же?

— Революціонеръ.

— Дуракъ ты! вотъ что я тебѣ скажу.

Было сильно пьяно. Мимо буфетной террасы прошли двѣ женщины, одна въ косынкѣ, другая въ убогой зеленой шляпкѣ съ какимъ-то глупымъ коричневымъ цвѣткомъ.

— Нютка, поди сюда!—повелительно крикнулъ Мидяшинъ.

Женщина въ шляпкѣ послушно подошла. Совсѣмъ молодое лицо, глупые глаза, крупныя веснушки.

— Годъ назадъ по деревнѣ бѣгала, а теперь въ ночныя феи попала. Держи цѣлкачъ! — сказалъ Мидяшинъ. Дѣвушка дико глянула и зажала въ рукѣ серебряный рубль.

— Съ тобой кто?

— Лушка,—по деревенски на-распѣвъ протянула она.

— Тоже изъ Егорьевки?

— Ага.

— Зови.

Дѣвушка стремительно бросилась къ подругѣ.

— Держи, шаршавая! — сказалъ Мидяшинъ и далъ Лушкѣ рубль.

— Что ты, Петръ, глупишь?—строго сказалъ толстый земскій.

— Сентиментальничаю. Мои выдѣлы въ Егорьевкѣ—сердито отрѣзалъ Мидяшинъ.

Дѣвушки, сконфуженно хихикая, стушевались. Разговоръ, словно подгоняемый сильнымъ хмелемъ, быстро перешелъ на вѣчную тему о женщинахъ, о томъ, какъ добиться успѣха и кто какимъ манеромъ на своемъ вѣку губилъ женскія сердца. Говорились скабрёзныя вещи, передавались губернскія сплетни. Безсоновъ сильно усталъ. Онъ распрощался съ компаніей и вышелъ изъ сада. На небѣ тучи закрыли луну; было удушливо и тревожно. Безсоновъ вздрогнулъ: изъ темнаго, узкаго переулка на него метнулась громадная мужская фигура.

— Ваше благородіе. Не осерчайте, второй день васъ ищу. Ужъ сдѣлайте такую божескую милость, продайте мнѣ участочекъ: на двѣсти сажонъ ближе моя усадьба, чѣмъ Кузьмина, а селиться мы не желаемъ!—умоляюще зашептала фигура, въ которой Безсоновъ съ удивленіемъ узналъ крестьянина Ершова.

— Ты какъ меня подкараулилъ? Какъ нашелъ? — спросилъ Безсоновъ.

— Потому, ваше благородіе, всѣмъ доподлинно извѣстно, что господа ночью завсегда гуляютъ.

— „Однако характеристика не изъ важныхъ“, — подумалъ Безсоновъ и сказалъ:—Ты, Ершовъ, не тревожься. Я тебѣ обѣщалъ отрубъ—тебѣ и продамъ. Жеребья съ Кузьминымъ вы не захотѣли тянуть—такъ ужъ твое такое счастье, что ближе твоя

изба къ отрубу оказалась. Иди съ Богомъ въ деревню: время теперь рабочее, дорогое.

Мужикъ подошелъ совсѣмъ близко къ Безсонову.

— Ну, спасибо тебѣ, родимый. На тебѣ, родимый, на бумагу, аль на што хошь!—сказалъ онъ, и Безсоновъ почувствовалъ, что мужикъ хочетъ ему что-то сунуть въ руку.

Въ первую минуту Безсоновъ ничего не понималъ, но вдругъ словно молнія прорѣзала его сознаніе мысль, что ему даютъ взятку, оскорбляютъ глупо и подло. Въ грудь Безсонова что-то тяжело подкатило; въ ушахъ болѣзненно зазвенѣло. Любопытная луна выглянула изъ-за тучъ и посмотрѣла на интересную сценку. Вѣроятно, у Безсонова на лицѣ было написано что-то сильное и страшное. По крайней мѣрѣ мужикъ громко кликнулъ: „обознались“! и опрометью бросился въ узкій переулокъ, откуда выскочилъ. Это „обознались“, это паническое бѣгство гигантскаго роста мужика были такъ комичны, что безумный хохотъ овладѣлъ Безсоновымъ. „Обознались“—какъ это типично! Именно обознались, какъ сказалъ мужикъ, а не обознался. Всѣ обознались: мужики, дворяне, чиновники и, наконецъ, вся Россія. О, еслибы всѣ повторили это честное, хорошее слово, отъ котораго поворотъ къ правдѣ!

VII.

Ѣхать было мученье. Въ дьявольскомъ вихрѣ крутились по дорогѣ сѣровато-грязные столбы пыли. Въ довершеніе всего было удушливо жарко, а ямщикъ поѣхалъ на Ручьевку дальней дорогой, черезъ большое село Липяговку. Вотъ и оно; теперь скоро Ручьевка. Изъ-за пригорка лихимъ ходомъ вылетаетъ тройка. Сквозь облако грязной пыли Безсоновъ узналъ земскаго и непремѣннаго члена коммиссіи. За вздрогнувшимъ мостикомъ шла деревенская улица. Безсоновъ взглянулъ и разомъ понялъ, что въ этомъ громадномъ мужицкомъ ульѣ произошло событіе большой важности. Было шумно и тоскливо-пьяно. Бабы и ребятишки съ тупымъ вниманіемъ слушали, что̀ гуторятъ мужики. Печальной, стильной декораціей было небо молочнаго, безпросвѣтнаго тона, да обуглившіяся черныя головешки недавняго пожарища.

— Эй, православные, дай дорогу!—крикнулъ ямщикъ. Но православные не дали дороги; не ломали, какъ обычно, передъ его благородіемъ шапокъ. Въ этихъ мутныхъ глазахъ, больныхъ въ большинствѣ случаевъ трахомой, Безсонову чудилось что-то

новое, еще никогда имъ невидѣнное въ флегматичномъ взорѣ русскаго мужика.

— Эй, вамъ говорятъ, подайся! ихъ благородіе разсерчаетъ— крикнулъ ямщикъ.

— И пущай себѣ!..

— Ѣхалъ бы околицей... Нашелъ себѣ какую дорогу!

— Нѣшто не видишь: сходъ?—Молодой, сильно пьяный парень схватилъ было лошадей подъ уздцы, но сѣдой мужичонка неодобрительно повелъ головой, и парень мигомъ ступевался. Безсоновъ вылѣзъ изъ телѣжки. Смѣшаться съ этой толпой и въ минуту ея тоскливаго возбужденія услышать хоть одно откровенное, широкое слово—было желаніемъ Безсонова. Онъ зналъ, что крестьяне немного отмякли отъ его обращенія съ ними, отъ того, что онъ „совѣстливый ликвидаторъ“ и „задатками народъ не мучаетъ“; но онъ чувствовалъ, что есть какая-то великая тайна, которую мужикъ никогда не откроетъ барину. Вликій сфинксъ—смѣшной или ужасный.

Безсоновъ пошелъ впереди тройки, которая шагомъ двинулась за нимъ. Толпа раздалась.

— Здравствуйте, добрые люди! О чемъ толкуете?—сказалъ Безсоновъ.

— Господинъ земскій объявилъ, что землю нашу мірскую отнимать будутъ.

— Что, значитъ, мы, крестьяне, по старому обычаю жить не смѣемъ, а по новому должны строиться.

— А мнѣ такъ, братцы, сдается, что господинъ земскій не по сурьезному, а, значитъ, только пугаетъ.

— Нашто ему пугать насъ: мы и такъ у его въ страхѣ.

— Нѣтъ, Иванъ Пахомовичъ, не дѣло ты говоришь. А ужъ намъ все извѣстно, что новая крѣпь наступитъ въ тринадцатомъ году. Значитъ, какъ перегонятъ насъ на хутора, сейчасъ господамъ и раздадутъ. Ей-ей! Очень даже хорошо извѣстно, кому наше общество предназначается: кто до волчьяго оврага жить будетъ, тѣ Егору Афанасьевичу дворовыми станутъ, а прочіе кто—графскими,—говорилъ сухонькій старичокъ.

— Полно, старикъ, побойся ты Бога, зачѣмъ народъ мутишь! Никогда новой крѣпи быть не можетъ, а если выдѣляютъ крестьянъ изъ общины, то о нихъ же думаютъ: крестьянская земля, имъ и владѣть ей предстоитъ вѣчно, безъ передѣловъ— ласково сказалъ Безсоновъ.

Старикъ весь затрясся и на его выцвѣтшихъ, безстрастныхъ глазахъ загорѣлись крупныя слезы.

— Эхъ, ваше благородіе, правды вы нашей мужицкой не знаете! Теперь, значитъ, объявились къ намъ въ общество такія личности, что никто ихъ не знаетъ и не видывалъ никогда. Мы имъ свое сомнѣніе на ихъ личность открыли, а господинъ земскій взялъ да и отдалъ имъ нашъ лужокъ: „владайте, говоритъ, други, потому они противъ моей личности возстали". Да ты только подумай, баринъ: лужокъ-то нашъ красота небесная, кажинный годъ всѣмъ обществомъ его передѣляли, косой землю мѣрили, а тутъ, скажи на милость, какое немилосердіе: неизвѣстнымъ личностямъ отдали нашу красоту!—Голосъ старика звучалъ искренно и печально. Безсоновъ хотѣлъ говорить, но въ это время изъ ближней избы донеслись дикіе, нечеловѣческіе крики. Безсонову показалось, что совершается жестокое убійство. Медлить нельзя. Онъ однимъ порывомъ бросился къ избѣ, на порогѣ чуть не растянулся и сильно стукнулся о притолку. Въ избѣ натоплено безумно жарко, синій чадъ крѣпко схватываетъ голову, окна плотно закрыты. Изъ русской печи торчатъ чьи-то голыя толстыя ноги. Похожая на сказочную бабу-ягу старая мордовка суетится около печи.

— Соломки постели побогаче. Какъ бы Степанидушка не обгорѣла. Ребеночекъ лѣвшой родится тогда, а супружница и совсѣмъ помереть можетъ.

Молодой мужикъ, съ льняными длинными волосами, поклонился Безсонову.

— Супружница моя изволятъ разрѣшаться ребеночкомъ. Одно слово, значитъ, отпарить брюхо ей нужно, чтобы легче рожать было.

Безсоновъ дико смотрѣлъ на эту картину. Стоны прекратились.

— Ну, что пришелъ глядѣть? Иди къ мужикамъ. Не твое тутъ дѣло!—сердито набросилась на Безсонова мордовка.—Митрій Никитичъ, полей изъ ведерочка квасомъ супружницу: кажись, обмерла.

Безсоновъ вышелъ изъ избы. Ему было стыдно своего выпада, достойнаго Донъ-Кихота. Страшной, безконечно страшной показалась только что видѣнная картина непобѣдимой на Руси власти тьмы. И на деревенской улицѣ продолжался этотъ цѣпкій, живой кошмаръ.

— А, говорятъ, Россея отъ Китая опять золотой клинъ отшибла. И всякому нашему мужику, значитъ, даетъ тамъ землю, избу, да ихнюю бабу.

— И по старому тамъ жить разрѣшается.

Безсоновъ прошелъ къ своей тройкѣ. Разступилась толпа; тряхнули лошади, загремѣли бубенцы. Мужики нехотя снимали шапки; иные отворачивались. Быстро пробѣжала длинная деревенская улица. Долго Безсонова не покидало тяжелое впечатлѣніе отъ только что видѣнныхъ картинъ безпомощнаго горя, давящаго мрака, черныхъ, грозящихъ небу и людямъ, зловѣщихъ скелетовъ погорѣлой деревни.

Когда Безсоновъ добрался до Ручьевки, начался дождь. Крупныя капли тяжело и нерѣшительно падали на пыльную дорогу. Издалека ползли сизыя грозовыя тучи. Въ маленькой сторожкѣ было темно и печально: въ окно предгрозовая тишина не давала воздуха, тусклая лампа коптѣла, изъ-за стѣны доносился плачъ больного сынишки старосты. Сторожка полна ручьевскими. Когда на ликвидаціонномъ съѣздѣ Безсоновъ думалъ о возможной неудачѣ въ Сибири ручьевскихъ ходоковъ, онъ не ошибался. Ходоки вернулись дней пять тому назадъ. Неудача была полная: земля оказалась еще хуже ручьевской. Погоревали ручьевскіе, пьянствовали два дня, хоть и было время передъ Успеньемъ горячее, проломили двумъ ходокамъ головы, да и пошли всѣмъ обществомъ къ Безсонову за участками и въ одинъ день всѣ ихъ разобрали. Но не было никакихъ надеждъ: Высока расцѣнка, ваше благородіе,—не оправдаетъ себя участокъ,—акъ бы намъ на общество отдали, тогда бы статья иная,—твердили постоянно ручьевскіе и заключительнымъ печальнымъ аккордомъ обыкновенно добавляли:—Погибшій мы народъ, нищій, одно слово, потому насъ и знать не желаютъ.

Безсоновъ раздавалъ крестьянамъ запродажныя условія. Мужички ухитрялись мгновенно обратить розоватую чистенькую бумагу во что-то грязное и безформенное и затѣмъ уже прятали ее въ нѣдра посконныхъ портковъ. Долго калякали они съ Безсоновымъ, прося его уберечь ихъ отъ Митрія Ивановича, который зарится на участочекъ № Б, безъ котораго ихъ скотинѣ придется „хоть по вѣтру летать“. Толковали о мірской межѣ, о томъ, что хуторянинъ Черновъ больно сердитъ и дорого за выпасъ съ нихъ беретъ.

— Коли въ своемъ разсудкѣ—50 копеекъ, ежели пьянъ—рубль, а ужъ какъ съ бабой своей подерется, то и два,—сокрушались въ одинъ голосъ мужички.

— А вы зачѣмъ даете?—спросилъ Безсоновъ.

— Да какъ же, ваше благородіе, не дать, коли онъ лучшую землицу захватилъ, да къ тому же и начальствомъ насъ все пугаетъ. А мы народъ нищій, насъ никто не уважаетъ,—тоскливо

говорилъ кто-то изъ толпы. Поздно вечеромъ, наконецъ, убрались мужички изъ душной сторожки. На дворѣ грохотала гроза, полыхала бѣлая молнія, съ неба рушились потоки дождя.

Къ Безсонову съ таинственно-смущеннымъ видомъ подошелъ банковскій староста.

— Ваше благородіе, съ вами человѣчекъ говорить просится!—сказалъ онъ тихо.

— Почему же онъ раньше не шелъ?—спросилъ Безсоновъ.

— Общества сомнѣвался, потому онъ, Дмитрій Акимовъ, свою волю противъ общества обнаружить желаетъ.—Безсоновъ разрѣшилъ. Въ сторожку вошелъ парень съ раскосыми, быстрыми глазами, одѣтый въ клеенчатую шведскую куртку.

„Вотъ онъ, крѣпкій хуторянинъ", — подумалъ Безсоновъ. И дѣйствительно, это не былъ мужикъ; это былъ именно типичный хуторянинъ, наливающійся кровью паукъ, для котораго міръ, т.-е. вся государственная мудрость мужика—нудный, противный звукъ. Парень наклонился къ Безсонову и сказалъ:

— Облыжно все они. Не вѣрьте, ваше благородіе.

— Что облыжно?—говори толкомъ.

— Да вотъ, что они на лужокъ-то зарятся. Нестоющій они народъ, все только бы человѣку поперекъ дороги стать, а сами первые смутьяны. Третій день на сходѣ положили у господина банка лужокъ за наличныя деньги купить, вчера порѣшили на три года разсрочку просить, а нынче ужъ на 55 лѣтъ толкуютъ. Не осилимъ, молъ. Не осилишь, такъ отступись,—другіе осилятъ!—и вдругъ парень съ какимъ-то звѣринымъ воемъ бухнулся Безсонову въ ноги.

— Ваше благородіе, золото драгоцѣнное, запишите на меня литеру Б эту самую; вѣдь они только время канителятъ, а народъ и совсѣмъ зрящій. Задатку банку внесу, сколько причитается, а то и наличныя выложу. Я не имъ ровня!—заливался парень быстрыми словами, частенько стукая объ полъ лбомъ.

Безсонова начинала злить эта гнусная сцена.

— Встань!—сказалъ онъ тономъ, не допускающимъ возраженій. Парень мигомъ вскочилъ, вытянулся по военному и принялъ приличный видъ.

— Теперь слушай: участокъ подъ литерой Б еще не отмежеванъ и проданъ быть теперь не можетъ; а потомъ я буду хлопотать, чтобы его банкъ продалъ крестьянамъ въ общее владѣніе.—Парень сразу осунулся и присмирѣлъ. Затѣмъ снова затараторилъ быстрыми, отрывистыми словами. Мысли, мечты бѣжали съ поразительной быстротой, но въ отрывистыхъ, несвяз-

ныхъ словахъ Безсоновъ читалъ интересную повѣсть о будущемъ милліонерѣ, о крѣпкомъ человѣкѣ бѣдной родины. Парню двадцать два года, у него уже есть одинъ банковскій хуторъ, самъ онъ лѣсной приказчикъ у купца милліонера, вся Ручьевка ему должна и сѣменами, и деньгами. Участокъ № Б, котораго онъ съ такой страстностью домогается, нуженъ ему для того, чтобы перехватить узкую и быструю въ томъ мѣстѣ рѣчку, поставить лѣсопильную машину и дѣлать ящики на табачныя фабрики — мимоходомъ же постараться отвести рѣчку на старое русло и взять съ хуторянина Егора Фягина, уже поставившаго мельницу, хорошее отступное. „Вотъ она, деревенская сила!“ — думалъ съ горечью Безсоновъ. Мечты парня неслись неудержимо впередъ. Онъ уже просилъ Безсонова продать ему усадьбу съ правомъ снести каменный барскій домъ. И снова лицо мужика одеревенѣло отъ печали, когда онъ узналъ, что господинъ ликвидаторъ хлопочетъ о томъ, чтобы въ домѣ устроить земскую школу. Съ полуслова Безсоновъ понималъ Акимова: купить участочекъ, благо дешево оцѣненъ, снести домъ и продать кирпичъ на постройку, уплатить банку наличными, а тамъ и придавить участочкомъ на бѣдныхъ ручьевскихъ, его новыхъ батраковъ. Долго молилъ онъ Безсонова, то объ усадьбѣ, то о лугѣ; наконецъ, видя, что его мольбы не помогаютъ и ликвидаторъ начинаетъ сердиться, парень снова растянулся на землѣ и, пообѣщавъ придти завтра съ шабромъ, выбѣжалъ, словно ошпаренный, изъ избы. Въ комнатѣ было жарко и душно. У Безсонова разболѣлась голова, и онъ вышелъ на свѣжій воздухъ. Гроза прошла и небо любовно засвѣтилось крупными звѣздами. Безъ шапки, въ какомъ-то изступленномъ забытьѣ бродила по двору чья-то тѣнь.

— Нестоющій человѣкъ, зрящій человѣкъ—разслышалъ едва слышно Безсоновъ тихій, полубредовой лепетъ Акимова.

„Это по моему, очевидно, адресу“, — подумалъ Безсоновъ. Парень натолкнулся на Безсонова, дико глянулъ на него и черезъ секунду верхомъ на лошади уже летѣлъ съ господскаго двора.

Жестко было лежать на кованномъ сундукѣ. За стѣной надрывался отъ плача больной ребенокъ. Въ низкое окно смотрѣлось звѣздное небо. Спать не хотѣлось. Безсоновъ думалъ о томъ, что въ концѣ концовъ онъ служитъ безнадежному дѣлу, которое въ итогѣ можетъ дать только отрицательные результаты. Дѣйствительно, каковъ тотъ законъ, который онъ, рядовой отъ землеустройства, проводитъ въ жизнь? Но закона даже нѣтъ: есть коротенькая циркулярная инструкція, чисто кабинетное измы-

шленіе, не дающее отвѣта на самые насущные вопросы деревенской жизни. Возможно, однако, что планъ кампаніи плохъ, но полководецъ и солдаты таковы, что побѣда обезпечена. Полководецъ? Бездарный администраторъ, девизъ котораго, какъ и фонвизинскаго Скотинина: всякій убытокъ, чѣмъ за нимъ ходить, содрать съ своихъ крестьянъ. — Офицеры? Десятка два воспитанниковъ привилегированнаго заведенія, не желающіе ничего знать, кромѣ собственной карьеры. Когда они являются на мѣста, они вносятъ туда безконечную сумятицу и окончательный хаосъ. Зеленое поле съ просомъ они называютъ травкой, и удивляются, что мужики не пасутъ на немъ скота. Когда они видятъ черное паровое поле, то говорятъ, указывая на него: „Какой мужикъ подлецъ, жалуется, что земли у него нѣтъ, а посмотрите, сколько земли забросилъ"! И такъ безъ конца—на первый взглядъ комическихъ, но по существу своему очень и очень печальныхъ исторій. Наконецъ, рядовые отъ землеустройства?! Можетъ быть они выручатъ и, какъ суворовскіе чудо-богатыри, перелѣзутъ черезъ Альпы современнаго земельнаго вопроса. Но и тутъ ничуть не лучше: каковъ попъ, таковъ приходъ. Что могутъ и могли создать новаго, крѣпкаго и творческаго всевозможные смотрители волжскихъ пристаней, донскіе казаки, околоточные, обыватели города Златоуста, вольноопредѣляющіеся севастопольскаго гарнизона и т. д. до безконечности? Противъ этого войска стоитъ мужикъ, какъ за великую святыню хватающійся за обломки сокрушенной общины. Но вотъ мужикъ пошелъ на хутора, упорство его сломлено, онъ призналъ за благо единоличную земельную собственность. Но кто же этотъ мужикъ, этотъ гражданинъ обновленной Россіи? Три четверти изъ нихъ міроѣды-кулаки, жестокіе и неумолимые какъ никто. Купитъ такой хуторянинъ у банка десятинъ двадцать, потомъ перепродастъ съ барышомъ въ три тысячи другому мужику—и, глядишь, крѣпкій человѣкъ уже покупаетъ въ сосѣдней губерніи сто десятинъ. Нарождается батрачество, нарождаются новыя слезы. Сплетясь другъ съ другомъ, бродятъ по деревнѣ кошмарные слухи о новой крѣпи—и о черномъ передѣлѣ. И весь этотъ карнавалъ заканчивается шествіемъ спекулянтовъ всякой масти. Безсонову стало смѣшно, когда онъ вспомнилъ, что элегантные фрачные лакеи изъ хорошей губернской гостинницы, гдѣ онъ останавливался, и тѣ не позабыли пріобрѣсти у ликвидатора участочки. Тяжелыя, свинцовыя мысли больно сверлили Безсонову голову. На востокѣ загорѣлась молитвенно-чистая зоря, когда онъ позабылся слабымъ, тревожнымъ полусномъ.

VIII.

Рано утромъ Безсонова разбудилъ довольно неутѣшительный діалогъ: „Папанька, Борисъ Николаевичъ больно ночью кашлялъ да стоналъ, а потомъ разомъ замолкъ. Поди, померъ — лядащій онъ человѣкъ“,—говорила дочка завѣдующаго, двѣнадцатилѣтняя Катя. „Папанька“ хмуро замѣчаетъ:—„Не жилецъ онъ на свѣтѣ, что и говорить; нужно будетъ Андрею велѣть дверь взломать. Можетъ быть, можно его въ чувствіе привести“. — Безсоновъ, чтобы прекратить подобный разговоръ, отыскалъ сапоги и громко ими застучалъ. Разговоръ прервался. Мужички въ прихожей, обрадовавшись, что господинъ ликвидаторъ не померъ, загудѣли громче. Чей-то голосъ, хриплый и надорванный, торжествующе объявлялъ:

— Ужъ я вамъ говорю, братцы, что вѣрно. Помяните мое слово.

— А все же лучше его благородію не говорить. Пожалуй осерчаетъ.

— Ничего, онъ добрый эксплататоръ.

„Добрый эксплуататоръ!“—До какого страннаго званія я дослужился!—подумалъ Безсоновъ.

Когда Безсоновъ вышелъ въ контору, биткомъ набитую мужиками, онъ удивился: ни одного знакомаго лица, ни одного изъ тридцати пяти Жаткиныхъ, ни одного изъ шестидесяти восьми Асташкиныхъ.

— Здравствуйте, ваше благородіе. Пришли мы, значитъ, къ вамъ, чтобы разъясненіе получить, а то смущаемся мы очень—говоритъ высокій мужикъ. Въ рукахъ у него грифельная доска, исписанная цифрами.

— Откуда вы?—спрашиваетъ Безсоновъ.

— Сусѣдскіе мы, значитъ, вязовскіе. Пришли сюда на базаръ огромадный и къ вашему благородію за сумленіями обращаемся. Потому мы народъ темный.

— Ну, говори.

Мужикъ смущенно стукаетъ грифелемъ.

— А вотъ, стало быть, нашъ банковскій чиновникъ написалъ мнѣ бумагу, что продалъ отрубъ за тысячу рублей, съ расплатой на пятьдесятъ пять лѣтъ по сорокъ-пять рублей за годъ. Оно выходитъ не тысяча, а почитай что втрое больше.

— Ваше благородіе—на какомъ же это году манифестъ о скосткѣ выйдетъ?—вопрошалъ другой голосъ.

— Гдѣ же будетъ правда, ежели скостки не послѣдуетъ?

— Нѣтъ, это правильно. Ты за свой отрубъ ровно тысячу рублей въ пятьдесятъ пять лѣтъ выплатишь, ни копейки больше!— сказалъ Безсоновъ. Безчисленное количество разъ обращались къ нему мѣстные мужики съ просьбой объяснить насчетъ процентовъ.

— Ваше благородіе, хоть и темный мы народъ, а все-же вы намъ растолкуйте! — сказалъ мужикъ съ грифельной доской. Съ жаднымъ вниманіемъ слушали мужики ариѳметическія выкладки Безсонова. У него кружилась голова и болѣзненно стучало въ головѣ отъ удушливой жары, нестерпимаго запаха прѣлаго пота и лука. Наконецъ вычисленія окончены. Прыщавый конторщикъ подщелкалъ на счетахъ всѣ платежи погашенія за пятьдесятъ пять лѣтъ и въ итогѣ получилась безукоризненная тысяча.

— И что за наука такая хитрая, Иванъ Аѳанасьевичъ! Глядишь и впрямь по его благородію выходитъ!—удивленно замѣтилъ старческій голосъ.

— А полторы тосячи лишку, значитъ, какое оправданіе себѣ имѣютъ?— наставительно-строго спросилъ мужикъ съ грифельной доской.

— Это проценты на капиталъ за пятьдесятъ пять лѣтъ.

Мужики загудѣли.

— Значитъ, плати процентъ.

— Да какіе мы плательщики! Мы хуже нищихъ.

— А ты, шаберъ, поставь себѣ въ соображеніе, что пятьдесятъ пять лѣтъ платить нужно. Наука хитрая.

— Вѣстимо дѣло, для нашего брата, крестьянина статья не пригодная.

— Наука, одно слово, сурьезная.

Голоса звучали оскорбленно-сердито.

— Такъ, значитъ, скостки ни въ какой годъ не будетъ?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ Безсоновъ.

— Та-акъ!—протянулъ рыжій мужикъ.—Ну, прощенья просимъ, ваше благородіе.—Вязовскіе медленно повернули сермяжныя спины. А со двора лѣзли уже другіе мужики. Ветхій, хрупкій дѣдушка, тонкій, наивный голосъ ребенка, серебромъ завита борода.

— Мы народъ темный, ваше благородіе, разъясните намъ, сдѣлайте святую божескую милость, какой такой манифестъ о конопляникахъ вышелъ.

Безсоновъ разсмѣялся.

— Не было такого манифеста и быть не можетъ! — сказалъ онъ. Старикъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Какой тамъ вздоръ, ваше благородіе! — Не одинъ къ вамъ пришелъ, а поди со всѣми, кто на деревнѣ посмышленѣе будетъ. Извольте сами спросить, что̀ нашъ господинъ ликвидаторъ намъ объявилъ. Такъ и обнаружилъ, что банковскіе конопляники, что въ аренду намъ завсегда ходили, теперь особливому барину отойдутъ для вспомоществованія, а намъ безъ нихъ не жить, лучше умереть. Почитай, отъ самой мірской грани до рѣчки тянутся ровные, т.-е. какъ бархатъ. А тутъ, поди, что за грѣхъ: манифестъ о конопляникахъ вышелъ! — Голосъ старика дрожалъ, полный стихійной нѣжности къ завѣтнымъ конопляникамъ. Онъ нагнулся и водилъ по воздуху черной тонкой рукой, желая, вѣроятно, наглядным образомъ доказать Безсонову, какъ хороши и гладки милые ему конопляники. Безсоновъ понялъ, что дѣло шло о созданіи земской цензовой единицы. Мужички переминались съ ноги на ногу.

— Что же, ваше благородіе, научите, кому намъ слѣдуетъ грамотку написать. А то, можетъ, въ Питеръ людей послать для дѣйствительности?—замѣтилъ унылый басъ.

— Никакихъ вамъ грамотокъ писать не надо. Если это манифестъ, тогда будетъ поступлено по правиламъ, а если нѣтъ— тогда ваши конопляники только въ крестьянскія руки и попадутъ—сказалъ Безсоновъ.

— Ну, спасибо, ваше благородіе, хоть на ласковомъ словѣ, а вотъ намъ писарь объясняетъ, что въ Питерѣ есть такая канцелярія, что всякія крестьянскія прошенія безъ уваженія не оставляетъ, только она въ секретѣ подземельнымъ банкомъ держится.

Безсоновъ махнулъ рукой. Вѣроятно жестъ былъ довольно энергиченъ и вразумителенъ; по крайней мѣрѣ мужики дружной гурьбой двинулись къ двери.

Пришелъ почтальонъ и принесъ цѣлый ворохъ пакетовъ. Пятнадцать циркуляровъ изъ Отдѣленія. Прекрасно. Дальше что? Рапортъ отъ землемѣра: поставлены послѣдніе столбы и проведены межи. Ура! Значитъ свобода, воскресеніе личной жизни. Письмо. На немъ штемпель уѣзднаго города Саратовской губерніи. Безсоновъ начинаетъ читать и съ первыхъ же строкъ письма его точно обдаетъ трупнымъ запахомъ, безнадежнымъ и ужаснымъ. На письмѣ подпись знакомаго ликвидатора... „На дняхъ прогнали волостного писаря за то, что выписывалъ „Биржевыя Вѣдомости“. Наша сельская учительница (къ слову ска-

зать, премилая дѣвушка) Христомъ Богомъ умоляла меня не выписывать „Рѣчь“: всѣмъ плохо будетъ—твердитъ она одно. Послушался, вѣрнѣе сказать—испугался, а потому и послушался. Интеллигенціи нѣтъ, а то, что обыкновенно называютъ интеллигенціей, давно потеряло обликъ человѣческій, зарычало по звѣриному и захрюкало по свинячьи. Вчера былъ у меня урядникъ, я былъ въ полѣ; онъ произвелъ у меня для пользы службы обыскъ; напился пьянымъ моей водкой и на прощанье заявилъ, чтобы я ему все доносилъ, что замѣчу подозрительнаго. Мужики поголовно думаютъ, что скоро будетъ свѣтопреставленіе; вообразите, и я начинаю думать то же самое: больно ужъ скверно. Ликвидація идетъ очень скверно по существу, но по статистикѣ здорово. Года черезъ три начнутъ всходить ягодки, а если будетъ неурожай, то и раньше. Я мечтаю объ акцизѣ. Мужики стали молчаливѣе обыкновеннаго и насъ не любятъ еще больше. Чортъ съ ихъ любовью, а все же какъ-то обидно. Хотя по правдѣ сказать, за что имъ насъ любить?..“

Тяжелыя думы охватили Безсонова. Вотъ она—русская дѣйствительность, страшная и смѣшная въ то же время. Онъ сталъ разсматривать присланные изъ Отдѣленія пакеты. Что это, снова жалоба на него?—„Такъ просимъ мы господинъ банкъ приказать его благородію нашему ликвидатору продать огородную землю намъ малоимущимъ и несчастнымъ крестьянамъ сельца Алексѣевки, а не продавать, какъ онъ то въ мысляхъ своихъ имѣетъ, богатѣямъ, у которыхъ торговый оборотъ больше чѣмъ на 10.000 рублей“.—Слово въ слово такое же, какъ и 12 полученныхъ Безсоновымъ въ теченіе лѣта изъ Отдѣленія крестьянскихъ на него жалобъ. Глупѣе и обиднѣе всего было то, что эти жалобы писалъ крестьянамъ мужикъ-міроѣдъ, которому Безсоновъ отказалъ въ участкѣ. Теперь богатѣй старался однимъ выстрѣломъ убить двухъ зайцевъ: досадить ненавистному ликвидатору и заработать съ ошалѣвшихъ отъ страха мужиковъ, сдирая съ нихъ по десяти рублей за прощеніе.—Устарѣло!—подумалъ съ горечью Безсоновъ. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ земля перешла въ давно ожидавшія ее руки „малоимущихъ и несчастныхъ“ алексѣевцевъ. Другая жалоба тоже отъ міроѣда: „прошу отдѣленіе приказать его благородію господину ликвидатору не потакать крестьянамъ недоимщикамъ и прочимъ малоимущимъ и не продавать имъ участка подъ лигерой А, а устроить на него торги. Потому слыхалъ я съ огорченіемъ, что сулился господинъ ликвидаторъ крестьянамъ продать эту землю по 148 рублей за десятину, а я сейчасъ наличными даю 160. Неужто госпо-

динъ банкъ свои барыши не уважаетъ?.. И ликвидатору самовольствовать позволитъ?.. Почетный гражданинъ лавочникъ Петръ Ивановъ Лихинъ“.—Поздно!—съ радостью думаетъ Безсоновъ:—земля уже запродана крестьянамъ.

Вотъ они, побѣдители современной деревни! Ростовщикъ, трактирщикъ, подпольный ходатай—жестокіе, страшные пауки, которые начинаютъ цѣпко бѣгать по безконечной паутинѣ покрывшихъ всю Россію новенькихъ приземистыхъ межевыхъ столбовъ.

Безсоновъ слышитъ въ передней робкое покашливаніе.—Кто тамъ? идите сюда!—окрикнулъ онъ. Въ комнату ввалилось человѣкъ десять мужиковъ. Лица знакомыя: это тѣ траги-комическіе кижимскіе крестьяне, которые цѣлое лѣто безуспѣшно шагали по уѣзду, разыскивая своего ликвидатора, невѣдомо гдѣ проводившаго медовый мѣсяцъ съ какой-то обольстительной попадьей. „Баринъ сердечный, только къ бабѣ больно пристрастенъ“—говорили про него мужики. Ликвидатора въ концѣ концовъ удалили, и бѣдные кижимцы остались совсѣмъ безъ начальства. Съ Безсоновымъ говоритъ высокій, коренастый мужикъ съ умными, смѣлыми глазами.

— Изъ города мы, значитъ, къ вамъ напрямикъ, ваше благородіе. Разное толкуютъ про васъ люди: одни, стало быть, говорятъ, что вы въ отдаленіе уѣзжать собираетесь, а въ городѣ намъ обѣщали, что вы и будете нашъ настоящій ликвидаторъ.

— Въ отдаленіе ѣду, братцы, это правда, — улыбаясь, сказалъ Безсоновъ. Рослый мужикъ мотнулъ головой, бросивъ строгій взглядъ на своихъ спутниковъ, и всѣ они словно по командѣ опустились на колѣни. Безсоновъ ненавидѣлъ этотъ холопскій пережитокъ, вбитый въ мужика многовѣковой тьмой и рабствомъ.

— Встаньте, что за глупости!—раздраженно крикнулъ Безсоновъ. Мужики неохотно поднялись.

— Не до глупостей намъ, ваше благородіе!—сумрачно замѣтилъ рослый мужикъ. — Три года купчая не выходитъ, задаточки пропали, раіонный по краснымъ бумажкамъ деньги требуетъ, а земля, слышь ты, не за нами числится.

— И ни одного столбика нѣтъ, какъ найти свою землицу—никакой возможности нѣтъ.

— Неужто ли за то, что мы штрафные, все еще начальство гнѣвается? Оно—вѣрно: загнали третій годъ господскій скотъ и гуменники подпортили, ну и наказаніе свое нашли.

— До сихъ поръ пухнетъ...

— А господинъ банкъ все серчаетъ.

Хотя господинъ банкъ на кижимцевъ за аграрные безпорядки и не серчалъ, но дѣло было дѣйствительно скверно. „Никогда не слѣдуетъ возвращаться на свою блевотину. Это еще изъ библіи извѣстно“—цинично говорилъ родоначальникъ кижимскаго земельнаго хаоса и сунулъ на свою „блевотину“ новаго ликвидатора, чужого человѣка, котораго не жаль. Тотъ запуталъ дѣло еще больше, и вотъ теперь Безсонову предстояло расхлебывать заваренную другими кашу. Безсоновъ рѣшилъ отказаться. „Трусъ!“—шепталъ насмѣшливый голосъ гдѣ-то въ глубинѣ его сердца. „Нѣтъ, не трусъ!“—твердо проносилось въ мозгу. „Милости хощу, а не жертвы“!—вспомнилъ онъ великія слова. Безсоновъ смутно чуялъ, что его невольно можетъ поднять и захватить съ собой громадный черный девятый валъ всей этой безтолковщины, хамства и халатности. Остаться здѣсь, поѣхать въ Кижимъ—да вѣдь это значитъ еще пять мѣсяцевъ не видѣть живого человѣка, отказаться отъ личной жизни, потерять обликъ человѣческій и завыть по звѣриному. А мужицкій голосъ печально просилъ:—Пожалѣйте насъ, ваше благородіе — человѣкъ вы совѣстливый, а намъ предстоитъ раззореніе, и мы всѣ 73 двора въ чахотку впадемъ отъ горести. — Безсонову было грустно слышать эти слова. — Спасибо на добромъ словѣ вамъ, братцы, а только не просите лучше — не могу; долженъ ѣхать въ отдаленіе.—Мужички въ раздумьѣ чесали затылки и твердили о своей „незадачѣ“ и о томъ, что они „народъ штрафной“ и потому на особой статьѣ. Въ концѣ концовъ порѣшили отправить грамотку въ коммиссію, чтобы „запретъ“ съ нихъ сняли, и въ городъ сходить попросить въ ликвидаторы поставить имъ совѣстливаго человѣка. Долго еще со двора доносились голоса опечаленныхъ кижимцевъ.

Вечеромъ Безсоновъ пошелъ гулять. Благовѣстили въ церкви жидко и торопливо. Съ базара разъѣзжались подгулявшіе мужички. Изъ-за угла улицы выѣхали стражники. „Гей, гей, гей! Весело гуляемъ, пѣсни мы играемъ“—повторяли они безчисленное количество разъ эти безсмысленныя слова, и пѣсня звучала печально и нагло. За городомъ шли молчаливые лѣса, строгіе, благородные, въ потускнѣвшихъ тонахъ бабьяго лѣта.

Невольно Безсоновъ подводилъ итоги своей землеустроительной дѣятельности. Онъ чувствовалъ, что удовлетворенія для своего самолюбія онъ не найдетъ, не смотря на удачно оконченное дѣло, не смотря на то, что ни одна справедливая крестьянская просьба не осталась безъ удовлетворенія. Слишкомъ велика была разница

между побѣдителями и побѣжденными, между „банковской милостью“ и цѣпляющимся за „міръ“ мужикомъ, чтобы можно было говорить про нравственное удовлетвореніе. Безсоновъ зналъ, что губернія, гдѣ онъ работалъ, считалась первой въ дѣлѣ банковскаго землеустройства. Однако и здѣсь дѣло обстояло благополучно только въ длинныхъ статистическихъ таблицахъ. Что же дѣлалось въ поволжскихъ губерніяхъ, гдѣ даже по статистикѣ и по мнѣнію оптимистическаго начальства дѣло было швахъ, куда широкой волной двинулись переселенцы съ юго-запада, желая на безводныхъ солончаковыхъ степяхъ найти себѣ новую родину?

Бутафорскіе хутора къ пріѣзду петербургскаго начальства, поселки по гребню оползня горы, удобныя земли въ шесть верстъ длины и тридцать саженей ширины—и такъ безъ конца самой ужасной правды на общемъ фонѣ вражды между общинниками и хуторянами, между переселенцами и мѣстными крестьянами. Вотъ та атмосфера, гдѣ должна была возсоздаться новая, сильная культурой Россія.

Путаница все росла; все труднѣе и труднѣе становилось распутать гордіевъ узелъ, завязанный старательными, но неумными околоточными и вольноопредѣляющимися во исполненіе воли начальства. Не было плана, не было работниковъ, не было никакихъ творческихъ результатовъ, если не считать статистическихъ, весьма коварныхъ таблицъ.

Вотъ она, хронологія банковскаго землеустройства: 1905—1906 гг. Усиленная покупка дворянскихъ имѣній по благожелательнымъ оцѣнкамъ.

1907 г. Начальство приказываетъ на мѣстахъ въ три мѣсяца продать всю землю крестьянамъ (примѣчаніе: и въ два года почти ничего не продано).

1908 г. Увлеченіе хуторами и переселеніями. Общинники крѣпятся и ждутъ. Угрозы переселенцами и первый пріѣздъ хохловъ.

1909 г. Угаръ хуторманіи и переселенія проходитъ. Эпоха увлеченія богатѣями. Начальство оффиціально приказываетъ брать возможно крупные съ покупщиковъ задатки.

Безсоновъ попалъ въ этотъ круговоротъ землеустроительной политики и чувствовалъ всѣ послѣдствія этихъ метаній въ отношеніяхъ къ нему крестьянъ. Мужикъ вообще не любитъ барина, особенно начальство; не любилъ онъ и его, „добраго эксплататора“. И Безсоновъ ясно сознавалъ, что алексѣевцы не довѣряютъ ему за то, что банкъ съ недоимкой не подождалъ; ручьев-

скіе крестьяне—за то, что землю банкъ купилъ „больно нескладно“. Степановцы сѣтовали на то, что селиться „нудили“, а для богатѣевъ манифестъ вышелъ, чтобы „ослабонить“ отъ хуторовъ, кто откупиться можетъ. Трофимовскіе сильно огорчались, что чужихъ людей прислали за землей, когда самимъ жрать нечего. И тоскливое недоумѣніе разливалось среди мужиковъ, смутно понимающихъ, что быстро рушатся старые устои жизни и вмѣсто нихъ созидается что-то новое, невѣдомое, можетъ быть красивое, творческое, органически цѣлое, что создастъ новую могучую Русь—а можетъ быть страшное и кошмарное, какъ застѣнокъ, откуда не видно ни клочка чистаго далекаго неба, возвышающаго человѣка мечтой о Всемогущемъ. А пока что, послышались въ глухой деревнѣ каторжанскія пѣсни, нытье какихъ-то новыхъ, промежуточныхъ между мужикомъ и рабочимъ людей, да богатѣи, какъ пауки, сладострастно заволновались, радуясь, что найдется, на чемъ поживиться и „въ господа черезъ деньги выйти“.

Опустился поздній вечеръ. Умирали послѣднія тѣни. На колокольнѣ кладбищенской церкви, мимо которой шелъ Безсоновъ, били часы. Ему невольно сдѣлалось страшно. — Умираетъ Россія,—подумалъ Безсоновъ,—не воскреснетъ никогда героическая Россія двѣнадцатаго года; умерла на вѣки Россія Толстого, Герцена, Тургенева, Россія мечтательно-творческая, прекрасная, какъ первая, чистая любовь. А впереди — великая вражда, зубастая и безпощадная. Жуть—чуткая и злая — заползла Безсонову на сердце.

С. Холщевниковъ.

ТИХІЯ ДОЛИНЫ

Я знаю тихія долины,
Гдѣ вѣетъ нѣгой и весной,—
Тамъ бродятъ гордые павлины,
Раскрывъ свой вѣеръ расписной.

Тамъ несмущенная природа
Ни зломъ, ни дерзкой суетой,
Цвѣтетъ пышнѣе годъ отъ года,
Плѣняя дивной красотой.

Тамъ не пугаютъ небо тучи
И не приносятъ грозы бѣдъ.
Сбираютъ пчелы медъ пахучій,
И въ немъ ихъ мудрость и секретъ.

Тамъ много лилій бѣлоснѣжныхъ,
Глициній синихъ, алыхъ розъ...
Онѣ отъ сновъ страстей мятежныхъ
Влекутъ къ блаженству райскихъ грёзъ.

Сойди къ нимъ въ тихія долины
И, въ созерцаньи красоты,
Забудь страданья и кручины
Земной борьбы и суеты!

Леонидъ Афанасьевъ.

ЛАМАРКЪ и ДАРВИНЪ

КАКЪ ТИПЫ УЧЕНЫХЪ

I.

Великіе люди имѣютъ право на вниманіе потомства къ тому, *что* было ими сдѣлано, *какъ* они работали, *чѣмъ* интересовались, какія задачи себѣ ставили, не потому только, что вниманіе это является актомъ благодарности, а потому, что ихъ мысли, ихъ дѣла, ихъ пріемы работы вплетаются въ живую ткань современной жизни и активно участвуютъ въ ея треволненіяхъ, ея борьбѣ и ея будущемъ.

Какое значеніе имѣютъ Ламаркъ и Дарвинъ въ спеціальныхъ вопросахъ науки—это хорошо извѣстно далеко за предѣлами круга спеціалистовъ. Общеизвѣстные термины: дарвинизмъ и неодарвинизмъ, ламаркизмъ и неоламаркизмъ, лучше пространныхъ разсужденій свидѣтельствуютъ о томъ, что мысли и теоріи великихъ натуралистовъ прошлаго вѣка живутъ въ наши дни и еще долго будутъ оказывать вліяніе на развитіе научнаго міровоззрѣнія культурной части человѣчества. Въ предлагаемомъ очеркѣ я собираюсь остановиться, однако, не на томъ значеніи, которое Ламаркъ и Дарвинъ имѣютъ для современныхъ біологическихъ изслѣдованій, а на томъ вліяніи, которое они, какъ типы ученыхъ, могутъ оказать на рѣшеніе боевого вопроса нашихъ дней, стоящаго нѣсколько въ сторонѣ отъ вопросовъ, ихъ непосредственно интересовавшихъ: вопроса по теоріи познанія. Отвѣтъ на него мы можемъ получить не столько изъ спеціаль-

ныхъ работъ великихъ натуралистовъ, сколько изъ анализа психологіи ихъ творчества, особенностей въ складѣ ихъ ума, въ характерѣ ихъ изслѣдованій и въ свойствѣ научныхъ интересовъ.

Самый вопросъ, о которомъ будетъ идти рѣчь, заключается въ слѣдующемъ. Большая часть ученыхъ натуралистовъ, создавшихъ науку XIX вѣка, руководились въ своихъ изслѣдованіяхъ основными методологическими правилами точнаго знанія: они изучали факты, изъ которыхъ дѣлали свои заключенія, въ строгой зависимости отъ этихъ послѣднихъ; при недостаткѣ матеріала они *объясняли одни факты черезъ и при посредствѣ* другихъ фактовъ, родственныхъ категорій; они признавали научнымъ *толкованіе слѣдствій на основаніи сходства причинъ*, эти слѣдствія порождающихъ; добытыя такими путями конечныя заключенія они облекали въ формулы, которыя называли законами, и принимали ихъ за реальныя явленія, способныя въ свою очередь служить источникомъ познанія явленій и фактовъ.

Теперь намъ говорятъ, что время, когда научныя задачи можно было рѣшать одному лицу, если еще не прошло, то проходитъ; что на очередь выступаютъ работы организаціи; что въ области научныхъ изслѣдованій, какъ и въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности, фабричное производство вытѣсняетъ кустарный промыселъ; что если это такъ, то старые пріемы познанія становятся невозможными и *ненужными*, такъ какъ задача познающихъ не можетъ идти далѣе стремленія установить связь и соотношенія въ мірѣ опыта.

Исходя изъ того положенія, что познаніе есть трудъ, и что оно, вслѣдствіе этого, будетъ тѣмъ производительнѣе, чѣмъ съ меньшею затратою энергіи познающаго достигаются его цѣли; что познаніе есть трудъ, который болѣе чѣмъ какой-либо иной встрѣчаетъ массу препятствій и со стороны нервныхъ процессовъ познающаго, и со стороны разнообразнѣйшихъ факторовъ среды; что экономизированіе энергіи, поэтому, составляетъ иногда вопросъ, быть или не быть самому познанію—для того, кто поставилъ себѣ задачей его пріобрѣтеніе, Махъ требуетъ: *включать въ понятія и формулы только то, что имѣется въ фактахъ опыта*, то-есть то, что составляетъ „*чистое описаніе*“ этихъ фактовъ. Въ познаніи — говоритъ онъ—не должно быть ничего лишняго. Задача познанія съ этой точки зрѣнія сводится къ тому, чтобы точно установить и выразить связь данныхъ опыта; какъ только эта задача рѣшена—существуетъ возможность правильнаго предвидѣнія фактовъ и цѣлесообразнаго воздѣйствія на ихъ теченіе.

Объясненія — говорятъ эмпиріокритики — имѣютъ цѣнность лишь постольку, поскольку они являются *обобщеннымъ описаніемъ*; объясненіе же фактовъ черезъ факты, слѣдствій—черезъ причины, явленій—черезъ законы природы, ведетъ не къ знанію, а къ заблужденіямъ. Законъ причинности — утверждаютъ они — рудиментъ стараго фетишизма, ибо явленія толкуются и понимаются по аналогіи съ тою связью, которая существуетъ между волею человѣка и его дѣйствіемъ. При объясненіи явленій на мѣсто воли человѣка подставляется *причина*, а на мѣсто дѣйствія — *слѣдствіе*. Отъ такого пріема познаванія явленій человѣчество ровно ничего не выигрываетъ.

Что воззрѣнія Маха отнюдь не сводятся всецѣло къ тому, что̀ сказано выше — это понятно само собою; но сущность его идеи и точка отправленія эмпиріокритицизма, поскольку она имѣетъ отношеніе къ предмету моей рѣчи и поскольку я правильно ее понялъ, мною передана точно.

Не буду я говорить и о томъ, въ чемъ заключаются конечные выводы той полемики, которая происходила между теоретиками эмпиріокритицизма съ одной стороны и представителями классическихъ пріемовъ изслѣдованія въ области точнаго знанія—съ другой. Это стоитъ за предѣлами моей задачи; я собираюсь говорить о томъ лишь, что̀, по моему мнѣнію, даютъ намъ для рѣшенія вопроса о познаніи великіе представители біологическихъ наукъ — Ламаркъ и Дарвинъ. Ученые эти такъ различны между собою по своему умственному складу, по характеру своихъ изслѣдованій и пониманію задачъ, что отношенія Дарвина къ Ламарку дали поводъ біографамъ перваго изъ нихъ называть его отношенія къ послѣднему несправедливыми и даже враждебными.

Claus, въ статьѣ: „Lamark als Begründer der Descendenzlehre“ [1]), пишетъ по этому предмету слѣдующее: „считая ошибочными основныя положенія Ламарковской теоріи эволюціи, Дарвинъ перенесъ происходящее отсюда пренебреженіе и на всю книгу Ламарка, хотя она, собственно говоря, выражаетъ всѣ существенныя положенія десцендентной теоріи въ строгой связи и развиваетъ въ сущности такимъ же путемъ одно изъ собственныхъ ученій Дарвина, отличаясь только по своимъ основаніямъ“. Мы можемъ ближе познакомиться съ этой бросающейся въ глаза и трудно объяснимой низкой оцѣнкой изъ недавно изданнаго

[1]) См. „Извѣстія С.-Петерб. Біологической Лабораторіи“, т. I, вып. 3-й, статья В. Половцева: „Ламаркъ и его ученіе“.

сыномъ Дарвина труда: „Жизнь и письма Чарльса Дарвина“. Многократные, особенно ясно высказанные въ письмахъ къ Лайелю, весьма неблагопріятные отзывы прямо-таки поражаютъ, если принять во вниманіе, какъ склоненъ былъ Дарвинъ осыпать похвалами каждый, даже незначительный трудъ. Такъ, въ письмѣ 12-го марта 1863 г. (томъ III, 13) къ Лайелю, который всегда считалъ книгу Дарвина видоизмѣненіемъ Ламарковскаго ученія о развитіи органическаго міра, мы читаемъ: „Если это—ваше твердо укрѣпившееся мнѣніе, то ничего болѣе не остается сказать объ этомъ; но мнѣ кажется, что это не такъ. Платонъ, Бюффонъ, мой дѣдъ, еще до Ламарка, какъ и многіе другіе, высказывались вполнѣ опредѣленно, что если виды не были созданы по одиночкѣ, то они должны происходить отъ другихъ видовъ, и я не могу признать болѣе ничего общаго между „Происхожденіемъ видовъ“ и Ламаркомъ. Я думаю, что такой способъ представлять это дѣло вредно отзывается вообще на принятіи идеи (эволюціи), такъ какъ онъ неизбѣжно останавливаетъ дальнѣйшій прогрессъ и ставитъ мои воззрѣнія въ тѣсную связь съ книгой, которую я послѣ двукратнаго внимательнаго чтенія признаю за весьма малоцѣнную, и отъ чтенія которой (я помню отлично свое разочарованіе) я ничего не пріобрѣлъ. Но я знаю, что вы ставите ее высоко, что̀ меня удивляетъ, такъ какъ она ни на іоту не пошатнула вашей вѣры“. Въ другомъ письмѣ (17-го марта 1863 г.) къ тому же естествоиспытателю находится подобная же замѣтка: „что касается Ламарка, то радуйтесь, такъ какъ вы имѣете на вашей сторонѣ такого ученаго, какъ Грове; но я не могу измѣнить вслѣдствіе этого свое мнѣніе, такъ какъ эта книга была для меня совершенно безполезна. Можетъ быть, это произошло оттого, что я обращаюсь къ книгамъ всегда послѣ изученія фактовъ, а можетъ быть и потому, что, какъ я зналъ, мой дѣдъ высказалъ еще раньше подобныя же спекулятивныя идеи“.

Нашлись такіе авторы, которые пытались объяснить отношеніе Дарвина къ Ламарку расовыми различіями; другіе — даже завистью перваго къ открытіямъ послѣдняго; третьи полагали, что Дарвинъ боялся хотя бы нѣкоторымъ сходствомъ своей теоріи съ ученіемъ Ламарка скомпрометтировать себя, такъ какъ идеи Ламарка были осмѣяны біологами его времени. Всѣ эти и многія другія объясненія отношеній Дарвина къ Ламарку нельзя признать основательными: Дарвинъ былъ слишкомъ большимъ человѣкомъ, чтобы его можно было заподозрить въ одномъ изъ этихъ мелкихъ мотивовъ. Такое отношеніе къ товарищамъ по оружію, возможное въ посредственностяхъ второго и

третьяго ранга, совершенно не вяжется съ образомъ великаго человѣка. Какъ же объяснить, однако, эту „несправедливость“?

Эрнстъ Геккель, большой знатокъ исторіи біологіи, талантливый сторонникъ и проповѣдникъ дарвинизма, въ рѣчи, произнесенной въ Іенѣ, 12-го февраля 1909 г., по поводу столѣтняго юбилея Ч. Дарвина, указываетъ, ссылаясь на докладъ Арнольда Ланга: „Къ характеристикѣ изслѣдованій Ламарка и Дарвина“, что основное отличіе ихъ другъ отъ друга заключается въ различіи метода изслѣдованія. Ламаркъ, по утвержденію Геккеля, слѣдовалъ дедуктивному методу, Дарвинъ—методу индуктивному.

Попытка *такъ* объяснить различіе между Ламаркомъ и Дарвиномъ и къ этому свести антагонизмъ между двумя типами ученыхъ не соотвѣтствуетъ фактамъ. Въ самомъ дѣлѣ: нельзя говорить, что Ламаркъ слѣдовалъ дедуктивному методу, если, по заявленію того же Геккеля, ученый къ 50-ти годамъ (будучи ботаникомъ) въ своемъ изслѣдованіи: „Encyclopédie méthodique“ собралъ и обработалъ огромный ботаническій матеріалъ и далъ характеристики 2.000 растеніямъ, а позднѣе, сдѣлавшись зоологомъ, изслѣдовалъ тысячи животныхъ и далъ такую ихъ классификацію, которая обнаруживала ихъ внутреннюю родственную связь между собою. Къ такимъ заключеніямъ дедуктивнымъ методомъ не приходятъ, а приходятъ къ совершенно имъ противоположнымъ, въ родѣ тѣхъ, которыя въ то время строилъ, напримѣръ, Шеллингъ, утверждавшій, что для познанія природы нуженъ свободный полетъ мысли, а вовсе не факты и ихъ изученіе. Дарвинъ въ своихъ изслѣдованіяхъ шелъ *совершенно тѣмъ* же путемъ, какимъ шелъ и Ламаркъ; онъ началъ съ описанія и коллектированія насѣкомыхъ, ихъ опредѣленія и установленія новыхъ видовъ. Затѣмъ матеріалъ, уже несравненно болѣе разнообразный, въ теченіе пяти лѣтъ онъ собиралъ, а въ теченіе шести лѣтъ обрабатывалъ.

Нельзя говорить о дедуктивномъ методѣ изслѣдованія Ламарка и объ индуктивномъ методѣ Дарвина, какъ объ основныхъ признакахъ, отличающихъ ихъ другъ отъ друга какъ ученыхъ, когда у Ламарка мы читаемъ нижеслѣдующую характеристику метода, которому онъ слѣдовалъ.

„Желая дѣйствовать послѣдовательно, чтобы знать, чего держаться, я счелъ долгомъ избрать слѣдующій путь: я постоянно наблюдалъ факты, а рядомъ съ этимъ постарался собрать и всѣ тѣ наблюденія, которыя были установлены другими изслѣдователями. Затѣмъ я тщательно изучилъ всѣ дошедшіе такимъ образомъ до моего сознанія факты, совершенно отвлекаясь на время какъ отъ собственныхъ своихъ воззрѣній, такъ и отъ общепринятыхъ мнѣній относительно изслѣдуемыхъ вопросовъ; въ результатѣ я получилъ выводы, одни—общіе, другіе—болѣе частные, находящіеся

въ послѣдовательной зависимости отъ первыхъ. Такимъ образомъ я создалъ теорію, основные принципы которой я излагаю. Основаніемъ всей моей работы служитъ наблюденіе и, мнѣ кажется, трудно было бы найти лучшее".

Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ:

„Если человѣкъ научится отличать истины, которыя онъ можетъ постичь, отъ иллюзій, т.-е. отъ мыслей, не имѣющихъ никакого основанія, или, иначе, научится различать положительное, то-есть факты, отъ того, что является результатомъ его разсужденій, хотя бы даже и вытекающихъ изъ фактовъ; если онъ, кромѣ того, пойметъ, что ему немыслимо пріобрѣтать идеи иначе, какъ путемъ наблюденія или путемъ вывода ихъ изъ наблюденныхъ фактовъ; наконецъ, если онъ признаетъ, что всякая мысль, не выведенная изъ наблюденія или не являющаяся слѣдствіемъ наблюденныхъ фактовъ, не будетъ имѣть для него ровно никакого значенія, — тогда онъ съумѣетъ избѣжать многихъ обольщеній и заблужденій, которыя часто имѣютъ для него такія роковыя послѣдствія.

„Для человѣка нѣтъ другихъ дѣйствительныхъ истинъ и положительныхъ знаній, *кромѣ наблюдаемыхъ имъ фактовъ и слѣдствій*, вытекающихъ изъ этихъ фактовъ, если онъ обладаетъ всѣми элементами, которые должны служить основаніемъ этихъ слѣдствій. Внѣ этого круга положительныхъ знаній, который одинъ ему доступенъ, для него существуютъ только иллюзіи; и дѣйствительно, онъ легко можетъ создавать себѣ пріятныя и радужныя иллюзіи, которыя, однако, могутъ оказаться для него скорѣе вредными, чѣмъ полезными".

Съ другой стороны, нельзя говорить объ индуктивномъ методѣ Дарвина, которому онъ, будто бы, исключительно слѣдовалъ, когда методъ дедукцій въ его изслѣдованіи сыгралъ и благотворную, и (съ точки зрѣнія его оцѣнки трудовъ Ламарка) неблаготворную роль — какъ мы это видимъ въ его трактатѣ о пангенезисѣ, трактатѣ, рѣшительно ничѣмъ не отличающемся отъ самыхъ рискованныхъ „спекулятивныхъ идей Ламарка".

Но если различіе между Ламаркомъ и Дарвиномъ заключается не въ методѣ изслѣдованія, который у обоихъ былъ совершенно одинъ и тотъ же и который, кстати сказать, не избавилъ отъ ошибокъ ни того, ни другого, ибо заблуждался и Ламаркъ, ошибался и Дарвинъ, иногда даже по вопросамъ, на которые Ламаркъ далъ полувѣкомъ раньше болѣе близкіе къ истинѣ отвѣты, — какъ напримѣръ по вопросамъ сравнительной психологіи, — то гдѣ же лежитъ источникъ „несправедливаго отношенія" Дарвина къ Ламарку?

Я вижу его въ различіи умственнаго склада ученыхъ, въ различіи ихъ научныхъ интересовъ и въ данныхъ исторіи точныхъ наукъ. Всякій разъ, какъ сталкиваются умы, изъ которыхъ одинъ стремится охватить возможно болѣе широкое поле изслѣдованія и пытается дать отвѣтъ на возможно большее число вопросовъ, волнующихъ человѣчество, иначе говоря — когда умъ философскій сталкивается съ умомъ строго систематическимъ, —

между ними, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они служатъ одному и тому же дѣлу, ближе всего интересуясь одной и той же категоріей знанія, создаются непріязненныя, иногда прямо враждебныя отношенія. Линней назвалъ жабу именемъ Бюффона, Кювье не иначе говорилъ о новомъ сочиненіи Ламарка, какъ о новыхъ глупостяхъ, и не пощадилъ сторонника Ламарка, Жоффруа-Сентъ-Илера, своего учителя; Дарвинъ увѣряетъ, что ничему не научился у Ламарка, и т. д. Почему это такъ—я скажу ниже, послѣ того какъ выяснятся особенности Ламарка и Дарвина, какъ типичныхъ ученыхъ.

II.

Вопросы, интересовавшіе Дарвина, были вопросами исключительно біологическими и всегда стояли въ связи съ основной задачей, которую онъ себѣ поставилъ и границами которой опредѣлилъ кругъ своихъ научныхъ изслѣдованій. Уоллесъ такъ опредѣлилъ эту задачу и стремленіе Дарвина какъ ученаго: „*ненасытное желаніе открыть причины разнообразныхъ и сложныхъ явленій, видимыхъ въ живыхъ существахъ*“. Какъ возникло у Дарвина это желаніе, какъ совершился у него переходъ отъ интересовъ къ собиранію научнаго матеріала, отъ интересовъ систематики къ вопросамъ, которые онъ называетъ теоретическими, мы узнаемъ изъ автобіографіи Дарвина. Тамъ онъ, между прочимъ, пишетъ: „Въ октябрѣ 1838 года, то-есть черезъ 15 мѣсяцевъ послѣ того, какъ я приступилъ къ своему систематическому изслѣдованію, я прочелъ, ради развлеченія, книгу Мальтуса о народонаселеніи. Будучи подготовленъ продолжительными наблюденіями надъ образомъ жизни животныхъ и растеній, я сразу оцѣнилъ все значеніе повсемѣстно происходящей борьбы за существованіе и былъ пораженъ мыслью, что при этой борьбѣ полезныя видоизмѣненія должны сохраняться, а безполезныя—уничтожаться. Наконецъ-то я обладалъ теоріей, руководясь которою могъ продолжать свой трудъ!“ Ею Дарвинъ дѣйствительно и руководится. Онъ ставитъ себѣ огромную задачу: провѣрить основную идею своей теоріи во всѣхъ проявленіяхъ жизни организованныхъ существъ — и блестяще рѣшаетъ эту задачу. Но дальше этого Дарвинъ не пошелъ: всѣ его работы, по его собственному опредѣленію, должны составить только разработку частностей, вытекающихъ изъ открытаго имъ закона естественнаго отбора.

Его первый, капитальный и исчерпывающій трудъ: „*Происхожденіе видовъ*“ (1859 г.), былъ основой его геніальнаго открытія; всѣ послѣдующіе составляютъ либо дополненіе къ отдѣльнымъ вопросамъ естественнаго отбора, либо обработку матеріала, попутно добытаго при изслѣдованіи основныхъ вопросовъ.

Когда ученый занимался вопросомъ о происхожденіи видовъ, у него накопился матеріалъ, который могъ перегрузить книгу, и безъ того переполненную массою фактовъ. Матеріалъ этотъ, объединенный тою же идеей „отбора“ естественнаго и искусственнаго, составилъ особую книгу: „*Измѣненіе животныхъ и растеній* въ домашнемъ состояніи“ (1867 г.). Въ качествѣ отдѣльной главы къ этой книгѣ Дарвинъ въ 1867 г. предполагалъ присоединить собранныя имъ данныя по вопросу „*о происхожденіи человѣка*“. Въ 1871 г. эта „глава о человѣкѣ“ превратилась въ книгу „О происхожденіи человѣка“. Попутно съ работою надъ этою послѣднею книгой у Дарвина скопляется матеріалъ по „*выраженію лица*“. Онъ обращается къ Уоллесу съ просьбой о данныхъ по выраженію лица у малайцевъ „въ связи съ различными ихъ чувствованіями“. Первоначально Дарвинъ предполагалъ на основаніи этого матеріала написать одну главу къ книгѣ о происхожденіи человѣка, но матеріалъ накоплялся, и въ концѣ концовъ появляется отдѣльная книга: „О выраженіи ощущеній“.

Такъ, по мѣрѣ накопленія матеріала при разработкѣ вопроса о борьбѣ за существованіе, какъ основного закона существованія организмовъ, являлась потребность выдѣлять часть его въ особую группу и издавать особою книгою.

Этотъ спеціальный характеръ изслѣдованія Дарвина выясняется не только изъ обзора его трудовъ въ цѣломъ, но и въ рѣшеніи каждаго отдѣльнаго вопроса. Онъ сказывается и въ соображеніяхъ о видѣ, о значеніи упражненія и неупражненія органовъ, о прямомъ вліяніи среды, о классификаціи, о психологіи животныхъ, о происхожденіи человѣка и пр. Ко всѣмъ этимъ вопросамъ Дарвинъ подходитъ со стороны своей теоріи естественнаго отбора и видитъ въ явленіяхъ, которыя изслѣдуетъ, главнымъ образомъ только тѣ ихъ свойства и особенности, которыя стоятъ въ связи съ его теоріей.

Такъ, по вопросу о *плодовитости*, въ первомъ изданіи „Происхожденія человѣка“ Дарвинъ обнаруживаетъ склонность къ признанію правильности теоріи Спенсера объ антагонизмѣ между ростомъ особи и развитіемъ плодовитости [1]).

[1]) См. Спенсеръ, „Общая Біологія“, стр. 339 и сл.

Въ позднѣйшихъ изданіяхъ „Происхожденія человѣка“ и „Происхожденія видовъ“ Дарвинъ объ этой теоріи уже не упоминаетъ. Почему же? Факты, которые приводятся Спенсеромъ, каковы бы ни были исключенія изъ правила — справедливы [1]). Не упоминаетъ о ней Дарвинъ потому, очевидно, что она не совпадаетъ съ его теоріей естественнаго отбора.

Правда, онъ пытается включить явленія эти въ общую систему теоріи. Онъ пишетъ: „настоящее значеніе большого количества яицъ или сѣмянъ состоитъ въ томъ, чтобы вознаградить за значительную гибель въ какой-либо періодъ жизни; а это въ большинствѣ случаевъ и есть именно ранній періодъ. Если животное можетъ какимъ-нибудь образомъ защитить свои яйца, или дѣтенышей, то ихъ можетъ быть произведено и малое число“. Но пишетъ онъ это для того лишь, чтобы доказать, что организмы, дающіе даже мало яицъ или сѣмянъ, способны, при отсутствіи препятствій, заселить весь земной шаръ. А между тѣмъ явленіе, о которомъ идетъ рѣчь—антагонизмъ между ростомъ и развитіемъ организма, съ одной стороны, и его плодовитостью, съ другой—заключаетъ въ себѣ огромный интересъ и независимо отъ точки зрѣнія дарвиновской теоріи. Но интересъ этотъ стоитъ за предѣлами великой задачи великаго натуралиста—и онъ обходитъ явленіе молчаніемъ.

Еще болѣе характернымъ и важнымъ, еще болѣе рѣзко под-

---

[1]) Нельзя не признать справедливымъ, напримѣръ, что въ то время какъ большія млекопитающія приносятъ заразъ только по одному дѣтенышу, начинаютъ рожать только достигнувъ довольно зрѣлаго возраста и затѣмъ повторяютъ этотъ процессъ только черезъ значительные промежутки времени, мелкіе представители того же класса начинаютъ рожать очень рано, дѣтенышей приносятъ заразъ большее количество—мелкіе грызуны, напримѣръ, до 10 и болѣе,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и рожаютъ чаще, а потому въ результатѣ получается сравнительно громадная плодовитость. Антагонизмъ между ростомъ и половымъ генезисомъ, проявляющійся въ этихъ общихъ контрастахъ, можетъ быть прослѣженъ и въ исторіи каждаго отдѣльнаго растенія и животнаго. Половой генезисъ у всѣхъ много расходующихъ организмовъ начинается только тогда, когда почти достигнуты предѣлы роста. Когда построеніе особи идетъ быстро, воспроизводительные органы не вполнѣ развиваются и не дѣятельны, и наступленіе акта воспроизведенія одновременно свидѣтельствуетъ объ уменьшеніи силы роста и становится причиною его задержанія. Не менѣе справедливо и то, наконецъ, что многія деревья растутъ иногда много лѣтъ прежде чѣмъ начнутъ нести плоды, и что сперва они долго производятъ только незначительное ихъ количество. Въ такомъ же антагонизмѣ съ генезисомъ стоитъ и возрастаніе уже не массы—роста, а возрастаніе строенія—развитія. Общій біологическій смыслъ всѣхъ этихъ явленій заключается въ томъ, что плодовитость каждаго вида именно такова, какою она должна быть для поддержанія существованія этого вида, и плодовитость тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ниже организація даннаго существа.

черкивающимъ справедливость высказаннаго соображенія, представляется отношеніе Дарвина къ вопросу о *человѣкѣ*, какъ объектѣ біологіи. Дарвинъ такъ глубоко былъ поглощенъ своею задачею — установить законъ борьбы за существованіе и естественный отборъ, — что все, лежащее за ея предѣлами, лежитъ за предѣлами и его изслѣдованій. Идея о томъ, что человѣкъ представляетъ собою лишь звено въ цѣпи другихъ организмовъ и генетически связанъ съ группою высшихъ изъ нихъ, совершенно опредѣленно была высказана Ламаркомъ за пятьдесятъ лѣтъ до выхода въ свѣтъ книги Дарвина о происхожденіи видовъ. Но Дарвинъ этого не знаетъ, и все, что онъ нашелъ возможнымъ сказать по этому поводу въ своей книгѣ „О происхожденіи видовъ", ограничивается предположеніемъ, что „такимъ образомъ долженъ упасть лучъ свѣта на темный вопросъ о происхожденіи человѣка и на его исторію".

Въ 1864 г. Дарвинъ писалъ Уоллесу: „я собралъ нѣсколько замѣтокъ о человѣкѣ, но не думаю, чтобы онѣ когда-нибудь мнѣ пригодились". Но въ 1872-мъ году появляется книга о происхожденіи человѣка, появляется послѣ того, какъ „смѣлый Гексли" рѣшился прочитать три лекціи „о мѣстѣ человѣка въ природѣ", послѣ того, какъ Карлъ Фохтъ, Бюхнеръ и цѣлый рядъ другихъ натуралистовъ высказались въ томъ же смыслѣ, послѣ того, наконецъ, какъ у самого Дарвина скопился матеріалъ, стоящій въ связи съ его теоріей естественнаго отбора и на основаніи данныхъ этого отбора.

Еще болѣе характерно для Дарвина то, что, занявшись вопросомъ о человѣкѣ съ точки зрѣнія своей теоріи, онъ этимъ и ограничился: человѣкъ за предѣлами теоріи борьбы за существованіе и естественнаго отбора интересовалъ его очень мало. Правда, онъ указалъ на то, что нравственное чувство человѣка въ его конечныхъ формахъ („люби ближняго какъ самого себя", „плати добромъ за зло" и др.) едва ли могло быть продуктомъ естественнаго отбора, и въ этомъ далеко оставилъ за собою слишкомъ прямолинейныхъ своихъ послѣдователей-дарвинистовъ; но дальше этого онъ не пошелъ. Человѣкъ, какъ человѣкъ — быть можетъ, потому именно, что онъ уходитъ отъ вліянія естественнаго отбора — для него, какъ будто, не существуетъ.

Самое будущее человѣчества зависитъ, по его мнѣнію, отъ неизбѣжной конкурренціи и подбора. „Человѣкъ, подобно всякому животному, поднялся до настоящаго высокаго уровня путемъ борьбы за существованіе, возникающей какъ слѣдствіе быстраго

размноженія. Если человѣку суждено подвинуться еще впередъ, то необходимо, чтобы онъ остался подъ вліяніемъ жестокой борьбы. Иначе онъ скоро предастся лѣни, и болѣе одаренные люди не выдвинутся къ жизненной борьбѣ. Поэтому, естественная быстрота размноженія человѣка не должна быть значительно задерживаема какими бы то ни было способами, не смотря на очевидное зло, создаваемое ею. Для человѣка должно быть открыто поприще свободной конкурренціи; законъ и обычай не должны препятствовать наиболѣе способнымъ имѣть рѣшительный успѣхъ въ жизни и оставлять наибольшее число потомковъ". Другими словами, будущій прогрессъ человѣчества Дарвинъ, въ концѣ концовъ, ставитъ въ зависимость отъ той же біологической борьбы за жизнь и отъ естественнаго отбора.

Другъ Дарвина, Уоллесъ, сообщаетъ, что Дарвинъ, въ своихъ послѣднихъ бесѣдахъ, выражалъ мало надежды на свѣтлую будущность человѣчества, именно потому, что въ современной цивилизаціи принципъ естественнаго подбора не можетъ имѣть примѣненія, вслѣдствіе чего не всегда перевѣсъ остается за болѣе способными.

Что касается практическихъ указаній, какъ быть человѣку въ его исканіи новыхъ путей къ совершенствованію, что̀ нужно ему дѣлать и т. д., то, какъ этого и слѣдовало ожидать въ виду вышесказаннаго, у Дарвина имѣется только одинъ совѣтъ, одно мнѣніе, которое исчерпывается слѣдующими словами: „человѣкъ накопляетъ собственность и оставляетъ ее дѣтямъ, благодаря чему дѣти богатыхъ имѣютъ преимущества передъ дѣтьми бѣдняковъ, независимо отъ тѣлеснаго или душевнаго превосходства. Съ другой стороны, дѣти недолговѣчныхъ, стало быть, въ среднемъ, болѣе слабыхъ здоровьемъ и тѣломъ родителей, раньше начинаютъ самостоятельную жизнь и раньше вступаютъ въ бракъ, нежели другія дѣти, оставляя большее число потомковъ, наслѣдующихъ слабую организацію. Само по себѣ, однако, наслѣдованіе собственности не составляетъ зла, такъ какъ безъ накопленія капитала не могли бы развиваться искусства, а благодаря имъ цивилизованныя расы распространились и еще теперь увеличиваютъ свои владѣнія, вытѣсняя низшія расы. Также и умѣренное накопленіе богатства не мѣшаетъ процессу подбора. Когда бѣднякъ становится болѣе богатымъ, дѣти его начинаютъ заниматься торговлей или промыслами, гдѣ достаточно мѣста для борьбы и гдѣ наиболѣе сильный тѣломъ и духомъ всегда успѣваетъ больше другихъ. Существованіе извѣстнаго числа образованныхъ людей, неозабоченныхъ добываніемъ насущнаго хлѣба, имѣетъ огромное значеніе. Въ

самомъ дѣлѣ, вся высшая умственная работа производится ими, а отъ этой работы зависитъ, главнымъ образомъ, матеріальный прогрессъ всякаго рода, не говоря уже о другихъ, высшихъ преимуществахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что очень большое богатство мало-по-малу превращаетъ людей въ безполезныхъ трутней, но число такихъ богачей никогда не бываетъ велико; притомъ оно нерѣдко подвергается самопроизвольному сокращенію, такъ какъ мы ежедневно видимъ, что богатые люди, вслѣдствіе расточительности или глупости, проматываютъ все свое состояніе“ [1]).

Таковъ Дарвинъ.

Образъ ученаго цѣленъ и законченъ; онъ глубокъ, но не широкъ. Это—великій искатель одной великой истины, который въ увлеченіи своею задачею плохо видитъ другія, а то и вовсе ихъ не видитъ.

Влад. Вагнеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

[1]) Дарвинъ. „Происхожденіе человѣка“.

ХАМЕЛЕОНЪ

Берегись! — суровъ Египетъ,
Не щадитъ пришельца онъ!
Здѣсь обманами осыпетъ,
Заклянетъ хамелеонъ.
Онъ потопитъ въ тускломъ Нилѣ
Сладкій грузъ надеждъ твоихъ,
Тайныхъ чаръ зловѣщей силѣ
Онъ предастъ твой вольный стихъ.
Онъ пахнетъ сухимъ хамсиномъ
И свинцомъ нальетъ твой мозгъ.
Въ колдованіи змѣиномъ
Станешь ты какъ мягкій воскъ.
Въ ночь безсонную, на крышѣ
Знойной плотью побѣжденъ,
Обезумѣешь въ гашишѣ,
Въ обольщеньяхъ смуглыхъ женъ.
Берегись — Египта лоно
Сердце плѣнное сожжетъ.
Острый глазъ хамелеона
Чужеземца стережетъ.

Л. Василевскій.

Александрія.

ТѢНЬ ЛЮБВИ

Романъ Марсель Тинэйръ.

V *).

Внезапно, сквозь шумъ и говоръ, стукъ посуды и шипѣнье жира на сковородѣ, прорывается первый звукъ полуночи... И въ то время какъ часы ясно и раздѣльно бьютъ еще одиннадцать разъ за окнами снова поднимается веселый трезвонъ, врывающійся въ теплую комнату, вмѣстѣ съ мракомъ, холодомъ и запахомъ ночной сырости. Стаканы дребезжатъ на этажеркахъ, испуганная лампа колеблется, мерцаетъ и чадитъ... Всѣ, кто сидѣлъ, встаютъ... Женщины, застегнувъ плащъ и поднявъ капюшонъ, одна за другой, молча уходятъ.

— Наконецъ-то!—вздыхаетъ Дениза.

И она выходитъ, вмѣстѣ съ дядей. Со всѣхъ сторонъ спѣшатъ фигуры неопредѣленныхъ очертаній, передъ которыми мелькаютъ и колеблются красноватые кружки отъ фонарей; когда онѣ проходятъ мимо, слышно бормотанье, стукъ деревянныхъ башмаковъ. И во мракѣ старая церковь, этотъ улей душъ, излучая слабый свѣтъ изъ оконъ и полураскрытыхъ дверей, влечетъ къ себѣ ночной рой вѣрующихъ.

Войдя въ церковь, всѣ обнажаютъ головы и смыкаютъ уста, кланяются по направленію къ главному алтарю, погружаютъ пальцы въ освященную воду и раздѣляются: мужчины идутъ направо, женщины налѣво... Улей, мало-по-малу напол-

*) См. іюнь, стр. 224.

няющійся, весь гудитъ отъ звона четырехъ колоколовъ, которые не устаютъ бить и трепетать своими металлическими языками, тамъ наверху, въ своихъ каменныхъ ячейкахъ... Плиты пола холодны какъ ледъ. Восковыя свѣчи на алтарѣ, кажется, дрожатъ отъ холода. Но съ каждой минутой въ церкви становится теплѣе, потомъ и совсѣмъ тепло, какъ въ хлѣву, и скоро запахло бы спеціальнымъ запахомъ деревенскаго сборища — „запахомъ голытьбы“, еслибы не заглушавшій его запахъ воска, смѣшивавшійся съ живительнымъ горькимъ запахомъ букса, смолистымъ—сосны и терпкимъ—можжевельника.

Дениза и Лапейри стали поодаль, сзади. Здѣсь собрался весь Монадузъ, даже члены общиннаго совѣта, даже государственные служащіе, въ лицѣ почтальона, завѣдующей почтовымъ отдѣленіемъ и учительницы начальной школы. И свободомыслящіе, которые только что, въ кабачкѣ, грубо издѣвались надъ „попами“, пришли вмѣстѣ съ другими, въ томъ числѣ Фошъ, слѣпой, и сказочникъ Шабрилья... Ихъ привела сюда не набожность, а власть издревле хранимой традиціи, желаніе отпраздновать праздникъ полностью, со всѣми обрядами и съ ритуаломъ, установленнымъ древнимъ обычаемъ. Месса, ярмарка, съѣзды, выборы — вѣдь это же единственныя развлеченія крестьянина, единственные случаи, когда онъ живетъ общественной жизнью. „Отъ мужика чего же и ждать? Извѣстное дѣло, мужикъ дуракъ“, — говоритъ онъ, объясняя или извиняя свое присутствіе въ церкви... Это вполнѣ естественное желаніе побывать среди народа мѣшало монадузцамъ удивляться тому, что мадемуазель Кайроль, невѣрующая, каждый годъ бывала у ночной обѣдни и у пасхальной заутрени. Каждый развлекается по-своему, и для женщины это—развлеченіе вполнѣ приличное.

Среди шума передвигаемыхъ стульевъ началась обѣдня... Какая-то добрая старушка пришла спросить Денизу, не хочетъ ли она перейти на другое мѣсто получше, возлѣ ясель, окутанныхъ кисеей, которую снимутъ только во время возношенія даровъ... Та, съ улыбкой, отказалась. Фортунада, сидѣвшая среди „дѣтей Маріи“, повернула къ ней голову и подъ вуалью сдѣлала легкій дружественный знакъ, означавшій: „Это хорошо, что вы пришли... Я помолюсь за васъ!“ Голубое облачко кадильнаго дыма поднялось кверху медлительной легкой спиралью и такъ же медленно разсѣялось, пропитавъ нагрѣтый воздухъ нѣжной ароматной восточной истомой. Свѣчи на алтарѣ, серебряныя розы, золото дарохранительницы — все это сверкаетъ какъ будто издали, въ облакахъ душистаго дыма... Дениза ду-

маетъ о трехъ царяхъ-волхвахъ, объ ихъ сокровищахъ, о звѣздѣ, указывавшей имъ путь... Ея воображеніе, если не сердце, остается чувствительнымъ къ обаянію христіанской легенды... Но вотъ, съ хоръ, раздаются голоса, немного вздрагивающіе, срывающіеся:

„Пробудитесь, пастухи!..“

Поютъ не совсѣмъ стройно; старинная мелодія дрожитъ, какъ отблескъ свѣта въ водѣ; хрупкая линія ея ломается; минорныя каденцы затягиваются... Священные стихи, наполовину французскіе, наполовину на мѣстномъ нарѣчіи, вызываютъ въ памяти знакомые наивные образы: священныя маріонетки, вырѣзанныя изъ дерева пастухомъ въ часы досуга: Богородица, Младенецъ, пастухи, невинныя животныя, раздѣляющія радость людей. Когда, наконецъ, доходитъ до припѣва, его подхватываютъ всѣ, вся церковь, хоромъ, все громче и громче, нѣсколько крикливо и гнусаво, такъ что словъ не слышно и впечатлѣніе получается дикое...

Стѣны церкви дрожатъ отъ этого пѣнія... Дрожатъ и статуи четырехъ евангелистовъ, поддерживающихъ старую каѳедру, расписанныхъ пестрѣе индійскихъ вождей — охрой, индиго, киноварью. Присвоенныя имъ символическія животныя тоже вздрагиваютъ подъ толстыми рѣзными деревянными гирляндами и золотыми виноградными листьями. Лица у нихъ были настоящія мужицкія; глаза, похожіе на черные шарики, равнодушно смотрѣли на живыя морщинистыя лица, на лысыя головы, чепцы и пальоли: столько поколѣній прошло передъ ихъ глазами и такъ они были всѣ похожи другъ на друга, что они уже не различали сегодняшнихъ отъ вчерашнихъ... А ритуалъ праздника все оставался неизмѣннымъ: та же пастушеская пѣснь, на тотъ же мотивъ, напоминающій мелодію пастушескаго рожка, ежегодно раздавалась въ тѣхъ же стѣнахъ... За четыре столѣтія ничего или почти ничего не измѣнилось; только святой Кристофъ, разбитый въ куски, былъ замѣненъ „Священнымъ Сердцемъ“, голубымъ и розовымъ, да „Милосердіе“, безобразное и трогательное, было продано любителю и замѣнено дамой въ кринолинѣ и испанской мантильѣ...

Дениза, сложивъ руки на колѣняхъ, склонивъ бѣлокурую головку, улыбалась своимъ воспоминаніямъ... Ей вспоминались другіе праздники, пережитые въ дѣтствѣ, башмачки, которые она ставила возлѣ камина, добрая ласковая мама, лица которой она уже не могла себѣ представить ясно... Потомъ рождественскія святки въ монастырѣ... въ особенности одно Рождество. Ей было тогда четырнадцать лѣтъ, и она въ послѣдній разъ

причащалась... Вспоминалось нѣчто въ родѣ религіознаго безумія, овладѣвшаго ею, бурныя рыданія, сладкія слезы, потомъ успокоеніе, глубокій миръ въ душѣ, немного грустный, какъ всегда бываетъ, когда душа полна. Какъ всѣ эти волненія стали ей чужды, непонятны!..

„Это было опьяненіе фантазіи“—думала она, благодушно и въ то же время нѣсколько иронически посмѣиваясь надъ прежней экзальтированной маленькой Денизой. Ей не было жаль прошлаго; ей не хотѣлось, чтобъ оно повторилось, это „опьяненіе“, давно ужъ отлетѣвшее. Постепенно, безъ рѣзкихъ кризисовъ, въ періодъ между шестнадцатью и восемнадцатью годами, она заразилась спокойнымъ невѣріемъ доктора Кайроля. Мало-по-малу, почти незамѣтно для нея, ея міровоззрѣніе преобразилось и перемѣстился его центръ тяжести. Теперь она относится къ современному католицизму не то чтобы враждебно, но болѣе чѣмъ равнодушно; какъ и отецъ, видитъ въ немъ политическую партію, чуждую духа милосердія, совокупность догматовъ, не связанныхъ съ моралью и враждебныхъ наукѣ, которая ихъ опровергаетъ. Въ себѣ самой и вокругъ себя она находитъ достаточно поводовъ быть доброй, справедливой, чистой, искренней и сострадательной, по мѣрѣ силъ своихъ умножать сумму добра и уменьшать сумму зла. Разумъ ея мужественно мирится съ необъяснимыми роковыми невзгодами, постигающими человѣка. Она не боится страданія—не испугается ни старости, ни смерти. Она не столько нуждается въ Богѣ, сколько въ братьяхъ-людяхъ, съ которыми она дѣлитъ и горе, и радость, и таинственный ихъ удѣлъ.

И однако Денизѣ Кайроль нравится бывать въ церкви. Она не ищетъ въ этомъ эстетическаго наслажденія, но ей пріятны мракъ, тишина, витающія возлѣ нея тѣни прошлаго. Въ деревняхъ и въ маленькихъ городкахъ вы найдете только зданія, служащія матеріальнымъ нуждамъ; вдали отъ библіотекъ, музеевъ, великихъ памятниковъ національной жизни душа, отъ природы склонная къ созерцанію, не знаетъ, гдѣ сосредоточиться, дать свободу своей внутренней жизни. Ни мэрія, ни префектура, ни рынокъ не благопріятствуютъ экзальтаціи и размышленію. Но церковь, храмъ—даже безъ Бога — остаются священнымъ пріютомъ мечты, мѣстомъ, видѣвшимъ въ стѣнахъ своихъ больше человѣческой скорби и надежды, чѣмъ какое бы то ни было иное мѣсто, гдѣ собираются люди.

Дениза не анализировала того удовольствія, которое доставляли ей рѣдкія посѣщенія церкви. Она только говорила себѣ:

„Это культъ воспоминанія... Церковь напоминаетъ мнѣ дѣтство, маму“... И не смѣшивала этого культа прошлаго — ея собственнаго прошлаго — съ тоской по утраченной вѣрѣ...

Когда аббатъ Барбазанъ взошелъ на каѳедру, Денизѣ не пришло въ голову, что его проповѣдь можетъ взволновать ее. Она улыбнулась и сдѣлала знакъ дядѣ.

— Слушайте внимательно... Проповѣдь стоитъ того.

Этотъ маленькій, сутулый, съ краснымъ лицомъ, уже сѣдѣющій человѣчекъ, на которомъ стихарь сидитъ какъ рабочая блуза, славится по всей округѣ. „Онъ любитъ покушать“ — говорятъ про него въ Эгьерѣ. — „А поетъ фальшиво“ — говорятъ въ Барѣ. Но Монадузъ, презирая клеветы завистниковъ, гордится своимъ кюрэ не меньше, чѣмъ докторомъ Кайролемъ. Превосходный садовникъ, умѣлый пчеловодъ, монадузскій священникъ — одной породы со своими прихожанами. Онъ проповѣдуетъ на мѣстномъ нарѣчіи, уснащая свою рѣчь не столько латинскими цитатами, сколько остроумными мѣстными пословицами. Полевыя работы, время года, тепло или холодъ — все даетъ ему матеріалъ для параболъ, примѣровъ и сочныхъ нравоученій...

Перегнувшись черезъ перила каѳедры, возвышаясь надъ всѣми четырьмя расписными евангелистами, онъ обводитъ взглядомъ слушателей, какъ бы уловляя ихъ въ свои сѣти.

Слышенъ кашель... двигаютъ стульями... Трехлѣтній ребенокъ, проснувшись на рукахъ у матери, требуетъ, чтобъ ему показали Рождество.

— *Надалу*... Гдѣ же оно, *Надалу* [1])?

— Тссъ! Тссъ! — унимаетъ его мать.

Старушки улыбаются. Кюрэ Барбазанъ не въ претензіи: когда надо будетъ, онъ съумѣетъ привлечь вниманіе аудиторіи.

— Дорогіе мои братья, — говоритъ онъ добродушно — мнѣ не хотѣлось бы огорчить добрыхъ христіанокъ, которыя привели сюда своихъ ребятъ, полагая, что это будетъ имъ полезно. Но когда Спаситель говорилъ: „Пустите ко мнѣ дѣтей!“ — Онъ говорилъ не о томъ, чтобы пускать ихъ къ нему послѣ полуночи. И можете быть увѣрены, что еслибы шелъ дождь, Матерь Божія не вынула бы изъ яслей Божественнаго Младенца, хотя бы и для того, чтобъ посмотрѣть на пастуховъ, волхвовъ и на звѣзду...

— Однако, братья мои, сердцу моему отраденъ крикъ этого невиннаго младенца, чающаго увидѣть воочію Рождество. Смиренно сознаюсь вамъ, что въ этомъ крикѣ заключается вся моя проповѣдь.

[1]) Nadalou—Noël: Рождество.

— Вѣдь и мы—не ждемъ ли каждый годъ святого часа, когда родился Іисусъ, какъ будто Іисусу надлежитъ родиться снова? Вѣдь и мы въ нетерпѣніи и радости своей становимся всѣ какъ маленькія дѣти... И какъ будто ждемъ обѣщанныхъ намъ великихъ даровъ...

— *Надалу!* Рождество! когда же ты придешь?.. Что ты принесешь намъ!—Такъ мыслитъ дитя, такъ мыслитъ христіанинъ; такъ мыслили и древніе. Послушайте же, что̀ отвѣтствуетъ на это Господь: „Дѣтямъ — конфекты и яблоки. Людямъ доброй воли—обѣтованіе вѣчной жизни".

Проповѣдникъ остановился, чтобы передохнуть и поправить рясу. Всѣ слушали, затаивъ дыханіе. Ребенокъ уснулъ.

— Братья мои, я говорилъ вамъ о людяхъ древности, которые ждали Рождества тысячи и тысячи лѣтъ. Между ними были язычники, поклонявшіеся идоламъ, и евреи, поклонявшіеся истинному Богу, Творцу неба и земли. Эти послѣдніе были ближе къ царствію Божію и счастливѣе язычниковъ, но счастье ихъ не было совершеннымъ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не могъ имѣть той надежды на вѣчную жизнь, которую Христосъ принесъ въ даръ вѣрующимъ въ Него.

— Поразмыслите минутку объ ихъ печальномъ положеніи... Правда, избранный народъ, евреи, познали истиннаго Бога... Ну да... Но то былъ Богъ Отецъ, безконечно великій, безконечно достойный поклоненія, но въ то же время грозный, всегда окруженный молніями и громами. Одинъ Моисей смѣлъ приблизиться къ Нему; простой же народъ, простые мужики въ родѣ васъ, до смерти боялись Его, такъ какъ они думали о Его всемогуществѣ и правосудіи больше, чѣмъ о Его любви, и это мѣшало имъ молиться, разсказывать Ему, Творцу міра, всѣ свои маленькія дѣла... и дѣлишки... И потомъ, у всѣхъ у нихъ на совѣсти лежалъ этотъ злополучный адамовъ грѣхъ, который—не забывайте этого—принесъ въ міръ смерть.

— О раѣ уже не было рѣчи, и смерть казалась тѣмъ болѣе страшной... Души праведныхъ—говорили пророки—идутъ въ лимбы, въ преддверіе рая, туда же, куда идутъ души младенцевъ, умершихъ до крещенія... Пророки, правда, говорили также, что придетъ Мессія и освободитъ эти души и отнесетъ ихъ на лоно Господне. Но все это было неясно... И притомъ, видите ли, пророки пророчествовали не для простонародья, и святыя рѣчи ихъ были такъ напыщенны, неясны, трудны для пониманія, что для тогдашнихъ мужиковъ онѣ были все равно, что для васъ латынь за обѣдней. Здѣсь я объясняю вамъ каждое

слово, а тамъ пророчества толковали священники, жрецы и книжники, а еврейскіе священники не очень-то заботились о бѣднякáхъ.

— Что касается язычниковъ, они поклонялись тѣмъ богамъ, изображенія которыхъ мы, изъ любопытства, ходимъ теперь смотрѣть въ музеи; они думали, что, послѣ смерти, животныхъ и людей ждетъ одинаковая участь. Они и не слыхивали никогда о Мессіи и не ждали ничего, кромѣ полнаго уничтоженія. Богатые, чтобъ отогнать страхъ смерти, ѣли, пили, веселились, каждый по своему, и нерѣдко при этомъ совершали тяжкіе грѣхи. Но бѣднымъ, несчастнымъ, больнымъ, сиротамъ, вдовамъ, жилось трудно и тяжело, и это заставило ихъ призадуматься. Человѣкъ не легко мирится съ несправедливостью и зломъ, съ тѣмъ, что у него умираютъ близкіе и что самъ онъ долженъ умереть, не зная, зачѣмъ все это нужно. Въ его душѣ живетъ потребность къ справедливости. Онъ нуждается въ утѣшеніи; а, вы сами знаете, настоящей справедливости нѣтъ на этомъ свѣтѣ. И чѣмъ же утѣшить умирающаго, если онъ не вѣритъ въ безсмертіе души и воскресеніе тѣла? Сколько бы онъ ни храбрился, все же онъ весь холоднымъ потомъ обливается отъ страха, когда вспомнитъ о саванѣ, о могилѣ, о червякъ...

— Но въ человѣкѣ во всѣ времена жила какая-то инстинктивная надежда, даже у дикарей и у язычниковъ. Они говорили себѣ, что не можетъ же всегда такъ продолжаться: когда-нибудь, можетъ быть, узнаютъ же, что̀ скрывается тамъ, по другую сторону жизни, на томъ свѣтѣ...

— Такъ они, эти люди, по-своему ждали невѣдомаго имъ Христа... Все человѣчество походило въ то время на этого ребенка, который кричитъ: „Рождество! Рождество!“—а самъ не знаетъ, что это такое—Рождество... И Христосъ, котораго ждали всѣ народы, сошелъ на землю. И принесъ въ міръ великій свѣтъ. Стало видно, что̀ тамъ, по другую сторону. А здѣсь—Онъ уничтожилъ несправедливость, потому что тѣхъ, кто всѣхъ несчастнѣе, Онъ всѣхъ больше любитъ...

— Братья мои, кто же можетъ замѣнить Христа!.. Какой врачъ, изучившій всѣ науки человѣческія, утѣшитъ умирающаго, котораго онъ не въ силахъ вылѣчить? Чтобы скрыть отъ него ужасъ могилы, онъ будетъ давать ему лѣкарства, которыя усыпляютъ, убиваютъ мысль, притупляютъ тревогу безпокойной души... или же, изъ состраданія, будетъ говорить ему лживыя слова... Но христіанинъ не нуждается ни въ опіумѣ, ни въ обманахъ, потому что у него есть надежда, увѣренность въ вѣчной жизни.—

Кюрэ Барбазанъ все время возвращался къ этой темѣ, развивалъ ее, повторяя идеи и формулы, чтобы прочнѣе внѣдрить ихъ въ тяжеловѣсные мозги своихъ слушателей. Онъ приводилъ въ примѣръ всѣмъ извѣстныхъ людей своего прихода, Корнилиху, Шадебеха, терпѣливо перенесшихъ тяжкія испытанія и умершихъ какъ праведники. Онъ говорилъ о ясной радости христіанина, противопоставляя ее мрачной гордости и тайной тоскѣ невѣрующаго...

Крестьяне понимали его мысль, такъ какъ почти всѣмъ имъ былъ присущъ не столько физическій страхъ смерти, сколько суевѣрное предчувствіе загробной жизни. Ихъ пассивность фаталистовъ была очень далека отъ „ясной радости христіанина“, но они не прочь были послушать успокоительныя рѣчи кюрэ. Старики, въ особенности, были довольны, когда имъ говорили, что смерти нѣтъ, что человѣкъ воскреснетъ, какъ онъ есть, съ костями и волосами, въ прежнемъ своемъ земномъ обликѣ: идея безсмертія сводилась для нихъ къ идеѣ о нетлѣнности плоти, а о душѣ они не думали. Молодые, болѣе скептически настроенные, вовсе не помышляли о таинственномъ и страшномъ переходѣ — до этого было еще такъ далеко. Всѣ ихъ желанія витали въ этомъ мірѣ, и невѣріе ихъ было лишь лѣностью ума, не болѣе мотивированной и не болѣе логичной, чѣмъ ихъ былая вѣра.

Дениза слушала внимательно. Она одна поняла скрытый намекъ на безсиліе врача, изучившаго „всѣ человѣческія науки“, и говорила себѣ:

— Кюрэ ошибается... Смерти боятся именно потому, что не знаютъ, что будетъ тамъ, за гробомъ... Возвратиться въ небытіе менѣе ужасно, чѣмъ стоять передъ невѣдомымъ...

Это была мысль, заимствованная ею у отца. Но она не останавливалась на ней долго. Обѣдня продолжалась. При серебристомъ звонѣ колокольчика молящіеся склонили головы. Въ то время какъ священникъ опускалъ ковчегъ со Св. Дарами, двѣ фигуры, въ бѣлыхъ покрывалахъ, въ синеватомъ дымѣ ладана, поднялись и открыли ясли, гдѣ лежалъ Младенецъ-Іисусъ, въ коротенькой рубашечкѣ, бѣлый и розовый, на свѣтлой соломѣ. Фортунада, нагнувшись, уложила его, укрыла, какъ настоящаго младенца, и дѣвушки и женщины всѣхъ возрастовъ затрепетали отъ безсознательнаго желанія материнства...

„Вотъ—думала Дениза—дитя, обѣщанное ласкамъ тѣхъ, кому не суждено стать матерями. Ихъ Богъ удовлетворяетъ всѣмъ стремленіямъ ихъ сердца. Онъ—ихъ мистическій супругъ, Онъ же принимаетъ образъ ребенка“...

И она вздохнула: ей вспомнились слова дяди, и она сама дивилась, какимъ образомъ она можетъ чувствовать себя счастливою—она, утратившая вѣру въ Бога, она, у которой нѣтъ супруга и которой не суждено быть матерью.

VI.

— Отецъ, ты ѣдешь въ Шастанъ?

— Да... Подержи пони, Дениза: надо подтянуть подпругу... Теперь давай сюда козью шкуру и мой плэдъ. Есть уголь въ грѣлкѣ?—Хорошо.

Докторъ пощекоталъ ноздри пони и вскочилъ въ кабріолетъ. Дениза отошла и стала поодаль. Съ порога садовой калитки, подъ нависшими вѣтвями деревьевъ, отяжелѣвшими отъ снѣга, она смотрѣла на отца, натягивавшаго на руки толстыя мѣховыя перчатки.

— Будь остороженъ, отецъ.

— Ничего: лошадь подкована на острые шипы; она никогда не оступается; и потомъ на крутыхъ спускахъ я буду сходить... Не бойся ничего.

— Я хочу сказать, чтобы ты остерегался этихъ Вейдренновъ. Старикъ тебя ненавидитъ.

— Онъ уже впалъ въ дѣтство, старикъ... А что касается сына, еслибы Фортунада не пришла за мной тогда, какъ съ нимъ случилось несчастіе, я не сталъ бы утруждать себя ради этого мерзавца... Но я люблю, чтобы работа была сдѣлана аккуратно, и разъ ужъ я вправилъ ему переломъ, надо послѣдить и за выздоровленіемъ... Онъ, чего добраго, останется хромымъ, этотъ вашъ Вейдреннъ.

— Съ больною ногой ему труднѣе будетъ браконьерствовать.

— Потому я и спрашиваю себя, не безнравственно ли съ моей стороны поставить на ноги этого разбойника?.. А ты что будешь дѣлать, моя Низа?

— Можетъ-быть съѣзжу въ Монадузъ: Марія Бранду получила транспортъ лимоновъ, а намъ нужны лимоны для лимонада Жану.

Между собой отецъ и дочь называли своего жильца просто „Жаномъ“.

— До свиданья, моя Низа.

— До свиданья, отецъ!

Кабріолетъ двинулся. Дениза вернулась въ комнаты.

Она поднялась въ первый этажъ. Коридоръ, вымощенный краснымъ плитнякомъ, шелъ изъ конца въ конецъ, во всю ширину дома, отдѣляя комнаты, выходившія на лицевой, южный фасадъ, отъ другихъ, которыя выходили окнами на сѣверъ и въ которыя рѣдко заглядывали. Старая лѣстница, прерываемая кирпичными площадками, поднималась, слегка заворачивая, во второй этажъ, состоявшій изъ чердака и двухъ длинныхъ мансардъ, гдѣ жила Франсунетта.

Печь-калориферъ, день и ночь топившаяся въ вестибюлѣ, распространяла по всему дому мягкое тепло. Дениза остановилась передъ дверью Жана. Онъ отдыхалъ, наконецъ, успокоившись послѣ мучительной ночи. Молодая дѣвушка вспомнила, что ночью онъ все требовалъ лимонаду, и обрадовалась, что можетъ сдѣлать ему сюрпризъ къ тому времени, когда онъ проснется. Дни тянулись такъ медленно, такъ монотонно, что среди этого однообразія каждая мелочь получала необычайное значеніе. Жанъ Фальеръ ждалъ почты, какъ событія; онъ заставлялъ доктора по пяти, по шести разъ повторять мельчайшія подробности своихъ докторскихъ объѣздовъ-визитовъ; онъ не уставалъ восхищаться букетомъ изъ покраснѣвшихъ листьевъ, сорванныхъ Денизой, и когда въ домѣ не было больше лимоновъ или апельсиновъ, онъ огорчался, какъ ребенокъ. Съ тѣмъ чутьемъ прирожденной сестры милосердія, которое, въ сущности, есть только одно изъ проявленій материнскаго инстинкта, мадемуазель Кайроль угадывала, такъ сказать, нравственную температуру своего больного, его потребности въ развлеченіи или отдыхѣ, раньше чѣмъ онъ самъ успѣвалъ сознать ее; она умѣла занять его, не утомляя, дать ему въ мѣру свѣта или тѣни, бодрящей бесѣды или одиночества, въ которомъ отдыхаютъ черезчуръ натянутые нервы.

Дениза входитъ въ свою комнату, чтобы снарядиться въ путь. Передъ круглымъ зеркаломъ туалета, въ которомъ она никакъ не можетъ увидѣть себя всю съ головы до ногъ, она прикалываетъ къ своимъ косамъ шапочку-токъ съ фазаньими перьями.

Синеватая бѣлизна снѣга бросаетъ рѣзкій свѣтъ на тускло-сѣрыя деревянныя панели; суровыя занавѣси у окна, рядомъ съ нею, кажутся грязными. Направо, перпендикулярно къ окнамъ, между двумя огромными шкафами съ дугообразной рѣзьбой, укрылся альковъ. Кровать, свѣтлаго орѣха, почти не видна за кретоновыми занавѣсками, красными съ бѣлымъ, на которыхъ одноцвѣтнымъ рисункомъ изображены сады Армиды, и Рено, и Клоринда, и шатры сарациновъ. Напротивъ кровати—каминъ деревянный, съ зеркаломъ. На немъ алебастровые часы, въ видѣ

греческаго храма, и двѣ хрустальныя вазы, пустыя. На углахъ комода блестятъ головы сфинксовъ; рядомъ—овальный мраморный столикъ на трехъ когтистыхъ ножкахъ. Два стула, обитые ручною вышивкой, на которой въ крестикъ изображены пастушка и пажъ въ жанрѣ „трубадуръ“ временъ Реставраціи. На мягкихъ креслахъ, съ ручками въ видѣ лебединой шеи, утрехтскій бархатъ, когда-то ярко-золотого, теперь смягченнаго временемъ теплаго желтаго цвѣта. Мебель сборная, не слишкомъ цѣнная, нельзя сказать чтобы красивая, но она уже три поколѣнія въ семьѣ. Въ 1808-мъ году она принадлежала Люсиль де-Фонтэнуаръ, матери Селесты Буйе, дочь которой вышла за одного изъ Лапейри. Валентина Лапейри, внучка Селесты, стала женою доктора Кайроля.

Еслибы Дениза чаще бывала въ этой комнатѣ, ея молодость вернула бы жизнь и душу вышедшей изъ моды старосвѣтской мебели. Но Дениза весь день сидитъ въ столовой или въ отцовскомъ кабинетѣ. И ея покинутая комната напоминаетъ кабинетъ священника или монастырскую гостиную. Не хватаетъ только Мадонны и Распятія, но холодныя розы монашеской непорочности могли бы цвѣсти въ этой дѣвичьей комнаткѣ не хуже, чѣмъ въ кельяхъ монастыря кармелитокъ. Лѣности негдѣ здѣсь пріютиться: спинки креселъ слишкомъ прямы. Поперечная балка на потолкѣ давитъ мечту. Ничто не говоритъ здѣсь чувствамъ или воображенію: все говоритъ о трудовой жизни дѣвушки, которая встаетъ вмѣстѣ съ служанками, умывается чистой водой, безъ духовъ, не застаивается передъ зеркалами и всякій день надѣваетъ одно и то же платье, скромное, опрятное, уже немного поношенное.

А между тѣмъ на комодѣ лежитъ нѣсколько книгъ въ потертыхъ переплетахъ, которыя Дениза любитъ перелистывать, по вечерамъ, когда ей грустно. Это не романы; это—вышедшія изъ моды, позабытыя книги, надъ которыми когда-то плакали бабушка Люсиль и бабушка Селеста: „Méditations“ Ламартина.

Прежде чѣмъ уйти, Дениза предупредила Фортунаду, которая шила въ нижнемъ этажѣ:

— Я иду къ твоей матери и зайду на почту, повидаться съ мадемуазель Мюрэ. Если мсье Жанъ позвонитъ, сейчасъ же поднимись къ нему наверхъ.

— Ой, барышня, что вы!

— А что такое?

— Да я и говорить-то съ нимъ не смѣю, съ вашимъ мосье Жаномъ. Я его боюсь... Онъ всегда такой сердитый, когда васъ нѣтъ; его тогда все раздражаетъ.

— Боишься?.. Глупенькая, какъ тебѣ не стыдно... Ты боишься больного, потому только, что онъ бываетъ требователенъ и капризенъ... А еще хотѣла идти въ сестры милосердія.

Дениза пожала плечами.

Фортунада сконфузилась.

— Вы, можетъ-быть, и правы. Я-таки глупенькая... но, какъ говорятъ наши милыя сестры, благодать приходитъ вмѣстѣ съ клобукомъ.

— Я вѣдь не монахиня.

— О, вы... вы!..

— Ну? Что же я?

— Вы умѣете съ нимъ разговаривать, съ этимъ парижаниномъ... Я даже думаю, что какъ я боюсь его, такъ онъ боится васъ... Онъ капризничаетъ и съ Франсунеттою, и съ докторомъ; а съ вами онъ милъ и стыдится своего дурного характера.

— У него характеръ вовсе не дурной.

— Онъ избалованъ, какъ всѣ богатые... Не умѣетъ терпѣть... Вы думаете, у насъ по деревнямъ ухаживаютъ такъ за больными, какъ вы это дѣлаете?.. Дадутъ ему лекарства, укроютъ потеплѣе, периною — и лежи себѣ: некогда тутъ съ тобой возиться. У иного ни перины нѣтъ, ни лекарства, и никто его не пожалѣетъ.

— Вы, крестьяне, жестокіе люди.

— Вы думаете, Вейдренну-сыну легко приходится съ его сломанной ногой? Кто подумаетъ о немъ?.. Кто станетъ за нимъ ухаживать?

— Вейдреннъ вовсе не такъ заброшенъ, малютка, какъ ты увѣряешь. Ты была добра къ нему, а мой отецъ столько же возился съ его ногой, какъ еслибы онъ былъ милліонеромъ. Онъ даже и сегодня поѣхалъ къ нему.

— Ахъ!—вздохнула Фортунада:—господинъ докторъ и вы—лучше васъ нѣтъ людей на свѣтѣ...

Дениза ушла; Фортунада снова принялась за толстые велосипедные чулки, которые она штопала.—Только бы парижанинъ спалъ подольше...

Она рада была бы облегчить ему страданія и поминала его въ своихъ молитвахъ, чтобъ онъ скорѣе выздоровѣлъ; или, по крайней мѣрѣ, переносилъ свой недугъ, какъ подобаетъ доброму

христіанину. И все же, ей было не такъ ужъ жаль этого молодого человѣка, красиваго, богатаго, образованнаго и, ужъ конечно, взявшаго отъ жизни свою долю земныхъ радостей. Она видѣла вблизи бо̀льшія страданія, не только физическія, но и моральныя, бо̀льшую оброшенность, и мысль о несчастной душѣ, заранѣе обреченной на вѣчныя муки, волновала ея душу глубокою жалостью.

Ей врѣзался въ память этотъ страшный крещенскій вечеръ. Годъ начался такими холодами, что въ четыре дня всѣ пруды замерзли, и сторожа изъ замка наняли людей колоть ледъ. И вотъ, въ самый крещенскій сочельникъ эти люди, возвращаясь въ Монадузъ, черезъ каштановыя рощи Сенъ-Дюмина, нашли Марсіаля Вейдренна лежащимъ на землѣ, съ переломанной ногой, полумертвымъ отъ холода, голода и лихорадки. Онъ пролежалъ тутъ всю ночь.

Какой переполохъ поднялся въ Монадузѣ!.. Старухи понадѣвали свои праздничные чепцы; ребятишки, еще не успѣвшіе улечься въ постель, крестьяне, мирно ужинавшіе въ кругу семьи, и тѣ, кто уже успѣлъ выпить въ кабачкѣ—всѣ сбѣжались, кто изъ любопытства, кто—чтобы натѣшить давно копившуюся злобу... Мэръ уѣхалъ въ Тюлль, кюрэ обѣдалъ въ замкѣ, и, за отсутствіемъ властей, полевой сторожъ не зналъ, что дѣлать... Взвалить Вейдренна, какъ свинью, на телѣжку, запречь въ телѣжку сѣраго ослика Брандунихи и свезти раненаго на поѣздъ, который отходитъ въ семь часовъ... Пусть себѣ поправляется или издыхаетъ въ тюльскомъ госпиталѣ. По крайней мѣрѣ, община-то будетъ отъ него избавлена... Но Вейдреннъ не хотѣлъ ѣхать въ больницу; онъ требовалъ, чтобы его свезли къ его старику-отцу, въ Шастанъ... Нога его страшно распухла, и на ней уже выступили зловѣщія пятна. Пока сторожъ и трактирщица препирались относительно телѣжки, Фортунада командировала своего братишку къ доктору — единымъ духомъ, одна нога здѣсь, другая тамъ. При появленіи г. Кайроля, любопытные разбѣжались; Брандуниха волей-неволей принуждена была взять къ себѣ раненаго и устроить его на матрацѣ, въ каморкѣ за кухней, гдѣ обыкновенно спали служанки, когда имъ приходилось уступать свои постели путешественникамъ.

— Кто же мнѣ заплатитъ за чистое бѣлье, за свѣчу, за коньякъ, за безпокойство?—плакалась матушка Бранду, между тѣмъ какъ Фортунада готовила горячій грогъ, большую лохань съ водою, полотняные бинты и лубки изъ волоконъ каштана.

На другой день Вейдреннъ-отецъ, извѣщенный сосѣдями,

пришелъ за сыномъ. Было десять часовъ утра; мужчины всѣ были на работѣ; женщины, чистившія картофель или вязавшія чулки на порогѣ своихъ домовъ, всѣ до смерти боялись стараго кузнеца, слывшаго колдуномъ... Брандуниха, опасаясь, какъ бы старикъ не навелъ порчи на ея домъ, сама предложила телѣжку и осла, и Фортунаду—чтобы доставить обратно осла и экипажъ. При восьмидесятилѣтнемъ старикѣ, болѣе морщинистомъ, чѣмъ старый каштанъ, обладавшемъ властью однимъ взглядомъ нагнать на человѣка лихорадку или исцѣлить его — вслѣдствіе чего, по ея мнѣнію, ему безумно завидовали доктора — она не посмѣла и заикнуться о деньгахъ... Телѣжка, вмѣстѣ съ раненымъ и Фортунадой, ведшей въ поводу осла, благополучно прибыли въ Шастанъ, не смотря на трудную дорогу и январскій морозъ.

Не смотря на то, что оба ея спутника пользовались дурною славой, Фортунада не боялась. Она знала, что старикъ возьметъ ее подъ свою защиту и она вернется домой здравой и невредимой, вмѣстѣ съ осломъ и телѣжкой. Обоимъ Вейдреннамъ не чужда была та особаго рода признательность, какую умѣютъ чувствовать и дикари. Рѣдко они проявляли ее потому, что случая не было. И отецъ, и сынъ нисколько не обманывались насчетъ добраго расположенія къ нимъ трактирщицы, но оба чувствовали, что ея дочка имъ не врагъ. На словахъ они ее не благодарили; но Фортунада была увѣрена, что эти двое никогда ужъ не обидятъ ея. Когда раненаго уложили на соломенникъ, дѣвушка съѣла кусочекъ холодной лепешки, выпила бѣлаго вина изъ треснувшаго стакана и, грустная, вернулась въ Монадузъ.

Съ тѣхъ поръ у нея не выходилъ изъ головы больной Вейдреннъ, брошенный въ этой трущобѣ на попеченіе отца, на старости лѣтъ впавшаго въ дѣтство. Работала ли она въ замкѣ, или у Кайролей, дома, и въ церкви, и на вечеринкѣ—этотъ образъ преслѣдовалъ ее, какъ живой укоръ. Ничто не могло развлечь ее: ни вкусная ѣда, ни веселый огонекъ въ печи, ни теплая постель, ни даже ласки маленькаго братишки. Ее мучило смутное сознаніе совершенной великой несправедливости. Никто вокругъ нея не понималъ этого, а она поняла—и съ тѣхъ поръ уже не могла быть счастливой...

— Зачѣмъ?—говорила она себѣ.—Зачѣмъ мучиться? Не въ моей власти устранить изъ этого міра страданія. Всегда будутъ въ немъ грѣшники и несчастные.

Но такого рода разсужденія не успокоивали ея. Безпредѣльное горе человѣческое угнетало и давило ея слабый умъ. По-

рой ей казалось, что ее захватила, несетъ и толкаетъ впередъ таинственная, невѣдомая сила... эта сила была жалость—глухая, и слѣпая, и могучая, какъ любовь.

Дениза еще не вернулась, когда порывисто затрещалъ колокольчикъ: испуганная и огорченная, Фортунада поднялась наверхъ, къ Жану.

Онъ встрѣтилъ ее неласково.

— Что же это такое? Я десять минутъ звоню...

— О, мосье, я, какъ только услыхала звонокъ, сейчасъ же пошла наверхъ...

Она стояла посреди комнаты, вся выпрямившись, подтянувшись, уйдя подбородкомъ въ плечи; изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ обида и негодованіе выдавили двѣ слезы.

— Мосье несправедливъ.

— Пожалуйста, не распускайте нюни... Подумаешь, какая мученица!.. И поднимите штору — я люблю, чтобы было свѣтло.

Дѣвушка повиновалась. Отсвѣтъ снѣжной бѣлизны вошелъ въ высокое окно, и все сразу засіяло: стѣны, изсиня бѣлыя, словно лакированныя, бѣлая лакированная мебель, мѣдная рѣзьба на кушеткѣ...

— Поправьте огонь.

Фортунада помѣшала въ каминѣ, подкинула полѣно и снова придвинула къ огню металлическій экранъ. Жанъ повернулся на бокъ; блѣдное какъ воскъ, исхудалое лицо его казалось еще блѣднѣе въ рамкѣ спутанныхъ черныхъ волосъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ.—Дайте мнѣ лимонаду... Благодарю васъ... Вы все-таки милая дѣвочка и услужливая... Пфуй, какая гадость... Что это за гадость вы мнѣ подали?

— Это лимонадъ, мосье.

— Онъ перестоялся... Скажите, чтобъ мнѣ сдѣлали другого.

— Лимоны всѣ вышли... Мадемуазель Дениза пошла за ними.

— Какъ... Ея нѣтъ дома?

— А вы что же—хотите, чтобъ она тутъ и жила въ вашей комнатѣ? И то ужъ она нажила себѣ мигрень, ухаживая за вами съ тѣхъ поръ какъ уѣхала сидѣлка.

Робкая Фортунада вдругъ набралась храбрости.

Жанъ пробормоталъ:

— Когда ея нѣтъ дома, все идетъ Богъ знаетъ какъ.

— Да вотъ и она... Бѣдная барышня! Ей некогда было даже погулять: она безпокоилась о васъ и торопилась домой.

Вошла Дениза съ полной тарелкой мандариновъ и лимоновъ.

— Вотъ и я... Давно вы проснулись? Вамъ хочется пить... Скорѣе, Фортунада, давай сюда сахару и свѣжей воды... Что съ вами, мосье Фавьеръ: у васъ такой растерянный видъ?!

— Меня мучатъ угрызенія совѣсти.

— По поводу чего?

— Я страшный эгоистъ.

— Страшный эгоистъ?

— Не смѣйтесь: мнѣ стыдно: я даже не замѣчаю, когда у васъ болитъ голова... Вы разстраиваете ради меня свое здоровье, которое вамъ такъ къ лицу... Я не хочу этого. Я лучше уѣду.

— Куда это?

— Въ санаторію, къ крестному—все равно, куда.

— Вы лучше посмотрите на меня: и ваши угрызенія разсѣются сами собой. Развѣ у меня плохой видъ?

Онъ улыбнулся.

— Превосходный. Вы, навѣрное, шли подъ деревьями; снѣжинки запутались въ вашихъ волосахъ, и теперь на васъ корона изъ водяныхъ капелекъ...

— И у васъ тоже видъ теперь получше.

— Правда?

— Совсѣмъ другой, чѣмъ мѣсяцъ тому назадъ, когда я встрѣтила васъ на вокзалѣ. Васъ и не узнать.

— Въ тотъ вечеръ на васъ былъ этотъ ужасный плащъ и еще болѣе ужасный капюшонъ, и вы были похожи на большой черный колокольчикъ.

— Я была очень гадкая?

— Отвратительная... Но этотъ колокольчикъ издавалъ очаровательные звуки. У васъ такой звучный голосъ. Вы сказали мнѣ: „Осторожнѣе“ и протянули мнѣ руку. А потомъ сказали: „Молчите!“ Въ этотъ первый вечеръ я ненавидѣлъ васъ... Ваше покровительственное отношеніе ко мнѣ унижало меня...

— Гордецъ!

— Теперь у меня уже нѣтъ гордости. Я прямо цинично выставляю на показъ все мое убожество, физическое и моральное... Но это пройдетъ. Ко мнѣ возвращаются силы... Вашъ батюшка правъ: молодость, воля и хорошій уходъ творятъ чудеса... Ахъ! еслибъ я пріѣхалъ сюда годомъ раньше... Но и сейчасъ еще не поздно. У меня былъ товарищъ... у него тоже была ча-

хотка, въ послѣднемъ градусѣ, — и всетаки онъ выздоровѣлъ... А я вѣдь не въ послѣднемъ градусѣ?..

— Ну, конечно, нѣтъ... Я сдѣлаю вамъ лимонаду и приготовлю апельсины ломтиками, въ сахарѣ, какъ вы любите... И если вы будете умникомъ, дамъ вамъ письмо, которое пришло съ этой почтой...

— Изъ Парижа?

— Не знаю.

— О! Дайте же... Можетъ-быть, это мама пишетъ, что пріѣдетъ?..

Дениза подала ему конвертъ. Онъ мелькомъ взглянулъ на него.

— Нѣтъ... Это отъ Гюбертэна...

Онъ читалъ. Сидя въ ногахъ кровати, Дениза чистила апельсины ножичкомъ съ перламутровой рукояткой. Ароматная кожура, изрѣзанная спиралью, горкой лежала на колѣняхъ молодой дѣвушки. Она сидѣла противъ свѣта, и контуръ ея головы былъ обведенъ свѣтящейся линіей, подъ свѣтлымъ ореоломъ волосъ. Опущенныя рѣсницы и сжатыя губы скрывали блестящіе зубы и зрачки, и вся фигура Денизы была какъ бы окутана тѣнью; только на груди поблескивала золотая цѣпочка.

Письмо соскользнуло съ кровати на полъ.

— Оставьте!—сказалъ Жанъ, когда Дениза нагнулась поднять его.—Это неинтересное письмо... Одинъ изъ моихъ друзей извѣщаетъ, что онъ пріѣдетъ навѣстить меня въ будущемъ мѣсяцѣ.

— И вамъ это не очень пріятно?

— Быть можетъ.

— Но почему же... если это другъ?..

— О, когда я говорю: „другъ“, это значитъ: товарищъ. У меня вѣдь нѣтъ друзей. Да и родныхъ-то все равно что нѣтъ... Мать моя до сихъ поръ не навѣстила меня, а у насъ ужъ конецъ января...

— Она, навѣрное, скоро пріѣдетъ.

Оба задумались.

— Счастье мое, что со мною вы и вашъ батюшка...—снова началъ Жанъ.—Еслибъ не вы...

— И вашъ крестный тоже.

— Да, его я тоже люблю; но вѣдь его нѣтъ здѣсь... а вы—вы здѣсь... Безъ васъ...

Дениза, видя, что его опять волнуютъ навязчивые, тягостные образы и мысли, предложила ему пить. Онъ выпилъ и умолкъ; его, повидимому, одолѣвала дремота.

Но минуту спустя онъ снова заговорилъ:

— Этотъ Гюбертэнъ... У него желѣзное здоровье... это прямо неприлично быть такимъ здоровымъ... Еслибъ вы его видѣли... Огромный, толстый, краснощекій, жирный атлетъ, который только знаетъ, что ѣстъ, пьетъ, кричитъ и всюду занимаетъ страшно много мѣста... И тѣмъ не менѣе, есть женщины... которыя находятъ его красавцемъ. У женщинъ бываютъ престранные вкусы.

— Онъ, навѣрное, ужасенъ, этотъ вашъ пріятель?

— Вамъ онъ показался бы ужаснымъ, не правда ли?.. Въ такомъ случаѣ, пусть пріѣзжаетъ... Это васъ позабавитъ... А вѣдь я ему завидовалъ — повѣрите ли: я ему завидовалъ... Потому что... потому что...

— Тсъ! Не надо такъ много говорить... Надо спать... Спите.

Жанъ задремалъ. Наклонившись надъ нимъ, Дениза слѣдила за тѣмъ, какъ конвульсивно передергивалось его лицо... Что за кошмаръ мучитъ его и во снѣ?

— Бѣдный мальчикъ!

Онъ былъ такъ юнъ еще. Ей было жаль его, какъ брошеннаго, нелюбимаго ребенка, котораго можно утѣшить, приласкавъ его. Какъ часто она думала о матери, забросившей его, и возмущалась:

— Еслибъ у меня былъ сынъ, я не позволила бы другой женщинѣ ходить за нимъ, когда онъ боленъ... Я дни и ночи сидѣла бы у его изголовья... я сотворила бы чудо—я не дала бы ему умереть...

Внезапно онъ очнулся... широко раскрылъ глаза... узнаетъ комнату, уже на-половину окутанную сумерками, и женщину, склонившуюся надъ нимъ...

— Не уходите отсюда... не оставляйте меня... Я не хочу объ этомъ думать... А когда я остаюсь одинъ, я все время думаю...

— О чемъ?.. О чемъ вы думаете?

Дениза держитъ въ своей рукѣ горячую руку, въ которой бьется натянутая до послѣдней степени жилка, подъ огненнымъ смычкомъ лихорадки.

— Успокойтесь... усните...

Онъ вздрогнулъ... мысли его путаются, какъ при началѣ бреда.

— А... а... Жюльетта!

На этотъ разъ Дениза разслышала имя. И смутилась, взвол-

новалась, словно увидавъ жестъ, не предназначавшійся для нея, словно передъ ней обнажилось вдругъ тѣло больного. Въ полутьмѣ она вспыхнула и почувствовала какую-то странную боль въ груди.

Жанъ повторялъ это имя: „Жюльетта“... словно призывая невѣрную, далекую... Потомъ измѣнившимся голосомъ прошепталъ:

— Это вы здѣсь, возлѣ меня?

— Это я, Дениза.

— Дениза.

Она кладетъ кончиками пальцевъ на запекшіяся губы ломтикъ апельсина.

— Это хорошо... Еще.

— Вотъ... Хотите еще?

Онъ качаетъ головой въ знакъ отрицанія. Потомъ успокаивается и засыпаетъ—но тревожнымъ сномъ. Дениза не смѣетъ отойти отъ него, не смѣетъ даже выйти изъ комнаты, чтобы спросить лампу, и только молитъ Бога, чтобы поскорѣе вернулся Кайроль, такъ какъ насталъ часъ ежедневнаго приступа лихорадки—часъ, который иногда удается отдалить, но который неизбѣженъ, приводитъ въ уныніе врача и съ каждымъ днемъ уноситъ еще частицу этой юной жизни.

VII.

Конюшня и каретный сарай, расположенные на окраинѣ сада, выходили на дорогу. Кайроль, оставивъ лошадь и кабріолетъ на попеченіе Жанту, шелъ уже къ дому, когда на дорогѣ ему повстрѣчалась Фортунада.

— Что новаго, дѣвочка?

— Ничего особеннаго, господинъ докторъ. Барышня наверху, у мосье Фавьера.

За спущенными занавѣсками, въ комнатѣ Жана зажглась лампа, желтый цвѣтокъ фіолетовыхъ сумерекъ, и отъ этого огонька сразу мрачнѣе сталъ зимній пейзажъ. Но отъ снѣга какъ будто падали странные отсвѣты на все окружающее, а надъ лѣсистыми хребтами горъ въ однообразно сѣромъ небѣ былъ маленькій просвѣтъ. И сине-багровой щелью было отмѣчено то мѣсто, куда скрылось солнце.

— Что... ему лучше — Вейдренну? — робко освѣдомилась Фортунада.

Докторъ вскипѣлъ:

— Да тебѣ-то что за дѣло?.. Что онъ тебѣ—ухаживатель, что-ли?.. Будь онъ трижды проклятъ, не смѣй никогда больше разговаривать со мной объ этомъ мерзавцѣ!

— Но...

— Пускай издохнетъ тамъ, въ своей дырѣ... Его отецъ натравилъ на меня своихъ собакъ... Если сынъ будетъ лѣчиться только его снадобьями, онъ на всю жизнь останется хромымъ... и чудесно... и очень радъ... душевно радъ... Нечего сказать, хорошо я вознагражденъ за мое дурацкое великодушіе...

— На такихъ людей нельзя сердиться, господинъ Кайроль. Они не вѣдаютъ, что творятъ... Они не довѣряютъ вамъ... Еслибъ кто-нибудь втолковалъ имъ, что вы желаете имъ добра...

— Никакого добра я имъ не желаю... Ты идешь въ домъ?

— Нѣтъ, сударь. Я ухожу.

— Куда это?

— Домой.

— Развѣ ты не пообѣдаешь съ Франсунеттой? Дениза отослала тебя домой?

— Нѣтъ, господинъ докторъ. Я не смѣла потревожить ее... Но, разъ я кончила работу...

— Ты свободна... Добрый вечеръ!

Она накинула платокъ на голову, поправила сабо на ногахъ и пошла.

Какъ пустынно вокругъ... Съ одной стороны—холмъ, изрѣзанный полосами взбѣгающихъ на него уступами полей и увѣнчанный искривленными каштанами. Съ другой—глубокій ровъ, черный отъ вереска, съ пятнами тающаго снѣга. Въ этотъ ровъ четырьмя скачками ниспадаетъ Монадуза, поднимая страшный грохотъ и цѣлый водоворотъ пѣны; потомъ бѣжитъ по осыпавшимся камнямъ, притаившаяся и пѣвучая, къ темнымъ проваламъ.

На выступѣ скалы—кладбище, словно повисшее надъ каскадами. Во избѣжаніе обваловъ, край оврага укрѣпленъ стѣной, и на самой оконечности выступа гигантскій орѣшникъ высится, какъ стражъ этого печальнаго уголка. Лѣтомъ въ его холодной тѣни гибнетъ всякая растительная жизнь; зимою, сквозь сѣть безлиственныхъ, черныхъ его вѣтвей, видны, какъ въ рамкахъ, куски зеленаго и голубого пейзажа.

Жители Монадуза избѣгаютъ по вечерамъ проходить мимо этого уединеннаго кладбища и часовенки насупротивъ его, всегда запертой. Дѣло въ томъ, что именно здѣсь, „въ былыя времена“, старый Бранду повстрѣчалъ „бѣлаго звѣря“, а въ еще болѣе

отдаленныя времена оборотни поджидали здѣсь пьяныхъ, чтобы вскочить имъ на плечи и заѣздить ихъ до смерти.

Фортунада, которой приходится каждый вечеръ ходить мимо этого кладбища, всегда немножко труситъ, не смотря на свою вѣру въ Божье милосердіе и защиту... Ноги несутъ ее мимо, но глаза она невольно закрываетъ, изъ страха, какъ бы съ рѣзкимъ скрипомъ не распахнулась передъ нею заржавленная рѣшетка, какъ бы гигантскій призракъ-орѣшникъ не нагнулся надъ бездной и не свалился въ нее, увлекая за собой и землю, и мертвецовъ, похороненныхъ между его корнями... Вотъ, наконецъ, и околица Монадуза—домъ ткача, домъ Бюнейля, домъ Ліонардуны.. Вотъ и церковь, съ четырьмя колоколами разной величины, видными въ четыре просвѣта колокольни. Церковный сторожъ сметаетъ снѣгъ съ порога.

Тамъ и сямъ бѣгаютъ свиньи, распространяя вокругъ себя отвратительный запахъ, смѣшивающійся съ запахами хлѣва. Какъ будто иронически смотрятъ на васъ эти лимузинскія свиньи, съ черными пятнами по розовому тѣлу; кажется, какъ будто онѣ въ панталончикахъ и капюшонахъ.

Изъ оконъ гостинницы виденъ свѣтъ, несется говоръ голосовъ и запахъ перегорѣлаго говяжьяго жира. Маленькія окошечки изукрашены открытками и прозрачными картинками; шторы подняты, и на подоконникахъ видны горшки съ геранью, которая весной пышно цвѣтетъ краснымъ и зеленымъ цвѣтомъ, какъ картинки, которыя дѣлаютъ въ Эпиналѣ.

Она входитъ... Двое мужчинъ, сидящихъ за столикомъ, мельникъ и торговецъ яблоками, привѣтствуютъ ее ласковымъ: „Адузіасъ, Фортунада“... Маленькій братишка играетъ подъ столомъ съ собакой. Мадалуна, на корточкахъ передъ печкой, печетъ турту—блины изъ ржаной муки, дымъ которыхъ пріятно, какъ благовонный ладанъ, щекочетъ ноздри дѣдушки.

Марія Бранду, которая моетъ стаканы въ большой лохани, кричитъ ей:

— Это ты, дѣвчурка? Что ты дѣлаешь?

— Надѣваю галоши. Барышня послала меня сюда... съ порученіемъ... а мнѣ неловко идти въ сабо...

— Ты опять пойдешь туда?

— Приходится идти.

— Хочешь, сестра тебя проводитъ?

— Еще не поздно... А оттуда меня проводятъ.

Брандуниха не обращаетъ больше вниманія на свою дочь... Мельникъ и торговецъ бесѣдуютъ между собой, въ то время

какъ ихъ ослы жуютъ овесъ въ конюшнѣ. На дворѣ стоятъ телѣги, повернутыя кверху оглоблями...

— ...Нашъ кюрэ — разсказываетъ мельникъ — сначала былъ у насъ въ большомъ почетѣ; но потомъ взбреди ему на умъ сочинять книги... И сейчасъ это онъ давай всѣхъ распрашивать: мальчишекъ, дѣвчонокъ, которыя учатся у него катехизису; тѣ ему наши сказки разсказываютъ, а онъ записываетъ, а онъ записываетъ... Потомъ сталъ взрослыхъ зазывать... затащитъ къ себѣ сосѣда и проситъ: „Присядь, Франселу, спой-ка мнѣ „Побра новія“ [1])“... А самъ пишетъ, а самъ пишетъ...

Торговецъ яблоками подмигнулъ ему и постучалъ себѣ по лбу.

— Да,—согласился мельникъ,—понятное дѣло, у него были не всѣ дома... Ну, пошли, значитъ, жалобы. Каждый, молъ, занимайся своимъ ремесломъ... Я, къ примѣру, мельникъ: значитъ, мели муку... Вы—торговецъ, ну и торгуйте себѣ яблоками... А попу платятъ за то, чтобъ онъ служилъ обѣдню, вѣнчалъ, крестилъ, хоронилъ мертвыхъ и училъ катехизису ребятишекъ... А книги сочинять—это не его ремесло...

Торговецъ яблоками пошутилъ:

— Вотъ посмотримъ, за какое ремесло они возьмутся, попы-то, когда произойдетъ отдѣленіе церкви отъ государства.

Мельникъ отвѣтилъ грубой, неприличной шуткой; но изъ-за печки откликнулся голосъ дѣдушки Бранду:

— Отдѣленіе церкви отъ государства... Послушайте... Вамъ этого не видать.

— Почему же—если правительство захочетъ?

— Потому что тогда не будетъ и праздниковъ!—авторитетно заявилъ старческій голосъ, окутанный дымомъ отъ блиновъ.—А мужику праздничекъ нуженъ. Мужичкамъ охота иной разъ собраться вмѣстѣ, распить бутылочку, послушать, какъ балагурятъ на ярмаркахъ... Отнимите у него праздничекъ—придется ему все время жить только съ быками, да съ свиньями, въ скукѣ, въ тоскѣ... Видишь ли, братъ мельникъ, отдѣленіе церкви отъ государства—это хорошо для городовъ, но для деревни это не годится... И не будетъ этого никогда.

Мельникъ, порядкомъ уже выпившій, захохоталъ:

— Вы это говорите, дѣдушка Бранду, потому, что вы въ дружбѣ съ попами, и внучка ваша собирается идти въ монашки. Упразднятъ монастыри, куда жъ она дѣнется?

---

[1]) Бѣдная женщина!

— Фортунада—въ монашки?!—съ негодованіемъ вскричала Брандуниха.—Да ты, батюшка, ополоумѣлъ или нализался ужъ очень? Не мѣшался бы ты не въ свое дѣло... Моя дочь выйдетъ замужъ, когда я захочу. Жениховъ у нея вдоволь, и приданое за нею будетъ... Отдать дѣвчонку, и съ приданымъ, въ монастырь—ну нѣтъ, это ужъ дудки.

— Ну, прощайте,—сказала Фортунада.—Я ухожу.

Мать не возражала. Швеямъ часто приходится работать въ домахъ до поздняго вечера.

На маленькой площади, возлѣ каменнаго креста съ изваянною на немъ виноградной лозой, женщины брали воду изъ фонтана. Ночь еще не совсѣмъ спустилась на землю; полная луна, которой здѣсь не было видно, свѣтила гдѣ-то, ясная и яркая, за тучами. Слабый отблескъ ея свѣта мѣстами пробивался сквозь скопленія паровъ, озарялъ блѣднымъ сіяніемъ еще не стаявшій снѣгъ и помогалъ распознавать формы предметовъ.

Церковь была открыта для вечерней молитвы, на которую, по звону къ „Angelus“, собирались передъ алтаремъ священникъ, пономарь, нѣсколько дѣтей клирошанъ и пять-шесть старухъ. Вечеръ, лукавый и злокозненный въ этой странѣ колдуновъ и горныхъ вершинъ, поросшихъ верескомъ, робко прокрался въ храмъ и притаился тамъ. Очищенный запахомъ ладана и воска, онъ бродилъ вокругъ купелей и еще не смѣлъ приблизиться къ блистательной Мадоннѣ, стоявшей на лазурномъ шарѣ и охраняемой тремя восковыми свѣчами, въ экстазѣ пламенѣвшими передъ нею.

Фортунада на колѣняхъ молилась. Она физически ощущала свой грѣхъ, какъ физическую боль, и это было новое, непривычное ощущеніе: послѣ волненій и тревогъ, предшествовавшихъ первому причащенію, ея душа успокоилась... Теперь же, добросовѣстная до щепетильности, она чувствовала себя большой грѣшницей. Но все же чистота ея намѣреній до извѣстной степени должна была служить ей оправданіемъ. Ей казалось, что долгъ милосердія къ ближнему—выше всѣхъ другихъ, и спасеніе несчастнаго можетъ искупить ложь.

И снова душа ея, простая, не вѣдавшая богословскихъ ухищреній, возмущалась противъ тайны зла и грѣха... Какъ согласовать съ безконечной благостью Божіей безконечныя людскія страданія? Какъ выносить, безъ праведнаго гнѣва, зрѣлище этихъ страданій? Однако, зрѣлище это, очевидно, не нарушаетъ душевнаго покоя многихъ порядочныхъ людей... Напримѣръ, докторъ Кайроль и г. кюре, которые постоянно видятъ передъ

собой все человѣческое убожество и стараются облегчить его— они не мучаются... Напутствуютъ умирающихъ, слышатъ рыданія вдовъ и матерей, соболѣзнуютъ, но, въ силу привычки, быстро успокоиваются и возвращаются домой, довольные уже и тѣмъ, что исполнили свой долгъ, примирившіеся съ своимъ безсиліемъ передъ роковой необходимостью, налагаемой природою или общественными условіями. И забываютъ...

Фортунада не можетъ забыть... Христіанская жалость, родившаяся въ ея сердцѣ въ то время, когда она впервые слышала разсказъ о страданіяхъ Христа, не была трусливымъ и слезливымъ чувствомъ, которое само на себя любуется и питается дешевыми слезами, фразами и мистицизмомъ. Въ ней оно стало сознательной волей, требовавшей немедленнаго перехода въ дѣйствіе. Въ этой лимузенской крестьянкѣ, слабой тѣломъ и съ измученными глазами, жила душа тѣхъ дѣвственницъ, которыя низвергали идоловъ и не боялись гнѣва проконсуловъ,— душа пастушекъ-героинь, покорныхъ зову небесныхъ голосовъ, бросавшихъ прялку и веретено ради меча. Но голоса, звучавшіе для Фортунады, не предрекали ей великаго призванія и не сулили мученичества: они повелѣвали ей только бороться съ несправедливостью, которую создаютъ случайности въ природѣ и людской эгоизмъ. Повелѣвали накормить голоднаго, одѣть нагого, утѣшить плачущаго, смягчить сердце того, кто разучился плакать, быть свѣтомъ—для темныхъ душъ, словомъ—для нѣмыхъ, силою—для упавшихъ духомъ, вожатымъ—для заблудшихъ, смиренной посредницей между человѣкомъ, забывшимъ Бога, и Богомъ, отвратившимъ лицо Свое отъ человѣка; повелѣвали поступать по завѣту Распятаго, Который отверзъ небеса раскаявшемуся разбойнику — а можетъ-быть и нераскаянному... Соблазнъ неслыханный! Священное безуміе! Блистательная надежда, полная расшатанность фантазіи, прирожденная женская чувствительность... Сопротивляться — какъ?.. Разсуждать — зачѣмъ?.. Богъ велитъ. Онъ указываетъ утѣшительницѣ ея призваніе... „Иди!.. спѣши къ твоему страждущему брату... Не завтра — нынче“. Она трепещетъ.—„Что, если узнаютъ?.. Что подумаютъ? Вѣдь сказалъ же мнѣ мосье Кайроль, что я сумасшедшая и помѣшалась на любви... Но Ты, Пресвятая Дѣва, Ты видишь мое сердце... оно открыто предъ Тобою“...

И она идетъ, подъ небомъ аспиднаго цвѣта, пробираясь черезъ высокій темный вереск, по изрытымъ дорогамъ съ глубокими колеями, наполненными водой, черезъ лѣса съ тощими березками и высокими темными елями. Холмъ за холмомъ встаютъ

передъ нею; дальнія горы скрылись въ туманѣ. Вотъ уже ночь, поднялся вѣтеръ и несетъ съ собою волчій вой и холодъ отъ снѣговъ Оверни, которыхъ онъ коснулся, пролетая мимо.

Фортунада все идетъ. Страхъ сковываетъ ея члены, но душа ликуетъ и бодритъ усталое тѣло... По пути деревня... собаки лаютъ, бараны испуганно блеютъ. Зажигаются костры на холмахъ... Въ умѣ молодой дѣвушки просыпаются вѣковыя суевѣрія— но прочитанное „ave“ отгоняетъ призраки, разсѣиваетъ страхъ... Вотъ кто-то прошелъ. Что-то зашевелилось въ кустахъ... Скорѣй перекреститься, прочесть молитву!.. Вотъ каштановая роща, въ которой, словно въ засадѣ, прячется нѣсколько хижинъ... Это— Шастанъ.

Шастанъ! Это не большое село, какъ Монадузъ. Это даже не деревушка — всего пять-шесть лачугъ, низкихъ, цвѣта грязи и камня, пріютившихся въ разсѣлинѣ холма. Болотистая почва, зеленая отъ тростниковъ, сочится лихорадкой. Днемъ тощіе бараны и пятнистыя свиньи пасутся около жалкихъ хижинъ. Запахъ навозной жижи, загнившей воды, грязнаго бѣлья, еще болѣе грязныхъ хлѣвовъ, тяжело виситъ въ нездоровомъ воздухѣ этой долины... Нездоровое это мѣсто и для души, и для тѣла христіанина; слѣдовало бы хорошенько вычистить его и окропить большимъ количествомъ святой воды, потому что много грѣховъ лежитъ на душахъ его обитателей... И грѣхи эти копились вѣками: остановленные въ пути дилижансы, изувѣченные путники, изнасилованныя пастушки, жандармы, забитые на смерть камнями, подожженныя мельницы—длиненъ списокъ прегрѣшеній шастанцевъ.

Изъ-подъ двери, въ щель, пробивается полоска свѣта. Вывѣтрившійся камень замѣняетъ порогъ. Фортунада еще не успѣла позвонить, какъ раздался отчаянный лай.

— Гей!.. Кто тамъ?

— Это я—Фортунада Бранду.

— Ты... Ты одна?

И старикъ недовѣрчиво вглядывается въ темноту.

— Одна.

— Чего тебѣ?

Она указываетъ на свою корзинку.

— Я принесла вамъ...

— Войди.

Дворовые псы, съ жесткой сѣрой шерстью, успокоенные жестомъ стараго хозяина, идутъ къ очагу и ложатся; но свирѣпые глаза ихъ, не отрываясь, слѣдятъ за каждымъ движеніемъ не-

прошенной гостьи. Фитиль изъ хлопчатой бумаги, пропитанной масломъ, горитъ, и дымитъ, и чадитъ. Пола нѣтъ, ни деревяннаго, ни плитяного, ни даже утрамбованнаго земляного; простой камень, неровный, шишковатый... Столъ, скамья у стола, сундукъ у стѣны; мѣстами подвѣшены ружья или гирлянды луковицъ; въ углу — мѣшокъ съ каштанами, треснувшій котелъ, лисья шкура, изъѣденная червями, куча какихъ-то странныхъ предметовъ...

Марсіаль Вейдреннъ лежитъ въ традиціонномъ альковѣ, завѣшенномъ обрывкомъ красной саржи. Шумъ разбудилъ его, и онъ поворачиваетъ къ дѣвушкѣ свое лицо, исхудалое, блѣдное, черное отъ плохо подстриженной бороды... И спрашиваетъ:

— Что они съ тобой сдѣлали?

— Но... ничего...

Зачѣмъ же она пришла, если ей не нужно ни помощи, ни вознагражденія за ея трудъ? Больной никакъ не можетъ взять въ толкъ... Старикъ, усѣвшійся на стулъ, даже не любопытствуетъ. Огромная косматая борода, выросшая ошейникомъ вокругъ его лица, придаетъ ему видъ двуногаго звѣря.

Фортунада чувствуетъ себя оторванной отъ міра, отданной на произволъ этимъ двумъ отверженцамъ, о которыхъ она знаетъ только, что они грубы и несчастны. Конечно, рядомъ съ этими двумя Фошъ, Бюнейль и даже Шабрилья кажутся цивилизованными людьми и христіанами...

Молодая дѣвушка подходитъ къ кровати.

— Вамъ не хуже, Вейдреннъ? Когда походишь немного за больнымъ, хочется узнать, какъ онъ поправляется... Вотъ, я и пришла... просто такъ...

— Ты хорошая дѣвушка, Фортунада. Что же ты не присядешь?

Она оглядывается, гдѣ присѣсть.

— Отецъ, дай же дѣвчонкѣ стулъ, да согрѣй вина. Мы напоимъ тебя, дѣвушка, теплымъ виномъ. Ты такая блѣденькая.

Старикъ поднимается со стула, идетъ за бутылкой, за стакаиомъ. Фортунада стѣсняется и не рѣшается отказаться отъ вина, котораго она не любитъ. Она знаетъ, что деревенская учтивость этого не допускаетъ.

Усѣвшись, она спрашиваетъ:

— Можетъ быть, у васъ чего-нибудь недостаетъ?.. лѣкарствъ?.. бѣлья?..

— О, намъ многаго не хватаетъ. Но что подѣлаешь... коекакъ обходимся... И потомъ со мной отецъ... Онъ знаетъ разныя

хорошія травы—и слова... О, онъ много народу вылѣчилъ на своемъ вѣку... Въ былое время къ нему приходили и изъ Шамбере, и изъ Аржанта, со всѣхъ концовъ департамента... Болѣзнь печени, легкихъ, водянку въ животѣ—отецъ все лѣчилъ; на все у него было слово... Да вотъ, не далѣе какъ сегодня вечеромъ, онъ заговорилъ мою лихорадку... Когда ты заболѣешь, ты позови его... такъ, чтобъ никто не зналъ... Онъ придетъ къ тебѣ—къ тебѣ-то онъ придетъ. Только другимъ не говори... А то, если докторъ узнаетъ, съ отца взыщутъ штрафъ, по суду... Охъ, ужъ этотъ мнѣ докторъ!..

Онъ грубо выругался.

— Что ему тутъ у насъ понадобилось? Пріѣхалъ шпіонить. Ну, я его и выставилъ за дверь. Онъ своимъ наушничаньемъ и лганьемъ отбилъ у отца всѣхъ больныхъ.

— Вы слишкомъ много разговариваете, Марсіаль Вейдреннъ... Ваша лихорадка, видно, плохо заговорена... Молчите же... Вы, старый, скажите ему, чтобъ онъ замолчалъ.

Старикъ качаетъ головой, и беззубый ротъ его что-то бормочетъ на мѣстномъ нарѣчіи въ косматую грязную бороду... Прежде онъ былъ силой, вліятельнымъ человѣкомъ въ этомъ краѣ... Но съ тѣхъ поръ какъ онъ погасилъ свою кузницу и пересталъ заниматься своимъ ремесломъ колдуна и костоправа, мозгъ его одеревенѣлъ, и языкъ отвыкъ говорить, среди вѣчнаго одиночества...

Фортунада понемногу набирается храбрости.

— Ну вотъ, теперь вы успокоились... Отвѣчайте мнѣ, только не громко... Что ваша нога? Болитъ?

— Посмотри.

Онъ хочетъ откинуть одѣяло — и останавливается на полдорогѣ, какъ будто ему въ первый разъ въ жизни стало стыдно женщины...

— Нѣтъ... не стоитъ... больно ужъ она некрасива...

— Вамъ бы надо въ больницу... Здѣсь вамъ неудобно лежать, и вообще неудобно. И у старика вашего нѣтъ прежней силы...

Вейдреннъ отрицательно качаетъ головой. Молодая дѣвушка подходитъ еще ближе... касается своей блѣдной рукой костлявой руки съ широкими лопатообразными пальцами; оправляетъ куртку на больномъ, взбиваетъ небольшой соломенникъ, замѣняющій подушку...

— Бѣдный...—говоритъ она.

Она не знаетъ завѣтныхъ словъ, цѣлящихъ; она принесла

Вейдренну только себя, свое мужество, свое присутствіе и состраданіе. Но ея улыбка — лучшее средство отъ лихорадки, чѣмъ докторскія лѣкарства и колдовской наговоръ.

Больному не совсѣмъ ясно, зачѣмъ она пришла; но ея приходъ льститъ ему, быть-можетъ трогаетъ его, будитъ въ немъ уцѣлѣвшую искорку смутной потребности въ обществѣ себѣ подобныхъ. Какъ въ истомъ дикарѣ, въ немъ живетъ первобытный инстинктъ гостепріимства, и онъ не хочетъ отпустить гостью, не накормивъ и не напоивъ ее, не заключивъ съ нею, при посредствѣ общей трапезы, нѣчто въ родѣ союза, безмолвнаго договора...

Онъ бормочетъ:

— Погоди минутку... Ты простудишься на смерть, если уйдешь не согрѣвшись. Вино теплое... Выпей...

Молодая дѣвушка обмакиваетъ губы въ чашку, поданную ей старикомъ. Вино горячей волной ударяетъ ей въ голову; щеки ея горячи, какъ хлѣбъ, только-что вынутый изъ печи; черные глаза застилаетъ какой-то туманъ, мѣшающій видѣть ясно.

— Крѣпкое у васъ вино... И жжетъ какъ во рту.

— Ничего, это полезно... Скажи, ты придешь еще?

— Приду, если вы мнѣ позволите ходить за вами, Марсіаль Вейдреннъ, и не будете говорить дурно о моихъ друзьяхъ... Меня это обижаетъ... Должны же вы это понять.

— Я вовсе не хочу обижать тебя...

— Ну, такъ до свиданья. Добрый вечеръ!

— Добрый вечеръ... Отецъ, ты бы проводилъ ее...

— Нѣтъ, нѣтъ... Я не боюсь...

— Проводи ее, отецъ... Дороги тутъ не безопасны... Дѣвушка же еще такая молоденькая.

— Богъ защититъ меня—на все Его власть...

— Ну, какъ знаешь... Ежели не хочешь... Насчетъ Господа Бога я, ты знаешь...

И вотъ она опять одна, во мракѣ... На дворѣ темень, ночь... Старый Вейдреннъ проводилъ ее всего до перекрестка. И вдругъ ей становится жутко: сердце упало, ноги подкашиваются.

Она видитъ передъ собой берлогу Вейдренновъ, безмолвнаго старика, собакъ, коптящую лампу и мужчину, лежащаго въ растяжку на соломенномъ матрацѣ... Страхъ, отвращеніе, тайная тревога стыдливости, угрызеніе за то, что пришлось солгать матери—бѣдная Фортунада жестоко страдаетъ.

— Что бы сказали мама, и мадемуазель Дениза, и мосье Кайроль?..

Она думаетъ и о томъ, что Вейдреннъ ужасенъ.

— Но онъ такой несчастный... Надо же, чтобы хоть одинъ добрый человѣкъ поговорилъ съ нимъ ласково, разсудительно, дружески, какъ миссіонеры говорятъ съ язычниками и съ китайцами... Можетъ, онъ и перемѣнится...

Снова навязчивая мысль:

— Какъ хорошо было бы спасти эту заблудшую душу!

VIII.

Конецъ февраля былъ испорченъ метелями; но потомъ холода спали, и въ теченіе двухъ долгихъ недѣль горные хребты и долины исчезали подъ смутной цѣпью непрерывныхъ ливней. Весенній дождь—другъ земледѣльца, размягчающій пересохшую, твердую землю, дождь, подъ которымъ всходитъ, рядомъ съ черными жирными бороздами свѣже-вспаханныхъ полей, яркая зелень озимей. Почки уже совсѣмъ налились, крупныя и твердыя; грушевыя деревья съ первыми солнечными днями сулили обильный урожай блѣдно-палеваго нѣжнаго цвѣта. Пастухи уже слышали кукушку въ лѣсу. На особенно низкихъ мѣстахъ уже попадались сморчки. Зима плакала оттого, что ей не хотѣлось умирать; весна плакала оттого, что ей не хотѣлось родиться.

Жизнь полей шла своимъ чередомъ, упорно и терпѣливо; но жизнь селеній какъ бы замерла, пріютилась въ домахъ, гдѣ огонь зажигали рано, какъ въ январѣ, такъ какъ подъ тяжелымъ, нависшимъ, пасмурнымъ небомъ и незамѣтно было, что дни прибываютъ. Собравшись по двѣ, по три, кумушки сокрушались, что выходитъ много керосина, и бѣлье плохо сохнетъ. Малѣйшій шумъ на улицѣ превращался въ событіе...

Черезъ правильные промежутки времени появлялись мясникъ, булочникъ, почтальонъ, Марселина отъ г. кюрэ, Франсунетта отъ Кайролей. Эта послѣдняя останавливалась то тамъ, то сямъ поболтать съ сосѣдками.

— А, Франсунетта!.. Что, идете къ Брандунихѣ?.. Ну, какъ вашъ парижанинъ?

— Все такъ же.

— А барышня ваша?.. Что это она совсѣмъ не показывается?.. Дождя стала бояться... Небось, въ прошломъ году не боялась—надѣнетъ, бывало, галоши и плащъ съ капюшономъ и идетъ поболтать съ учительницей, или барышней, что на почтѣ сидитъ.

— Некогда ей теперь гулять, бѣдняжкѣ. И на полчаса не выйти... Этотъ парижанинъ совсѣмъ какъ ребенокъ маленькій... Теперь около него весь домъ на цыпочкахъ ходитъ.

Женщины восклицали:

— Ну что жъ, если онъ хорошо платитъ, то имѣетъ право требовать...

— Онъ, говорятъ, очень богатый...

— Еще бы не богатый! — поддакивала Франсунетта. — Еще бы не богатый... Ахъ, милыя вы мои... посмотрѣли бы вы у него на столѣ духовъ-то, духовъ — и все въ такихъ флаконахъ, съ выкрутасами да съ серебряными пробками... А бѣлье — я такого красиваго да тонкаго и не видывала... Еще бы не богатый!

— Ну, какъ онъ тамъ ни богатъ, всетаки не желала бы я быть на его мѣстѣ.

— Здорово они отъ него поживятся, Кайроли-то... Еще, чего добраго, дочкѣ всѣ свои деньги оставитъ по завѣщанію — изъ благодарности.

— Не надо такъ говорить — унимала ихъ нѣсколько задѣтая служанка. — Понятное дѣло, еслибъ онъ свои деньги завѣщалъ барышнѣ, онъ бы нехудо сдѣлалъ — она того стоитъ — но барышня ходитъ за нимъ не изъ корысти...

— Что же — можетъ быть изъ любви къ нему?

— Господи помилуй! Да вы его видѣли?

— Ну, такъ что жъ, христіанскаго милосердія ради, что-ли?

— Мадемуазель Дениза не набожная, сами знаете... Вы, бабочки милыя, это все такъ смѣха для говорите... Ну, прощайте, милыя, заболталась я съ вами.

— Прощай, Франсунетта!

Крѣпко стянувъ голову бѣлымъ чепцомъ, прикрывъ сгорбленную спину трикотовой пелериной, въ черной короткой юбкѣ, изъ-подъ которой видны толстые синіе чулки, старуха шла, постукивая деревянными сабо. Вотъ и почта... Тукъ, тукъ! Кто-то стучитъ въ окно; занавѣска приподнимается... Барышня съ почты дѣлаетъ ей знакъ остановиться. Пріотворила окно.

— Какъ поживаетъ Дениза?

— Ничего, слава Богу!.. Только занята очень, бѣдная барышня.

— А молодой человѣкъ?

— Какъ Богъ смилуется... День хорошо, два худо.

— Это грустно... Соскучилась, должно быть, Дениза, ухаживая за нимъ?

— Чего веселаго — при больномъ сидѣть!

— Ну, прощайте, Франсунетта.

— Прощайте, мадемуазель Мюрэ.

А по вечерамъ съ почты стучали въ окошко Фортунадѣ, возвращавшейся домой, и кумушки накидывались на нее съ расспросами: что за человѣкъ этотъ парижанинъ? пригожъ ли собой?.. есть ли у него родные?.. какъ его лѣчитъ докторъ — такъ ли, какъ бѣдняковъ, или иначе...

Швея кротко отвѣчала:

— Не знаю... я его и не вижу...

Она работала то въ замкѣ, то у Кайролей, но никогда ничего не знала о людяхъ и порядкахъ въ домѣ, потому ли, что отъ природы была скрытная и не хотѣла сплетничать, потому ли, что жила своей особой жизнью, внутренней, наполненной молитвой и размышленіемъ... Ея набожность и религіозное усердіе не убавлялись; но молодость ли брала свое, или докторское лѣченіе шло въ прокъ — только дѣвушка немного поправилась и порозовѣла. Она уже не была такой унылой, научилась улыбаться, казалась болѣе уравновѣшенной и довольной жизнью. Мать ея приписывала это хинину и пилюлямъ, сама же Фортунада говорила, что вся ея болѣзнь зимой была отъ страха, какъ бы ее насильно не выдали замужъ, и что она мигомъ поправилась, какъ только къ ней перестали приставать съ Ліонассу.

Докторъ Кайроль былъ того же мнѣнія: онъ стоялъ за то, чтобы молодежь женилась и выходила замужъ, но не изъ-подъ палки, не насильно... Порою онъ подшучивалъ и надъ тетушкой Бранду: Фортунада—говорилъ онъ,—расцвѣла потому, что влюбилась. Трактирщица разводила руками.

— Да въ кого же, милый баринъ?.. Она вѣдь нигдѣ не бываетъ: танцы ненавидитъ, нарядовъ не любитъ и до сихъ поръ плачетъ, какъ вспомнитъ о своемъ монастырѣ... Нѣтъ, нѣтъ... Она еще совсѣмъ ребенокъ. Она до смерти боялась, какъ бы я ее не принудила выйти за Ліонассу... Можетъ, это и правда, что она стала поправляться, какъ только у нея прошелъ страхъ... Но влюбиться—гдѣ ей!.. Дѣвчонка, которая причащается каждое воскресенье...

— Въ такомъ случаѣ, господинъ кюрэ знаетъ правду, которой не знаете вы, мамаша. Я бы обидѣлся, будь я на вашемъ мѣстѣ...

— Развѣ про своихъ дѣтей когда-нибудь что-нибудь знаешь, докторъ? Вотъ хоть бы ваша барышня, мадемуазель Дениза, и красавица, и умница, и образованная — а развѣ вы ее знаете?

— Еще бы! Вѣдь у нея, слава Богу, нѣтъ духовника. Кого же ей взять въ друзья, какъ не меня?!

Брандуниха качала головою съ гладко прилизанными волосами, запрятанными подъ круглую сѣтку.

— Родители — это уже не друзья; это — родители. А дѣти, господинъ докторъ — ахъ, сколько отъ нихъ горя натерпишься!.. Вы посмотрите на мою Фортунаду... Вы думаете, я радуюсь, что она набожная... Отъ ея набожности мнѣ еще больше заботы, чѣмъ отъ кокетства младшей дочки... А Мадалуна! Всего пятнадцать лѣтъ, а спитъ и видитъ, какъ бы на балу потанцовать... Вы, разумѣется, другое дѣло. Вамъ — счастье. Мадемуазель Дениза — это ангелъ... и красавица... и умница... Говорятъ, она, какъ настоящая сестра милосердія, ухаживаетъ за вашимъ жильцомъ...—Въ маленькихъ глазкахъ трактирщицы свѣтилось живѣйшее любопытство.—Что же, онъ поправляется, вашъ молодой человѣкъ?

— Скоро встанетъ съ постели.

— Да что вы!.. Вотъ что значитъ образованность, господинъ докторъ... Значитъ, вы его-таки поставили на ноги.

Жанъ Фавьеръ въ первый разъ всталъ съ постели наканунѣ того дня, когда ждали его мать. То былъ одинъ изъ тѣхъ теплыхъ мартовскихъ дней, когда вдругъ повѣетъ весной, и солнце ярко свѣтитъ въ окна, и дѣвушки, уставъ шить, ослѣпленныя свѣтомъ, бросаютъ иглу, и забываютъ подбросить дровъ въ топящуюся печку.

Франсунетта, разыгрывавшая изъ себя бабушку, помогла ему одѣться, и, когда Жанъ уже стоялъ, держась за спинку кресла и чувствуя, что у него подкашиваются ноги, кликнула Денизу:

— Барышня... Барышня...

И Дениза, наконецъ, получила разрѣшеніе войти. Она даже вскрикнула... Какая перемѣна! Да его едва можно узнать... Она уже не смѣетъ говорить съ нимъ по прежнему, какъ старшая сестра... Онъ даже какъ будто выросъ.

Жанъ разсмѣялся и долженъ былъ сознаться, что онъ и самому себѣ кажется выросшимъ, необычайно длиннымъ и тонкимъ въ этомъ платьѣ, которое стало ему слишкомъ широко.

— Мама ужаснется, увидавъ меня.

— Она будетъ счастлива, что вы, наконецъ, встали. Вотъ, еслибы она пріѣхала мѣсяцъ тому назадъ, ей было бы грустно видѣть васъ такимъ.

— А всетаки я предпочелъ бы, чтобъ она пріѣхала мѣсяцъ

тому назадъ... Но у ея сына была краснуха, а мадамъ Фабръ не любитъ оставлять своего сына одного.

Онъ говорилъ: „ея сына“, вмѣсто: „моего брата“, и Дениза явственно слышала въ его голосѣ нотки мучительной зависти, каждый разъ, какъ онъ упоминалъ о второмъ мужѣ, о второмъ ребенкѣ своей матери.

— Сядьте вотъ здѣсь у окна.

— У меня кружится голова... Какъ я, однако, ослабѣлъ... еле стою на ногахъ.

— Ничего, къ завтрашнему дню будете совсѣмъ молодцомъ,— ободряла его Франсунетта.—Дайте, я вамъ подушечку подложу подъ спину—такъ вамъ будетъ удобнѣе... И ноги надо укрыть одѣяломъ...

Дениза поставила возлѣ молодого человѣка маленькій столикъ и положила на него книги и газеты, присланныя съ послѣдней почтой г-мъ Лапейри; потомъ принесла стаканъ оранжада и сахарницу.

Жанъ застегнулъ свою куртку изъ мягкой шерстяной матеріи и перевязалъ широкій галстухъ, скрывавшій его худую, жилистую шею. Онъ утомился, но это была пріятная усталость. Еще пріятнѣе была заботливость этихъ двухъ женщинъ, казалось, существовавшихъ только для того, чтобы заботиться о немъ, развлекать его и служить ему. Онѣ дѣлали все это такъ весело и добродушно, что Жанъ Фавьеръ иной разъ говорилъ себѣ:

— Онѣ—сидѣлки по призванію, и это замѣняетъ имъ материнство... Моя комната — ихъ царство, и моя слабость даетъ имъ радость чувствовать себя сильными... Онѣ забываютъ, что мнѣ уже двадцать три года, а я вновь становлюсь ребенкомъ, чтобъ доставить имъ удовольствіе баловать меня...

И наивно добавлялъ:

— Мнѣ повезло... Какое счастье, что еще есть такія женщины!.. Я думалъ, что эта порода совсѣмъ перевелась...

Онъ и не могъ думать иначе, такъ какъ въ сущности не зналъ женщинъ, а зналъ только мимолетныхъ подругъ мимолетнаго увлеченія, которымъ для счастья достаточно подарка и поцѣлуя. Эгоизмъ этихъ очаровательныхъ созданій въ былое время нимало не смущалъ его. Онъ бралъ отъ нихъ лишь то, что давалъ имъ самъ: красивыя слова, милыя ласки и, въ день разлуки, напускную, но лестную грусть.

Потомъ, онъ полюбилъ Жюльетту Ремонъ, кокетливую, чувственную и трусливую. Но пришли черные дни, и угроза смерти обратила въ бѣгство и друзей, и возлюбленную. Тогда въ душѣ

Жана проснулась острая потребность въ женской нѣжности иного рода: въ привязанности не любовницы, а жены или матери, привязанности, которая не видитъ физическаго безобразія, не знаетъ отвращенія и льется прямо изъ сердца женщины, какъ льется молоко изъ ея груди.

Живя между Денизой и Кайролемъ, относившимися къ нему какъ къ брату и сыну, Фавьеръ съ умиленіемъ и восторгомъ дышалъ этой атмосферой семьи, гдѣ два существа, жившія другъ для друга и вмѣстѣ для другихъ, гдѣ и богатство, и высшая эстетическая культура, и общественныя развлеченія—все замѣнялось взаимною преданностью, заботой другъ о другѣ, интеллигентностью и желаніемъ сохранить и упрочить свое счастье. Тѣсная общность идей, а нерѣдко и поступковъ, сглаживала здѣсь разницу пола и возраста. Отецъ и дочь были прежде всего друзьями. Съ каждымъ днемъ передъ Жаномъ выростали, обрисовывались опредѣленнѣе и привлекательнѣе эти два прекрасныхъ образа, неразлучныхъ съ его мыслью, какъ и съ его изголовьемъ, — образы мужественной доброты и женственной нѣжности. Живя съ ними, онъ самъ становился проще и чище; въ немъ гасли его необузданныя, больныя желанія и сожалѣнія, не вполнѣ заглушенныя гордостью; безъ усилій, онъ становился такимъ, какимъ былъ отъ природы—искреннимъ и правдивымъ.

Перев. съ франц. З. Журавская.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ГОДЕНЪ КЪ ВОЕННОЙ СЛУЖБѢ!

Жоржа Экоута [1]).

I.

Бѣдная Барбель Горъ!..

Францъ, ея славный мальчикъ, зѣница ея ока, настоящее біеніе ея сердца, уже съ недѣлю уѣхалъ въ гарнизонъ, далеко отъ деревни, отъ родины,—затерянный, увезенный туда, въ очень большой городъ!..

Бѣдная простая женщина не можетъ свыкнуться съ этимъ фактомъ; каждое утро, вставая раньше всѣхъ, она, какъ и прежде, взбирается на чердачокъ, гдѣ спалъ ея сынъ. Она убѣждается въ его отсутствіи только тогда, когда ощупываетъ приготовленную постель, начиная съ изголовья до самыхъ ногъ, и ищетъ напрасно подъ одѣяломъ его мускулистую руку, которую она всегда трясла, но не слишкомъ сильно, изъ опасенія сдѣлать больно—точно это было возможно!—здоровому, какъ дубъ, молодцу. Ахъ, кроткое божеское созданіе!

— Здравствуй, мама!

Что̀ стало съ этимъ голосомъ столь любимаго молодца!

Какъ онъ медлитъ вытянуться, обнять ее за шею!

Между тѣмъ его одежда плотника, его куртка и его бар-

[1]) Ж. Экоутъ—одинъ изъ видныхъ представителей бельгійскаго натурализма. Изображая типы бродягъ, „бывшихъ людей“, подонки общества, Ж. Экоутъ въ своихъ произведеніяхъ описываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, безплодную, песчаную мѣстность—Кампину,—съ ея грубымъ, невѣжественнымъ народомъ, нравы, обычаи котораго онъ рисуетъ съ большимъ талантомъ.

хатные панталоны, его передникъ изъ сѣраго полотна, его мягкая фуражка, лежатъ на стулѣ, у изголовья, точно онъ только-что ихъ снялъ. Но запахъ смолы и воска, которымъ были пропитаны эти вещи, немного вывѣтрился за прошедшую ночь; складки, обрисовывавшія его тѣло, скоро исчезнутъ; настанетъ день, когда мать, втягивающая въ себя запахъ отъ этихъ одеждъ, точно ладанъ, и цѣлующая ихъ, какъ реликвію, не найдетъ въ нихъ больше слѣда дорогого отсутствующаго!

Послѣ приступа глубокой грусти, она, наконецъ, рѣшается спуститься.

Она разводитъ огонь, приготовляетъ кофе. Вскорѣ вода закипаетъ въ чайникѣ. Подъ звуки этой музыки и подъ дѣйствіемъ вкуснаго аромата кофе, иллюзія снова увлекаетъ ее.

Вотъ она наливаетъ столько кипятку, точно ей надо было приготовить и его долю! Она нарѣзаетъ кусочки хлѣба, изъ которыхъ три большихъ, предназначенныхъ для Франца, она кладетъ возлѣ его чашки. Она наполняетъ также и его жестяную бутылку, которую онъ обыкновенно уноситъ съ собой, надѣвая ее черезъ плечо, когда идетъ на работу. Затѣмъ она ждетъ, прислушивается къ обычной сутолокѣ. Ничего не слышно! Вся семья продолжаетъ спать надъ ея головою. И, въ концѣ концовъ, пустота становится столь очевидной, что заставляетъ ее вздрогнуть, точно шумъ взрыва.

— Бѣдная я! Гдѣ были снова мои мысли? Развѣ онъ не ушелъ?..

Ахъ, Францъ! Францъ!

Бутылка падаетъ изъ ея рукъ. Одинокая, она опускается на стулъ возлѣ очага; слезы катятся вдоль ея словно пергаментныхъ щекъ, прямо къ ней въ чашку.

II.

У нея остались еще и другія дѣти, но почему природѣ захотѣлось, чтобы этотъ сынъ былъ ея любимцемъ? Она любитъ его сильнѣе не только трехъ старшихъ сыновей, четырехъ чудесно сложенныхъ дочерей, но она обожаетъ не такъ сильно своихъ двухъ совсѣмъ маленькихъ дѣтей: маленькаго Рупа, красиваго мальчика, который долженъ скоро идти къ первому причастію, и маленькую Да, семилѣтнюю блондиночку. Барбель Горъ почти легко относилась къ тому, что старшія дѣти, одинъ за другимъ, уѣзжали въ Антверпенъ, гдѣ юноши становились учe-

никами въ мастерскихъ, а дѣвочки поступали въ услуженіе. Многіе изъ нихъ вступали въ бракъ, но и это событіе не производило на нее впечатлѣнія. Не смотря на новыя заботы, они продолжали помнить о матери и посылать ей часть своего жалованья или заработной платы. Это хорошія, честныя дѣти, на которыхъ съ завистью смотрѣли другіе старики и горячо любили бы ихъ, а мать любитъ ихъ столько, сколько надо, безъ преувеличенія, вполнѣ разумно.

Какъ большинство ей подобныхъ бѣдняковъ, старуха Горъ слѣдовала своимъ инстинктамъ и побужденіямъ, никогда не задумываясь надъ ними. Все, что она знаетъ о причинахъ ея предпочтенія Франца другимъ дѣтямъ, это — то, что мальчикъ такъ похожъ на покойнаго отца!

Существуютъ и другіе мотивы для этой сильной привязанности, которые она иногда невольно улавливаетъ. Она отдается во власть своему чувству, подобно тому, какъ менѣе простыя души испытываютъ иногда очарованіе какой-нибудь музыки или какого-нибудь аромата, не имѣя понятія объ инструментѣ или цвѣткѣ, его возбуждающемъ.

Барбель была дочь заготовщика деревянныхъ башмаковъ изъ Ранста, эгоиста и скупца, который умеръ, позволивъ ей выбрать себѣ мужа по вкусу—простого возчика, служившаго у торговца лѣсомъ. Они начали обрабатывать землю, наняли ферму въ Кесселѣ, возлѣ Ліерра. Они могли бы разбогатѣть, но у нихъ было слишкомъ много дѣтей.

Жена, жгучая брюнетка, имѣвшая въ своихъ жилахъ капли той испанской крови, которую насильно вводили потомки войскъ герцога Альбы и Фарнезе въ свѣтлое и покойное сложеніе фламандцевъ изъ Кампины, не руководила своимъ мужемъ; напротивъ, она наслаждалась имъ, какъ хлѣбомъ. Она такъ же часто возвращалась къ алькову, какъ и къ квашнѣ, утоляя свой голодъ.

Фрерикъ Горъ былъ храбръ въ работѣ; онъ много трудился для своихъ малышей. Однажды добрый работникъ испыталъ что-то въ родѣ удара; онъ упалъ на полѣ, позади плуга, точно пораженный ударомъ бича по затылку. Необычайное мычаніе его быковъ возбудило тревогу. Рабочіе отнесли его на ферму, гдѣ волненіе окружающихъ продолжалось, пока онъ не пришелъ въ себя. Не понимая ничего въ этомъ предостереженіи, Фрерикъ, такой здоровый, первый засмѣялся надъ своимъ паденіемъ. Но нѣсколько времени спустя, однажды утромъ, вставъ съ постели,

онъ почувствовалъ себя нехорошо, и при кашлѣ, вмѣсто мокроты, у него показалась кровь.

На этотъ разъ, сильно взволнованная Барбель послала за докторомъ въ Ліерръ. Осмотрѣвъ больного, еще очень слабаго, и распросивъ жену, докторъ прописалъ имъ строгое воздержаніе. Случай съ ея мужемъ не безнадеженъ, говорилъ онъ хозяйкѣ, но она должна давать ему покой ночью, если она не хочетъ, чтобы онъ улегся навсегда тамъ, въ тиши колокольни. Барбель была немало удивлена. Она знала нѣкоторыхъ живыхъ людей, которые увядали съ тоски, потому что ихъ не любили, но она никогда не повѣрила бы, что можно было умереть отъ силы любви!

Францу, ея младшему ребенку, было тогда около десяти лѣтъ. Барбель обѣщала себѣ, что этотъ ребенокъ будетъ послѣднимъ. Къ тому же обработка полей ничего не приносила. Изъ-за болѣзни Фрерика надо было покинуть ферму, нанять лачужку, открыть лавочку въ деревнѣ, обработывая только часть земли подъ картофель.

Между тѣмъ Фрерикъ поправлялся; его лицо снова стало, какъ прежде, красивымъ, живымъ, и онъ снова принялся за работу, какъ поденщикъ у равныхъ ему крестьянъ. Въ то же время его страстный темпераментъ снова предъявлялъ свои требованія. Барбель было нелегко оставаться холодной къ этому воскресающему человѣку, который, опечаленный ея отказомъ, раздражалъ ее взглядомъ, полнымъ мольбы и обѣщаній.

Фрерикъ не зналъ того, что̀ сказалъ докторъ его женѣ.

Однажды, когда онъ крѣпко ее обнялъ и былъ разсерженъ, что она все еще отстраняется, онъ хотѣлъ приневолить ее, но она со слезами разсказала ему обо всемъ. Онъ сталъ смѣяться надъ ней и убѣждать ее, что докторъ, хитроумный городской житель, захотѣлъ позабавиться надъ ними.

У нихъ явились новыя дѣти: маленькій Рупъ, затѣмъ крошка Да. Послѣдней было нѣсколько мѣсяцевъ, когда однажды вечеромъ, въ апрѣлѣ, у Фрерика Гора, вернувшагося съ полевой работы, появились тревожные симптомы. Онъ не позволилъ своей женѣ бѣжать въ ту же ночь въ Ліерръ. На другой день докторъ сказалъ, что онъ безнадеженъ. Увидавъ двухъ крошекъ въ углу комнаты, онъ не могъ сдержаться и сказалъ матери, указывая на нихъ: „Эти маленькія ручки вырыли землю, чтобы закопать вашего мужа!“

Черезъ два дня Фрерикъ скончался.

Несчастная рѣшила пережить его, но никогда не простила себѣ, что не послушалась доктора.

Ея Францъ снова привязалъ ее къ жизни. Вспоминая постоянно образъ лучшаго изъ людей, она снова нашла его въ этомъ ребенкѣ, особенно въ юношескомъ возрастѣ, когда онъ необычайно напоминалъ покойнаго отца.

Ей казалось, что она снова видитъ передъ собою живого возчика, съ пѣсенкою на устахъ, щелкающаго хлыстомъ, какимъ она ждала его на большой дорогѣ, когда онъ возилъ лѣсъ въ городъ. Это были тѣ же черные волосы, каріе глаза, большой ротъ, рѣзкій четырехугольный подбородокъ, толстыя щеки, какъ у Фрерика Гора. Мальчикъ отличался искренностью, живостью, храбростью, добрымъ сердцемъ, какъ и его отецъ. Францъ унаслѣдовалъ отъ отца откровенность, приступы веселья, пристрастіе къ шуткѣ. Сыну доставляло удовольствіе, какъ когда-то отцу, шутить съ доброй женщиной, перевертывать все хозяйство вверхъ дномъ, приставать къ матери, какъ надоѣдливая муха. За столомъ онъ прикидывался, что недоволенъ ѣдой, находилъ похлебку пригорѣлою, объявлялъ картофель недовареннымъ. Каждый разъ она вѣрила ему на слово, старалась оправдываться, защищать свою стряпню. Часто она дѣлала видъ, что сердится, и гналась за дорогимъ шалуномъ. Не имѣя силъ его догнать, она бросала въ него метлой, крышками отъ кострюлекъ, но всегда старалась не попасть въ него. Въ глубинѣ души она радовалась этой сутолокѣ; она благословляла своего преслѣдователя, забавляла его своимъ смѣшнымъ гнѣвомъ; если онъ оставался спокойнымъ, она начинала бояться.

Вечеромъ онъ передавалъ ей новости, услышанныя въ мастерской и на улицѣ. Онъ придумывалъ необычайныя исторіи и заставлялъ добрую женщину, падкую на сплетни, вѣрить цѣлой серіи все болѣе и болѣе невѣроятныхъ вещей, пока какая-нибудь слишкомъ колоссальная ложь или смѣхъ, котораго мистификаторъ не могъ удержать, наконецъ объясняли ей все.

Теперь всего этого недоставало Барбель! Домъ сталъ печальнымъ, какъ послѣ смерти хозяина. Ахъ, этотъ рекрутскій наборъ!

III.

Она ничего не пропустила, однако, чтобы умилостивить Бога и святыхъ въ день, когда ему надо было тянуть жребій. За годъ передъ тѣмъ, на Троицу, она ходила вмѣстѣ съ Францемъ съ процессіей ихъ села въ Монтэгю. Позднѣе, при приближеніи

рокового дня, она заказала девятидневную службу въ церкви Ліерра. Утромъ въ памятный день, когда онъ, взволнованный и блѣдный, отправился въ общинную школу, она надѣла, по обычаю, ему на шею свой наплечникъ, освященныя четки на правую руку и положила въ карманъ его куртки и панталонъ цѣлый арсеналъ амулетовъ: грибъ, сорванный въ ночь на праздникъ святыхъ младенцевъ, зубъ черной кошки, каштанъ, на которомъ пастухъ Польсъ, извѣстный колдунъ, вырѣзалъ ножемъ, за нѣсколько ліардовъ, серію кабалистическихъ цифръ, предназначенныхъ для полученія счастливаго номера. Дѣйствительно, она ничего не упустила. Когда же она жаловалась этому вору Польсу на неуспѣхъ его талисмановъ, онъ упрекалъ ее въ томъ, что она смѣшала религіозные пріемы съ тѣми, которые осуждаетъ священникъ, такъ какъ нельзя прибѣгать одновременно къ святымъ и къ демонамъ.

Францъ вытянулъ одинъ изъ самыхъ низкихъ номеровъ, столь же безнадежный, какъ и ихъ положеніе.

Она пыталась получить освобожденіе несчастнаго, указывая на то, что она вдова и что этотъ мальчикъ ее кормитъ; но, какъ всегда, нашлись услужливые люди изъ ея села, не менѣе ретиво оспаривавшіе своихъ сыновей у казармъ и открывшіе вербовщикамъ, что у вдовы остаются другія дѣти.

Тогда она придумала выставить мотивы здоровья. Докторъ изъ Ліерра согласился подтвердить письменно, что отецъ Франца умеръ отъ худосочія. Это было не совсѣмъ такъ, но, раскаиваясь въ суровыхъ словахъ, произнесенныхъ когда-то у постели Фрерика Гора, добрый докторъ допустилъ небольшой обманъ.

Къ несчастью, малый былъ такъ превосходно сложенъ, какъ бываетъ еще только въ Кампинѣ. Когда его ввели изъ комнаты, гдѣ онъ раздѣлся, вмѣстѣ съ другими рекрутами, въ залу совѣта, онъ произвелъ сенсацію. Члены воинскаго присутствія радовались удачѣ: нашли, наконецъ, настоящаго солдата. Не считаясь съ его изумленіемъ, его смущеніемъ, когда онъ очутился голымъ, какъ червякъ, передъ этими разукрашенными людьми, они грубо шутили, поворачивали его нѣсколько разъ въ разныя стороны, ощупывали, мѣрили, взвѣшивали, осматривали съ головы до ногъ, затѣмъ похлопали его по плечу и объявили, что онъ годенъ къ военной службѣ! Онъ собрался съ духомъ и просилъ ихъ разсмотрѣть его просьбу объ освобожденіи. Они много смѣялись надъ этимъ требованіемъ. Но, хорошо настроенные, они позволили ему снова одѣться и отправиться за бумагою. Когда они познакомились съ нею, они чуть

не померли со смѣха. Этому широкоплечему, толстощекому человѣку грозитъ чахотка! Съ такою грудью! Какая шутка! Собратъ смѣялся надъ ними. Наборщики рекрутовъ никогда не пробовали лучшаго мяса.

Годенъ къ военной службѣ! Францъ вернулся очень опечаленный, въ особенности при мысли о матери. Онъ завидовалъ Бальду Винку, молодцу, котораго эксперты осматривали вмѣстѣ съ нимъ, и забраковали изъ-за его рукъ. Этотъ молодецъ имѣлъ расширенныя вены и никогда не хвастался этимъ. Другой молодецъ изъ Кесселя, Тистъ, былъ обязанъ своей свободой грыжѣ. Еще одинъ порокъ, котораго не зналъ сынъ Барбель Горъ и который онъ готовъ былъ разсматривать какъ даръ небесъ.

На другой день онъ долженъ былъ отправиться на сборный пунктъ, въ Бевернъ, гдѣ его подвергли новому тѣлесному осмотру. Затѣмъ съ него сняли мѣрку, внесли его въ списокъ и отослали домой, въ семью, снабдивъ письменнымъ маршрутомъ.

Прошла зима, прошли лѣтніе мѣсяцы. Вдова воображала, что эти важные господа забыли объ ея сынѣ, какъ вдругъ, въ одно октябрьское утро, Францъ, отправляясь на лѣсной дворъ, встрѣтилъ деревенскаго сторожа, который протянулъ ему непонятную бумагу, подписанную бургомистромъ. Ему приказывали немедленно отправиться на сборный пунктъ. Надо было покориться.

Барбель Горъ только имѣла время завязать въ красную тряпку нѣкоторые пожитки и зашить немного денегъ въ шерстяной чулокъ.

Ахъ, утро разставанья! Онъ привязалъ свой узелъ на кончикъ палки, закинутой на плечо. Бѣдная женщина часто вспоминаетъ его, какимъ онъ былъ въ тотъ часъ, съ очень краснымъ, а иногда и блѣднымъ лицомъ, испуганнымъ видомъ, одѣтый въ лучшіе панталоны, чистую синюю матросскую куртку и фуражку, которую онъ носилъ по воскресеньямъ. Она хотѣла, чтобы онъ произвелъ хорошее впечатлѣніе на господъ офицеровъ и не былъ бы смѣшанъ съ бродягами, пойманными въ сѣти рекрутскаго набора одновременно съ сыновьями честныхъ людей.

Она проводила его до Ліерра, хотя онъ и пытался отговорить ее, чтобы уменьшить ея волненіе. „Нѣтъ,—говорилъ онъ,

огорченный, съ заплаканными глазами,—ты можешь лишить меня всего моего мужества"...

Дорогой они останавливались, точно на остановкахъ крестнаго пути, передъ маленькими часовнями, придѣланными къ стволу самыхъ красивыхъ деревьевъ. Она падала на колѣни, начинала молиться, но не кончала, оборачивалась къ сыну, брала его голову въ свои руки и смотрѣла ему въ глаза, какъ будто она никогда его больше не увидитъ; затѣмъ она начинала рыдать.

— Не плачь, мать. Я уѣзжаю не на край свѣта... Я буду проводить время моихъ отпусковъ въ деревнѣ. Вы тоже пріѣдете ко мнѣ туда. Затѣмъ, я буду писать, и Рупъ прочтетъ мои письма,— не такъ ли, Рупъ? Поцѣлуй еще разъ старшаго брата, хитрецъ! И нашъ Рупъ будетъ мнѣ отвѣчать, какъ умный мальчикъ!

И со словами: „не плачь!" онъ имѣлъ такой видъ, точно самъ не могъ справиться со своими слезами. Бѣдная мать снова начинала плакать. Дѣти, вертѣвшіяся возлѣ нихъ, имѣли серьезныя и заинтересованныя лица.

Онъ пытался развеселить ее, какъ въ добрые старые дни, но ничего не выходило. Эта искусственная веселость еще сильнѣе раздирала душу, чѣмъ все остальное; и онъ боялся, что его фальшивый смѣхъ потонетъ въ потокѣ, который поднимался все выше и выше изъ его сердца къ глазамъ. Тогда онъ прибавлялъ шагу, отворачивался, усиливалъ нѣкоторую грубость въ обращеніи: „Скорѣе!.. поспѣшимъ!.. А то я приду слишкомъ поздно!" И ударяя себя по груди кулакомъ, онъ ворчалъ сквозь зубы: „Мужчина ты или нѣтъ, наконецъ?! Тогда не плачь, чортъ возьми!"

Они дошли до города. Улица, ведущая къ вокзалу, была загромождена рекрутами, переходившими, безъ всякой жажды, изъ кабака въ кабакъ. Городскіе и сельскіе жители сходились. У иныхъ на фуражкѣ были пѣтухи и цвѣтныя украшенія, которыми украшаютъ жирныхъ быковъ, предназначенныхъ на бойню, и здоровыхъ молодцовъ, посылаемыхъ въ казарму. Семья Горъ вошла въ одинъ изъ трактировъ, но пиво не шло имъ въ горло.

IV.

Матери, сестры, невѣсты рѣшили, подобно Барбель, не разставаться съ уѣзжающими до послѣдней минуты. Эти женщины смотрѣли другъ на друга съ симпатіей; взаимная жалость охва-

тывала ихъ и онѣ показывали другъ другу взглядомъ того, кого онѣ должны были потерять. По угламъ залы происходили увѣщанія, слышались вздохи, виднѣлись протянутыя руки, глубокіе взгляды. Иногда какой-нибудь рекрутъ, съ обычною жестокостью слишкомъ любимыхъ существъ, дѣлалъ видъ, что раздражается отъ этихъ слезъ, почти не слушаетъ нѣжныхъ совѣтовъ, нервно желая орать вмѣстѣ съ печальными крикунами, которые проходили толпами передъ окнами.

Послѣднія минуты пролетали. Надо было разставаться. Барбель и другія упорныя женщины кинулись впередъ. Прислонившись къ барьеру, онѣ хотѣли видѣть, какъ пройдетъ поѣздъ. Локомотивъ засвистѣлъ. Шествіе началось и приближалось медленно, точно съ трудомъ.

— Вотъ они! Вотъ они!

Ихъ помѣстили въ вагоны. Крики благодарности, призывы скрещивались, не вполнѣ заглушаемые шумомъ машины.

— Францъ! Францъ!

— Мать!

Онѣ смотрѣли, какъ удалялась черная змѣя, и махали платками, даже послѣ того какъ разсѣялась полоска дыма, которую оставило послѣ себя чудовище. Ничего не видно было больше— а онѣ все еще смотрѣли вслѣдъ этому человѣческому грузу, который поѣздъ точно отрѣзалъ отъ ихъ сердецъ!

V.

Вернувшись домой, Барбель становилась даже озлобленной по отношенію къ ближнимъ.

„Ахъ! Зачѣмъ они не были такъ богаты, какъ лавочники изъ Navet d'or, которые хвастали передъ бѣдняками тѣмъ, что откупили своихъ трехъ сыновей".

Вотъ что называется привилегіей!

Чтобы побороть это вовсе не евангельское настроеніе, она пыталась отдаться заботамъ по хозяйству. Въ тотъ самый вечеръ, на другой день, еще на другой день, всѣ дѣла шли коекакъ; Барбель блуждала, какъ потерянная, по дому.

Желаніе снова увидѣть его, настойчивое, мучительное, подобное желанію беременной женщины, охватывало все ея существо. Она увѣряла себя, что она была недостаточно ласкова съ нимъ въ минуту разлуки на вокзалѣ. Она упрекала себя въ томъ, что сказала ему рѣзкое слово наканунѣ отъѣзда, въ ми-

нуту огорченія, во время ихъ нѣжныхъ изліяній. Она могла дать ему еще столько совѣтовъ! Чудесные предлоги приходили ей въ голову: онъ увезъ съ собою только одну пару шерстяныхъ носковъ, онъ можетъ очутиться безъ денегъ, можетъ-быть ему не хватитъ хлѣба!

На седьмой день, не имѣя силъ оставаться на мѣстѣ, она рѣшила во что бы то ни стало увидѣть его. Онъ могъ быть еще на сборномъ пунктѣ, гдѣ, какъ она узнала, рекруты остаются около недѣли. Она быстро собрала новый узелокъ изъ бѣлья и съѣстныхъ припасовъ; Рупъ и Да, бѣгавшіе по пыльной дорогѣ, были вымыты, одѣты однимъ взмахомъ руки, она сама въ свою очередь принарядилась.

— Куда мы отправляемся, мать?

— Въ Бевернъ! Повидаться съ нашимъ Францемъ!

Дѣти не протестовали противъ этого путешествія. Они приплясывали отъ одной мысли, что поѣдутъ по желѣзной дорогѣ.

Видя, какъ Барбель запираетъ на двойной замокъ дверь своей лавочки, сосѣди говорили:

— Смотрите! Старушка Барбель устраиваетъ себѣ отдыхъ!

Кумушки горѣли нетерпѣніемъ спросить ее, зачѣмъ она надѣла свою воскресную шляпу, свой самый чистенькій чепчикъ, свою шерстяную юбку, свой новый черный суконный плащъ? Всегда такая болтливая, она только поздоровалась съ ними, не сходя съ дороги, и прибавила шагу.

Въ Ліеррѣ у нихъ было времени только на то, чтобы взять билеты. Грубые сторожа помогли всунуть эту троицу неопытныхъ путешественниковъ въ вагонъ трѣтьяго класса. Въ первый разъ Барбель рѣшилась подвергнуться опасности этого способа передвиженія. Правда, что ея Францъ подалъ ей уже примѣръ. Рупъ и Да смотрѣли, словно очарованные, на пейзажи, исчезавшіе быстрѣе, чѣмъ видѣнія во время ихъ сна.

Часы на соборѣ въ Антверпенѣ били два часа пополудни, когда послѣ многихъ хожденій взадъ и впередъ, грубыхъ пріемовъ, мальчишескихъ шутокъ, всевозможныхъ препятствій, крестьянка и двое ея дѣтей, наконецъ, вступили на маленькій пароходъ. Бѣдные, они никогда ранѣе не видѣли Шельды! Барбель, слишкомъ погруженная въ свои материнскія ощущенія, обращала смутное вниманіе на эту грандіозную массу зеленоватой воды, унизанной деревянными домиками. Она ничего не сознавала, кромѣ настойчивой мысли о сынѣ, и ко всей этой морской обстановкѣ, которая въ другой разъ навѣрно поразила бы ее, она относилась равнодушно, даже не замѣчала ея. Малыши, напро-

тивъ, переходили отъ одного восторга къ другому. Каждую минуту они дергали задумавшуюся мать за плащъ, заставляя ее любоваться какимъ-нибудь парусомъ, судномъ, чайкой, летавшей надъ водой, какой-нибудь подробностью передвиженія, головнымъ уборомъ смуглаго матроса. Раздался колокольный звонъ на башнѣ, и они подумали, что эта музыка падаетъ съ неба.

На берегу они должны были сѣсть въ другой поѣздъ.

— Пріѣхали ли мы въ Бевернъ? — спрашивала Барбель своихъ спутниковъ съ первой же остановки. Она была уже пресыщена скоростью локомотива. Ея умъ двигался быстро, но иначе.

Наконецъ, они достигли своего назначенія. Ей указали сборный пунктъ, большое красное зданіе, на краю маленькаго городка.

Она встрѣчала небольшіе отряды рекрутовъ, которые были уже экипированы и которыхъ солдаты уводили, точно священнодѣйствовали. Неловкіе, смущенные, непривыкшіе къ новой обстановкѣ, они ощупывали другъ друга, точно желая увѣриться въ своей личности. Другіе казались наивно польщенными, одѣвъ новую форму. Съ сжатымъ сердцемъ, Барбель старалась узнать своего Франца подъ этими круглыми головными уборами, среди этихъ сѣрыхъ панталонъ! Она хотѣла подойти къ одной изъ головъ этого человѣческаго стада, но ее оттолкнули.

Она бросилась къ новымъ пришельцамъ, еще не введеннымъ на сборный пунктъ рекрутовъ и пользовавшимся послѣднимъ свободнымъ часомъ. Она спрашивала о Францѣ у болѣе смирныхъ. Но отупѣвшіе, погруженные въ собственную заботу, эти несчастные не слышали и не понимали ея. Францъ Горъ? Это имя ничего не говорило имъ.

Въ дѣйствительности, они чувствовали себя такъ же на чужбинѣ, какъ и она сама. Перевезенные сюда массами со всѣхъ концовъ страны, они не имѣли еще времени узнать другъ друга, разобраться въ томъ, что съ ними произошло. Это было смѣшеніе городскихъ и сельскихъ жителей, фламандцевъ и валлонцевъ, судовщиковъ и землекоповъ. Ихъ нетвердая походка и крики напоминали волненіе птицъ различнаго оперенія и различныхъ странъ, внезапно собранныхъ въ одномъ птичникѣ. Они случайно сходились, заговаривали другъ съ другомъ, хлопали по рукамъ, угощали другъ друга пивомъ, готовые черезъ минуту разойтись, затеряться въ другой группѣ, найти новыхъ друзей. Они не встрѣчались между собою раньше. Нѣсколько старыхъ солдатъ смѣшались съ рекрутами. Ихъ окружали, обращались

съ ними деликатно, слушали ихъ, какъ оракуловъ, надѣвали ихъ фуражки или вытягивали ихъ шашки изъ ноженъ.

Наконецъ, Барбель удалось устроить себѣ проходъ черезъ толпу къ казармамъ сборнаго пункта. Она хотѣла войти. Часовой помѣшалъ ей. Къ счастью, это былъ молодецъ изъ Кампины, а плащъ съ капюшономъ, широкій чепчикъ и цилиндрическая шляпа крестьянки уже расположили его въ ея пользу, прежде чѣмъ она открыла ротъ. Приказъ запрещалъ входъ женщинъ на сборный пунктъ, но онъ хотѣлъ разъяснить ей то, что было ей необходимо. Онъ самъ не зналъ рекрутовъ изъ Кесселя. Онъ позвалъ другого солдата, Монтуа, настоящаго молодца.

— Францъ Горъ? — спросилъ тотъ.—Подождите минуту. Я видѣлъ этого пѣхотинца. Черный, довольно высокій, широкоплечій... Не такъ ли? Неудача въ такомъ случаѣ, бѣдная мамаша! Въ это время онъ на всѣхъ парахъ мчится въ Остендэ, гдѣ стоитъ его полкъ...

Барбель почувствовала страшное потрясеніе, но не потеряла мужества. Гдѣ это Остендэ? Она отправится туда сейчасъ же.

Ей Богу, это не легко объяснить, гдѣ находится этотъ чертовскій городъ! Все, что знали о немъ эти два молодца, было то, что онъ стоитъ на берегу моря, очень далеко, и что надо ѣхать туда нѣсколько часовъ по желѣзной дорогѣ. Едва ли она попадетъ туда сегодня. Если даже предположить, что попадетъ, то къ самой ночи, послѣ повѣрки, и тогда ей придется ждать, въ незнакомомъ городѣ, слѣдующаго дня, чтобы обнять сына.

Она слушала эти умныя заключенія, какъ мученица, подвергающаяся самой ужасной пыткѣ. Во время путешествія мысль, что она снова увидитъ своего Франца, поддерживала ее. Ея нервы теперь словно упали. Она чувствовала сильное утомленіе, а мракъ дождливаго вечера увеличивалъ ея страданіе.

Ея собесѣдники сжалились, при видѣ ея огорченія.

— Повѣрьте намъ,—говорилъ часовой—отложите ваше посѣщеніе и возвращайтесь къ себѣ. Есть еще поѣздъ въ Антверпенъ, черезъ полчаса. Будьте спокойны, вашего сына не убьютъ! Тяжело служить, но отъ этого не умираютъ: въ доказательство вотъ вамъ мы, товарищъ и я, здоровы и на ногахъ!

При видѣ огромнаго пакета, который она таскала съ утра и который заключалъ въ себѣ провизію, могущую снабдить припасами весь полкъ, онъ вызвался передать это Францу, черезъ рекрутовъ его полка, которые должны были уѣхать на другой день.

Къ тому же, малыши, о которыхъ она вовсе не заботилась,

падали отъ усталости. Солдаты указали ей на это. Уже давно новые предметы перестали интересовать Рупа и Да, и ихъ, недовольныхъ, приходилось тянуть. Это заставило ее рѣшиться. Она раскрыла свой узелъ, вынула оттуда нѣсколько кусочковъ хлѣба, пару сваренныхъ яицъ для дѣтей и заставила любезныхъ солдатъ принять отъ нея въ даръ нѣсколько чудесныхъ яблокъ, предназначенныхъ для ея Франца. Она укрыла Рупа и Да полами своего плаща и медленно пошла назадъ, окинувъ изумленнымъ взглядомъ высокія красноватыя стѣны, которыя, казалось, содрогались подъ наплывомъ сѣрыхъ и багровыхъ облаковъ.

VI.

Францъ Горъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы покинуть сборный пунктъ рекрутовъ. Полкъ, куда его опредѣлили, былъ ему неизвѣстенъ, но всякое жилище было лучше этого зловоннаго каравансарая.

Что огорчало его сильнѣе всего, при вступленіи на службу, это нечистота, съ которой былъ связанъ новый его режимъ. Онъ долженъ былъ ложиться спать на соломенномъ мѣшкѣ, о который многія поколѣнія рекрутовъ вытирали свое грязное и потное тѣло. Не имѣя одѣяла, онъ ложился одѣтымъ на эту постель. Не было возможности умыться утромъ. Не только потому, что ему было отказано въ мылѣ, но и вода тамъ встрѣчалась рѣдко.

Днемъ онъ блуждалъ съ товарищами по заламъ и дворамъ этой тюрьмы и его взгляды встрѣчали только красноватыя или оштукатуренныя стѣны, иногда черныя отъ нечистоты и явно сырыя. Ни одного свободнаго часа! Они не могли сообщаться съ внѣшнимъ міромъ, пока не произойдетъ ихъ полное превращеніе изъ крестьянъ въ солдата.

Въ Остендэ онъ пробылъ только два дня. Его направили туда по ошибкѣ. Къ счастью, свертокъ, посланный его матерью, пришелъ въ то время, когда онъ собирался въ путь.

Теперь Францъ пріѣхалъ въ Брюссель. Онъ помѣщается, съ сотнею другихъ военныхъ крѣпостныхъ, въ очень старомъ аббатствѣ, покрытомъ плѣсенью, обрушивающемся, съ стѣнами, напоминавшими стѣны конюшни, съ массой крысъ, въ центрѣ

лабиринта улицъ, въ кварталѣ, гдѣ помѣщаются самые бѣдные изъ бѣдныхъ.

Францъ узналъ мало-по-малу правила внутренняго порядка. Инструкторъ научилъ его, какъ держать оружіе, ходить по двору, считая шаги, останавливаться по приказу, вертѣться на томъ или другомъ каблукѣ. Освоившись съ школою солдата, онъ изучалъ ружейные пріемы. Позднѣе его посылали два раза въ день, вмѣстѣ съ полкомъ, на ученье, происходившее на грязной и пыльной равнинѣ. Тамъ, въ теченіе цѣлыхъ часовъ, они шлепали по грязи, жарились на солнцѣ, вертѣлись и учились всевозможнымъ пріемамъ.

Хорошо, еслибы были однѣ военныя прогулки! Но существовали еще смотры, гдѣ они простужались, выстаивая цѣлыми часами съ оружіемъ въ рукахъ; караулы передъ дворцами и министерствами; празднества и публичныя церемоніи, во время которыхъ войско фигурировало ради тщеславія высокопоставленныхъ людей и увеселенія зѣвакъ; сотни необычайно-тяжелыхъ работъ, прибавляемыхъ къ ежедневной службѣ. Приказъ полученъ, надо идти! Безконечныя придирки, ученическія наказанія сыпались дождемъ, съ какимъ бы трудомъ солдатъ ни старался ихъ избѣгнуть. Начальники выполняли свои причуды на спинѣ опытныхъ солдатъ. Бѣда, если кто двинетъ подошвой. Военный законъ, который прочли Францу при его вступленіи въ казарму, заключалъ въ себѣ большой выборъ способовъ напомнить о долгѣ возмутившимся или непослушнымъ людямъ. Одна мысль о заключеніи въ антверпенскую крѣпость, о посылкѣ въ „исправительное“, заставляла блѣднѣть самыхъ несговорчивыхъ. Даже въ сторожа этихъ тюремъ никто не шелъ по доброй волѣ. Считалось уже наказаніемъ быть посланнымъ туда въ качествѣ надзирателя надъ провинившимися. Тѣмъ, кого посылали въ эти печальныя мѣста, надо было имѣть наклонности палачей.

Францъ наполнялъ свой досугъ въ казармѣ передъ сномъ чисткой ружья, пуговицъ на мундирѣ; онъ рѣдко задерживался въ кабачкѣ, предпочитая сохранить свои нѣсколько серебряныхъ монетъ для выхода на свободу. Когда онъ уставалъ играть щеткой и доской для чистки пуговицъ, онъ вытягивался совсѣмъ одѣтымъ на постели, въ ожиданіи переклички. Дежурные офицеръ и унтеръ-офицеръ входили. Каждый солдатъ находился у своей постели. Начиналась перекличка; отвѣты: „здѣсь!“ различными голосами громко падали вплоть до заполненія листа. Раздавалась вечерняя заря, гасли огни.

Въ первыя ночи Францъ не могъ спать. Вплоть до самой

полуночи солдаты шумѣли, забавлялись непристойными шутками, играми, продѣлками порочныхъ учениковъ. Иногда требовался разсказъ о чемъ-нибудь трагическомъ, но по мѣрѣ того какъ разсказъ развивался, число слушателей уменьшалось. На возгласъ: „*крикъ*“, которымъ прерывалъ разсказчикъ свое повѣствованіе, чтобы провѣрить вниманіе слушателей, отвѣты: „*кракъ*“ становились все менѣе многочисленными.

Когда сонъ, наконецъ, опрокидывалъ на соломенный мѣшокъ и шутниковъ, и разсказчиковъ, наступала тишина, во время которой Францъ слышалъ только игру дыханій, смѣшивавшихся наудачу. Если онъ еще не засыпалъ, онъ сильно рисковалъ совсѣмъ не сомкнуть глазъ, такъ какъ, мало-по-малу, дортуаръ входилъ въ новую стадію шума. Поднимался храпъ. Спящихъ посѣщали сны: раздавались жалобы, крики, лепетанія. Съ одного конца залы на другой спящіе, казалось, разговаривали, отвѣчали другъ другу, продолжали играть. При лунномъ свѣтѣ Францъ замѣчалъ поразительное выраженіе лицъ, странное состояніе спящихъ. Одинъ улыбался, казалось, грезилъ о домѣ и отчизнѣ, шепталъ дѣтскимъ голосомъ дорогія имена. Въ другомъ углу слышались проклятія, рыданія. Кто-то во снѣ вставалъ, на половину протягивалъ руки, произносилъ какія-то непонятныя, странныя слова, затѣмъ падалъ снова точно замертво. Францъ видѣлъ, какъ ноги бѣшено протягивались изъ-подъ одѣяла, сжатые кулаки грозили невидимому мучителю. Самыми безпокойными оказывались, можетъ быть, хрипы любви, сдавленные вздохи, поцѣлуи, направленные въ пустое пространство, замиранія, вызванныя призраками. Францъ удерживалъ дыханіе, дрожа отъ ужаса и состраданія. Зимой было трудно дышать, воздухъ былъ ужасенъ, но лѣтомъ испаренія этого человѣческаго скопленія словно заражали всѣхъ и заставляли страдать, какъ дыханіе слишкомъ опьяняющихъ растеній.

Часто его будилъ какой-нибудь пьяница, обманувшій строгость сторожей и падавшій на нѣсколько чужихъ постелей, прежде чѣмъ дойти до своей. Или же онъ просыпался отъ обхода дежурнаго офицера; лучи скрытаго фонаря, подносимаго отъ лица къ лицу, отрывали его на минуту отъ сна, и его вытаращенные глаза снова закрывались, прежде чѣмъ удалялся патруль.

Если казарма, этотъ современный фаланстерій, непріятна для всякаго, то особенно ужасна она для деревенскихъ жителей, болѣе привыкшихъ къ уединенію, чѣмъ жители городовъ и тор-

говыхъ центровъ. Кто прошелъ черезъ большую фабрику, тотъ умѣетъ жить рядомъ съ другими, подвергаться нѣкоторой дисциплинѣ. Его свободный духъ притупился.

Но изъ числа крестьянъ всего болѣе достойны сожалѣнія уроженцы фламандскихъ деревень. Прежде всего, ихъ разговорный языкъ совсѣмъ иной, чѣмъ языкъ, раздающійся при ученьяхъ и приказахъ. Въ полку говорятъ оффиціально только по-французски. Въ результатѣ выходитъ то, что валлонцы, съ минуты ихъ вступленія на службу, выказываютъ апломбъ и увѣренность, въ которой начальники часто видятъ ихъ умственное превосходство предъ товарищами другой расы. Напрасно обвиняютъ въ глупости этихъ высокихъ, тоскующихъ мечтателей, молчаливыхъ, какъ всѣ германцы, и отличаютъ краснобайство болтуновъ изъ городскихъ предмѣстій. На долю деревенскихъ фламандскихъ жителей приходится бо́льшая часть обидъ и оскорбленій. Унтеръ-офицеры и старые солдаты обращаются съ ними особенно грубо. Долго эти деревенщины служатъ предметомъ шутокъ. Позднѣе они поражаютъ своею понятливостью, памятью, серьезнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, которыя они исполняютъ безъ преувеличеннаго рвенія, безъ шума, но умно и правильно. Насмѣшники перестаютъ тогда смѣяться надъ ними, или, униженные ихъ достоинствомъ, начинаютъ втайнѣ ненавидѣть эти тихія, глубокія существа. Въ теченіе этихъ испытаній каждый кампинецъ, сравнивая свою судьбу съ судьбою коровъ и овецъ, которыхъ онъ стерегъ, не колеблясь завидуетъ животнымъ, оставленнымъ въ стойлахъ.

Францъ, какъ всѣ другіе, перенесъ эти обиды, но, болѣе другихъ способный, скорѣе понялъ пріемы службы. Противъ него были столь же жестокія предубѣжденія, какъ и противъ другихъ молодцовъ, пріѣхавшихъ съ сѣвера, но его больше уважали, довольствуясь тѣмъ, что оскорбляли втихомолку на языкѣ, котораго онъ не понималъ.

Францъ отличался большимъ фламандскимъ юморомъ, столь быстро стѣсняющимся въ чужой средѣ. Онъ, радость кессельскаго очага, съёжился среди этихъ циниковъ. Никто не пытался сойтись съ нимъ. Безпутная фамильярность „добрыхъ молодцовъ“ внушала ему отвращеніе. Онъ довольно явно отклонялъ ихъ подходы, никогда не отрекался отъ своей индивидуальности ради унизительнаго сближенія.

Единственный изъ своего села въ ротѣ, онъ, къ счастью, нашелъ въ полку и въ другихъ частяхъ гарнизона нѣсколькихъ соотечественниковъ, честныхъ людей, страдающихъ, какъ онъ,

отъ общенія съ подонками городовъ и большихъ дорогъ, съ ни на что непригодными лѣнтяями, бродягами, негодяями.

На улицѣ Францъ, испытывалъ нѣкоторое безпокойство. У всѣхъ носителей формы онъ встрѣчалъ одинъ и тотъ же пассивный характеръ. Ему казалось, что онъ также имѣетъ въ глазахъ это выраженіе животнаго, находящагося въ клѣткѣ, вдали отъ родины. У всѣхъ солдатъ онъ видѣлъ какое-то сходство съ овцой. Всѣ отличались какою-то неловкостью, пустотою. Инстинктивно они уступали часто дорогу буржуа. Они носили не форму, а ливрею парія. Вмѣсто того, чтобы представлять собою армію, возбуждать патріотизмъ народа, воплощать его юность, они точно играли роль наемнаго войска. На нихъ всюду смотрѣли какъ на отбросы, на тягость, на лѣнивцевъ. Ихъ сравнивали съ бѣдняками, получающими общественную помощь, съ пансіонерами сиротскихъ домовъ и пріютовъ. „Безполезные рты, которыхъ напрасно содержитъ государство и которые питаются на деньги людей, вносящихъ подати!“ — такъ опредѣляли ихъ нѣкоторые. И все же буржуа разсчитывали, что въ день стачки эти дѣти народа, поступившія въ солдаты, будутъ стрѣлять въ своихъ братьевъ, работающихъ въ рудникахъ и на фабрикахъ. Въ дѣйствительности, солдаты ѣли хлѣбъ олигархіи эгоистическихъ и вульгарныхъ чувствъ. Какъ требовать отъ нихъ гражданственности и рыцарскаго духа, которые отсутствовали именно у ихъ эксплуататоровъ? Если вспыхивала случайная ссора между солдатами и буржуа, всегда солдатъ былъ виновенъ. Нѣтъ героическихъ легендъ, чтобы возвеличить ихъ, украсить ихъ знамя!

Не разсуждая о причинахъ такого положенія, Францъ, очень впечатлительный, считался съ нимъ. Въ глазахъ хорошо одѣтыхъ прохожихъ онъ читалъ если не вражду, то, по крайней мѣрѣ, унизительное состраданіе. Если онъ входилъ въ кофейную, посѣщаемую штатскими, онъ чувствовалъ себя чужимъ, непрошеннымъ уже въ виду того, какъ посѣтители взглядывали на него и какъ выслушивала прислуга его требованія. Какая-то скрытая антипатія заставляла его уходить, испытывая чувство возмущенія, но сознавая свою слабость передъ союзомъ счастливыхъ кастъ.

VII.

Воскресенья! Онъ позналъ ихъ, эти воскресенья, когда солдатъ шатается по всѣмъ направленіямъ, безъ всякой цѣли, по мостовой города: ротозѣйство вокругъ какого-нибудь камня, оста-

новки передъ выставкой товаровъ, одиночество среди равнодушной толпы, случайныя встрѣчи съ товарищами, займы денегъ наканунѣ, нѣсколько заходовъ въ трактиръ, одинъ или два танца въ кабачкѣ!.. Въ дождливую погоду прогулка по галлереѣ св. Гюберта! Вмѣсто того, чтобы вернуться ужинать, какъ всегда, въ казарму, онъ закусывалъ вечеромъ, сообразно времени года, вишнями, орѣхами или каштанами. Тоска, вездѣ тоска, но лучше скучать на воздухѣ, на свободѣ!

Когда была хорошая погода, совершались экскурсіи за городъ, по дорожкамъ, окаймленнымъ цвѣтами, вдоль полей и луговъ. Этотъ чистый воздухъ, напоенный благоуханіемъ, увеличивалъ въ его душѣ постоянное сожалѣніе о родинѣ. Пускай это пытка, но она напоминаетъ рекруту о болѣе гордой жизни! Шаги замедляются, можно сѣсть на краю рва и, нарѣзавъ прутиковъ, просвистать какую-нибудь родную пѣсенку... Въ сумерки, надо возвращаться въ предмѣстье. Солдаты останавливаются въ какомъ-то опьяняющемъ оцѣпенѣніи передъ балаганами, зѣваютъ передъ лампами, пронизывающими мракъ навѣсовъ, отвѣчаютъ на удары ногъ, которыми награждаетъ ихъ клоунъ, и не говорятъ ни слова, пока тотъ или другой ротозѣй, оторвавшись отъ очарованія и растолкавъ товарищей, не позоветъ ихъ слѣдовать за нимъ машинально, словно въ гипнозѣ.

Надо возвращаться домой, и ускореннымъ шагомъ! Группами, обнявшись, размахивая руками, они всѣ, въ поту, бѣгутъ, испуганные, пофыркивая, произнося только ругательства. Бѣда штатскому, который обратится къ нимъ съ какимъ-нибудь дѣломъ! Они собираются въ казарму, дурно накормленные, дурно настроенные, въ сырости и зловоніи... Вдали барабанъ произноситъ угрозы, или труба исполняетъ свою долгую жалобу и, казалось, заранѣе печалится о судьбѣ опоздавшихъ. И со всѣхъ улицъ сходятся шатающіеся пьяницы, поддерживаемые другими; близкіе домишки извергаютъ изъ себя запоздавшихъ, застегивающихъ свои пояса и увеличивающихъ это человѣческое стадо; всѣ въ тревогѣ отвѣчаютъ свое имя на перекличкѣ, пока въ окнахъ дортуаровъ не погасли огни, наверху мрачныхъ стѣнъ.

Поступивъ въ полкъ, Францъ не зналъ еще женщины. Лѣтомъ на ярмаркахъ, зимой на гильдейскихъ собраніяхъ, онъ часто танцовалъ съ Ванске, дочерью Іенина, телѣжника. Въ послѣдній разъ они крѣпко поцѣловались и, какъ говорятъ по фламандски, онъ крѣпко прижалъ ее къ своему жилету, находя въ этомъ безконечную нѣжность. Случай не позволилъ ему пойти дальше. Онъ находилъ удовольствіе въ томъ, что видѣлъ

блондинку Ванске, дразнилъ ее по окончаніи бала, но не думалъ больше ни о чемъ. Барбель продолжала обращаться съ нимъ какъ съ ребенкомъ, ощущая нѣкоторый страхъ и даже ревность по отношенію къ той, кого онъ изберетъ. Мать помнила причину смерти Фрерика Гора и боялась за своего сына. Когда онъ уѣзжалъ, она предупреждала его противъ городскихъ сиренъ, падкихъ на лучшихъ людей.

Въ первый же день, какъ Францъ и другіе рекруты, подобные ему, вышли въ формѣ, старые солдаты, которыхъ они угощали по случаю своего вступленія и которые вырвали у нихъ, между двумя кружками пива, откровенное признаніе въ ихъ чистотѣ, потащили ихъ въ кварталъ женщинъ, предназначенныхъ для солдатъ. Предварительно выпившіе, возбужденные всевозможными описаніями, эти деревенскіе парни, послушные и довѣрчивые, настроенные священникомъ или матерью, какъ Францъ, замедляли шаги, не безъ желанія отступить, пѣли, чтобы ободрить себя, немного тревожно, фальшиво смѣялись, краснѣли до самыхъ ушей. Ихъ руководители толкали ихъ въ ярко освѣщенный домикъ, подобно священно-служителямъ Венеры, кричавшимъ: „Красавицы! Кому назначены дѣвственники!“

Когда они вышли изъ объятій этихъ обыкновенныхъ, но умѣлыхъ женщинъ, они были обучены всему, и главарь, придумавшій это, фамильярно хлопалъ по плечу молодца изъ Кесселя со словами: „Ну-съ, рекрутъ, ты теперь настоящій бельгіецъ!“

Францъ не отвѣчалъ. Онъ позналъ „любовь“, или, по крайней мѣрѣ, то, что подразумѣвали солдаты подъ этимъ именемъ; но въ мечтахъ онъ продолжалъ желать „женщину“. Съ того момента онъ полюбилъ Ванске, дочь телѣжника, такъ сильно, что на слѣдующую ярмарку, когда онъ получилъ отпускъ, невинная веселая женщина должна была бороться вечеромъ, въ садикѣ, позади деревяннаго сарая, такъ какъ увидѣла совсѣмъ новаго Франца.

Между тѣмъ онъ возвращался *туда*, изрѣдка, по необходимости, закрывая глаза и представляя себѣ отсутствующую дѣвушку. Затѣмъ онъ навсегда почувствовалъ отвращеніе. Однажды, послѣ одного осмотра, который такъ унизилъ его въ первый разъ и необходимость котораго онъ, увы, самъ созналъ, докторъ, по ошибкѣ, велѣлъ его немедленно провести въ больницу и положить въ отдѣленіе постыдныхъ болѣзней. Онъ не былъ зараженъ, его скоро освободили; но часы, которые онъ провелъ въ этой геенне, были достаточны, чтобы онъ

навсегда отошелъ отъ женщинъ, торгующихъ удовольствіями. Онъ сохранилъ представленіе объ ужасныхъ зрѣлищахъ, неописуемыхъ болѣзняхъ, одно воспроизведеніе которыхъ поражаетъ посѣтителя анатомическаго кабинета. Онъ присутствовалъ при безнадежныхъ операціяхъ. Мужчины его возраста, его родины, его вѣры были изрѣзаны и истерзаны на его глазахъ! Ахъ, крики этихъ приговоренныхъ! Счастливы тѣ, которые выходили только съ шрамами и не были навѣки потеряны для невѣсты, оставшейся въ деревнѣ, не были осуждены на разложеніе заживо!

Францъ довольствовался тѣмъ, что чаще возвращался въ Кессель. Онъ рѣшилъ жениться на своей свѣженькой и полной блондинкѣ, и ждалъ только окончанія своего срока, чтобы забыть съ нею кошмары солдатской жизни.

Чтобы успокоить его, мать иногда вмѣстѣ съ дѣвушкой пріѣзжала къ нему. Это были дни веселой болтовни, а молчаніе было еще болѣе выразительнымъ!..

И Францъ дошелъ до того, что почти полюбилъ кварталъ сѣвернаго вокзала.

Шоссе, ведущее въ Антверпенъ, всегда полное ярмарокъ, имѣло вполнѣ фламандскую внѣшность; Лекенъ и его королевскій паркъ, подъ деревьями котораго мерзнутъ эти бѣднякигренадеры съ ихъ дѣтскими, толстощекими лицами, такъ мало созданными для внушительнаго убора военной одежды; спокойно и разсудительно они прислушиваются къ вѣтру въ нѣжныхъ листьяхъ, напоминающему ихъ села. Каналъ Вилльброкъ становился цѣлью его прогулокъ съ матерью и Ванске, какъ только онъ встрѣчалъ ихъ на вокзалѣ. Онъ угощалъ ихъ въ какомъ-нибудь сосѣднемъ погребкѣ, посѣщаемомъ исключительно деревенскими жителями и солдатами, полъ-литромъ брюссельскаго пива. Ему казалось, что онъ опять у себя дома.

Въ слѣдующее воскресенье онъ продѣлывалъ ту же прогулку одинъ, вспоминая ихъ послѣднее посѣщеніе. Отважный ходокъ, онъ удалялся еще дальше. Однажды онъ дошелъ до Трехъ Фонтановъ. Пройдя шлюзъ, налѣво отъ канала, онъ замѣтилъ прямо передъ собою заслоняющее горизонтъ своей тяжелой массой огромное зданіе, оштукатуренное въ желтую краску, съ безчисленными окнами, узкими какъ бойницы. Это зданіе было еще безобразнѣе, чѣмъ казарма, носило холодный, мрачный, неумолимый характеръ. Оно оскорбляло небесную лазурь, наносило вызовъ свободному воздуху, зеленому ландшафту, заполненному пѣніемъ птицъ, припѣвами гребцовъ, смѣхомъ влюбленныхъ, по-

мѣстившихся въ бесѣдкахъ; это было угроза жизни, профанація природы! Это былъ военный острогъ, крѣпость для солдатъ, вильвордская тюрьма!

Францъ, съ сжатымъ сердцемъ и спертымъ дыханіемъ, не сдѣлалъ ни шага впередъ. Мрачное зданіе, казалось, заграждало ему дорогу, ведущую въ Антверпенъ; оно мѣшало ему смотрѣть въ сторону Кампины. Огорченный, непонятно опечаленный, онъ повернулъ назадъ среди тишины красивыхъ сумерекъ. Онъ вспоминалъ о всемъ томъ, что ему дорого, призывалъ на помощь успокоительное посѣщеніе, мечталъ о будущей свободѣ, о Ванске, о Барбель: каменный призракъ все еще стоялъ передъ нимъ!

VIII.

Дни проходятъ очень медленно, но проходятъ! Пора освобожденія придетъ въ свою очередь. Францъ, все болѣе и болѣе нетерпѣливый, возвращается изъ отпуска каждый разъ болѣе мрачнымъ, приноситъ съ собою воспоминанія, сожалѣнія, боязнь, желанія, о которыхъ вспоминаетъ въ долгіе часы караула. Тоска по родинѣ! Неизлѣчимая болѣзнь!

Недавно достаточно было одного такта, исполненнаго полковою музыкою, чтобы наполнить тоскою все его сердце, такъ какъ эту живую, но трогательную мелодію онъ слышалъ послѣдній разъ у Ванске, на репетиціи трубной музыки Кесселя.

Францъ Горъ не даромъ происходитъ изъ вѣрующаго края, гдѣ внѣшняя обстановка скрываетъ горячія до фанатизма души. Сколько разъ повторялъ этотъ припѣвъ онъ, молодымъ рабочимъ, передъ своимъ верстакомъ! Въ деревнѣ всѣ его распѣвали. Крестьянинъ машинально насвистывалъ его, расхаживая за плугомъ. Косари, усѣвшись на телѣгѣ сѣна, напѣвали его. Ванске щебетала его, когда мыла посуду. Францъ слышалъ его въ послѣдній разъ на ярмаркѣ и подъ него открылъ балъ. Эта пѣсенка, которую всѣ поютъ безсознательно, убаюкиваетъ мечту, точно ароматъ цвѣтка, сорваннаго на краю дороги. Припѣвъ овладѣваетъ вами, какъ мучительный демонъ!

Эта живая пѣсенка вызвала въ памяти Франца нѣжный вересковъ, сочный запахъ можжевельника, жужжаніе пчелъ въ пчельникѣ, шелестъ папоротника, свѣжесть травы на зарѣ и, въ особенности, головной уборъ и лицо матери, красныя щеки Ванске.

Ему хотѣлось бы передать эти мысли въ письмахъ, акку-

ратно посылаемыхъ въ Кессель. Сколькимъ противоположнымъ вліяніямъ онъ подвергался, сколькимъ переходамъ отъ вѣры къ безпокойству! Сколько преходящихъ и тонкихъ чувствъ, предчувствій, которыхъ онъ не сознавалъ, охватывали его!

Какъ только онъ принимался за письмо къ Барбель, всѣ впечатлѣнія такъ сильно охватывали его, что добрый молодецъ ограничивался банальными формулами, наивными и стереотипными фразами, которыя можно встрѣтить за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ во всѣхъ солдатскихъ письмахъ.

То же начало, тотъ же конецъ: „Я берусь за перо, чтобы увѣдомить васъ, что я здоровъ и надѣюсь, что и вы здоровы. Пришлите мнѣ денегъ, такъ какъ здѣсь не легко“...

Но что̀ значитъ внѣшняя сухость фразы! Отсутствующіе понимаютъ и отгадываютъ. Часто слеза, дурно вытертая, распускается въ сыромъ чернилѣ и говоритъ простымъ людямъ о тоскѣ солдата.

Между тѣмъ, въ отличіе отъ большинства солдатъ, Францъ не надоѣдалъ просьбами о деньгахъ. Далекій отъ того, чтобы эксплуатировать свою мать, подъ предлогомъ, какъ это всегда дѣлается, въ полку, болѣзней, штрафовъ, потерянныхъ или заложенныхъ вещей, которыя надо было выкупить подъ страхомъ военнаго суда, добрый сынъ умудрялся не только сберечь на одеждѣ, но и на жалованьѣ. Ему удавалось оказывать мелкія услуги какому-нибудь сынку достаточной семьи, попавшему въ полкъ, и тотъ платилъ ему охотно. Эти деньги онъ отдавалъ Барбель, и послѣдняя сердилась, когда онъ не соглашался оставить ихъ у себя для своихъ удовольствій.

Однажды, въ первый мѣсяцъ своего пребыванія въ Брюсселѣ, онъ словно выбросилъ деньги за окно: красивый солдатъ, онъ не удержался передъ кокетствомъ заказать свои фотографіи въ новой блестящей формѣ. Портретъ, посланный въ Кессель, привелъ въ восторгъ Барбель, Ванске и дѣтей всего околотка.

Во весь ростъ, хорошо сложенный, съ веселымъ видомъ, при чемъ его сапоги топтали пестрый коверъ, а занавѣска висѣла за нимъ, правая рука опиралась на спинку кресла, лѣвая держала шашку, высокій киверъ лежалъ на красивомъ столѣ—Францъ напоминалъ барона. Барбель готова была благодарить Бога, что Онъ помѣстилъ ея сына въ такую чудную обстановку! Въ добрый часъ: это было лучше, чѣмъ внутренность сборнаго пункта. И добрая душа хранила, вплоть до своего перваго путешествія въ Брюссель, эту иллюзію о роскоши, окружающей солдата въ казармѣ!

Будь бодрымъ, солдатъ! Еще нѣсколько мѣсяцевъ, и ты будешь свободенъ. Другой, на твоемъ мѣстѣ, остался бы жить въ казармѣ. Ты больше не страдаешь въ этой обстановкѣ. Большинство твоихъ товарищей кончили тѣмъ, что уважаютъ тебя. Когда оскорбленія сыпались на тебя дождемъ, ты никогда не протестовалъ, слишкомъ гордый, чтобы жаловаться, слишкомъ благородный, чтобы оказаться въ роли доносчика или требовать открытія виновныхъ. Въ подобныхъ случаяхъ ты терпѣливо шелъ въ карцеръ. Отсюда равные тебѣ увидѣли, что имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, у котораго есть характеръ, съ бѣдовымъ молодцомъ, искреннимъ и храбрымъ!

Твои начальники тоже цѣнили тебя, предлагали тебѣ нашивки унтеръ-офицера, съ условіемъ, чтобы ты остался на службѣ.

Никогда! Ты не согласился бы и на эполеты! У тебя одна цѣль—уйти возможно скорѣе!

Нѣсколько мѣсяцевъ! Нѣсколько недѣль! Нѣсколько дней! Ахъ! Бѣдный рекрутъ, слишкомъ нетерпѣливо рвущійся уѣхать! Берегись, ты искушаешь несчастье! Ты слишкомъ высказываешь свою радость! Люди не любятъ такого тщеславія. Тебѣ начинаютъ завидовать. Эти презрѣнные шнуры надѣлъ другой, и по противорѣчію, слишкомъ понятному въ человѣческомъ характерѣ, этотъ другой, вмѣсто того чтобы радоваться твоему отказу, чувствуетъ себя униженнымъ и сердится за то, что его раньше презирали. Къ тому же онъ, по его словамъ, никогда не могъ тебя выносить. Прежде всего между вами существовала антипатія расъ, затѣмъ несходство характеровъ. Это — дурной рабочій изъ торговой страны, выгнанный отовсюду, къ тому же хвастунъ, лгунъ, посѣтитель кабачка, вольтерьянецъ перекрестка. Въ казармѣ его краснорѣчіе было оцѣнено; онъ добился довѣрія у капитана!

Францъ намѣренно избѣгалъ этого ничтожнаго человѣка. Но быть незамѣченнымъ не входило въ разсчеты послѣдняго. Онъ хочетъ во что бы то ни стало подружиться съ фламандцемъ, быть-можетъ изъ тщеславія, чтобы похвастаться, что одержалъ верхъ надъ гордостью этой „рожи“, и имѣть возможность сказать съ презрѣніемъ послѣ нѣсколькихъ вмѣстѣ выпитыхъ стакановъ: „вы знаете этого фламандскаго мужика: онъ ничего не стоитъ, такой смѣшной“!..

Ты, Францъ, предпочитаешь не знать такихъ людей, которыхъ не любишь, точно не видѣть ихъ! Всѣ подходы этого пьяницы были напрасны; ты отвѣчалъ съ разсѣяннымъ видомъ на его остроты; погруженный въ твою мечту о Кампинѣ, ты зани-

мался имъ не болѣе чѣмъ какой-нибудь мухой; ты ищешь такихъ же замкнутыхъ душъ, какъ твоя. Шутника Голькера ты не любишь. О, онъ тебѣ не проститъ! Онъ принялъ съ радостью чинъ, отъ котораго ты отказался. Онъ теперь—твой начальникъ.

Но только на три дня...

Францъ хочетъ писать своей матери. Въ минуту радости онъ нашелъ даже новый варіантъ къ обычной формулѣ своихъ писемъ:

„Мать, въ послѣдній разъ я берусь за перо, чтобы писать о своемъ здоровьѣ. Черезъ три дня я приду самъ спросить о твоемъ здоровьѣ. Три дня, семьдесятъ два часа. Четыре тысячи триста двадцать минутъ“...

Онъ отмѣтилъ эти минуты на одной страницѣ, и съ такимъ счастьемъ вычеркивалъ ихъ по мѣрѣ того, какъ онѣ протекали! Въ минуту, когда онъ кончаетъ свое письмо, остается только четыре тысячи триста пятнадцать. Какъ отрадно уничтожить ихъ!

Прозвонилъ колоколъ. Что такое? Необыкновенный призывъ!

Сержантъ Голькеръ показывается передъ солдатами, выстроенными на дворѣ, и произноситъ громкимъ голосомъ:

— Слушай! Направо, равняйся!.. Номеръ второй, третій... Номеръ седьмой, выходите... Откройте ряды!..

Солдаты послушались автоматически.

— Хорошо! У меня *украли* кошелекъ, въ которомъ было три франка. Кто изъ васъ знаетъ вора? Понятно, воръ здѣсь, но не сознается. Между тѣмъ это было бы для него лучше всего... Всѣ молчатъ... Поэтому, пока вы здѣсь, я осмотрю всѣ мѣшки и ваши вещи. Но сначала приступимъ къ маленькому прямому осмотру... Номеръ первый, второй, третій, выверните ваши карманы!!..

Указанные люди повиновались этому приказу. Затѣмъ другіе подверглись въ свою очередь. Они вытягивали изъ своихъ кармановъ трубки, табакъ, засаленное письмо, иногда немного монетъ, клѣтчатые платки.

— Эй, вы, номеръ десятый, фламандецъ! Францъ Каниверштанъ, вы слышали? Опорожните ваши карманы и быстро...

Бѣдный малый былъ очень далекъ въ мысляхъ отъ той сцены, въ которой онъ участвовалъ въ эту минуту, среди унизительной комедіи. Онъ вычислялъ минуты, протекавшія въ то время, какъ онъ мечталъ о спасительной, почти уже достигнутой гавани. Онъ не слышалъ словъ, обращенныхъ къ нему.

— Чортъ возьми!.. Точно у него нѣтъ ушей, у этого глупца! Понялъ ли ты меня, наконецъ: надо показать чистую лапу!

Люди засмѣялись, чтобы подслужиться къ сержанту.

Францъ не двигался. Голькеръ идетъ къ нему и трясетъ его за руку:

— Выверни твои карманы!

Что онъ говоритъ, сержантъ? Грудь его уже полна ароматомъ вереска, все его безупречное сердце возмущается отъ этого испытанія. Францъ не хочетъ понимать и пожимаетъ плечами въ знакъ протеста.

— Что такое, у него *глупый* видъ! Я тебѣ покажу! Посадите его въ исправительное. Но сначала ты послушаешься, или я тебѣ сверну шею! Ахъ, онъ способенъ быть предусмотрительнымъ передъ путешествіемъ домой! Держу пари, что я поймалъ вора!

Онъ не кончилъ еще, какъ Францъ, забывъ все, не думая больше ни о дисциплинѣ, ни о законѣ, ни о военномъ уставѣ, чувствуя себя снова свободнымъ, схватываетъ кувшинъ, находившійся на мостовой, и бросаетъ его въ голову обидчика.

Голькеръ падаетъ, — рана на головѣ, — онъ произноситъ проклятія...

Ему оставалось четыре тысячи триста двѣнадцать минутъ. Ахъ, роковыя минуты, которыя только-что прошли, а ты, бѣдный солдатъ, не можешь вернуть ихъ, пережить ихъ иначе!..

Въ то время какъ солдаты подбирали упавшаго сержанта, другіе, по приказанію офицера, уводили мятежника въ тюрьму. И Францъ слышалъ, какъ солдаты его отряда, которые должны были уѣхать черезъ день вмѣстѣ съ нимъ, шептали, покачивая головой: „Его дѣло ясно. По крайней мѣрѣ, пять лѣтъ онъ пробудетъ въ исправительныхъ ротахъ“.

Оставшись одинъ въ камерѣ, Францъ бросается, рыдая, на койку и валяется на ней, рветъ себѣ волосы, закрываетъ лицо руками, чтобы не видѣть каменнаго зданія, представляющагося ему, какъ въ тотъ чудный лѣтній вечеръ, когда видъ его испортилъ свободную и счастливую природу. Пять лѣтъ въ Вильвордѣ—сколько это составляетъ минутъ? Подумай!

Близится ночь; прошелъ ночной осмотръ; колоколъ призываетъ ко сну. Заглушаются звуки. Еще ждать? Нѣтъ, у него не хватитъ силъ. Лучше покончить разомъ... „Простите мнѣ, мои дорогіе, и ты, мой Боже, не пожалѣвшій меня!“ Тюрьма? Этого слишкомъ мало за его преступленіе. По приговору военнаго суда ему грозитъ смертная казнь . . . . . .

Письмо, посланное изъ казармы, дошло до Кесселя, и Рупъ, теперь уже большой мальчикъ, читалъ и перечитывалъ его доброй женщинѣ.

Четыре тысячи триста двадцать минутъ! Что я говорю? Рупъ умѣетъ считать. Теперь осталось только двѣ тысячи сто восемьдесятъ минутъ, такъ какъ цѣлый день прошелъ съ минуты отправки письма.

Завтра вернется старшій братъ!

Утромъ, когда было еще совсѣмъ темно, Барбель отправляется, какъ всегда, на чердачокъ, гдѣ жилъ ея мальчикъ. Она хорошо оправляетъ постель; онъ на будущую ночь будетъ спать уже не на соломѣ.

Какъ долго она держитъ въ худыхъ рукахъ эту простыню, въ которую снова укутается ея любимецъ, эту очень бѣлую, точно луннаго цвѣта, простыню! Это старинное полотно, сотканное матерью, кажется такимъ нѣжнымъ, такимъ ласковымъ, вечеромъ, когда всѣ члены устали отъ работы!

Между тѣмъ одежда рабочаго, куртка и бархатные панталоны, фартукъ изъ сѣраго полотна, мягкая фуражка, разложены на стулѣ у изголовья, точно Францъ только-что ихъ снялъ. Запахъ смолы, чувствовавшійся отъ этихъ одеждъ, навсегда вывѣтрился; складки, обрисовавшія его мускулы, исчезли, и наступилъ моментъ, когда бѣдная обожательница, которая словно впитываетъ ихъ въ себя, какъ сладость, и цѣлуетъ ихъ какъ реликвію, не найдетъ больше слѣда дорогого отсутствующаго. Но что же изъ этого? Развѣ онъ не оживитъ ихъ своимъ юнымъ и живымъ тѣломъ?

Она трясетъ ихъ, затѣмъ вѣшаетъ ихъ на задвижку окна.

Она кончаетъ оправлять постель, хорошо покрываетъ ее простынею.

— Прощай, мать!

Это былъ голосъ любимаго сына.

Она оборачивается—и на одну минуту, въ послѣднихъ лучахъ умирающей луны, ей показалось, что она увидѣла задыхающееся тѣло Франца, въ одеждѣ, которую она развѣсила.

„Несчастная я! — подумала она, потрясенная этимъ неяснымъ видѣніемъ и желавшая бороться противъ этой непонятной тревоги.—О чемъ я думала! Францъ вернется только завтра; онъ спитъ еще тамъ!“—Да, тамъ, далеко отъ деревни, отъ рыночной площади, далеко отъ большого города, перенесенный въ вѣчное жилище!

Перев. съ франц. М. Веселовская.

ТОРЖЕСТВО ГИЛЬОТИНЫ

Къ вопросу о смертной казни во Франціи

„Исторія наказанія есть непрерывная его отмѣна“. Въ этихъ словахъ Іеринга заключается вся исторія смертной казни. Одна за другой цивилизованныя страны вычеркивали изъ своихъ уголовныхъ кодексовъ этотъ архаическій институтъ, отъ котораго такъ отдаетъ затхлостью средневѣковаго застѣнка. Казалось, что недалекъ уже день, когда смертная казнь навсегда исчезнетъ съ горизонта культурнаго міра. Однако послѣдніе годы знаменуютъ собою огромный шагъ назадъ въ этомъ аболиціонистскомъ движеніи. Съ 1906-го года смертная казнь становится въ Россіи обыденнымъ явленіемъ. Въ 1909-мъ году въ демократической и свободной Франціи неожиданно торжествуетъ палачъ.

I.

Во Франціи статья первая закона 4-го брюмера V-го года гласитъ, что „съ провозглашеніемъ всеобщаго мира смертная казнь отмѣняется на всей территоріи французской республики“. Это обѣщаніе осталось неисполненнымъ какъ при директоріи, такъ и въ эпоху консульства и имперіи. Послѣ реставраціи французское общество какъ бы боится коренныхъ реформъ, предпочитая имъ медленную и постепенную эволюцію. По этому же пути двинулось оно и къ отмѣнѣ смертной казни. Три фактора дѣйствовали въ этомъ направленіи: законодательная иниціатива, присяжные засѣдатели и право помилованія.

Необычайная суровость наполеоновскаго уголовнаго кодекса вызвала протестъ общественнаго мнѣнія, выражавшійся въ систематическомъ оправданіи присяжными обвиняемыхъ въ сравнительно легкихъ, но караемыхъ смертью преступленіяхъ. Получалось ненормальное положеніе вещей: излишняя суровость законовъ приводила на практикѣ къ полной безнаказанности. Отсюда законъ 28-го апрѣля 1832 г., который отмѣнилъ смертную казнь по цѣлому ряду преступленій и даровалъ присяжнымъ засѣдателямъ право признавать „смягчающія вину обстоятельства". Конституція 1848-го года отмѣнила смертную казнь за политическія преступленія, а законъ 21-го ноября 1901 г. отмѣнилъ ее за дѣтоубійство. Въ настоящее время она можетъ быть назначена во Франціи только за убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ.

Уголовная статистика во Франціи указываетъ на непрерывную тенденцію присяжныхъ засѣдателей и главы государства смягчать участь осужденныхъ. Вотъ относящіяся сюда цифры:

Періоды.	Смертные приговоры.	Казни.	Помилованія.
1826—1830 г. Реставрація	554 (138 въ годъ)	354 (64%)	200 (36%)
1831—1847 г. Іюльск. монархія	881 (52 въ годъ)	564 (64%)	317 (36%)
1848—1852 г. 2-ая республика	231 (46 въ годъ)	141 (61%)	90 (39%)
1853—1870 г. 2-ая имперія	589 (32 въ годъ)	321 (54%)	268 (46%)
1871—1880 г. 3-ья республика	272 (27 въ годъ)	107 (39%)	165 (61%)
1881—1900 г. „ „	533 (27 въ годъ)	155 (34,38%)	376 (65,62%)
1901—1905 г. „ „	79 (16 въ годъ)	9 (8,78%)	70 (91,22%)

Съ 1906-го года гильотина совершенно бездѣйствовала.

Впереди законодательства и судебной практики идетъ литература. Уже философы и криминалисты XVIII-го столѣтія провозглашаютъ себя непримиримыми аболиціонистами. „Развѣ не абсурдно—восклицаетъ Беккарія,—что законъ, являющійся выраженіемъ воли народной, законъ порицающій и наказующій человѣкоубійство, въ своемъ желаніи отвратить отъ него гражданъ, предписываетъ публичное убійство?" Этотъ протестъ Беккаріи былъ съ энтузіазмомъ подхваченъ французскими энциклопедистами. Въ XIX-мъ вѣкѣ аболиціонистское движеніе насчитываетъ въ своихъ рядахъ наиболѣе выдающихся криминалистовъ, общественныхъ дѣятелей и писателей. Викторъ Гюго неоднократно обрушивается всей силою своего поэтическаго генія на этотъ „пережитокъ варварскихъ наказаній". „Да, я утверждаю,—говоритъ онъ,—что всю жизнь боролся съ одряхлѣвшимъ и безсмысленнымъ закономъ мести: кровь за кровь—и клянусь,

что пока будетъ въ груди моей хоть капля жизни, буду бороться противъ него всѣми усиліями писателя, всѣми актами законодателя“ [1]). На другой же день послѣ революціи 1830-го года, депутаты Траси и Бартъ внесли въ палату депутатовъ предложеніе объ отмѣнѣ смертной казни. Единственнымъ его результатомъ было изданіе упомянутаго выше закона 28-го апрѣля 1832-го года. Большою страстностью отличались дебаты 1838 г., поднятые подъ вліяніемъ многочисленныхъ петицій, требовавшихъ отмѣны смертной казни. Петиціи эти нашли въ палатѣ депутатовъ краснорѣчиваго защитника въ лицѣ Ламартина. Отвѣчая докладчику, говорившему въ защиту смертной казни, какъ единственнаго устрашающаго наказанія, Ламартинъ воскликнулъ: „Нѣтъ, не смерти бояться намъ нужно учить, а уважать жизнь... Проникнемся ужасомъ къ эшафоту, ужасомъ, заставляющимъ насъ отодвигать его съ каждымъ годомъ все дальше и дальше отъ центральныхъ мѣстъ города къ глухимъ предмѣстьямъ; проникнемся совѣстью присяжныхъ, заставляющей ихъ отказывать закону въ выдачѣ преступныхъ головъ. Неужели вѣчно будутъ стоять другъ противъ друга общество и преступникъ, ожидая, кто первый прекратитъ рѣзню? Начинайте же и не бойтесь тѣхъ опасностей, которыми васъ пугаютъ. Нѣтъ! ключъ общественнаго блага—не въ смерти; онъ—въ моральномъ значеніи законовъ“. Тридцать лѣтъ спустя вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни обсуждался законодательнымъ корпусомъ 8-го апрѣля 1868-го года, когда противъ нея безуспѣшно выступалъ Жюль Фавръ. Начиная съ 1871 г., правительство и отдѣльные депутаты вносятъ рядъ предложеній о непубличномъ исполненіи смертныхъ приговоровъ. Всѣ эти предложенія разбивались въ палатѣ депутатовъ объ одну и ту же, необъяснимую на первый взглядъ коалицію непримиримыхъ враговъ и ярыхъ сторонниковъ казни. „Мы не хотимъ отмѣнять публичность смертной казни, — говорилъ Гамбетта, — такъ какъ это укрѣпитъ самое наказаніе. Если вы уничтожите ужасъ этого зрѣлища, вы задушите тѣмъ самымъ чувство общественнаго протеста, проявляющееся въ послѣдніе годы все чаще и чаще“. Съ другой стороны приверженцы казни боялись, что уничтоженіе публичности будетъ лишь первымъ шагомъ къ ея полной отмѣнѣ.

На высокой эстрадѣ, расположенной на большой площади, воздвигался нѣкогда во Франціи эшафотъ, „дабы вдохнуть въ

[1]) Рѣчь, сказанная Викторомъ Гюго въ защиту сына его Шарля передъ сенскимъ судомъ присяжныхъ 15-го іюня 1851 г. (В. Гюго былъ тогда членомъ законодательнаго собранія).

души гражданъ ужасъ къ преступленію и страхъ передъ наказаніемъ". Многолюдная толпа могла наблюдать казнь; тысячи иностранцевъ стекались къ лобному мѣсту. Казнь совершалась среди пѣнія, смѣха и прибаутокъ по адресу приговоренныхъ. Но не всѣ преступники умирали со страхомъ; многіе изъ нихъ мужественно смотрѣли въ глаза смерти, и для нихъ эшафотъ изъ мѣста позора превращался въ мѣсто тріумфа. Свидѣтельства цѣлаго ряда лицъ, близко подходившихъ къ приговореннымъ преступникамъ, показываютъ, что большинство послѣднихъ присутствовало раньше на одной или даже нѣсколькихъ казняхъ. Бывшій священникъ теперь уже не существующей парижской тюрьмы „La Grande Roquette", въ продолженіе сорока лѣтъ исповѣдывавшій осужденныхъ на смертную казнь, разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что на его вопросы о мотивахъ, побудившихъ ихъ совершить преступленіе, отъ многихъ получалось въ отвѣтъ указаніе на впечатлѣніе, произведенное на нихъ зрѣлищемъ казни. Понятно, что аболиціонисты не хотѣли отказаться отъ того неистощимаго источника агитаціи противъ смертной казни, какой даетъ имъ ея публичность. Столь же понятно, что и сторонники смертной казни не хотѣли отказаться отъ ея публичности. Спрятать гильотину въ глубину тюремнаго двора, скрыть ее отъ глазъ свѣта—не значитъ ли это признать въ ней нѣчто позорное, не вяжущееся съ современной цивилизаціей? Если гильотина является полезнымъ учрежденіемъ, „факторомъ общественнаго подбора", какъ говоритъ одинъ изъ представителей итальянской школы криминалистовъ, Гарофало, тогда незачѣмъ скрывать ее; наоборотъ, ее нужно поставить на высокое мѣсто, рядомъ съ другими полезными государственными учрежденіями. Если же въ самомъ видѣ гильотины таится нѣчто безнравственное, возмущающее культурнаго человѣка, то не прятать, а уничтожить ее надо. Главнымъ аргументомъ защитниковъ смертной казни является, притомъ, ея устрашающій характеръ, а спрятать гильотину—значило бы уничтожить ея устрашающее дѣйствіе.

II.

Вопросъ о совершенной отмѣнѣ смертной казни былъ снова поставленъ на очередь въ 1905 г., когда палата депутатовъ отказала въ кредитѣ (27.000 фр.) на содержаніе палача и его помощниковъ. Въ 1906 г. министерство Клемансо, непримиримаго аболиціониста, внесло, одновременно съ аналогичнымъ пред-

ложеніемъ Рейнаха, законопроектъ о замѣнѣ смертной казни пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Законопроектъ этотъ былъ принятъ въ принципѣ парламентской коммиссіей судебныхъ реформъ, большинствомъ восьми голосовъ противъ двухъ. Въ то же время и сенатская коммиссія, обсуждавшая подобное предложеніе сенатора Фалльера, высказалась за отмѣну смертной казни, постановивъ воспользоваться правомъ законодательной иниціативы сената, если въ теченіе двухмѣсячнаго срока палата депутатовъ не приступитъ къ обсужденію правительственнаго законопроекта. Во время той же парламентской сессіи палата депутатовъ, большинствомъ 12-ти голосовъ, возстановила кредитъ на содержаніе „исполнителей высокихъ дѣлъ“ (exécuteurs des hautes oeuvres— старинное наименованіе палачей). За этотъ кредитъ голосовалъ и одинъ изъ самыхъ видныхъ французскихъ аболиціонистовъ, Ж. Рейнахъ, находя невозможнымъ разрѣшить бюджетнымъ порядкомъ столь важный вопросъ. Казалось, что вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни окончательно созрѣлъ во Франціи, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые, по удачному выраженію одного итальянскаго министра, не обсуждаются, а вотируются.

Но въ этотъ моментъ на сцену выступила французская пресса. Ухватившись за помилованіе Солейана, совершившаго гнусное преступленіе, она повела энергичную атаку какъ противъ президента республики Фалльера, за систематическое помилованіе имъ осужденныхъ на смертную казнь, такъ и противъ самаго проекта отмѣны смертной казни.

Пробѣгая безконечную вереницу истерическихъ газетныхъ выкриковъ противъ отмѣны смертной казни, можно было подумать, что Франція наканунѣ гибели: бандиты и апаши удесятерили свою дерзость, число самыхъ ужасныхъ преступленій увеличилось въ ужасающей прогрессіи; убійства чуть не сотнями совершаются среди бѣлаго дня; мирные граждане не рискуютъ выходить на улицу; уходящій изъ дома отецъ не знаетъ, удастся ли ему вновь увидѣть своихъ дѣтей. Тщетно судьи, вмѣстѣ съ присяжными, съ похвальнымъ мужествомъ примѣняютъ суровые тексты законовъ: всѣ ихъ усилія парализуются ложной чувствительностью Фалльера и злой волей группы политикановъ, приносящихъ въ жертву убійцамъ „честныхъ людей“. А завтра, съ законодательной отмѣной смертной казни, уже никакой границы не будетъ дерзости бандитовъ, и подъ ихъ ударами погибнетъ общество... И вотъ, пресса поднялась на защиту бѣднаго отечества! Посыпались интервью, петиціи, плебисциты; газеты занялись сравнительнымъ изученіемъ пенитенціарнаго режима различныхъ странъ.

Плодомъ этихъ работъ явился выводъ о полнѣйшей безнаказанности преступленія во Франціи. Каторжныя работы оказались раемъ, обѣтованной землей, куда только и обращены взоры преступниковъ [1]). Съ свойственнымъ французамъ юморомъ, ихъ прозвали даже „loisirs forcés“ (вмѣсто travaux forcés). Не меньшей „прелестью“ оказалось и одиночное заключеніе; „Temps“, посвятилъ цѣлую статью описанію той идиллической обстановки, въ какой пребываетъ содержащійся въ женевской одиночной тюрьмѣ итальянскій анархистъ, Люгини, осужденный за убійство императрицы австрійской Елизаветы. Какое-то уличное общество „народнаго протеста“ организовало плебисцитъ, распространяя по Парижу тысячи листковъ, въ которыхъ устанавливало якобы растущую во Франціи преступность и предлагало всѣмъ „честнымъ матерямъ“ высказаться по вопросу объ отмѣнѣ смертной казни. Появились десятки злободневныхъ романсовъ, на ту же тему, распѣваемыхъ уличными музыкантами. Любопытно отмѣтить при этомъ, что, за исключеніемъ консервативнаго „Temps“, кампанія эта велась не серьезной партійной прессой, а уличными, впрочемъ наиболѣе вліятельными во Франціи газетами, какъ напр. „Le Matin“, „La Petite République“, „Le Petit Parisien“.

Кампанія, предпринятая прессой, внесла панику въ ряды неустойчивой массы мелкой французской буржуазіи. Организованный парижской газетой „Le Petit Parisien“ референдумъ далъ знаменательные результаты: изъ 1.412.347 опрошенныхъ газетой лицъ, 1.083.655 человѣкъ провозгласили себя сторонниками и только 328.692 человѣка — противниками смертной казни [2]). Еще знаменательнѣе были петиціи присяжныхъ, протестующія противъ отмѣны смертной казни и злоупотребленія правомъ по-

[1]) Эта легенда о раѣ каторжныхъ работъ вызвала энергичный отпоръ со стороны лицъ, изучавшихъ положеніе французскихъ каторжниковъ. Извѣстный профессоръ парижскаго юридическаго факультета, Гарсонъ, утверждаетъ, что жизнь французскихъ каторжниковъ воистину ужасна. Уже самый климатъ Гвіаны настолько вреденъ, что отъ него гибнетъ большой процентъ сосланныхъ. Тяжелыя работы производятся подъ палящими лучами солнца и подъ угрозой голода (каторжникамъ полагаются хлѣбъ и вода; остальное пропитаніе они должны зарабатывать своимъ трудомъ). О прелестяхъ каторжнаго житья краснорѣчиво свидѣтельствуетъ статистика бѣгущихъ отъ него каторжанъ: по даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ, за одинъ только 1906-ой годъ изъ Гвіаны и Новой Каледоніи бѣжало 323 арестанта. Значеніе этой цифры станетъ понятнымъ, если прибавить, что всѣ почти бѣгущіе находятъ смерть въ дикихъ лѣсахъ и болотахъ Гвіаны. Райское житье, которому 323 человѣка ежегодно предпочитаютъ почти вѣрную смерть!

[2]) Къ читателямъ „Petit Parisien“ принадлежатъ главнымъ образомъ консьержи и мелкіе лавочники.

милованія. Не ограничиваясь петиціями, присяжные манифестировали противъ отмѣны смертной казни значительнымъ увеличеніемъ числа смертныхъ приговоровъ. Въ 1903 г. ихъ было 15, въ 1904 г.—16, въ 1907 г.—40. Демонстраціи присяжныхъ засѣдателей повлекли за собой подобное же движеніе въ средѣ департаментскихъ генеральныхъ совѣтовъ.

„Никогда преступники не были такъ дерзки!“ — кричала пресса, указывая на Солейана. „Никогда еще не обладали они такой сложной и стойкой организаціей“—вопила она, говоря о шайкѣ, совершившей рядъ преступленій на сѣверѣ Франціи. Странно, что печать ухватилась за Солейана, чтобы поднять свою кампанію; теперь уже почти никто не отрицаетъ его психическаго разстройства. Самъ Кастильяръ, свирѣпый докладчикъ парламентской коммиссіи, требовавшій возобновленія смертныхъ казней, торжественно заявилъ, что и онъ не отправилъ бы Солейана на гильотину. Что касается до шайки Полэ, то главныя ея преступленія совершены между 1895-мъ и 1905-мъ годами, т.-е. въ тотъ десятилѣтній періодъ, за который насчитывается во Франціи 45 смертныхъ казней. Другая разбойничья шайка, оперировавшая въ департаментѣ Дромы, образовалась въ 1904 г. и главныя свои преступленія совершила въ 1905 г., насчитывающемъ 4 смертныхъ казни.

Что въ дѣйствительности усложнилось и выросло до уродливыхъ размѣровъ за эти годы, такъ это не преступность, а рекламированіе ея. Никогда и нигдѣ преступленіе не пользовалось такимъ вниманіемъ, какъ въ современной Франціи; никогда и нигдѣ не отводилось ему столько газетныхъ столбцовъ, нигдѣ легіоны репортеровъ не гнались такъ бѣшено за сенсаціонными извѣстіями. Стоитъ только развернуть любую парижскую газету, чтобы натолкнуться на слова: „assassinat“, „parricide“. Каждое преступленіе анализируется въ его мельчайшихъ деталяхъ; передъ читателемъ развертываются самыя подробныя свѣдѣнія о преступникѣ и его жертвѣ, описываются ихъ движенія, жесты, слова. Каждая крупная парижская газета содержитъ настоящую тайную полицію, всевѣдущую, вездѣсущую. Судебное слѣдствіе по дѣлу Солейана было окружено какой-то кинематографической рекламой. Портретъ убійцы въ самыхъ различныхъ позахъ, его переписка, его думы о новой жизни на каторгѣ, нелѣпыя откровенія его жены, наконецъ признанія, сдѣланныя преступникомъ своему товарищу по камерѣ—все это было воспроизведено газетами съ одной цѣлью: усилить и безъ того болѣзненную жадность читателя къ сильнымъ ощущеніямъ. Неудивительно, что самый про-

цессъ сопровождался рядомъ скандальныхъ сценъ: обвиняемый плакалъ и рисовался передъ толпой расфранченныхъ дамъ свѣта и полу-свѣта; свидѣтели принимали соотвѣтствующія положенію позы, и за каждымъ моментомъ процесса слѣдилъ фотографъ. По словамъ директора Théâtre Français, Кларети, процессъ Солейана былъ „представленіемъ, и только представленіемъ. Допросъ подсудимаго велся предсѣдателемъ для публики, которая пришла въ судъ за тѣмъ же, за чѣмъ пошла бы въ театръ. Отъ подсудимаго ожидали трагическихъ жестовъ, фразъ, крика, волнующей сцены. И Солейанъ, молодой дебютантъ, игравшій только третью роль, не имѣлъ успѣха. Сцена была сыграна его женой; въ ней отсутствовала жалость. *Негодяй, я убью тебя!*— въ этомъ ея крикѣ было, конечно, движеніе, то, что на театральномъ языкѣ называется *дѣйствіемъ*". И Кларети прибавляетъ: „читая газетные отчеты объ этомъ процессѣ, я чувствовалъ сильный аппетитъ къ закрытымъ дверямъ". Самъ предсѣдатель суда письмомъ въ „Temps" подтверждаетъ скандальное поведеніе публики: „Нужно признаться, говоритъ онъ, что въ публикѣ ѣли бутерброды, а дамы верхомъ сидѣли на барьерахъ. Но что могъ я сдѣлать? Чѣмъ реагировать?"

Широкое рекламированіе преступленія создаетъ панику, убѣжденіе въ ужасномъ ростѣ преступности. Читая растянутыя въ десяткахъ номеровъ подробности какого-нибудь сенсаціоннаго убійства, публика представляетъ его себѣ воочію, преувеличиваетъ, разрисовываетъ въ своемъ воображеніи. Постепенно общество охватываетъ кошмаръ; кажется, что кровь льется безъ конца. И терроризованное общество апплодируетъ палачу...

Французская буржуазная пресса прекрасно чувствовала неизбѣжность этого психологическаго вывода изъ всего того шума, какой поднимала она по поводу каждаго сенсаціоннаго убійства. Отсюда единодушіе, съ которымъ она встала на защиту смертной казни. Гильотина, къ тому же, является заключительнымъ актомъ кинематографической трагедіи, послѣднимъ ея аккордомъ. И стоило ли, въ самомъ дѣлѣ, изъ-за нѣсколькихъ головъ отказаться отъ красиваго жеста торжествующей добродѣтели, отъ прекраснаго случая усилить тиражъ газеты?

III.

Мы уже говорили, что въ 1906 г. парламентская коммиссія судебныхъ реформъ приняла, въ принципѣ, правительственный законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Въ концѣ февраля

1908-го года докладъ, составленный извѣстнымъ криминалистомъ и ярымъ аболиціонистомъ Крюппи, былъ окончательно напечатанъ и розданъ депутатамъ. 25-го іюня того же года новый докладчикъ той же коммиссіи, Кастильяръ, предложилъ сохранить смертную казнь. Въ засѣданіи 3-го іюля Кастильяръ далъ въ палатѣ депутатовъ первый бой аболиціонистамъ, въ которомъ крайняя лѣвая, при полномъ нейтралитетѣ лѣвой, съ отчаянной энергіей сражалась съ центромъ и крайней правой. Рѣшеніе было отложено до новой парламентской сессіи. Въ январѣ 1909-го года палата депутатовъ приняла предложеніе Кастильяра.

Эта внезапная перемѣна въ образѣ дѣйствій палаты депутатовъ объясняется, конечно, не эволюціей идей, а страхомъ, обуявшимъ депутатовъ въ виду общественнаго движенія противъ отмѣны смертной казни. „Народное самосознаніе не отвергаетъ смертной казни“—говорили депутатамъ защитники ея;—„напротивъ, оно находитъ ее необходимымъ орудіемъ общественной самозащиты. Прочтите многочисленныя петиціи присяжныхъ, адресы генеральныхъ совѣтовъ — и вы поймете, что отмѣной смертной казни вы вызовете противъ себя взрывъ общественнаго негодованія. Склонитесь же передъ волей народной!“ И депутаты склонились... Зато никогда не сказывалось такъ ярко противорѣчіе между ихъ убѣжденіями и поступками. Предсѣдатель коммиссіи судебныхъ реформъ, Піешъ, энергично ратовавшій, вмѣстѣ съ Кастильяромъ, за оставленіе въ силѣ смертной казни, не дальше какъ въ 1898 г. провелъ въ парижскомъ муниципальномъ совѣтѣ формулу перехода, требовавшую отъ правительства немедленной отмѣны „варварскаго наказанія“. Больше того: не дальше какъ въ 1905 г. тотъ же Піешъ вотировалъ за отмѣну кредитовъ на содержаніе палача! Во время обсужденія предложенія Кастильяра большинство лѣвыхъ депутатовъ одобрительно встрѣчало рѣчи аболиціонистовъ; блестящія рѣчи лидера соціалистовъ, Жореса, были покрыты дружными, долго несмолкавшими аплодисментами всей лѣвой, въ то время какъ рѣчи Кастильяра и Лабори встрѣчали враждебное молчаніе, а иногда и сильные протесты „большинства“. Все это не помѣшало, однако, тому же большинству вотировать вмѣстѣ съ Кастильяромъ. Не больше стойкости и послѣдовательности проявило и правительство. Право помилованія, являясь конституціонной прерогативой президента республики, не могло быть отмѣнено какимъ бы то ни было актомъ палаты депутатовъ. При аболиціонистскихъ убѣжденіяхъ Фалльера можно было ожидать, что, фактически, смертная казнь не будетъ примѣняться и впредь.

Но рѣшеніе палаты депутатовъ могло стать источникомъ отвѣтственности для правительства. Клемансо, всю жизнь осуждавшій смертную казнь, уступилъ, послѣ краткой борьбы; за нимъ капитулировалъ и президентъ республики Фалльеръ. Семь головъ были выданы Деблеру...

„Мы склонились передъ волей народной“ — говорили въ свое оправданіе депутаты и правительство. Замѣтимъ, однако, что далеко не весь французскій народъ стоялъ за смертную казнь. „Лига правъ человѣка и гражданина“ до самаго послѣдняго момента энергично боролась съ сторонниками смертной казни. Аболиціонисты могли найти и болѣе могущественнаго союзника въ массѣ рабочаго класса Франціи, враждебно настроеннаго по отношенію къ смертной казни и ясно выразившаго эту враждебность во время казни въ Альби. Не аплодисментами, а свистками встрѣтили восторжествовавшую гильотину въ этомъ фабричномъ городѣ—свистками, смолкнувшими лишь съ прибытіемъ осужденныхъ на мѣсто казни. Въ глубокомъ молчаніи рабочіе присутствовали при совершеніи казни и въ такомъ же гробовомъ молчаніи, потрясенные происшедшей драмой, разошлись по домамъ.

Но еслибы даже голосъ народа высказался за смертную казнь, это не могло бы оправдать законодателей. Въ крикѣ: „кровь за кровь“, раздающемся послѣ какого-нибудь ужаснаго преступленія, скрывается не что иное, какъ врожденная человѣку жажда мести. Когда этотъ инстинктъ, самъ по себѣ варварскій и свойственный первобытной цивилизаціи, перестаетъ быть индивидуальнымъ и превращается въ массовый, онъ становится воистину чудовищнымъ. То же чувство толкаетъ толпу на дикую расправу съ преступникомъ, вызвавшимъ ея гнѣвъ. Но гнѣвъ толпы часто несправедливъ. Толпа судитъ на основаніи одной только внѣшней стороны преступленія, не принимая во вниманіе субъективную его сторону, забывая, что самыя уродливыя, по своей жестокости, преступленія часто совершаются людьми психически-ненормальными. Весьма интересны, въ этомъ отношеніи, данныя, приведенныя въ опубликованной недавно небольшой брошюрѣ доктора Бельера, врача при французской палатѣ депутатовъ. Онъ изслѣдовалъ мозгъ двадцати казненныхъ во Франціи преступниковъ—и въ четырехъ случаяхъ обнаружилъ явныя патологическія поврежденія, на основаніи которыхъ такіе авторитеты, какъ профессора Брока и Мануврієръ, констатировали несомнѣнное психическое разстройство казненныхъ. Въ четырехъ другихъ случаяхъ мозгъ не представлялъ никакихъ болѣзненныхъ

повреждений, но въ его формѣ и структурѣ замѣчались чрезвычайно характерныя аномаліи.

Толпа не можетъ, конечно, понять весь ужасъ подобныхъ наблюденій; но одна возможность обнаруженныхъ ими явленій должна остановить законодателя и напомнить ему, что отправнымъ и конечнымъ пунктомъ общественнаго воздѣйствія противъ преступности не должна служить жажда кровавой мести.

Мы не вѣримъ въ долговѣчность воскресшей гильотины. Уже на другой день послѣ новыхъ казней большая часть французской прессы стала требовать непубличнаго совершенія казни. И весьма вѣроятно, что послѣ близкой уже реформы избирательнаго права, которая принесетъ французскимъ депутатамъ бо́льшую независимость отъ мѣстныхъ воротилъ, они вычеркнутъ наконецъ изъ карательной системы Франціи смертную казнь.

К. Ф.

СМЕРТНИКИ

Послѣдніе полтора-два года мнѣ пришлось провести въ тюрьмѣ одного большого города на югѣ Россіи. Этотъ городъ занимаетъ видное мѣсто въ кровавыхъ лѣтописяхъ послѣднихъ лѣтъ: это одинъ изъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ вакханалія висѣлицъ и экспропріацій достигла наибольшаго развитія... Почти все это время мнѣ пришлось жить среди людей, преданныхъ военному суду по всеобъемлющей 279 ст. XXII кн. свода военныхъ постановленій. Вокругъ меня сотни людей ожидали смертной казни. А такъ какъ люди, сжатые въ тѣсномъ помѣщеніи безпощадными тюремными стѣнами, дышащіе однимъ воздухомъ, не имѣютъ тайнъ другъ отъ друга, то душевная жизнь этихъ людей была открыта предо мной. На моихъ глазахъ военные суды постановили больше двухсотъ приговоровъ, и больше ста человѣкъ было за это время повѣшено. И хотя я ни разу не присутствовалъ при самомъ совершеніи казни, ни разу не видѣлъ *физической* агоніи повѣшеннаго, но въ теченіе многихъ мѣсяцевъ мнѣ пришлось изо дня въ день наблюдать *духовную* агонію людей, ждущихъ смертнаго приговора или уже приговоренныхъ къ смерти и ждущихъ казни. Нѣкоторыми изъ этихъ наблюденій я и хочу подѣлиться съ читателями.

I.

Еще въ 1906-мъ году, когда эпидемія смертныхъ казней въ Россіи только начиналась, когда смертные приговоры были сравнительно рѣдкимъ явленіемъ и, по большей части, не при-

водились въ исполненіе, а замѣнялись каторгой, мнѣ пришлось встрѣтиться впервые со „смертниками", какъ называютъ въ тюрьмахъ людей, приговоренныхъ къ смертной казни.

Я былъ арестованъ судебнымъ слѣдователемъ и сидѣлъ въ одиночкѣ. Моя камера ничѣмъ не отличалась отъ камеръ одиночнаго заключенія въ знаменитыхъ „Крестахъ". Но надъ дверью ея была отдушина для вентиляціи. Такія же отдушины были и въ сосѣднихъ камерахъ, выходившихъ на тотъ же коридоръ. И благодаря этому заключенные изъ различныхъ камеръ могли свободно переговариваться между собой... Изъ сосѣднихъ келій доносилось непріятное, рѣзкое бряцаніе кандаловъ. Этотъ непривычный для меня звукъ невольно билъ по нервамъ и волновалъ меня. Мнѣ хотѣлось узнать, кто мои сосѣди по заключенію. Моихъ сосѣдей, повидимому, не менѣе интересовалъ вопросъ о моей личности. Естественно, что между нами скоро завязалась бесѣда. Мой сосѣдъ справа указалъ мнѣ на отдушину надъ дверью, научилъ, какъ ею пользоваться, и засыпалъ меня градомъ вопросовъ: кто я? за что сижу? что новаго на волѣ? Я отвѣчалъ, а затѣмъ самъ сталъ спрашивать его:

— Вы давно арестованы?

— Ужъ восемь мѣсяцевъ.

— Скоро судъ?

— Я уже судился.

— Къ чему приговорены?

— Къ смертной казни!

Я не видѣлъ своего собесѣдника. Но его молодой, звонкій голосъ звучалъ такъ бодро, такъ весело, что мнѣ показалось сперва, что онъ шутитъ.

— Какъ такъ къ смертной казни?—переспросилъ я.

— Ну, да, къ петлѣ. Очень просто. Приговорили повѣсить.

— Какъ же вы здѣсь?

— Командующій приговора не утвердилъ. Замѣнилъ на двадцать лѣтъ. Въ № 4 тоже такой же, какъ я, сидитъ... Тоже замѣненный.

— Мнѣ, братъ, на пятнадцать лѣтъ замѣнили...—Это говорилъ уже мой сосѣдъ слѣва. Его голосъ былъ не такой звонкій, не такой веселый, какъ моего перваго собесѣдника: въ этомъ голосѣ звучали болѣе глухія, подавленныя ноты.

Мои сосѣди сильно заинтересовали меня. Въ первый разъ я встрѣтился съ людьми, которымъ пришлось стоять подъ висѣлицей. И хотѣлось узнать, что̀ испытывали эти люди въ ожиданіи казни, пока они не узнали объ отмѣнѣ приговора. Но какъ-то

неловко было спрашивать ихъ объ этомъ. И мы говорили о самыхъ различныхъ вещахъ. Я разсказывалъ имъ новости съ воли; они передавали подробности суда надъ ними. Но все время на умѣ у меня вертѣлся одинъ вопросъ... Наконецъ, недѣли черезъ полторы послѣ перваго знакомства, я спросилъ своего молодого сосѣда:

— А что, страшно вамъ было, когда судъ объявилъ приговоръ?

— Да чего страшнаго, когда другого я и не ожидалъ. Я и теперь не знаю, съ чего имъ вздумалось замѣнять приговоръ. Вѣдь съ каторги я уйду. Это—какъ Богъ есть!..

— Все же, сердце дрогнуло?

— Я на свѣтѣ одинъ. Дрожать мнѣ не за кого. Жизнь я любилъ, вѣрно!.. Но ужъ до суда примирился съ судьбою.

— А послѣ суда какъ?

— Послѣ суда все то же. Вотъ только плохо, что заковали. А кандалы въ морозъ—смерть. Всего хуже — никакъ сразу не сообразишь, какъ брюки продѣвать сквозь кольца. Да я теперь научился. Вамъ каторги не будетъ?..

— Нѣтъ.

— А-а-а!.. А то я научилъ бы васъ. Дѣло нехитрое, когда умѣешь.

И мой сосѣдъ началъ съ большимъ жаромъ объяснять мнѣ, какъ продѣваютъ брюки сквозь кольца кандаловъ. Я былъ пораженъ. Значитъ, человѣка, часы жизни котораго были сосчитаны, человѣка, который не зналъ, придется ли ему дожить до завтрашняго утра, вопросъ о томъ, какъ быстрѣе и легче переодѣваться съ кандалами на ногахъ, интересовалъ сильнѣе, чѣмъ всѣ великіе вопросы о жизни и смерти. А это былъ не грубый, одеревенѣлый преступникъ: это былъ молодой, живой и энергичный рабочій, развитой и остроумный, осужденный за сопротивленіе полиціи при арестѣ.

Я обратился къ своему второму сосѣду:

— Ну, а вы испугались приговора?

— Нѣтъ, я тоже ждалъ. Но у меня хуже вышло. Мать-старуха была въ судѣ. Она, конечно, простая, безъ сознанія. Ну, многаго не понимаетъ. Ей-то, конечно, страшно... Плакать начала. Тутъ меня зло взяло. Такъ бы и сказалъ всѣмъ судьямъ... Послѣ я, конечно, стою около двери, а генералъ проходитъ мимо. Остановился, поглядѣлъ на меня и говоритъ: „Почему ты не вытянулся“? Я хуже разозлился: „Теперь—говорю—я ничего не обязанъ дѣлать и никого не признаю“. Онъ кричать

сталъ. Я говорю: „Чего кричите? Я все равно теперь ничего не боюсь“! Покричалъ, покричалъ, да и отсталъ. Мнѣ даже конвойный говоритъ: „Ты, братъ, не слишкомъ того... Еще замѣнить могутъ“. А я говорю: „Куда ужъ тамъ“!.. Потомъ мать пришла въ тюрьму. Плачетъ, конечно, потому что какъ объяснить ей, старухѣ. Я говорю ей: „Не плачьте зря! Вѣдь лучше все равно не будетъ“... А она: „Попробую—говоритъ—командующаго просить. Авось смилуется“. „Бросьте—говорю—маменька. Какая отъ нихъ милость“? А она все затвердила одно... Потомъ уже разсказывала, какъ командующій ее принималъ. Она ему въ ноги упала. Старуха, конечно, простая. А онъ говоритъ: „Я посмотрю... Жизнь за жизнь, старуха! Если твой сынъ, хоть и виноватъ, да не убилъ никого, а только покушался, такъ и онъ живъ будетъ. Помилую я его. Ты не больно убивайся. Если на немъ чужая жизнь, такъ и плакать о немъ нечего. А если не такъ, я уже посмотрю“. Такъ и замѣнили мнѣ на пятнадцать лѣтъ...

— А умирать не хотѣлось?

— Да все одинъ конецъ. Только, конечно, старуху жаль было. Ей не растолкуешь: старый человѣкъ, все по своему норовитъ.

Мой собесѣдникъ, судя по всему, былъ парень простодушный и нѣсколько вялый, хотя и партійный. Я не смогъ передать его разсказъ вполнѣ точно. Но этотъ разсказъ глубоко растрогалъ меня: такъ живо рисовалась его убитая горемъ мать и такъ простъ былъ онъ самъ, не боящійся смерти, болѣющій лишь горемъ своей старухи матери, которой „никакъ не растолкуешь всего“...

Такова была моя первая встрѣча со смертниками. Такъ описывали они свои впечатлѣнія послѣ смертнаго приговора, свое состояніе въ ожиданіи казни. И больше всего поразило меня въ ихъ разсказѣ, что не было въ ихъ переживаніяхъ никакого слѣда тѣхъ романтическихъ ужасовъ, которые наполняютъ душу осужденнаго у Виктора Гюго или Оскара Уайльда.

Черезъ одну камеру отъ моей одиночной кельи сидѣлъ матросъ, приговоренный къ долгосрочной каторгѣ за возстаніе на броненосцѣ. Онъ судился вмѣстѣ съ сотней товарищей и многіе изъ его товарищей были приговорены къ разстрѣлу. И въ безыскусственной формѣ онъ черезъ отдушину надъ дверью камеры разсказывалъ мнѣ, какъ бунтовалъ ихъ броненосецъ, какъ захватили ихъ въ плѣнъ, какъ судили ихъ, какъ вынесли многимъ изъ нихъ смертные приговоры, какъ сидѣли они вмѣстѣ, въ общей камерѣ, въ ожиданіи казни, и какъ, наконецъ, всѣмъ имъ

пришлось присутствовать при разстрѣлѣ „зачищинковъ“... Нѣкоторыя подробности его разсказа глубоко врѣзались мнѣ въ память. Когда судъ ушелъ въ совѣщательную комнату, они смѣялись и шутя спорили о томъ, сколькихъ и кого именно приговорятъ къ смерти. Но когда началось чтеніе приговора, всѣ затихли и ждали съ напряженнымъ вниманіемъ. А послѣ приговора осужденные на смерть цѣловались съ приговоренными къ каторгѣ, прощаясь съ ними навсегда. Приведенія приговора въ исполненіе пришлось ждать много мѣсяцевъ. Это время было очень тяжелое. И всѣ обрадовались, когда узнали, что день казни назначенъ. Наканунѣ казни одинъ изъ осужденныхъ долго смотрѣлъ на свои серебряные часы, подарокъ отца, и затѣмъ сказалъ: „Некому часы оставить. Вы, братцы, на каторгу идете, тамъ у васъ отберутъ. Домой отослать — все равно, пропадутъ. Отдамъ ихъ солдату, который стрѣлять въ меня будетъ. Вѣдь и мы такіе же были, и онъ когда-нибудь человѣкомъ станетъ“!

— Утромъ вывели насъ на дворъ, — разсказывалъ матросъ-каторжанинъ, — выстроили: насъ всѣхъ въ сторонку, а смертниковъ въ серединѣ... Солдаты здѣсь же рядомъ стоятъ. Товарищъ тутъ вынулъ часы, и говоритъ солдатамъ, да только тихо, чтобъ офицеръ не слышалъ: „Братцы, кто будетъ въ меня стрѣлять“? Молчатъ солдаты. А онъ тогда опять: „Хочу, братцы, память оставить тому, кто будетъ стрѣлять въ меня“. Одинъ солдатикъ, совсѣмъ еще молоденькій, выходитъ: „Я“ — говоритъ. Онъ ему часы отдалъ. „Смотри — говоритъ — вспоминай, какъ ты по приказу человѣка убилъ. Да лучше цѣлься. Чтобы не мучиться мнѣ“. Поцѣловались они. Солдатъ часы взялъ...

Какъ похожа эта подробность жизни на старый обычай цѣлованія преступника съ палачомъ!..

Я вскорѣ разстался со своими сосѣдями-смертниками. И мнѣ некогда было думать о ихъ судьбѣ и о судьбѣ другихъ людей, подобно имъ ожидающихъ казни. Некогда было думать объ этомъ, такъ какъ слишкомъ много другихъ вопросовъ будила тогда русская жизнь. И читая ежедневныя извѣстія о смертныхъ казняхъ въ 1907-мъ году, я мало задумывался надъ смысломъ этихъ извѣстій.

II.

Въ послѣдній разъ я былъ арестованъ въ началѣ 1908-го года. Предъявленное мнѣ полиціей предписаніе жандармскаго управленія гласило категорически: „подвергнуть безусловному задер-

жанію, независимо отъ результатовъ обыска". На вопросъ о причинахъ задержанія, полиція отвѣчала: „Это намъ неизвѣстно". На вопросъ о томъ, куда меня отправятъ, полиція отвѣчала: „Политическихъ приказано въ N—ную часть отправлять".

Я жилъ далеко отъ N — ной части, на другомъ концѣ города. И трясясь съ городовыми на извозчикѣ по соннымъ улицамъ города, я вспоминалъ все, что слышалъ въ различное время объ этой части. О ней много говорили въ городѣ: здѣсь приводились въ исполненіе смертные приговоры, постановляемые военными судами; здѣсь, во дворѣ, передъ окнами арестантскаго корпуса, помѣщалась губернская висѣлица.

И когда, послѣ записи моего имени и званія въ канцеляріи части, два дюжихъ городовыхъ повели меня черезъ дворъ къ низенькому одноэтажному домику, съ рѣшетками въ окнахъ, я внимательно смотрѣлъ по сторонамъ, ожидая увидѣть висѣлицу. Но во дворѣ не было никакихъ столбовъ, даже никакихъ выступовъ въ стѣнахъ, никакихъ кронштейновъ или крюковъ, которые можно было принять за часть висѣлицы...

Внутри арестантское помѣщеніе оказалось состоящимъ изъ двухъ большихъ и четырехъ маленькихъ камеръ, выходящихъ дверями на общій коридоръ, а окнами—на черный дворъ. Слѣва были расположены двѣ маленькія камеры, въ которыхъ помѣщались надзиратель и палачъ. Первый жилъ здѣсь постоянно. Второй содержался обыкновенно въ тюрьмѣ, а въ участокъ переводился лишь тогда, когда предстояла работа. Рядомъ съ маленькой камерой палача была болѣе обширная камера, разсчитанная человѣкъ на шесть или семь, но вмѣщавшая при мнѣ человѣкъ пятнадцать-двадцать, а порой и тридцать. За ней шли двѣ крошечныя камеры—секретки—со тщательно задѣланными толстой рѣшеткой окнами: здѣсь содержались приводимые изъ тюрьмы на казнь смертники. Рядъ камеръ кончался большой камерой, въ которой, по росписанію, могло помѣститься человѣкъ двѣнадцать, а въ дѣйствительности помѣщалось отъ двадцати до тридцати, а иногда и отъ сорока до пятидесяти.

Когда меня привели въ часть, секретки пустовали. Послѣдніе смертники были повѣшены за нѣсколько дней до моего ареста. Новыхъ смертниковъ изъ тюрьмы тоже не ожидалось, такъ какъ со всѣми осужденными послѣдней сессіей военнаго суда было уже покончено. Но палачъ, только что закончившій свою работу, все еще содержался здѣсь, въ части, во второй камерѣ слѣва.

Среди заключенныхъ, съ которыми я встрѣтился въ общей

камерѣ, были разные люди: были здѣсь и убѣжденные члены соціалистическихъ партій, и революціонно настроенные рабочіе, и обыкновенные экспропріаторы, и совершенно темные крестьяне, попавшіе въ тюрьму неизвѣстно за что, и очень подозрительныя личности, промышлявшія на волѣ обыкновенной уголовщиной. Серьезный разговоръ плохо клеился въ такой разношерстной компаніи. Жили не дружно, ссорясь между собою, споря изъ-за всякой мелочи и оскорбляя одинъ другого дурными словами. Но все же между всѣми было *одно* общее, что сближало всѣхъ: это—ужасъ недавнихъ казней. Послѣдняя казнь была совершена всего за нѣсколько дней до моего ареста: тогда въ одну ночь было повѣшено пять человѣкъ. Казалось, тѣни казненныхъ, какъ какой-то кошмаръ, не даютъ думать ни о чемъ другомъ, кромѣ чудовищнаго дѣла, которое совершилось здѣсь нѣсколько дней тому назадъ. Ни о чемъ другомъ нельзя было говорить, ни о чемъ другомъ нельзя было думать въ этомъ мѣстѣ. Возникали шумные споры, начинались шутки, затягивалась пѣсня, завязывалась игра или возня, но снова и снова, днемъ и ночью, мысль настойчиво возвращалась къ *одному*...

Я не видѣлъ лицъ послѣднихъ пяти повѣшенныхъ, не слышалъ ихъ голосовъ, не присутствовалъ при томъ, какъ ихъ вѣшали, но изъ разсказовъ окружающихъ я узналъ всю картину казни, и эта картина стояла передо мной такъ же ярко, какъ передъ людьми непосредственно наблюдавшими ее.

Это произошло наканунѣ большого праздника. Надзиратель съ утра проявлялъ необыкновенную суетливость. Онъ нѣсколько разъ заходилъ въ секретку, тщательно изслѣдуя рѣшетки, полъ и стѣны, поминутно подходилъ къ дверямъ общихъ камеръ, прислушиваясь къ разговорамъ арестантовъ. Послѣ обѣда онъ обратился къ заключеннымъ съ краткою рѣчью.

— Вотъ что, господа: шила въ мѣшкѣ, говорятъ, не утаишь. Такъ что я ужъ скажу вамъ, хоть приказано не говорить... Да ужъ все равно! Ну, приведутъ сегодня пятерыхъ... Вѣшать будутъ... Такъ вы къ волчкамъ лучше не подходите и сидите тихо... Стражники будутъ. А имъ много ли надо? Да и приказъ есть такой: если хоть слово скажетъ кто, или кричать будетъ, или пѣть, или въ волчокъ выглянетъ, такъ чтобъ стрѣляли безъ предупрежденія. Вы, господа, сами поостерегитесь...

Вскорѣ затѣмъ коридоръ наполнился стражниками. Они разговаривали между собой, шутили, смѣялись... Одинъ изъ нихъ, сидя на подоконникѣ, громко пѣлъ. Вдругъ все стихло.

Стражники выстроились въ коридорѣ, заслонивъ своими спинами волчки дверей.

— Смотри, ребята! — крикнулъ надзиратель и, позвякивая ключами, подошелъ къ выходной двери.

— Кто идетъ?

— Изъ тюрьмы. Принимай пятерыхъ.

Дверь отворилась. Въ коридоръ ввалилась толпа народа. Слышался топотъ тяжелыхъ сапоговъ, стукъ ружейныхъ прикладовъ, бряцаніе цѣпей.

— Стой... Повернись... Скинь поясъ... Разстегни рубаху... Дай ногу... Да портянку скинь...

На коридорѣ шелъ обычный обыскъ вновь прибывшихъ. И вдругъ послышалось паденіе на полъ тяжелаго тѣла и чей-то изступленный голосъ закричалъ:

— Да за что насъ, дѣдушка? Передъ Христомъ клянусь, невиновенъ я! Отпусти, дѣдушка! За что насъ?.. Вѣдь бумага придти должна!.. Ради Христа!..

Человѣкъ рыдалъ, бился головой о полъ, цѣпи его глухо звенѣли. Надзиратель, повидимому, смутился.

— Чего ты?.. Чего? — успокаивалъ онъ несчастнаго: — Кто тебя вѣшать будетъ!? Перевели сюда потому, значитъ, мѣстовъ въ тюрьмѣ мало... Посидишь здѣсь... А тамъ изъ Петербурга бумага придетъ... Можетъ и вовсе на свободу отпустятъ...

— Родненькій, помоги ради Христа, ради души спасенія! — Къ первому плачущему голосу присоединились еще два. Но новый, рѣзкій и громкій голосъ вмѣшался въ ихъ вопли:

— Стыдись, старикъ! Зачѣмъ людей обманываешь? Вѣдь *сегодня* вѣшать будутъ! Чего виляешь? Не ты ли и палачомъ будешь?.. Вилять нечего. Собака!..

— Врешь, врешь! Самъ собака... Сволочь!..—Надзиратель окончательно растерялся и поспѣшилъ закончить обыскъ. Захлопнулись двери секретокъ. Часть стражниковъ вышла во дворъ, часть осталась въ коридорѣ.

Все было тихо въ тюрьмѣ, никто не говорилъ ни слова. Изъ секретокъ не слышалось даже бряцанья цѣпей. И вдругъ тишину прорѣзалъ громкій звукъ пѣсни:

Слезами залитъ міръ безбрежный,
Вся наша жизнь—тяжелый трудъ...

Голосъ пѣвца звучалъ твердо, увѣренно, и трудно было повѣрить, что это пѣлъ человѣкъ, ожидающій казни. Но это былъ тотъ самый голосъ, который только что спорилъ на кори-

дорѣ съ надзирателемъ. Надзиратель въ тревогѣ бросился къ двери.

— Брось пѣть! Тебѣ говорятъ, замолчи! Чортъ окаянный!..— Но смертникъ продолжалъ пѣть такъ же громко, такъ же увѣренно, какъ бы смѣясь надъ гнѣвомъ своего тюремщика. Только допѣвъ пѣсню до конца, онъ обратился къ нему.

— Чего кричишь? Я тебя, знаешь, не боюсь: на томъ свѣтѣ съ тобою посчитаемся.

— Да брось пѣть! Тюрьма здѣсь...

— Буду пѣть, пока всѣхъ пѣсенъ не пропою на прощанье!..

И опять полились страстные звуки революціонной пѣсни:

Вихри враждебные вѣютъ надъ нами...

Старикъ-надзиратель отошелъ отъ секретки и подошелъ къ двери общей камеры, какъ бы ища у своихъ узниковъ сочувствія при столь явномъ попраніи всѣхъ правилъ тюремной дисциплины.

— Анархистъ это! — заговорилъ онъ, заглядывая въ волчокъ:—за нападеніе судился... Отчаянный. А тѣ четыре—мужики деревенскіе... Немолодые все... За поджогъ, говорятъ. Плачутъ, что зря осудили ихъ, да кто ихъ разберетъ!.. Молятся теперь. А тотъ дьяволъ оретъ.

Арестанты сидѣли молча, слушая, какъ за стѣной человѣкъ пѣлъ, прощаясь съ жизнью. Хотѣлъ ли онъ звуками пѣсни заглушить страхъ смерти, поднимавшійся въ его сердцѣ? Или, прощаясь съ жизнью, онъ прощался съ любимыми пѣснями, съ которыми было связано для него такъ много святого? Но голосъ его звучалъ все сильнѣе, все красивѣе, и въ пѣснѣ выливалась вся его молодая душа. Никто не проронилъ ни слова въ общей камерѣ, но у всѣхъ было тяжело на сердцѣ.

Кончивъ пѣсню, пѣвецъ умолкъ, но не надолго. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова запѣлъ.

А изъ другой секретки неслись стоны и вопли. Осужденные метались по камерѣ, бились о дверь.

— За что, за что? Дѣдушка! Родненькій, заступись!.. Оговорили вѣдь насъ... Ни за что гибнемъ... Безъ вины... Бумага вѣдь будетъ!.. Аль не то?.. Не будутъ вѣдь вѣшать?.. Правда? Смилуйся, дѣдушка, отпусти! Не мы вѣдь! Видитъ Богъ, не мы!..

Нѣсколько голосовъ кричало здѣсь разомъ. И рѣзче всего выдѣлялся изъ нихъ какой-то старческій голосъ, дребезжащій, надорванный. Сражники въ коридорѣ молчали. Надзиратель пытался возстановить порядокъ въ секреткахъ, и то кричалъ на

молодого пѣвца, то принимался успокаивать плачущихъ мужиковъ.

— Полно выть-то... До бумаги здѣсь посидите... Здѣсь хорошо у насъ, не то что въ тюрьмѣ. Харчи хорошіе. Вотъ завтра на базаръ пойду. Чего вамъ принести? А? Сказывайте! Чего принести?.. Я все могу... Хоть курицу къ обѣду. Хотите? Ну, ладно, такъ, значитъ, я себѣ отмѣчу, чтобъ курицу. Да вы хоть соснуть ложитесь. Поздно ужъ. А ты брось орать! Будетъ тебѣ глотку драть... Хуже людей разстраиваешь.

— Господи, помилуй! Господи, помилуй! Не дай, не дай...— изступленно молились мужики.

А изъ сосѣдней секретки лились мощной волною звуки похороннаго марша:

Порой изнывали вы въ тюрьмахъ сырыхъ...

Такъ проходило время. Смѣнились стражники въ коридорѣ. Въ камерахъ зажглись лампы. Спустилась ночь. А изъ секретокъ неслись вопли отчаянія и звуки пѣсни.

Мужики то какъ будто успокаивались и начинали степенно объяснять суть своего дѣла надзирателю, то снова принимались молиться и плакать. А анархистъ въ сосѣдней секреткѣ все пѣлъ. Теперь онъ пѣлъ уже не революціонныя пѣсни, а народныя, волжскія. Въ голосѣ его звучала то грусть, то удаль, но нельзя было понять, пѣсня ли навѣвала ему эти чувства, или въ душѣ его предсмертная тоска боролась съ привычнымъ молодечествомъ. Пѣвецъ уже усталъ, и промежутки молчанія между пѣснями становились у него длиннѣе. И въ эти промежутки молчанія громче казались вопли приговоренныхъ къ казни крестьянъ.

Никто изъ заключенныхъ не смыкалъ глазъ въ эту ночь... Ждали развязки.

Было еще совсѣмъ темно, когда коридоръ снова наполнился людьми. Припѣлъ усиленный нарядъ стражниковъ. Палачъ вышелъ во дворъ, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленія. Наконецъ прибыли власти. Стражники какъ-то подобрались и вытянулись. Въ секреткахъ замолкли вопли, замерла пѣсня. Прибывшіе, громко разговаривая между собой, ходили по коридору.

Въ волчокъ общей камеры заглянуло чье-то лицо, интеллигентное, выхоленное, украшенное изящными усиками.

— О, сколько ихъ здѣсь!—произнесъ удивленный голосъ:— Одинъ, два, три... Больше двадцати, пожалуй. Не всѣ вѣдь сегодня?..

Другой, болѣе солидный голосъ возразилъ:

— Да нѣтъ же! Это не тѣ совсѣмъ... Здѣсь разные... На сегодня—въ сосѣдней камерѣ. Вы поглядите.

Господинъ съ интеллигентнымъ лицомъ отошелъ отъ волчка.

Щелкнулъ замокъ у секретки. Въ коридоръ вывели анархиста-пѣвца.

— Какъ звать? — спросилъ суровый начальническій голосъ.

Осужденный отвѣтилъ отчетливо и твердо.

Затѣмъ послышалось быстрое чтеніе:

„По Указу Его Императорскаго Величества... признанъ виновнымъ въ томъ, что въ мѣстности, объявленной на положеніи чрезвычайной охраны... къ смертной казни черезъ повѣшеніе... издержки на счетъ суда... передать наслѣдникамъ“...

И прежній суровый голосъ спросилъ:

— Священника примешь?

— Къ чему?

— Да ты отвѣчай: примешь, или нѣтъ?

— Не приму...

— Ну и отлично... Ну, живо!.. Пойдемте, господа!..

Топотъ многихъ тяжелыхъ ногъ, бряцаніе ружей, звонъ кандаловъ... и твердый, громкій голосъ:

— Прощайте, товарищи! За свободу...

Но никто не отвѣтилъ на этотъ послѣдній крикъ... Хлопнула дверь. За стѣной слышны были шаги, хрустѣлъ снѣгъ, долетали отрывочныя слова разговора. Но вскорѣ и эти звуки затихли въ отдаленіи. Арестанты сидѣли безмолвные, подавленные.

Прошло нѣкоторое время, — можетъ-быть пять минутъ, можетъ-быть часъ. Толпа снова вернулась на коридоръ.

— Слѣдующаго!

Щелкнулъ замокъ у второй секретки.

— Твое имя?

Въ отвѣтъ раздался надорванный вопль.

— Не я, ваше благородіе!.. Видитъ Богъ, не я!. Не губите! Дѣдушка, родненькій, ты хоть скажи, что не я!.. Ради Христа!.. Помилуйте!.. Вѣдь бумагу писали... Бумага будетъ... Родненькіе мои! Да какъ же такъ...

— Помолчи-ка лучше! Тебя какъ звать? А? Ну, хорошо... Вотъ и слушай.

И опять быстрое чтеніе:

„По Указу Его Императорскаго Величества... къ смертной казни... черезъ повѣшеніе“...

Мужикъ продолжалъ плакать.

— Священника примешь?

— Батюшка! Передъ Богомъ, невиненъ я... Семья дома...

И чей-то густой, благочестивый голосъ успокаивалъ его:

— Ну, хорошо, хорошо... Встань на колѣни... Вотъ такъ... Молись... И азъ, недостойный іерей, властью Его мнѣ данной прощаю и разрѣшаю... Ну, встань... Вотъ крестъ, поцѣлуй... Ну, такъ.

— Готово?—спросилъ суровый голосъ.

И благочестивый голосъ отвѣчалъ:

— Готово!

— Ну, такъ живо!.. Пойдемте.

И дверь захлопнулась за второй жертвой.

Такъ же взяли на казнь и третьяго, и четвертаго, и пятаго. Уже свѣтало на дворѣ, когда начальство покинуло часть...

Такъ описывали мнѣ эту казнь товарищи по заключенію. Два десятка людей, различныхъ и по умственному развитію, и по взглядамъ, и по характеру, разсказывали при мнѣ объ этой казни. И разсказъ ихъ во всѣхъ подробностяхъ былъ одинъ и тотъ же. Всѣ черточки этой картины съ безпощадной ясностью врѣзались въ память невольныхъ свидѣтелей, и долго, долго не забудутъ они этой картины. И когда я сидѣлъ среди этихъ людей, въ этой части, картина казни днемъ и ночью стояла передо мной и нельзя было избавиться отъ нея.

Взобравшись товарищу на плечи, можно было черезъ окно окинуть взглядомъ задній дворъ части. Небольшой, запущенный дворъ... Въ глубинѣ его, шагахъ въ двадцати-пяти отъ арестантскаго помѣщенія, сѣрый бревенчатый сарай, съ потрепанной крышей, съ потемнѣвшими отъ времени и покосившимися стѣнами. Почти по серединѣ сарая широкія двери-ворота.

— Здѣсь вѣшаютъ,—объясняли мнѣ товарищи.—Здѣсь балка идетъ такая поперечная подъ стропилами. Такъ черезъ нее веревки перебрасываютъ. Скамейка больше тамъ стоитъ, а иногда ее и въ коридоръ къ намъ вносятъ. Кандалы ужъ послѣ казни сбиваютъ съ покойниковъ...

Палачъ жилъ подъ одной крышей съ нами, въ сосѣдней камерѣ за стѣной. Когда онъ проходилъ по коридору мимо двери нашей камеры, всѣ бросались къ волчку посмотрѣть на него. Сперва мнѣ было противно смотрѣть на палача, и я не подходилъ къ волчку. Но затѣмъ и мнѣ захотѣлось посмотрѣть, какъ выглядитъ палачъ... Я увидѣлъ высокаго, плотнаго мужчину, лѣтъ двадцати-пяти—двадцати-восьми на видъ, съ загорѣлой жилистой шеей, съ бѣлокурыми гладкими волосами. Ходилъ онъ слегка

согнувшись и всегда отворачивался, проходя мимо заключенныхъ. Не сразу можно было разобрать черты его лица. И на первый взглядъ даже предубѣжденный глазъ не могъ открыть въ его чертахъ что-либо особенное, ужасное. Обыкновенное мужицкое лицо, съ крупными правильными чертами. Только глаза его какъ-то странно бѣгали по сторонамъ, и онъ, повидимому, не могъ уже смотрѣть въ лицо человѣку. А когда онъ замѣчалъ, что на него устремлены враждебные, любопытные взгляды, онъ хмурился и какъ-то странно оскаливалъ верхніе зубы. Тогда видъ у него становился свирѣпый и противный.

И висѣлица, и палачъ въ N-ной части оказались сѣрыми, будничными. Не было въ нихъ ни капли тѣхъ романтическихъ ужасовъ, которыми окружила висѣлицу и палача легенда. Былъ въ нихъ свой ужасъ—но ужасъ сѣрый, будничный. И все же трудно будетъ забыть эту висѣлицу и этого палача... Особенно трудно потому, что теперь я знаю весь смыслъ казни, совершенной въ N-ной части за нѣсколько дней до моего ареста. Въ тюрьмѣ я узналъ, что мужики не лгали, когда клялись въ своей невинности; въ тюрьмѣ я узналъ, что въ тотъ день въ N-ной части дѣйствительно было повѣшено четверо невинныхъ крестьянъ, оговоренныхъ по злобѣ односельчаниномъ... Произошла судебная ошибка: вѣдь такъ естественно ошибиться при спѣшномъ разборѣ множества дѣлъ!...

Но не буду дольше останавливаться на впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною изъ N-ной части. Слишкомъ блѣдны и незначительны эти впечатлѣнія сравнительно съ тѣмъ, что пришлось видѣть и слышать въ слѣдующіе мѣсяцы въ тюрьмѣ.

III.

Первое, что поразило меня въ тюрьмѣ, это необыкновенное *множество* заключенныхъ, имѣющихъ „смертныя дѣла“, т.-е. привлекаемыхъ по обвиненію въ преступленіяхъ, караемыхъ смертною казнью... Въ тюрьмѣ содержалось около тысячи человѣкъ. Изъ нихъ человѣкъ сто составляли уголовную аристократію тюрьмы: это были рецидивисты-профессіоналы, частью приговоренные къ арестантскимъ ротамъ или къ каторгѣ, частью ожидавшіе такого приговора. Приблизительно столько же было въ тюрьмѣ мелкихъ уголовныхъ преступниковъ, попавшихъ въ тюрьму кто по несчастью, кто по легкомыслію, кто случайно. Значительно малочисленнѣе была группа политиковъ, привлеченныхъ или осу-

жденныхъ за опредѣленныя политическія преступленія (принадлежность къ партіи, агитація, храненіе литературы и т. п.). Сравнительно больше было административно арестованныхъ, обвиняемыхъ невѣдомо въ чемъ, стоявшихъ на волѣ одинаково далеко отъ уголовщины и отъ политики, задержанныхъ по недоразумѣнію или, какъ выражались въ тюрьмѣ, „за покушеніе на подозрѣніе“. Но всѣ эти четыре группы вмѣстѣ не составляли и половины населенія тюрьмы: другая, бо̀льшая половина тюремнаго населенія состояла изъ „*смертниковъ*“.

Всѣ эти люди ждали смертнаго приговора и казни... Рядомъ съ ними немало было въ тюрьмѣ и такихъ, которые были уже приговорены къ смертной казни предыдущими сессіями военнаго суда, но получили замѣну смертной казни каторгой на 15—20 лѣтъ или безъ срока.

И первое, что поразило меня въ тюрьмѣ, было то, какъ *много* здѣсь смертниковъ. Правда, статистическія данныя вблизи кажутся больше, чѣмъ на бумагѣ, и потому неудивительно, что сравнительно небольшая цифра 5, 10, 20 смертныхъ казней становится чудовищно огромной, если эти казни происходятъ на твоихъ глазахъ, въ двухъ шагахъ отъ тебя. Но меня поразило другое: неправильно вѣдь считать, что смертная казнь совершается только въ тотъ моментъ, когда намыленная веревка сдавливаетъ горло преступника, сердце его перестаетъ биться и изъ горла его вырывается послѣдній крикъ. Въ этотъ моментъ совершается лишь уничтоженіе преступника, умерщвленіе его. Смертная казнь, какъ высшая мѣра наказанія, *прекращается* въ тотъ моментъ, когда прекращается его жизнь; пытка *ожиданіемъ*, *страхомъ* смерти *кончается* въ тотъ моментъ, когда палачъ, вышибивъ скамейку изъ-подъ ногъ жертвы, сбрасываетъ преступника въ бездну. Но *начинается* эта пытка гораздо раньше: иногда послѣ того, какъ судъ постановилъ свой приговоръ; иногда послѣ того, какъ осужденный узналъ объ отклоненіи его кассаціонной жалобы, или о задержаніи ея командующимъ войсками; иногда еще значительно раньше, съ того момента, когда обвиняемый увидѣлъ въ своемъ обвинительномъ актѣ роковую статью 279-ую, или съ тѣхъ поръ какъ онъ убѣдился, что охранное отдѣленіе подозрѣваетъ его и „лѣпитъ ему дѣло“...

Какихъ только людей не было среди „смертниковъ“! Казалось, тутъ переплелись всѣ теченія русской жизни, всѣ ея свѣтлые и мутные потоки. Большинство „смертниковъ“ принадлежало къ разряду „политико-уголовныхъ“, меньшинство — къ „политическимъ“ или „уголовнымъ“ въ болѣе узкомъ смыслѣ

слова. „Политическими“ считались послѣдніе участники возстанія 1905-го года, обвиняемые по ст. 100-ой уголовнаго уложенія. „Уголовными“ считались старые профессіональные грабители, судившіеся не разъ общеуголовнымъ судомъ, но попавшіе теперь подъ военный судъ потому, что при послѣднемъ нападеніи, вмѣсто обычнаго уголовнаго: „Ложись и ни съ мѣста!“, имъ вздумалось командовать по-экспропріаторски: „Руки вверхъ!“. „Политико-уголовные“ привлекались кто за убійство или нанесеніе ранъ (терроръ), кто за нападеніе и грабежъ (экспропріація), кто за сопротивленіе и отпоръ полиціи при задержаніи, кто за поджогъ (аграрный терроръ), кто за разсылку угрожающихъ писемъ (вымогательство).

Какъ разнообразны были преступленія, за которыя ждала этихъ людей смертная казнь, такъ же различны были сами люди. Смертники - уголовные смотрѣли на все окружающее съ презрѣніемъ. Они ненавидѣли политиковъ: „Изъ-за васъ, подлецовъ, умирать приходится. Сколько людей вы сгубили! Раньше окружный судилъ или палата, а теперь, съ вашей революціи, пошелъ военный судъ! То получилъ бы лѣтъ десять, или роты, а изъ-за васъ, вотъ, петля. Сволочь“!.. И эта была для нихъ неистощимая тема для ругани и насмѣшекъ надъ политиками. Судъ сильно волновалъ ихъ. Предстоящая казнь ихъ пугала, и уже задолго до суда они старались узнать форму прошенія о помилованіи.

Среди смертниковъ, ожидавшихъ казни за возстаніе 1905-го года, можно было замѣтить два рѣзко противоположныхъ теченія. Одни, оставшіеся вѣрными своимъ вѣрованіямъ, ждали суда и казни безъ страха, безъ трепета, съ традиціонной для русскаго революціонера стойкостью; другіе, проклиная свое увлеченіе, проклиная „впутавшихъ“ ихъ въ это дѣло, жили въ безумномъ страхѣ за свою жизнь, каждый день переживая безысходный, отчаянный ужасъ смерти. Между спокойствіемъ первыхъ и отчаяніемъ вторыхъ контрастъ былъ поразительный... Нѣкоторые изъ политиковъ, спокойно ожидавшихъ смерти, искренно жалѣли своихъ павшихъ духомъ, мечущихся въ отчаяніи товарищей. Но среди послѣднихъ было много людей, готовыхъ на что угодно, чтобы выкупить свою голову изъ неумолимой петли. И потому большинство политиковъ, оставшихся вѣрными своимъ старымъ идеаламъ, смотрѣли на раскаявшихся товарищей съ враждой и презрѣніемъ. Мнѣ, какъ юристу, показалось цѣннымъ одно наблюденіе: я замѣтилъ, что смертная казнь, предназначенная по своей „идеѣ“ для самыхъ нераскаянныхъ преступниковъ, всего

менѣе страшна именно для того, кто остался такимъ же, какимъ былъ въ моментъ совершенія преступленія; мучительной и ужасной она становится для преступника съ того момента, когда онъ начинаетъ *раскаяваться* въ совершенномъ преступленіи, когда онъ уже перестаетъ быть тѣмъ, котораго „надо“ было повѣсить...

Наибольшее разнообразіе типовъ приходилось наблюдать между смертниками „политико-уголовными“: среди нихъ можно было прослѣдить всѣ оттѣнки, отъ революціоннаго подвижничества до грубѣйшей уголовщины; среди нихъ были люди хрустальной душевной чистоты, люди, полные безкорыстнѣйшей пламенной любви къ ближнимъ—и рядомъ съ ними люди развращенные, глубоко павшіе въ нравственномъ отношеніи, стоявшіе иногда ниже обыкновенныхъ „уголовныхъ“. Всѣ они объединялись въ тюрьмѣ подъ общимъ понятіемъ „уголовно-политическихъ“, но общее было у нихъ лишь одно: то, что всѣ они были преданы военному суду и всѣхъ ихъ ожидала висѣлица по 279-ой статьѣ.

Уже среди лицъ, привлекаемыхъ за террористическіе акты, были люди совершенно противоположныхъ чувствъ и стремленій. Вотъ—человѣкъ, до глубины души ненавидящій всякое насиліе, ненавидящій всякое пролитіе крови — и все-таки вышедшій на террористическій актъ. Вотъ — молодой рабочій, который съ пьяныхъ глазъ, ни съ того ни съ сего, выстрѣлилъ два раза изъ револьвера въ постового городового. Вотъ — привычный экспропріаторъ, подкараулившій и убившій человѣка, который раньше вмѣстѣ съ нимъ совершалъ экспропріаціи, но затѣмъ поступилъ въ охранное отдѣленіе. Вотъ— „человѣкъ браунинга“, сдѣлавшій себѣ спеціальность изъ „шпикобойства“, т.-е. убійства низшихъ агентовъ полиціи, которыхъ онъ ненавидитъ всей душой, ненавидитъ не менѣе сильно, чѣмъ прежнихъ товарищей по партіи, съ которыми онъ давно разошелся...

Еще разнообразнѣе прошедшіе передъ моими глазами „экспропріаторы“, составляющіе главный процентъ приговариваемыхъ къ казни и казнимыхъ во всѣхъ частяхъ Россіи. Идейныхъ людей среди нихъ было немного, и они рѣзко отличались отъ окружающей среды. Участники „партійныхъ“ или „групповыхъ“ экспропріацій, дѣйствовавшіе не ради личной наживы, люди, насильственно завладѣвшіе типографіей и захватнымъ путемъ, держа подъ дуломъ револьвера хозяина типографіи, отпечатавшіе здѣсь свои воззванія, отличались отъ другихъ политиковъ своимъ боевымъ темпераментомъ. Прямую противоположность имъ представляли „эксъ-исты“ въ узкомъ смыслѣ слова. Изъ

нихъ нѣкоторые имѣли революціонное прошлое, но они ужъ давнымъ давно порвали съ своей партіей. Грабя въ свою пользу лавочки, устраивая облавы на артельщиковъ, убивая время отъ времени то городового, то стражника, и съ отчаянной смѣлостью отстрѣливаясь отъ погони, они на волѣ привыкли называть и считать себя „революціонерами“, чаще всего—анархистами. Но ни съ революціей, ни съ анархизмомъ у нихъ не было ничего общаго. Тяжелую картину нравственнаго паденія представляли собой эти люди. Но къ смерти они по большей части относились такъ же хладнокровно, какъ наиболѣе стойкіе политики. Трепетали передъ ожидаемой казнью и мелкіе вымогатели и грабители, усвоившіе нѣкоторые внѣшніе пріемы „мародеровъ революціи“, но пользовавшіеся на волѣ революціоннымъ флагомъ съ сознательно корыстной цѣлью. Съ политиками эти мелкіе „эксъ-исты“ вели войну еще на волѣ и, естественно, продолжали ее въ тюрьмѣ. Въ тюрьму попадали они, по большей части, довольно многочисленными группами, сразу по десяти-пятнадцати человѣкъ, такъ какъ при арестѣ каждый изъ нихъ спѣшилъ выдать товарищей. И въ тюрьмѣ они держались вмѣстѣ, тѣсно группируясь вокругъ своего предводителя (чаще всего—какого-нибудь мелкаго подрядчика, торговца или трактирщика). На допросахъ, стараясь выпутаться, они выдавали другъ друга; послѣ суда писали прошенія о помилованіи, доходили даже до предложенія своихъ услугъ для вѣшанія другихъ осужденныхъ... Крестьянъ-аграрниковъ въ тюрьмѣ было немного, еще меньше чѣмъ „идейныхъ“ экспропріаторовъ. Тѣ, которыхъ мнѣ пришлось встрѣтить, представляли трагическую картину смѣси недоумѣнія и отчаянія: они какъ будто не понимали, въ чемъ ихъ обвиняютъ, а мысль о грозящей имъ казни была для нихъ такъ ужасна, что они не могли обнять ее своимъ смятеннымъ разумомъ.

Я отмѣтилъ главнѣйшія группы смертниковъ, но не упомянулъ еще о двухъ *основныхъ* группахъ, на которыя дѣлятся они всѣ—политики, уголовные и политико-уголовные, террористы, эксъ-исты и вымогатели. Эти двѣ группы: *виновные*, т.-е. люди, дѣйствительно совершившіе то дѣло, за которое имъ предстоитъ отвѣчать передъ судомъ и затѣмъ идти на висѣлицу, и *невинные*, т.-е. люди, ни душой, ни тѣломъ не причастные къ тому дѣлу, за которое ихъ будутъ судить и несомнѣнно осудятъ, ибо противъ нихъ имѣются „улики“.

Въ спорахъ о смертной казни всегда упоминаютъ о возможныхъ судебныхъ ошибкахъ. Сторонники висѣлицы указываютъ,

что эти ошибки происходятъ крайне рѣдко. Люди, агитирующіе противъ смертной казни, подчеркиваютъ, какъ ужасна самая возможность ошибокъ. Я приведу лишь нѣкоторыя наблюденія по вопросу о процентѣ „невинныхъ“.

Въ каждой большой тюрьмѣ заключенные довольно хорошо знаютъ, какое у кого дѣло. Въ частности мнѣ пришлось близко ознакомиться съ дѣлами многихъ заключенныхъ, такъ какъ ко мнѣ обращались то за юридическимъ совѣтомъ, то съ просьбой составить прошеніе. И я убѣдился, что среди „политико-уголовныхъ“ процентъ невинно обвиняемыхъ, невинно осуждаемыхъ и невинно казнимыхъ достигаетъ чудовищной высоты. Конвойные, сопровождающіе обвиняемыхъ въ судъ, нѣсколько разъ говорили мнѣ, что среди осужденныхъ на смерть лишь половину составляютъ виновные, а другую половину—невинные. Конечно, здѣсь есть преувеличеніе. Я думаю, что число невинныхъ среди приговариваемыхъ къ казни и казнимыхъ *рѣдко поднимается выше трети, а по большей части составляетъ не болѣе* $^1/_4$ *или* $^1/_5$. Цифра все же чудовищная! Вѣдь въ судебныхъ дѣлахъ по 279-ой статьѣ судъ почти никогда не принимаетъ свидѣтельскихъ показаній, клонящихся къ установленію alibi обвиняемаго. Вѣдь въ этихъ дѣлахъ главнымъ матеріаломъ обвиненія являются всегда агентурныя или провокаторскія свѣдѣнія, взаимный оговоръ обвиняемыхъ, ихъ сознаніе на допросѣ и опознаніе ихъ со стороны пострадавшихъ. За полтора года мнѣ пришлось наглядѣться на смертныя дѣла, основанныя на этихъ „несомнѣнныхъ“ данныхъ обвиненія. Я не знаю почти ни одной экспропріаторской шайки, въ которой не было бы провокатора. Если ему дорога жизнь, онъ не можетъ ограничиться передачей въ руки властей лишь опредѣленной группы людей, участвовавшихъ въ совершеніи преступленія: онъ долженъ оговорить гораздо большее число людей, долженъ оговорить всѣхъ, кто соприкасался съ нимъ и съ жертвами его предательства, всѣхъ, въ комъ онъ можетъ подозрѣвать будущихъ мстителей. Не изъ-за простой денежной корысти такъ поступаетъ провокаторъ: иначе, по самому существу дѣла, онъ и не можетъ дѣйствовать, если не хочетъ на другой же день послѣ предательства получить пулю въ лобъ. Эта причина вовлеченія въ дѣло невинныхъ существуетъ во многихъ дѣлахъ, въ основаніи которыхъ лежитъ провокація. А на сколько мнѣ пришлось наблюдать, провокація лежитъ въ основаніи $^9/_{10}$ эксъ-истскихъ дѣлъ.

Взаимный оговоръ обвиняемыхъ приходится наблюдать въ подавляющемъ большинствѣ дѣлъ о мелкихъ шайкахъ эксъ-истовъ—

„лавочниковъ“ и „вымогателей“. Эти мелкіе грабители, подъ вліяніемъ страха казни, на первомъ же допросѣ начинаютъ „сыпать“ всѣхъ, кого только могутъ. Приставъ, жандармскій офицеръ или, на лучшій конецъ, слѣдователь излагаютъ имъ свои подозрѣнія, свои догадки и предположенія — и они сейчасъ же спѣшатъ подтвердить ихъ, а затѣмъ, запутавшись въ собственныхъ показаніяхъ, поддавшись на увѣренія, что запираться безполезно, признаются и въ томъ, что дѣлали, и въ такихъ преступленіяхъ, о которыхъ никогда даже не слыхали. Въ „взаимныхъ оговорахъ“ и „чистосердечныхъ признаніяхъ“ этихъ смертниковъ правда тонетъ въ ворохахъ лжи. И въ дѣлахъ, построенныхъ на подобныхъ данныхъ, нерѣдко половина обвиняемыхъ и половина осужденныхъ томится въ тюрьмѣ и идетъ на висѣлицу безъ всякой вины. На сколько мнѣ удалось замѣтить, это—не случайность, а неизбѣжный результатъ того, что обвиняемые и допрашиваемые находятся подъ страхомъ смертной казни. Судъ основывается на показаніяхъ, вырванныхъ у нихъ этимъ страхомъ.

„Опознаніе виновныхъ потерпѣвшими“, играющее столь видную роль въ военныхъ судахъ, тоже является источникомъ судебныхъ ошибокъ. Даже несомнѣннаго участника нападенія потерпѣвшій почти никогда не можетъ опознать съ полной увѣренностью. Военные суды привыкаютъ къ тому, что, при несомнѣнной виновности обвиняемаго, потерпѣвшій, вмѣсто категорическаго: „онъ!“ — говоритъ болѣе уклончиво и осторожно: „кажется, онъ... Тамъ былъ одинъ похожій... Навѣрное не знаю“. Свидѣтель, зная, что своимъ показаніемъ онъ отправляетъ человѣка на висѣлицу, рѣдко рѣшается показывать съ большой увѣренностью, какъ бы хорошо ни помнилъ онъ лицо обвиняемаго. А затѣмъ идетъ безконечный рядъ дѣлъ, въ которыхъ обвиняемый только похожъ на участника того или другого нападенія, похожъ или ростомъ и фигурой, или цвѣтомъ волосъ, или прической, усами, бородой, или типомъ лица. И свидѣтель опять мнется: „Навѣрное не знаю... Хорошенько я не разсмотрѣлъ, да и времени много прошло... А кажется былъ одинъ похожій... Только ростомъ повыше... А усы и борода вотъ такіе“... И суду этого достаточно: обвинительный приговоръ и смертная казнь. Такихъ случаевъ мнѣ пришлось наблюдать довольно много. И защитники, выступавшіе передъ военными судами, тоже знаютъ много такихъ примѣровъ. Подобныя „опознанія“ невинныхъ фабрикуются охранниками съ величайшей легкостью.

Въ производствѣ имѣется множество дѣлъ о нападеніяхъ,

участники которыхъ не обнаружены. По каждому дѣлу имѣется рядъ свидѣтелей, показанія которыхъ не дали пока въ руки правосудія необходимой нити для отысканія преступниковъ. И вотъ, арестовано лицо, замѣченное въ посѣщеніи опредѣленныхъ квартиръ, подозрѣваемое въ сношеніяхъ съ экспропріаторами. Опредѣленныхъ обвиненій противъ него нѣтъ. Естественно провѣрить, не принадлежитъ ли онъ къ числу разыскиваемыхъ, необнаруженныхъ злодѣевъ. Его карточку предъявляютъ свидѣтелямъ нераскрытыхъ преступленій, дѣла о которыхъ находятся въ производствѣ. Въ концѣ концовъ, въ числѣ этихъ свидѣтелей легко можетъ найтись хоть одинъ, который покажетъ: „Не знаю... много времени прошло... А, кажется, былъ похожій... Вотъ только безъ усовъ и безъ бороды, а въ остальномъ похожій“... Свидѣтели, не опознавшіе карточки преступника, въ судъ не будутъ вызваны—а свидѣтель, „опознавшій“ преступника, вызывается и повторяетъ свое показаніе: „Много времени прошло, такъ-что не помню!.. Навѣрное сказать не могу... Кажется, былъ одинъ похожій слегка... А впрочемъ, можетъ-быть и не онъ... Не знаю“... Подобнаго показанія для суда достаточно, такъ какъ и въ совершенно несомнѣнныхъ дѣлахъ потерпѣвшій и свидѣтели показываютъ немногимъ болѣе увѣренно и твердо.

И обвиняемые знаютъ, что значитъ „опознаніе“! Рано или поздно, среди десятковъ и сотенъ свидѣтелей найдется такой, который скажетъ: „кажется, похожъ“... Такимъ образомъ въ тюрьмѣ создается особая группа смертниковъ, не знающихъ точно, за какое преступленіе ихъ повѣсятъ, но убѣжденныхъ, что въ концѣ концовъ имъ не миновать висѣлицы. „Знаю, что за шею повѣсятъ, а больше ничего не знаю“ — такъ говорятъ эти смертники, опредѣляя свое положеніе. Въ тюрьмѣ мнѣ пришлось видѣть людей, которыхъ безуспѣшно опознавали по пяти различнымъ дѣламъ, а потомъ вѣшали по шестому.

Что же удивительнаго, что среди смертниковъ бываетъ не менѣе 20-25 процентовъ невинныхъ? Вѣдь я не упомянулъ еще о жертвахъ сознательныхъ, злостныхъ оговоровъ (какъ тѣ четверо крестьянъ, повѣшенныхъ за поджогъ), не упомянулъ и о жертвахъ провокаціи со стороны агентовъ охраны. Въ результатѣ, однако, у меня сложилось такое впечатлѣніе: прямыя злоупотребленія создаютъ лишь меньшую часть судебныхъ ошибокъ, а большая ихъ часть зависитъ просто отъ того факта, что въ дѣлахъ, которыя должны окончиться смертнымъ приговоромъ, все слѣдственное производство оказывается извращеннымъ и не ведетъ къ раскрытію истины.

Тюрьма знала, кто изъ смертниковъ сидитъ невинно. Какъ же эти невинные смертники сами относились къ своему положенію? Мнѣ не удалось замѣтить, чтобы ихъ отношеніе къ ожидающей ихъ казни существенно отличалось отъ того, какъ относились къ своей участи другіе смертники. Одни сохраняли полное равнодушіе и безъ всякаго страха ждали смерти; другіе метались въ отчаяніи, жили въ безумномъ ужасѣ и не знали, что̀ предпринять, чтобы вырваться изъ петли.

IV.

Я встрѣчалъ людей, которые сидѣли по два—по два съ половиною года и больше въ ожиданіи суда по „смертной“ статьѣ. Казалось бы, люди, которыхъ ждетъ висѣлица, должны были бы всячески стараться какъ-нибудь отдалить свой конецъ. Такое изображеніе состоянія осужденнаго мнѣ не разъ приходилось встрѣчать и въ литературѣ. Но, какъ я убѣдился въ дѣйствительности, большинство смертниковъ ждетъ суда съ нетерпѣніемъ. Арестантъ, которому предстоитъ черезъ нѣсколько недѣль выйти на свободу, не считаетъ дней съ такимъ волненіемъ, какъ смертникъ, ожидающій суда. И это не надежда „выкрутиться“ на судѣ, а именно желаніе, чтобы все кончилось скорѣе. Это страстное желаніе можно было наблюдать и у наиболѣе стойкихъ, наиболѣе спокойныхъ изъ смертниковъ, и у тѣхъ, которые всего сильнѣе цѣпляются за жизнь, всего мучительнѣе, всего острѣе переживаютъ страхъ передъ казнью. И тѣ, и другіе одинаково думаютъ о томъ, чтобы скорѣй кончилось ихъ неопредѣленное положеніе.

Впрочемъ, иногда у смертниковъ, ожидающихъ суда, мнѣ приходилось наблюдать и обратное стремленіе—стремленіе какъ-нибудь отсрочить судъ. Это стремленіе я замѣчалъ, однако, не у кающихся преступниковъ, цѣпляющихся всѣми силами за ускользающую отъ нихъ жизнь и потерявшихъ голову отъ ужаса и отчаянія—а, наоборотъ, у людей стойкихъ, энергичныхъ, предпріимчивыхъ, любящихъ жизнь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не боящихся смерти, готовыхъ съ улыбкой идти на висѣлицу. У этихъ людей всегда тлѣетъ въ душѣ хоть искра надежды. Пока они живы, они борются за жизнь и надѣются... На что надѣются они? Да мало ли что можетъ случиться! Можетъ-быть удастся бѣжать изъ тюрьмы; можетъ-быть Дума отмѣнитъ смертную казнь; можетъ-быть дѣло изъ военнаго суда перейдетъ въ палату... Мало ли

что можетъ случиться!.. И какъ ни наивны эти надежды, ихъ достаточно, чтобы человѣкъ съ петлей на шеѣ жилъ спокойно изо дня въ день, не чувствуя себя обреченной жертвой. Эти надежды то угасаютъ, то вспыхиваютъ съ новой силой, когда вдругъ разнесется по тюрьмѣ слухъ, что отмѣняются военные суды или уничтожается смертная казнь.

Какъ должно отозваться въ человѣкѣ продолжительное ожиданіе смертной казни? На большинство людей, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, столь ненормальное положеніе оказывало глубокое дѣйствіе. Развивалась страшная нервность. Всѣ мысли направлялись въ одну сторону—въ сторону мечты о мести, мечты, порабощавшей себѣ все мышленіе, подобно бредовой идеѣ помѣшаннаго. Правда, я видѣлъ людей, которые встрѣчали смертный приговоръ съ другимъ, болѣе яснымъ настроеніемъ. Но мысли большинства были заполнены кошмарно-кровавыми мечтами о мести. И на этомъ фонѣ тѣмъ ярче вырисовывалась духовная сила тѣхъ людей, надъ чувствами и мыслями которыхъ безсиленъ былъ страхъ смерти, безвластенъ былъ ужасъ казни.

„Хотѣлось бы пожить еще хоть нѣсколько лѣтъ“—говорилъ мнѣ одинъ молодой рабочій, ожидавшій казни за нападеніе на типографію: „теперь я могъ бы поработать по настоящему. Вѣдь на волѣ я только послѣдніе два года жилъ настоящей жизнью, а работать всего годъ пришлось, да и то неполный... Да, по правдѣ, хотѣлось бы еще хоть разъ повидать всѣхъ своихъ — семью, друзей, товарищей. Но я знаю, что повѣсятъ. Надеждами себя тѣшить, воздушные замки строить я не хочу... Значитъ, кончилось... А еслибы выйти теперь на волю, я знаю, что̀ нужно дѣлать“... И онъ начиналъ рисовать планъ широкой культурной работы среди рабочихъ, безъ бомбистики, безъ брауншвейговщины, безъ заговорщества. Мечтать объ этомъ передъ казнью могъ только человѣкъ съ очень чистой и очень сильной душой.

Другой рабочій, арестованный еще въ 1905 г. за вооруженное возстаніе, въ которомъ онъ игралъ видную роль, такъ выражалъ свое отношеніе къ предстоящей казни: „Я и тогда шелъ навстрѣчу смерти, велъ съ собою другихъ людей и зналъ, на что иду, на что зову товарищей. Я ужъ давно, когда только вступалъ въ партію, взвѣсилъ все и все рѣшилъ. Тогда я рѣшилъ отдать жизнь за рабочее дѣло, за соціализмъ... И вотъ теперь отдаю жизнь. Еслибы я другого ждалъ, такъ теперь, пожалуй, пришлось бы задуматься... Но когда къ этому я самъ шелъ, самъ выбралъ свой путь? О чемъ теперь думать“?... И

онъ, дѣйствительно, не поддавался ни страху, ни кошмарнымъ мечтамъ о мести, оставаясь до конца вѣрнымъ самому себѣ и своимъ идеаламъ.

А вотъ что пришлось мнѣ слышать отъ одного молодого человѣка, принадлежавшаго къ с.-р. партіи, но арестованнаго по чужому дѣлу и ожидавшаго казни по ложному обвиненію. „Мнѣ теперь все равно,—говорилъ онъ—если и на волю выйду. Изъ близкихъ никого не осталось въ живыхъ; друзья всѣ погибли. Кругомъ ужасъ что творится: развратъ, провокація, предательство“... И онъ шелъ въ судъ, не вѣря въ возможность оправданія, не надѣясь на оправданіе и почти не мечтая о свободѣ.

Такъ, или приблизительно такъ, смотрѣли на ожидавшую ихъ казнь лучшіе изъ смертниковъ-политиковъ. Кто примирялся съ нею, какъ съ неизбѣжностью, кто видѣлъ въ ней естественное завершеніе своей жизни, кто смотрѣлъ на нее какъ на избавленіе отъ тяжелой, кошмарной русской дѣйствительности...

Въ тюрьмѣ много говорили о висѣлицѣ, о палачѣ, о томъ, кого когда повѣсятъ. Это былъ неисчерпаемый источникъ для всевозможныхъ остротъ и шутокъ. Видно, французская пословица: „въ домѣ повѣшеннаго не говорятъ о веревкѣ“—сложилась не въ русской тюрьмѣ. И сперва мнѣ казалось страннымъ, какъ могутъ люди, обреченные висѣлицѣ, такъ весело, такъ легкомысленно говорить о казни. Позже я понялъ, что не можетъ быть иначе тамъ, гдѣ тюрьма переполнена смертниками, гдѣ сотни людей думаютъ объ одномъ, ждутъ *одного*...

„Послѣ суда“—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ двѣнадцати приговоренныхъ къ смерти за участіе въ возстаніи 1905-го года—„насъ сейчасъ же заковали и отдѣлили. Правда, не въ секретку заперли, а большую отвели камеру. Написали мы кассаціонную жалобу, но больше такъ себѣ, на авось: защитники заранѣе говорили, что толку не будетъ. Недѣли черезъ три отвѣтъ пришелъ, что командующій жалобѣ хода не далъ. На свиданіи намъ это передали. Ну, мы попрощались другъ съ другомъ и вечеромъ даже спать не легли: думали, той же ночью и на казнь насъ возьмутъ. Другой день съ утра тоже все ждали... Вообще первое время все ждали, ничѣмъ не занимались, даже не говорили между собой... Странно такъ: откроешь книгу — и не знаешь, придется ли страничку кончить; сядешь въ шашки играть — и не знаешь, придется ли партію окончить... Все ждемъ, когда возьмутъ на казнь. А жили дружно: все свои, товарищи. Потомъ къ намъ въ камеру еще двоихъ посадили,

осужденныхъ за нападеніе какое-то. Такъ прошло еще нѣсколько недѣль; подъ конецъ мы привыкли. Книжки у насъ были кое-какія. Ну, стали заниматься, кто ариѳметикой, кто грамматикой, кто французскимъ языкомъ. Только по утрамъ занимались, а послѣ обѣда, какъ начнетъ темнѣть, такъ ужъ не могли заниматься. Все ждемъ и на дверь поглядываемъ. И утро быстро проходитъ, а вечеръ тянется, тянется и конца ему нѣтъ. Такъ мы сидѣли еще мѣсяцевъ шесть. Потомъ тѣхъ двухъ взяли... Мы за нихъ домой прощальныя письма писали. А насъ все не берутъ. Мы ужъ и ждать устали. Думаемъ, можетъ-быть замѣнили намъ висѣлицу. Справились у администраціи. Начальникъ говоритъ: ничего еще неизвѣстно. Такъ еще шесть мѣсяцевъ прошло. Только черезъ четырнадцать мѣсяцевъ послѣ суда объявили намъ, что вѣшать никого не будутъ, что всѣмъ висѣлица замѣнена каторгой—кому на двадцать лѣтъ, кому безъ срока. Значитъ, четырнадцать мѣсяцевъ насъ продержали такъ, зря... Вѣдь они-то сразу рѣшили, замѣнять или нѣтъ. Зачѣмъ же издѣвались надъ людьми"?...

Другому смертнику предстояла висѣлица по „линку", т.-е. по чужому дѣлу. Три раза жандармы предъявляли его для опознанія старухѣ-крестьянкѣ, бывшей единственною свидѣтельницей какой-то экспропріаціи. Въ первый разъ старуха замахала руками: „Не онъ, не онъ. И не похожъ совсѣмъ!" Но жандармскій офицеръ строго сказалъ ей: „Смотрите хорошенько! Намъ отлично извѣстно, что это онъ самый; можетъ быть, онъ измѣнился. Теперь безъ усовъ, а тогда былъ съ усами. Платье тоже мѣняетъ. Смотрите хорошенько". Не добившись отъ свидѣтельницы толку, офицеръ отпустилъ ее. Но черезъ недѣлю новое опознаніе. На этотъ разъ старуха сказала: „Не видала я такого. Можетъ и былъ онъ, да я не припомню: давно ужъ было"... Еще черезъ мѣсяцъ снова призвали старуху, и офицеръ въ присутствіи обвиняемаго сталъ кричать: „Смотрите лучше! Что вы разбойника покрываете? Мы-то отлично знаемъ, что это онъ былъ! Не могли вы не видѣть; только сказать не хотите". Старуха перепугалась: „Я и то припоминаю, что былъ одинъ похожій... да измѣнился онъ сильно". И обвиняемый понялъ, что участь его рѣшена. Онъ не пытался ни оправдываться, ни защищаться, зная, что все будетъ напрасно. И, дѣйствительно, онъ былъ повѣшенъ. Задолго до полученія обвинительнаго акта, онъ зналъ уже, что ждетъ его, но былъ вполнѣ спокоенъ. Полученіе обвинительнаго акта, однако, взволновало его: въ обвинительномъ актѣ оказались подробности приписываемаго ему преступленія, подробности

грязныя, постыдныя, и самое дѣло оказалось обыкновеннымъ грабежомъ, съ рядомъ звѣрскихъ убійствъ. И смертникъ, принадлежавшій на волѣ къ с.-д. партіи, мучился мыслью, какъ бы товарищи не повѣрили обвиненію, какъ бы не усумнились въ его честности. До суда и послѣ суда эта мысль волновала его сильнѣе, чѣмъ предстоящая смерть. И въ самый день казни онъ написалъ на стѣнѣ своей секретки: „Товарищи! Передайте тѣмъ, кто на волѣ зналъ меня за с.-д., что я до смерти остался вѣрнымъ своей партіи, что я умираю какъ с.-д., что я не виновенъ въ томъ подломъ дѣлѣ, за которое меня повѣсили".

Сколько такихъ же краткихъ и такихъ же искреннихъ завѣщаній сохранилось на стѣнахъ тюремной секретки! А сколько человѣкъ сошло въ могилу, не успѣвъ нацарапать на стѣнѣ даже такого завѣщанія, такъ какъ у нихъ не было подъ руками ни обломка карандаша, ни гвоздя!

С.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

БЛАГОВѢЩЕНСКАЯ „УТОПІЯ“

Десять лѣтъ тому назадъ, въ первыхъ числахъ іюля 1900 г., возлѣ гор. Благовѣщенска-на-Амурѣ было произведено массовое убійство нѣсколькихъ тысячъ мирныхъ людей — въ томъ числѣ женщинъ, стариковъ и дѣтей. Мы говоримъ о насильственной переправѣ китайцевъ черезъ р. Амуръ на манджурскій берегъ этой рѣки. Это событіе не было въ свое время освѣщено въ печати, по условіямъ тогдашняго момента русской общественной жизни. О немъ мы и хотимъ разсказать теперь, пользуясь матеріалами, почерпнутыми изъ оффиціальныхъ судебныхъ архивовъ.

1—3 іюля 1900-го года, во время боксерскаго движенія, китайцами съ противоположнаго берега Амура была открыта стрѣльба изъ орудій по городу Благовѣщенску. Еще задолго до этого среди русскаго населенія города и Амурской области появились тревожные слухи, неблагопріятно отразившіеся на проживавшихъ въ нашихъ предѣлахъ китайцахъ: результатомъ ихъ были (въ половинѣ іюня) случаи грубаго насилія надъ мирнымъ манджурскимъ и китайскимъ населеніемъ Амурскаго края, главнымъ образомъ—со стороны призывавшихся въ войска нижнихъ чиновъ. Бомбардировка, вызвавъ панику, усилила враждебное отношеніе къ китайцамъ. Паникой этой вскорѣ увлеклись и мѣстныя власти. 3-го іюля благовѣщенскій полиціймейстеръ Б. доложилъ о необходимости немедленнаго выдворенія всѣхъ китайцевъ изъ города и области за Амуръ военному губернатору генералъ-лейтенанту Грибскому, который сейчасъ же сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе. Того же 3-го іюля китайцы города были собраны и помѣщены во дворѣ лѣсопилки Мордина на

р. Зеѣ. Ихъ усердно собирали не только чины полиціи, но и добровольцы изъ мѣстныхъ обывателей: китайцевъ извлекали изъ лавокъ, погребовъ и т. п., колотили чѣмъ попало, а затѣмъ избитыхъ доставляли въ городскую полицію. Точно также были задерживаемы и доставляемы въ указанное мѣсто китайцы изъ окрестнаго района (до 50-ти верстъ). Задержанные повиновались безъ всякаго сопротивленія, что̀ крайне удивляло русскихъ и русскія власти; такъ напримѣръ, партіи въ 40 китайцевъ шли полсотни верстъ подъ конвоемъ трехъ-четырехъ русскихъ сторожей, ничѣмъ не вооруженныхъ.

4-го іюля изъ Благовѣщенска въ поселокъ Верхне-Благовѣщенскій-на-Амурѣ была отправлена первая партія, численность которой слѣдствію точно установить не удалось: по показаніямъ однихъ свидѣтелей, китайцевъ было всего около 800, по показаніямъ другихъ—около 4.000, китайцы же повышали это число до 5—6 тысячъ. Наиболѣе правильною слѣдуетъ считать цифру около 3.000—3.500. Къ этой партіи было впослѣдствіи присоединено еще 320 человѣкъ. Для охраны всѣхъ этихъ „мятежниковъ“ было наряжено военнымъ начальствомъ всего 80 новобранцевъ, вооруженныхъ, за отсутствіемъ ружей, топорами. Мѣсто, гдѣ находились китайцы, представляло собою почти неогороженный дворъ. Всю ночь они вели себя тихо; большинство спало. При слѣдованіи въ Верхне-Благовѣщенскъ къ вышеуказанной стражѣ присоединилось до 20 человѣкъ казаковъ и добровольцевъ; всѣмъ отрядомъ командовалъ помощникъ пристава полицейскаго участка Ш. Разстояніе отъ города до поселка Верхне-Благовѣщенска равняется приблизительно 7-ми верстамъ, но такъ какъ по настоящей дорогѣ, проходящей вдоль берега Амура, все время вести партію признано было „неудобнымъ“, то ее вели въ сторонѣ отъ дороги, чрезъ что путь увеличился версты на три. Погода въ тотъ день была жаркая; китайцевъ гнали скорымъ шагомъ, они растянулись на большое разстояніе, и хотя въ половинѣ пути данъ былъ небольшой отдыхъ, все же, приближаясь къ Верхне-Благовѣщенску, невольные путники стали сильно уставать, въ особенности старики. Для облегченія они бросали свои котомки, снимали и бросали одежду, но тѣмъ не менѣе жара и усталость заставляли многихъ падать или сильно отставать. Противъ этого сейчасъ же были приняты энергичныя мѣры: приставъ Ш. отдалъ приказаніе всѣхъ отставшихъ „зарубить топорами“. Отставшихъ китайцевъ конвоиры били чѣмъ попало, при чемъ нѣсколько десятковъ человѣкъ было убито, а нѣкоторые пристрѣлены казаками.

Черезъ десять мѣсяцевъ послѣ происшествія слѣдователемъ былъ произведенъ осмотръ „скорбнаго“ пути. Было найдено большое количество манджурскихъ лѣтнихъ и зимнихъ одеждъ— куртокъ, халатовъ, овчинныхъ полушубковъ, китайской обуви и проч., разбросанныхъ какъ по самой дорогѣ, такъ и по сторонамъ ея; затѣмъ были найдены китайскія косы, человѣческіе черепа, нѣкоторые со слѣдами мозговъ и мяса, далѣе отдѣльныя кости и цѣлые скелеты. Слѣдствіе выяснило, что были и случаи грабежа: одни „шарили“ въ вещахъ, брошенныхъ китайцами по дорогѣ, забирая то, что поцѣннѣе; другіе просто грабили китайцевъ, обыскивая ихъ и отнимая деньги.

По доставленіи партіи китайцевъ къ поселку Верхне-Благовѣщенску, атаманъ поселка Н. выслалъ на встрѣчу, „для оказанія содѣйствія къ переправѣ китайцевъ на другой берегъ Амура“, нѣсколько вооруженныхъ казаковъ; кромѣ того партію окружили и другіе жители поселка. Затѣмъ было выбрано мѣсто для переправы — за поселкомъ, вверхъ по рѣкѣ, въ наиболѣе узкой ея части. Тѣмъ не менѣе ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ превышала сто саженъ, а глубина достигала двухъ съ небольшимъ саженъ. Теченіе здѣсь очень сильное; къ тому же дулъ порядочный вѣтеръ. Выбравъ мѣсто, рѣшили, что этого достаточно, и ничего больше для переправы не нужно: китайцевъ стали прямо загонять въ воду и приказывали плыть. Нѣкоторая часть бывшихъ впереди вошла въ рѣку; иные поплыли, но скоро стали тонуть; остальные идти въ воду не рѣшались. Тогда казаки стали побуждать ихъ нагайками, а вслѣдъ затѣмъ была открыта стрѣльба, всѣми у кого были ружья — и казаками, и поселянами, и стариками, и дѣтьми. Стрѣльба длилась около получаса, послѣ чего у берега образовалась порядочная куча китайскихъ труповъ. Затѣмъ, послѣ пальбы начальникъ отряда рѣшилъ прибѣгнуть и къ холодному оружію: казаки рубили шашками, новобранцамъ было приказано топорами убивать „непослушныхъ“ китайцевъ; когда у нѣкоторыхъ изъ новобранцевъ не хватало на это рѣшимости, казаки грозили „снести имъ головы, какъ измѣнникамъ“. Китайцы плакали; нѣкоторые крестились „православнымъ крестомъ“, умоляя, чтобъ ихъ не били, но ничто не помогало. Передъ окончаніемъ переправы принялъ участіе въ стрѣльбѣ по китайцамъ и проѣзжавшій по берегу казачій разъѣздъ одного изъ амурскихъ казачьихъ полковъ. Начальникъ разъѣзда сперва не хотѣлъ стрѣлять, но по требованію Ш. приказалъ своимъ людямъ выпустить по пяти патроновъ, а затѣмъ продолжалъ свой путь, не смотря на просьбы

атамана Н. остаться съ командой и „еще пострѣлять“, такъ какъ поселковые казаки всѣ патроны разстрѣляли. Онъ согласился лишь взять записку отъ Н. къ сотенному командиру о присылкѣ помощи; но просьба эта осталась безъ исполненія. Въ результатѣ переправы первой партіи китайцевъ оказалось, что ихъ бо́льшая часть погибла: одни утонули, другіе были перебиты. Переплыло на другой берегъ и спаслось не болѣе ста китайцевъ.

„Вся совокупность показаній очевидцевъ переправы—говоритъ оффиціальная записка—приводитъ къ убѣжденію, что это была собственно не переправа, а уничтоженіе и потопленіе китайцевъ“. Такъ понимали эту переправу и новобранцы, изъ которыхъ одинъ на слѣдствіи показалъ, что имъ приказано было „топить китайцевъ“, а другой: „я топилъ первую партію“. Чувство человѣколюбія было проявлено только однимъ изъ участниковъ кроваваго дѣла — новобранцемъ Яковомъ Іевлевымъ, въ отношеніи одного китайскаго мальчика, лѣтъ 10—11, на глазахъ котораго была убита въ водѣ его мать, а самъ онъ былъ раненъ въ локоть лѣвой руки и въ голову. Замѣтивъ мальчика, стоящаго въ водѣ, когда живыхъ китайцевъ на берегу уже не было, Іевлевъ, съ разрѣшенія Ш., вытащилъ раненаго изъ воды и доставилъ въ управленіе амурскаго воинскаго начальника, помѣстившаго несчастнаго ребенка въ лазаретъ...

Не лучшая участь постигла въ тотъ же день и вторую партію китайцевъ, отправленную изъ гор. Благовѣщенска въ поселокъ Верхне-Благовѣщенскій. Эта партія была невелика: слѣдствіемъ точно установлено, что она состояла изъ 84 человѣкъ, сопровождаемыхъ десятью конвойными. Старшій конвойный, отправляясь въ путь, спросилъ полиціймейстера, что дѣлать съ китайцами на мѣстѣ назначенія. Полиціймейстеръ загадочно отвѣтилъ: „тамъ самъ узнаешь, что нужно дѣлать“. Въ Верхне-Благовѣщенскѣ другой распорядитель „переправы“, Н., оказался откровеннѣе: онъ прямо сослался на то, что́ было сдѣлано нѣсколько часовъ тому назадъ, и предложилъ повторить. Старшій конвойный второй партіи, урядникъ Б., не протестуя, приказалъ загнать нагайками въ воду и свою партію, а затѣмъ открылъ по ней стрѣльбу. Оффиціальные документы спокойно констатируютъ, что „почти вся эта партія погибла“.

Этими двумя избіеніями не удовлетворились. 6-го и 8-го іюля изъ города были вновь высланы въ поселокъ двѣ партіи (3-я и 4-я) китайцевъ: въ 170 и въ 66 человѣкъ. Для сопровожденія третьей партіи было назначено 50 новобранцевъ съ топорами, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Р. Отправляя эту партію,

полиціймейстеръ сообщилъ Р., что переправой завѣдуетъ атаманъ Н., при чемъ лицемѣрно просилъ подтвердить послѣднему, что не надо стрѣлять по переправляющимся. Какъ происходила переправа этой партіи — данныя о томъ малочисленны и односторонни, какъ показанія начальствующихъ лицъ. Изъ 170 человѣкъ спаслось, самое большее, двадцать, которымъ удалось переплыть Амуръ.

8-го числа отправилась къ мѣсту погибели своихъ собратьевъ послѣдняя (4-ая) партія китайцевъ, съ 36 конвоирами, подъ командой поручика А. Когда китайцы вышли изъ города, за ними толпою шла „публика“. Эта „публика“ накидывалась на вещи, бросаемыя китайцами по дорогѣ, и вступала изъ-за нихъ въ драки. Какъ происходила четвертая переправа, о томъ свѣдѣній сохранилось еще меньше. А. показалъ при слѣдствіи, что, приведя партію къ рѣкѣ, онъ предоставилъ полицейскимъ руководить переправой, а они произвели ее ранѣе примѣнявшимся способомъ. Этотъ способъ переправы „вплавь“ свидѣтель считалъ установленнымъ высшимъ начальствомъ, „ибо онъ уже практиковался ранѣе, былъ всѣмъ извѣстенъ и никто его не отмѣнялъ“. Какъ происходила на самомъ дѣлѣ переправа, поручикъ А. не знаетъ: „онъ отъѣхалъ въ сторону, чтобы не видѣть тяжелаго зрѣлища“... Другой свидѣтель, городовой, сообщилъ нѣкоторыя подробности. Китайцы 4-ой партіи, дойдя до поселка, предполагая, что въ нихъ будутъ стрѣлять, упали на колѣни и стали просить, чтобы ихъ не убивали; у самой же переправы „они, никѣмъ не побуждаемые, бросились въ воду и, отойдя шаговъ 60, стали кричать, что очень благодарятъ русскихъ за то, что ихъ не убили“. Первые китайцы переплывшіе на противоположный берегъ, оттолкнули оттуда лодку и доску и этими средствами дали возможность спастись большинству товарищей; утонуло нѣсколько менѣе половины партіи...

Устроители кровавыхъ переправъ нисколько не скрывали своихъ дѣйствій. Приставъ Ш. въ тотъ же самый день — 4-го іюля — донесъ о первой переправѣ по начальству. Въ своемъ рапортѣ онъ наивно „полагаетъ, что были человѣческія жертвы: часть китайцевъ утонула, а большая часть (?!) переплыла на свою сторону“. Для объясненія „жертвъ“ въ рапортѣ прибавлены измышленія, что китайцы отказывались подчиняться и потому были приняты „строгія мѣры“. Были точно также рапорты штабсъ-капитана Р. и поручика А.

Получивъ всѣ эти донесенія, военный губернаторъ Амурской области сейчасъ же распорядился „по закону“: назначилъ до-

знаніе, но высшему начальству — пріамурскому генералъ-губернатору — предпочелъ не доносить. Не донесъ онъ и тогда, когда изъ дознанія убѣдился, что на лицо имѣется „уголовщина“ и что дѣло надо направить къ слѣдователю и къ прокурору.

Будучи потомъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго къ слѣдствію, генералъ Грибскій старался доказать, что онъ ни въ чемъ не виноватъ: руководствуясь ст. 270 и 396 тома II-го свода законовъ, онъ, для охраненія спокойствія жителей, приказалъ лишь собрать всѣхъ китайцевъ, „не пожелавшихъ остаться, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, въ городѣ“, а также тѣхъ, „кои являются подозрительными“, и затѣмъ всѣхъ этихъ лицъ переправить на китайскую сторону. Кто именно долженъ былъ быть выдворенъ—это генералъ Грибскій предоставилъ рѣшать полиціймейстеру, которому, будто бы, было „ясно указано“, что для переправы нужно достать лодки въ поселкѣ. Ни числа подлежавшихъ переправѣ китайцевъ, ни того, какъ именно ихъ будутъ переправлять, ни того, какъ съ ними будутъ обходиться, генералъ Грибскій, по его словамъ, совершенно не зналъ и этимъ не интересовался. Ходили потомъ по городу слухи, что передъ переправой управляющій обществомъ пароходства по Амуру, г. Макѣевъ, предлагалъ властямъ перевезти китайцевъ на правый берегъ на пароходѣ. Для опроверженія этихъ слуховъ генералъ Грибскій приказалъ произвести разслѣдованіе, которое благополучно и подтвердило, что г. Макѣевъ „ни губернатору, ни кому-либо изъ его подчиненныхъ“ предложеній о перевозкѣ китайцевъ не дѣлалъ. Затѣмъ, уже въ октябрѣ мѣсяцѣ, девять благовѣщенскихъ „нотаблей“ — вице-губернаторъ, воинскій начальникъ, полиціймейстеръ, полковникъ В. (о которомъ рѣчь будетъ ниже) и другіе — удостовѣрили, что „никто изъ нихъ по поводу перевозки съ Макѣевымъ разговора не имѣлъ и о подобномъ предложеніи никто изъ нихъ не былъ освѣдомленъ“. Было ли въ самомъ дѣлѣ г. Макѣевымъ сдѣлано какое-либо предложеніе — осталось невыясненнымъ, такъ какъ его самого на слѣдствіи не допросили, „за выбытіемъ изъ Благовѣщенска“.

Изъ показаній полиціймейстера выяснилась очень важная роль во всѣхъ описанныхъ событіяхъ выше упомянутаго полковника В., занимавшаго должность предсѣдателя амурскаго войскового правленія. Получивъ приказаніе военнаго губернатора переправить китайцевъ за Амуръ, полиціймейстеръ поручилъ своимъ подчиненнымъ, приставамъ З. и Л., обратиться за содѣйствіемъ къ В. Когда они 4-го іюля по телефону стали говорить съ послѣднимъ, то получили очень простой отвѣтъ по

телефону же: „что вы ко мнѣ пристаете съ китайцами, не велика бѣда, если ихъ всѣхъ перетопятъ и перерѣжутъ“. На слѣдствіи В. старался отъ этого разговора отпереться, но неудачно.

Такова общая картина благовѣщенскаго „утопленія“ по оффиціальнымъ даннымъ. А вотъ подробности изъ частныхъ источниковъ. Въ нашемъ распоряженіи находятся выдержки изъ дневника за 1900 г., веденнаго генералъ-маіоромъ Х. Подъ 27-мъ августа г. Х., находясь въ Благовѣщенскѣ, записалъ слѣдующій разсказъ своего знакомаго, секретаря духовной консисторіи П. „За нѣсколько дней до бомбардировки, купцы, богатые китайцы Юлхозанъ и другіе пришли къ директору китайскаго банка за совѣтомъ—какъ имъ быть: уѣзжать изъ Благовѣщенска, или оставаться. Директоръ послалъ ихъ спросить объ этомъ губернатора, т.-е. генерала Грибскаго, который обласкалъ ихъ и увѣрилъ, что они находятся подъ покровительствомъ русскихъ законовъ и не должны ничего опасаться, а тѣмъ болѣе покидать городъ. На другой же день послѣ первой бомбардировки приказано было собрать всѣхъ китайцевъ, безъ разбора, въ полицію и въ особые дворы, охраняемые полиціей. Многіе изъ русскихъ старались удержать у себя служащихъ у нихъ китайцевъ и брали ихъ на поруки, но полиція этого не дозволяла. Впрочемъ многимъ китайцамъ удалось откупиться отъ полиціи и спрятаться у русскихъ. Богачъ Юлхозанъ былъ спрятанъ отставнымъ полковникомъ Рубаномъ или Рубановымъ (безвозмездно), но когда объ этомъ узнала полиція, то потребовала съ Юлхозана за это 1.000 рублей; тотъ далъ 800 рублей, обѣщавъ 200 заплатить послѣ, но послѣ катастрофы отказался заплатить эти 200 рублей и за это былъ засаженъ въ тюрьму. Большая фирма Кунстъ-Альберсъ отказала полиціи въ выдачѣ нѣсколькихъ десятковъ своихъ служащихъ китайцевъ и такимъ образомъ сохранила ихъ. Нѣкоторымъ частнымъ лицамъ тоже удалось сохранить своихъ служащихъ или знакомыхъ китайцевъ отъ рвенія полиціи“. Дальше идетъ описаніе переправы, въ сущности подтверждающее вышеприведенную картину „Благовѣщенской утопіи“, какъ ее называли на Дальнемъ Востокѣ.

Особыя слѣдственныя дѣла выяснили рядъ другихъ жестокихъ расправъ съ мирными китайцами въ Амурской области, имѣвшихъ мѣсто въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ. Самымъ крупнымъ изъ нихъ является уничтоженіе китайцевъ въ станицѣ Поярковской.

5-го іюля полковникъ В. получилъ донесеніе атамана Пояр-

ковской станицы К. о задержаніи 85-ти китайцевъ (съ парохода „Саратовъ“ и бродячихъ), а также и китайскаго полковника. Въ отвѣтъ на это донесеніе онъ телеграфировалъ: „китайцевъ отправить рѣку или уничтожить, если будутъ сопротивляться“. Атаманъ усумнился, какъ понимать эту телеграмму: отправить китайцевъ *за* рѣку или *въ* рѣку. В., 7-го іюля, разрѣшилъ недоразумѣніе очень характерной депешей: „нужно быть сумасшедшимъ и неразумнымъ, чтобы спрашивать, что дѣлать китайцами; когда сказано уничтожить ихъ, то и слѣдуетъ уничтожить безъ разсужденій. Полковника китайскаго держать не въ особомъ помѣщеніи, а въ карцерѣ наравнѣ со всѣми. Все, что у него есть отобрать; всѣ мои приказанія исполнять безъ всякихъ уклоненій и не самовольничать, глупостями меня не безпокоить“. Того же 7-го іюля В. разослалъ циркулярную телеграмму своимъ подчиненнымъ—станичнымъ атаманамъ и начальнику 3-го участка: „Появляющихся на нашей сторонѣ китайцевъ уничтожать, не испрашивая указаній“.

Атаманъ К. объяснилъ на слѣдствіи, что, получивъ телеграммы полковника В., онъ сдѣлалъ распоряженіе переправить китайцевъ за Амуръ на лодкахъ, назначивъ для наблюденія за переправой урядника П. и нѣсколькихъ казаковъ-малолѣтковъ. Такъ какъ китайцы пробовали разбѣгаться въ разныя стороны и „стали бунтовать, бросаясь въ воду и выбѣгая на берегъ“, то по нимъ открыли стрѣльбу и большую часть перебили. Послѣ этого малолѣтки, съ помощью постороннихъ лицъ, перевязали оставшихся на баржѣ 15—18 человѣкъ китайцевъ, увели ихъ за станицу, въ лѣсъ, и тамъ прикончили. Во всей станицѣ Поярковской остались нетронутыми и цѣлыми всего только пять китайцевъ — мѣстныхъ торговцевъ, которыхъ держали подъ особой охраной въ школѣ. В. объяснилъ свои телеграммы слухами о наглости китайцевъ и о ихъ воинственныхъ намѣреніяхъ, а также „общимъ безотраднымъ положеніемъ области“ и малочисленностью казачьяго населенія области.

Запросы о томъ, что дѣлать съ китайцами, поступали и отъ другихъ станичныхъ начальниковъ. Такъ, 3-го іюля атаманъ Албазинской станицы донесъ В., что въ поселкѣ Райновскомъ находятся до 100 китайцевъ. На это В. того же числа кратко телеграфировалъ: „удалить китайскую сторону“. Райновскій атаманъ дополнительныхъ разъясненій не требовалъ, а понялъ приказаніе разумно и гуманно: мирно, безъ всякихъ насилій, переправилъ всѣхъ своихъ китайцевъ, 5-го іюля, на правый берегъ Амура. Атаману Кумаринской станицы, доносившему о появленіи въ Содомонѣ 200 ки-

тайцевъ и просившему указаній, какъ поступить, В., 7-го іюля, отвѣтилъ рѣшительной телеграммой ранѣе выработаннаго имъ шаблона: „китайцевъ уничтожить... нужно быть сумасшедшимъ, чтобы спрашивать каждый разъ распоряженія“. Такое же распоряженіе объ уничтоженіи В. далъ 7-го іюля атаману Черняевой станицы, въ отвѣтъ на донесеніе о задержаніи на Вогановской пристани 30 китайцевъ. Что было въ самомъ дѣлѣ сдѣлано съ этими 30 китайцами и съ 200 китайцами въ Содомонѣ—слѣдствію выяснить не удалось, можетъ быть потому, что въ дѣлѣ амурскаго войскового правленія, въ которомъ была сосредоточена вся переписка объ уничтоженіи китайцевъ, не оказалось, по удостовѣренію слѣдователя, многихъ листовъ.

Наконецъ, 7-го іюля, власти опомнились. Генералъ Грибскій получилъ въ этотъ день телеграфный запросъ изъ Покровки: „Поселковый атаманъ получилъ распоряженіе станичнаго атамана выдворить всѣхъ китайцевъ правый берегъ, не допускать перевозить къ намъ китайцевъ, а въ случаѣ сопротивленія уничтожить ихъ, прошу подтвержденія, слѣдуетъ ли исполнить“. Генералъ Грибскій положилъ на этой телеграммѣ резолюцію: „прошу разъяснить станичнымъ властямъ, что мы ведемъ борьбу съ вооруженными китайцами, которые проявляютъ къ намъ вредныя дѣйствія. Мирныхъ, безвредныхъ китайцевъ, а тѣмъ паче безоружныхъ, никоимъ образомъ не обижать. Для спасенія ихъ жизни отправлять ихъ на свою сторону въ лодкахъ, или на паромахъ“. Немедленно послѣ этого измѣнилъ характеръ своихъ депешъ и полковникъ В.: онъ сталъ разсылать по станицамъ телеграммы уже о томъ, чтобы „не трогали мирныхъ китайцевъ и не уничтожали ихъ“.

Такимъ образомъ для прекращенія варварскихъ избіеній массы ни въ чемъ неповинныхъ людей достаточно было всего лишь, буквально, нѣсколькихъ словъ генерала Грибскаго, раньше не знавшаго или не видѣвшаго, что дѣлается у него передъ глазами.

Всѣми приведенными фактами не исчерпывается мартирологъ китайцевъ, проживавшихъ въ Амурской области въ іюльскіе дни 1900-го года. 6—7 іюля въ деревни Ново-Троицкую и Егорьевку были доставлены пересылавшіеся подъ конвоемъ 40 китайцевъ и тамъ всѣ убиты мѣстными крестьянами, по подстрекательству писаря, который читалъ крестьянамъ объявленіе генералъ-губернатора о введеніи въ краѣ военнаго положенія и комментировалъ это объявленіе въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ убивать всѣхъ китайцевъ. Затѣмъ полицейскій приставъ 4-го Амурскаго округа отдалъ распоряженіе убить 400 китайцевъ, которыхъ и пере-

били крестьяне разныхъ деревень. Гдѣ именно происходили эти избіенія—изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи матеріаловъ не видно. Наконецъ, были и единичные случаи убійства хозяевами-русскими своихъ работниковъ-китайцевъ.

Теперь намъ остается разсказать о томъ, какая судьба постигла виновниковъ всѣхъ описанныхъ ужасовъ. Напрасно читатель сталъ бы искать гдѣ-нибудь въ архивахъ протоколовъ судебныхъ процессовъ о генералѣ Грибскомъ и подчиненныхъ ему должностныхъ лицахъ, или отчетовъ объ этихъ процессахъ. Дѣло въ томъ, что этихъ процессовъ не было: было признано достаточнымъ ограничиться данными предварительныхъ слѣдствій и дознаній, разрѣшивъ окончательно всѣ эти дѣла тихо и спокойно, безъ всякой огласки, въ административномъ порядкѣ.

По соглашенію трехъ министровъ—егермейстера Сипягина, статсъ-секретаря Муравьева и генералъ-адъютанта Куропаткина — въ февралѣ 1902-го года было испрошено разрѣшеніе на окончаніе дѣла безъ преданія суду виновныхъ. Генералъ-лейтенантъ Грибскій, противъ котораго было формулировано обвиненіе въ бездѣйствіи власти—отдачѣ лишь словеснаго приказанія о выдвореніи и переправѣ китайцевъ, а не письменнаго приказа,—въ непринятіи мѣръ къ выясненію, насколько могла быть осуществима переправа, въ неопредѣленности распоряженій объ организаціи самой переправы, въ недонесеніи высшему начальству и т. п., подвергся за такія формальныя упущенія формальному взысканію: онъ былъ отчисленъ отъ занимаемыхъ имъ должностей. При этомъ, „во вниманіе къ прежней отличной его службѣ и боевымъ заслугамъ во время военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ въ 1900-мъ году“, было признано справедливымъ откомандировать его въ распоряженіе начальника главнаго штаба на одинъ годъ, съ производствомъ ему жалованья по чину и квартирныхъ по положенію, т.-е. оставить его на службѣ. Полиціймейстеръ, также за „бездѣйствіе власти и нераспорядительность“, былъ удаленъ отъ должности. Помощника пристава Ш., признаннаго виновнымъ, между прочимъ, въ томъ, „что при переправѣ китайцевъ черезъ Амуръ вплавь онъ не только не удерживалъ конвойныхъ и частныхъ лицъ отъ насилій надъ китайцами, но и самъ приказывалъ стрѣлять по нимъ и рубить ихъ топорами“, опредѣлено было „считать уволеннымъ отъ службы безъ прошенія и подвергнуть аресту на гауптвахтѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ“. Нѣсколько болѣе строгому взысканію подвергся полковникъ В.: за свои распоряженія и телеграммы, имѣвшія послѣдствіемъ гибель множества людей, онъ былъ уво-

ленъ отъ службы безъ прошенія, съ воспрещеніемъ вновь поступать на службу и съ арестованіемъ на гауптвахтѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Всѣ прочіе, привлекавшіеся къ слѣдствію по обвиненію въ убійствахъ китайцевъ нижніе чины—атаманы, урядники, казаки, новобранцы и т. п.—освобождены отъ всякой отвѣтственности.

Такъ было оффиціально покончено дѣло о благовѣщенской „утопіи“. Какъ отнеслось къ дѣятелямъ и виновникамъ этого происшествія общественное мнѣніе, сказать очень трудно, ибо оно не могло въ то время проявить себя сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ. Можно думать, что отношеніе было очень неодобрительное. Въ дневникѣ генерала Х., о которомъ упоминается выше, авторъ описываетъ обѣдъ у пріамурскаго генералъ-губернатора Гродекова, имѣвшій мѣсто 1-го сентября 1900-го года, и, между прочимъ, пишетъ: „за столомъ у генерала Гродекова, гдѣ засѣдаетъ весь его штабъ, очевидно принято не говорить про Амурскую область, какъ о предметѣ неприличномъ, но иногда прорывается слово, другое, изъ которыхъ видно, что въ Хабаровскѣ все извѣстно и не одобряется... Къ Г. относятся точно къ покойнику, о которомъ не слѣдуетъ дурно говорить; какъ только разговоръ случайно приблизится къ этой темѣ—всѣ сейчасъ опускаютъ сконфуженно глаза въ свои тарелки и воцаряется молчаніе“.

В.

СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНІЕ
РАБОЧИХЪ ВЪ РОССІИ

Стачечное движеніе русскихъ рабочихъ въ 1905—6 гг. представляетъ, по своей грандіозности, совершенно исключительное явленіе въ исторіи стачекъ. До послѣдняго времени не было данныхъ, которыя позволили бы дать общую объективную характеристику движенія. Пробѣлъ этотъ заполняется трудомъ отдѣла промышленности, заключающимъ статистическую обработку данныхъ о стачкахъ за послѣднее трехлѣтіе (1906—1908 гг.). Раньше, въ 1908 г., были изданы матеріалы по статистикѣ стачекъ за 1905 г. Такимъ образомъ, въ связи съ имѣющейся оффиціальной статистикой стачекъ за все предыдущее десятилѣтіе, указанные матеріалы [1]) даютъ возможность на основаніи цифровыхъ данныхъ прослѣдить развитіе стачечнаго движенія отъ первыхъ его шаговъ до кульминаціонной точки подъема въ 1905-6 гг., съ послѣдующимъ пониженіемъ въ 1907 и 1908 гг.

За десятилѣтіе, предшествовавшее 1905-му году, въ среднемъ ежегодно въ стачкахъ участвовало около 3% всего числа рабочихъ. За тѣ же приблизительно годы въ странахъ Западной Европы бастовало во Франціи около 1,5%, въ Англіи—около 2%, въ Германіи—около 1%. „Эти цифры указываютъ—говорится въ отчетѣ отдѣла промышленности—на значительную

[1]) „Статистика стачекъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за трехлѣтіе 1906—1908 г.“. Составилъ и разработалъ фабричный ревизоръ В. Е. Варзаръ. „Статистическія свѣдѣнія о стачкахъ рабочихъ за десятилѣтіе 1895—1904 г.“. „Статистика стачекъ за 1905 г.“.

склонность рабочихъ въ русской заводско-фабричной промышленности прибѣгать къ стачкамъ въ спорахъ съ работодателями". Въ указанныхъ странахъ Западной Европы стачки не наказуемы, между тѣмъ какъ въ Россіи до 1905 г. онѣ влекли за собою административныя и судебныя репрессіи. Репрессіи эти, очевидно, не содѣйствовали уменьшенію стачекъ; наоборотъ, онѣ создавали напряженную атмосферу, при которой всякій конфликтъ легко превращался въ забастовку.

Наступилъ 1905-ый годъ. Изъ „значительной склонности къ забастовкѣ" выросло грандіозное массовое движеніе. Въ 1905 г. было 13.995 случаевъ стачекъ, въ которыхъ участвовало 2.863.173 человѣка, составляющихъ 163% всего числа рабочихъ [1]), вслѣдствіе повторенія стачекъ въ однихъ и тѣхъ же заведеніяхъ. При сравненіи этихъ цифръ съ данными за предыдущее время оказывается, что въ одномъ 1905 г. бастовало въ шесть разъ больше рабочихъ, чѣмъ за все десятилѣтіе 1895—1904 г. Необычайно высокій подъемъ стачечнаго движенія 1905 г. можно выразить еще ярче: въ 1900 г. въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, во Франціи, Англіи, Германіи, Австріи, Италіи и Бельгіи бастовало всего 1.164.775 рабочихъ, т.-е. слишкомъ вдвое меньше числа участниковъ русскихъ стачекъ въ 1905 г.

Слѣдующій, 1906-ой годъ продолжаетъ дѣло 1905 г. и также даетъ огромную цифру бастующихъ. Въ дальнѣйшемъ наблюдается пониженіе стачечной волны почти до нормальныхъ предѣловъ. Въ послѣдовательномъ порядкѣ за шесть лѣтъ движеніе опредѣляется слѣдующими данными:

Годы:	Число стачекъ:	Число участв. въ стачкахъ рабочихъ:
1903. . . .	550	86.832
1904. . . .	68	24.904
1905. . . .	13.995	2.863.173
1906. . . .	6.114	1.108.406
1907. . . .	3.573	740.074
1908. . . .	892	176.101

Эта таблица указываетъ на продолжающееся, не смотря на чрезвычайно неблагопріятныя условія, сравнительно интенсивное стачечное движеніе: даже въ 1908 г. стачекъ было слишкомъ вдвое больше, чѣмъ въ 1903-мъ году, одномъ изъ наиболѣе бурныхъ до 1905 г. Между стачками 1905 г. и стачками послѣдующаго

[1]) Изслѣдованіе охватываетъ свѣдѣнія о стачкахъ на фабрикахъ и заводахъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи.

трехлѣтія существуетъ, однако, коренное различіе: въ 1905 г. движеніе носитъ ярко наступательный характеръ, съ 1906 г. оно принимаетъ характеръ оборонительный. Число случаевъ самозащиты быстро возрастаетъ и къ 1908 г. составляетъ почти половину общаго числа стачекъ, возникающихъ на почвѣ основныхъ вопросовъ: рабочаго дня и заработной платы. По словамъ оффиціальнаго изданія, „послѣ бурнаго натиска 1905 г., съ громаднымъ числомъ стачекъ наступательнаго характера въ видахъ увеличенія заработной платы, то же настроеніе еще сохранялось, по инерціи, въ 1906 г.; но уже съ 1907 г. число требованій этого рода быстро падаетъ, и число наступательныхъ поводовъ приближается къ числу мотивовъ оборонительнаго характера. Сопротивленіе предпринимателямъ, стремящимся къ уменьшенію заработка, весьма незначительное въ начальный періодъ (1895—1904 г.), не велико также и въ періодъ бурнаго настроенія 1905 г.; но уже въ 1906 г., подъ давленіемъ наступившихъ затрудненій и общей неблагопріятной конъюнктуры въ области промышленности, предприниматели обнаруживаютъ усиленное желаніе отнять у рабочихъ вынужденныя уступки. Въ послѣдніе годы истекшаго трехлѣтія (1906—1908 г.) эта тенденція предпринимателей приводитъ къ стачкамъ, къ разсчетамъ рабочихъ: настроеніе мѣняется и растетъ число защитныхъ стачекъ. Подъ терминомъ: „защитныя стачки“ скрываются и случаи локаутовъ, которые, при неопытности и незнакомствѣ рабочаго съ этой формой предпринимательской борьбы, вызывали весьма часто со стороны рабочихъ не стремленіе къ соглашеніямъ, а контръ-стачки, при неблагопріятной конъюнктурѣ обыкновенно оканчивающіяся не въ пользу рабочихъ“.

Такимъ образомъ, стачки послѣднихъ лѣтъ въ значительной мѣрѣ вызваны стремленіемъ предпринимателей отнять завоеванія предыдущаго времени. И все это движеніе—отраженный потокъ бурнаго 1905-го года. Стачечныя волны поднимаютъ и опускаютъ рабочія массы, какъ будто по простымъ законамъ механики: за приливомъ слѣдуетъ не остановка движенія, а новое движеніе, но съ отрицательнымъ знакомъ—отливъ, который и является характернымъ для переживаемаго теперь момента.

Такова общая картина стачечнаго движенія. Обращаясь къ болѣе детальному разсмотрѣнію матеріала, приходится выдѣлить двѣ группы: стачки политическія и стачки экономическія. Стачка, какъ методъ экономической борьбы, и стачка, какъ форма политическаго движенія, взаимно переплетаясь, образовали сложную мозаику общественнаго возбужденія широкихъ городскихъ массъ;

но, совершенно отличаясь другъ отъ друга по своему внутреннему содержанію, онѣ должны быть разсмотрѣны каждая особо.

Говорить о политическихъ стачкахъ — значитъ остановиться на характеристикѣ движенія 1905 г. Около половины всего числа стачекъ этого года были „чисто-политическія", носившія характеръ ярко демонстративный и не связанныя съ экономическими требованіями. Слѣдующей наиболѣе распространенной категоріей стачекъ являются стачки „пассивно-политическія", возникшія подъ вліяніемъ солидарности, „симпатіи къ политическимъ", или явившіяся послѣдствіемъ демонстративныхъ стачекъ. Эта группа стачекъ, составляющая 1/4 всего числа, сопровождается, наряду съ чисто-политическими, также и экономическими требованіями. Такимъ образомъ, около трехъ четвертей всего числа стачекъ возникло по причинамъ преимущественно политическимъ, и только 1/4 часть имѣла главной своей причиной экономическія требованія.

Отношенія эти мѣняются, если принять во вниманіе не количество стачекъ, а число рабочихъ, участвовавшихъ въ нихъ. Побужденія демонстративно-политическія объединяютъ, въ среднемъ, меньшія группы рабочихъ (на стачку приходится 189 участниковъ); мотивы экономическіе вызываютъ болѣе многолюдныя стачки (243 раб.). Вслѣдствіе этого въ экономическихъ стачкахъ, не смотря на ихъ меньшее по сравненію съ политическими число, приняло участіе всего 1.406.256 рабочихъ, въ то время какъ мотивы не-экономическіе объединили только 1.303.439 человѣкъ. „Изъ сопоставленія этихъ цифръ несомнѣнно обнаруживается, что, не смотря на чисто революціонное настроеніе 1905 г., интересъ экономическихъ требованій во всякомъ случаѣ не въ меньшей, если не въ большей степени, возбуждалъ къ стачкамъ фабричныя рабочія массы". Экономическія требованія непосредственно мобилизировали крупныя массы, а политическіе мотивы сообщили движенію болѣе широкій размахъ, привлекая значительное количество заведеній, въ томъ числѣ и мелкихъ, что̀ понижало среднее число участниковъ политическихъ стачекъ.

Наряду съ тенденціей къ экстенсивному расширенію движенія дѣйствовали другія силы, стремившіяся *локализировать* стачки въ опредѣленныхъ пунктахъ. Около 86% стачекъ являются повторными, и въ этомъ проявляется вся грандіозность массоваго движенія 1905 г. Повторность стачекъ — наиболѣе характерное явленіе 1905-го года. Вслѣдствіе повторности движеніе фикси-

ровалось въ опредѣленныхъ пунктахъ страны. Стачки повторялись въ однихъ и тѣхъ же заведеніяхъ въ теченіе одного года отъ 2-хъ до 26-ти разъ. Чѣмъ крупнѣе заведенія данной группы, тѣмъ чаще они подвергаются стачкамъ вообще и повторнымъ стачкамъ въ частности. Въ среднемъ мелкія заведенія (до 20-ти рабочихъ) бастовали только въ половинномъ количествѣ общаго ихъ числа; среднія заведенія (отъ 21 до 100 рабочихъ) бастовали по одному разу въ годъ; болѣе крупныя—полтора раза, а самыя крупныя фабрики (свыше 1-й тыс. раб.) подвергались забастовкамъ болѣе двухъ разъ въ годъ.

Кромѣ размѣра предпріятій, на интенсивность движенія вліяло и ихъ территоріальное расположеніе. Промышленныя заведенія распредѣлены въ Россіи между городами и внѣгородскими поселеніями такъ, что внѣ городовъ находится болѣе половины всего числа рабочихъ. Между тѣмъ, въ городахъ было въ 1905—6 гг. 17.219 стачекъ, а внѣ городовъ—только 2.890. При болѣе детальномъ разсмотрѣніи и сравненіи оказывается, что при экономическихъ стачкахъ за первое десятилѣтіе фабрики и заводы въ городахъ подвергались стачкамъ втрое чаще, чѣмъ промышленныя заведенія внѣ городовъ, а въ годы политическаго подъема въ промышленныхъ заведеніяхъ въ городахъ рабочіе бастовали уже въ пять съ половиной (1905 г.) и даже въ шесть съ половиной разъ (1906 г.) чаще, чѣмъ на фабрикахъ внѣ городовъ.

Общая картина развитія стачечнаго движенія представляется, такимъ образомъ, въ слѣдующемъ видѣ. Подъ вліяніемъ политическаго возбужденія массъ стачки распространялись вширь, захватывая все новыя и новыя заведенія, но тенденція эта ослаблялась противоположной центростремительной силой, направлявшей стачечный потокъ въ тѣ промышленные центры, которые расположены въ городахъ, а здѣсь—преимущественно на крупнѣйшія заведенія. Повторными стачками въ крупныхъ промышленныхъ заведеніяхъ и былъ созданъ весь эффектъ грандіознаго массоваго движенія.

Экономическое стачечное движеніе имѣетъ свои особые законы развитія. Склонность рабочихъ къ экономическимъ стачкамъ увеличивается въ теплые мѣсяцы года. Воспользуемся закономъ большихъ цифръ и распредѣлимъ общее количество стачекъ за все четырнадцатилѣтіе 1895—1908 г. на три группы, включая въ первую стачки, возникшія въ теченіе четырехъ первыхъ мѣ-

сяцевъ года, во вторую—возникшія въ средніе, теплые мѣсяцы (май, іюнь и іюль), въ третью—стачки остальныхъ пяти мѣсяцевъ.

По разсчету для одного мѣсяца каждаго изъ указанныхъ періодовъ получимъ слѣдующія среднія цифры:

	Число участниковъ.	Число стачекъ.
I періодъ	88.334	401
II періодъ	177.594	869
III періодъ	57.889	297

Изъ этихъ цифръ видно, что на каждый изъ трехъ теплыхъ мѣсяцевъ падаетъ приблизительно вдвое большее число стачекъ и участниковъ стачекъ, чѣмъ на первый періодъ, и втрое большее, чѣмъ на третій. Огромное количество наблюденій за четырнадцать лѣтъ устраняетъ возможность искать объясненія этому факту въ случайныхъ причинахъ: подъемъ стачечной волны въ теплые мѣсяцы нужно признать характернымъ явленіемъ русской экономической стачки. Склонность рабочихъ къ стачкамъ въ теплые мѣсяцы наблюдается во многихъ странахъ Европы, но тамъ она не такъ опредѣленно и рѣзко выражена, какъ въ Россіи. Общее вліяніе оказываетъ, очевидно, причина, лежащая въ психо-физической природѣ человѣка — повышенная импульсивность рабочихъ массъ въ теплое время года. Но въ Россіи къ этому присоединяется еще могущественный экономическій факторъ: усиленный спросъ на трудъ въ лѣтнее время со стороны сельскаго хозяйства страны. Нашъ рабочій классъ не представляетъ еще самостоятельной, обособленной демографической единицы; ряды его постоянно пополняются деревенскими элементами, между промышленнымъ центромъ и деревней идутъ постоянные токи—туда и обратно. Сезонный спросъ на трудъ и повышеніе заработной платы со стороны сельскаго хозяйства измѣняютъ, въ извѣстный періодъ, конъюнктуру рынка труда, сообщаютъ рабочимъ массамъ большую устойчивость и создаютъ, такимъ образомъ, благопріятныя условія для стачечнаго движенія. Статистика, обнаруживая рѣзко выраженный подъемъ стачечной волны въ лѣтнее время, указываетъ, между прочимъ, что вліяніе деревни на жизнь промышленныхъ (городскихъ) рабочихъ въ современной Россіи проникаетъ гораздо глубже, чѣмъ это принято думать.

Въ сущности мы здѣсь имѣемъ частный случай болѣе общаго, повсемѣстно наблюдаемаго явленія: зависимости стачечнаго движенія отъ состоянія хозяйства. Расцвѣтъ промышленности со-

провождается подъемомъ стачечной волны. Сезонный расцвѣтъ спеціально въ области сельскаго хозяйства дѣйствуетъ въ Россіи на рынокъ труда подобно періодическому подъему въ самой промышленности—и вызываетъ соотвѣтственныя ритмическія колебанія въ стачечномъ движеніи.

Состояніе промышленности вліяетъ не только на направленіе, но и на результаты стачекъ: періодъ расцвѣта промышленности является вмѣстѣ съ тѣмъ періодомъ успѣшныхъ стачекъ. Это общее правило не оправдалось въ русскомъ стачечномъ движеніи. Отсутствіе сильныхъ профессіональныхъ организацій, стихійность стачекъ и особыя условія ихъ развитія создали совершенно иныя отношенія.

Стачки за періодъ 1895—1904 г. въ общемъ происходили при чрезвычайно благопріятной экономической конъюнктурѣ (расцвѣтъ промышленности). Но число стачекъ, вполнѣ или отчасти окончившихся въ пользу рабочихъ, составляетъ за десятилѣтіе 50%, а число рабочихъ, въ нихъ участвовавшихъ — только 46,6% общаго числа бастовавшихъ. Для западно-европейскихъ стачекъ, судя по цифрамъ приблизительно того же времени, число вполнѣ или отчасти выигранныхъ рабочими стачекъ колеблется въ предѣлахъ 50—60%, при 60% числа участниковъ. Русскіе рабочіе не успѣли использовать благопріятную конъюнктуру этого времени. Наступилъ 1905-ый годъ—и, не смотря на чрезвычайно неблагопріятныя экономическія условія, стачки пріобрѣтаютъ необычную успѣшность. Экономическія стачки дали для этого года 78% удачныхъ, съ участіемъ 70,6% всего числа бастовавшихъ рабочихъ. Такая успѣшность рѣдко встрѣчается въ міровой исторіи стачекъ. Съ 1906 г. идетъ рѣзкое паденіе успѣшности: въ 1906 г. въ успѣшныхъ стачкахъ участвуютъ 66,5% общаго числа забастовавшихъ, въ 1907—42,3%, въ 1908 г.—только 31,1%; остальные 68,9% рабочихъ участвовали въ стачкахъ, кончившихся въ пользу работодателей. Пропорція успѣшности получается обратная 1905-му году.

Въ атмосферѣ общественно-политическаго подъема недавняго прошлаго рабочіе выступили какъ огромная соціально-политическая сила. Это обстоятельство создало чрезвычайно характерный психологическій эффектъ: захваченные врасплохъ предприниматели были оглушены соціально-политической силой движущихся массъ и въ этомъ состояніи часто даже преувеличивали профессіонально-экономическое ихъ вліяніе. Только этимъ и можно объяснить необычайно возросшую успѣшность стачекъ за періодъ 1905—6 г., успѣшность, не вызывавшуюся ни экономическимъ

положеніемъ, ни экономической организованностью рабочихъ. Стихійная стачка одержала блестящія побѣды, но эти побѣды оказались непрочными. Въ дальнѣйшемъ начинается контръ-движеніе со стороны предпринимателей, и, при отсутствіи крѣпкихъ профессіональныхъ союзовъ, рабочія массы терпятъ пораженіе.

Кромѣ внѣшнихъ причинъ, на ту или иную степень успѣшности стачки вліяютъ причины, лежащія въ самой стачкѣ, въ внутреннихъ условіяхъ ея развитія. Среднія цифры, выведенныя на основаніи данныхъ за четырнадцать лѣтъ, показываютъ, что результатъ полнаго успѣха стачки достигается сравнительно малолюдными группами бастующихъ (150 человѣкъ на стачку). Чѣмъ крупнѣе численность бастующихъ, тѣмъ успѣхъ сомнительнѣе. Проигрышъ стачки, т.-е. разрѣшеніе спора въ пользу работодателей, выпадаетъ на долю наиболѣе многолюдныхъ группъ (269 чел. на стачку). Такъ какъ величина группы бастующихъ зависитъ отъ величины заведенія, если оно цѣликомъ охвачено стачкой, или отъ числа присоединяющихся къ стачкѣ рабочихъ, если они бастуютъ не въ полномъ составѣ, то изъ указанной зависимости между размѣромъ группы бастующихъ и успѣхомъ стачки можно сдѣлать выводъ, что стачки наиболѣе удачны для рабочихъ въ мелкихъ заведеніяхъ и въ тѣхъ изъ крупныхъ, гдѣ рабочіе бастуютъ неполнымъ составомъ. Этотъ выводъ представляется на первый взглядъ нѣсколько парадоксальнымъ. Успѣхъ движенія въ среднихъ и мелкихъ заведеніяхъ объясняется, очевидно, тѣмъ, что въ нихъ стачки бываютъ рѣже. Что касается успѣшности частичныхъ стачекъ въ крупныхъ заведеніяхъ, то она зависитъ, какъ можно полагать, отъ того, что частичная забастовка въ отдѣльныхъ цехахъ ставитъ все заведеніе въ затруднительное положеніе и заставляетъ предпринимателя идти на уступки.

Существуетъ также опредѣленная зависимость между успѣхомъ стачки и ея продолжительностью. Дѣля число потерянныхъ при стачкахъ дней на число рабочихъ-участниковъ стачекъ, получимъ, въ среднемъ, слѣдующіе коэфиціенты упорства для стачекъ различной успѣшности:

Результаты стачекъ:	Въ 1895—1904 г.г.	За 1906 г.	За 1907 г.	1908 г.
Въ пользу рабочихъ.	3,8	7,1	5,7	4,4
Взаимныя уступки (компромиссъ).	5,1	10,4	8,7	6,6
Въ пользу работодателей. . . .	5,2	11,7	10,6	11,0

Цифры эти, правильно увеличивающіяся отъ стачекъ успѣшныхъ къ неуспѣшнымъ, обнаруживаютъ съ несомнѣнностью, что

русскія фабричныя стачки, въ среднемъ, чѣмъ продолжительнѣе, тѣмъ менѣе успѣшны для рабочихъ [1]). Иначе: успѣхъ стачки обратно пропорціоналенъ ея продолжительности.

Здѣсь обнаруживается наиболѣе слабая сторона стачки, какъ метода экономической борьбы. Въ связи съ указанной выше зависимостью между числомъ участниковъ стачки и ея успѣшностью, получается слѣдующій выводъ: чѣмъ стачка многолюднѣе и продолжительнѣе, тѣмъ она менѣе успѣшна.

Если стачки болѣе продолжительныя оказываются менѣе успѣшными по сравненію съ непродолжительными, происходящими въ той же странѣ, въ тѣхъ же условіяхъ и въ тотъ же періодъ времени, то, при сравненіи среднихъ коэфиціентовъ продолжительности стачекъ въ разныхъ странахъ, обнаруживается обратная зависимость: стачки успѣшнѣе въ той странѣ, гдѣ онѣ продолжительнѣе. Это происходитъ, очевидно, подъ вліяніемъ профессіональныхъ союзовъ, сокращающихъ общее число стачекъ, но ведущихъ борьбу выдержанно и упорно. Это обстоятельство даетъ автору „Статистики“ поводъ отнести повышающійся въ Россіи коэфиціентъ упорства къ разряду положительныхъ явленій.

Въ среднемъ выводѣ на одного бастовавшаго рабочаго получается слѣдующее число потерянныхъ рабочихъ дней:

За 10 лѣтъ (1895—1904 г.г.)	4,8 дней
„ 1906 годъ	8,9 „
„ 1907 „	7,6 „
„ 1908 „	9,1 „

Русскія стачки—говоритъ по поводу этихъ цифръ г. Варзаръ,—„должны повышать коэфиціентъ упорства забастовщиковъ въ связи съ увеличеніемъ организованности и предусмотрительности рабочихъ, накопившихъ опытъ въ жизни послѣдняго времени. Въ этомъ нельзя усмотрѣть опасности для нормальнаго развитія промышленности. Не надо забывать, что коэфиціентъ упорства забастовщиковъ возрастаетъ по мѣрѣ развитія организованности и осторожности рабочаго класса въ борьбѣ съ предпринимателями“. У насъ профессіональная организованность рабочихъ не имѣла возможности возрасти; этому мѣшали чисто

[1]) Такая же зависимость, хотя и не всегда съ одинаковой ясностью, установлена и для европейскихъ стачекъ. См. А. Саллючи, „Теорія стачки“, Спб., 1904 г. (переводъ съ итальянскаго).

внѣшнія причины. Повышеніе средней продолжительности русской стачки за послѣдніе годы имѣетъ совершенно другое объясненіе: чрезвычайно увеличилось число неудачныхъ стачекъ, которыя, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе продолжительными, повысили средній коэфиціентъ.

Коэфиціенты продолжительности стачекъ въ главнѣйшихъ странахъ составляютъ:

Для Англіи	34,2	рабочихъ дня
„ С.-Америки	25,4	„ „
„ Франціи	14,3	„ „
„ Австріи	12,1	„ „
„ Италіи	10,3	„ „
„ Россіи (за 10 лѣтъ) . . .	4,8	„ „

„Если сдѣлать — говоритъ г. Варзаръ — разсчетъ потерянныхъ забастовочныхъ поденщинъ не на число только забастовщиковъ, а на все число рабочихъ, занятыхъ въ промышленности, то получимъ коэфиціенты распространенности забастовки вообще, при чемъ приведенный выше порядокъ странъ совершенно измѣнится и будетъ приблизительно обратный. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ стачки бываютъ продолжительныя, при организованности рабочихъ массъ, онѣ осторожнѣе и рѣже обращаются въ борьбѣ къ содѣйствію такого опаснаго средства, какъ стачка; наоборотъ, при стихійности стачекъ, неопытности и неорганизованности рабочихъ, стачки возникаютъ часто и бываютъ продолжительными“. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ странахъ, гдѣ стачки, при высокой организованности рабочихъ массъ, болѣе продолжительны, онѣ и болѣе успѣшны (Англія, Германія, С.-Америка), а тамъ, гдѣ онѣ часты и импульсивны (Франція, Россія Италія)— успѣшность ихъ значительно понижается.

Чрезвычайно низкій коэфиціентъ упорства русскихъ стачекъ по сравненію съ другими странами является показателемъ неорганизованности, стихійности русскаго стачечнаго движенія. Русскій рабочій бастуетъ чаще англійскаго, но онъ не можетъ продержаться, въ среднемъ, болѣе 5-ти дней, въ то время какъ, при содѣйствіи союзовъ, англійскій рабочій сопротивляется 34,2 дня, американскій — 25,4 дня.

За послѣдніе годы вѣроятность успѣха русскихъ стачекъ, какъ мы уже говорили выше, чрезвычайно понизилась. Такое рѣзкое пониженіе не было бы возможно при существованіи крѣпкихъ профессіональныхъ союзовъ, ибо первый же уклонъ стачечнаго движенія въ сторону меньшей успѣшности вызвалъ бы пониженіе стачечной волны за счетъ стачекъ, не обѣщающихъ

успѣха. Но у насъ, при отсутствіи необходимыхъ условій для развитія профессіональныхъ союзовъ, пониженный успѣхъ экономическихъ стачекъ отклоняетъ все движеніе въ сторону демонстративно-профессіональныхъ и политическихъ протестовъ. Это можно сказать не только о движеніи 1905 г., но и о томъ, что происходитъ за послѣдніе годы. Въ 1906 г. число рабочихъ, участвовавшихъ въ демонстративно-профессіональныхъ забастовкахъ, составляло 59,8% общаго числа бастующихъ, въ 1907 г.—76,8%, въ 1908 г.—53,9%. „Начиная съ 1905 г., стачки протекаютъ при видимомъ преобладаніи демонстративныхъ и профессіональныхъ мотивовъ; число участниковъ этого рода забастовокъ составляетъ больше половины всего числа бастующихъ, и такимъ образомъ за послѣдніе четыре года все движеніе окрасилось въ цвѣтъ не-экономическихъ требованій. Даже въ послѣдніе два года (1907—1908), когда безуспѣшность экономическихъ домогательствъ сильно уменьшила склонность къ забастовкамъ со стороны рабочихъ, профессіональные и демонстративные мотивы продолжали занимать главное мѣсто въ движеніи. Можно сказать даже болѣе: по мѣрѣ того, какъ безплодность забастовокъ съ экономическими требованіями являлась очевидной, энергія массъ направлялась на забастовки демонстративнаго характера“ („Статистика“, стр. 48).

Это явленіе чрезвычайно характерно. Оно вызывается тѣми внѣшними условіями, которыя мѣшаютъ развитію профессіональныхъ союзовъ. Только рабочія организаціи могутъ оформить движеніе, ввести его въ нормальное русло.

Стачка, какъ методъ экономической борьбы, неразрывно связана съ союзной организаціей. Руководимая профессіональнымъ союзомъ, стачка имѣетъ свою тактику, свою стратегію, построенную на строгихъ логическихъ основаніяхъ. Но тамъ, гдѣ возникаетъ неорганизованная стачка, кончается логика и начинается психологія массы.

Г. Гольдбергъ.

ФИНЛЯНДСКІЙ ВОПРОСЪ

I.

Не впервые онъ возникаетъ передъ русскимъ обществомъ и передъ законодательными учрежденіями имперіи. Еще въ царствованіе Александра III, въ то время, когда я призванъ былъ читать лекціи въ Стокгольмѣ, весною 1888-го года, мнѣ приходилось не разъ слышать въ шведскомъ обществѣ отголосокъ тѣхъ опасеній, какія вызывали въ средѣ финляндцевъ слухи о предстоящемъ ограниченіи ихъ автономіи. Большія надежды возлагались на предстательство датской королевы предъ императоромъ Александромъ III, и когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, пришло отъ датскаго двора утѣшительное извѣстіе, что никакого похода предпринято не будетъ, финляндцы, случайно попавшіе въ Стокгольмъ, не скрывая своей радости, славословили на всѣ лады правящую династію за строгое соблюденіе ею принятыхъ на себя обязательствъ по отношенію къ ихъ родинѣ.

Нужно ли напоминать, въ какихъ условіяхъ возродился снова финляндскій вопросъ—со времени назначенія въ Финляндію генералъ-губернаторомъ сперва графа Гейдена, потомъ Бобрикова? Въ матеріалахъ о порядкѣ изданія законовъ, касающихся Финляндіи, по вопросамъ общегосударственнаго значенія, какіе розданы были членамъ нашихъ законодательныхъ палатъ, приведены буквально важнѣйшіе документы этого времени, призванные бросить свѣтъ на зародышъ того движенія въ пользу общеимперскаго законодательства для Финляндіи, осуществить которое призваны нынѣ Дума и Государственный Совѣтъ. Изъ нихъ оказывается, что еще въ 1881-мъ году выработанъ былъ графомъ Гейденомъ проектъ,

гласившій, что законы общіе для великаго княжества и остальной имперіи издаются порядкомъ, опредѣленнымъ въ основныхъ государственныхъ законахъ. Не принятыя сеймомъ законодательныя предложенія правительства, разъ они соприкасаются съ общими пользами и нуждами россійскаго государства, становятся законами, буде того пожелаетъ Государь Императоръ. Точно также единоличной волей Государя тѣ или другія нормы пріобрѣтаютъ значеніе закона, разъ онѣ не касаются тѣхъ предметовъ, которые поименованы въ особой статьѣ, какъ коренные мѣстные законы Финляндіи, и не могутъ подвергнуться измѣненію, дополненію или отмѣнѣ безъ участія сейма. Въ числѣ ихъ мы находимъ, рядомъ съ церковными законами евангелическолютеранскаго исповѣданія, и всѣ тѣ, которыя касаются правъ и привилегій сословій, наложенія прямыхъ налоговъ и отбыванія воинскихъ повинностей, всю область гражданскаго права и частнаго землевладѣнія, постановленія о финляндскомъ банкѣ, весь сеймовой уставъ и наконецъ важнѣйшія нормы финляндскаго устава о воинской повинности, отмѣненнаго впослѣдствіи манифестомъ 29-го іюня 1901-го года. Эти предположенія графа Гейдена интересны тѣмъ, что въ нихъ иниціатива общеимперскаго законодательства предоставлена Государю Императору, который, при отказѣ сейма дать свое согласіе на сдѣланное ему предложеніе законовъ, имѣющихъ общеимперское значеніе, вправѣ дать имъ силу собственной властью, съ тѣми „измѣненіями“, противъ выраженнаго сеймомъ заключенія, какія имъ признаны будутъ желательными. Но если проектъ Гейдена открывалъ такимъ образомъ для императора широкую возможность существеннаго измѣненія финляндскихъ законодательныхъ порядковъ общеимперскими законами, то онъ въ то же время заключалъ въ себѣ несомнѣнное признаніе, что въ отношеніи къ предметамъ, переименованнымъ въ перечнѣ какъ подлежащіе вѣдѣнію сейма, императоръ не имѣетъ той свободы законодательнаго самоопредѣленія, какая признается за нимъ во всѣхъ другихъ областяхъ („Матеріалы“, стр. 11 и 12).

Этотъ проектъ графа Гейдена тѣмъ интересенъ, что въ основной своей мысли сходится съ рѣшеніемъ, на которомъ остановилась Государственная Дума, признавшая, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, что по предметамъ законодательства общеимперскаго починъ принадлежитъ единственно Государю Императору. Но проектъ Гейдена въ одномъ отношеніи рѣзко отличается отъ того, какой представленъ былъ въ Государственную Думу и получилъ ея утвержденіе. Въ немъ нѣтъ признанія, что изданные

въ общемъ порядкѣ законы и постановленія сами собою отмѣняютъ всѣ несогласныя съ ними правила финляндскихъ законовъ и постановленій; наоборотъ, по отношенію къ предметамъ, спеціально перечисленнымъ въ спискѣ, требуется согласное рѣшеніе императора и сейма. Въ недавно вышедшемъ сочиненіи г. Руссобытовскаго, озаглавленномъ: „Историческое освѣщеніе финляндскаго вопроса", обстоятельно изложены тѣ событія, какія вызваны были въ Финляндіи первымъ по времени походомъ противъ ея автономіи. Событія эти еще въ памяти у всѣхъ, и нѣтъ, поэтому, ближайшей необходимости останавливаться на ихъ разсмотрѣніи. Для насъ важно только то, что касается дальнѣйшаго хода общеимперскаго законодательства. Совѣщаніе, учрежденное подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя комитета министровъ Бунге, остановилось на той мысли, что со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи для нея неоднократно издавались подъ разными наименованіями постановленія, имѣвшія не одно мѣстное, но и общегосударственное значеніе. Никакихъ правилъ относительно измѣненія и разсмотрѣнія ихъ, однако, не существуетъ. Такія правила безусловно необходимы. Далѣе этого признанія коммиссія не пошла, такъ какъ въ ней русскіе члены разошлись съ финляндскими по вопросу о предѣлахъ общеимперскаго законодательства. Русскіе члены совѣщанія полагали, что всякій проектъ закона, общаго для всей имперіи со включеніемъ великаго княжества, долженъ разсматриваться въ Государственномъ Совѣтѣ; по вопросамъ же, подлежащимъ, согласно финляндскимъ законамъ, внесенію въ сеймъ, отъ послѣдняго требовались бы только простыя заключенія, лишенныя обязательной силы. Это— тотъ самый путь, котораго держалось правительство при внесеніи своего проекта о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія. Финляндскіе члены совѣщанія высказывали ту же мысль, которую повторяютъ и нынѣ депутаты финляндскаго сейма, а именно, что такой порядокъ былъ бы нарушеніемъ основныхъ законовъ Финляндіи, и предлагали подвергать всѣ подобные проекты разсмотрѣнію сейма; за Государственнымъ же Совѣтомъ осталось бы только право высказываться во всеподданнѣйшемъ докладѣ о томъ, слѣдуетъ ли утвердить принятый сеймомъ проектъ или желательно его отвергнуть. Раздѣлялъ русскихъ и финляндскихъ членовъ совѣщанія также вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли составить перечень вопросовъ общеимперскаго законодательства или нѣтъ. Русскіе члены совѣщанія въ это время, т.-е. съ октября 1892-го по январь 1893-го года, высказывались противъ такого перечня, фин-

ляндскіе же настаивали на немъ. Предложенный ими списокъ предметомъ общеимперскаго законодательства касается многихъ, но далеко не всѣхъ вопросовъ, какіе включены нынѣ въ число общеимперскихъ. Въ немъ говорится о томъ, что къ сферѣ общихъ для Финляндіи и имперіи дѣлъ относятся общія условія пріобрѣтенія подданства, общій порядокъ пріобрѣтенія правъ гражданства въ Финляндіи уроженцами имперіи и на оборотъ, правила исполненія судебныхъ рѣшеній въ обѣихъ странахъ, правила о торговыхъ сношеніяхъ Финляндіи съ другими частями имперіи, взаимная охрана торговыхъ фирмъ и клеймъ, взаимная охрана художественной и литературной собственности. Я перечислилъ только тѣ предметы общеимперскаго законодательства, поименованные въ спискѣ 1892—93-го годовъ, которые попали и въ нынѣ составленный перечень. Ни о желѣзнодорожномъ или почтовомъ законодательствѣ, ни о регулированіи печати общеимперскими нормами въ перечнѣ 1892-го года не упомянуто ни словомъ, по всей вѣроятности потому, что и почта, и печать въ это время принадлежали къ числу такихъ предметовъ, по которымъ Государь Императоръ, какъ Великій Князь, могъ законодательствовать единолично, безъ участія сейма, такъ какъ они входили въ широкую въ Финляндіи область административныхъ и экономическихъ рѣшеній, принимаемыхъ вел. княземъ единолично. Но нѣтъ также въ перечнѣ упоминанія объ обезпеченіи государственныхъ интересовъ въ дѣлѣ установленія программъ преподаванія и надзора за ними, такъ какъ школа, очевидно, не входитъ въ сферу тѣхъ вопросовъ, по которымъ необходимо законодательное единство и, слѣдовательно, однообразіе порядка на протяженіи всей имперіи. И въ то время, какъ и теперь, народное образованіе было поставлено въ Финляндіи на болѣе широкихъ началахъ, чѣмъ въ имперіи; число безграмотныхъ было ничтожно и свѣдѣнія, сообщаемыя дѣтямъ крестьянъ, несравненно значительнѣе тѣхъ, какія они получаютъ въ Россіи, благодаря большей въ Финляндіи продолжительности срока начальнаго обученія.

Еще въ совѣщаніи Н. Х. Бунге намѣчены были нѣкоторыя рѣшенія, воспроизводимыя нынѣ правительственнымъ законопроектомъ. Такъ, русскими членами предложено было предоставить одному Государю Императору рѣшеніе вопроса, признать ли тотъ или другой законъ имѣющимъ общеимперское значеніе, или значеніе только мѣстное. Финляндскіе члены совѣщанія настаивали на той мысли, что по предметамъ общеимперскаго законодательства можно ограничиться созданіемъ общихъ руководящихъ началъ, съ тѣмъ, чтобы подробныя правила были каждый

разъ установляемы отдѣльно для имперіи и отдѣльно для великаго княжества. Это дало бы, полагали они, возможность сообразовать эти нормы съ существующимъ въ каждой изъ двухъ частей имперіи строемъ правленія. Совѣщаніе Бунге закончилось составленіемъ не одного, а двухъ несогласныхъ между собою проектовъ общеимперскаго законодательства — русскаго и финляндскаго.

Новое совѣщаніе назначено было, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Михаила Николаевича, въ 1899-мъ году, опять-таки для выработки проекта общеимперскаго законодательства. Совѣщаніе это остановилось на той мысли, отголосокъ которой можно найти и во внесенномъ въ наши законодательныя палаты проектѣ. Оно признало, что какъ бы полно ни былъ составленъ перечень предметовъ общеимперскаго законодательства, постоянно развивающаяся жизнь всѣхъ частей россійскаго государства можетъ выдвинуть рядъ вопросовъ, имѣющихъ характеръ общихъ для всей имперіи. Поэтому, не останавливаясь на мысли о составленіи такого перечня, совѣщаніе признало наиболѣе правильнымъ установить, чтобы вопросы о примѣненіи вновь учреждаемаго порядка къ отдѣльнымъ случаямъ получали разрѣшеніе по непосредственному повелѣнію Государя Императора. По всѣмъ вопросамъ общеимперскаго законодательства отъ сейма предполагалось требовать лишь заключеній чисто совѣщательнаго характера. Они поступаютъ на обсужденіе Государственнаго Совѣта, мнѣнія котораго доводятся до свѣдѣнія Государя. Въ Высочайшемъ манифестѣ отъ 3-го февраля 1899 г. мы находимъ отраженіе тѣхъ же мыслей. Въ немъ говорится, что Государь Императоръ призналъ необходимымъ предоставить себѣ давать ближайшія указанія по предметамъ общеимперскаго законодательства (ibid., стр. 34).

Высочайшій манифестъ вызвалъ, какъ извѣстно, сильное недовольство въ Финляндіи и побудилъ какъ финляндскій сенатъ, такъ и финляндскій сеймъ къ всеподданнѣйшимъ представленіямъ на имя Государя. И сеймъ, и сенатъ жаловались на то, что изданныя въ согласіи съ манифестомъ основныя положенія 3-го февраля 1899 г. допускаютъ обнародованіе закона вопреки заключенію земскихъ чиновъ, и ходатайствовали передъ верховной властью о томъ, чтобы былъ выработанъ проектъ общеимперскаго законодательства, который затѣмъ поступилъ бы на разсмотрѣніе земскихъ чиновъ въ порядкѣ, опредѣленномъ основными законами края (ibid. стр. 43, 44, 45 и 46).

Вслѣдъ за законодательными учрежденіями Финляндіи само

населеніе княжества сочло нужнымъ послать Государю особый адресъ съ протестомъ противъ новыхъ мѣропріятій. Депутація, которой поручено было передать адресъ, не была принята и на письменномъ докладѣ, сдѣланномъ Императору, Государь начерталъ слова: „адресъ оставляю безъ послѣдствій; ходатайство нахожу неумѣстнымъ, такъ какъ манифестъ 3-го февраля касается общегосударственнаго, а не мѣстнаго законодательства".

На основаніи положеній 3-го февраля 1899 г., утвержденныхъ одновременно съ манифестомъ, иниціатива всякаго общеимперскаго закона исходитъ отъ одного Государя. Такой порядокъ соблюдается—значится въ положеніяхъ—въ отношеніи законовъ, дѣйствующихъ на всемъ пространствѣ имперіи со включеніемъ великаго княжества финляндскаго, а равно въ отношеніи законовъ, примѣняемыхъ въ предѣлахъ вел. княжества, если они касаются общегосударственныхъ потребностей или находятся въ связи съ общими законами. Эта статья вошла цѣликомъ и въ нынѣ поступившій на разсмотрѣніе палатъ проектъ общеимперскаго законодательства. На почвѣ новаго закона послѣдовало измѣненіе порядка отбыванія воинской повинности въ Финляндіи и изданъ былъ новый воинскій уставъ. При его обсужденіи С. Ю. Витте, бывшій въ то время министромъ финансовъ, предложилъ пріостановить дальнѣйшее привлеченіе финляндскихъ новобранцевъ къ отбыванію воинской повинности въ русскихъ частяхъ войскъ и взимать съ финляндской казны въ пользу имперской ежегодное пособіе. При этомъ имъ высказанъ былъ рядъ мыслей, заслуживающихъ вниманія и въ настоящее время. „Ассимилированіе Финляндіи съ Россіей только тогда окажется дѣйствительнымъ, — писалъ теперешній графъ 14-го января 1901 г., — когда проведено будетъ не силой, а мирными средствами, когда финскій народъ самъ оцѣнитъ ту пользу, какую принесетъ ему соединеніе съ могущественной державой, а пониманіе имъ самимъ этихъ выгодъ, говоря словами рескрипта 28-го февраля 1891 г., побудитъ его стремиться къ вящему укрѣпленію узъ, связывающихъ Финляндію съ Россіей... Желательное уничтоженіе таможенной черты—продолжаетъ, въ той же запискѣ на имя министра статсъ-секретаря по дѣламъ Финляндіи, фонъ-Плеве, С. Ю. Витте—должно послужить сильнымъ стимуломъ къ развитію торговаго обмѣна, этого самаго вѣрнаго и самаго мирнаго средства къ взаимному сближенію". Такимъ образомъ будущій предсѣдатель совѣта министровъ указывалъ еще въ 1901 г. тотъ правильный путь, которымъ Финляндія всего легче можетъ быть приведена къ сознанію пользы общеимперскаго

законодательства. Это тотъ путь, которымъ шли германскія королевства, княжества и республики въ своей объединительной политикѣ. Едва ли нужно теперь доказывать, что рекомендованный еще Листомъ таможенный союзъ прямо подготовилъ образованіе политической уніи сначала въ видѣ сѣверно-германскаго союза, а затѣмъ германской имперіи. И помимо С. Ю. Витте можно было встрѣтить въ рядахъ тогдашняго правительства сторонниковъ соблюденія финляндской конституціи при созданіи общеимперскаго законодательства. Когда сами финляндцы подняли вопросъ о составленіи точнаго перечня, В. К. фонъ-Плеве высказался въ томъ смыслѣ, что было бы цѣлесообразно установить опредѣленную границу между предметами общеимперскаго законодательства и мѣстнаго и что проектъ такого постановленія слѣдовало бы предложить сейму (см. „Матеріалы“, стр. 51).

Въ 1902-мъ году сдѣлана была новая попытка установленія общеимперскаго законодательства. Въ финляндскомъ сенатѣ образована была комиссія въ составѣ семи лицъ, но и они не могли придти къ единогласному рѣшенію. Большинство остановилось на мысли, что мѣры общеимперскаго законодательства, по выслушаніи подлежащихъ финляндскихъ учрежденій, могутъ быть принимаемы въ порядкѣ, который Его Императорское Величество признаетъ за благо опредѣлить. Меньшинство, по видимому, готово было признать тотъ порядокъ, которой установленъ былъ манифестомъ и основными положеніями 3 февраля 1899 г. Ни большинство, ни меньшинство не останавливались на мысли о томъ, что перечень предметовъ общеимперскаго законодательства долженъ быть исчерпывающимъ и не можетъ быть восполненъ впослѣдствіи. Всѣ члены комиссіи настаивали на необходимости провести черезъ финляндскій сеймъ законъ, разграничивающій сферу общаго и мѣстнаго законодательства.

Когда закончена была дѣятельность комиссіи, образованной финляндскимъ сенатомъ, Высочайшимъ манифестомъ 1904 г. была создана подъ предсѣдательствомъ Н. С. Таганцева, нынѣ члена Государственнаго Совѣта, новая комиссія изъ 5-ти русскихъ и 6-ти финляндскихъ членовъ. Ея задачей было обсужденіе предположеній, выработанныхъ въ учрежденной финляндскимъ сенатомъ комиссіи. Большинство ея остановилось на мысли, что перечень предметовъ общегосударственнаго законодательства долженъ быть представленъ земскимъ чинамъ въ качествѣ сеймового закона и затѣмъ санкціонированъ монархомъ. Параграфъ восьмой выработаннаго комиссіей законопроекта гласилъ: „въ случаѣ необходимости издать для имперіи

и великаго княжества согласующіяся законоположенія, Государь Императоръ опредѣляетъ порядокъ для такого рѣшенія, затѣмъ порядокъ разсмотрѣнія его сеймомъ установляется основными законами Финляндіи". „Новый законъ"—гласилъ § 9—„долженъ почитаться основнымъ и можетъ быть измѣненъ только согласно съ опредѣленіемъ § 71 сеймового устава, т.-е. опять-таки съ согласія земскихъ чиновъ".

Наступившая въ Россіи перемѣна государственныхъ порядковъ вслѣдъ за неудачной войною съ Японіей не дала возможности комиссіи довести до конца своей работы. Одинъ изъ членовъ ея, проф. Германсонъ, въ письмѣ отъ 3-го іюня 1910-го года, протестуя противъ приписываемаго финляндскимъ членамъ комиссіи отказа подписать ея протоколы на томъ основаніи, что они написаны на русскомъ языкѣ, сообщаетъ мнѣ слѣдующія подробности о причинахъ, помѣшавшихъ завершенію работъ. „Нами былъ подписанъ какъ первый, такъ и второй журналъ комиссіи. Одинъ русскій членъ ея, Берендсъ, не счелъ возможнымъ подписать второй журналъ. Мы намѣревались также скрѣпить и третій; но онъ былъ составленъ съ такими ошибками, что требовалъ исправленія; рѣшено было сдѣлать предложеніе въ этомъ смыслѣ, но для выработки ихъ требовалось время, а мы заняты были работой въ ландтагѣ и въ законодательной комиссіи, установленной правительствомъ въ Гельсингфорсѣ. Дѣло затянулось главнымъ образомъ по моей винѣ; въ свое оправданіе я долженъ сказать, что я въ это время занималъ постъ предсѣдателя въ той правительственной комиссіи, которая должна была спѣшно приготовить законодательный проектъ въ ландтагъ; въ то же время я былъ членомъ и послѣдняго".

Несомнѣнно, что въ 1904-мъ году вопросъ общеимперскаго законодательства былъ бы рѣшенъ въ смыслѣ болѣе благопріятномъ сохраненію финляндской автономіи, чѣмъ нынѣ, такъ какъ и русскіе члены высказывались за утвержденіе новаго закона финляндскимъ сеймомъ. Можно пожалѣть, поэтому, что по тѣмъ или другимъ причинамъ дѣло не получило тогда своего завершенія и что вопросъ снова стоитъ на очереди съ тѣхъ поръ какъ большинство комиссіи, организованной подъ предсѣдательствомъ государственнаго контролера Харитонова, не согласилось съ предложеніемъ финляндскихъ ея членовъ предоставить рѣшеніе общеимперскихъ вопросовъ совершенно новому учрежденію, не предусмотрѣнному нашими основными законами, а именно двумъ делегаціямъ, близкимъ по характеру къ австро-венгерскимъ.

II.

Государственному Совѣту еще не приходилось рѣшать болѣе сложнаго вопроса, чѣмъ настоящій, и нельзя не высказать сожалѣнія, что для этого рѣшенія ему отведено было лишь немного дней, приходящихся, къ тому же, къ концу сессіи. Принятіе или непринятіе правительственнаго проекта, принятіе его въ цѣломъ или только въ частяхъ, зависитъ отъ предварительнаго рѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ. Они затрогиваютъ и природу того, что̀ надо считать конституціей, и обязательную силу монаршихъ обѣщаній для близкаго и отдаленнаго потомства, и необходимыя условія существованія сложныхъ формъ политическаго устройства. Для того или другого рѣшенія финляндскаго вопроса необходимо выяснить предварительно какъ послѣдствія, какія для жителей присоединяющаго чужую область государства имѣетъ самый фактъ этого присоединенія, такъ и значеніе, какое можетъ имѣть для поступательнаго хода мѣстнаго права передача въ руки имперскихъ учрежденій исключительнаго законодательствованія по извѣстнымъ вопросамъ. Нельзя также обойтись безъ выясненія того вліянія, какое на законодательную дѣятельность русскихъ палатъ, особенно по предметамъ, касающимся чисто русскихъ интересовъ, можетъ имѣть включеніе въ Думу плохо знающихъ Россію финляндскихъ представителей. Цѣлесообразность или, наоборотъ, нецѣлесообразность созданія имперскаго законодательства въ формѣ декларативнаго закона,—настолько широкаго и потому неопредѣленнаго, что въ немъ въ сферу имперскихъ интересовъ включенъ порядокъ изданія финляндскихъ газетъ или устройства финляндскихъ митинговъ,—также не можетъ быть обойдена молчаніемъ.

Прежде всего каждаго, имѣющаго дѣло съ законопроектомъ, невольно смущаетъ сомнѣніе, да нуженъ ли онъ? Какой реальной необходимости служитъ, спрашивается, декларативная мѣра, не подлежащая немедленному исполненію и разсчитанная, какъ намъ говорили въ комиссіи, исключительно на то, чтобы выяснить юридическую природу отношенія Финляндіи къ Россіи? Все, что̀ сказано было еще Бентамомъ по поводу безполезности и даже опасности подобнаго рода законодательныхъ заявленій, не заключающихъ въ себѣ немедленно прилагаемыхъ нормъ и въ то же время связывающихъ законодателя на будущее время, могло бы быть повторено и въ отношеніи къ этому закону,

еслибы онъ былъ дѣйствительно тѣмъ, за что его выдаютъ представители объединеннаго правительства, т.-е. своего рода декларацiей принциповъ, проведенiе которыхъ возлагается на органы законодательной власти имперiи по мѣрѣ нужды. Сомнѣнiе въ томъ, что предлагаемая норма является только точнѣйшимъ выраженiемъ извѣстныхъ принциповъ насчетъ разграниченiя задачъ общеимперскаго и финляндскаго законодательства, высказано было уже въ средѣ комиссiи. На вопросъ о томъ, могутъ ли перечисленныя въ проектѣ правила быть проведены въ жизнь немедленно, путемъ примѣненiя ст. 87-ой зак. осн., полученъ былъ утвердительный отвѣтъ. И хотя есть основанiе думать, что пользованiе этой статьей въ законодательствѣ о старообрядцахъ, не говоря уже о законѣ 9-го ноября, обнаружило для самого правительства нелицевыя стороны такого порядка, нѣтъ увѣренности, что оно не будетъ упорствовать въ своемъ чрезмѣрно широкомъ толкованiи неотложной необходимости—толкованiи, очень отличномъ отъ западно-европейскаго, не исключая ни итальянскаго, ни австрiйскаго. Но и помимо возможности проведенiя тотчасъ же въ жизнь отдѣльныхъ его статей въ порядкѣ 87-ой статьи, новый законъ потому уже не можетъ считаться только декларативнымъ, что отнесенiе въ немъ извѣстныхъ вопросовъ къ области общеимперскаго законодательства тѣмъ самымъ парализуетъ законодательную дѣятельность сейма по этимъ же вопросамъ: сеймъ не можетъ больше издавать законовъ о печати, такъ какъ печать отнесена къ области общеимперскаго законодательства; сеймъ не можетъ регулировать въ законодательномъ порядкѣ вопросы телефоновъ и воздухоплаванiя, понижать почтовую таксу или измѣнять существующiй порядокъ устройства собранiй и союзовъ, такъ какъ все это отнесено къ области имперскаго законодательства. Конфискуются опредѣленныя права, ранѣе дарованныя верховной властью; налагается табу или запретъ на самую постановку вопросовъ, ранѣе переданныхъ верховной властью въ вѣдѣнiе финляндскаго сейма. И послѣ этого злой иронiей звучатъ слова въ объяснительной запискѣ къ проекту предсѣдателя совѣта министровъ, что „перечень предметовъ общаго законодательства есть не болѣе какъ законодательная программа“ (стр. 25) и что „въ задачи правительства вовсе не входитъ упраздненiе финляндской автономiи“. Такъ какъ всѣ перечисленные вопросы включены въ компетенцiю сейма, а 80-ый § сеймоваго устава 1906-го года постановляетъ, что законъ этотъ долженъ оставаться въ силѣ во всѣхъ частяхъ, какъ незыблемый, основной законъ, впредь до измѣненiя или отмѣны его по со-

гласному рѣшенію монарха и сейма Финляндіи, то самъ собою ставится и другой вопросъ: какъ же можетъ новый законъ отобрать у сейма всѣ эти права помимо испрошенія согласія сейма на такое явное сокращеніе его функцій? Очевидно, что для такого явнаго нарушенія обязательствъ, еще недавно принятыхъ, должны быть какія-либо причины, отвѣчающія понятію не одной только неотложной необходимости, широко толкуемой, но и государственнаго или народнаго спасенія (salus populi). Когда ищешь какихъ-либо точныхъ фактическихъ указаній, доказывающихъ наличность такой государственной необходимости, то въ отвѣтъ получаешь сообщеніе о жалобахъ русскихъ коробейниковъ, не допускаемыхъ къ свободному торгу въ предѣлахъ Финляндіи, о неплатежѣ финляндцами приходящейся на ихъ долю суммы военныхъ издержекъ, о нежеланіи ихъ строить мостъ чрезъ Неву, объ отступленіи на финляндскихъ дорогахъ отъ тѣхъ правилъ насчетъ разстоянія параллельно идущихъ рельсовъ другъ отъ друга, какое существуетъ въ Россіи, вслѣдствіе чего оказывается необходимымъ производить пересадку войскъ изъ русскихъ вагоновъ въ финляндскіе. Я не отрицаю значенія всѣхъ этихъ неудобствъ, но полагаю, что нѣкоторыя изъ нихъ вызваны къ жизни по нашей собственной винѣ, а другія могутъ быть устранены и помимо изданія составленнаго объединеннымъ министерствомъ закона.

Каждый разъ, когда происходитъ присоединеніе чужой области, присоединяющее государство implicite переноситъ на собственныхъ подданныхъ тѣ права, какими пользовались въ присоединяемой области подданные того государства, отъ котораго эта область была отнята. Поэтому не могло возникать и дѣйствительно не возникало на первыхъ порахъ вопроса, могутъ ли или не могутъ пользоваться русскіе въ Финляндіи тѣми же правами, какими до аннексіи пользовались въ ней шведы. Только въ законодательномъ актѣ 1816-го года встрѣчается упоминаніе объ особомъ финскомъ народѣ, принадлежность къ которому одна даетъ право быть членомъ сената. Этотъ актъ буквально гласитъ: „надѣемся Мы, что довольно утвердили на всегдашнія времена данное Нами обѣщаніе объ особенномъ сохраненіи конституціи края сего подъ державою Нашею и наслѣдниковъ Нашихъ... Для вящаго ознаменованія намѣренія Нашего о мѣстномъ управленіи края сего и непосредственнаго отношенія его къ лицу Нашему удобнѣйшимъ признали Мы дать финляндскому высшему правительству названіе финляндскаго сената, безъ отмѣны однако же настоящаго его состава, а еще менѣе того конституціи законовъ Нами

для Финляндіи учрежденныхъ, и силою сего во всѣхъ отношеніяхъ паки утверждаемыхъ, при торжественнѣйшемъ обѣщаніи Нашемъ избирать впредь въ члены сего финляндскаго сената Нашего, какъ и до сего времени было, однихъ только коренныхъ финляндцевъ или водворившихся тамъ и гражданское право пріобрѣвшихъ". Въ этомъ актѣ можно видѣть, пожалуй, законодательное обособленіе финляндскаго гражданства въ отношеніи къ пользованію политическими правами въ Финляндіи отъ русскихъ подданныхъ имперіи, поселяющихся въ краѣ, безъ пріобрѣтенія въ немъ правъ гражданъ; но о томъ, чтобы эти поселенцы устранены были отъ пользованія иными правами, кромѣ тѣхъ, которыя связаны съ государственной службой или съ осуществленіемъ правъ представительства, въ самомъ актѣ нѣтъ ни слова. Самодержецъ русскій очевидно не имѣлъ въ виду распространить на жителей русскихъ губерній право выбирать и быть выбранными въ предѣлахъ созданнаго имъ конституціоннаго княжества; но тотъ же самодержецъ отнюдь не хотѣлъ лишать ихъ гражданскихъ преимуществъ, связанныхъ съ подданствомъ. Такимъ образомъ законодательнаго признанія русскихъ государей никогда не получало ни изъятіе русскихъ гражданъ изъ числа лицъ, уполномоченныхъ пріобрѣтать недвижимыя имущества въ Финляндіи, ни другія ограниченія сферы ихъ имущественнаго оборота. Если нѣкоторыя изъ этихъ ограниченій держались или возникли со временемъ,—напримѣръ, тѣ, на какія жаловались русскіе коробейники, — то, очевидно, они могутъ быть устранены помимо созданія особой области общеимперскаго законодательства, такъ какъ не отвѣчаютъ самой природѣ тѣхъ послѣдствій, которыя связаны съ присоединеніемъ новой области, и притомъ совершенно независимо отъ того, признаны ли будутъ за жителями такой области конституціонныя гарантіи или нѣтъ. Это не значитъ, разумѣется, что финляндскій сеймъ лишенъ права законодательнаго регулированія торговли разносчиковъ товаровъ, какъ онъ не лишенъ права регулированія профессій аптекаря, дантиста и т. д. Это значитъ только, что онъ къ русскимъ не можетъ предъявлять бо̀льшихъ требованій, чѣмъ тѣ, какія онъ ставитъ мѣстнымъ уроженцамъ. Въ этомъ вопросѣ справедливость притязаній, предъявляемыхъ русскими, настолько несомнѣнна, они въ такой степени отвѣчаютъ тѣмъ юридическимъ послѣдствіямъ, съ которыми связана всякая аннексія, хотя бы сопровождаемая установленіемъ новыхъ конституціонныхъ свободъ или признаніемъ старыхъ, что никакое сомнѣніе не является даже мыслимымъ.

Идеѣ справедливости и требованіямъ обыкновеннаго здраваго смысла отвѣчаетъ и то, чтобы финляндцы участвовали въ несеніи издержекъ, которыя связаны съ необходимостью содержать войско и флотъ для охраны всѣхъ границъ имперіи, въ томъ числѣ и финляндскихъ. Непризнаніе этого было бы равнозначительно допущенію, что жители присоединенной нами области въ правѣ разсчитывать на то, что народъ, подъ охраной котораго они живутъ, добровольно приметъ на себя несеніе издержекъ, связанныхъ съ этой охраной (какъ говорятъ съ министерской скамьи — въ размѣрѣ $6^3/_4$ коп. съ человѣка). Это не отвѣчало бы ни достоинству финляндскаго, ни благоразумію русскаго народа. Споръ можетъ идти только о порядкѣ, въ какомъ денежныя субсидіи и выкупъ за право не нести личной военной службы будутъ ежегодно выплачиваться финляндцами. Установленный финляндскимъ законодательствомъ порядокъ, признанный въ послѣдній разъ и въ сеймовомъ уставѣ — тотъ, что правительственныя предложенія на этотъ счетъ поступаютъ въ законодательномъ порядкѣ въ финляндскій сеймъ, который и вотируетъ требуемыя отъ него для означенной цѣли средства. Финляндія въ правѣ настаивать на выполненіи этого условія, какъ мы въ правѣ требовать, чтобы великое княжество и его населеніе участвовало въ несеніи причитающейся на него доли общеимперскихъ издержекъ. „Въ началѣ каждаго очередного сейма“ — значится въ § 26 сеймового устава — „передается предложеніе о доставленіи средствъ на тѣ потребности, для покрытія которыхъ ординарные штатные доходы являются недостаточными“. По § 43 такія предложенія разсматриваются въ бюджетной комиссіи сейма. Такой порядокъ долженъ быть соблюдаемъ въ строгости, и отступленія отъ него потому уже могутъ сопровождаться отказомъ въ требуемыхъ средствахъ, что, согласно сеймовому уставу (§ 9), депутатъ финляндскій обязанъ при осуществленіи своихъ полномочій руководствоваться велѣніями права и соблюдать основные законы, а предсѣдатель или тальманъ долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не поступало въ сеймъ на обсужденіе ничего такого, что противорѣчитъ основнымъ законамъ края. Сеймовой уставъ 1906 года изданъ былъ, какъ значится въ немъ, въ виду выяснившейся необходимости дать развитіе новымъ основнымъ закономъ организаціи финляндскаго представительства.

Если прибавить къ сказанному, что въ финляндской конституціи, какъ основанной на актахъ, изданныхъ еще въ Швеціи въ 1772 и 1789 гг. и на которые имѣются ссылки въ сеймовомъ уставѣ 1869 г., данномъ императоромъ Александромъ II

(§ 71), область вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію законодательныхъ палатъ, не включаетъ въ себя обширной сферы легальнаго нормированія экономическихъ и административныхъ отношеній, что въ этой сферѣ Великій Князь финляндскій не связанъ участіемъ сейма и осуществляетъ весьма широко свою монаршую прерогативу, что къ этой области отнесена была и почта, то самъ собою напрашивается вопросъ, не могли ли бы затрудненія, вызываемыя ну хотя бы тѣмъ обстоятельствомъ, что финляндскія желѣзныя дороги по образцу европейскихъ построены отлично отъ нашихъ и требуютъ извѣстныхъ приспособленій съ цѣлью избѣжать перегрузки, быть устранены въ порядкѣ такъ называемаго административнаго законодательства, т.-е. односторонимъ актомъ, исходящимъ отъ верховной власти? Вѣдь почта издавна регулировалась такими административными актами, регулировалась и въ то время, когда она проходила по инымъ путямъ, чѣмъ желѣзныя дороги, и появленіе этого новаго вида путей сообщенія не отмѣняетъ прерогативы великаго князя нормировать отношенія, связанныя съ существованіемъ почты. Все это вмѣстѣ взятое, повидимому, не говоритъ въ пользу неотложной необходимости внесеннаго правительствомъ закона.

Но изъ сказаннаго не слѣдуетъ, чтобы я отрицалъ самую мысль объ общеимперскомъ законодательствѣ. Она вытекаетъ изъ природы любого сложнаго государства, въ которомъ одна или нѣсколько областей пользуются въ большей или меньшей степени законодательной автономіей. Въ Россіи уцѣлѣла одна только такая область: ею, за упраздненіемъ царства Польскаго, осталась Финляндія. Какъ существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ общее для всей федераціи законодательство, а въ Германской имперіи и въ обѣихъ половинахъ Австріи—законодательство для всѣхъ земель, входящихъ въ ихъ составъ, такъ должно существовать и постепенно развиваться и въ Россіи общеимперское законодательство, общее для имперіи и для ея автономной области, Финляндіи. Это общеимперское законодательство нигдѣ не возникло сразу, а развивалось въ теченіе десятилѣтій и даже столѣтій. Въ Соединенныхъ Штатахъ вопросъ объ общемъ законодательствѣ для всѣхъ англійскихъ колоній былъ поставленъ въ 1748 г. Франклиномъ и только весьма несовершенно рѣшенъ въ 1781-мъ году созданіемъ такъ называемой конференціи, которая потребовала со временемъ радикальной переработки, что и повело къ созданію федеральной уніи и конституціи 1787-го года, заключающей въ себѣ первый перечень предметовъ общаго законодательства для всѣхъ штатовъ. Но и этотъ

перечень оказался неполнымъ и по меньшей мѣрѣ дважды—въ эпоху президентства Джаксона, въ 30-хъ годахъ, и въ эпоху президентства Линкольна, въ самый разгаръ междоусобной войны сѣверныхъ и южныхъ штатовъ—ставился вопросъ о его восполненіи. Первый разъ шла рѣчь о созданіи федеральнаго банка, второй разъ—объ изданіи федеральными органами закона, отмѣняющаго рабство негровъ и дарующаго имъ равноправіе.

Что касается до насъ, то мы не хотимъ ждать того, чтобы въ самомъ финскомъ народѣ развилось сознаніе истины, которую выразилъ еще Александръ II-й, сказавъ, что великое княжество можетъ только выиграть отъ сближенія съ имперіей. У насъ имѣются уже на лицо нѣкоторыя статьи того неписаннаго перечня, который теперь намъ предлагаютъ не только закрѣпить на бумагѣ, но и расширить чуть ли не до безконечности—перечня общеимперскихъ вопросовъ. Въ числѣ ихъ и на первомъ планѣ стоятъ два: неразрывность Финляндіи и Россіи въ отношеніи къ правящей въ обѣихъ династіи и неразрывность обѣихъ въ отношеніи къ внѣшней политикѣ, въ томъ смыслѣ, что Финляндія разъ навсегда, и притомъ съ самаго своего присоединенія къ имперіи, отказалась отъ всякой внѣшней самостоятельности, и ея международное представительство, какъ и забота объ обезпеченіи ея отъ внѣшнихъ враговъ, перешли всецѣло на имперію.

Еслибы въ правительственномъ перечнѣ указано было только на то, что къ области общеимперскаго законодательства надо отнесть поименованное въ вводной части третьей статьи законопроекта и касающееся порядка преемства престола и положенія православной церкви въ Финляндіи, да еще участія ея въ государственныхъ расходахъ, отбыванія ея населеніемъ повинностей воинской и другихъ, служащихъ для военныхъ надобностей, наконецъ правъ не состоящихъ финляндскими гражданами русскихъ подданныхъ, то едва ли возможно было бы спорить о чемъ-либо другомъ, какъ о порядкѣ проведенія законопроекта: одностороннимъ ли актомъ, исходящимъ только отъ законодательныхъ палатъ имперіи, или двухстороннимъ, не исключающимъ участія сейма, что отвѣчаетъ и праву, и справедливости, и здравому смыслу. Но въ перечень включенъ еще цѣлый рядъ другихъ предметовъ, несомнѣнно въ меньшей степени, а то и совершенно неспособныхъ быть предметомъ общеимперскаго законодательства, а это обстоятельство и заставляетъ меня отнестись вполнѣ отрицательно къ разбираемому законопроекту.

Начать съ того, что этотъ законопроектъ, разсчитанный,

какъ уже было сказано, на то, чтобы служить простой декларацiей руководящихъ принциповъ при установленiи границъ общаго и областного законодательства, прямо вторгается въ область послѣдняго, говоря объ установленiи въ Финляндiи, помимо сейма, взносовъ, сборовъ и налоговъ. Это идетъ рѣшительно въ разрѣзъ со всѣми старыми и новыми конституцiями, изданными для великаго княжества, или дѣйствiе которыхъ распространяемо было на него. Это несогласно не только съ шведской „Формой Правленiя“ 1772-го года, но и съ порядками, узаконенными для Финляндiи основными ея законами 1869-го и 1906-го годовъ. Мало этого: тотъ принципъ, въ силу котораго сословiя облагаются тѣми или другими налогами и сборами только съ согласiя ихъ представителей, съ XV-го вѣка прочно установленъ во всѣхъ западныхъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Скандинавскомъ мірѣ, и не только по отношенiю къ государственнымъ сеймамъ, штатамъ и парламентамъ, но и по отношенiю къ провинцiальному представительству. Такъ напр., провинцiальные штаты Лангедока вотировали такъ называемый don gratuit, т.-е. причитающуюся съ населенiя долю государственныхъ издержекъ; но отъ нихъ однихъ зависѣло выбрать для этой цѣли ту или другую форму обложенiя. Въ сложныхъ государствахъ нашего времени, въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, какъ и въ Германской имперiи, чтобы избѣжать необходимости установленiя и разверстки въ составляющихъ федерацiю государствахъ или областяхъ прямыхъ податей, къ покрытiю издержекъ общаго правительства пiурочиваются обыкновенно косвенные сборы, въ частности—тѣ, которые получаются отъ обложенiя предметовъ иноземнаго ввоза. Русская имперiя заинтересована только въ одномъ—чтобы великое княжество несло причитающуюся съ него часть государственныхъ издержекъ; но какимъ путемъ будутъ добыты имъ необходимыя для того средства—для имперiи безразлично. Финляндiя можетъ, смотря по желанiю, или избрать для этого форму добавочнаго сбора съ существующихъ уже у нея налоговъ, нѣчто въ родѣ centimes additionnels или пiурочить къ покрытiю имперскихъ издержекъ доходъ вновь установленнаго или существующаго уже сбора: это ея дѣло. Вопросъ о томъ, какая система будетъ принята великимъ княжествомъ, есть вопросъ его внутренняго законодательства. Наиболѣе желательнымъ было бы, разумѣется, обезпечить имперiи постоянное поступленiе какого-либо косвеннаго налога, напр. таможеннаго сбора; но это можетъ быть достигнуто только путемъ прямого соглашенiя правительства съ финляндскимъ сеймомъ. Ссылку на то, что

принципъ, по которому денежныя тягости могутъ быть возлагаемы на населеніе только съ согласія его представительства, не нарушенъ и въ томъ случаѣ, когда сборы съ финляндцевъ вотируетъ Государственная Дума, а не финляндскій сеймъ, на томъ основаніи, что въ Думѣ къ четыремъ стамъ сорока слишкомъ представителямъ имперіи прибавится четыре финляндскихъ депутата — едва ли можно считать серьезной; слишкомъ громадно несоотвѣтствіе двухъ только-что приведенныхъ цифръ и слишкомъ велика увѣренность въ томъ, что голоса финляндскихъ представителей, въ виду незначительности ихъ числа, не могутъ повліять на самый характеръ принятаго Думой рѣшенія.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что въ основномъ законѣ, регулирующемъ сферу дѣятельности общеимперскаго законодательства въ примѣненіи къ Финляндіи, должно быть мѣсто только для заявленія, что участіе Финляндіи въ государственныхъ расходахъ опредѣляется въ порядкѣ общеимперскаго законодательства; всякое же заявленіе объ „установленіи для сего взносовъ, сборовъ и налоговъ“ не соотвѣтствуетъ цѣли и характеру закона.

Совершенно непонятнымъ кажется мнѣ включеніе въ перечень предметовъ общеимперскаго законодательства пункта 5, гласящаго, что къ нему должны быть отнесены „основныя начала управленія Финляндіи особыми установленіями на основаніи особаго законодательства“. Смыслъ этой статьи—тотъ, что финляндская конституція во всякое время можетъ подвергнуться измѣненію со стороны Государственной Думы и Совѣта, если только императору угодно будетъ укрѣпить своимъ согласіемъ представленный на этотъ счетъ законъ. Но такъ какъ сеймовый уставъ 1906-го года въ статьѣ 75-й предвидитъ порядокъ, въ какомъ происходитъ изданіе, поясненіе, измѣненіе или отмѣна основныхъ законовъ—а именно путемъ предложенія, исходящаго отъ Государя и Великаго Князя, и принятія его сеймомъ,—то оказывается, что послѣ проведенія законопроекта будетъ имѣться два порядка измѣненія основныхъ законовъ Финляндіи: Думою и Совѣтомъ, съ одной стороны, и сеймомъ — съ другой, каждый разъ по иниціативѣ Государя. Между тѣмъ, сеймовый уставъ 1906 г., по буквѣ и смыслу заключительнаго его параграфа, долженъ оставаться неизмѣннымъ, какъ незыблемый законъ, впредь до измѣненія его по согласному рѣшенію монарха и сейма Финляндіи. Съ момента, когда разбираемый нами законопроектъ войдетъ въ силу, только что указанное обѣщаніе, подписанное собственноручно Императоромъ, будетъ признано болѣе несуществующимъ, и единственнымъ основаніемъ къ этому будетъ со-

вершенно голословное утвержденіе, не поддерживаемое болѣе теоретиками государственнаго права ни на Западѣ Европы, ни въ Россіи, что суверенитетъ государства неограниченъ. Мы имѣемъ рядъ примѣровъ, въ которыхъ этотъ государственный суверенитетъ поставленъ въ необходимость считаться съ мѣстной автономіей земель, входящихъ въ составъ общаго государственнаго цѣлаго. Профессоръ Еллинекъ указываетъ на примѣръ Хорватіи и отдѣльныхъ земель Цислейтаніи, въ которыхъ измѣненіе основныхъ законовъ и опредѣленнаго ими областного устройства можетъ послѣдовать только по рѣшенію мѣстнаго сейма. И дѣйствительно, въ венгерско-хорватскомъ соглашеніи 1868-го года при перечнѣ общихъ дѣлъ Хорватіи и Венгріи ни однимъ словомъ не упомянуто о томъ, чтобы къ области общаго законодательства принадлежало установленіе основныхъ началъ управленія Хорватіи „особыми установленіями на основаніи особаго законодательства“. И въ земляхъ, входящихъ въ составъ Цислейтаніи, измѣненіе областного строя,—того, что извѣстно подъ терминомъ Landstände,—можетъ послѣдовать только въ порядкѣ мѣстнаго законодательства („nur durch Landesgesetze“: ст. 12 основного закона отъ 21 декабря 1867-го года). Въ этомъ отношеніи австрійскія земли пользуются большей самостоятельностью, чѣмъ королевства и княжества, вошедшія въ составъ Германской имперіи, въ которой рейхстагъ, дѣйствуя въ предѣлахъ своей компетенціи, можетъ отмѣнить всѣ несогласныя съ нею постановленія мѣстныхъ конституцій. Незыблемость конституцій отдѣльныхъ земель Австріи установлена основнымъ закономъ или королевскимъ патентомъ (§ 3-ій), въ которомъ говорится, что всѣ королевства и княжества должны сохранить свои конституціи (Verfassungen) неизмѣнно (unverändert beibehalten sollen). Наконецъ, въ тѣхъ же условіяхъ находятся по отношенію къ общему парламенту для всей Канады (такъ называемаго Dominion) парламенты входящихъ въ ея составъ областей; общій парламентъ не можетъ вносить измѣненій въ ихъ устройство, и это право принадлежитъ однимъ лишь мѣстнымъ парламентамъ.

Тотъ изъ русскихъ государствовѣдовъ, который сдѣлалъ спеціальнымъ предметомъ своего изученія вопросъ о государственномъ суверенитетѣ,—я разумѣю профессора Паліенко,—приходитъ къ заключенію, что суверенитетъ есть власть, связанная правомъ. Въ недавнемъ своемъ сочиненіи: „Объ основныхъ законахъ и формѣ правленія въ Россіи“ онъ протестуетъ, поэтому, противъ тѣхъ, кто думаетъ путемъ логическихъ выводовъ изъ суверенитета русской государственной власти надъ Финлян-

дѣй вывести какія-либо юридическія заключенія насчетъ положенія Финляндіи въ составѣ имперіи (стр. 78). Другими словами, изъ того обстоятельства, что Финляндія по Фридрихсгамскому договору составляетъ нераздѣльную часть русскаго государства, еще не слѣдуетъ, чтобы конституція, ей дарованная, подлежала измѣненію имперскихъ учрежденій независимо отъ согласія сейма и въ иномъ порядкѣ, чѣмъ тотъ, который указанъ въ нынѣ дѣйствующемъ сеймовомъ уставѣ 1906-го года.

Общеимперское законодательство не заинтересовано въ томъ, какъ въ той или другой области имперіи, имѣющей свое отдѣльное представительство, поставлены будутъ школа и печать. Очевидно, что законодательство о нихъ необходимо должно быть согласовано съ самымъ строемъ политическихъ учрежденій. Гдѣ, какъ въ Финляндіи, система представительства построена на началѣ всеобщаго и равнаго голосованія, тамъ всѣ средства народа и всѣ усилія правительства должны быть направлены къ широкому развитію начальнаго образованія, а распространеніе грамотности въ народѣ вызываетъ необходимость въ дешевой ежедневной газетѣ, что само по себѣ уже устраняетъ мысль о дѣятельномъ контролѣ цензуры надъ предназначенной для народа печатью, который въ странахъ, сохраняющихъ избирательное право по преимуществу за одними землевладѣльцами, можетъ считаться обычнымъ. Различіе политическихъ порядковъ и степени культуры необходимо вызываетъ и разное законодательство. Предполагать, поэтому, что Государственная Дума, насчитывающая всего четырехъ депутатовъ отъ Финляндіи, будетъ съ большимъ знаніемъ мѣстныхъ условій, чѣмъ сеймъ, проводить для Финляндскаго края законы, нормирующіе порядки школьнаго дѣла или легальное состояніе печати, является чѣмъ-то абсурднымъ. Если прибавить къ сказанному, что законы о печати принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые входили въ область административнаго законодательства великаго князя, и что она перешла въ вѣдѣніе сейма лишь въ силу уступокъ, сдѣланныхъ великимъ княземъ изъ своей прерогативы, то невольно можетъ возникнуть подозрѣніе, что включеніе въ перечень общеимперскихъ дѣлъ законодательства о печати имѣетъ цѣлью вернуть въ руки органовъ исполнительной власти добровольно уступленныя монархомъ функціи.

Общеимперскіе интересы не пострадаютъ также отъ того, если въ Финляндіи право митинговъ и союзовъ будетъ нормировано инымъ порядкомъ, нежели въ Россіи. Демократическій характеръ учрежденій вел. княжества, господство въ немъ всеобщаго права голосованія, необходимо требуетъ болѣе широкой свободы собра-

ній, чѣмъ въ странѣ, гдѣ призываются къ представительству только владѣтельные классы. Изъ справки, доставленной государственной канцеляріей, видно, что право собраній и союзовъ регулировано въ Финляндіи основнымъ закономъ. Включеніе въ перечень предметовъ общеимперскаго законодательства нормъ, регулирующихъ этотъ видъ гражданскихъ вольностей, создаетъ конфликтъ между основнымъ закономъ княжества и основнымъ закономъ имперіи. То, что не далѣе какъ 7-го (20-го) августа 1906-го года утверждено было подписью императора и великаго князя Финляндіи, легко можетъ сдѣлаться предметомъ ограниченія и упраздненія со стороны того же императора, на этотъ разъ дѣйствующаго въ единогласіи съ большинствомъ Государственныхъ Думы и Совѣта. Такого рода конфликты особенно нежелательны въ странѣ, въ которой, какъ въ Финляндіи, каждый депутатъ по сеймовому уставу „обязанъ соблюдать основные законы и не связанъ никакими иными указаніями“. Свобода печати также поставлена въ Финляндіи подъ защиту основного закона, того же, что и право собраній и союзовъ, а слѣдовательно только что сказанное о послѣднихъ примѣнимо и къ печати.

Какъ доводъ въ пользу необходимости предоставить общеимперскому законодательству обезпеченіе государственныхъ интересовъ въ дѣлѣ установленія программъ преподаванія и надзора за ними, приводятся факты, доказывающіе, что въ финляндскихъ народныхъ школахъ географія и исторія Россіи преподаются въ недостаточной полнотѣ и въ превратномъ видѣ. Но не обобщены ли въ данномъ случаѣ произвольно нѣкоторые частные факты? Не теряется ли изъ виду, что и въ нашихъ не только начальныхъ школахъ, но и гимназіяхъ, свѣдѣнія, сообщаемыя, напримѣръ, по исторіи славянскаго міра, поразительно скудны? И не придается ли также чрезмѣрное значеніе тѣмъ извращеніямъ, которыя допускаются въ оффиціальномъ преподаваніи, извращеніямъ, доходившимъ до того, что, въ эпоху реставраціи, императора Наполеона I выдавали въ школахъ за замѣстителя французскаго короля Людовика XVIII-го?

Нельзя не отмѣтить тѣхъ послѣдствій, какія повлечетъ за собою включеніе въ перечень параграфа 16-го, говорящаго о почтѣ, телефонахъ, воздухоплаваніи и тому подобныхъ способахъ сношенія въ Финляндіи. Одного этого включенія достаточно, чтобы остановить дальнѣйшій ходъ мѣстнаго законодательства по этимъ вопросамъ. Если въ Финляндіи зародится мысль удешевить почтовыя издержки, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру Англіи,

или допустить частную иниціативу въ дѣлѣ устройства телефоновъ тамъ, гдѣ еще не имѣется телефонной вѣтви — все это останется неосуществленнымъ въ виду того, что общеимперскому законодательству присвоены неподлежащія ему функціи.

При составленіи списка авторы законопроекта несомнѣнно пользовались примѣромъ другихъ сложныхъ государствъ. Это слѣдуетъ уже изъ составленнаго государственной канцеляріей сборника выдержекъ изъ конституцій Германской имперіи, С.-Американскихъ Штатовъ, Австріи и цѣлаго ряда другихъ государствъ, имѣющихъ федеративное или близкое къ федеративному устройство. Списокъ предметовъ общеимперскаго законодательства несомнѣнно составлялся подъ вліяніемъ этихъ иноземныхъ примѣровъ. Постановленія относительно печати и союзовъ включены были, между прочимъ, потому, что по конституціи Германіи 1871-го года (ст. 4) надзору со стороны общеимперскаго законодательства подлежатъ и эти дѣла. То же можно сказать о почтѣ, о таможенной части и таможенныхъ тарифахъ, о денежной системѣ, объ охранѣ торговыхъ и промышленныхъ привилегій, о правѣ литературной и художественной собственности, наконецъ о желѣзныхъ дорогахъ и иныхъ путяхъ сообщенія въ ихъ отношеніяхъ къ оборонѣ государства, а также въ интересахъ сношеній между всѣми частями имперіи.

Нельзя, однако, сказать, что тѣ же предметы всѣ включены въ область общаго законодательства въ другихъ сложныхъ государствахъ. Ихъ нѣтъ въ перечнѣ общихъ дѣлъ Австро-Венгріи или Венгріи и Кроаціи. Такъ, § 48 венгерско-хорватскаго соглашенія 1868-го года прямо относитъ къ областной автономіи народное просвѣщеніе. Австро-венгерское соглашеніе 1867-го года въ свою очередь не включаетъ въ перечень общеимперскихъ задачъ ни законодательство о союзахъ и собраніяхъ, ни законодательство о печати, ни обезпеченіе государственныхъ интересовъ въ дѣлѣ установленія программъ преподаванія (см. §§ 1 и 2 закона объ общихъ дѣлахъ всѣхъ земель австрійской монархіи). Эти два примѣра особенно поучительны для насъ, такъ какъ Австрія, подобно нашей Имперіи, должна считаться съ наличностью областныхъ сеймовъ, венгерскаго и хорватскаго, соотвѣтствующихъ финляндскому и существовавшихъ въ ней задолго до всякаго общеимперскаго представительства, почему законодательныя учрежденія Имперіи не въ правѣ измѣнять основныхъ законовъ, на которыхъ покоится строй областного представительства Венгріи и Хорватіи. Порядки Австро-Венгріи въ этомъ отношеніи, и въ частности порядки Венгріи и Кроаціи,

какъ указано еще Еллинекомъ, близки къ отношеніямъ, существующимъ между Россіей и Финляндіей; вотъ почему при составленіи перечня было бы удобнѣе придерживаться примѣра скорѣе Австріи, чѣмъ Германіи [1]). Въ Соединенныхъ Штатахъ, этомъ древнѣйшемъ и образцовомъ типѣ сложнаго государства, также не заходитъ рѣчи о нормированіи конгрессомъ печати, школьнаго дѣла, свободы союзовъ и собраній.

Перечень, включенный въ разсматриваемый нами законопроектъ, не считается окончательнымъ. Въ этомъ отношеніи составители законопроекта рѣшительно уклонились отъ западныхъ образцовъ. Нигдѣ, ни въ Германіи, ни въ Австріи, ни въ Соединенныхъ Штатахъ, ни въ Швейцаріи, мѣстное законодательство не можетъ быть постоянно завоевываемо общимъ; вездѣ перечни признаются исчерпывающими. Подобія ст. 3-ей, гласящей, что измѣненіе и дополненіе приведеннаго въ ст. 2-ой перечня законовъ и постановленій производится въ законодательномъ порядкѣ, мы не найдемъ въ конституціи ни одной изъ странъ, обладающихъ сложнымъ устройствомъ. Отнеся къ области общаго законодательства извѣстные предметы, эти конституціи оставляютъ вѣдѣнію смѣтнаго законодательства всѣ остальные. Самое бо́льшее—если иногда, напр. въ актѣ конституціи австралійскаго союза 1900 г., предвидятся случаи передачи дѣлъ на разсмотрѣніе парламента союза парламентомъ или парламентами отдѣльныхъ штатовъ [2]). Первоначально имѣлось въ виду возложить заботу о пополненіи перечня на Государственную Думу и Государственный Совѣтъ; но при разсмотрѣніи правительственнаго проекта въ нашей нижней палатѣ большинствомъ принято было предоставленіе въ этомъ отношеніи всей власти одному императору. По ст. 4-й ему же принадлежитъ единственно починъ всѣхъ законовъ, осуществляющихъ на дѣлѣ декларативныя нормы законопроекта. А если такъ, то невольно напрашивается мысль, къ чему можетъ понадобиться новый законъ, разъ

[1]) Въ законѣ 21-го декабря 1867-го года, нормирующемъ компетенцію цислейтанскаго рейхсрата, говорится однако о прессѣ, правѣ союзовъ и собраній, объ охраненіи духовной собственности, объ опредѣленіи основаній постановки преподаванія въ народныхъ школахъ и гимназіяхъ, а равно и о законодательствѣ, касающемся университетовъ.

[2]) Въ аргентинской конституціи значится: „провинціи сохраняютъ всю власть, не делегированную общему представительству, и ту власть, которую онѣ выговорили себѣ въ частныхъ договорахъ въ моментъ присоединенія“. Въ актѣ уніи Канады, Новой Шотландіи и Новаго Брауншвейга отъ 1867-го года имѣются два списка: дѣлъ, исключительно принадлежащихъ вѣдѣнію общихъ законодательныхъ палатъ, и дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію законодательныхъ органовъ провинціи.

императоръ и помимо его можетъ возбудить во всякое время своей иниціативою нормировку закономъ тѣхъ или другихъ вопросовъ, общихъ имперіи и великому княжеству. Сосредоточеніе въ рукахъ Императора почина всего общеимперскаго законодательства нимало не измѣняетъ существующаго порядка, согласно которому Императоръ, со времени присоединенія Финляндіи и особенно до созыва Александромъ II сейма, издавалъ для нея законы общеимперскаго характера. Имѣются, конечно, весьма серьезныя основанія къ тому, чтобы не открывать особу монарха и тѣмъ не освобождать его правительства отъ той отвѣтственности, которую оно несетъ за всѣ акты, издаваемые именемъ лица, облеченнаго верховною властью. Это—элементарнѣйшее требованіе всякаго строя, который, подобно нашему обновленному, призываетъ народное представительство къ участію наравнѣ съ монархомъ въ законодательной работѣ и поручаетъ осуществленіе задачъ верховнаго управленія членамъ объединеннаго и солидарнаго совѣта министровъ. Предположенная норма несомнѣнно имѣетъ, однако, ту выгодную сторону, что избавляетъ финляндцевъ отъ необходимости считаться съ попытками новыхъ посягательствъ на ихъ законодательную автономію въ формѣ законодательныхъ предположеній, исходящихъ отъ иниціативы тридцати, по крайней мѣрѣ, членовъ той или другой палаты.

Чтобы отнять у финляндцевъ возможность возраженія, что общеимперское законодательство, ограничивающее ихъ законодательную автономію, возникаетъ помимо ихъ участія и тѣмъ существенно отрицается основной принципъ конституціоннаго строя, по которому законы и налоги установляются съ согласія народныхъ представителей, законопроектъ вводитъ въ составъ Думы четырехъ депутатовъ отъ финляндскаго сейма, вербуемыхъ изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ сеймовыхъ выборахъ, а въ Государственный Совѣтъ—двухъ новыхъ членовъ, избираемыхъ финляндскимъ сеймомъ изъ числа тѣхъ же лицъ. Этимъ лицамъ, въ числѣ дополнительныхъ требованій, ставится обязанность знанія русскаго языка, на которомъ только и могутъ происходить пренія нашихъ палатъ. По отношенію къ числу представителей Финляндія поставлена въ одни условія съ другими окраинами, напр. съ Польшей: иначе говоря, она будетъ посылать въ два раза меньше депутатовъ и совѣтниковъ, чѣмъ внутреннія губерніи Россіи. Число это, разумѣется, совершенно недостаточно, для того, чтобы существенно вліять на рѣшеніе вопросовъ, въ которыхъ заинтересована Финляндія; но при немъ возрастаетъ возможность проведенія мѣропріятій, нежелательныхъ

населенію великорусскихъ или малорусскихъ губерній, большинствомъ немногихъ голосовъ представителей отъ присоединенныхъ къ имперіи царствъ и княжествъ. Недавній примѣръ показываетъ, что по нѣкоторымъ вопросамъ устройства русскаго крестьянскаго быта разномысліе такъ велико, что рѣшеніе принимается большинствомъ двухъ голосовъ. Въ такихъ спорныхъ случаяхъ присоединеніе финляндцевъ къ той или другой сторонѣ можетъ имѣть катастрофическое послѣдствіе въ вопросахъ малорусскихъ или великорусскихъ. Если вліяніе двухъ дополнительныхъ голосовъ отъ Финляндіи въ Государственномъ Совѣтѣ будетъ нейтрализовано путемъ назначенія двухъ новыхъ членовъ (число членовъ по назначенію должно быть равно числу членовъ по выборамъ), то нельзя сказать того же о четырехъ новыхъ членахъ, попадающихъ въ Государственную Думу отъ финляндскаго сейма. Они несомнѣнно могутъ, приставая къ тому или другому мнѣнію, обезпечивать перевѣсъ тому или иному рѣшенію. Есть основаніе думать, что отъ ихъ вступленія выиграютъ скорѣе партіи, благопріятныя сохраненію финляндской автономіи—а этихъ партій надо искать, разумѣется, не на правыхъ скамьяхъ и не въ центрѣ, а въ рядахъ оппозиціи. Поэтому ничтожное само по себѣ для судебъ финляндской автономіи восполненіе нашей нижней палаты четырьмя новыми членами можетъ оказать нѣкоторое вліяніе на ходъ законодательства по исключительно русскимъ вопросамъ. Я считалъ бы болѣе цѣлесообразнымъ дать финляндцамъ равное представительство съ тѣмъ, какое имѣютъ внутреннія губерніи, т.-е. увеличить вдвое число депутатовъ отъ сейма, но съ условіемъ, что они будутъ голосовать только по вопросамъ общеимперскаго законодательства.

Въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, проектъ закона, или, точнѣе, декларація объ общеимперскомъ законодательствѣ, казался мнѣ непріемлемымъ по многимъ основаніямъ. Во-первыхъ потому, что онъ не считается съ требованіемъ финляндской конституціи, по которой ни одинъ законъ, въ томъ числѣ и основной, и никакой налогъ не можетъ считаться легально установленнымъ безъ согласія сейма—согласія, которое въ данномъ случаѣ не имѣютъ въ виду испросить. Во-вторыхъ, потому, что онъ является излишнимъ въ виду возможности использовать для цѣли общеимперскаго законодательства широкія законодательныя права Императора, какъ Великаго Князя Финляндіи, въ сферѣ такъ называемаго административнаго и экономическаго законодательства. Въ-третьихъ, потому, что практическія послѣдствія этого закона сводятся къ признанію за

Государемъ Императоромъ исключительной иниціативы по всѣмъ вопросамъ общеимперскаго законодательства, для чего достаточно было бы оставленія въ законопроектѣ двухъ статей— 3-ей и 4-ой, выражающихъ опредѣленно эту именно мысль. Въ-четвертыхъ, потому, что законопроектъ страдаетъ, съ одной стороны, неопредѣленностью, такъ какъ отказывается отъ мысли установить окончательный перечень общеимперскихъ дѣлъ, съ другой — внутреннимъ противорѣчіемъ, такъ какъ не проводитъ послѣдовательно и строго различія между общеимперскими и финляндскими интересами, и относитъ къ области первыхъ вопросы, непосредственно касающіеся одной только Финляндіи.

Наконецъ, я высказывался противъ этого закона и потому, что онъ вноситъ опасное новшество въ составъ нашихъ законодательныхъ палатъ, особенно Государственной Думы, призывая плохо знакомыхъ съ нашимъ бытомъ финляндскихъ уполномоченныхъ давать перевѣсъ той или другой сторонѣ въ спорахъ русскихъ уполномоченныхъ.

Я вспоминаю того могущественнѣйшаго монарха, который одному изъ южныхъ правителей Европы давалъ совѣтъ не нарушать имъ самимъ изданной конституціи. Я разумѣю Николая Павловича и доселѣ сохраняемое въ греческомъ государственномъ архивѣ посланіе его къ королю Оттону I, одно время замышлявшему нарушеніе конституціи, дарованной имъ греческому народу.

Максимъ Ковалевскій.

ЕЩЕ О ПОСЛѢ-КОНСТИТУЦІОННОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ССЫЛКѢ

Свои замѣтки объ административной ссылкѣ послѣ конституціи, помѣщенныя въ декабрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1909 г., я закончилъ указаніемъ на то, что съ весны 1909-го года число административно-высланныхъ въ опредѣленныя мѣстности имперіи стало значительно сокращаться, съ одной стороны вслѣдствіе окончанія срока двухгодниками, съ другой—вслѣдствіе уменьшенія наплыва вновь прибывающихъ ссыльныхъ. Сокращается не только вологодская, но и архангельская ссылка, хотя послѣдняя въ меньшей степени, чѣмъ первая: въ Архангельской губерніи большинство высланныхъ—трехгодники, да и вновь высылаемыхъ чаще направляютъ въ Архангельскую губернію, нежели въ Вологодскую. Ходятъ слухи, что предполагается чуть ли не всѣхъ административныхъ ссыльныхъ направлять на Новую Землю. Въ Сибири число административно-ссыльныхъ сокращается еще меньше, чѣмъ въ Архангельской губерніи, такъ какъ въ Сибирь отправляютъ въ ссылку, большею частью, на 4 и 5 лѣтъ, и тамъ пока оканчиваютъ сроки лишь высланные на 3 года: а такихъ немного.

Съ уменьшеніемъ числа ссыльныхъ оставшимся въ ссылкѣ живется не лучше; на оборотъ, во многихъ пунктахъ значительно ухудшилось не только „правовое“, но и матеріальное положеніе ссыльныхъ, какъ вслѣдствіе сокращенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ Вельскѣ, въ Устьсысольскѣ) размѣра кормовыхъ денегъ, такъ и вслѣдствіе неаккуратной выдачи какъ этихъ денегъ, такъ и одежныхъ, нерѣдко урѣзываемыхъ на половину противъ установленнаго размѣра. Что касается „правового“ положенія ссыльныхъ, то за послѣдній годъ оно замѣтно ухудшилось не только въ Вологодской губерніи, но и въ другихъ губерніяхъ и областяхъ. Всякое единеніе ссыльныхъ, хотя бы за-

дающееся чисто просвѣтительными или даже экономическими цѣлями, строго преслѣдуется; виновные отправляются изъ городовъ въ глухія деревни, или приговариваются въ административномъ порядкѣ къ аресту, для отбытія котораго иногда передвигаются этапнымъ порядкомъ за 600—700 верстъ—а такое путешествіе въ одинъ только конецъ продолжается отъ $1^1/_2$ до 2 мѣсяцевъ [1]). И въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ ссыльнымъ ранѣе жилось болѣе или менѣе сносно, за послѣднее время воцарились суровые порядки. Такъ, въ Устьсысольскѣ, гдѣ ссыльные со второй половины 1907-го года пользовались относительною свободою (имѣли свое колоніальное правленіе, участвовали въ спектакляхъ и концертахъ, дававшихъ значительную поддержку колоніальной кассѣ), съ декабря 1909-го года положеніе рѣзко измѣнилось: колонія прекратила свое существованіе; участіе ссыльныхъ въ спектакляхъ, концертахъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ запрещено; запрещенъ также выходъ на улицу позже 11 ч.; начались административные аресты, отправки ссыльныхъ въ глухія селенія, между прочимъ въ село Усть-Кулому (по-зырянски „Преддверіе смерти“), расположенное въ трехстахъ верстахъ отъ Устьсысольска, по направленію къ Печорѣ.

Матеріальныя невзгоды и обрушивающіяся на ссыльныхъ гоненія въ общемъ переносятся ими съ твердостью, о чемъ отчасти свидѣтельствуетъ почти полное отсутствіе среди вологодскихъ ссыльныхъ самоубійствъ (за четыре года ихъ было не болѣе трехъ случаевъ). Но перечисленными строгостями дѣло еще не ограничивается: нѣкоторымъ ссыльнымъ крестьянамъ Саратовской и Курской губерній, отбывшимъ положенный срокъ административной высылки, вмѣсто освобожденія, объявили распоряженіе департамента полиціи о томъ, что они остаются въ мѣстахъ ссылки „впредь до особыхъ распоряженій“, съ прекращеніемъ выдачи имъ казеннаго пособія. Оказалось, что для нѣкоторыхъ саратовцевъ, пока они находились въ ссылкѣ, администрація добилась отъ сельскихъ обществъ, къ составу которыхъ они принадлежатъ, общественныхъ приговоровъ объ исключеніи ихъ изъ обществъ, какъ порочныхъ членовъ, или же о высылкѣ ихъ „за порочное поведеніе“. Потерпѣвшими поданы жалобы въ Сенатъ, съ указаніемъ на незаконность приговоровъ, составленныхъ подъ давленіемъ администраціи, долго спустя послѣ высылки жалобщиковъ, во время ихъ отсутствія изъ мѣстъ приписки и постояннаго жительства. Хорошо еще, что администраціи далеко не всегда удавалось получить отъ сельскихъ обществъ приговоры о „порочномъ поведеніи“

[1]) Напр. такую „прогулку“ до гор. Никольска, для отбытія въ немъ ареста за первомайское собраніе въ лѣсу, совершили прошлымъ лѣтомъ яренскіе ссыльные, на лодкахъ, въ сопровожденіи конвойныхъ солдатъ.

административно-ссыльныхъ крестьянъ. Были такіе примѣры и въ Саратовской, и въ Курской губерніи, что три-четыре раза по приказу земскаго начальника собирался сельскій сходъ для составленія приговора о порочности того или другого крестьянина, находящагося въ административной ссылкѣ—но каждый разъ сходъ отклонялъ предложеніе администраціи объ исключеніи „порочнаго члена“ общества. Въ такихъ случаяхъ ссыльный, о которомъ шла рѣчь, по окончаніи имъ срока высылки, не задерживался въ мѣстѣ ссылки, но за то, большею частью, вскорѣ по возвращеніи на родину подвергался высылкѣ за предѣлы губерніи, „впредь до снятія въ ней чрезвычайной охраны“.

Прошлымъ лѣтомъ въ русскія газеты проникъ изъ иностранныхъ источниковъ слухъ о предстоящей амнистіи. Большинство ссыльныхъ относилось къ нему съ недовѣріемъ. Мѣстная полиція, напр. въ Сольвычегодскѣ, по порученію, вѣроятно, изъ губерніи, составляла списокъ ссыльнымъ, заслуживающимъ досрочнаго освобожденія. Мѣстный исправникъ, послѣ посѣщенія города губернаторомъ, отправившимся далѣе въ Яренскъ и Устьсысольскъ, вызывалъ въ полицію нѣкоторыхъ ссыльныхъ—почти исключительно семейныхъ и уже отбывшихъ большую часть срока,—и совѣтовалъ имъ подать прошенія на Высочайшее имя о досрочномъ освобожденіи, объясняя, что такія прошенія онъ лично вручитъ губернатору при обратномъ проѣздѣ его. Для изъявившихъ желаніе подать такія прошенія они заготовлялись въ полиціи, и ссыльнымъ оставалось только приложить къ нимъ руку. Подписали такія прошенія 12—15 ссыльныхъ, не болѣе, и всѣ они стали ожидать амнистіи къ 6-му декабря. Но вотъ пришелъ и прошелъ этотъ день—а амнистіи не было и нѣтъ, даже для тѣхъ ссыльныхъ, которые подписали заготовленныя въ полиціи прошенія.

Въ первомъ своемъ очеркѣ, приводя цифровыя данныя объ общественномъ составѣ ссыльныхъ, я указывалъ на крайнюю разношерстность и пестроту его. Пестрота, дѣйствительно, поразительная: кого-кого только здѣсь нѣтъ! Не говоря уже про свободолюбивые слои населенія, представителями которыхъ, можно сказать, наводнена теперешняя ссылка, въ ней, въ видѣ исключенія, можно встрѣтить милліонера-купца, фабриканта, крупнаго землевладѣльца, офицера, священнослужителя, тюремщика, сыщика, полицейскаго, т.-е. представителей такихъ общественныхъ группъ и профессій, которыя отнюдь не являются противниками стараго режима. Теперешняя административная ссылка существенно отличается отъ прежней тѣмъ, что въ ней чистые политики, вслѣдствіе своего меньшинства, растворяются въ огромной массѣ остальныхъ ссыльныхъ новѣйшаго, обывательскаго

типа, имѣющихъ лишь косвенное отношеніе къ политикѣ (высланные, напр., по подозрѣнію въ участіи въ аграрномъ и рабочемъ движеніи), или даже не имѣющихъ къ ней никакого отношенія и попавшихъ въ ссылку совершенно случайно, потому что подвернулись подъ горячую руку, или были заподозрѣны въ совершеніи разнаго рода уголовныхъ дѣяній. Ссыльныхъ послѣдней категоріи, которыхъ въ прежнее время не высылали въ мѣста политической ссылки, въ теперешней ссылкѣ наберется въ Вологодской губерніи 10—15%, а въ нѣкоторыхъ ссыльныхъ пунктахъ Архангельской губерніи и Сибири—отъ 25 до 30% [1]).

Уголовные ссыльные, находясь въ мѣстахъ политической ссылки, тщательно, за единичными развѣ исключеніями, скрываютъ причины своей высылки и выдаютъ себя за политиковъ; но въ большинствѣ случаевъ ихъ уличаетъ образъ жизни ихъ въ ссылкѣ. Они пьянствуютъ, буянятъ, занимаются кражами—и тѣмъ, разумѣется, кладутъ пятно на всю ссылку. Не только мѣстное населеніе, но и сами ссыльные не могутъ точно разобраться, кто высланъ по политическимъ причинамъ, хотя, быть можетъ, и мало основательнымъ, кто—по уголовнымъ, и только по поведенію отдѣльныхъ ссыльныхъ отчасти можно судить о причинахъ высылки того или другого изъ нихъ. Полиція, разумѣется, располагаетъ свѣдѣніями о причинахъ высылки, но держитъ ихъ въ секретѣ. Даже во время губернаторства Ладыженскаго, когда вологодскіе ссыльные пользовались относительною свободою, полиція рѣшительно отказывала колоніальнымъ правленіямъ ссыльныхъ въ сообщеніи свѣдѣній о причинахъ высылки нѣкоторыхъ лицъ, которыя своимъ поведеніемъ въ ссылкѣ внушали сомнѣніе относительно принадлежности ихъ къ политикамъ. Нѣкоторые уголовные ссыльные, выдающіе себя за политическихъ, ведутъ себя въ ссылкѣ очень хорошо и нисколько не отличаются въ этомъ отношеніи отъ дѣйствительныхъ политиковъ: читаютъ газеты и книги, посѣщаютъ просвѣтительные кружки и школки, иногда пристраиваются даже къ фракціямъ. Такихъ уголовныхъ ссыльныхъ, которые не скрываютъ причинъ своей высылки, совсѣмъ мало. Напр. въ сольвычегодской ссылкѣ, которую я здѣсь больше и имѣю въ виду, изъ общаго числа 450—500 ссыльныхъ, находившихся тамъ въ моменты наибольшаго наплыва, на долю уголовныхъ приходилось, насколько можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, человѣкъ 30—40; но изъ нихъ только одинъ откровенно со-

[1]) Въ этапѣ, съ которымъ слѣдовалъ въ ссылку пишущій эти строки, на 60 административно ссыльныхъ приходилось 18 человѣкъ, высылавшихся изъ одного губернскаго города царства Польскаго въ Архангельскую губернію на три года по подозрѣнію въ совершеніи систематическихъ кражъ каменнаго угля изъ какого-то казеннаго склада. „Съ нами ѣдетъ угольная политика!“—шутили товарищи-поляки изъ дѣйствительныхъ политиковъ, хорошо знавшіе подробности „угольнаго дѣла“.

знавался, что онъ высланъ не за политику, а за искусныя кражи. „Я былъ такой ловкій воръ — говорилъ онъ,—что имъ никакъ не удавалось притянуть меня къ суду; вотъ они взяли и выслали меня безъ суда, какъ это дѣлаютъ съ политиками". Даже среди лицъ, высланныхъ за политику—причисляя къ нимъ причастныхъ, въ той или иной степени, къ аграрному и рабочему движеніямъ, — есть значительный процентъ людей, попавшихъ въ ссылку совершенно случайно, только потому, что полиція въ 1906—1908 г.г. мало разбиралась въ поводахъ къ арестамъ и высылкамъ. Впрочемъ, отъ нея этого и не требовали: секретный циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 30 ноября 1905-го года, изданный черезъ $1^1/_2$ мѣсяца послѣ манифеста 17 октября, предоставлялъ полиціи право арестовывать и представлять къ административной высылкѣ „политическихъ агитаторовъ", не утруждая себя производствомъ хотя бы краткихъ полицейскихъ дознаній объ ихъ противоправительственной дѣятельности. Исключеніе было сдѣлано позднѣе для агитаторовъ изъ среды православнаго духовенства; о нихъ приказано было производить полицейскія дознанія, которыя должны были предшествовать аресту. Немудрено, что при такомъ болѣе чѣмъ упрощенномъ порядкѣ искорененія крамолы мѣста ссылки быстро наполнились самыми обыкновенными лѣвыми обывателями,—благо такихъ обывателей за послѣднее пятилѣтіе развелось немало,—со всѣми свойственными рядовому обывателю слабостями, недостатками и грѣшками. Ссыльныхъ стараго типа, со строгими принципіальными взглядами, политическими, соціальными и нравственными, въ теперешней ссылкѣ въ общемъ, пожалуй, не болѣе 10%.

Лица, случайно, по недоразумѣнію, попавшія въ новѣйшую административную ссылку, въ большинствѣ случаевъ очень тяготятся своимъ положеніемъ, падаютъ духомъ и, если получаютъ значительную денежную помощь извнѣ или располагаютъ собственными денежными средствами, зачастую спиваются. Такъ, въ устьсысольской ссылкѣ окончательно спился одинъ врачъ, въ сольвычегодской—столичный купецъ, получавшій изъ дому ежемѣсячно крупныя суммы. Онъ не только самъ изо дня въ день пьянствовалъ, но спаивалъ окружавшихъ его ссыльныхъ изъ числа рабочихъ и крестьянъ-земледѣльцевъ. Въ концѣ концовъ онъ былъ отправленъ исправникомъ въ деревню, гдѣ спаивалъ мѣстныхъ крестьянъ. Случайно попавшихъ въ ссылку можно считать не менѣе 10%. Между ними есть высланные по ложнымъ доносамъ, сдѣланнымъ изъ личныхъ и своекорыстныхъ побужденій. Жена рядового обывателя одного подстоличнаго городка, спутавшаяся съ какимъ-то юнцомъ и задумавшая избавиться отъ постылаго мужа, донесла на послѣдняго, что онъ не ночевалъ дома въ ту ночь, когда

въ городкѣ неизвѣстно кѣмъ были убиты два нижнихъ полицейскихъ чина—и этого было достаточно, чтобы ни въ чемъ невиновный супругъ, послѣ шестимѣсячнаго сидѣнья въ тюрьмѣ, былъ отправленъ въ административную ссылку на два года. Деревенскій священникъ, недовольный строгимъ церковнымъ учётчикомъ изъ сельскихъ писарей, донесъ на него, что онъ занимается противоправительственной пропагандой среди крестьянъ—и такого доноса тоже оказалось достаточно для того, чтобы 70-ти-лѣтній „пропагандистъ" прогулялся на два года въ столицу зырянскаго края, Устьсысольскъ. Въ административную ссылку очень часто отправляютъ оправданныхъ военными судами, а иногда и близкихъ родственниковъ приговоренныхъ къ казни и казненныхъ; такъ, съ нашимъ этапомъ слѣдовалъ въ Архангельскую губернію 15-тилѣтній мальчикъ изъ Лодзи, старшій братъ котораго, замѣшанный въ дѣло объ экспропріаціи на ст. Рогово, былъ казненъ по приговору военнаго суда. По дѣлу о щигровскомъ крестьянскомъ союзѣ взрослые члены одной семьи приговоромъ военнаго суда были присуждены къ каторгѣ или поселенію, а младшіе, несовершеннолѣтніе, въ томъ числѣ 15-ти-лѣтній мальчикъ, оправданные военнымъ судомъ, отправлены въ административную ссылку въ сѣверныя губерніи. Изъ числа оправданныхъ военными судами въ сольвычегодской ссылкѣ находились 60-ти-лѣтній народный учитель Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи, и сельскій работникъ того же уѣзда и губерніи, 17-ти-лѣтній юноша.

Составъ ссыльныхъ въ Вологодской губерніи вездѣ болѣе или менѣе однороденъ; только въ Устьсысольскѣ нѣсколько большій процентъ разночинной интеллигенціи, чѣмъ въ другихъ пунктахъ, да въ самой Вологдѣ оставляютъ, большею частью, ссыльныхъ „аристократовъ" (литераторовъ, врачей, инженеровъ, адвокатовъ и проч.), относительно которыхъ нѣтъ особыхъ указаній отъ департамента полиціи. Затѣмъ въ Вологдѣ оставляются на жительствѣ ссыльные калѣки (безногіе, безрукіе, слѣпые) и тяжело больные, „впредь до поправленія здоровья; туда же временно переводятся изъ уѣздовъ, по ходатайствамъ, подтвержденнымъ медицинскими свидѣтельствами, больные ссыльные, требующіе спеціальнаго лѣченія. Въ моменты наибольшаго наплыва административныхъ ссыльныхъ въ Вологдѣ находилось до 100 чел. больныхъ на временномъ положеніи и около 150 чел. постоянныхъ, оставленныхъ на весь срокъ ссылки. Въ то же время въ Архангельскѣ число ссыльныхъ—исключительно серьезно больныхъ и калѣкъ—не превышало 50 чел.

Съ начала 1909-го года, въ особенности въ такихъ пунктахъ, какъ напр. Устьсысольскъ, Вельскъ и Никольскъ, гдѣ въ составѣ ссылки

былъ значительный процентъ недоучившейся молодежи, проявилось довольно сильное стремленіе къ ученію, въ видахъ подготовки къ экзаменамъ въ объемѣ курса 6-ти и 8-ми классовъ гимназіи или полнаго курса реальнаго училища. Подготовляться къ такимъ экзаменамъ принялись не только молодые люди, попавшіе въ ссылку со школьной скамьи, но и ссыльные изъ народныхъ учителей, а также изъ рабочихъ и ремесленниковъ-евреевъ. Рабочіе и ремесленники, какъ почти незнакомые со школьною мудростью, подготовляясь къ тому или другому экзамену, превратились, по-истинѣ, въ мучениковъ. Это стремленіе къ диплому встрѣтило рѣзкую критику въ средѣ самихъ ссыльныхъ. „Вотъ васъ куда бросило отъ революціи? Къ ярлыку"! — язвили ссыльные изъ числа рабочихъ и крестьянъ своихъ товарищей, усердно взявшихся за учебу. „Хотите запастись ярлыкомъ да пристроиться къ бюрократическому пирогу, сѣсть, значитъ, на шею тому же мужику, за освобожденіе котораго вы боролись? Хороши борцы за свободу, нечего сказать!" На самомъ дѣлѣ изъ числа ссыльныхъ, подготовлявшихся къ экзаменамъ, лишь немногіе добились поставленной цѣли. Администрація, послѣ долгихъ хлопотъ, разрѣшаетъ ссыльнымъ держать экзамены при имѣющихся въ губерніи (въ городахъ Вологдѣ и Великомъ-Устюгѣ) гимназіяхъ и реальномъ училищѣ (разрѣшеніе на это нужно получить отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ попечителя учебнаго округа и отъ мѣстнаго губернатора), но большинство экзаменуется безъ успѣха, частью вслѣдствіе слабой подготовки, а частью, можетъ быть, и потому, что число экстерновъ, могущихъ получить аттестатъ зрѣлости, ограничено, въ силу министерскаго распоряженія, извѣстнымъ процентомъ.

За послѣднее время среди ссыльныхъ наблюдается еще бо́льшее умаленіе партійности, съ присущею ей у насъ, вслѣдствіе ненормальной политической обстановки, особою нетерпимостью; но интересъ къ общественно-политическимъ вопросамъ, не смотря на полное отсутствіе перспективъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ, не замираетъ и не изсякаетъ. Бесѣды на эти темы по прежнему ведутся лучшею частью ссыльныхъ. Интересъ къ общественному дѣлу утраченъ въ этой средѣ сравнительно меньше, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ Россіи. Вотъ что̀ пишетъ, напримѣръ, одинъ изъ бывшихъ ссыльныхъ, недавно возвратившійся на родину, въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Уфимской губерніи. „Дѣлая визиты и утромъ, и днемъ, и вечеромъ, исходилъ чортову прорву знакомыхъ и встрѣтилъ повсюду все одно и то же—заботу о собственномъ житьишкѣ; о широкихъ и глубокихъ вопросахъ не слышалъ ни одного слова, а когда заговаривалъ, то убѣждался, что, повидимому, сіе сейчасъ никому не интересно".

Значительное число ссыльныхъ, за окончаніемъ сроковъ, весною разлетается по домамъ (перелетныя птицы тянутся къ сѣверу, а ссыльные въ то же время—къ югу). Какъ добраться до дому, когда казна не даетъ ни копейки на проѣздъ [1])? Многимъ ссыльнымъ, высланнымъ, напр., съ Кавказа, изъ царства Польскаго, изъ южной Россіи, нужно на проѣздъ до дому по III-му классу отъ 20 до 25 рублей, а находящимся въ ссылкѣ съ семьями—отъ 45 до 60 рублей и даже болѣе. Нѣсколько яренскихъ ссыльныхъ, каждый въ отдѣльности, написали прошенія министру внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи ссыльнымъ открыть кассу взаимопомощи, такъ какъ товарищеская помощь безъ существованія легальной кассы сильно затрудняется, а подчасъ и преслѣдуется полиціей. Исправникъ, какъ сообщено въ газетахъ, принять прошенія отказался, и одного изъ просителей, по его мнѣнію—зачинщика, выслалъ въ село Вышгородъ, въ Удорскій край, въ трехстахъ верстахъ отъ города, гдѣ населеніе исключительно зырянское, не говорящее по-русски.

Въ послѣднее время сроки высылки стали увеличиваться: теперь въ Вологодскую губернію двухгодниковъ почти не прибываетъ, всѣ новички высылаются на три года. Замѣтно, что высылку стали примѣнять, какъ и въ до-конституціонное время, съ разборомъ, почти исключительно къ политикамъ. Весьма вѣроятно, что размѣры и физіономія административной ссылки скоро будутъ прежними, какими были, напримѣръ, при Плеве. „Опять пошли чистые политики!“—радуется лучшая часть теперешней, послѣ-конституціонной ссылки, доживающая свои сроки; радуются этому и мѣстные жители. Теперь къ политикамъ приходится причислять и высылаемыхъ по дѣламъ профессіональныхъ союзовъ и кооперативовъ. Ссыльные этой категоріи, съ усиленіемъ за послѣднее время гоненій на профессіональные союзы и кооперативы, прибываютъ все чаще и чаще. Напр., въ мартѣ мѣсяцѣ этого года такихъ ссыльныхъ прибыло въ Вологодскую губернію изъ одного только Екатеринослава 15 человѣкъ, всѣ—бывшіе члены закрытыхъ профессіональныхъ союзовъ.

М. Сафоновъ.

---

[1]) До февраля 1907-го года лицамъ, освобождавшимся изъ административной ссылки, выдавались отъ казны проѣздныя деньги по цѣнѣ билета III-го класса; затѣмъ выдача такихъ денегъ окончательно прекращена, и теперь освобождающимся изъ ссылки, не имѣющимъ собственныхъ средствъ на выѣздъ, предлагаютъ отправляться на родину этапнымъ порядкомъ. Желающихъ воспользоваться такимъ даровымъ путешествіемъ мало находится: у ссыльныхъ и безъ того слишкомъ свѣжи въ памяти этапныя мытарства и скитанія по тюрьмамъ.

ПЕРІОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И КАПИТАЛИЗМЪ

I.

Въ послѣднее время много говорилось у насъ объ угрожающемъ владычествѣ промышленнаго капитала въ литературѣ и журналистикѣ; нѣкоторые ясно предвидятъ уже тотъ моментъ, когда капиталисты-предприниматели окончательно завладѣютъ нашею печатью и устроятъ ее по образу и подобію другихъ отраслей капиталистической промышленности.

Несомнѣнно, что при современныхъ экономическихъ условіяхъ матеріальные, промышленные интересы получаютъ все большее преобладаніе въ организаціи и судьбахъ періодической печати. Но — разсуждая теоретически—достигнуть окончательнаго и полнаго господства въ этой области они не могутъ по свойству самаго предмета. Въ томъ своеобразномъ товарѣ, который пускается въ оборотъ литературно-газетной промышленностью, всегда остается нерастворимый, неуловимый для капитала, не поддающійся его захвату остатокъ духовнаго, умственнаго, индивидуальнаго творчества, особенно цѣнный для потребителей, т.-е. въ данномъ случаѣ для читателей.

Литературно-издательское производство, даже если оно всецѣло находится въ рукахъ промышленнаго капитала, неизбѣжно сохраняетъ свои особыя черты, рѣзко отличающія его отъ другихъ отраслей промышленности. Умственные работники участвуютъ и занимаютъ видное мѣсто въ каждомъ промышленномъ, техническомъ, фабрично-заводскомъ дѣлѣ; они являются необходимыми организаторами и руководителями предпріятій, создаютъ ихъ репутацію, обезпечиваютъ ихъ успѣхъ своимъ умѣньемъ и талантами, или, напротивъ, приводятъ къ упадку своими ошибками и упущеніями; но въ продуктахъ производства не видно ихъ участіе, не отражается ихъ индивидуальность. Издѣлія той или другой фабрики представляютъ болѣе или менѣе однородную массу товаровъ, имѣющихъ извѣстные внѣшніе, объективные признаки; въ этихъ товарахъ мы не найдемъ слѣдовъ участія тѣхъ техниковъ, химиковъ, инженеровъ и руководителей, которые работаютъ въ данномъ предпріятіи. Умственные работники производства остаются для насъ вполнѣ закулисными и сливаются съ массою остальныхъ рабочихъ; они безразличны для пу-

блики. Для насъ достаточно знать, что лучшія, богатѣйшія и дорожащія своею репутаціею фирмы располагаютъ, конечно, лучшими и дороже оплачиваемыми техническими силами, чѣмъ другія, и мы потому обращаемся къ крупнымъ и извѣстнымъ капиталистическимъ фирмамъ, въ разсчетѣ на доброкачественность ихъ товаровъ. Этимъ опредѣляется и характеръ отношеній между предпринимателями-капиталистами и работающими у нихъ умственными работниками, даже самыми высшими по качествамъ. Это—отношенія личнаго найма: капиталистъ платитъ за трудъ высшаго качества высокую плату, и чѣмъ крупнѣе его предпріятіе, чѣмъ болѣе онъ заинтересованъ въ привлеченіи лучшихъ техническихъ силъ для постоянной работы, тѣмъ лучшія матеріальныя условія онъ установитъ для нихъ, тѣмъ выше будутъ нормы ихъ вознагражденія. Но по существу взаимныя отношенія хозяевъ и работниковъ остаются тѣ же. Еслибы какой-нибудь дорого оплачиваемый техникъ или инженеръ пожелалъ выйти изъ предѣловъ договора о наймѣ, еслибы онъ захотѣлъ перестать быть наемникомъ и рѣшилъ прикоснуться въ какой-нибудь мѣрѣ къ хозяйскимъ правамъ, еслибъ онъ заявилъ притязаніе на извѣстную долю участія въ предпріятіи, хозяинъ-капиталистъ можетъ сказать ему: за ту цѣну, которую я плачу, я всегда найду кого мнѣ нужно, и я могу всегда замѣнить васъ, въ случаѣ надобности, другимъ работникомъ такого же качества, а публика этого даже не замѣтитъ. А въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда данный умственный работникъ дѣйствительно незамѣнимъ для дѣла, ему предложатъ и соотвѣтственное повышеніе, поставятъ въ исключительныя условія, не въ примѣръ прочимъ, и никакого вывода изъ этихъ исключительныхъ фактовъ нельзя будетъ сдѣлать.

Совершенно другое мы видимъ въ литературно-издательскомъ дѣлѣ. Здѣсь личность умственнаго работника не отдѣляется отъ продукта его работы: она неизбѣжно отражается на немъ, и это отраженіе есть именно то, что придаетъ ему цѣну въ глазахъ публики. Индивидуальность литературнаго работника сказывается въ каждомъ изданіи, въ которомъ онъ участвуетъ; въ данномъ нумерѣ журнала или газеты сотрудникъ находитъ свои строки, лично ему принадлежащія; онъ видитъ слѣды своей работы въ прочитанныхъ и исправленныхъ имъ статьяхъ и сообщеніяхъ, и даже самый скромный участникъ можетъ указать и опредѣлить тотъ уголокъ изданія, въ которомъ такъ или иначе отражается его личность. Литературно-издательская промышленность не производитъ и не выпускаетъ на рынокъ массы однородныхъ, безразличныхъ товаровъ, которые существовали бы и имѣли бы цѣнность сами по себѣ, независимо отъ произведшихъ ихъ лицъ. Каждый органъ періодической печати имѣетъ свою опредѣленную физіоно-

мію — не внѣшнюю, техническую, а внутреннюю, духовную, интеллектуальную, неотдѣлимую отъ даннаго изданія. Эта физіономія создается редакціею и ближайшими постоянными сотрудниками журнала или газеты; сотрудники придаютъ извѣстный характеръ или оттѣнокъ изданію, публика невольно отличаетъ ихъ другъ отъ друга, привыкаетъ къ ихъ писательской индивидуальности, и читатели заранѣе знаютъ, кто и что пишетъ въ данномъ изданіи. Писатели по призванію и по профессіи вкладываютъ свою душу въ извѣстное литературное предпріятіе; они налагаютъ на него отпечатокъ своей личности, своего дарованія, своихъ убѣжденій и идеаловъ; для нихъ то изданіе, въ которомъ они участвуютъ, вовсе не предпріятіе, не постороннее учрежденіе, съ которымъ они связаны службою или договоромъ; тамъ, въ этомъ изданіи, заключается часть и, можетъ быть, лучшая часть ихъ собственной души. Здѣсь, очевидно, непримѣнимы тѣ отношенія между хозяевами-капиталистами и умственными работниками высшаго ранга, какія существуютъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. Отношенія между издателями и сотрудниками періодическихъ изданій не могутъ быть устраиваемы по образу и подобію отношеній служебныхъ или наемныхъ; это отношенія совершенно особыя, ставящія извѣстные предѣлы самостоятельной распорядительной роли хозяевъ-капиталистовъ въ дѣлахъ литературы и журналистики.

Когда говорятъ о владычествѣ или о предстоящемъ владычествѣ капитала надъ прессою, то при этомъ имѣютъ въ виду главнымъ образомъ печать ежедневную, газетную. Журналы, особенно ежемѣсячные, представляютъ мало соблазна для предпринимателей-капиталистовъ; они существуютъ преимущественно для такъ называемой интеллигенціи, для небольшой сравнительно части образованнаго общества; они интересуютъ публику только своею идейною стороною и не могутъ служить ни орудіями промышленнаго вліянія, ни источниками обогащенія. Журналы не только у насъ, но и за границей находятся обыкновенно въ рукахъ писателей и ученыхъ; они остаются въ распоряженіи болѣе или менѣе тѣсныхъ литературныхъ кружковъ, обществъ или учрежденій, даже когда они формально составляютъ собственность акціонерныхъ компаній или извѣстныхъ издательскихъ фирмъ. Для промышленнаго капитализма тутъ мало простора. Ареною желаннаго господства для капиталистовъ является именно ежедневная печать, проникающая повсюду, доставляющая не только огромные денежные обороты и доходы, но и возможность значительнаго промышленнаго вліянія на многомилліонныя массы потребителей. Капиталисты и завладѣли газетою въ западной Европѣ, но формы этого владычества неодинаковы въ различныхъ странахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаются

различія и въ отношеніяхъ между издателями и сотрудниками. Въ англійской журналистикѣ эти отношенія покоятся на обоюдныхъ коммерческихъ интересахъ и соглашеніяхъ; тамъ примѣняются высокія нормы вознагражденія и возможно болѣе выгодныя условія для писателей, но зато издатели остаются полными хозяевами. Во Франціи большія газеты обыкновенно составляютъ собственность особыхъ акціонерныхъ компаній, и лица, владѣющія наибольшимъ количествомъ акцій данной газеты, являются главными и высшими ея распорядителями. Скупка акцій какой-нибудь ходкой газеты для пріобрѣтенія принадлежащаго ей вліянія на промышленномъ рынкѣ считается однимъ изъ способовъ достиженія крупнаго успѣха въ коммерческомъ мірѣ. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный парижскій „Figaro“ подвергался риску неожиданнаго перехода въ другія руки, вслѣдствіе значительныхъ закупокъ акцій этой газеты извѣстнымъ спекулянтомъ Рошеттомъ, попавшимъ потомъ въ тюрьму за свои незаконныя биржевыя продѣлки. Для капиталистовъ газета имѣетъ значеніе какъ орудіе рекламы и публикацій, и главные доходы получаются изъ этого источника, а вовсе не отъ читающей публики. Въ Германіи нѣкоторыя изъ самыхъ распространенныхъ газетъ принадлежатъ крупнымъ агентствамъ объявленій; такъ напримѣръ, „Berliner Tageblatt“ издается торговымъ домомъ Рудольфа Моссе, по образцу котораго организованъ существующій у насъ торговый домъ Метцль. Главное мѣсто—или наибольшее количество бумаги—въ каждой нѣмецкой или англійской газетѣ занимаютъ публикаціи и объявленія; литературный или общественно-политическій матеріалъ газеты превращается какъ бы въ побочный, сравнительно незначительный привѣсокъ къ обширному, подавляющему отдѣлу рекламъ. Въ газетахъ французскихъ практикуется болѣе тонкая, менѣе замѣтная форма публикацій; тамъ даже за небольшіе биржевые или банковскіе бюллетени уплачиваются десятки тысячъ франковъ, и на заурядныя объявленія не принято удѣлять много мѣста. Публикаціи выгодно печатать только въ очень распространенныхъ газетахъ, а получить большое распространеніе можетъ лишь газета, располагающая талантливыми, остроумными, компетентными и даже учеными сотрудниками. А такъ какъ источникъ издательскихъ доходовъ находится внѣ читательской публики, внѣ скромныхъ цифръ подписной платы, то высота литературнаго гонорара не стѣсняетъ издателей, и сотрудники, въ особенности постоянные и выдающіеся, пользуются всѣми выгодами своего положенія, безъ ущерба для хозяйскихъ правъ и для интересовъ капиталистовъ. Въ Германіи работа газетныхъ сотрудниковъ оплачивается гораздо хуже, чѣмъ во Франціи, и нѣмецкіе журналисты поставлены въ несравненно менѣе благопріятныя условія,

чѣмъ ихъ французскіе коллеги. Это объясняется тѣмъ, что французскіе работники пера сознательно отстаивали свои права и интересы въ борьбѣ съ капиталистами и не дали себя превратить въ наемныхъ, хотя и привилегированныхъ рабочихъ, тогда какъ у нѣмцевъ подчиненіе журналистовъ издателямъ совершилось легко и просто, безъ серьезныхъ попытокъ противодѣйствія и организованной самозащиты.

II.

Французскіе журналисты отстояли и сохранили весьма важное право и придали ему значеніе обычая; это—право подписи подъ газетными статьями, замѣтками и сообщеніями, даже въ спеціальныхъ отдѣлахъ. Бо̀льшая часть французскихъ газетъ придерживается этого чрезвычайно цѣннаго для сотрудниковъ начала публичности авторства: почти всѣ статьи, начиная съ руководящихъ и кончая мелкими замѣтками, подписываются именами ихъ составителей. Каждый литературный работникъ сохраняетъ, такимъ образомъ, свою индивидуальность и упрочиваетъ свою извѣстность, хотя бы и въ маленькой, скромной сферѣ. Это способствуетъ достоинству и независимости журнальной профессіи, усиливая чувство нравственной отвѣтственности за высказанныя сужденія. Въ рядахъ профессіональныхъ журналистовъ вырабатываются публицисты въ истинномъ смыслѣ этого слова. Такая газета, какъ „Journal des Débats“, служитъ разсадникомъ выдающихся писателей; сотрудничество въ этой газетѣ въ былое время облегчало доступъ въ академію. Въ „Journal des Débats“ выдвигались писатели и по такому неблагодарному отдѣлу, какъ иностранная политика; постоянный сотрудникъ газеты по этой части въ восьмидесятыхъ годахъ, Джонъ Лемуаннъ, ничего другого, кажется, не писалъ, кромѣ изящныхъ и остроумныхъ статеекъ по иностранной политикѣ—и эти небольшія, подписанныя имъ статьи оказались достаточными для того, чтобы Лемуаннъ попалъ въ академики.

Конечно, во многихъ случаяхъ анонимность статей оправдывается обстоятельствами или вызывается интересами самихъ авторовъ. Всякія мнѣнія и заявленія, исходящія отъ опредѣленной газетной или журнальной редакціи въ цѣломъ, или отъ какихъ-либо партійныхъ кружковъ, должны, разумѣется, печататься безъ подписи, точно такъ же какъ общія политическія обозрѣнія, имѣющія редакціонный характеръ; сверхъ того, статьи и сообщенія извѣстнаго рода, основанныя на конфиденціальныхъ свѣдѣніяхъ и предположеніяхъ, могутъ появляться въ печати только подъ условіемъ анонимности; наконецъ, нѣ-

которые авторы, по своему оффиціальному, служебному или общественному положенію, прямо заинтересованы въ сохраненіи своего инкогнито. Право на подпись не должно превращаться въ обязанность, иногда неудобную и тягостную для авторовъ.

Въ періоды острой политической борьбы между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ, какъ это было, напр., во Франціи при второй имперіи, обязательность подписи считается иногда необходимой съ точки зрѣнія интересовъ государственной власти, чтобы можно было привлекать къ суду авторовъ, а не только редакторовъ и издателей, за враждебныя правительству статьи. Въ такихъ случаяхъ анонимность является для журналистовъ болѣе или менѣе надежнымъ—иногда, впрочемъ, только кажущимся—прикрытіемъ отъ судебныхъ и административныхъ преслѣдованій. Обыкновенно, однако, правительственная власть находитъ для себя даже удобнымъ оставлять всю тяжесть отвѣтственности на оффиціальныхъ редакторахъ и издателяхъ, не доискиваясь раскрытія именъ авторовъ. Для администраціи важно держать самыя изданія, въ лицѣ ихъ собственниковъ и руководителей, подъ постоянной угрозой карательныхъ мѣръ—а отдѣльные журналисты всегда могутъ быть привлечены къ отвѣту, въ случаѣ надобности, подъ какимъ-нибудь самостоятельнымъ предлогомъ, независимо отъ своихъ редакцій. Поэтому, напр., у насъ правительство вообще не разыскиваетъ авторовъ оппозиціонныхъ статей, а довольствуется наложеніемъ всякихъ каръ, уголовныхъ и административныхъ, на отвѣтственныхъ редакторовъ и издателей, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда подъ статьями имѣются подписи опредѣленныхъ лицъ. Такъ, между прочимъ, М. М. Ковалевскій судился, какъ редакторъ „Страны“, за статью, подписанную П. Д. Боборыкинымъ, который ни къ какой отвѣтственности не привлекался.

Исключительныя обстоятельства внутренней политики касаются непосредственно только небольшой группы журналистовъ, занятыхъ боевыми внутренними вопросами. По отношенію къ большинству профессіональныхъ литературныхъ работниковъ анонимность, при нормальномъ положеніи печати, можетъ имѣть нежелательныя послѣдствія. Она можетъ увлечь начинающихъ, нетвердыхъ въ принципахъ морали, на путь сознательныхъ злоупотребленій печатнымъ словомъ; подъ ея прикрытіемъ можно пользоваться вліяніемъ и авторитетомъ крупнаго изданія для проведенія личныхъ, иногда неблаговидныхъ цѣлей, для недобросовѣстныхъ нападеній изъ-за угла. Подъ защитой анонимности могутъ процвѣтать самые ядовитые продукты печатнаго слова—скрытая клевета, доносы, шантажъ. Равносильными анонимамъ могутъ, съ этой точки зрѣнія, считаться и псевдонимы, если они перемѣнчивы и не имѣютъ характера постоянства въ обозначеніи однихъ

и тѣхъ же лицъ; такъ ускользнулъ отъ отвѣтственности за клевету сотрудникъ „Новаго Времени“, обвинявшій, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, редактора-издателя газеты „Порядокъ“ въ полученіи субсидіи отъ евреевъ.

Для издателей-капиталистовъ гораздо выгоднѣе имѣть дѣло съ арміей безымянныхъ журналистовъ, искателей газетной работы, чѣмъ съ точно опредѣленными личностями, имѣющими свою репутацію и свой удѣльный вѣсъ въ глазахъ читающей публики. Во Франціи главные редакторы или директоры распространенныхъ газетъ, принадлежащихъ акціонернымъ компаніямъ, пользуются довольно широкою автономіею. Журналистамъ не приходится, поэтому, чувствовать на себѣ гнетъ капитала; напротивъ, мало-мальски талантливые или дѣльные сотрудники сами ставятъ свои условія и часто завоевываютъ себѣ положеніе фактическихъ распорядителей газеты. Въ Германіи нѣтъ газетныхъ именъ; газеты составляются и редактируются большею частью безымянными писателями, иногда даровитыми и остроумными, но не существующими для читателей и извѣстными только въ тѣсныхъ журнальныхъ кружкахъ. Такой писатель либо отдаетъ себя всецѣло, за высокую плату, въ распоряженіе даннаго органа печати или его издателя, либо отрекается отъ своей индивидуальности вслѣдствіе привычнаго безправія и безсилія, подъ вліяніемъ матеріальной нужды. Анонимный работникъ, человѣкъ безъ имени, безъ писательской физіономіи—это именно то, что нужно капиталу для безпрепятственнаго владычества надъ печатью. И потому противъ такой анонимности должны бороться журналисты во имя своихъ интересовъ, какъ нравственныхъ, такъ и матеріальныхъ.

Съ капитализаціей печати тѣсно связано одно явленіе, позволяющее авторамъ механически увеличивать свои заработки. Мы видимъ, напр., во Франціи, что однѣ и тѣ же статьи, подписанныя извѣстными, иногда громкими именами, появляются одновременно въ разныхъ провинціальныхъ газетахъ; французская публика получаетъ такимъ образомъ возможность читать статьи Жореса, Лакруа, Ганотò помимо ихъ собственныхъ парижскихъ органовъ, которые не могутъ быть всѣмъ одинаково доступны; писатели при этомъ значительно расширяютъ свою аудиторію и получаютъ несравненно большій доходъ, такъ какъ даже при незначительной построчной платѣ отъ каждой отдѣльной газеты общая сумма заработка достигаетъ крупныхъ цифръ, въ зависимости отъ количества изданій, участвующихъ въ данной комбинаціи. Способы распространенія работъ извѣстныхъ авторовъ—не только публицистовъ, но и беллетристовъ-художниковъ,—все болѣе совершенствуются, къ выгодѣ самихъ писателей и въ то же время къ несомнѣнной пользѣ читающей публики. Что касается мѣстныхъ жур-

налистовъ, особенно начинающихъ, то для нихъ примѣры и образцы писательства такихъ конкуррентовъ, какъ Жоресъ или Клемансо, должны имѣть возбуждающее, благотворное значеніе. Зато въ газетахъ чисто мѣстнаго характера, посвященныхъ исключительно интересамъ даннаго округа или города, мѣстные журналисты не имѣютъ конкуррентовъ и пользуются достаточно широкимъ просторомъ для приложенія своихъ силъ.

Система одновременнаго печатанія извѣстныхъ произведеній не только въ разныхъ изданіяхъ одной страны, но и въ переводахъ съ рукописи въ различныхъ странахъ, примѣняется теперь въ широкихъ размѣрахъ. Когда появляется новое произведеніе Льва Толстого, то оно печатается въ одинъ и тотъ же день въ огромной массѣ изданій, во всемъ культурномъ мірѣ, на различныхъ языкахъ, съ тою впрочемъ разницею, что повсюду оно появляется въ полномъ видѣ, безъ урѣзокъ, и единственно лишь на русскомъ, отечественномъ языкѣ—съ пропусками и многоточіями. Возражать противъ такихъ способовъ распространенія литературныхъ произведеній, хотя бы и газетныхъ, и противъ организованныхъ для этого „прессъ-бюро“,—можно только по недоразумѣнію. Грѣхи капитализма тутъ ни при чемъ. Когда нѣтъ этихъ способовъ распространенія, то практикуются другіе, болѣе первобытные—простыя систематическія перепечатки статей и фельетоновъ изъ столичныхъ газетъ и журналовъ, съ подписью иниціаловъ, соотвѣтствующихъ названію изданія, откуда взятъ матеріалъ. Такихъ самовольныхъ способовъ распространенія газетныхъ и журнальныхъ статей мы не встрѣчаемъ уже въ западной Европѣ.

III.

Наша ежедневная печать находится еще пока въ такомъ положеніи, что чисто капиталистическія начала могутъ быть проводимы въ ней только съ большимъ трудомъ. Газетное и журнальное издательство является у насъ поприщемъ не для выгоднаго помѣщенія капитала, а для самоотверженнаго общественнаго служенія. Промышленные капиталы не идутъ въ такую область, гдѣ судьба предпріятій зависитъ отъ непредвидимыхъ случайностей, гдѣ самый широкій успѣхъ въ публикѣ не ограждаетъ отъ внезапнаго провала, гдѣ существованіе наилучше обставленнаго изданія можетъ быть прекращено въ каждый данный моментъ, по усмотрѣнію постороннихъ для печати лицъ. Всякое промышленное дѣло требуетъ извѣстныхъ элементарныхъ гарантій внѣшней безопасности; оно не можетъ жить и развиваться подъ ежедневнымъ, постояннымъ страхомъ упраздненія

или катастрофы. Разсчетливымъ капиталистамъ дѣлать нечего тамъ, гдѣ серьезныя по существу предпріятія осуждены оставаться эфемерными, гдѣ нѣтъ подъ ними надежной почвы даже при несомнѣнныхъ шансахъ успѣха, гдѣ нѣтъ элементовъ прочности и постоянства въ общемъ положеніи дѣлъ. Самое скромное, ничтожное промышленное заведеніе обладаетъ прочнымъ правомъ существованія и можетъ быть твердо увѣрено въ неприкосновенности этого права, при соблюденіи извѣстныхъ, точно установленныхъ формальныхъ правилъ; но такой увѣренности нѣтъ у литературныхъ предпріятій. Наши газеты прекращались большею частью не отъ внутренняго худосочія и не отъ равнодушія публики. Нѣтъ надобности приводить примѣры—всѣ знаютъ и помнятъ ихъ. По странной игрѣ случая у насъ внезапно погибали именно тѣ изданія, которыя пользовались наибольшимъ успѣхомъ и популярностью и вполнѣ обезпечивали не только издателей, но и сотрудниковъ. Процвѣталъ у насъ когда-то „Голосъ“—и погибъ, вопреки всѣмъ разсчетамъ и ожиданіямъ своего осторожнаго и предусмотрительнаго хозяина. Въ послѣдніе годы существовалъ у насъ очень распространенный и популярный „Сынъ Отечества“, но исчезъ, и издатель-капиталистъ разорился. Была газета Л. В. Ходскаго, достигла, подъ разными названіями, прочнаго успѣха—и погибла не по своей винѣ. Естественно, что капиталы уклоняются отъ такихъ явно рискованныхъ и опасныхъ дѣлъ, какъ газетное издательство; въ эту область дѣятельности могутъ идти только люди идейные, а такіе рѣдко встрѣчаются между капиталистами.

Въ силу этихъ особыхъ обстоятельствъ въ русской періодической печати не могъ утвердиться духъ односторонняго капитализма; между издателями, редакторами и главными сотрудниками большихъ газетъ часто устанавливались товарищескія отношенія, и всѣ эти участники общаго дѣла нерѣдко дѣйствительно становились товарищами по несчастію. При такихъ условіяхъ было бы несправедливо и безполезно предъявлять издателямъ-капиталистамъ какія-либо особыя требованія для обезпеченія интересовъ сотрудниковъ; вѣдь сами издатели абсолютно ничѣмъ не обезпечены и ежеминутно рискуютъ потерять всѣ затраченныя на дѣло средства. Тѣмъ не менѣе, у насъ давно уже дѣлались попытки формулировать тѣ начала, которыя должны господствовать въ отношеніяхъ между издателями и сотрудниками. Болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, въ февралѣ 1879-го года, кружкомъ петербургскихъ журналистовъ выработана была программа союза, съ цѣлью „объединенія литературныхъ силъ для лучшаго и болѣе цѣлесообразнаго пользованія тѣмъ вліяніемъ, какое принадлежитъ печати“, при чемъ имѣлось въ виду „улучшеніе нравственныхъ и экономическихъ условій литературнаго труда, съ возможно широкимъ примѣненіемъ

артельнаго начала въ редакціяхъ и издательствѣ". Эта программа „союза литературныхъ рабочихъ" подписана, между прочимъ, Юзовымъ-Каблицемъ, П. Червинскимъ (П. Ч. изъ „Недѣли"), С. Венгеровымъ, Н. Виленкинымъ-Минскимъ, Гр. Градовскимъ, Евг. Раппомъ, Кейсслеромъ, Л. Весинымъ, А. Никольскимъ, Мих. Ивановымъ и другими молодыми литераторами того времени. Тѣмъ же кружкомъ лицъ составленъ былъ проектъ соглашеній съ издателями-редакторами. По этому проекту предполагалось, что „въ каждомъ періодическомъ изданіи, въ которомъ члены союза, въ числѣ не менѣе трехъ, состоятъ постоянными самостоятельными сотрудниками, составляется редакціонная артель для соблюденія единства въ направленіи и въ составѣ изданія и для надлежащаго охраненія правъ литературныхъ рабочихъ", а также для обезпеченія участія сотрудниковъ въ извѣстной долѣ чистаго дохода съ изданія, сообразно количеству и качеству ихъ работы въ теченіе года.

Эти попытки организаціи по обстоятельствамъ времени не могли привести къ цѣли. Наши преуспѣвающія большія газеты подчиняются, конечно, условіямъ промышленнаго успѣха, и для нихъ главнымъ источникомъ и мѣриломъ доходовъ служитъ не число подписчиковъ, а количество платныхъ объявленій. Наиболѣе распространенная изъ петербургскихъ газетъ находитъ свою главную опору не въ подписчикахъ: ее поддерживаютъ и обогащаютъ публикаціи. Но во главѣ этихъ большихъ ежедневныхъ изданій стоятъ большею частью старые журналисты или идейные капиталисты, и у нихъ положеніе постоянныхъ сотрудниковъ можетъ считаться болѣе или менѣе благополучнымъ. Такъ, въ только-что указанной богатой газетѣ, представляющей, по выраженію ея издателя, „парламентъ мнѣній", издавна примѣняется—хотя и безъ достаточной послѣдовательности—принципъ участія постоянныхъ сотрудниковъ въ доходахъ изданія, въ качествѣ пайщиковъ. Если не въ настоящемъ, то для будущаго въ высшей степени желательно стремиться къ повсемѣстному и систематическому примѣненію того же руководящаго начала. Сотрудники невольно участвуютъ въ рискѣ гибели и разоренія изданій—и потому справедливо могли бы пользоваться участіемъ въ выгодахъ, доставляемыхъ успѣхомъ изданій.

Твердо установившіяся традиціи русской журналистики позволяютъ надѣяться, что въ ней никогда не удастся восторжествовать чисто-коммерческому капиталистическому духу, и что, избавившись отъ внѣшняго гнёта, печать не подпадетъ подъ другое иго, еще худшее, отравляющее самую ея духовную сущность, ея душу.

Л. Слонимскій.

ТРИ КУЛЬТУРЫ

(Письмо изъ Танжера.)

I.

Въ дѣтствѣ насъ всѣхъ поражали чудесныя свойства ковра-самолета, переносящаго въ одно мгновеніе героя за тридевять земель, въ совершенно иную обстановку. Пылкая фантазія англійскаго романиста изобрѣла „Time machine“, при помощи которой можно передвинуть по желанію на нѣсколько вѣковъ время впередъ или назадъ.

И вотъ, представьте, на самомъ дальнемъ западѣ Европы я вижу теперь осуществленіе всего того, что можетъ дать соединеніе ковра-самолета съ „Time machine“. Въ теченіе одного дня я переношусь съ континента на континентъ, изъ Европы въ Африку. Въ самый короткій промежутокъ времени я попадаю изъ Гибралтара въ Алхесирасъ, а оттуда—въ Танжеръ. Британская имперія, Испанія и Марокко! Три міра, три культуры, три міропониманія, три вѣка! Трудно представить себѣ что-либо болѣе противоположное. Въ полчаса мы переносимся изъ XX-го вѣка въ начало XIX-го. Еще черезъ три часа—и мы попадаемъ въ XVI-ый вѣкъ.

Я не намѣренъ дать здѣсь какое-либо изслѣдованіе. Я — только отдыхающій журналистъ, собирающійся подѣлиться бѣглыми наблюденіями надъ тремя мірами и тремя культурами.

Сѣрая гибралтарская скала. Къ острому хребту ея прижалось черное облако. Кажется, что духъ старой Англіи, въ видѣ клочка ея чернаго тумана, перенесся сюда и караулитъ ея грозную крѣпость, не имѣющую впрочемъ, какъ говорятъ, такого важнаго значенія, какъ когда-то. Внизу, на Уотерпортѣ, главной улицѣ крошечной колоніи, ничто не говоритъ о туманахъ, холодѣ и сырости. Южное солнце льетъ потоки свѣта на ряды домовъ, на мимозы, пальмы и колючія варварійскія фиги, покрытыя желтыми крупными цвѣтами, на пестрый потокъ людей и на интенсивно голубое море. Мимо скалы проходитъ самая бойкая, самая красивая и наиболѣе богатая воспоминаніями лазоревая большая дорога. Безголовый сфинксъ, съ которымъ сравниваютъ Гибралтаръ, караулитъ эту лазоревую дорогу, готовый въ любой моментъ засыпать ее бомбами. Жерла пушекъ выглядываютъ всюду

изъ темныхъ галлерей и кажутся сказочными чудовищами, показывающими изъ темныхъ пещеръ свои гигантскіе хоботы. О томъ, что каменный сфинксъ охраняетъ лазоревый измѣнчивый путь (въ теченіе одного дня призрачная синева его нѣсколько разъ принимаетъ свинцовый цвѣтъ, бугрится—и тогда горе небольшимъ судамъ!) изъ Средиземнаго моря въ Атлантическій океанъ, о томъ, что на этомъ пути встрѣчаются корабли всѣхъ портовъ земного шара,—свидѣтельствуетъ невѣроятно пестрый видъ толпы, которая многоцвѣтнымъ безпрерывнымъ потокомъ струится отъ зари до зари по Уотерпорту. Потокъ приходитъ въ движеніе утромъ, когда сигнальная пушка возвѣщаетъ, что крѣпость открыта. Онъ исчезаетъ ночью, когда та же пушка даетъ сигналъ къ отрѣзыванію крѣпости отъ всего міра. Послѣ сигнальнаго выстрѣла, съ вечерней зарей, на улицѣ появляется отрядъ солдатъ. Пищатъ дудки. Глухо гудитъ громадный барабанъ, въ который что есть силы колотитъ здоровенный солдатъ. Это тотъ, кого испанцы называютъ San Pedro, относитъ губернатору ключи отъ крѣпостныхъ воротъ. Кого только нѣтъ днемъ въ живомъ, многоцвѣтномъ потокѣ! Тутъ великолѣпный и безконечный матеріалъ для этнографа и лингвиста. Народы всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ кожи смѣшались вмѣстѣ. Въ звучную, благородную, сильную испанскую рѣчь вплетаются грубые, гортанные, архаическіе звуки какого-нибудь малоизвѣстнаго народа Малайскаго архипелага. Индусы, повязанные цвѣтными платками, блестящіе какъ антрацитъ суданскіе негры, бѣлолицыя англійскія туристки, подвижные французы-провансальцы, черныя, большія, густыя бороды которыхъ находятся въ противорѣчіи съ женственными чертами лица; китайцы, высокіе, русоволосые шведы и норвежцы, длинноволосые мексиканцы и еще много представителей другихъ народностей смѣшались какъ при построеніи вавилонской башни. Гордо выступаютъ, закутавшись въ синіе бурнусы, мавры изъ Марокко. Ихъ голыя ноги, въ желтыхъ туфляхъ изъ верблюжьей кожи, поражаютъ великолѣпіемъ мускуловъ. Эти ноги какъ будто отлиты изъ темной бронзы. За маврами нерѣшительно слѣдуютъ другія фигуры, тоже родомъ изъ Марокко. На нихъ длинные темносѣрые балахоны, перехваченные черными поясами. На головахъ — черныя шапочки. Лица поражаютъ въ одинаковой степени какъ библейской, патріархальной красотой, такъ и робостью выраженія. Это — евреи изъ Танжера, Тетуана, Рабата или Марокеша. Желчный докторъ Лимуэль Гулливеръ, въ своемъ путешествіи по странѣ Гуимнъ, разсказываетъ, какъ когда-то къ отдаленному острову пристали мужчины и женщины. Вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій потомки ихъ стали быстро вырождаться и съ теченіемъ времени превратились въ ужасныхъ, отвратительныхъ „Ягу“. Нѣчто подобное повторилось въ Ма-

рокко. Предки евреевъ, живущихъ тамъ, выселились въ XV-мъ вѣкѣ изъ Испаніи, не желая принять христіанство. Въ то время они и арабы являлись носителями культуры на Иберійскомъ полуостровѣ. Испанскіе евреи выдвинули тогда рядъ смѣлыхъ мореплавателей (одинъ изъ нихъ командовалъ кораблемъ той флотиліи, во главѣ которой стоялъ Колумбъ), государственныхъ дѣятелей, поэтовъ, врачей, математиковъ, философовъ, зодчихъ. Въ дикой странѣ, при новыхъ, крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, потомки высоко-культурнаго народа мало-помалу стали вырождаться. Отъ прежняго они сохранили только красивую наружность и испанскую рѣчь. Существованіе мароккскихъ евреевъ протекаетъ теперь при тяжелыхъ условіяхъ. Въ Рабатѣ, въ Марокешѣ, Фецѣ и Тетуанѣ жизнь ихъ — сплошной трепетъ. Въ любой моментъ ихъ имущество можетъ быть отдано на разграбленіе „рифамъ“ (дикимъ горцамъ). Въ любой моментъ губернаторъ провинціи можетъ посадить въ тюрьму еврея, чтобы заставить его заплатить выкупъ. Теперь въ Марокко—тревожныя времена. И въ перечисленныхъ городахъ матери-еврейки каждый вечеръ наряжаютъ своихъ дочерей въ лохмотья и пачкаютъ имъ лица сажей. Онѣ хотятъ такимъ образомъ спасти своихъ дочерей отъ позора, если ночью ворвутся въ городъ „рифы“ и начнется погромъ. Къ несчастью, даже дѣтскій возрастъ не спасаетъ дѣтей отъ крайняго насилія! Гдѣ развѣвается красное британское знамя съ синимъ крестомъ, тамъ неприкосновенность личности абсолютно гарантирована. Въ британской колоніи мароккскіе евреи чувствуютъ себя въ полной безопасности, но и тутъ имъ трудно отдѣлаться отъ вѣковой робости.

Вотъ въ цвѣтной живой потокъ влилась новая сѣрая струя. Эмигрантскій пароходъ, по пути въ Южную Америку, остановился на два часа въ Гибралтарѣ. Переселенцы воспользовались этимъ временемъ, чтобы въ послѣдній разъ побывать на европейскомъ континентѣ. Въ толпѣ слышится польская и еврейская рѣчь. То выходцы изъ Россіи. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше наша родина становится тѣмъ же, чѣмъ былъ когда-то Золотой берегъ или берегъ Слоновой кости: иностранные корабли вывозятъ изъ Россіи живой грузъ, какъ прежде вывозили его съ береговъ Гвинейскаго залива. Грузъ, состоящій изъ несчастныхъ людей, къ которымъ родина отнеслась безпощадно, отправляется въ Сѣверную Америку или въ Бразилію, т.-е. туда, гдѣ требуется дешевый и безотвѣтный работникъ. Общая судьба соединила представителей разныхъ вѣръ. Евреи, поляки и латыши держатся вмѣстѣ въ пестрой, интернаціональной толпѣ и съ одинаковымъ любопытствомъ глядятъ на лавки, представляющія смѣсь Европы и Азіи. На дверяхъ лавокъ, въ которыхъ сидятъ неподвижные, какъ изваянія Будды, индусы, повязанные цвѣтными платками, видны

пестрыя шали, полотнища, затканныя изображеніями отвратительныхъ божествъ, порожденныхъ богатой, но запуганной фантазіей; висятъ ковры, на которыхъ цвѣты лотоса сочетаются въ самые причудливые узоры. Изъ низкихъ оконъ на улицу выглядываютъ бронзовыя божества всѣхъ азіатскихъ и африканскихъ пантеоновъ. Они привезены изъ языческихъ странъ, но изготовлены благочестивымъ Бирмингэмомъ, который одновременно отправляетъ въ глубину Африки идоловъ — и миссіонеровъ для распространенія христіанства. Рядомъ съ бронзовыми многоголовыми и многорукими богами—восточные кинжалы, амулеты съ таинственными надписями, громадныя кремневыя „пищали“, которыя будутъ вывезены отсюда любителями рѣдкостей. О-бокъ съ индійскими лавками—англійскіе магазины, съ послѣдними новинками Лондона и Парижа. Особенность Гибралтара составляютъ лавки, снабжающія спеціально испанскихъ контрабандистовъ. Соблазнъ для нихъ слишкомъ великъ, и тюки съ табакомъ, кофе и оружіемъ вывозятся постоянно изъ британской колоніи въ сосѣднюю Испанію. Въ томъ домѣ, гдѣ нѣтъ лавки, тамъ непремѣнно или испанское кафе, или англійскій „баръ“. Въ первомъ за мраморными круглыми столиками сидятъ испанцы, сосутъ освѣжительный напитокъ черезъ соломинку или играютъ въ домино. Въ „барахъ“ матросы, солдаты и пріѣзжіе туристы поглощаютъ густой черный „stout“, дѣйствующій въ этомъ жаркомъ климатѣ какъ ударъ дубиной по головѣ. Матросы и солдаты встрѣчаются на Уотерпортѣ безпрерывно. Солдаты въ „хаки“ или въ красныхъ курткахъ видны у воротъ безчисленныхъ казармъ, на площадкахъ, въ дверяхъ кабаковъ. Рослые, свѣтловолосые и краснощекіе защитники Англіи выдѣляются сразу въ толпѣ невысокихъ, черноволосыхъ и смуглолицыхъ испанцевъ. Старая Англія заботится о своихъ солдатахъ. Жилища ихъ удобны, комфортабельны и по возможности копируютъ коттеджи, столь любезные британскому сердцу. Англичане носятъ всегда съ собою свою внѣшнюю культуру, какъ улитка—свою раковину. Стоитъ только присмотрѣться къ окнамъ домовъ въ Гибралтарѣ. Если домъ принадлежитъ англичанину, то окна непремѣнно устроены „гильотиной“, точь въ точь какъ гдѣнибудь въ Ричмондѣ или въ Брэдфордѣ. Особенно любопытное зрѣлище представляютъ солдаты рядомъ со своими женами. Англійское правительство охотно помогаетъ послѣднимъ и устраиваетъ ихъ возможно комфортабельнѣе. „Солдатка“ одѣта „барыней“, конечно—въ шляпкѣ. Солдатъ слѣдуетъ рядомъ и толкаетъ колясочку, въ которой сидитъ парядный, толстощекій, веселый будущій защитникъ Британской имперіи. Младенецъ этотъ—не офицерскій, а принадлежитъ солдату. Англія не отдаетъ своихъ солдатъ офицерамъ въ лакеи. За-

щитнику Британской имперіи не приходится ваксить барскихъ сапоговъ, рубить котлеты на кухнѣ или няньчить ребятъ...

На Уотерпортѣ—внезапное наводненіе: вся улица залита веселой, краснощекой молодежью въ бѣлыхъ шляпкахъ. То бросившій якорь военный корабль спустилъ на берегъ матросовъ. Полисменъ въ бѣломъ шишакѣ смотритъ на эту новую волну и лицо его выражаетъ покорность судьбѣ. Сегодня ночью, когда вѣстовая пушка подастъ сигналъ, что пора запирать крѣпостныя ворота, полисменамъ будетъ немало возни съ дюжими матросами, которые къ тому времени успѣютъ попробовать и тяжелый „stout“, и виски, и испанское „aguardiente“.

Гибралтаръ поражаетъ туриста не только своею живописностью и красочностью. Послѣ нѣсколькихъ минутъ пребыванія мы убѣждаемся, что скала представляетъ собою обломокъ старой Англіи, брошенный между двумя морями. Удивительный организаторскій талантъ британскаго народа проявляется на каждомъ шагу: въ великолѣпной военной гавани, въ превосходныхъ дорогахъ, вырубленныхъ всюду въ скалѣ, въ удивительномъ порядкѣ, въ *культурности* города. Мы—въ первоклассной крѣпости, имѣющей колоссальное значеніе для Британской имперіи. Военный губернаторъ знаетъ, что на немъ лежитъ страшная отвѣтственность. Между тѣмъ личная свобода всего населенія Гибралтара ничѣмъ не стѣснена. Паспорты неизвѣстны въ Гибралтарѣ, какъ и въ остальныхъ частяхъ міровой имперіи. Все пестрое населеніе крѣпости, не смотря на различіе происхожденія и вѣры, пользуется одинаковыми правами. Военный элементъ преобладаетъ въ крѣпости, но это можно *видѣть* только, а не *чувствовать*. Британскій офицеръ, прежде всего, *джентльменъ* въ лучшемъ смыслѣ слова. Онъ культуренъ, воспитанъ и не считаетъ своимъ долгомъ отравлять существованіе всѣмъ, не принадлежащимъ къ военному сословію. Хотя Гибралтаръ первоклассная крѣпость, мы здѣсь чувствуемъ себя въ XX-мъ вѣкѣ. Тутъ хозяйничаютъ культурные люди. Англичане и въ Гибралтарѣ проявляютъ широкую терпимость и уваженіе къ чужой личности. Дѣлается это не въ силу отвлеченныхъ принциповъ, а потому что это наиболѣе благоразумный и *выгодный* способъ скрѣпленія имперіи. И въ результатѣ испанское населеніе Гибралтара считаетъ себя англичанами и не тяготѣетъ къ своей первоначальной родинѣ.

Безчисленныя книжныя лавки въ Гибралтарѣ, литературныя и другія общества, газеты на англійскомъ, испанскомъ, арабскомъ языкахъ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ крѣпости относятся съ уваженіемъ къ знанію и къ самодѣятельности общества.

II.

Меня окликаетъ высокій сѣдой старикъ съ длинными усами. Краснощекій, здоровый мальчикъ лѣтъ семи подбѣгаетъ и трясетъ за руку. Группа молодыхъ и пожилыхъ дамъ, слѣдующая за старикомъ, какъ у насъ на Украйнѣ „старцы“ за поводаремъ, улыбаются. Видъ и манеры дамъ нѣсколько эксцентричны. Послѣ двухминутнаго наблюденія зарождается предположеніе, что дамы эти скорѣе привыкли къ верховой лошади и къ жизни въ степи или въ лѣсу, чѣмъ къ модным платьямъ и къ гостинымъ. Всѣ онѣ смѣются очень громко. Одна изъ нихъ, толстая и краснощекая, при этомъ хватаетъ себя за бока и хлопаетъ ладонью по бедрамъ. Дѣйствительно, предположеніе оказывается совершенно вѣрнымъ. Это — американки родомъ изъ Джорджвиля, въ Флоридѣ. До сихъ поръ онѣ „расли на волѣ“ на своихъ ранчахъ и хлопчатобумажныхъ плантаціяхъ. Затѣмъ, когда въ результатѣ продажи быковъ, лошадей и тюковъ хлопка явились деньги и, должно быть, большія, рѣшено было „продѣлать Европу“, to do the old Continent. Во главѣ партіи—молодая дама, съ энергичнымъ, смѣлымъ и рѣшительнымъ лицомъ. Она одѣта по послѣдней модѣ. На рукахъ много алмазныхъ колецъ. Но по рѣшительнымъ манерамъ, по твердости пожатія небольшой руки, по яснымъ, холоднымъ глазамъ видно, что въ своей глуши молодая дама, при случаѣ, не сробѣетъ ни въ какомъ положеніи. Молодая дама—единственная лингвистка въ партіи, т.-е. съ грѣхомъ пополамъ говоритъ по-испански. На ней, повидимому, лежитъ вся административная сторона дѣла; но въ затруднительныхъ случаяхъ она совѣщается съ единственнымъ мужчиной въ партіи — съ сѣдоусымъ старикомъ. Изъ его собственныхъ словъ я знаю, что онъ „in the timber business“, т.-е. совершаетъ какія-то операціи „по дровяной части“ въ Флоридѣ. Кромѣ того знаю, что онъ былъ долго совѣтникомъ въ штатѣ Джорджіи и по убѣжденіямъ — ярый демократъ, а не республиканецъ. Съ группой этой я встрѣтился впервые въ Гренадѣ, гдѣ мы остановились въ одной гостинницѣ. Первымъ познакомился мальчикъ. Онъ полюбопытствовалъ, какой я національности.

— Такъ вы Москву знаете? — спросилъ мальчикъ, услыхавъ мой отвѣтъ.

— Да.

— Быть можетъ, вы ушли изъ Москвы вмѣстѣ съ Наполеономъ?— радостно справился мальчикъ.

Я отвѣтилъ, что, къ сожалѣнію, не могъ знать Наполеона и не могу подѣлиться личными впечатлѣніями отъ пожара Москвы. Съ

мальчикомъ мы познакомились. Когда въ Малагѣ мы очутились въ одномъ вагонѣ по пути въ Ронду, мы уже бесѣдовали какъ старые знакомые. И теперь въ Гибралтарѣ мы встрѣтились, какъ будто вѣкъ были знакомы, хотя еще не сообщили другъ другу своихъ именъ. Вся партія отправлялась въ Алхесирасъ, чтобы посмотрѣть на бой быковъ.

—. Вы и мальчика берете съ собою?—справился я.

— Конечно. Вили очень любитъ это,—отвѣтила за мальчика мать.—Онъ былъ уже на боѣ быковъ въ Севильѣ и описалъ его въ большомъ письмѣ.

— Мнѣ лошадей не жалко,—вставилъ мальчикъ.—Онѣ слабыя. У нихъ души нѣтъ. Быка жалко: онъ смѣлый и сильный!

Алхесирасъ такъ Алхесирасъ! За десять минутъ до того я не думалъ о немъ совершенно, а теперь мнѣ казалось, что въ моемъ путешествіи будетъ незаполненный пробѣлъ, если я не поѣду вмѣстѣ съ остальными на ту сторону бухты. Трудно представить что-нибудь болѣе живописное, чѣмъ Алхесирасская бухта. Пароходъ скользитъ по морю цвѣта индиго. Позади парохода изъ моря постоянно выбрасываются дельфины. Налѣво въ туманѣ вырисовываются сѣрыя горы. То виднѣется африканскій берегъ. Пароходъ переполненъ пассажирами. Тутъ туристы, мѣстные обыватели, но еще больше англійскихъ моряковъ, сухопутныхъ офицеровъ, солдатъ и матросовъ, отправляющихся въ Алхесирасъ на бой быковъ. На палубѣ нѣсколько бродячихъ музыкантовъ очень старательно выводятъ вальсъ изъ „Веселой вдовы“, отъ котораго теперь, какъ отъ рока, никуда нельзя уйти. Звуки вальса преслѣдуютъ васъ и въ Петербургѣ, и въ Лондонѣ, и на палубѣ трансатлантическаго парохода, и въ Австраліи. Подъ вліяніемъ удивительнаго дня, тихаго моря и веселыхъ, прыткихъ дельфиновъ звуки заигранаго вальса заражаютъ публику. Является избытокъ жизнерадостности и довольства бытіемъ, проявляющійся въ притоптываніи, въ шумномъ выстукиваніи такта тростями и зонтиками...

Пристань въ Алхесирасѣ украшена флагами. Поперекъ улицъ протянуты цвѣтныя полосы полотна. Въ городѣ не только бой быковъ, но еще и „ферія“, т.-е. ярмарка. Заблудиться въ узкихъ, извилистыхъ улицахъ города совершенно невозможно, потому что вся толпа валитъ по одному направленію: къ цирку. Толпы нищихъ, маленькихъ и старыхъ, осаждаютъ высадившихся съ парохода.

— Uno limosna, señorito! (Милостыньку, баринъ!)—выводитъ старая цыганка.

— Uno perro chico! („Щелка“, т.-е. монету въ пять сантимовъ)—голоситъ дѣвочка, гонялсь за отмахивающимся отъ нея, какъ отъ мухи, туристомъ.

Въ Гибралтарѣ англичане какъ-то покончили съ нищенствомъ. Въ Алхесирасѣ мы попадаемъ въ другую культуру: нищихъ здѣсь, пожалуй, еще больше, чѣмъ въ остальной Испаніи. Всюду на улицахъ встрѣчаются разряженныя женщины, безъ шляпокъ, съ волосами, украшенными цвѣтами. Чуть ли не въ каждомъ кварталѣ—касса, надъ которой по-англійски и по-испански значится, что тутъ продаются билеты на бой быковъ. У каждой кассы—большая толпа. Два кассира едва успѣваютъ отрывать билеты и получать за нихъ деньги. На перекресткѣ—слѣпой музыкантъ. Онъ поетъ и подыгрываетъ на гитарѣ. Прислушиваюсь. Пѣвецъ, очевидно, старается попасть въ тонъ публикѣ. Въ куплетахъ говорится про бой быковъ:

„Dic hosa axición torera
Que se acerca á una victoria;
esos niños sevillanos
van á colmarte de gloria".

(т.-е. „Счастливая профессія тореадоровъ! Она ведетъ къ побѣдѣ. Дѣти Севильи наполнятъ ее славой"). Музыкантъ защипалъ струны гитары; затѣмъ послѣдовалъ куплетъ, восхвалявшій послѣдній подвигъ знаменитаго теперь тореадора „Бомбиты", который долженъ былъ выступить въ Алхесирасѣ.

„*Bomba* estuvo en su primero
muy maestro en torear,
colosal muleteando,
muy valiente en el matar".

(т.-е. *Бомба* [1]) справлялся съ первымъ быкомъ. Онъ проявилъ себя мастеромъ, дразня быка; былъ великъ, играя „мулетой", и очень храбръ, убивая). По тротуарамъ, въ толпѣ разряженной публики, бродятъ испанскіе солдаты, увѣшанные серебряными крестами. Это—участники только-что окончившейся африканской кампаніи. Мнѣ припоминается испанскій офицеръ, ѣхавшій со мною въ одномъ вагонѣ изъ Малаги въ Ронду. Возбужденный очень красивой пассажиркой, сидѣвшей въ томъ же отдѣленіи, гдѣ и мы, офицеръ, по испанскому обычаю, не утерпѣлъ, чтобы не сказать ей на ломаномъ французскомъ языкѣ нѣсколько комплиментовъ. Затѣмъ онъ пропѣлъ и „малагенью", и „сегедилью", и „хоту", и еще какіе-то куплеты. Красивая дама любезно поблагодарила пѣвца и похвалила его голосъ. Офицеръ хотѣлъ выразить свою мысль по-французски, но не хватило словъ, и онъ продолжалъ по-испански:

[1]) Кличка *Bomba* или *Bombita* по-испански означаетъ не бомбу, а помпу. Испанцы говорятъ, что на аренѣ давно уже не выступалъ „торео", надѣленный такимъ поразительнымъ мужествомъ и такой изумительной ловкостью, какъ „Бомбита".

— О, я много пѣлъ въ послѣднее время. Я былъ въ Мелильѣ. Тамъ „yo maté cantando“ (я убивалъ, распѣвая). — И офицеръ, рисуясь передъ красивой дамой, сообщилъ, что собственной рукой убилъ съ десятокъ арабовъ.

Офицеру можно было вполнѣ повѣрить. Мелильская кампанія— одна изъ тѣхъ войнъ, которыя побѣдителямъ не стоютъ жертвъ. Арабовъ укладывали издалека, какъ барановъ, при чемъ испанскіе солдаты ничѣмъ не рисковали. „Взявъ штурмомъ“ (т.-е. войдя безъ сопротивленія) дуаръ (деревню), побѣдители не только убивали всѣхъ встрѣчныхъ, но еще взрывали жилища ихъ динамитомъ и вырубали варварійскія фиги, составляющія для горцевъ единственный источникъ къ существованію. И когда всѣ дуары были выжжены, сады вырублены, а жители убиты, Испанія провозгласила себя побѣдительницей...

На другомъ углу стоитъ уличный пѣвецъ, тоже слѣпой. Рядомъ съ нимъ немолодая уже женщина, которая успѣваетъ и подпѣвать пѣвцу, и обращаться къ прохожимъ, и сбывать имъ листки съ „Couplets de Moda“. Передъ пѣвцомъ остановилась группа солдатъ съ ихъ пріятельницами. Онъ тронулъ пальцами гитару и запѣлъ:

„Para los novios y novias
era su gran pesadilla
antes la isla de Cuba
y ahora Ceuta y Melilla.
Una joven mug rumbosa
á su novio le deciá:
A san Juan pondré una vela
si te libra de Melilla.
Otra deciá: Ay de mi
qué me va á pasar
si se llevan á mi novio
á la otra parte del mar!“

(т.-е. „Для возлюбленныхъ кошмаромъ была прежде Куба, а теперь— Сеута и Мелилья. Пухленькая дѣвушка сказала разъ своему возлюбленному: „Я поставлю св. Іоанну свѣчку, если онъ избавитъ тебя отъ Мелильи“. Другая сказала: „Горе мнѣ! Что со мною будетъ, если моего возлюбленнаго увезутъ за море!“)...

Испанія теперь несомнѣнно возрождается отъ долгаго сна. Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „North American Review“, попавшейся мнѣ на глаза въ Гибралтарѣ, я нашелъ очень интересную статью генеральнаго консула Пенфольда: „Spain's Industrial Awakening“ (промышленное пробужденіе Испаніи). Авторъ доказываетъ, что всюду на полуостровѣ обработка земли значительно улучшается. Несомнѣннымъ фактомъ является возрастаніе благосостоянія страны, основаннаго на воздержанности населенія и на развитіи существен-

ныхъ богатствъ Испаніи. На развалинахъ романической Испаніи, жившей воспоминаніями о быломъ величіи, выросла, по мнѣнію Пенфольда, новая промышленная страна. И эта новая Испанія, живущая не призрачными идеалами, а интенсивнымъ трудомъ, находится въ матеріальномъ отношеніи въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ когда-либо раньше. Со времени войны съ Америкой цѣнность государственныхъ бумагъ Испаніи увеличилась почти вдвое. Соотвѣтственно съ этимъ поднялся и курсъ. Испанскіе порты на Атлантическомъ океанѣ и въ Средиземномъ морѣ кишатъ кораблями. Почва даетъ хорошіе урожаи. Открыты богатыя залежи металловъ. Въ общемъ, уменьшившаяся Испанія теперь богаче чѣмъ тогда, когда Куба и Филиппинскіе острова оставляли ежегодный дефицитъ въ бюджетѣ страны. Измѣнился самый характеръ населенія. Нѣтъ болѣе прежней лѣни и dolce far niente. Они замѣнились предпріимчивостью и трудолюбіемъ. Отрѣзанная отъ Кубы и Филиппинскихъ острововъ, Испанія нашла для себя новые рынки въ Южной Америкѣ. Всѣ республики латинской Америки являются теперь потребителями испанскихъ фабрикатовъ. Мексика, напримѣръ, служитъ громаднымъ рынкомъ для сбыта испанскихъ винъ, бумажныхъ тканей, чугуна въ болванкахъ, полосового желѣза и металлическихъ издѣлій. Десять лѣтъ тому назадъ рождаемость въ Испаніи составляла 34,38 на тысячу населенія, а смертность — 28,68. Теперь рождаемость — 33,28, а смертность — 25,13. Испанскія 4% государственныя бумаги до войны стоили 63, во время войны—42½, а теперь—85. До войны въ Марокко бумаги эти стоили 90.

Испанскіе публицисты не настроены такъ оптимистически, какъ американскій консулъ. Они указываютъ, напримѣръ, на гибель виноградныхъ лозъ отъ филоксеры, на необходимость перепахивать виноградники подъ пшеницу, потому что перейти къ культурѣ болѣе цѣнныхъ растеній мѣшаютъ уродливые испанскіе законы. Разводить табакъ, напримѣръ, въ Испаніи нельзя, такъ какъ синдикатъ, въ рукахъ котораго находится привозъ табачныхъ листьевъ изъ-за моря, ревниво охраняетъ свои интересы. Испанскій крестьянинъ можетъ сѣять для себя только восемь стеблей табака. Въ Андалузіи—указываютъ испанскіе публицисты—великъ земельный голодъ, хотя помѣщикамъ принадлежатъ тамъ громадныя владѣнія, съ которыми они сами не умѣютъ справиться. И въ результатѣ изъ Андалузіи, гдѣ столько свободныхъ земель, ежегодно эмигрируютъ въ Южную Америку цѣлыя деревни, подъ предводительствомъ алькада. Въ Аррагоніи и Галиціи, не смотря на плохое качество земли, она обложена высокимъ налогомъ. На сѣверѣ Испаніи, напримѣръ близъ Бильбао, дѣйствительно интенсивно разрабатываются естественныя

богатства; но тамъ оперируютъ, главнымъ образомъ, иностранные капиталы. Эксплуатація естественныхъ богатствъ—хищническая. Она поведетъ къ прежней бѣдности, когда всю руду вывезутъ и иностранный капиталъ укочуетъ. Фактъ, однако, остается фактомъ. Въ промышленномъ отношеніи Испанія пробудилась. Гораздо большее пробужденіе замѣчаемъ мы въ области литературы. Она выдвинула теперь первоклассныхъ беллетристовъ, какъ Пересъ Гальдосъ или Бласко Ибаньесъ. Пробудившаяся Испанія все больше и больше замѣчаетъ поразительныя уродливости своего политическаго строя. Въ самомъ дѣлѣ, трудно прѣдставить себѣ бо̀льшее противорѣчіе между словомъ и дѣломъ, чѣмъ испанская конституція. Теоретически Испанія имѣетъ крайне демократическую конституцію, съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ, съ широкимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ и съ всевозможными гарантіями. На дѣлѣ выборы подстраиваются представителями центральной власти и „кациками“ (мѣстные воротилы), „ayuntamientos“ (мѣстное самоуправленіе) не независимы, а надъ всѣмъ властвуетъ „cura“ (попъ). Англія и Испанія одинаково имѣютъ демократическія конституціи; но первая находитъ старинные *термины*, утерявшіе всякій смыслъ, для новыхъ политическихъ *явленій*, вторая же (и не она одна) прикрываетъ новыми пышными терминами старый, отжившій порядокъ. Приведу одинъ фактъ, который покажется вамъ очень знакомымъ. Вычиталъ я его въ испанской газетѣ „Correspondecia de España“ (3-го іюня 1910). Теоретически испанская пресса свободна, а на дѣлѣ случается вотъ что. Въ газетѣ „La Atalaya“ (№ 6659), выходящей въ Сантандерѣ, появилась такая юмористическая замѣтка въ отдѣлѣ „Panorama“: „Начальникъ одной русской губерніи былъ устраненъ по очень интересному поводу. Имѣя привычку не заниматься совершенно дѣлами и оставлять ихъ своимъ помощникамъ, онъ ограничивался тѣмъ, что все скрѣплялъ своею подписью, не читая бумаги. Разъ какъ-то губернатору поднесли для подписи бумагу, начинавшуюся такими словами: „Я убѣдился, что совершенно неспособенъ быть губернаторомъ“. Добросовѣстный начальникъ скрѣпилъ бумагу, не читая ея. Документъ попалъ въ руки предсѣдателя совѣта министровъ, и губернаторъ былъ немедленно смѣщенъ. Въ дѣйствительности, за свою искренность губернаторъ заслужилъ награду. Намекъ губернаторамъ, которые не служатъ, но, къ сожалѣнію, не молчатъ добродушно (bonitamente) или блаженно (benitamente)“. Сантандерскаго губернатора зовутъ Bonito. Въ по̀слѣдней фразѣ замѣтки онъ усмотрѣлъ, очевидно, намекъ на себя, и немедленно редакторъ газеты получилъ такую оффиціальную бумагу. „Принимая во вниманіе, что въ № 6659 газеты „La Atalaya“ появилась слѣдующая замѣтка (приводится полностью то, что извѣстно уже читателю).

Имѣя въ виду, что на основаніи 22-й статьи закона о провинціальной печати отъ 28-го августа 1882-го года, губернаторъ, карая проступки противъ нравственности и общественной благопристойности, а также случаи неповиновенія начальству и отсутствіе должнаго уваженія къ властямъ, можетъ налагать штрафъ не больше чѣмъ въ 500 песетасъ,—я рѣшилъ наказать васъ въ административномъ порядкѣ, какъ редактора упомянутой газеты. На васъ наложенъ штрафъ въ 500 песетасъ, который, въ случаѣ несостоятельности, будетъ замѣненъ арестомъ. Постановленіе это вы можете обжаловать въ десятидневный срокъ. Господь да сохранитъ васъ на много лѣтъ".

Я привелъ только первый попавшійся примѣръ, но, мнѣ кажется, онъ характеренъ. Покуда Испанія спала, она мирилась и съ административнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла „ayuntamientos", и съ давленіемъ на выборы, и съ стремленіемъ духовенства захватить въ свои руки все дѣло народнаго образованія. Теперь большіе испанскіе города—очаги недовольства. На послѣднихъ выборахъ въ Мадридѣ, Барселонѣ, Малагѣ, Валенціи, Сантандерѣ, Гренадѣ, Севильѣ прошли республиканцы. О подъемѣ общественнаго настроенія, кромѣ газетъ и митинговъ, говоритъ современная испанская беллетристика. По всей линіи отданъ лозунгъ: борьба за освобожденіе. Я сказалъ, что Испанія переживаетъ теперь начало XIX-го вѣка. Я имѣлъ при этомъ въ виду ту крѣпкую и нѣсколько наивную вѣру въ политическіе идеалы, которая была такъ сильна въ Европѣ сто лѣтъ тому назадъ. Надо видѣть, въ какой восторгъ приходитъ испанская публика въ театрѣ, когда со сцены произносятся слова: „Libertad, fraternidad, igualdad" (свобода, братство, равенство). Испанцы борются за эти лозунги уже почти сто лѣтъ. Дѣйствительность приносила имъ много разочарованій, но вѣра осталась. И подъемъ общественнаго настроенія можно было констатировать даже въ Алхесирасѣ, не смотря на мишуру „феріи", не смотря на всеобщее увлеченіе боемъ быковъ. О подъемѣ говорили статьи мѣстной газеты, афиши, возвѣщающія политическіе митинги и т. п.

III.

Переѣздъ изъ Алхесираса въ Танжеръ на испанскомъ пароходѣ продолжается около трехъ часовъ. И въ такое короткое время мы переносимся на нѣсколько вѣковъ назадъ. Я не былъ въ Танжерѣ десять лѣтъ. За это время здѣсь произошли нѣкоторыя перемѣны. Прежде у пристани возвышалась бѣлая стѣна съ рядомъ пушекъ на ней. Пушки были хороши, покуда служили декораціей. Въ прошломъ

году вздумали палить изъ нихъ въ честь новаго султана Мулей-Гафида (теперь говорятъ, что гдѣ-то объявился еще новый султанъ Мулей-Эль-Кибиръ) и едва не взорвали весь городъ: не стало ни стѣны, ни пушекъ, ни десятка пушкарей. Затѣмъ, десять лѣтъ тому назадъ, войско султана состояло изъ нѣсколькихъ оборванныхъ негровъ и метисовъ, вооруженныхъ кремневыми ружьями. Меня самого сопровождалъ такой воинъ во время путешествія изъ Танжера въ Тетуанъ. Теоретически предполагалось при этомъ, что воинъ съ кремневымъ ружьемъ долженъ защищать меня, если по дорогѣ на насъ нападутъ горцы (рифы). Теперь султанъ обзавелся обмундированными солдатами, которые недурно играютъ на барабанѣ и рожкѣ. Въ этомъ искусствѣ они упражняются съ утра до ночи въ Танжерѣ. Собственно говоря, солдаты находятся въ вѣдѣніи не столько султана, сколько каждаго отдѣльнаго губернатора. Англійская газета „Al-Moghreb Al-Arsa“, выходящая въ Танжерѣ, въ нумерѣ отъ 13 іюня помѣщаетъ слѣдующую корреспонденцію изъ Аль Казара Кебира, показывающую главное назначеніе солдатъ въ Марокко. „Пишу вамъ нѣсколько строкъ, чтобы сообщить, что въ городъ прибылъ Расули съ пятьюдесятью горцами и столькими же солдатами. Онъ привезъ съ собою письмо, въ которомъ султанъ увѣдомляетъ именитыхъ гражданъ, что ему благоугодно было назначить Мулай-Ахмеда бенъ-Райсули башой Аль Казара и всего округа. Предшествующій баша Каидъ-Ремики, который всего только на дняхъ получилъ свое назначеніе, провѣдалъ заблаговременно про неожиданную перемѣну и бѣжалъ изъ города за нѣсколько часовъ до вступленія Райсули. Сторонники Каида-Ремики поговариваютъ о сопротивленіи; но вѣрнѣе всего, что ничего не будетъ“. Постъ баши покупается у султана; затѣмъ губернатору предоставляется выколачивать изъ обывателей сколько угодно, или сколько возможно, денегъ. Райсули заплатилъ за башалыкъ сто тысячъ песетасъ. Прежній баша ускакалъ въ Фецъ, чтобы тамъ заплатить еще больше. И если сдѣлка удастся, тогда уже Каидъ-Ремики явится въ Аль Казаръ Кебиръ съ горцами и солдатами, а убѣжитъ Райсули. Губернаторъ поступилъ крайне благоразумно, убѣжавъ во-время. Райсули посадилъ бы его въ тюрьму и тамъ далъ бы розгами, покуда Каидъ-Ремики не отдалъ бы всѣхъ своихъ богатствъ. Въ томъ же нумерѣ „Al-Moghreb Al-Arsa“ нахожу такую замѣтку: „Изъ Феца сообщаютъ, что Мулей Гафидъ подвергаетъ самымъ жестокимъ пыткамъ женъ баши Хаджи бенъ-Аисса, чтобы добиться отъ нихъ, гдѣ спрятаны богатства“. Если баша не попадаетъ самъ въ тюрьму, то онъ сажаетъ туда богатыхъ обывателей, съ цѣлью выжать изъ нихъ деньги. Въ Танжерѣ двѣ тюрьмы: одна—для мусульманъ, другая—для евреевъ.

Обѣ наполнены не столько преступниками, сколько людьми, которые, по мнѣнію губернатора, имѣютъ деньги, но не желаютъ разстаться съ ними и отдать ихъ начальству. Въ Марокко это—политическое преступленіе, притомъ самое серьезное.

Туристъ, попадающій въ Танжеръ, не перестаетъ удивляться. Каждый башалыкъ Марокко — отдѣльное государство. Для проѣзда туда надо сговариваться не съ центральнымъ правительствомъ, а съ губернаторами. Сила послѣднихъ зависитъ какъ отъ числа солдатъ, которыми успѣли обзавестись, такъ и отъ орды „рифовъ“ (горцевъ). Про этихъ „рифовъ“ въ Танжерѣ мы слышимъ постоянно. „Рифы готовятъ возстаніе“. „Рифы собираются вмѣстѣ“. „Рифы подходятъ къ Танжеру“. Жизнь въ Танжерѣ, повидимому, течетъ спокойно, а между тѣмъ въ ближайшій Тетуанъ можно ѣхать только кружнымъ путемъ—моремъ. Ближайшій путь опасенъ. Каждый вечеръ во время отлива на берегъ выходитъ и выѣзжаетъ верхомъ пестрое европейское населеніе Танжера. Тутъ испанцы, французы, англичане. Всѣ такъ спокойны, такъ беззаботно пускаютъ лошадей вскачь. А между тѣмъ въ пяти верстахъ отъ Танжера уже начинаются опасныя мѣста, гдѣ могутъ встрѣтиться рифы. Я вижу этихъ горцевъ, о которыхъ такъ много говорятъ, по вторникамъ и четвергамъ на „соко“ (рынкѣ). Высокіе, стройные, въ бурыхъ балахонахъ со шлыками, босоногіе, они не выглядываютъ болѣе страшными, чѣмъ остальные арабы и негры, толпящіеся на рынкѣ. Рифы всегда являются въ сопровожденіи женъ, нагруженныхъ тяжелыми охапками сучьевъ или вязанками сѣна. Съ такимъ грузомъ жены рифовъ проходятъ верстъ 15—и все для того, чтобы выручить двѣ-три мѣдныя монеты. Отъ „рифовъ“ въ случаѣ возстанія страдаютъ въ одинаковой степени какъ горожане, такъ и деревенское населеніе. Трудно представить себѣ людей болѣе трудолюбивыхъ и мирныхъ, чѣмъ деревенское населеніе Марокко. Они терпятъ и отъ разбойниковъ, и отъ баши. И если въ странѣ поднимется возстаніе, которое поведетъ къ вмѣшательству европейскихъ государствъ—раньше всѣхъ и сильнѣе всѣхъ пострадаютъ мирные деревенскіе обыватели. Ихъ жилища будутъ выжжены, плодовыя деревья—вырублены.

Странное дѣло. Танжеръ находится въ совершенно „дикой“ странѣ. Центральной власти здѣсь нѣтъ никакой. Маленькая европейская колонія окружена туземнымъ населеніемъ, у котораго нѣтъ никакого основанія питать какія-либо симпатіи къ „невѣрнымъ“. Полиціи въ Танжерѣ нѣтъ совершенно. А между тѣмъ мы чувствуемъ себя здѣсь такъ же спокойно, какъ въ любомъ европейскомъ городѣ. Если мы слышимъ здѣсь про преступленія, то главнымъ образомъ про тѣ, которыя учинилъ *баша*, со своими ордынщиками и солдатами. Повидимому,

предоставленный самому себѣ человѣкъ стремится къ „правильной“ жизни, даже если находится въ такой исключительной обстановкѣ, какую мы видимъ здѣсь.

Діонео.

Танжеръ, 14 іюня 1910.

НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ ВО ФРАНЦІИ

(Письмо изъ Парижа.)

Въ странахъ, гдѣ общій уровень благосостоянія и культуры настолько высокъ, что массы предъявляютъ постоянный спросъ на развлеченіе,—естественнымъ путемъ возникаетъ народный театръ. Театръ перестаетъ быть удовольствіемъ немногихъ, перестаетъ отвѣчать запросамъ только зажиточныхъ слоевъ населенія. Отвѣчая спросу, онъ приспособляется ко вкусамъ массъ, къ ея потребностямъ и карманамъ, и становится могущественнымъ средствомъ общественнаго воздѣйствія. Далеко не одно и то же воспринимать идею или образъ въ одиночку, путемъ чтенія газеты или книги — или въ условіяхъ, при которыхъ полную силу пріобрѣтаетъ массовый контагій, совмѣстное съ сотнями или тысячами подобныхъ себѣ переживаніе.

Вопросъ о народномъ театрѣ полонъ, поэтому, глубокаго общественнаго значенія, и знакомство съ французской народной сценой, съ ея репертуаромъ, съ идейными теченіями, намѣтившимися въ этой области, наконецъ съ нѣкоторыми общими выводами, которые могутъ быть сдѣланы изъ долголѣтняго и свободнаго опыта Франціи,—представляетъ интересъ и для русскаго читателя. Настанетъ же вѣдь время, когда и для русскаго народа открыты будутъ не только двери полпивной и трактира, но и театра.

Мысль о театрѣ для народа,—не для простонародья, а для народа, для націи,—театра, отвѣчающаго потребностямъ массъ, давно уже тревожитъ общественныхъ дѣятелей Франціи. Уже предшественники и провозвѣстники великой революціи чувствовали необходимость вывести сцену изъ тѣхъ тисковъ, въ которыхъ ее держало служеніе узкому кругу лицъ. Руссо мечталъ о возстановленіи древне-греческаго театра, гдѣ народъ въ прямомъ смыслѣ слова, все населеніе свободнаго города являлось зрителемъ глубокихъ и серьезныхъ произве-

деній національнаго генія. Чтобы жить едиными переживаніями съ своими согражданами, чтобы получать со сцены поученіе и эстетическое удовольствіе, зритель не долженъ былъ тогда имѣть въ карманѣ извѣстное количество презрѣннаго металла; чтобы пользоваться облагораживающимъ развлеченіемъ, не надо было обладать имущественнымъ цензомъ. Театръ былъ безплатенъ. И актеръ, поэтому, могъ не заботиться о томъ, полна ли зала, могъ не считать, подсматривая въ глазокъ занавѣса, число входящихъ. Меркантильная сторона дѣла отсутствовала; театръ являлся великой школой культуры и орудіемъ духовнаго роста народа. „Значительныя и величественныя представленія грековъ,—пишетъ Руссо въ своихъ письмахъ къ Д'Аламберу—поставленныя подъ открытымъ небомъ, передъ лицомъ цѣлой націи, развертывали передъ нею картину битвъ, побѣдъ, потрясающихъ сценъ, способныхъ возбудить глубокія настроенія и вызвать въ душахъ чувства чести и любви къ славѣ... Эти возвышенныя картины воспитывали людей".

Руссо, великій педагогъ, смотрѣлъ, такимъ образомъ, на театръ, какъ на орудіе общественнаго, массоваго воспитанія. Онъ мечталъ о геніи, который создастъ и репертуаръ народнаго театра, репертуаръ „честный и достойный свободнаго народа", и закрѣпитъ въ умѣ массъ завоеванія вѣка, подготовлявшаго великій соціальный переворотъ.

Дидро смотрѣлъ на народный театръ шире. Онъ думалъ не только о публикѣ, но и объ авторахъ. „Если — писалъ онъ — участіе въ театрѣ, вмѣщающемъ сорокъ, пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, должно усилить впечатлѣніе зрителя, то какое громадное вліяніе долженъ оказать народный театръ не только на актеровъ, но и на авторовъ. Совершенно не одно и то же развлекать и поучать въ маленькой закрытой залѣ сотню-другую человѣкъ, отъ 9 до 12 часовъ—или сосредоточивать на себѣ вниманіе цѣлой націи въ дни народныхъ торжествъ... Я хотѣлъ бы имѣть — говоритъ онъ далѣе — громадную сцену, на которой можно было бы ставить, когда пьеса этого потребуетъ, цѣлую площадь города, перистиль дворца, входъ въ храмъ... Такова была, или могла быть сцена, на которой разыгрывались „Эвмениды" Эсхила. Можемъ ли мы поставить что-либо подобное на нашихъ сценахъ? Нѣтъ. На нихъ можно развернуть только одно дѣйствіе—такъ онѣ узки, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности мы имѣемъ почти всегда нѣсколько одновременныхъ дѣйствій, одновременное воспроизведеніе которыхъ могло бы оказать на насъ грандіозное воздѣйствіе (un effet terrible)... Мы ждемъ, что явится геній, который съумѣетъ совмѣстить на сценѣ діалогъ съ пантомимой, сцены разговорныя—съ массовыми нѣмыми выступленіями, и извлечь весь возможный комическій или трагическій эффектъ изъ сочетанія этихъ двухъ родовъ".

Великіе умы XVIII-го вѣка понимали, такимъ образомъ, подъ народнымъ театромъ грандіозную открытую сцену, на которой разыгрывались бы грандіозныя же національныя эпопеи и происходило бы массовое воспитаніе зрителей „въ духѣ идей, достойныхъ свободныхъ гражданъ“ (Руссо).

Такой театръ былъ отчасти реализованъ великой французской революціей, обратившей самое серьезное вниманіе на организацію народныхъ празднествъ. Цѣлый рядъ засѣданій конвента былъ посвященъ выработкѣ церемоніала празднествъ вообще и празднества въ честь „Высшаго Существа“ въ особенности. Декораціи, хоры, рѣчи, сценическія представленія, живыя картины, шествія, процессіи должны были внушить массамъ правильныя идеи и возбудить въ нихъ чувства „достойныя свободныхъ людей“.

Но грандіозныя открытыя сцены не соотвѣтствуютъ ни нашему климату, ни населенности нашихъ большихъ городовъ. И такъ какъ, кромѣ того, „празднества“ можно устраивать не каждый день, то естественно пришлось помириться съ „маленькими сценами“ и „закрытыми помѣщеніями“ и постараться примѣнить на этомъ узкомъ полѣ педагогическія идеи великихъ учителей.

Чтобы воспитать и „закрѣпить въ народѣ страсть къ гражданскимъ добродѣтелямъ и ненависть къ тиранамъ“, конвентъ предписалъ, поэтому, ставить на различныхъ парижскихъ театрахъ „республиканскія трагедіи“—„Брута“, „Вильгельма Телля“, „Кая Гракха“ и др.,—далъ субсидіи частнымъ театрамъ, потребовалъ отъ нихъ въ замѣнъ содѣйствія своимъ „патріотическимъ цѣлямъ“, объявилъ бывшій „Французскій театръ“ — театромъ „національнымъ“, установилъ его репертуаръ, обязалъ всѣ частныя труппы играть въ немъ, по очереди, безвозмездно, и § 3 декрета отъ 20 вантоза II года поручилъ муниципалитету Парижа выработать правила безплатнаго посѣщенія „патріотами“ этой „школы гражданственности“.

Это былъ, такимъ образомъ, не народный театръ, а театръ принудительнаго воздѣйствія на народъ, который республиканцы хотѣли воспитать въ ненависти къ тиранамъ. Пала республика. И еслибы вернувшіеся монархи желали слѣдовать традиціи конвента, они стали бы воспитывать народъ въ „преданности монархіи“, установили бы театральную повинность подданныхъ. Но они не пожелали слѣдовать этой традиціи, и „національный“ театръ, сдѣлавшись платнымъ и дорогимъ, пересталъ быть „народнымъ“.

Совершенно очевидно, что концепція Руссо, Дидро и конвента была ошибочна въ самомъ своемъ существѣ. Ея ранняя смерть въ значительной мѣрѣ должна быть отнесена на счетъ этой ошибочности. Нельзя трактовать собраніе „гражданъ“, а тѣмъ болѣе гражданъ сво-

бодныхъ, какъ дѣтей, какъ tabula rasa, на которой поэтъ, общественный реформаторъ и, тѣмъ болѣе, законодатель могутъ писать что угодно. И правительство Людовика XVIII поступило умно, отказавшись отъ мысли ставить монархическія пьесы на національномъ даровомъ театрѣ, посѣщаемомъ подданными по наряду.

Съ крушеніемъ народнаго театра революціи, потребность народа въ театральномъ развлеченіи не угасла: только удовлетворялась она теперь частной антрепризой, не руководившейся уже государственными соображеніями, общественными идеалами и педагогическими цѣлями, а смотрѣвшей на сцену какъ на коммерческое предпріятіе. Въ теченіе XIX-го вѣка число сценъ въ Парижѣ увеличилось чрезвычайно, при чемъ почти всѣ сцены, существовавшія въ началѣ вѣка въ числѣ двадцати, превратились въ такъ называемые „Большіе театры“, а на окраинахъ разросшагося города появилась масса мелкихъ театровъ, théâtres de quartier; на бойкихъ улицахъ и бульварахъ возникло множество кафе-концертовъ, открытыхъ сценъ и сценъ для „revues“ — „обозрѣній“, обстановочныхъ пьесъ, написанныхъ на злобы дня. Всѣ théâtres de quartier и значительное число открытыхъ сценъ разсчитаны на небогатую публику; мѣста здѣсь дешевы, обстановочные расходы не велики, актеры худшаго разбора, пьесы разсчитаны на невзыскательный вкусъ. Это—тотъ народный театръ, который съумѣли осуществить коммерсанты, народный театръ, представляющій дешевое и ухудшенное переизданіе театра для богатыхъ. Въ условіяхъ частной антрепризы иначе и не могло быть. На дешевую сцену попадали пьесы, имѣвшія успѣхъ на большихъ театрахъ, а также забракованныя послѣдними; актеры здѣсь играли или начинающіе и мечтающіе только о большой сценѣ, или выкинутые оттуда, отслужившіе, спившіеся. Такъ какъ публика дешевыхъ театриковъ менѣе требовательна, то общій характеръ пьесъ и игры—грубѣе и безталаннѣе. Вотъ и вся разница. Завоевывали большую сцену романтическая драма и мелодрама—появлялась она и на подмосткахъ народнаго театра. Возникла буржуазная комедія, комедія буржуазныхъ нравовъ и быта—и тотчасъ же переселилась въ театры предмѣстій. Народный умъ питался, такимъ образомъ, соками буржуазной культуры въ ея худшихъ образцахъ.

Такъ дѣло обстоитъ въ значительной степени и до сихъ поръ. До сихъ поръ на сценахъ предмѣстій дается множество драмъ школы Гюго и Дюма-отца, множество раздирательныхъ и чувствительныхъ произведеній, до которыхъ, также какъ и до кровавыхъ романовъ, такъ падки французскія консьержки и тотъ слой „ниже средняго“, изъ котораго онѣ рекрутируются. Затѣмъ идутъ порнографическія и полупорнографическія комедіи и водевили. Какъ это ни странно на первый

взглядъ, водевиль — дитя великой революціи. Въ страшные дни террора, когда патріоты „по наряду“ ходили въ національный театръ слушать „Каевъ Гракховъ“, народъ толпами валилъ смотрѣть смѣшные и скабрезные водевили, отдыхая на нихъ отъ трагической и суровой дѣйствительности. Съ тѣхъ поръ водевиль—одноактный или пятиактный — завоевалъ прочное мѣсто въ театрѣ. Чѣмъ больше въ немъ дурашливаго, чѣмъ больше буффонады, тѣмъ громче смѣется, глядя на него, консьержка. Чѣмъ больше сальности, тѣмъ счастливѣе добродѣтельная мать-мѣщанка, сантиментально вспоминающая дни вольной молодости.

Затѣмъ идутъ „Revues“ и шансонетка. Если буржуазія на большихъ и внѣшнихъ бульварахъ можетъ переполнять разные „Moulin-Rouge“, „Olympia“, „Scala“, „Folies-Bergères“, и т. д., то почему не ходить народу смотрѣть пародіи большихъ revues на маленькихъ сценахъ? Во-первыхъ, демаркаціонная линія, отдѣляющая „буржуазію“ отъ „народа“, не очень опредѣленна, и вкусы передаются какъ зараза. Во-вторыхъ, постарѣвшей артисткѣ, всю свою жизнь задиравшей ногу на сценѣ „Scala“ и пѣвшей тамъ десятокъ гривуазныхъ шансонетокъ, надо куда-нибудь дѣться, когда она выйдетъ изъ возраста. Вотъ и отправляется она въ какую-нибудь „Gaîté“ предмѣстья, поднимаетъ и тамъ ногу, можетъ-быть немножко безцеремоннѣе, поетъ и тамъ свои шансонетки, вставивъ нѣсколько соленыхъ словечекъ изъ мѣстнаго арго. Такъ по необходимости создается внутреннее единство мелкой и крупной сцены. Въ итогѣ у народа—вздорный театръ.

Онъ вздорный не потому, что съ моей или съ чьей-нибудь еще субъективной точки зрѣнія мелодрама есть ложный видъ сценическаго произведенія, что скабрезный водевиль или оголенная и грубая, охрипшая пѣвица, поющая и канканирующая на сценѣ и тѣмъ своеобразно совмѣщающая монологъ съ пантомимой,—о чемъ мечталъ Дидро, — ничего не даютъ ни уму, ни сердцу; нѣтъ, вздоренъ этотъ якобы народный театръ потому, что онъ весь чужой, весь заимствованный, что онъ родился въ другой культурной средѣ и не имѣетъ жизненныхъ корней въ народной массѣ. Та народная масса, которая въ XX-мъ вѣкѣ обладаетъ суверенными правами и стоитъ у преддверья великихъ соціальныхъ реформъ, является не простымъ сколкомъ съ буржуазіи, а въ значительной мѣрѣ новой соціальной и психологической индивидуальностью. Зачѣмъ же питаться ей крохами съ чужого стола? Да и еще съ какого стола?

Въ былое время, когда сама буржуазія стояла у преддверія исторической сцены и жила великими чаяніями и глубокими страстями, она создала „Женитьбу Фигаро“ и, глядя на нее, апплодируя ей, высмѣивала тотъ соціально-политическій укладъ, который потомъ

разрушила. Это былъ періодъ ея юности. Потомъ, предавшись пореволюціонной резиньяціи, испуганная излишествами террора и войнами имперіи, она выразила въ романтической драмѣ свой культурный консерватизмъ. Затѣмъ, укрѣпившись на исторической сценѣ, достигнувъ полной зрѣлости, она дала мѣсто буржуазной комедіи, неглубокой, веселой, бередящей чувство, пріятной для глазъ. Дегенерируя и старчески вырождаясь, она предпочла всему „Revue", гдѣ мало рѣчей, а тѣ, которыя имѣются, веселыя и гривуазныя,— но за то много картинъ, декорацій, блеска, движенія и красоты. Эволюція понятная и естественная, но говорящая о старчествѣ того соціальнаго слоя, которымъ питается современное искусство. Очевидно, что оно не стоитъ ни въ какомъ соотвѣтствіи съ запросами того другого слоя, который вслѣдъ за буржуазіей пріобщается къ человѣческой культурѣ и находится въ періодѣ своего „Sturm und Drang".

Чтобы сдѣлать это общее положеніе очевиднымъ, позвольте познакомить васъ съ пьесой, заслужившей въ Парижѣ репутацію самой блестящей и талантливой вещи нынѣшняго сезона,— если оставить въ сторонѣ „Chantecler" Ростана.

Пьеса называется „Рубиконъ". Она была поставлена строгимъ и изысканнымъ театромъ „Michel", куда принимаются произведенія только высокой марки,—съ извѣстной точки зрѣнія, конечно.

Рубиконъ — это та линія, которую должна перейти дѣвушка, выходя замужъ. Дѣйствіе начинается первымъ днемъ супружества молодой четы, при чемъ молодая, по дѣвичьему капризу, отказывается перейти черезъ Рубиконъ. Мужъ въ отчаяніи. Мать молодой—въ горѣ и величайшихъ хлопотахъ. Уговоры, просьбы—все только возбуждаетъ въ молодой чувство сопротивленія, и въ домѣ назрѣваетъ цѣлая драма. На помощь является другъ дѣтства. Другъ дѣтства молодой ухаживаетъ за ней, выражаетъ ей сочувствіе, служитъ бальзамомъ ея юному возмущенному и оскорбленному сердцу, и въ такой мѣрѣ растрогиваетъ ее, что въ одинъ прекрасный день она объясняется ему въ любви. Молодой человѣкъ въ восторгѣ. Назначается тайное свиданіе. Молодая, желая доказать силу своей любви и осчастливить избранника своего сердца, признается ему, что она только носитъ титулъ женщины и что онъ будетъ первый, кому она отдастъ любовь. Къ ея изумленію онъ пораженъ и огорченъ. Онъ увѣряетъ ее, что Рубиконъ она должна перейти не съ нимъ, а съ мужемъ, что у мужа имѣются права, которыхъ онъ, какъ честный человѣкъ, не смѣетъ нарушить, что кесарево надо отдать кесарю, чтобы быть свободнымъ. Она сначала возмущена, но постепенно сдается на убѣжденія,—всѣ вѣдь ее убѣждаютъ,—и рѣшается на шагъ, столь ее пугавшій. Мать въ восторгѣ. Мужъ цѣлуетъ руки. И Рубиконъ наконецъ перейденъ.

На другой день другъ дѣтства, въ предвкушеніи блаженства, является—и что же онъ видитъ? Видитъ счастливую молодую женщину, которая любезно и насмѣшливо говоритъ ему:

— А, мой другъ! Вы пришли какъ разъ во-время, чтобы пожелать намъ счастливаго пути. Мы съ мужемъ ѣдемъ сдѣлать наше свадебное путешествіе!!

Другъ — печально изумленъ. Супругъ — самодовольно счастливъ. А молодая—влюблена въ него.

Такова пьеса. И публика, и критика—въ томъ числѣ критикъ чопорнаго „Temps“, A. Brisson,—были отъ нея въ восторгѣ, цѣня въ авторѣ изящное умѣнье вертѣться вокругъ скользкой темы такъ, что всѣмъ и весело, и смѣшно, и щекотно, и въ то же время все вполнѣ прилично.

Не будемъ спорить. Пусть пьеса дѣйствительно талантлива и прекрасна. Нельзя, однако, не видѣть, что это — пьеса для опредѣленнаго круга зрителей, для людей, отъ брака которыхъ остались только формы, пустыя, но соблюдаемыя по лицемѣрію и по любви къ порядку. Въ народную массу съ такой пьесой нечего идти. Тамъ мало любви къ порядку, меньше лицемѣрія, брачныя формы—иногда экономически необходимы, иногда давно оставлены. Скабрёзныя темы могутъ цѣниться и тамъ. Но для грубоватаго вкуса плебса не для чего ходить элегантно вокругъ скользкаго мѣста. Тамъ лучше быть откровеннымъ. И авторы, пишущіе въ жанрѣ „Рубикона“ для плебса, поступаютъ правильно, заканчивая свадьбу прямо въ домѣ терпимости,—что̀ несказанно потѣшаетъ непритязательныхъ консьержекъ.

Но такой откровенный театръ—театръ для плебса, для черни, а не для народа.

Что̀ же дать народу, что̀ соотвѣтствовало бы его вкусамъ, его потребностямъ и духовнымъ нуждамъ, находило бы откликъ въ его душѣ, будило бы всю гамму его подлинныхъ чувствъ, отвѣчало бы его жизненнымъ стремленіямъ? Этотъ вопросъ поставленъ во Франціи уже давно, и къ тому времени, когда третья республика почувствовала прочную почву подъ ногами, онъ сталъ на очередь дня. Въ республикѣ съ всеобщимъ голосованіемъ отъ народа зависитъ все. Неужели суверенъ можетъ и долженъ довольствоваться театральнымъ вздоромъ, фальшивой мелодрамой, сальной комедіей, пустяшнымъ фарсомъ и соленой шансонеткой, пропѣтой постарѣвшею дивой?

И вотъ, въ 1901-мъ году группой драматурговъ, литераторовъ и общественныхъ дѣятелей была подана правительству записка о необходимости создать „Народный театръ“. Иниціаторы просили правительство делегировать къ нимъ своего представителя, изучить постановку „народныхъ театровъ“ въ Германіи и поставить дѣло на практическую ногу.

Такъ организовалось предпріятіе, получившее названіе: „L'oeuvre des trente ans de théâtre".

Вопросъ о грандіозной сценѣ, вмѣщающей десятки тысячъ зрителей, отошелъ, конечно, совсѣмъ на задній планъ, какъ праздный. Рѣшено было воспользоваться дѣйствующими сценами и сосредоточить свое вниманіе на репертуарѣ. Что ставить? Здѣсь сказались двѣ различныя тенденціи. Иниціаторы полагали, что театръ долженъ подойти къ народу. Въ имѣющейся литературѣ нужно выбрать тѣ произведенія, въ которыхъ нашла свое выраженіе та великая борьба, которую ведутъ низшіе классы общества за свое освобожденіе—произведенія, взятыя изъ народной жизни и носящія на себѣ печать радостей, страданій и нравовъ народа. Правительство, въ лицѣ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, Лейга, и его делегата, А. Бернгейма, вставшаго во главѣ предпріятія, держались другого взгляда. Они думали, что Франція, обладающая богатѣйшимъ театромъ, наслѣдіемъ королевской, революціонной и буржуазной эпохъ, театромъ многія произведенія котораго не потеряли и не потеряютъ своего литературнаго и общечеловѣческаго значенія,—должна только открыть народу двери этого театра. Не театръ долженъ идти къ народу, приспособляясь и принимая форму какого-то новаго народнаго искусства, а напротивъ, народъ долженъ идти къ нему. Чтобы облегчить этотъ путь, чтобы сдѣлать его возможнымъ, рѣшено было вступить въ соглашеніе съ пятью театрами предмѣстій и ставить на народныхъ сценахъ классическій репертуаръ, интерпретированный лучшими артистами „Французской Комедіи", „Одеона" и другихъ большихъ театровъ.

Напрасно директоръ одного изъ маленькихъ театровъ, Ляpошель, говорилъ Бернгейму:

— Ни Мольеръ, ни Расинъ не пойдутъ въ нашихъ кварталахъ. Еще если вы будете ставить ихъ, съ артистами „Французской Комедіи", одинъ разъ и самое большее два раза въ году, дѣло, можетъ быть, сойдетъ. Но берегитесь учащать классическія пьесы. Повѣрьте моей опытности".

Бернгеймъ не повѣрилъ, и въ результатѣ получился полный неуспѣхъ. Еще кое-что изъ Мольера нравилось. Нравился его широкій и сочный смѣхъ, яркія краски, буфонады. Говорятъ, что „Король-Солнце" помиралъ со смѣха надъ „Продѣлками Скапена", надъ клистирными трубками, сломаннымъ клавесиномъ и т. п. Смѣялась и народная публика двадцатаго вѣка, но не такъ сильно. Вкусы мѣняются не только въ зависимости отъ положенія на соціальной лѣстницѣ, но и въ зависимости отъ времени. „Мизантропъ" былъ встрѣченъ вполнѣ равнодушно и не былъ понятъ. „Ученыя женщины" если и говорили чему, то низшимъ инстинктамъ мужской толпы.

Корнель и Расинъ потерпѣли полное фіаско. И не только потому, что языкъ Корнеля настолько малопонятенъ и превыспренъ, что даже и въ его время злые языки говорили о „галиматьѣ Корнеля"; и не потому, что оба они — псевдоклассики, съ позой вмѣсто человѣческаго дѣйствія. Причина глубже. Писатели XVII-го вѣка, публикой которыхъ были короли и придворные, всѣмъ складомъ своей мысли не отвѣчаютъ требованіямъ современнаго человѣка изъ народа. И современный человѣкъ зѣваетъ.

Но если классики устарѣли, то, можетъ быть, романтики могутъ дать репертуаръ народному театру? Вотъ мнѣніе одного изъ дѣятелей новаго народнаго театра, Romain Rolland, о романтической драмѣ.

„Если не считать аристократически-изысканнаго Мюссэ, нѣсколькихъ драмъ Альфреда де-Виньи и В. Гюго, въ общемъ мало соотвѣтствующихъ народной сценѣ, то останутся послѣдователи Гюго и Дюма-отца, съ ихъ произведеніями, полными шума, декламаціи, бравурныхъ арій, бьющихъ въ глаза картинъ, фальшивыхъ взглядовъ и извращенныхъ мыслей. Они не давали себѣ труда ни думать, ни учиться, ни наблюдать. Въ нихъ нѣтъ ни правды, ни честности. Ихъ драмы—величественный bluff. Они эксплуатируютъ слушателя, играютъ на его нервахъ и на его чувствительности и заставляютъ простодушныхъ смѣшивать страсть съ гримасой страсти. Обыкновенно въ этихъ драмахъ подъ псевдо-гуманитарной или псевдо-религіозной оболочкой скрывается грубо-матеріалистическое зерно. Ихъ поддѣльные разбойники и бутафорскіе революціонеры—прямое порожденіе богемы Монмартра". Эти драмы, по мнѣнію Роллана, могутъ нравиться народу, его нетребовательнымъ элементамъ — и въ этомъ ихъ опасность; но не весь же народъ можетъ быть обманутъ внѣшнимъ блескомъ и крикливостью красокъ. А такъ какъ эти драмы, въ массѣ, чужды народу по духу, то и на нихъ не можетъ обосноваться народный театръ.

Но если классики устарѣли, романтики фальшивы, буржуазные жанристы и психологи пусты, то гдѣ же онъ, репертуаръ народнаго театра?

Его нащупывали и отыскивали въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ среди произведеній писателей новѣйшихъ, умъ и дарованіе которыхъ сложились въ обстановкѣ современности и носятъ на себѣ отпечатокъ великихъ проблемъ, поставленныхъ нашей жизнью. Возникъ рядъ антрепризъ въ Парижѣ и провинціи, не преслѣдовавшихъ коммерческихъ цѣлей. Не касаясь провинціальныхъ попытокъ, укажу въ Парижѣ— кромѣ „L'oeuvre des trente ans de théâtre",—„Le Théâtre Civique", Луи Люмэ; театръ „Coopération des idées", основанный въ 1899-мъ году въ С.-Антуанскомъ предмѣстьѣ; „Théâtre populaire" Берни въ Бельвиллѣ, возникшій въ 1903-мъ году; „Théâtre du Peuple" Больѣ, въ

Клиши, и наконецъ дѣйствующую до сихъ поръ организацію, которая, по идеѣ Камилля де-Сенъ-Круа, ставитъ свой репертуаръ въ четырехъ значительныхъ театрахъ предмѣстій.

На этихъ сценахъ выяснился репертуаръ, привлекающій всего сильнѣе народныя массы и видимо отвѣчающій тѣмъ серьезнымъ запросамъ, которые онѣ предъявляютъ сценѣ. Вотъ этотъ репертуаръ:

Французскій: „Тереза Ракенъ"—Э. Золя, „Добрыя надежды"—Гіермансa и Лемэра, „Стачка"—Ж. Гюга, „Монастырь"—Верхарна, „Дурные пастыри" — Окт. Мирбо, „Волки" — Р. Роллана, „Деньги" — Э. Фобра, „Западня"—Э. Золя, „Арлезіанка"—А. Додэ, „Общественная жизнь"—Э. Фобра, „Медоръ"—Малина, „14 іюля"—Р. Роллана, „Господинъ Вернэ"—Ренара, „Крейкебиль"—Ан. Франса, „Клѣтка"—Декава, „Углекопы"—Э. Золя и десятокъ-другой маленькихъ одноактныхъ пьесъ.

Иностранный: „Ткачи"—Гауптмана, „Честь"—Зудермана, „Власть тьмы"—Толстого, „Врагъ народа"—Ибсена и др.

Какъ видите, это преимущественно соціальная драма, и едва ли надо доказывать, что такой характеръ репертуара не случаенъ.

Конечно, это только начало народнаго театра. Народъ, какъ думаетъ Р. Ролланъ, любитъ смѣяться и любитъ плакать, любитъ вибрировать въ театрѣ всѣми струнами души. Онъ любитъ историческую эпопею, рисующую ему картину великихъ битвъ прошлаго, предвѣстниковъ грядущихъ битвъ. По мѣрѣ того, какъ онъ будетъ становиться культурнѣе и будутъ зрѣть и расширяться его духовные запросы, долженъ будетъ расширяться и его репертуаръ. Но еще долго, по мнѣнію Роллана, народъ будетъ ставить три основныхъ требованія своему театру: театръ долженъ быть значителенъ, онъ долженъ глубоко волновать чувства и будить мысли; онъ долженъ быть отмѣченъ здоровымъ реализмомъ, долженъ быть правдивъ; онъ не долженъ противорѣчить глубокимъ убѣжденіямъ народа въ области добра и соціальной справедливости.

Это долженъ быть умный, правдивый и честный театръ.

Что значитъ быть „умнымъ, правдивымъ и честнымъ" театромъ для народа? Слова, какъ извѣстно, поддаются различнымъ толкованіямъ. Чтобы получить частичный отвѣтъ на этотъ вопросъ, позвольте мнѣ подѣлиться кое-какими личными впечатлѣніями.

Французская толпа—впечатлительная толпа, падкая на шутку, на остроумный шаржъ, даже на буффонаду. Декламація, хотя бы ходульная, идетъ къ ея сердцу. Сантиментальна она чрезвычайно. Въ театрахъ, поэтому, много смѣются, часто плачутъ и, вообще, очень

легко волнуются. Но волненіе это легкое и скоропреходящее. Примѣръ: идетъ веселое „revue“; французскія демимондэнки „воспитываютъ“ испанскаго, или португальскаго, или еще какого-то наслѣднаго принца. Подъ-ручку съ двумя демимондэнками, принцъ идетъ по Вандомской площади, и у колонны Наполеона встрѣчается съ Ростаномъ. Ростанъ, какъ извѣстно, каламбуристъ. Каламбуръ рождается на его губахъ помимо воли и сыплется изъ его стиховъ какъ изъ рога изобилія. Встрѣтившись съ принцемъ, Ростанъ начинаетъ каламбурить. Каламбуры, нелѣпые, смѣшные, иногда совсѣмъ идіотскіе, иногда уморительные, сыплются градомъ,—и всѣ проходящіе,—полисмены и важные господа, кухарки и посыльные,—останавливаются, слушаютъ, хохочутъ и апплодируютъ. Смѣхъ и шумъ тревожатъ Наполеона на верхушкѣ его колонны и выводятъ его изъ сумрачной задумчивости. Онъ нагибается внизъ, смотритъ, слушаетъ, какъ громоздятся внизу каламбуры, и, заинтересовавшись, спускается на землю. Мы видимъ, какъ его тѣнь быстро скользитъ внизъ по пустотѣ колонны, сдѣлавшейся прозрачной; дверь отворяется, и сумрачный, скрестивъ на груди руки, въ сѣрой походной шинели и трехугольной шляпѣ,—передъ нами великій императоръ. Французы не могутъ равнодушно видѣть великаго императора. Громъ бѣшеныхъ рукоплесканій всегда встрѣчаетъ его появленіе. Онъ и слава, не потерявшая еще своего очарованія—синонимы. Наполеонъ знаетъ это и долго неподвижно стоитъ передъ рампой, пристально глядя на насъ и слушая, какъ волны рукоплесканій, точно волны моря, то затихая, то высоко поднимаясь вновь, ложатся къ его ногамъ. Небрежнымъ жестомъ онъ останавливаетъ овацію и обращается къ Ростану. Ростанъ отвѣчаетъ каламбуромъ, однимъ, другимъ, третьимъ... Наполеонъ улыбается и отвѣчаетъ тоже... каламбуромъ! Ростанъ не остается въ долгу—и черезъ минуту „великій поэтъ“ и „великій императоръ“, въ кругу сбѣжавшихся кухарокъ и мидинетокъ, какъ два боевыхъ пѣтуха, сражаются за пальму каламбурнаго первенства. Въ концѣ концовъ, конечно, побѣждаетъ Ростанъ. Наполеонъ не знаетъ что сказать: каламбуръ споткнулся у него, не вышелъ—и, разводя руками, онъ говоритъ:

— Сознаюсь, ты побѣдилъ меня въ каламбурѣ.

— Побѣдилъ?! Да? Но тогда я долженъ стоять на колоннѣ.

И такъ какъ Ростанъ требуетъ настойчиво, а всѣ кухарки и мидинетки его поддерживаютъ,—Наполеонъ долженъ уступить. Онъ снимаетъ и отдаетъ Ростану свою шинель и свою шляпу, наклеиваетъ ему на лобъ свой нависающій на лобъ клокъ волосъ, поверхъ „сѣраго походнаго сюртука“ напяливаетъ куцый и тѣсный пиджакъ поэта—и передъ нами толстый, лысый, нелѣпый карапузъ, въ жокейской каскеткѣ. Свирѣпо пляшетъ онъ канканъ vis-à-vis съ наря-

женнымъ въ его костюмъ Ростаномъ. Потомъ Ростанъ карабкается на колонну, а карапузъ Наполеонъ, горланя шансонетку и подхвативъ подъ-ручку хорошенькую мидинетку, гнусно кривляясь, уходитъ съ принцемъ и его „учительницами“.

Не будемъ говорить о томъ, великъ или нѣтъ Наполеонъ, полезно ли и разумно ли такъ „разоблачать“ его. Но вѣдь ему только-что бѣшено и восторженно апплодировали — ему, великому! Теперь, когда надъ его тѣнью совершили величайшую профанацію, та же публика хохочетъ до слезъ, до истерическихъ криковъ—и ни одного протеста, ни одного гнѣвнаго возгласа. Правда, вся сцена удивительно смѣшна по формѣ—и этимъ искупается все.

Такова публика, которую я часто вижу въ театрахъ.

Но вотъ, я въ театрѣ Монпарнаса, на представленіи „Жерминаля“ („Углекопы“), драмы, сдѣланной изъ извѣстнаго романа Золà. И сразу меня охватываетъ совсѣмъ другая атмосфера. Я знаю, и всѣ знаютъ, что черезъ четверть часа поднимется занавѣсъ, и на подмосткахъ, среди картонныхъ домовъ и деревьевъ, будетъ воспроизведена подлинная житейская драма, и страсти, мысли, надежды, страданія, которыми полна жизнь этихъ, сидящихъ по сю сторону рампы, найдетъ свое яркое и сконцентрированное выраженіе—по ту сторону ея. Это совсѣмъ серьезно и создаетъ соотвѣтственное настроеніе въ публикѣ. Публика демократическая. Театръ дешевый, въ рабочемъ кварталѣ, и абонированъ тѣмъ „Обществомъ народнаго театра“, о которомъ я говорилъ выше. Суббота; люди пришли отдохнуть отъ однообразія жизни и работы. Много солдатъ. Около меня большой и сильный человѣкъ въ шведской курткѣ, съ большими и черными руками—вѣроятно слесарь.

Поднимается занавѣсъ. На сценѣ входъ въ копи; кучка безработныхъ, сильныхъ мужчинъ, отцовъ семей, унизительно клянчитъ, проситъ—работы. Моя сосѣдка справа вздыхаетъ и комментируетъ:

— Безъ работы—безъ хлѣба...

Кто знаетъ,—можетъ быть и ей приходилось клянчить, унижаться—и всетаки голодать...

Вторая картина—подземная галлерея, гдѣ, скорчившись, изогнувшись, лежа на брюхѣ, выбиваютъ изъ камня уголь. Глухо бушуетъ протестъ и злоба въ душахъ этихъ засыпанныхъ углемъ людей, и вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ, когда въ галлереѣ появляется директоръ. Но тотчасъ тухнетъ, когда инженеръ сухо объявляетъ:

— Немедленно на мѣста, или наверхъ—къ разсчету!

Согнувъ спины, какъ подъ ударами бича, идутъ углекопы къ своимъ щелямъ и норамъ, и глухо стучатъ ломы и кирки.

Мой сосѣдъ въ шведской курткѣ тяжело лежитъ локтями на

барьерѣ, не отрываясь смотритъ на сцену и крутитъ въ жгутъ толстую, глянцевитую тетрадку программы.

Сцены голода въ семьѣ Магё, смерть Альзиры, вся потрясающая картина этой поистинѣ черной жизни и безнадежной борьбы проходитъ передъ глухо-замолкнувшей и сосредоточенно напряженной аудиторіей. Странно: я не вижу ни носовыхъ платковъ, ни слезъ, такъ обильно льющихся на мелодрамахъ. Молчатъ и смотрятъ — не на сцену только театра, а на ту громадную сцену жизни, гдѣ каждый день творится подобное. Все плакать—не наплачешься!

Какъ разъ въ то время, когда я смотрѣлъ „Жерминаля“ въ театрѣ на улицѣ Gaîté, шла отчаянная и безнадежная стачка кожевниковъ въ Гролье. Она тянулась долго, два мѣсяца, и не обѣщала успѣха. На заводахъ работали „желтые“, хотя и не въ большомъ числѣ; товаръ доставлялся по ночамъ на заводы и отправлялся съ нихъ на желѣзную дорогу. Рабочіе хотѣли было помѣшать этому товарному обороту, отрѣзать заводы отъ рынка и тѣмъ сломить сопротивленіе хозяевъ,—но помѣшали войска. Транспорты двигались подъ ихъ охраной. Тогда среди голодныхъ стачечниковъ созрѣлъ планъ, всю мрачно-отчаянную психологію котораго едва ли вмѣститъ нашъ умъ сытыхъ людей. Едва только смеркся короткій январьскій день, три тысячи стачечниковъ и ихъ женъ по сигналу вышли изъ своихъ домовъ, двинулись къ вокзалу и легли въ грязь улицъ, кольцомъ вокругъ него: везите товаръ по нашимъ тѣламъ! Всю ночь войска и жандармы поднимали стачечниковъ съ земли и разгоняли. Но разогнать не могли. Всю ночь мостили женщины и мужчины улицы своими тѣлами, не смотря на побои, на холодный дождь. И такъ продолжалось три ночи. Три ночи фабрики были отрѣзаны отъ міра. Дальше рабочіе не выдержали...

Сцены митинга, забастовки, разстрѣла стачечниковъ войсками. Капитуляція. Взрывъ въ копи. Подземная трагедія. Спасеніе закопанныхъ старымъ Магё. Смерть Катерины. Всѣ эти этапы драмы прошли передъ потрясенными зрителями. Я говорю: „потрясенными“, такъ какъ была минута, когда вдругъ весь театръ всталъ на ноги и загудѣлъ, обнаруживъ всю напряженность своихъ чувствъ. Это когда Шаваль — предатель, купленный обѣщаніемъ награды, — указалъ директору копей, гдѣ собрался митингъ и куда надо вести войска.

Уходя домой по окончаніи пьесы, я думалъ:

— Что отвѣтилъ бы мнѣ мой сосѣдъ въ шведской курткѣ на вопросъ, что такое „честный, умный и правдивый“ театръ?

И мнѣ кажется, что онъ отвѣтилъ бы мнѣ:

— Это тотъ театръ, изъ котораго мы только что вышли.

Бѣлоруссовъ.

ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ

Смерть Марка Твэна.—Рузевельтъ.—Новыя болѣзни.

---

21 апрѣля скончался отъ болѣзни сердца, въ своемъ имѣніи въ штатѣ Коннектикутѣ, одинъ изъ очень немногихъ американскихъ беллетристовъ съ всемірной извѣстностью, Самуилъ Клеменсъ, гораздо болѣе извѣстный подъ своимъ псевдонимомъ: Маркъ Твэнъ. Большинство его сочиненій переведено на разные европейскіе языки. Въ Америкѣ онъ сдѣлался знаменитостью еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, но Европа признала его только въ девяностыхъ, послѣ его кругосвѣтнаго, чрезвычайно успѣшнаго лекторскаго тура. Онъ написалъ очень много: полное собраніе его сочиненій состоитъ изъ 25-ти большихъ томовъ. Многія его повѣсти были драматизованы и имѣли у насъ большой успѣхъ и на сценѣ. Въ Америкѣ не было и нѣтъ писателя, который пользовался бы такой популярностью, такой постоянной и сильной народной любовью, какъ Твэнъ. Помимо своего таланта, это былъ замѣчательно добрый и симпатичный человѣкъ, первоклассный ораторъ, мудрый и снисходительный государственный дѣятель, умѣвшій оказывать серьезное, хотя и косвенное вліяніе и на политику страны, и на ея общественное мнѣніе. Его знали и почтительно выслушивали и правительственный персоналъ, и вожаки партій, и весь народъ. Его неистощимый юморъ, всегда оригинальный и новый, былъ чуждъ какой-либо искусственности, какой-либо натяжки; сила его сатиры, всегда острой, всегда попадавшей въ цѣль, заключалась не въ ея злости, а въ ея добродушіи; нерѣдко разсказанный имъ застольный анекдотъ, совершенно безобидный и повидимому только забавный, вынуждалъ однако закоренѣлыхъ политикановъ измѣнить уже принятыя-было рѣшенія. Твэнъ до самой смерти оставался одною изъ самыхъ крупныхъ силъ всего нашего общественнаго механизма; въ послѣдніе годы онъ писалъ немного, но его мѣткія опредѣленія, его неподражаемые афоризмы по поводу разныхъ событій мгновенно дѣлались общимъ достояніемъ. Его смерть признана большимъ государственнымъ несчастіемъ; всѣ наши нотабли, литературные и политическіе, сочли необходимымъ высказаться публично по ея поводу. Президенту Тафту принадлежитъ честь и наиболѣе короткой, и наиболѣе вѣрной характеристики покойнаго: Маркъ Твэнъ во

всю свою жизнь не написалъ и не сказалъ ничего, чего отецъ не могъ бы передать цѣликомъ своей дочери.

Еще тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, не окончившимъ даже народную школу, Маркъ Твэнъ былъ вынужденъ банкротствомъ отца поступить въ ученье въ типографію, въ которой проработалъ пять лѣтъ; затѣмъ онъ перешелъ юнгой на пароходъ на рѣкѣ Миссисипи, сдѣлался со временемъ лоцманомъ и плавалъ больше десяти лѣтъ, не помышляя о какомъ-либо писательствѣ. Начало междоусобной войны въ 1861 г. остановило судоходство на Миссисипи и перебросило Твэна сначала въ Неваду, затѣмъ въ Калифорнію, гдѣ онъ былъ рудокопомъ, затѣмъ репортеромъ, а впослѣдствіи и редакторомъ разныхъ газетъ. Какъ корреспондентъ, онъ побывалъ и на островахъ Тихаго океана, и въ Европѣ, но извѣстность его началась съ выходомъ въ 1867-мъ году первой книжки его разсказовъ, подъ заглавіемъ: „The jumping frog“ — „Прыгающая лягушка“. Въ 1869 г. вышли „The Innocents abroad“, затѣмъ въ 1872 г.—„Roughing it“, въ 1873 г.—„The Gilded Age“, въ 1876 г.—„Adventures of Tom Sawyer“. Эта книга принесла съ собой знаменитость и богатство, и, вмѣстѣ съ другою, вышедшею въ 1884 г.—„Adventures of Huckleberry Finn“,—прочно установила его положеніе какъ величайшаго изъ современныхъ ему беллетристовъ Америки. Изъ послѣдующихъ его произведеній наиболѣе извѣстны: „The Prince and the Pauper“, „A Yankee in King Arthur's Court“, „Puddenhead Wilson“, „Joan of Ark“, „A Double barrelled detective story“ и „Eve's Diary“. Всѣ книги Марка Твэна имѣли и продолжаютъ имѣть въ Америкѣ громадное, прямо-таки баснословное распространеніе: многія разошлись въ числѣ слишкомъ полумилліона экземпляровъ. Очень трудно сказать, которая изъ нихъ лучше: всѣ очень популярны, и хотя его манера писать оставалась удивительно одинаковой, каждое его произведеніе блещетъ своеобразной прелестью; Твэнъ никогда не повторялся. Съ годами онъ относился къ своей работѣ все съ большей и большей тщательностью.

Маркъ Твэнъ завѣщалъ американской беллетристикѣ множество опредѣленныхъ, тонко и поразительно вѣрно очерченныхъ типовъ. Хотя онъ прежде всего сатирикъ, хотя юморъ не оставляетъ его ни на одну минуту, онъ своими героями и героинями далъ не каррикатуры, не односторонніе изображенія, а живыхъ, реальныхъ людей. Фабула обыкновенно играетъ въ его произведеніяхъ самую послѣднюю роль. Онъ никогда не бьетъ на эффектъ, на запутанность или необычность положеній. Каждая глава, каждая сцена имѣютъ свои собственныя, самостоятельныя цѣнность и значеніе. Его разсказъ плавенъ, не связанъ посторонними соображеніями; это—блестящая импровизація, свободная, не приправленная ни тенденціей, ни напряженіемъ

воображенія. Чувствуется, что поетъ соловей, горло котораго способно на всевозможныя варіаціи. Я думаю, что перевести Марка Твэна на иностранный языкъ сколько-нибудь удовлетворительно чрезвычайно трудно, а часто прямо невозможно. Онъ играетъ своимъ языкомъ увѣренно и красиво, постоянно прибѣгаетъ къ остроумнѣйшимъ каламбурамъ, на которые англійскій языкъ такъ способенъ благодаря своеобразностямъ орѳографіи и выговора, поражаетъ то гармоніей, то какофоніей. То рѣзкія, короткія, отрывочныя фразы, то длинные, утонченные, изящные періоды. Маркъ Твэнъ неподражаемъ и по языку, и по стилю; самыя тонкія красоты его юмора часто заключаются въ построеніи фразы, въ размѣщеніи словъ. По художественности писательской работы онъ имѣетъ во всей американской литературѣ только одного достойнаго соперника—Эдгара По.

Всю свою жизнь Маркъ Твэнъ особенно любилъ дѣтей и всегда имѣлъ между ними по всей странѣ множество корреспондентовъ. Его похороны выдались тѣмъ, что на нихъ собрались дѣти всей окрестности и съ пѣніемъ, усыпая путь цвѣтами, проводили его прахъ до могилы.

Годомъ рожденія Марка Твэна въ большинствѣ его біографій считается 1835-ый; но близко знавшіе его жизнь люди утверждаютъ, что въ дѣйствительности онъ былъ пятью годами старше, и достигъ, слѣдовательно, восьмидесятилѣтняго возраста, сохранивъ до конца всѣ умственныя способности и неизмѣнныя веселость и добродушіе. Онъ пережилъ и жену, и всѣхъ своихъ дѣтей, кромѣ младшей дочери, Клары, годъ тому назадъ вышедшей замужъ за русскаго піаниста, Осипа Габриловича.

Маркъ Твэнъ былъ вѣчнымъ странникомъ: онъ нигдѣ не уживался надолго и былъ однимъ изъ самыхъ яркихъ представителей американской артистической богемы, свободной, безпечной и ни къ чему ничѣмъ не привязанной. Какъ публичный и, въ особенности, застольный ораторъ, онъ цѣнился очень высоко и постоянно говорилъ то здѣсь, то тамъ, будучи повсюду самымъ дорогимъ гостемъ. Своимъ остроуміемъ и житейской мудростью онъ часто улаживалъ самыя запутанныя отношенія и дѣла, обыкновенно совершенно не подозрѣвая самъ своего воздѣйствія. Какъ ни неувядаемы его писательскіе лавры, его миротворческая слава едва ли уступаетъ ихъ блеску; въ Америкѣ они связаны неразрывно—и сохранятся такъ въ народной памяти.

Событія конца прошлаго столѣтія и, въ особенности, война съ Испаніей вынесли на самый верхъ нашей политической жизни Теодора Рузевельта, человѣка несомнѣнно обладающаго замѣчательной

способностью волновать, такъ или иначе, американское общественное мнѣніе. Вотъ ужъ почти двадцать лѣтъ, какъ его имя не сходитъ съ первыхъ страницъ нашей печати всѣхъ направленій и оттѣнковъ. Ничто человѣческое ему не чуждо: онъ и государственный мужъ, и солдатъ, и администраторъ, и юристъ, и спортсменъ, и филологъ, и писатель. Ему всего пятьдесятъ лѣтъ—а онъ былъ и свѣтскимъ дэнди въ роскошнѣйшихъ гостиныхъ новаго свѣта, и коубоемъ въ пустыняхъ дальняго Запада, и начальникомъ полиціи города Нью-Іорка, и товарищемъ морского министра, и полковымъ командиромъ, и губернаторомъ штата Нью-Іорка, и цѣлыхъ семь съ половиной лѣтъ президентомъ Союза. Въ то же время онъ успѣлъ написать пятнадцать большихъ томовъ на разнообразнѣйшія темы, активно проводилъ въ жизнь разныя моральныя, соціальныя и даже орѳографическія реформы и постоянно велъ оживленнѣйшую полемику съ различными противниками. Навязавъ странѣ своего преемника, настоящаго президента Тафта, онъ изолировался отъ политики, проведя почти цѣлый годъ въ африканскихъ дебряхъ, въ интересахъ науки и спорта, а затѣмъ совершилъ небывало тріумфальный объѣздъ европейскихъ столицъ. Въ Каирѣ онъ прочелъ откровеннѣйшую нотацію мѣстнымъ террористамъ; въ Римѣ отказался посѣтить папу, посягнувшаго на независимость его, какъ гражданина, и всетаки съумѣлъ вызвать этимъ отказомъ одобреніе громаднаго большинства католическаго міра. Въ Вѣнѣ, Будапештѣ, Парижѣ, Брюсселѣ—всюду его встрѣчаютъ многотысячныя народныя толпы, всюду шумныя манифестаціи народнаго сочувствія. Чопорный германскій императоръ лично встрѣчаетъ Рузевельта на желѣзнодорожномъ вокзалѣ, отводитъ для его помѣщенія королевскій дворецъ — небывалые прецеденты въ исторіи берлинскаго двора.

Съ момента появленія Рузевельта въ Гондокоро, американская пресса отвела ему первое мѣсто. Мельчайшія детали его поѣздки занимали нашу читающую публику гораздо больше важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Президентъ Тафтъ, Вашингтонъ, конгрессъ—все отошло на задній планъ, и Рузевельтъ опять всецѣло занялъ собою общественное вниманіе. Его популярность, сильно пошатнувшаяся года два тому назадъ, возродилась съ новой силой, и онъ въ настоящее время пользуется какимъ-то чисто гипнотическимъ вліяніемъ на наши народныя массы. Пресса зоветъ его не иначе какъ Наполеономъ XX-го столѣтія. Весьма вѣроятно, что онъ явится преемникомъ Тафта на посту президента Союза. Не говоря уже о громадномъ большинствѣ республиканцевъ, всѣ болѣе или менѣе дальновидные демократы высказываются прямо или косвенно въ его пользу. Самые серьезные люди начинаютъ задумываться надъ тѣмъ, не представляетъ ли Рузевельтъ собою дѣйствительно великаго человѣка, буду-

щее котораго еще впереди; только очень немногіе рѣшаются продолжать называть его безсодержательной ходячей сенсаціей—кличкой, которая была въ большомъ ходу всего годъ тому назадъ.

Какова бы ни была разница въ мнѣніяхъ относительно оцѣнки личности Рузевельта, едвали подлежитъ сомнѣнію, что онъ принадлежитъ къ числу немногихъ выдающихся людей нашего времени уже по одному тому, что способенъ возбуждать и потрясать до основанія общественное мнѣніе и будить общественную совѣсть. Не смотря на свою добросовѣстность и благія намѣренія, Тафтъ совершенно лишенъ именно этой способности; за время его президентства страна успѣла впасть въ глубокую общественную апатію. Хотя конгрессъ занятъ чрезвычайно важными вопросами, хотя только что перекроенъ таможенный тарифъ, хотя въ палатѣ представителей произошла настоящая революція и сметена диктаторская власть спикера Каннона—страна не реагируетъ на эти событія, перестала заниматься внутренней политикой и чрезвычайно равнодушно проходитъ мимо, какъ будто все это нисколько ея не касается. Умѣренный и аккуратный Тафтъ скоро пересталъ возбуждать какой-либо интересъ: современному американскому народу нужна сенсація, необходима острота ощущеній. Рузевельтъ, повидимому, неистощимъ именно въ этомъ направленіи; своей стремительностью, своей экспансивностью онъ увлекаетъ общественное воображеніе, и подъ его руководствомъ даже незначительный въ сущности эпизодъ принимаетъ размѣры серьезнаго событія. Въ то же время народныя массы безгранично вѣрятъ въ его честность и искренность; если онъ и ошибается, то отъ избытка усердія, а не по какой-либо другой, тѣмъ болѣе—корыстной причинѣ. Если онъ и не достигаетъ прямыхъ положительныхъ результатовъ, онъ все-таки пугаетъ себялюбивые классовые интересы, заставляетъ ихъ сдерживать свои загребистыя лапы. Онъ держалъ и капиталъ, и биржу въ состояніи спасительнаго страха, неизвѣстностью слѣдующаго его шага. Рузевельтъ дорогъ народу тѣми врагами, которыхъ онъ создалъ себѣ во всѣхъ темныхъ углахъ нашего общественнаго тѣла, во всѣхъ особенно антипатичныхъ народу сферахъ. Ни года, ни множество и разнообразіе золъ, съ которыми онъ боролся, не убавили его энергіи и не уменьшили его оптимизма. Неудачи его не останавливали—напротивъ, поощряли его къ дальнѣйшей борьбѣ. Что бы то ни было, Рузевельтъ не сложитъ рукъ и не умоетъ ихъ по-пилатовски: онъ будетъ бороться до конца, и народъ вмѣстѣ съ нимъ не теряетъ надежды, что завѣтный ларчикъ когда-нибудь откроется и зло будетъ посрамлено.

Европа вообще крайне скупа на признаніе американскаго таланта въ чемъ бы то ни было—не только скупа, но и, вѣроятно, неспра-

ведлива. Покойный Маркъ Твэнъ, конечно, занимаетъ болѣе прочное, болѣе замѣтное положеніе во всемірной литературѣ, чѣмъ извѣстная только въ сравнительно узкихъ кругахъ шведка Софія Лагерлофъ, которой присужденъ недавно Нобелевскій призъ, тогда какъ Твэнъ умеръ не увѣнчанный имъ. Именно поэтому настоящій тріумфъ Рузевельта въ Европѣ невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе мыслящихъ людей, вызываетъ переоцѣнку его личности. Очевидно, что его дѣятельность хорошо знакома всей Европѣ—и ея монархамъ, и ученымъ сферамъ, и народнымъ массамъ. За нимъ внимательно слѣдили; считаются съ его государственными, общественными и моральными взглядами. Теперь онъ рядовой гражданинъ, только *бывшій* президентъ. Признавая его значеніе, европейскіе народы не нуждаются въ аппробаціи его привилегированными такъ или иначе лицами или учрежденіями. Это признаніе является, повидимому, общимъ приговоромъ, состоявшимся безъ предварительной подготовки. Рузевельтъ, какъ американецъ въ Европѣ, оказался исключеніемъ, не нуждавшимся въ рекомендаціяхъ или рекламѣ. Европа его знаетъ и цѣнитъ—и Америка гордится этимъ.

Американскій народъ чрезвычайно падокъ на всякое новшество. Нигдѣ въ мірѣ не появляется такой массы новинокъ во всѣхъ направленіяхъ; нигдѣ новыя теоріи, новые методы, перемѣны въ обычаяхъ и жизненныхъ условіяхъ не принимаются и не прививаются такъ быстро, часто безъ достаточнаго предварительнаго опыта. Эта основная національная черта является непосредственнымъ результатомъ того факта, что въ образованіи американскаго національнаго характера ни одна отдѣльная нація не смогла сыграть преобладающей роли, не смогла связать его своими традиціями и выдающимися особенностями: всѣ европейскіе народы внесли въ него свою долю и, въ процессѣ продолжающейся и до настоящаго времени амальгамаціи, дали ему способность разставаться со старымъ, усвоивать новое безъ излишней борьбы и усилій. За послѣдніе полвѣка Союзъ растворилъ въ себѣ свыше двадцати милліоновъ эмигрантовъ; большинство настоящаго населенія состоитъ изъ нихъ въ первомъ, второмъ и третьемъ поколѣніяхъ. Люди, поголовно недовольные жизненными условіями на родинѣ, ѣхали сюда готовые къ воспріятію новыхъ, и эта готовность, не покидавшая ихъ и въ ихъ послѣдующей жизни, перешла къ ихъ потомству. Новаторы по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности не встрѣчаютъ въ Америкѣ такихъ затрудненій, какъ въ Европѣ. Отсюда обиліе религіозныхъ сектъ, умственныхъ и нравственныхъ теченій, разнообразіе педагоги-

ческихъ и медицинскихъ воззрѣній и школъ. Особенной ломкѣ за послѣднее десятилѣтіе подвергся у насъ вопросъ о народномъ здравіи. Многія старыя болѣзни, всего полвѣка тому назадъ бывшія смертельнымъ бичомъ страны, потеряли свой грозный характеръ: оспа, холера, желтая лихорадка исчезли; скарлатина, тифъ, дифтеритъ только въ крайне рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ оканчиваются теперь смертью; съ чахоткой и другими легочными болѣзнями идетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе успѣшная борьба. Цѣлесообразная общественная санитарія, разумная діэта, правильный образъ жизни, вообще мѣры предупредительныя заняли гораздо болѣе важное мѣсто, чѣмъ индивидуальное лѣченіе уже заболѣвшаго субъекта. Требованіе свѣжаго воздуха, въ частности спанье въ открытыхъ помѣщеніяхъ, не смотря на наружную температуру, лѣтомъ и зимой, сдѣлалось всеобщимъ; въ большей части строящихся новыхъ спальни устраиваются такимъ образомъ, чтобы по крайней мѣрѣ одна стѣна была совершенно открыта свободному доступу наружнаго воздуха. Изобрѣтены новыя кровати, новыя спальныя одежды; вмѣсто того, чтобы закупоривать больного, его, наоборотъ, поселяютъ въ палаткѣ, не смотря на морозъ или ненастье. Немало медицинскихъ школъ со множествомъ послѣдователей, совсѣмъ отрицаютъ аптеку и довольствуются лѣченіемъ воздухомъ, солнцемъ, водой, электричествомъ, массажемъ. Имѣются въ полномъ ходу огромныя санаторіи въ горахъ, въ лѣсахъ. Федеральное правительство содержитъ уже нѣсколько лѣтъ въ Вашингтонѣ крупное учрежденіе, въ которомъ цѣлымъ штабомъ спеціалистовъ производятся діэтетическіе эксперименты надъ многочисленными группами молодыхъ людей разнаго физическаго сложенія. Многіе штаты и крупные города основали превосходно оборудованныя спеціальныя учрежденія, подъ разными названіями, для бактеріологическихъ изслѣдованій и для борьбы съ отдѣльными болѣзнями, — чахоткой, ракомъ и т. п. Цѣлесообразно организованной статистикѣ смертности придается все большее и большее значеніе; внимательное ея изученіе доказываетъ безусловно, что смертность въ Союзѣ постоянно и существенно уменьшается, а роль разныхъ болѣзней стала за послѣднее время серьезно измѣняться. Всего важнѣе тотъ несомнѣнный активный интересъ, съ которымъ само населеніе относится теперь ко всѣмъ вопросамъ народнаго здравія: не только взрослые люди, но и школьныя дѣти обсуждаютъ ихъ постоянно, относятся осмысленно къ ихъ требованіямъ, и наша повседневная жизнь прогрессируетъ въ этомъ направленіи весьма замѣтно.

Но, не смотря на все это, по мѣрѣ того, какъ исчезаютъ или болѣе или менѣе смягчаются старыя болѣзни, появляются на ихъ

мѣсто новыя, едвали не столь же вредныя. Повидимому, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, оказываются прямымъ результатомъ измѣняющихся жизненныхъ условій, того чрезмѣрнаго нервнаго напряженія, съ которымъ связаны требованія современной цивилизаціи. Чрезвычайно растетъ смертность отъ болѣзней сердца и нервовъ; быстро прогрессируетъ развитіе сумасшествія, дегенераціи въ разныхъ формахъ, особенно въ половой области, маніи самоубійства, остраго алкоголизма, даже общей преступности. Это, впрочемъ, явленія болѣе или менѣе общія и съ Европой, хотя наши спеціалисты думаютъ, что у насъ они проявляются сравнительно гораздо рѣзче. Но и помимо ихъ у насъ въ послѣднее время констатировано появленіе нѣсколькихъ новыхъ болѣзней, очень опасныхъ и, повидимому, пока извѣстныхъ только въ Америкѣ. Особенно пугаетъ общественное воображеніе hook worm—крючковая глиста, грозящая, если вѣрить множеству авторитетнѣйшихъ нашихъ врачей, самыми пагубными послѣдствіями всему населенію страны. Ея существованіе было открыто всего года два тому назадъ въ нѣсколькихъ штатахъ Юга: это—очень небольшой и тонкій червь, проникающій въ человѣческое тѣло изъ почвы сквозь кожу. Сначала думали, что онъ опасенъ только бѣднымъ горцамъ Аллеганскихъ горъ, дѣти которыхъ все еще бѣгаютъ преимущественно босикомъ. Но съ теченіемъ времени оказалось, что ей подвержены и состоятельные классы. Изслѣдованіе студентовъ университета города Атланты, въ штатѣ Джорджіи, доказало, что больше трети ихъ заражено. Hook worm, разъ проникнувъ въ человѣческій организмъ, быстро подтачиваетъ всѣ его жизненныя силы, даже умственныя способности, вызываетъ апатію, непобѣдимую лѣнь и, раньше или позже, смерть больного, хотя онъ можетъ прожить и десятки лѣтъ, неспособнымъ къ какому-либо труду. Констатировано, что въ нѣсколькихъ штатахъ Юга цѣлыхъ два милліона жителей, преимущественно дѣтей въ 8 — 15-ти-лѣтнемъ возрастѣ, поражены уже этой новой болѣзнью. За послѣднее время она открыта и на Западѣ, и на тихоокеанскомъ побережьѣ. Извѣстный Рокфеллеръ пожертвовалъ милліонъ долларовъ на борьбу съ нею, и въ настоящій моментъ многочисленная медицинская коммиссія, съ докторомъ Стайльсомъ во главѣ, занята этой работой. Стайльсъ—молодой военный медикъ, теперь выдающаяся въ Америкѣ медицинская знаменитость, открывшій и изучившій болѣзнь и составившій планъ кампаніи противъ нея. Утверждаютъ, что лѣченіе несложно и очень эффективно; тѣмъ не менѣе страна сильно напугана, и hook worm составляетъ самую животрепещущую нашу злобу дня.

Одновременно съ нимъ въ нѣсколькихъ штатахъ Сѣверо-Запада, преимущественно въ Монтанѣ и Айдахо, появился микроскопическій

клещъ, названный tick'омъ, падающій съ вѣтвей хвойныхъ породъ лѣса на людей и животныхъ, проникающій въ тѣло и причиняющій быструю и мучительную смерть. Въ одной небольшой земледѣльческой долинѣ свыше тридцати лицъ умерли отъ него въ теченіе недѣли. Зима остановила его распространеніе, но мѣстности эти живутъ въ ужасѣ, ожидая весны. Изслѣдованіе tick'а оказалось гораздо болѣе труднымъ и сложнымъ, чѣмъ изслѣдованіе hook worm'а, и прошлое лѣто не дало никакихъ положительныхъ результатовъ въ борьбѣ съ нимъ.

Работы Мечникова въ Парижѣ подѣйствовали электрическимъ токомъ на нашихъ бактеріологовъ, и они не перестаютъ стращать насъ всевозможными ужасами. Повидимому, нельзя ни ѣсть, ни пить, ни вообще жить, не подвергая себя нашествію безчисленныхъ милліардовъ невидимыхъ враговъ. Но hook worm и tick — такія осязательныя реальности, передъ которыми безпомощно умолкаютъ самые закоренѣлые скептики. Къ сожалѣнію, къ нимъ приходится прибавить и аппендицитъ. Онъ особенно ужасенъ тѣмъ, что поражаетъ человѣка во всѣхъ возрастахъ, всегда крайне неожиданно, и смертность отъ него стала достигать въ послѣднее время поражающихъ размѣровъ. Совершенно неизвѣстный, въ его современной острой формѣ, всего десять лѣтъ тому назадъ, онъ успѣлъ сдѣлаться одною изъ самыхъ частыхъ и опасныхъ болѣзней. Хирургическій ножъ, повидимому, все еще признается единственнымъ эффективнымъ средствомъ. Сколько больныхъ умираетъ отъ аппендицита, сколько—отъ докторскаго усердія и ножа—извѣстно однимъ врачамъ, а они едвали подѣлятся съ публикой этимъ своимъ секретомъ.

П. Тверской.

Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

„ГОРЕ ОТЪ УМА“

въ Московскомъ Художественномъ Театрѣ *).

(Окончаніе.)

X.

Петрушка. Вопросъ такъ и остается нерѣшеннымъ: одно и то же лицо или нѣтъ — Петрушка, заносящій въ календарь разныя дѣла по порученію Фамусова, и буфетчикъ Петруша, въ котораго влюблена Лиза? Въ изданіи Башилова, рисунки котораго такъ расхваливаетъ Гарусовъ, Петрушка—молодой, заспанный парень.

У Пушкина есть дворецкій—„въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ, съ чулкомъ въ рукѣ“.

Фамусовъ громко высказываетъ свои мысли о „родѣ людскомъ“, о вдовѣ-докторшѣ, мысли довольно интимныя. Есть что-то колоритное, если это происходитъ со старымъ слугой, близко знающимъ его жизнь и связи—и съ Прасковьей Ѳедоровной, которую Фамусовъ даже не называетъ по фамиліи, и со вдовой-докторшей, отношенія къ которой подозрительны. Поэтому Художественный Театръ предпочелъ стараго, заспаннаго слугу, который въ длинные свободные часы занимается вязаніемъ чулка...

Въ первомъ монологѣ Фамусова, кромѣ вышеуказанныхъ стиховъ, внесена изъ музейной рукописи еще одна поправка:

„Но хочетъ кто пути предъ Господомъ исправить—
Вотъ благочестія примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный камергеръ“ и т. д.

Второе дѣйствіе, по мизансценѣ Художественнаго Театра, происходитъ въ небольшой угловой комнатѣ — диванной, портретной или курильной. Тутъ есть и портретъ Максима Петровича, въ пудреномъ парикѣ, и только-что скончавшагося Кузьмы Петровича (въ нѣкоторыхъ изданіяхъ и тотъ, и другой сведены въ одно лицо — Максима Петровича). Изъ имѣнія кн. Юсуповой взято три соединенныхъ вмѣстѣ и вращающихся полу-кресла, съ столикомъ между ними. Въ углу чу-

*) См. іюнь, стр. 367.

буки. Комната теплая, съ большой печью и отдушникомъ, который „отвертывается“—„отдушничекъ отвернемъ поскорѣе“.

Фамусовъ въ сюртукѣ, который онъ надѣлъ еще въ концѣ перваго дѣйствія.

Чацкій приходитъ, конечно, въ другомъ костюмѣ. Послѣ перваго дѣйствія онъ съѣздилъ домой и переодѣлся.

Есть безвкусная традиція приходить Чацкому со шляпой въ рукѣ. Свой человѣкъ въ домѣ—зачѣмъ онъ войдетъ со шляпой? Онъ пришелъ сюда не для визита, а на цѣлый день, хотя бы и безъ приглашенія. Будетъ бродить по комнатамъ, играть на фортепіано, бесѣдовать съ Софьей. Потомъ поѣдетъ домой переодѣться для бала.

Петрушка встрѣчаетъ Чацкаго низкимъ поклономъ и цѣлуетъ ему руку.

Въ первой же сценѣ Фамусова съ Чацкимъ есть рядъ оттѣнковъ, стершихся отъ времени въ игрѣ артистовъ.

„Обрыскалъ свѣтъ,—не хочешь ли жениться?“—„А вамъ на что?“ Изумленіе Фамусова передъ такимъ вопросомъ—гораздо сильнѣе, чѣмъ это передаютъ исполнители.

„Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?“—Этому вопросу исполнители Чацкаго придаютъ мало значенія, задаютъ его проходно, небрежно, что уже просто неприлично. Вѣдь это почти-что формальное предложеніе. И отвѣтъ Фамусова очень интересуетъ Чацкаго.

Отповѣдь Фамусова: „Сказалъ бы я, во-первыхъ“ и т. д.—также произносится недостаточно внушительно.

Я уже говорилъ въ первой главѣ, что не вижу никакой надобности Чацкому въ монологѣ: „И точно началъ свѣтъ глупѣть“ сразу, что называется, становиться на дыбы. Въ этомъ и заключается „театральность“, что разъ молодой, благородный человѣкъ произноситъ со сцены умныя слова, то непремѣнно долженъ нахмурить брови. Не умнѣе ли со стороны Чацкаго принять разсказъ о Максимѣ Петровичѣ какъ забавный анекдотъ, который столько же злитъ, сколько и смѣшитъ? Позволяю себѣ повторить, что актеръ можетъ искренно жить на сценѣ чувствами, а не словами. Чацкій въ данное время находится въ благодушномъ настроеніи. Относительно Софьи у него еще нѣтъ разочарованій. Правда, у него могло остаться отъ утренней встрѣчи впечатлѣніе какого-то холодка. Но пока и только. Фамусова же онъ слишкомъ хорошо знаетъ, чтобъ раздражаться отъ его наивнаго консерватизма. И посмотрите, какъ онъ издѣвается. Сколько красокъ въ его насмѣшкѣ.

„Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея?
Коль не въ войнѣ, такъ въ мирѣ брали лбомъ...
Стучали объ полъ, не жалѣя“.

И дальше:

„Кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ—
Отважно жертвовать затылкомъ!“

И среди этихъ насмѣшекъ отдѣльныя блестки всегда готоваго вспыхнуть гнѣва:

„Кому нужда—тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли,
А тѣмъ кто выше, лесть, какъ кружево, плели“.

И только въ концѣ совсѣмъ серьезно: „хоть есть охотнички поподличать вездѣ“ и т. д.

Тотъ же почтенный старичокъ, который въ первомъ дѣйствіи съ радостью доложилъ Софьѣ о пріѣздѣ Чацкаго, докладываетъ теперь о визитѣ Скалозуба. Онъ всѣмъ своимъ видомъ и почтительнымъ, негромкимъ докладомъ оттѣняетъ барственность Фамусовскаго дома.

И вотъ въ первый разъ Чацкаго охватило ревнивое подозрѣніе, то, что ему не приходило въ голову еще вчера, когда онъ „летѣлъ, дрожалъ—вотъ счастье, думалъ, близко“. Въ первый разъ подозрѣніе больно кольнуло его: „Нѣтъ ли впрямь тутъ жениха какого?“ Въ этомъ монологѣ Чацкаго—начало тѣхъ переживаній, которыя дѣлаютъ этотъ образъ такимъ трогательнымъ и лирическимъ. Отъ этого монолога переходъ къ словамъ: „Да-съ, это я сейчасъ явилъ моимъ усерднѣйшимъ стараньемъ“ и т. д., потомъ къ чудесному монологу 3-го дѣйствія: „Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, геній смѣлый“, и, наконецъ, къ послѣднему монологу въ 4-мъ дѣйствіи. Вся гамма разбитой любви.

XI.

Скалозубъ.

Его уже давно перестали играть каррикатурно. Отъ тѣхъ традицій, которыя сохранились въ изданіи Башилова, слава Богу, ушли. Лѣтъ 15 назадъ лучшимъ исполнителемъ считался Киселевскій. Но только потому, что онъ умѣлъ прекрасно держаться въ военной формѣ и имѣлъ чудесный голосъ.

Скалозубъ молодъ. Ему не больше 30-ти. Онъ служитъ съ 809-го, т.-е. всего 13 лѣтъ, а началъ, какъ водится, лѣтъ 16-ти—17-ти. Онъ богатъ („И золотой мѣшокъ, и мѣтитъ въ генералы“), имѣетъ большія связи; онъ то, что называли въ старину—bien né. Рано сталъ полковникомъ, уже командуетъ полкомъ.

Въ комедіи нѣтъ данныхъ, чтобы сказать, что его карьера складывается на умѣньѣ прислужиться. Нисколько. У него есть другое,

драгоцѣнное качество для успѣха по службѣ: онъ прирожденный военный и въ этой области узко и прямолинейно спеціализировался. А когда человѣкъ слишкомъ спеціализируется, онъ съ одной стороны преуспѣваетъ, съ другой — неминуемо становится ограниченнымъ. И Скалозубъ, крайне ограниченный, въ то же время искренно любитъ все, что входитъ въ область военной службы.

Намъ кажется, что исполнителю слѣдуетъ опираться на слѣдующія соображенія: принадлежность къ „хорошему обществу“, что скажется въ простотѣ и даже элегантности манеръ военной выправки. Военные носили корсетъ, прежде чѣмъ шаркнуть дѣлали правой ногой особенное па́... Затѣмъ всепоглощающая любовь ко всему военному и полнѣйшее равнодушіе къ тому, что находится внѣ этой области. Это даетъ какую-то завидную уравновѣшенность. Онъ даже скроменъ, какъ бываютъ скромны люди, плывущіе по точно опредѣленному руслу, „каналу“. И то, что въ немъ можетъ показаться важностью— только спокойствіе и уравновѣшенность.

У него огромная фигура и зычный голосъ, но онъ не рисуется этимъ, какъ дѣлаютъ это безвкусные актеры водевильнаго тона. Онъ безъ чванства сосредоточенъ въ самомъ себѣ. Любитъ и пошутить. „И Скалозубъ, какъ свой хохолъ закрутитъ, прибавитъ сто прикрасъ, шутитъ и онъ гораздъ“... Закручивать хохолъ—вѣроятно, его привычка, какъ бываетъ у многихъ, слѣдящихъ за собой и за какой-нибудь одной чертой своей внѣшности.

Онъ не прочь жениться на Софьѣ, но не торопится, и вся процедура женитьбы будетъ выполнена имъ безъ всякихъ волненій. Онъ не будетъ справляться, любитъ она его или нѣтъ. Она представительна, красива, отлично поставитъ генеральскій домъ, а больше отъ жены ничего и не требуется. И когда у нея будутъ любовники, онъ, не замѣчая этого, будетъ персифлировать насчетъ рогатыхъ мужей и благополучно продолжать свою службу, получать чины и ордена, бригады и дивизіи.

Аракчеева изъ него, конечно, не выйдетъ, какъ думали нѣкоторые комментаторы „Горя отъ ума“: для этого у него мало ума и дѣловой энергіи, но карьера его все-таки будетъ завидная.

У исполнителя Художественнаго Театра очень стильная внѣшность, точно сорванная съ портрета временъ Александра Перваго. Въ изданіи старинныхъ портретовъ Дягилева есть много прекрасныхъ оригиналовъ для актеровъ.

Отысканіе формы Скалозуба представляетъ немало затрудненій, такъ какъ можно найти подробныя описанія мундировъ всѣхъ полковъ, но нѣтъ рисунковъ въ краскахъ. Здѣсь могли бы помочь традиціи; современники знали хорошо, какъ долженъ быть одѣтъ Скало-

зубъ, но робкая театральная цензура не разрѣшала,—какъ не разрѣшаетъ и теперь, изъ страха отписки передъ военнымъ министерствомъ,—подлинныхъ военныхъ формъ на сценѣ.

Знаменитая, едва ли не самая замѣчательная въ комедіи, сцена Фамусова, Скалозуба и Чацкаго, съ ея геніальными монологами и репликами, оказалась и самой счастливой въ сценической исторіи „Горя отъ ума“. За послѣднія 25 лѣтъ Фамусовскіе монологи великолѣпно произносились Самаринымъ, Давыдовымъ, А. П. Ленскимъ, прекрасно произносятся и исполнителемъ Художественнаго Театра Станиславскимъ. Монологъ Чацкаго: „А судьи кто?“ также прекрасно звучитъ у многихъ исполнителей этой роли. И классическія реплики Скалозуба всегда производятъ впечатлѣніе.

Тутъ благородство духа, и дивная музыка стиховъ, и мѣткій образный языкъ слились въ такой чарующей гармоніи, что вся сцена, не смотря на неподвижность дѣйствія, держитъ зрителя подъ непрерывающимся обаяніемъ, даже если она только хорошо читается. Кромѣ того эта сцена даетъ актерамъ особенно богатый матеріалъ для виртуозной декламаціи.

Есть нѣсколько частностей, которыя, кажется, не всѣмъ исполнителямъ ясны.

Многіе исполнители Чацкаго произносятъ:

„И гдѣ не *воскресятъ* кліенты иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты“.

Гораздо понятнѣе: „гдѣ не *истребятъ* кліенты иностранцы“.

Фамусовъ, уходя, громко говоритъ: „Сергѣй Сергѣичъ, я пойду и буду ждать васъ въ кабинетѣ“. Даже А. П. Ленскій говорилъ мнѣ, что не можетъ отдѣлаться въ этомъ уходѣ отъ нѣкоторой натяжки. Въ Художественномъ Театрѣ Фамусовъ говоритъ это съ подчеркнутымъ желаніемъ показать Скалозубу, что не можетъ больше выносить либеральныхъ рѣчей Чацкаго: онѣ слишкомъ волнуютъ его.

И это связывается съ началомъ монолога Скалозуба: „Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ“ и т. д. Скалозубъ, ничего, въ сущности, не понявъ изъ всей тирады Чацкаго, уловилъ только то, что когда Чацкій заговорилъ о гвардіи и фаворитахъ („иные отъ двора“), Фамусовъ не выдержалъ и убѣжалъ. И вотъ Скалозубъ готовъ вмѣстѣ съ Чацкимъ подтрунить надъ старикомъ и его „предубѣжденіями“ „къ любимцамъ, къ гвардіи“...

Насколько предыдущей сценѣ повезло на театрѣ, настолько послѣдующая—явленія VII и VIII—играется, съ точки зрѣнія реальнаго искусства, фальшиво и безсмысленно. Испугъ Софьи, ея обморокъ, испугъ Чацкаго, хоть отчасти всетаки и Скалозуба, ухаживанье

за Софьей, лежащей безъ чувствъ, ловкія и хитрыя замѣчанія Лизы, появленіе Молчалина—все представляетъ сплошной трафаретъ, грубѣйшій сценическій шаблонъ, за которымъ не доберешься ни до какихъ переживаній. Точно вся эта сцена не имѣетъ никакого значенія и не стоитъ актерамъ потрудиться надъ нею. А между тѣмъ она даетъ неожиданный и сильный толчокъ развитію фабулы и является великолѣпнымъ coup de théâtre, не только возвращающимъ дѣйствіе къ основной нити драмы, но и дающимъ ей рѣшительное движеніе впередъ. Какъ только актеры уклоняются отъ истинныхъ переживаній этой сцены, такъ неминуемо ослабляется энергичное развитіе пьесы.

Софья обыкновенно не столько падаетъ, сколько садится на заранѣе приготовленный у окна стулъ, и притомъ въ такой позѣ, которая не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что исполнительница благополучно здравствуетъ.

Если излишне, чтобъ Софья падала на полъ, то во всякомъ случаѣ—ее едва успѣваютъ поддержать. Въ Художественномъ Театрѣ Чацкій и Скалозубъ кладутъ Софью на диванъ. Если это увлеченіе въ сторону излишняго натурализма, то всетаки надо придумать какое-нибудь подобіе обморока.

Можно себѣ представить, какъ долженъ былъ испугаться Чацкій, увидѣвъ въ обморокѣ любимую дѣвушку! А кто изъ исполнителей Чацкаго даетъ себѣ трудъ пережить этотъ испугъ со всей трогательностью, какая дала бы ему право потомъ сказать: „Не знаю, для кого, но васъ я воскресилъ“.

Можно ли не почувствовать, при искреннемъ переживаніи, что около лежащей въ обморокѣ люди инстинктивно говорятъ тише, чѣмъ обыкновенно? Но конечно, разъ все представляется „нарочно“, никакое аффективное чувство не подскажетъ актеру понизить голосъ. И вотъ и Лиза, и Скалозубъ на перебой стараются только разсмѣшить публику своими репликами.

Обвиняли Театръ и за то, что Лиза убѣгаетъ за уксусомъ, а не принесла его съ собой. И за то, что она опрыскивала водой слишкомъ много и „почти по настоящему“. Въ текстѣ:

„Опрыскивай еще водою... Вотъ такъ... еще... еще...“

Сценическая рутина—это прежде всего отсутствіе смѣлости. Страхъ передъ тѣмъ, что публика засмѣется. Да пускай себѣ смѣется! Какое дѣло до этого актеру, искренно и просто переживающему? Пусть актеры, вдумчиво перечитывая не только свою роль, но всю эту сцену, постараются проникнуть, въ какомъ настроеніи описывалъ Грибоѣдовъ обморокъ Софьи: въ сатирическомъ или въ очень серьезномъ.

Опахало Софья уронила у окна, „теряя чувства“. Чацкій пошелъ

за нимъ и увидѣлъ за окномъ Молчалина. Ему еще не приходитъ въ голову, что Софья такъ перепугалась, потому что любитъ Молчалина: „Бездѣлица ее тревожитъ“. Хитрая Лиза больше всего боится, что Софья выдала себя, и старается замаскировать дѣло: „Да-съ, барышнинъ несчастенъ нравъ: со стороны смотрѣть не можетъ, какъ люди падаютъ стремглавъ“. Но Софья, чуть только очнулась, выдаетъ себя... Чацкаго охватываетъ страшное подозрѣніе: „Смятенье! Обморокъ! поспѣшность! гнѣвъ! испуга!.. Такъ можно только ощущать, когда лишаешься единственнаго друга“ [1]). Но Софья продолжаетъ вести себя несдержанно, не скрываетъ ужаса при видѣ Молчалина: „Руки не можетъ онъ поднять“. Только присутствіе Скалозуба заставляетъ ее взять себя въ руки.

Въ Художественномъ Театрѣ Молчалинъ входитъ безъ повязки. Только во время дальнѣйшей сцены онъ, въ глубинѣ, достаетъ платокъ и Лиза завязываетъ ему руку.

Немало нападокъ слышали мы за то, что сцена Скалозуба и Софьи разбита нѣсколькими паузами. Но и эти нападки основаны лишь на рутинѣ и на обычаѣ извѣстнаго рода критиковъ набрасываться на все, что выходитъ изъ области привычныхъ впечатлѣній.

Для Скалозуба очень характерно сидѣть во время визита въ безмятежномъ спокойствіи, нисколько не заботясь о томъ, рады ли ему, скучаютъ ли съ нимъ, не придумывать темъ для поддержанія разговора, барабанить пальцами по столу, высказать коротко что̀ взбредетъ ему на умъ, барышнѣ разсказать какой-нибудь анекдотъ, потомъ такъ же безмятежно откланяться и уѣхать. Характерно и для Софьи, какъ для свѣтской барышни, выдержать такой визитъ въ то время, когда вся душа ея рвется къ Молчалину. Типично и для Молчалина терпѣливо выжидать, когда важный гость соблаговолитъ уйти... И небольшая сцена пріобрѣтаетъ интересъ, не лишенный внутренняго комизма, и съ бо̀льшимъ рельефомъ оттѣняетъ слѣдующую порывистую сцену Софьи съ Молчалинымъ—„Молчалинъ! какъ во мнѣ разсудокъ цѣлъ остался“!

Я не защищаю эти паузы Скалозуба (точнѣе—Софьи), какъ единственную возможную интерпретацію сцены. Если другіе театры выдумаютъ что-либо болѣе мѣткое, тонкое и остроумное—тѣмъ лучше. Но̀ не понимаю, почему предпочтительнѣе безсодержательный, почти небрежный обмѣнъ репликъ.

---

[1]) Музейная рукопись окончательно устанавливаетъ эту редакцію. Слово *испуга* употребляется Грибоѣдовымъ какъ именительный падежъ существительнаго женскаго рода.

XII.

Въ послѣдніе годы очень много говорили и писали о значеніи, правахъ и обязанностяхъ режиссера. Здѣсь, конечно, не мѣсто распространяться объ этомъ, но будетъ кстати указать на его основныя функціи. Ихъ три. Первая—забота о внѣшности пьесы, объ обстановкѣ—декораціяхъ, костюмахъ, освѣщеніи, бутафоріи и т. д. Вся эта сторона почти исключительно во власти режиссера, его вкуса, проникновенности въ стиль произведенія, знанія эпохи и его способности сценической приспособляемости.

Затѣмъ, его обязанность—слѣдить за правильнымъ развитіемъ фабулы пьесы, ея сценическаго рисунка. Вдохновеніе актера легко можетъ увлекаться въ сторону частностей, въ ущербъ главнымъ линіямъ сюжета. Путемъ мизансцены, которую предлагаетъ режиссеръ актерамъ, путемъ напоминанія о взаимныхъ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ и развитіи ихъ, онъ устанавливаетъ перспективы и регулируетъ постепенное наростаніе драматизма или комизма положеній.

Нечего и говорить, что это роль только контролирующая, если актеры, силою своего проникновенія, даютъ такіе неожиданные и яркіе штрихи, которые развиваютъ пьесу глубже, тоньше и рѣшительнѣе, чѣмъ ожидалъ режиссеръ. Тогда на его обязанности легко и быстро приспособляться къ намѣреніямъ актера.

Наконецъ, третья функція режиссера, выражаясь элементарно—быть зеркаломъ для актера. Самочувствіе актера—явленіе очень обманчивое и капризное. Актеру необходима провѣрка, удастся ли ему замыселъ, и вообще „что у него выходитъ“. Режиссеръ, ближе всѣхъ знакомый съ замысломъ актера и его индивидуальностью, можетъ объяснить ему не только, *что* у него выходитъ или не удается, но и *почему*.

Такъ, по нашему мнѣнію, должно быть. А затѣмъ, на практикѣ является множество оттѣнковъ, зависящихъ отъ степени талантливости актера и режиссера, ихъ темперамента, вкуса, энергіи, настойчивости, и проч. и проч. И привести ихъ взаимоотношенія къ опредѣленнымъ формуламъ нѣтъ никакой возможности.

Третье дѣйствіе „Горя отъ ума“ дало режиссерамъ Художественнаго Театра матеріалъ почти нетронутый, не использованный до тѣхъ поръ другими режиссерами. Я говорю не только объ *обстановкѣ*—декораціи и костюмахъ,—но и обо всемъ сценическомъ рисункѣ этого акта.

Третье дѣйствіе разбито у Грибоѣдова на двѣ части: въ первой,

меньшей, продолжается развитіе главной нити драмы—отношеній между Софьей, Чацкимъ и Молчалинымъ. Вторая часть начинается съ явленія IV: „Вечеръ. Всѣ двери настежъ, кромѣ въ спальню Софьи. Въ перспективѣ раскрывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ". И съ слѣдующаго явленія выступаетъ, какъ принято выражаться, галлерея Грибоѣдовскихъ типовъ.

Въ первой части помѣщены двѣ замѣчательнѣйшихъ сцены комедіи: Чацкаго съ Софьей и Чацкаго съ Молчалинымъ. Движеніе пьесы не прерывается. Узелъ, завязанный въ экспозиціи, въ первомъ дѣйствіи, затягивается еще туже—не внѣшнимъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ, а все большей углубленностью въ характеры. Пропасть между Чацкимъ и Софьей становится все разительнѣе и очевиднѣе. Откровенность, съ какой Софья высказывается, могла бы показаться Чацкому цинизмомъ, еслибы влюбленность не застила ему глазъ. Передъ нимъ самая ординарная представительница того общества, для котораго у него всегда готовъ огромный запасъ сарказма, съ аристократической и плѣнительной внѣшностью и мѣщанской душой, а онъ, влюбленный, не можетъ и не хочетъ видѣть это.

Никогда не истлѣвающій драматическій мотивъ. Софья говоритъ: „Мы рѣзвимся, хохочемъ,—онъ съ ними цѣлый день засядетъ, радъ не радъ, — играетъ..." Чацкій изумляется, но дѣлаетъ выводъ, что „она его не уважаетъ". Она съ наивнымъ резонерствомъ молодой дѣвушки, скромно мечтающей о благополучномъ домашнемъ уютѣ, безъ бурь и опаснаго блеска, говоритъ: „да этакій ли умъ семейство осчастливитъ", а Чацкому кажется, что подъ этимъ скрывается тонкая иронія надъ Молчалинымъ и желаніе позлить его, Чацкаго. Это заключеніе радуетъ его: Молчалинъ уже не кажется ему опаснымъ, и онъ спѣшитъ успокоиться насчетъ Скалозуба. Онъ уже вновь тѣшитъ себя надеждой, что сердце Софьи не принадлежитъ никому, впадаетъ почти въ сентиментальность: „дайте мнѣ зайти, хотя украдкой, къ вамъ въ комнату на нѣсколько минутъ: тамъ стѣны, воздухъ — все пріятно". Но стоило ему неосторожно упомянуть „про умъ Молчалина", какъ Софья рѣзко уходитъ, и его вновь охватываетъ буря сомнѣній.

Въ сцену Чацкаго съ Молчалинымъ внесены нѣкоторые стихи изъ музейной рукописи.

Чацкій. Къ перу отъ картъ и къ картамъ отъ пера?
Молчалинъ. *Могу назвать себя счастливымъ.*
По мѣрѣ ревности и силъ и т. д.

И дальше:

Молчалинъ. Да это, полно, та ли-съ?
Татьяна Юрьевна! *Ея извѣстенъ домъ.*

Живетъ по старинѣ и рождена въ боярствѣ.
Мужъ занимаетъ постъ изъ первыхъ въ государствѣ.
Любезенъ, лакомка до вкусныхъ блюдъ и винъ.
Притомъ отличный семьянинъ:
Съ женой въ ладу, по службѣ ею дышетъ,
Она прикажетъ, онъ подпишетъ.
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ.

Сцена заканчивается восклицаніемъ Чацкаго: „Съ такими чувствами, съ такой душою любимъ!.. Обманщица! смѣялась надо мной?“ Чацкій уже веселъ, будетъ добродушно встрѣчать „домашнихъ“ и „друзей“ Софьи, будетъ мстить ей ея же оружіемъ, т.-е. хвалить Молчалина, тонко издѣваясь надъ нимъ, и въ этихъ, какъ бы вскользь брошенныхъ, словахъ или намекахъ отдаваться острымъ и радостнымъ ощущеніямъ любовной игры въ атмосферѣ бала—нарядныхъ туалетовъ, музыки, танцевъ.

Чѣмъ больше вдумываешься въ архитектонику „Горя отъ ума“, чѣмъ глубже разглядываешь, съ какимъ изумительнымъ мастерствомъ развертываетъ поэтъ драматизмъ положенія Чацкаго, тѣмъ меньше понимаешь, какъ могла поддерживаться объ этой комедіи репутація пьесы, лишенной сценическаго движенія.

Если нервъ пьесы утрачивается — малѣйшія подробности въ сторону задерживаютъ ея сценическое движеніе. И наоборотъ, если исполнители искренно живутъ тѣми чувствами, которыя рождаютъ драму, — всякая деталь только служитъ къ ея усиленію. Грубая ошибка въ постановкѣ „Горя отъ ума“ заключается именно въ томъ, что центръ пьесы перемѣщался изъ интимныхъ отношеній Софьи, Чацкаго, Фамусова и Молчалина въ сторону „галлереи типовъ“, „общественнаго значенія“ и разныхъ комментаріевъ публицистическаго характера. Не худо, чтобъ все это актеръ *зналъ*, но *жить* этимъ въ непрерывномъ теченіи пьесы не можетъ художникъ сцены.

Развертывая свою галлерею, Грибоѣдовъ не только не останавливаетъ теченія пьесы, но все глубже вскрываетъ его, глубже взрываетъ пропасть между Чацкимъ и тѣми, кого Софья считаетъ своими „домашними“ и „друзьями“.

Но и здѣсь, въ этой галлереѣ, мы все время наталкиваемся на традиціонные художественные промахи.

Начиная съ Натальи Дмитріевны.

Спросите въ любомъ, даже большомъ и солидно поставленномъ, провинціальномъ театрѣ, кто тамъ играетъ Наталью Дмитріевну. Вамъ непремѣнно назовутъ актрису на амплуа grande dame. Въ рѣдкихъ случаяхъ это амплуа занимаетъ актриса моложе сорока лѣтъ. А если спектакль почему-нибудь парадный,—справляется какой-нибудь юбилей, что-ли, — то этой роли оказываетъ честь героиня труппы.

Неблагодарную роль Софьи она, конечно, не играетъ. И это пошло, вѣроятно, отъ какой-нибудь традиціи.

А между тѣмъ въ текстѣ сказано совершенно опредѣленно: „молоденькая дама". Даже не „молодая", а именно „молоденькая", не старше 22—23-хъ. Миловидная, свѣтская, пустая, живетъ по опредѣленной программѣ, установленной другими, полной фарисейства и лжи. Визиты, вечера, балы, магазины, гостиныя, модные туалеты, болтовня по-французски, множество родни, ищущей ей мужа и потомъ опекающей его.

Традиціонно и каррикатурное изображеніе князя Тугоуховскаго. А между тѣмъ о немъ, повидимому, установилась репутація человѣка если не умнѣйшаго, какъ думаетъ княгиня, то всетаки умнаго. Вѣроятно, всегда былъ очень ограниченъ, но съумѣлъ внушить впечатлѣніе ума сдержанностью, молчаливостью, а можетъ быть и дѣловитостью.

Совершенно непонятно, почему княженъ играютъ всегда самыя молоденькія въ труппѣ, даже воспитанницы. Происходитъ даже странное явленіе: Тугоуховскаго играютъ лѣтъ 80-ти, княгиню за 60, а старшей дочери не больше 21. Въ Москвѣ всегда было много такихъ, нѣсколько захудалыхъ, княжескихъ семей, многочисленныхъ, но безъ большого состоянія. Дѣвушки засиживаются, старшія уже, можетъ быть, и свыклись съ безбрачной жизнью и всѣ свои заботы устремили на младшихъ. Ихъ и до сорока лѣтъ будутъ звать: Зизи, Мими. Впрочемъ, въ одной изъ рукописей княженъ зовутъ: княжна Наталья, Настасья... Всѣ онѣ единомышленницы и тараторки, съ интересами до жалости съуженными. Одѣты одинаково и небогато, а судя по рукописи Гарусова—и неряшливо. Тамъ Хлестова говоритъ:

„Ахъ, Боже мой! Племянница, гляди,
Какъ у второй княжны измято позади!
Какъ выемка низка! Ну, право, омерзѣнье!
Ахъ, какъ растрепана она,
Какъ будто дома и одна.
У всѣхъ запачканы, измяты шемизетки"...

Графиня-внучка „зла, въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ". Поэтому, вѣроятно, ее играютъ очень немолодой и некрасивой. Въ Художественномъ Театрѣ искали иного освѣщенія. Въ то время выходили замужъ рано и старой дѣвой можно было слыть уже въ 25 лѣтъ. Графиня-внучка не богата, а кичится своимъ аристократическимъ происхожденіемъ, все и всѣхъ высмѣиваетъ, на все смотритъ свысока: поэтому отъ нея и бѣгутъ кавалеры и женихи.

Трудность исполненія всѣхъ женскихъ образовъ заключается въ отысканіи внѣшняго стиля. За все наше знакомство съ постановками

„Горя отъ ума“ мы не встрѣчали даже приблизительнаго достиженія этой цѣли. Исполнительницы надѣвали болѣе или менѣе подходящіе костюмы, но оставались съ тѣми же манерами, какъ и въ пьесахъ современнаго репертуара.

Жеманство, выдержка въ движеніяхъ—результатъ муштры танцмейстера; а онъ добивался условной граціи не только въ постановкѣ ногъ и спины, но и въ каждомъ движеніи головы, руки, каждаго пальца, въ томъ, какъ барышня должна встать, сѣсть, поклониться, положить въ танцѣ руку на плечо мужчинѣ, откинуть голову, какъ управлять вѣеромъ, и пр., и пр. И все это считалось прекраснымъ лишь въ томъ случаѣ, если слѣды танцовальной муштры были совершенно наглядны. Она уже нужна была не какъ средство для развитія граціи, а сама по себѣ. Въ этой самодовлѣющей условности есть особенная наивность, которую надо уловить, чтобы избѣгнуть кривляній и гримасъ.

Если же присоединить къ этому стремленіе индивидуализировать каждую фигуру, то работа для исполнителей становится громадной.

Не будемъ спорить о томъ, насколько такая работа нужна современному театру. Я докладываю, какъ это было въ Художественномъ Театрѣ. На это ушло много болѣе десятка предварительныхъ репетицій.

Самъ Грибоѣдовъ былъ, очевидно, склоненъ къ индивидуализаціи даже въ дикціи. Въ одной рукописи у него графиня-бабушка вся написана съ *ш* вмѣсто *ж* и *т* вмѣсто *д*.

Въ большой, очень энергичной, работѣ съ исполнителями режиссеръ (Станиславскій) то просто давалъ мизансцену, то „показывалъ“, передавая исполнителю свой техническій опытъ, то искалъ образовъ въ своей фантазіи, то приглашалъ присутствующихъ артистовъ помочь въ исканіяхъ ихъ знаніемъ быта и ихъ фантазіей, то, наконецъ, „обращался въ зеркало“ и объяснялъ исполнителямъ, что въ нихъ заражало искренностью, что производило впечатлѣніе дѣланности. И если актеру удавалось создать что-нибудь мѣткое и оригинальное, то это вызывало всеобщій восторгъ.

Не могу удержаться, чтобъ не доставить удовольствія тѣмъ театральнымъ критикамъ, которые постоянно бранятъ Художественный Театръ за его слишкомъ кропотливую работу, яко бы убивающую истинное вдохновеніе артистовъ. П. Д. Боборыкинъ очень интересовался постановкой „Горя отъ ума“, присутствовалъ на многихъ репетиціяхъ и часто давалъ очень цѣнные совѣты. На одной изъ такихъ репетицій, да еще происходившей не на сценѣ, а въ фойе, онъ наклонился ко мнѣ и шепнулъ со свойственнымъ ему смѣшкомъ на верхнихъ нотахъ:

— А вѣдь еслибы сейчасъ вошелъ сюда человѣкъ, не слыхавшій предварительныхъ бесѣдъ,—вѣдь онъ испугался бы, подумалъ бы, что попалъ въ домъ сумасшедшихъ!..

XIII.

Относительно мизансцены, третье дѣйствіе ставитъ режиссерамъ два главныхъ заданія. Первое — жизненность въ постепенномъ приходѣ гостей, красивая и удобная для актеровъ группировка ихъ и достиженіе иллюзіи большого вечера, со всѣми его аттрибутами. Второе—естественное, хотя и быстрое распространеніе клеветы о Чацкомъ.

О томъ, какъ Художественный Театръ выполнилъ первую задачу, можно сказать много любопытнаго, но этому мѣсто—въ спеціальномъ журналѣ. Я остановлюсь только на одной особенности мизансцены Художественнаго Театра. На генеральной репетиціи она вызвала взрывъ одобренія артистовъ Московскаго Малаго театра, съ Ленскимъ, Ермоловой, Южинымъ, Ѳедотовымъ и друг. Въ театральной же критикѣ она не разъ встрѣчала укоризну и нареканія. Я говорю о двухъ большихъ паузахъ, или точнѣе—общихъ сценахъ, во время которыхъ текстъ комедіи останавливается. Первая — передъ выходомъ Софьи (передъ явленіемъ IX), вторая—передъ выходомъ Хлестовой (передъ явленіемъ X). Кромѣ того, съ XII явленія уже начинаются танцы, чего по Грибоѣдову нѣтъ.

Собрать болѣе полусотни гостей безъ того, чтобъ они не обратились въ буквальномъ смыслѣ въ „статистовъ“—задача, требовавшая режиссерской выдумки. Вышеназванные артисты, съ большимъ вкусомъ, много разъ игравшіе „Горе отъ ума“, очевидно давно чувствовали необходимость такой выдумки и съумѣли оцѣнить ее. Трудно предположить, чтобъ они меньше дорожили текстомъ, чѣмъ придирчивые критики. Къ мнѣнію этихъ артистовъ я позволю себѣ присоединить еще отзывы такихъ знатоковъ русскаго театра, какъ А. Н. Веселовскій и Н. В. Давыдовъ, находившихъ, что эти паузы—настоящая сценическая „trouvaille“. Съ точки зрѣнія внутренняго движенія пьесы нѣтъ никакого повода оспаривать ихъ, какъ нельзя оспаривать интересную паузу въ игрѣ кого-либо изъ артистовъ.

Мы до такой степени убѣждены въ преимуществѣ этой мизансцены передъ прежней, что, безъ боязни упрека въ самохвальствѣ, предполагаемъ издать ее отдѣльно и рекомендовать всѣмъ театрамъ, которые хотѣли бы усовершенствовать свою постановку „Горя отъ ума“ и не имѣютъ времени придумать что-либо самостоятельное и лучшее.

Можетъ-быть, въ Художественномъ Театрѣ и встрѣчаются излишества, отъ которыхъ онъ еще не съумѣлъ отрѣшиться. Можно легко критиковать то, что Наталья Дмитріевна выходитъ подъ-руку съ г. N. Это вноситъ маленькое недоумѣніе. Весьма небезспорно сдѣланъ въ Художественномъ Театрѣ и весь выходъ Хлестовой. Это красиво, но такъ можно встрѣчать развѣ императрицу. Но это все частности, которыя каждый театръ можетъ принять или передѣлать по своему разумѣнію. Важно признаніе принципа, что даже въ такой замѣчательной пьесѣ, какъ „Горе отъ ума“, фантазія режиссера вовсе не должна быть охолощена, и его творчество, въ предѣлахъ пьесы и ея замысловъ, такъ же самостоятельно и свободно, какъ творчество актера.

Еще больше значенія придаю я тому, что̀ сдѣлано Художественнымъ Театромъ въ дальнѣйшей мизансценѣ 3-го дѣйствія, начиная съ явленія XIV (сцена Софьи и г. N.).

Здѣсь мы подходимъ къ очень важнымъ событіямъ пьесы, которыя никогда не изображались на сценѣ съ настоящимъ рельефомъ, и именно потому, что эти сцены нуждаются прежде всего въ режиссерѣ, т.-е. въ томъ руководителѣ постановки, который непрерывно слѣдитъ за развитіемъ внутренней драмы, ея нервомъ, наростаніемъ, учащеніемъ темпа и пульса.

Именно начиная съ этого явленія, особенно удивляешься сценическому мастерству Грибоѣдова; именно здѣсь проявляется его геній драматурга, его поразительное *чувство сцены*. Совершенно неожиданно и въ то же время чрезвычайно естественно, какъ бы совсѣмъ невзначай, но изъ самыхъ корней психологіи даннаго общества выступаетъ новая драматическая пружина и узелъ запутывается еще сильнѣе, еще рѣшительнѣе, еще трагичнѣе для Чацкаго. И пьеса вдругъ разрываетъ грани интимности и разливается въ широкій потокъ общественности. Если до сихъ поръ Чацкій стоялъ только передъ враждебно настроенными Софьей и Фамусовымъ, то теперь онъ стоитъ, какъ врагъ, передъ всѣмъ московскимъ обществомъ. И всѣ черты этой вражды, разбросанныя по пути въ предыдущихъ сценахъ и актахъ, собрались вдругъ въ одну гору, которая неминуемо раздавитъ Чацкаго.

Какъ началась эта клевета на Чацкаго? Почти съ обмолвки Софьи. И во что она выросла!

„О, праздный, жалкій, мелкій свѣтъ!
Не надо пищи,—сказку, бредъ
Имъ лжецъ отпуститъ въ угожденье,
Глупецъ повѣритъ, передастъ,
Старухи кто во что горазд̀

Тревогу бьютъ,—и вотъ общественное мнѣнье!
И вотъ Москва! Я былъ въ краяхъ,
Гдѣ съ горъ верховъ комъ снѣга вѣтеръ скатитъ,
Вдругъ—глыба—этотъ снѣгъ въ паденьи все охватитъ,
Съ собой влечетъ, дробитъ, стираетъ камни въ прахъ,
Гулъ, грохотъ, громъ, вся въ ужасѣ окрестность.
И что оно въ сравненьи съ быстротой,
Съ которой, чуть возникъ, ужъ пріобрѣлъ извѣстность
Московской фабрики слухъ вредный и пустой!"

Это—монологъ Чацкаго въ 4-мъ дѣйствіи изъ музейной рукописи. Онъ начинается послѣ стиховъ: „И для иныхъ какъ словно торжество, другіе будто сострадаютъ". Послѣ него слѣдуетъ: „А Софья?.. знаетъ ли?.." и т. д.

Грибоѣдовъ, по видимому, вычеркнулъ его, боясь задержки въ темпѣ. Но монологъ самъ по себѣ—такой поэтической красоты, что у насъ не хватило мужества разстаться съ нимъ.

Вотъ это-то движеніе клеветы и не получало никогда на сценѣ настоящаго рельефа. Обыкновенно къ явленію XIV-му сцена совершенно пустѣетъ,—большая сцена въ 18 аршинъ по порталу и, по крайней мѣрѣ, 8 въ глубину. Въ такой огромной комнатѣ, во время бала, хозяйка остается одна, а всѣ гости толпятся въ дверяхъ и за кулисами. Подходитъ г. N, проводитъ свою сцену; Софья уходитъ. Приходитъ г. Д.; г. N проводитъ съ нимъ сцену и уходитъ. Появляется Загорѣцкій, и т. д., и т. д.

Конечно, театръ во вѣки вѣковъ будетъ условнымъ, какъ и всякое искусство. Но вѣдь въ томъ-то и смыслъ устарѣлости формъ, что извѣстная условность становится уже нестерпимой.

Но и помимо этого соображенія,—разъ вовлекается въ дѣйствіе не десять-пятнадцать персонажей, а „и многіе другіе", то эти „многіе другіе" должны такъ же жить на сценѣ, какъ и десять-пятнадцать персонажей. Клевета на глазахъ зрителя должна распространяться, какъ огонь по степи. Затлѣлась маленькая травка, а потомъ огонь пошелъ лизать все вокругъ, легкій трескъ перешелъ въ зловѣщій глухой шумъ и скоро все обращается въ удушливый пожаръ.

По мизансценѣ Художественнаго Театра дѣйствіе происходитъ въ гостиной. Танцовальный залъ находится сзади, на нѣсколько ступеней ниже. Танцы уже начались. Въ двухъ дверяхъ стоятъ нетанцующіе и смотрятъ на танцующихъ. Они, стало быть, стоятъ спиной къ публикѣ и не только не отвлекаютъ ея вниманія, но и прикрываютъ собою то, что дѣлается въ залѣ. Жизнь бала продолжаетъ чувствоваться, но не отвлекаетъ отъ текста пьесы. Въ то же время въ гостиной тамъ и сямъ разбросаны фигуры, или скучающія, или дре-

млющія, или умышленно скрывающіяся по угламъ. На первомъ планѣ графиня-бабушка. Она жуетъ какія-то сласти, которыя ей предупредительно подала Софья. Неподалеку примастился подремать г. Д. Графиня-внучка ушла танцовать съ единственнымъ вѣрнымъ ей кавалеромъ, Загорѣцкимъ, и потомъ вернется къ бабушкѣ. Въ перерывахъ между явленіями, гдѣ позволительны большія остановки, проходятъ разныя лица изъ залы въ гостиную или обратно. Чѣмъ большее число лицъ будетъ захватывать слухъ о сумасшествіи Чацкаго, тѣмъ замѣтнѣе будетъ движеніе на вторыхъ планахъ, тѣмъ больше будетъ расти шелестъ шопота, пока это не захватитъ всѣхъ гостей. Прекратятся танцы, спугнутые распространившеюся вѣстью, что въ домѣ—сумасшедшій, и гости постепенно двинутся сюда, потому что здѣсь—самые компетентные слухи.

Для насъ совершенно не обязательна традиція, что гг. N. и Д.—молодые люди изъ служащихъ по архиву. Юркіе молодые люди, разносящіе вѣсть по залѣ—намъ это кажется менѣе типичнымъ, чѣмъ солидные господа, хотя бы изъ трехъ бульварныхъ франтовъ, „которые съ полвѣка молодятся“...

Г. N. началъ causerie съ Софьей въ темпѣ вечера, безъ театральной торопливости. Услыхавъ отъ нея интересную новость, онъ подсаживается къ г. Д. и сообщаетъ ему. Темпъ долженъ наростать чрезвычайно послѣдовательно, безъ театральной торопливости. Люди пугаются не сразу, а заражая страхомъ другъ друга. Въ наростаніи—самое правильное достиженіе сценическаго эффекта.

Какъ разъ, когда г. N. отходитъ отъ г. Д.—„Пойду, освѣдомлюсь, чай, кто-нибудь да знаетъ“,—отъ двери залы идетъ Чацкій, уже начинающій скучать. Г. N. осторожно пятится отъ него. Этотъ незначительный бликъ даетъ тонъ того, какъ будетъ принята вѣсть о сумасшествіи Чацкаго: со страхомъ.

Во всѣхъ дальнѣйшихъ сценахъ допускается на театрахъ еще одна рѣжущая слухъ фальшь: всѣ говорятъ такъ же громко, какъ и раньше. Это психологически невозможно. Намъ представляется, наоборотъ, что всѣ шушукаются, шепчутся и съ ужасомъ поглядываютъ на ту дверь, за которой предполагается Чацкій.

И еще: нѣтъ ничего несноснѣе, когда, въ явленіи XXI-мъ, всѣ, собравшись въ кучу, начинаютъ говорить о Чацкомъ въ такомъ спокойномъ тонѣ, какъ будто только для того, чтобъ почесать языки. Здѣсь мы сталкиваемся съ дурной привычкой лицедѣевъ ослаблять вниманіе и темпераментъ въ большихъ общихъ сценахъ. Актеры, въ особенности изъ первыхъ персонажей, легко играющіе „всѣми нервами“ въ большихъ роляхъ, точно находятъ лишнимъ давать полный

темпераментъ, когда у нихъ всего нѣсколько репликъ, въ общихъ сценахъ. Въ самомъ лучшемъ, наиболѣе художественно организованномъ театрѣ вы не избавлены отъ этого актерскаго порока. Два, три, пять представленій они еще играютъ съ полнымъ вниманіемъ, но потомъ, что называется, распускаются—и общая сцена, которая должна дышать горниломъ кипѣнія, обращается въ холодную читку.

А въ такихъ сценахъ, какъ это XXI-ое явленіе, чуть только исполнители ослабили темпераментъ, получается шаржъ. Въ томъ-то и комизмъ всѣхъ этихъ ограниченныхъ и грубыхъ людей, что они отдаются вздору съ такой страстью, какъ бы это было самое важное въ ихъ жизни. Имъ не на что больше тратить свои огромные, здоровые, сытые темпераменты. Еслибы у нихъ не было такихъ сказокъ и бреда, отпускаемыхъ имъ въ угожденье лжецами, они не знали бы, куда дѣвать свои силы, и начали бы грызть другъ друга. И только съ большимъ темпераментомъ можно убѣжденно произносить тѣ нелѣпости, какія говорятся въ этой сценѣ.

Это чрезвычайно важно: иначе *комедія* теряетъ свой лучшій юморъ. Обыкновенно же у насъ произносятъ только комическія слова.

У этихъ глупцовъ любовь къ чужимъ интересамъ и страхъ, что въ домѣ есть сумасшедшій, такъ взвинтили воображеніе, что они „пятятся отъ Чацкаго въ противоположную сторону“; Хлестова съ глубокой искренностью говоритъ: „Ну, какъ съ безумныхъ глазъ затѣетъ драться онъ!“ Фамусовъ блѣднѣетъ и молится: „О, Господи! помилуй грѣшныхъ насъ!..“ И въ отчаяньи за Софью, что она не отходитъ отъ Чацкаго...

И въ отвѣтъ на это движеніе животнаго страха, охватившаго толпу представительныхъ, аристократически-красивыхъ, разряженныхъ по-бальному мужчинъ и женщинъ, въ отвѣтъ на эти вытаращенные въ тупомъ безуміи глаза—звучитъ скорбный и гнѣвный монологъ „милліонъ терзаній“: одинъ изъ самыхъ удивительныхъ эффектовъ русскаго театра!

Долженъ признаться, что послѣдній моментъ 3-го дѣйствія не нашелъ еще и въ Художественномъ Театрѣ удовлетворительной мизансцены.

Чацкій садится у самой авансцены, и хотя это удобно въ томъ смыслѣ, что не можетъ пропасть ни одно слово и ни одна интонація, но самая поза слишкомъ успокоиваетъ актера и даже какъ-то принижаетъ значительность монолога, съуживаетъ его пафосъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не особенно удается театру и второй планъ: успокоеніе гостей и возвращеніе къ танцамъ.

Такимъ образомъ, эта частная сценическая задача относительно „Горя отъ ума“ остается неразрѣшенною.

Въ 4-мъ дѣйствіи постановка Художественнаго Театра отличается отъ обычной только въ подробностяхъ мизансцены, не имѣющихъ существеннаго значенія.

Вл. Немировичъ-Данченко.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Въ прежніе годы наѣзжалъ ко мнѣ изъ провинціи, приблизительно по разу въ годъ, одинъ учитель низшаго сельскохозяйственнаго училища. Пріѣзжалъ онъ въ Петербургъ обыкновенно для какихъ-то мелкихъ хлопотъ и ходатайствъ. Всегда терпѣлъ неудачу, былъ унылъ, печаленъ, жаловался на бездушный формализмъ петербургскихъ канцелярій, клялъ свою судьбу, перечислялъ многія невзгоды своей вялой, бѣдной, захолустной жизни и вообще былъ раздраженъ и неутѣшенъ. Главной, почти единственной мечтой его было — попасть въ высшее агрономическое учебное заведеніе. Мечтая объ этомъ, онъ воодушевлялся, покрывался румянцемъ. „Тогда вѣдь мнѣ — восторженно говорилъ онъ—широкая дорога. Могу быть преподавателемъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, агрономомъ, мало ли чѣмъ!.. Жалованье — самое меньшее—сто рублей въ мѣсяцъ. По человѣчески можно будетъ пожить. Можно деньжонокъ скопить да за границу махнуть мѣсяца на два, на три. Эхъ, давно о заграницѣ мечтаю! Ѣздятъ же люди!.. А теперь развѣ жизнь? Постыдное прозябанье. Ни себѣ, ни людямъ“. И, озлобленно тускнѣя въ лицѣ, онъ вновь начиналъ длинно, тягуче и уныло жаловаться на свою постылую жизнь. Ради хлопотъ о поступленіи въ высшее учебное заведеніе онъ главнымъ образомъ и наѣзжалъ въ Петербургъ. Нужно было не только подготовиться и сдать экзаменъ, но еще получить разрѣшеніе и, главное, исхлопотать стипендію или сохраненіе на время новаго ученья скуднаго учительскаго жалованья. Иначе существовать было не на что. И это все почему-то не удавалось. Учитель то воскрылялся надеждами, то впадалъ въ отчаяніе, то усиленно готовился къ экзаменамъ, то надолго забрасывалъ учебники. „Ненужные мы людишки, — съ озлобленіемъ говорилъ онъ въ рѣдкіе петербургскіе наѣзды, — никому не нужны: ни народу, ни себѣ, ни государству. И школы наши — пустая комедія. Крестьянству ни на грошъ пользы. Ученики никакихъ толко-

выхъ знаній не выносятъ, а отъ деревни отрываются: идутъ въ писаря, въ конторщики, на разныя городскія должности или, лучшій конецъ, на мелкія мѣста къ помѣщикамъ. И къ чему живешь — неизвѣстно. Трахнуть бы въ високъ, и дѣлу крышка"... Время между тѣмъ бѣжало. Появилась сѣдина въ вискахъ, обозначилась лысина; учитель былъ уже семейнымъ. Довольно долго не являлся онъ въ Петербургъ. И вотъ, нынѣшней весной неожиданно зашелъ ко мнѣ, довольный, веселый, самоувѣренный, румяный, пополнѣвшій. — „Ну, какъ ваше высшее учебное заведеніе?"—спросилъ я. Онъ пренебрежительно махнулъ рукой.—„Нѣтъ смысла. Мы и безъ того нарасхватъ. Агрономы, землемѣры теперь сотнями, тысячами требуются. Что мнѣ дастъ высшее учебное заведенье? За нѣсколько лѣтъ ученья десять-двадцать рублей прибавки къ учительскому жалованью. Теперь можно и безъ этого больше заработать. Земства даже предпочитаютъ насъ, кончившихъ курсъ въ среднихъ сельско-хозяйственныхъ училищахъ. У насъ больше практической подготовки. Какъ ни какъ, по шести лѣтъ трубили на практическихъ работахъ. А въ высшемъ агрономическомъ училищѣ—что? Поступитъ реалистъ или гимназистъ, послушаетъ лекціи—какой изъ него агрономъ выйдетъ? Да-съ, предпочитаютъ теперь насъ. А въ земствахъ и при всякихъ землеустроительныхъ комиссіяхъ работы теперь не оберешься. Всю Россію на ноги подняли. И безъ нашего брата ни шагу. Мы теперь въ модѣ. И на учительскихъ мѣстахъ цѣна наша повысилась"...

Однимъ словомъ, другой человѣкъ, бодрый, увѣренный, что онъ на свѣтѣ не только не лишній, но желанный, нужный и цѣнный. И вотъ, этотъ маленькій живой человѣкъ въ тускломъ Петербургѣ явился яркимъ напоминаньемъ, что въ Россіи, которую теперь въ столицахъ принято считать сплошь погруженной въ застой и апатію, идетъ въ одной области жизни особое оживленіе. А такъ какъ оживленіе наблюдается въ области земельныхъ отношеній, то для Россіи, страны главнымъ образомъ земледѣльческой, должно быть далеко не маловажнымъ вопросомъ, бьется ли здѣсь пульсъ жизни ускореннымъ темпомъ отъ прилива новыхъ, жизнетворныхъ силъ, или отъ нездороваго, лихорадочнаго возбужденія, которое готовитъ странѣ тяжелыя потрясенія. Приномнился мнѣ, кстати, еще маленькій, характерный штрихъ жизни. Въ петербургскихъ трамвайныхъ вагонахъ часто читалъ я машинально и разсѣянно коротенькое объявленіе: какіе-то агрономическіе или землемѣрные курсы приглашали къ себѣ учениковъ, гарантируя всѣмъ немедленно по окончаніи недолгаго курса превосходныя мѣста, съ высокимъ жалованьемъ, при землеустроительныхъ операціяхъ. Значитъ, оживленье въ земельной области не только есть, но оно обѣщаетъ въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ и лѣтъ

сильно возрасти. Разумѣется, за агрономовъ и землемѣровъ можно только порадоваться. Ихъ роль въ худшемъ случаѣ только служебная, а въ лучшемъ—просвѣтительная и желанная. Газеты отовсюду приносятъ извѣстія, что всѣ земства, включая правыя и правѣйшія, горячо принялись за агрономію. Агрономы и всякаго рода инструкторы по сельскому хозяйству, дѣйствительно, приглашаются теперь на службу нарасхватъ. Но это далеко не главная сторона земельнаго оживленія. Много людей другого сорта оживлены, и совсѣмъ по другимъ мотивамъ. „Если кому теперь хорошо живется на Руси,— пишутъ, напримѣръ, изъ Острова, Псковской губерніи,—такъ это ликвидаторамъ. Ликвидаторы банковскихъ имѣній, помимо жалованья, получаютъ во время командировокъ еще суточныя, въ размѣрѣ 5 рублей въ день. Ликвидаторъ, послѣ полученія бумаги о командировкѣ, можетъ еще долгое время находиться въ городѣ, а суточныя ему уже идутъ. Прибывъ въ ликвидируемое имѣнье, онъ за все время своего нахожденія въ немъ пользуется обычно даровою квартирою, даровымъ столомъ. Ликвидація имѣній растягивается на очень продолжительное время, и каждый ликвидаторъ на однѣхъ только суточныхъ зарабатываетъ въ лѣто отъ пятисотъ до тысячи рублей при даровой квартирѣ и безплатномъ столѣ. Если прибавить къ этому идущее жалованье по должности, нерѣдко доходящее до двухъ тысячъ рублей въ годъ (напримѣръ, если ликвидаторомъ назначается податной инспекторъ или какой-нибудь банковскій чиновникъ), то его годовой заработокъ достигаетъ весьма крупной суммы. Землеустроительное дѣло даетъ крупные заработки и лицамъ, стоящимъ въ сторонѣ отъ него, напримѣръ адвокатамъ, волостнымъ старшинамъ, писарямъ, нотаріусамъ. Заработки послѣднихъ, какъ утверждаютъ, увеличились втрое-вчетверо противъ обычнаго размѣра. Если въ нашемъ городѣ нотаріусъ прежде, „до землеустройства“, зарабатывалъ 3—4 тысячи рублей въ годъ, то теперь тотъ же самый нотаріусъ зарабатываетъ отъ 10 до 12 тысячъ рублей. Въ волостные писаря теперь есть охотники идти даже безъ жалованья, въ разсчетѣ на заработки и доходы отъ землеустройства. Крестьянскіе земельные надѣлы шибко укрѣпляются и быстро продаются. Къ крестьянскому сословію начинаютъ приписываться мѣщане и разночинцы, съ цѣлью заняться скупкой крестьянскихъ надѣловъ“.

Далеко не безразлично, сколько лицъ матеріально заинтересовано въ той или другой внутренней реформѣ. Разные „посторонніе“ люди могутъ создать такую внушительную силу, которая будетъ властно толкать реформу въ сторону, желательную для матеріальныхъ интересовъ этихъ „постороннихъ“ лицъ. Въ приложеніи къ жизни земельной реформы 9-го ноября приняло и принимаетъ участіе чрезвычайно большое

число „постороннихъ“ лицъ. Кромѣ писарей, старшинъ, агрономовъ, землемѣровъ, нотаріусовъ, кулаковъ-скупщиковъ, мелкихъ подпольныхъ адвокатовъ, дворянъ-землевладѣльцевъ,—т.-е. десятковъ тысячъ лицъ, разсыпанныхъ по всей странѣ,—въ судьбѣ крестьянства приняли ближайшее участіе, ради собственныхъ служебныхъ и карьерныхъ интересовъ, губернаторы, земскіе начальники, исправники, становые пристава, урядники, разные чиновники, стражники—словомъ, необъятная, многотысячная армія государственныхъ слугъ и прислужниковъ. И вся эта громада постороннихъ людей, послушная власти, или капиталу, или собственнымъ корыстнымъ инстинктамъ, бросилась со всѣхъ сторонъ подталкивать впередъ законъ 9-го ноября. И законъ „воплощается“ въ жизнь... Польза его для многихъ перечисленныхъ лицъ значительна и несомнѣнна. Немало людей на немъ разбогатѣютъ или хорошо покормятся, немало чиновниковъ успѣшно подвинутъ свою служебную карьеру. Но какъ чувствуютъ себя „не-посторонніе“ люди? Какія матеріальныя выгоды получаетъ отъ закона 9-го ноября многомилліонное русское крестьянство? Здѣсь общій, суммирующій отвѣтъ по прежнему дать невозможно. Въ главной своей массѣ крестьянская громада хранитъ загадочное молчаніе. Но извѣстія, приносимыя газетами изъ отдѣльныхъ мѣстностей, не смотря на ихъ отрывочность, пестроту и случайность, сливаются въ невеселый и довольно зловѣщій хоръ.

Прежде всего бросается въ глаза насильственность, съ которой законъ 9-го ноября входитъ въ крестьянскую жизнь. „Со дня изданія закона 9-го ноября 1906-го года по 1-ое мая сего года,—сообщаютъ „Волгарю“ изъ Нижегородскаго уѣзда,—подано заявленій объ укрѣпленіи земли 3.802; изъ нихъ удовлетворено: сельскими обществами—97 и земскими начальниками—3.026; отказано земскими начальниками въ удовлетвореніи 32 ходатайства. Окончательно укрѣплено земли по постановленіямъ уѣзднаго съѣзда за 2.711 домохозяевами 13.708 десятинъ. Изъ укрѣпленной земли выдѣлено на отруба 10-ти домохозяевамъ 121 дес. и находится въ производствѣ землеустроительной комиссіи ходатайствъ объ отрубахъ отъ 189 домохозяевъ“. Итакъ, въ общемъ результатѣ довольно жалкій: десять отрубниковъ на уѣздъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ внушительная цифровая подробность: съ согласія сельскихъ обществъ укрѣплена земля по 97-ми заявленіямъ, а безъ согласія и, слѣдовательно, противъ желанія обществъ укрѣплена земля земскими начальниками по 3.026 заявленіямъ. Огромное, подавляющее большинство выдѣляющихся обострило, такимъ образомъ, свои отношенія съ односельчанами-общинниками. При такихъ условіяхъ неизбѣжны вражда и свары въ крестьянской средѣ. Чуть ли не главныя духовныя силы деревни должны теперь уходить на вы-

нужденную, неосмысленную и безмѣрно вредную взаимную распрю. Корреспондентъ изъ Казанской губерніи сообщаетъ: „Изъ 40.026 подавшихъ заявленія о выдѣлѣ за четыре года получили согласіе общества только 6.347 домохозяевъ, или 15 процентовъ. Понятно, что къ выдѣлившимся противъ воли общины, по приказу земскаго начальника, община относится очень враждебно. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ столкновенія на почвѣ выдѣла приводятъ къ кровавымъ послѣдствіямъ. Были, напримѣръ, подобные случаи въ Свіяжскомъ уѣздѣ, но особенно участились они по Тетюшскому уѣзду. Здѣсь за четыре года подано было заявленій о выдѣлѣ 4.198, изъ нихъ съ согласія общества—315, или 7 процентовъ. Въ деревнѣ Починкахъ-Инеляхъ, Тетюшскаго уѣзда, столкновеніе между общинниками и выдѣленцами приняло настолько серьезный характеръ, что въ результатѣ оказался одинъ убитый. Въ томъ же уѣздѣ на почвѣ примѣненія закона 9-го ноября происходятъ частыя ссоры и драки между крестьянами въ Старомъ Яниковѣ, Полевомъ Сундырѣ, а также въ Бѣломъ Озерѣ и Нюрчегахъ. Частыя ссоры происходятъ и во многихъ другихъ селеніяхъ, особенно въ Новошимкуской волости. Наконецъ, недавно серьезное столкновеніе произошло въ селѣ Сюкеевѣ, куда выѣзжалъ даже губернаторъ. Здѣсь общинники утверждали, что хуторяне, загораживая свою выдѣленную усадебную землю, старались прихватить частичку и общественной. Общинники протестовали и рѣшили въ одинъ день идти всѣмъ обществомъ и сломать тѣ постройки у выдѣленцевъ, которыя стояли на общественной землѣ. Разсказываютъ, что родители привлекали къ участію въ ломкѣ даже дѣтей шестилѣтняго возраста и ниже, желая тѣмъ показать, что въ безпорядкахъ-де повинно все общество, включая и дѣтей. Арестовано нѣсколько человѣкъ“...

Другой корреспондентъ отмѣчаетъ еще одну косвенную, но довольно любопытную подробность. Онъ пробуетъ подсчитать, какихъ казенныхъ денегъ стоитъ хуторская затѣя въ Казанской губерніи. „По всѣмъ 12-ти уѣздамъ губерніи фактически выдѣлено въ отруба или хутора за четыре года 1,4% изъ всѣхъ 40,026 заявителей, или приблизительно 560 человѣкъ. Въ среднемъ на годъ падаетъ, слѣдовательно, 140 выдѣловъ. Принявъ во вниманіе, что содержаніе одной уѣздной землеустроительной комиссіи стоитъ, въ общемъ, 6.000 руб. въ годъ, а по всѣмъ 12-ти уѣздамъ губерніи 72.000 рублей, плюсъ 8.000 рублей—содержаніе губернской землеустроительной комиссіи,—получимъ сумму въ 80.000 рублей, падающую на 140 выдѣловъ. Такимъ образомъ, каждый отрубъ или хуторъ, не считая расходовъ на центральныя учрежденія по землеустройству и разнаго рода субсидіи, выдаваемыя новымъ хуторянамъ, стоитъ правительству въ Казанской губерніи, по самому минимальному подсчету, 571,4 руб.“.

Разумѣется, отдѣльно взятый фактъ подобной казенной щедрости могъ бы и не говорить противъ земельной реформы 9-го ноября. „Что же, и прекрасно,—могли бы сказать защитники этой реформы,—и отлично, что правительство перестало, наконецъ, скупиться для истинныхъ народныхъ нуждъ. Реформа 9-го ноября поставитъ на здоровыя ноги всю крестьянскую Россію, и надо апплодировать правительству, которое, не обращая вниманія на саркастическое шиканье справа и слѣва, рѣшительно и прямолинейно идетъ по намѣченной дорогѣ".

Можно было бы до нѣкоторой степени оправдать и тѣ ссоры, драки и убійства, которыя породилъ въ деревнѣ законъ 9-го ноября. „Вы берете немногіе, отдѣльные и разрозненные факты,—могли бы возразить защитники казенной земельной реформы,—а крестьянская Русь многомилліонна, необъятна. Да и какое особенное значеніе имѣетъ то, что нѣкоторые темные, невѣжественные мужики, не понимая собственной пользы, совершаютъ нелѣпые поступки и проступки? Вотъ и во время всенародной переписи темный людъ бунтовалъ и живымъ въ землю закапывался. Нельзя же къ продуманнымъ государственнымъ реформамъ съ кривымъ мужицкимъ аршиномъ подходить".

Но эти возраженія имѣли бы логическую силу только въ томъ случаѣ, еслибы, съ одной стороны, было доказано, что отрицательныя послѣдствія примѣненія закона 9-го ноября дѣйствительно случайны и немногочисленны, а съ другой стороны,—и это самое главное,—еслибы были собраны и опубликованы многочисленные и доказательные факты въ пользу земельнаго закона. Между тѣмъ жизнь приноситъ иное. О положительныхъ послѣдствіяхъ примѣненія закона до сихъ поръ нѣтъ мало-мальски отрадныхъ извѣстій—и, наоборотъ, отрицательные факты продолжаютъ расти въ угрожающей прогрессіи. Провинціальныя газеты начинаютъ все болѣе удѣлять вниманія земельной ломкѣ, сотрясающей крестьянскую Россію, и печальныя извѣстія текутъ почти изъ всѣхъ губерній. Такъ напримѣръ, объ Орловской губерніи, которая, кажется, особенно довѣрчиво отнеслась къ реформѣ 9-го ноября, находимъ въ „Орловскомъ Вѣстникѣ", тоже, въ общемъ, благожелательно отнесшемся къ реформѣ, слѣдующія строки: „Нельзя въ принципѣ отрицать преимущество отрубного и хуторского хозяйствъ сравнительно съ черезполосным общиннымъ владѣніемъ надѣльной землей. И однако малоземелье остается печальнымъ фактомъ по прежнему. Недаромъ новую форму землевладѣнія мужики сравниваютъ съ передѣлкой старой одёжи. „Это все равно,—говорятъ они,—что взять старый полусвитокъ и перелицовать его наизнанку. Такъ и отрубное хозяйство, при одной или двухъ десятинахъ всего надѣла, много похоже на перешитую старую одежду.

Какъ ты ни вертись на клочкѣ земли въ полторы десятины, какъ ни удабривай ее на нѣмецкій стиль, а на дѣлѣ все выходитъ не кругло". Если 15—20 лѣтъ тому назадъ,—продолжаетъ авторъ статьи,—„крестьянинъ средней руки имѣлъ душевой надѣлъ въ три десятины, то теперь на этихъ трехъ десятинахъ живутъ уже среднимъ числомъ три семейства: отецъ семьи и два женатыхъ сына. Но вотъ пріѣхалъ землеустроитель, вырѣзалъ имъ эти три десятины отдѣльнымъ участкомъ для удобства—и только! А прироста земли опять-таки нѣтъ ниоткуда. И выходитъ что-то похожее на „перелицованный свитокъ", если не на Тришкинъ кафтанъ. А отсюда, само собой понятно, что въ скоромъ времени крестьянской семьѣ опять придется рѣшать тяжелую альтернативу: либо разогнать изъ дому весь приростъ семьи за 20 лѣтъ, либо умирать съ голоду, либо выходить „на выселку"—выбирай любое. Едва ли лучше живется и на крестьянскихъ хуторахъ, выросшихъ, при помощи банка, на сосѣднихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Мы недавно видѣли бѣглецовъ изъ такихъ хуторовъ. Они уѣзжали въ Сибирь. На вопросъ, что̀ ихъ заставляетъ бросать хутора и переселяться въ далекую Сибирь, они отвѣчали, что „отъ добра не поѣхали бъ искать добра". Они жаловались на слишкомъ обременительные платежи (весь прибытокъ идетъ на уплату), на долгосрочность этихъ выкуповъ до полной собственности—„пока выростутъ камыши, гляди, не будетъ души",—жаловались на недостатокъ пастбищъ („сердце изныло, на скотину глядючи"), на отдаленность отъ родного села, на отдаленность отъ общества („словомъ не съ кѣмъ перекинуться... а бабы воемъ воютъ"...), жаловались на невозможность пользоваться церковью, школою, рѣкою и проч. Но главное, что̀ ихъ безпокоило и повергало въ унынiе—это боязнь, что въ случаѣ неурожая нечѣмъ будетъ вносить платежей, и землю отберутъ".

Такимъ образомъ, благоденствiе новыхъ хуторянъ—болѣе чѣмъ сомнительно. Между тѣмъ насадители реформы усердствуютъ, и въ Тамбовской губернiи произошелъ недавно такой „единичный фактъ", который тяжелымъ грѣхомъ ложится на законъ 9-го ноября. „Въ селѣ Болотовѣ, Лебедянскаго уѣзда,—сообщаетъ корреспондентъ „Рѣчи",—60 домохозяевамъ изъ общаго числа 480 всего села, т.-е. меньшинству—восьмая часть,—предоставлено было непремѣннымъ членомъ уѣздной землеустроительной комиссiи, Р., право выдѣла ихъ надѣльной земли на отрубные участки, при чемъ нарѣзаться эти участки должны были такимъ образомъ, чтобы они непосредственно примыкали къ усадьбамъ этихъ крестьянъ, т.-е. къ нимъ отъ другихъ хозяевъ должны были отойти лучшiя, ближнiя, навозныя земли. По совершенно понятнымъ причинамъ остальные домохозяева села добровольнаго согласiя своего на такiе выдѣлы не дали. Въ первой поло-

винѣ мая прибыли въ село власти (непремѣнный членъ Р. и земскій начальникъ Е.) для принудительной нарѣзки этихъ участковъ. Крестьяне, у которыхъ отрѣзалась земля, воспротивились, при чемъ, такъ какъ отрѣзаемая земля находилась въ нынѣшнемъ году подъ чудной рожью, сулившей огромный урожай, они обратились къ начальству только со смиренной просьбой отложить нарѣзку земли до уборки этой ржи — до осени. Усердные, неукоснительные проводники земельной политики Столыпина на эти болѣе чѣмъ скромныя и понятныя мольбы отвѣтили категорическимъ отказомъ и приступили къ нарѣзкѣ, при чемъ чудная рожь тутъ же была потоптана. Это возмутило крестьянъ. Отъ моленій они перешли къ упорному сопротивленію и заявили, что добровольно не допустятъ нарѣзки земли. Послано было за исправникомъ со стражниками, которые и появились въ селѣ на другое утро. Крестьяне, продолжавшіе упорствовать, толпою преградили доступъ къ спорной землѣ, выставивъ, по обыкновенію, впередъ женщинъ и дѣтей. Исправникъ приказалъ стражникамъ наступать на крестьянъ и разогнать ихъ нагайками. За крестьянъ заступился мѣстный священникъ, вышедшій къ толпѣ съ крестомъ и евангеліемъ. Онъ ручался исправнику, что самое большее черезъ часъ онъ уговоритъ своихъ прихожанъ, и тѣ мирно разойдутся. Рѣшительный исправникъ школы губернатора Муратова не внялъ просьбамъ батюшки и вновь приказалъ стражникамъ разгонять крестьянъ нагайками. Началось побоище и топтаніе лошадьми бабъ и дѣтей. Изъ заднихъ рядовъ разозлившихся крестьянъ полетѣло нѣсколько камней. Исправникъ приказалъ своей командѣ спѣшиться и дать залпъ. Послѣ залпа оказалось 6 человѣкъ убитыхъ на мѣстѣ и 15 человѣкъ раненыхъ, изъ которыхъ трое также вскорѣ скончались. Большинство остальныхъ ранены тяжело".

Вѣроятно, никакой, даже самый горячій сторонникъ закона 9-го ноября не рѣшится одобрить подобныя мѣры водворенія закона въ жизнь. Однако, здѣсь-то и сказывается подлинная логика жизни. Случаи, схожіе съ тамбовскимъ, далеко не случайны и не исключительны. Если повсемѣстно пренебрегаются интересы массоваго крестьянства, если не желаютъ считаться съ доброй и свободной волей деревни, а всю судьбу ея вручаютъ самоувѣренному мѣстному начальству, то неизбѣжно создается почва, на которой тѣ или другіе безпорядки, ссоры и взаимныя распри непремѣнно должны вспыхивать по селамъ и деревнямъ. „Русскому Слову" пишутъ: „Въ селѣ Арнаутовкѣ, Елисаветградскаго уѣзда, на почвѣ выдѣленія изъ общины, произошли безпорядки, длившіеся три дня. Богатые арнаутовскіе крестьяне, выходящіе на отруба, скупили у переселяющихся въ Тургайскій край бѣдняковъ землю по 25 рублей за десятину и составили

мірской приговоръ, по которому къ нимъ отходила лучшая земля. Въ село прибылъ землемѣръ и, на основаніи имѣвшагося приговора, началъ дѣлить землю. Крестьяне обращались съ жалобой къ земскому начальнику, къ губернатору, ходатайствовали хотя бы объ отсрочкѣ работъ по выдѣленію мѣсяца на три, до уборки хлѣбовъ. Крестьянамъ всюду было отказано. Тогда большинство женщинъ села Арнаутовки, вооружившись кочергами, коромыслами и лопатами, напали на землемѣра и его рабочихъ, прогнали ихъ и уничтожили межевые знаки. На слѣдующій день женщины-крестьянки осадили сельское правленіе, гдѣ спрятались богатѣи-хуторяне, ворвались туда и многихъ жестоко избили. Между прочимъ случайно былъ избитъ сельскій писарь. Въ село прибылъ губернаторъ съ казаками. Было арестовано до 200 человѣкъ, въ томъ числѣ много женщинъ. Арестованныхъ отправили въ елисаветградскую тюрьму. Теперь выдѣленіе изъ общины въ Арнаутовкѣ производится безпрепятственно".

Еще одна фатальная сторона реформы 9-го ноября: такъ какъ она задалась цѣлью создать „крѣпкаго, состоятельнаго хуторянина", то во всѣхъ взаимныхъ крестьянскихъ столкновеніяхъ начальство, вооруженное и невооруженное, въ силу какъ бы неизбѣжной логики становится на сторону богатыхъ мужиковъ. При выдѣлахъ изъ общины, при покупкѣ хуторскихъ участковъ черезъ банкъ, при скупкѣ выдѣлившихся надѣловъ у малосильныхъ крестьянъ, впереди всѣхъ идутъ, конечно, зажиточные мужики, преимущественно хищнаго типа. Въ настоящее смутное время они сугубо наживаются и вызываютъ сугубую ненависть населенія селъ и деревень. Но на ихъ сторонѣ „законъ" и, главное, чиновно-административно-полицейско-военная сила государства. „Въ с. Варзарешты, Тузорской волости,—сообщаетъ корреспондентъ „Бессарабской Жизни",—20 марта были вызваны телеграммой приставъ и урядникъ для предупрежденія столкновенія между крестьянами селъ Пѣтушки и Варзарештъ, представляющихъ нынѣ два враждебныхъ лагеря. Возникла эта вражда изъ-за отрубной земли, пріобрѣтенной зажиточными крестьянами с. Пѣтушки въ то время какъ безземельные крестьяне с. Варзарештъ, за недостаточностью средствъ, не могли ее купить. Но у крестьянъ въ земельныхъ спорахъ своя особенная логика: „земля варзарештская—достояніе только варзарештскихъ крестьянъ, а если кто изъ постороннихъ посягнетъ на нее, тому не снести головы". Здѣсь пока дѣло до этого еще не дошло, благодаря вмѣшательству варзарештскаго священника и предупредительнымъ мѣрамъ уѣздной полиціи, но быть увѣреннымъ за завтрашній день никакъ нельзя, потому что почва для этого совершенно готовая: часть земли, купленной пѣтушканцами, вплотную прилегаетъ къ хатамъ варзарештскихъ крестьянъ, которые, благодаря

этому, не только лишились того, что они считали по праву своимъ, но не смогутъ держать ни крупнаго, ни мелкаго скота, ни даже птицы, чтобы не имѣть ежедневныхъ споровъ изъ-за потравы хлѣба".

И вотъ, наготовѣ полицейская сила, оберегающая „законъ", и наготовѣ же озлобленное настроеніе крестьянъ, а жить предстоитъ долгіе годы бокъ-о-бокъ... Повсемѣстно, судя по газетнымъ извѣстіямъ, законъ 9-го ноября вноситъ разложеніе въ деревенскую среду, гонитъ съ дѣдовскихъ надѣловъ ослабѣвшую бѣдноту и концентрируетъ крестьянскую землю въ рукахъ оживившихся скупщиковъ. Въ „Саратовскій Вѣстникъ" пишутъ изъ Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи: „Въ Малоузенскомъ обществѣ насчитывается до 500 душъ обоего пола, изъ нихъ мужскихъ около 200. Послѣдніе два года здѣсь начался усиленный выходъ изъ общины по закону 9-го ноября, и теперь значительное большинство укрѣпило землю въ собственность. Одновременно съ выдѣломъ изъ общины началась купля-продажа земельныхъ надѣловъ. Большинство надѣловъ скуплено зажиточными крестьянами. Особенно побудилъ продавать свои надѣлы бѣдныхъ крестьянъ неурожай". Правая „Оренбургская Газета", сочувствующая закону 9-го ноября, принуждена отмѣчать въ своей мѣстности такіе же факты: „Крестьяне за послѣднее время, — пишутъ газетѣ изъ Покровской волости, Оренбургскаго уѣзда, — все больше знакомятся съ закономъ 9-го ноября. Впрочемъ, со времени обнародованія закона на всю волость только изъ одного поселенія вышло нѣсколько дворовъ на отрубной участокъ. Общинное владѣніе землею крестьяне считаютъ удобнѣе главнымъ образомъ ради простора пастбищъ для скота, а послѣдній, какъ извѣстно, есть основа благосостоянія деревни. Урожайный 1909-ый годъ подалъ поводъ зажиточнымъ крестьянамъ подумать объ увеличеніи своихъ надѣловъ чрезъ пріобрѣтеніе душевыхъ надѣловъ у односельчанъ. Съ осени прошлаго года начались одиночные случаи продажи; за первымъ примѣромъ послѣдовали другіе; увеличился спросъ, увеличилось и предложеніе. Души продаютъ деревенскіе пролетаріи, бездомовники, батраки, а чаще пропойцы или люди, уже давно порвавшіе всякую связь съ родной деревней, съ ея полями и живущіе на сторонѣ. Обычно сдѣлка начинается съ жирныхъ могарычей; сельскій писарь пишетъ условіе, которое закрѣпляется волостнымъ правленіемъ, и, наконецъ, у нотаріуса пишется запродажная запись. Денежные мужики уже скупили по 10-ти и болѣе „душъ". Цѣна имъ отъ 200 до 300 рублей, какъ срядятся. Душевой же надѣлъ равняется 12-ти десятинамъ. Чрезъ такую распродажу въ одномъ изъ селъ волости къ началу 1910-го года насчитывается болѣе 20-ти „бездушныхъ". Печально въ этомъ явленіи особенно то, что продаютъ безпрепятственно пьяницы отцы, деньгами

мотаютъ, а дѣти такихъ отцовъ обрекаются на тяжелую долю". Газета явно не сочувствуетъ деревенскимъ „пролетаріямъ", но не скрываетъ, что состоятельные мужики, прикрываясь закономъ 9-го ноября, устраиваютъ „жирные могарычи", т.-е. спаиваютъ „пролетаріевъ" и прибираютъ землю по дешевой цѣнѣ къ своимъ рукамъ. Сходныя извѣстія идутъ отовсюду. Деревня разслояется на деревенскихъ „пролетаріевъ" и деревенскихъ „капиталистовъ". Корреспондентъ „Орловскаго Вѣстника" сообщаетъ: „Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Орловскаго уѣзда въ послѣднее время происходятъ тяжбы младшихъ членовъ нѣкоторыхъ крестьянскихъ семей со старшими членами, на имя которыхъ укрѣплены надѣльныя земли. Нѣкоторые изъ старшихъ членовъ почти промотали земельное имущество, и младшіе члены семей судебнымъ порядкомъ стараются оградить свои интересы". Такимъ образомъ, новому закону удалось не только общинниковъ и отрубниковъ вооружить другъ противъ друга, но и въ отдѣльныя крестьянскія семьи внести ядъ разложенія.

Изъ слободы Самойловки, Балашовскаго уѣзда, „Саратовскому Вѣстнику" пишутъ: „Общество раздѣлилось на двѣ части: одна держится общиннаго землепользованія, другая требуетъ подворнаго. За подворное владѣніе стоятъ, во-первыхъ, всѣ, которые смотрятъ на землю, какъ на товаръ, который быстро можно ликвидировать. Земля, собственно, имъ не нужна. Есть уже лица, которыя скупили у выдѣлившихся крестьянъ сотни десятинъ. За подворное хозяйство ратуютъ и тѣ, у которыхъ мало или совсѣмъ нѣтъ скота. Они вполнѣ справедливо претендуютъ на своихъ однообщественниковъ за то, что они совершенно безплатно пользуются кормами на общественной землѣ. Мечтаютъ о подворномъ землепользованіи и общественники съ выморочными душами, которые при первомъ же передѣлѣ должны будутъ лишиться значительной части своихъ владѣній, теперь же имъ обѣщаютъ нарѣзать и на умершія души. Всѣ же многосемейные, коренные землеробы крѣпко отстаиваютъ общинное землепользованіе". Изъ Касплянской волости, Порѣчскаго уѣзда, „Смоленскому Вѣстнику" сообщаютъ: „Начинается распадъ общины и въ нашей волости. Въ одной деревнѣ — Шелудивцахъ — крестьяне согласились на отводъ участковъ своимъ хуторянамъ изъ земельныхъ старинокъ, находящихся въ отдаленности отъ селенія. Нужно замѣтить, что шелудивскіе хуторяне выдѣляютъ себѣ участки для того лишь, чтобы тутъ же продать ихъ, такъ какъ они переселяются въ Сибирь, гдѣ имъ уже отведена земля. Въ деревнѣ Касплѣ 2-й крестьяне сначала тоже было согласились на выдѣлъ участковъ своимъ хуторянамъ, но затѣмъ измѣнили свое рѣшеніе и категорически отказались дать гдѣ-либо участки выдѣленцамъ, мотивируя это тѣмъ, что послѣдніе имѣютъ

въ виду не веденіе хозяйства, а лишь выгодную спекулятивную сдѣлку, т.-е. продажу земли, которая имъ достанется при данныхъ условіяхъ въ количествѣ излишнемъ противъ причитающагося на ихъ долю при разверсткѣ. Выдѣляются такіе члены общины, какъ одинокія женщины, пользующіяся за смертью мужскихъ членовъ семьи такимъ количествомъ земли, которое совершенно не соотвѣтствуетъ ни ихъ рабочимъ силамъ, ни средней для данной мѣстности потребительной нормѣ. Въ селѣ на 80 дворовъ всего 140 надѣловъ, такъ что съ уходомъ изъ общины такихъ „хуторянъ", какъ „бобылки", положеніе многосемейныхъ станетъ безвыходнымъ. Земля же новыхъ „хуторянъ", несомнѣнно, перейдетъ въ руки кулаковъ-скупщиковъ". Изъ Кузябаевской волости, Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи, корреспондентъ „Сарат. Вѣстника" пишетъ: „Нигдѣ въ уѣздѣ законъ 9-го ноября не привился такъ, какъ въ нашей волости, населенной башкирами. Какъ только узнали башкиры, что можно укрѣплять за собой земельные надѣлы по числу ревизскихъ душъ, а потомъ и продавать ихъ, такъ немедленно захотѣли воспользоваться своимъ правомъ. На душу у нихъ приходится по 54 десятины. Сначала земля продавалась по 6—8 рублей, а теперь по 12 рублей за десятину. Продано уже нѣсколько тысячъ десятинъ. При проѣздѣ черезъ одну изъ деревень Кузябаевской волости мнѣ пришлось услышать слѣдующія разсужденія о законѣ 9-го ноября одного изъ зажиточныхъ башкиръ, содержателя земской почтовой станціи. Засталъ я хозяина въ обществѣ сельскаго писаря за составленіемъ приговоровъ объ укрѣпленіи земельныхъ надѣловъ. „Что у васъ за канцелярія?" — спросилъ я.— „Землямъ укрѣпляемъ. Бульно хорошій законъ вышелъ. Покупатель на земля много. Нашъ башкиръ ужъ много земля дешевка продалъ. Деньгамъ получалъ сичасъ. Тройкамъ, наборный сбруя, тарантасъ казанской работы на желѣзный ходъ... валяй-гуляй по всѣмъ деревнямъ. Гулялъ, гулялъ, сбруя, лошадка, тарантасъ дешевкамъ пускалъ, опять гулялъ, а тапирь ребятишкамъ по міру пускалъ. Что дальше будетъ—не знаемъ. Пожалуй, обществомъ вся безземельна башкиръ кормить будемъ"!—грустно кивая головой, закончилъ онъ. Въ Николаевкѣ теперь, по окончаніи посѣва яровыхъ хлѣбовъ, ежедневно у квартиръ нотаріусовъ можно видѣть башкиръ Кузябаевской волости, пріѣхавшихъ для совершенія документовъ по продажѣ надѣльной земли. Часть полученныхъ денегъ тутъ же въ городѣ и пропивается. Башкиры, продавшіе землю, на вопросъ, что они теперь станутъ дѣлать—обычно отвѣчаютъ: „Пока деньги есть, будемъ жить въ Кузябаево, а когда ихъ не будетъ, пойдемъ въ Бухара къ башкирамъ, они намъ земли дадутъ"...

Изъ многочисленныхъ фактовъ слѣдуетъ неизбѣжный выводъ, что

законъ 9-го ноября пробуждаетъ и въ сильныхъ, и въ слабыхъ крестьянахъ духъ корыстолюбія, съ тою только разницей, что слабые упускаютъ изъ рукъ послѣдніе клоки своей земли, а сильные прибираютъ ее къ своимъ рукамъ.

Нѣкоторыя большія провинціальныя газеты, кромѣ краткихъ корреспонденцій о ходѣ земельнаго закона въ сельской жизни, помѣщаютъ теперь большія изслѣдованія по этому вопросу и обычно приходятъ къ очень печальнымъ выводамъ. Такъ напримѣръ, „Кіевскія Вѣсти“ пишутъ въ большой статьѣ: „Въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ на пепелищахъ бывшихъ крѣпостныхъ хозяйствъ возникли хозяйства богатырей изъ козаковъ и крестьянъ, хорошо приспособленныя къ жизни. Богатыри Полтавщины—это особый классъ богатырей, весьма интересный въ бытовомъ отношеніи. Въ литературѣ нѣтъ его изображенія, а онъ заслуживаетъ кисти художника. Это „идеальные хуторяне“ — опора института личной собственности. Однако, такой хуторянинъ располагаетъ въ среднемъ 30—50 десятинами. Мечта нашихъ хуторомановъ создать хуторянъ на 5—8 десятинахъ — праздная затѣя. Владѣлецъ 5—7 десятинъ имѣетъ нѣсколько сыновей; надъ нимъ виситъ, какъ Дамокловъ мечъ, раздѣлъ и та же пролетаризація“. Авторъ другой солидной статьи въ той же газетѣ говоритъ: „Въ Черниговской губерніи, близкой мнѣ, всей удобной земли около четырехъ съ половиной милліоновъ десятинъ, а казачьяго и крестьянскаго населенія болѣе 2-хъ милліоновъ. Если отчислить на уцѣлѣвшія дворянскія земли, церковныя, монастырскія, казенныя и т. п. приблизительно 1 мил. десятинъ, то будетъ ясно, сколько изъ остальной земли придется на душу сельскаго земледѣльческаго населенія. Размѣръ хуторскихъ участковъ установленъ у насъ отъ 9-ти до 12-ти десятинъ. Если допустить, что въ близкомъ будущемъ 10 процентовъ нашихъ земледѣльцевъ получатъ хуторскіе участки, то для этихъ счастливцевъ будетъ взято 2 мил. десятинъ. Значитъ, для остальныхъ 2 мил. селянъ останется всего около полутора милліоновъ десятинъ. Черниговская губернія не составляетъ исключенія. Въ такихъ же приблизительно условіяхъ находится и значительное большинство губерній Европейской Россіи“.

И вотъ, изъ той земельной лихорадки, которая трясетъ теперь все крестьянское населеніе, намѣчается пока только одинъ вѣроятный результатъ: сквозь споры, свары, раздоры, безпорядки, поджоги, убійства, разстрѣлы и всяческій развалъ крестьянской жизни, причиненный закономъ 9-го ноября, деревня идетъ къ созданію многомилліоннаго пролетаріата. Въ законѣ 9-го ноября одни сторонники его видятъ экономическую мудрость, другіе—политическую. Съ экономической точки зрѣнія едва ли можно назвать здравой ту систему на-

роднаго хозяйства, которая въ короткое время вырываетъ почву изъ-подъ ногъ милліона людей и обрекаетъ ихъ на нищенство, голодную безработицу и вообще нерадостную долю безпочвеннаго пролетарія. Съ политической точки зрѣнія... Неужели громада новаго озлобленнаго пролетаріата способна какимъ-либо образомъ укрѣпить покачнувшіеся устои государства? Конечно, сторонники закона 9-го ноября въ политическомъ мечтаніи своемъ возлагаютъ надежды не на пролетаріатъ, а на новосозданныхъ „крѣпкихъ собственниковъ-хуторянъ". На худой конецъ, они, предполагается, могутъ послужить буферами, которые первые окажутся на пути новаго народнаго движенія... Печальная политика, одной рукой создающая опустошительное наводненіе, а другой—поспѣшно строящая непрочныя плотины...

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Усиленная охрана, вмѣсто чрезвычайной, въ Петербургѣ и петербургской губерніи.— Законопроектъ о старообрядцахъ въ Государственномъ Совѣтѣ; рѣчи представителей чернаго и бѣлаго духовенства. — Разсужденіе о границахъ свободы совѣсти. — Пренія о финляндскомъ вопросѣ въ Государственномъ Совѣтѣ.

9-го іюля должно было окончиться *восьмое* полугодіе со времени объявленія С.-Петербурга и с.-петербургской губерніи въ состояніи чрезвычайной охраны. За мѣсяцъ до наступленія этого дня, 7-го іюня, состоялась замѣна чрезвычайной охраны усиленною, срокомъ по 4-ое сентября текущаго года. Если и признать, что лѣтомъ 1906-го года общественному порядку могла грозить серьезная смута, то основанія для опасеній исчезли очень скоро, еще раньше окончанія перваго полугодія; не случайно же предложеніе ходатайствовать о снятіи чрезвычайной охраны съ петербургской губерніи, внесенное въ с.-петербургское губернское земское собраніе — крайне сдержанное и осторожное—было отклонено, въ декабрѣ 1906-го года, большинствомъ только семи голосовъ (18 противъ 11). Конечно, отдѣльныя преступленія, иногда весьма крупныя, не прекращались и тогда, когда миновало тяжелое волненіе, вызванное роспускомъ первой Думы; но вѣдь не противъ нихъ направлена чрезвычайная охрана, какъ она опредѣлена положеніемъ 1881-го года. Законнымъ ея мотивомъ могли служить только такія посягательства, которыми населеніе

данной мѣстности „приведено въ тревожное состояніе, вызывающее необходимость примѣненія исключительныхъ мѣръ для безотлагательнаго возстановленія нарушеннаго порядка". Признаковъ такого состоянія въ Петербургѣ и петербургской губерніи давно уже не наблюдалось. Скажемъ болѣе: здѣсь давно уже нѣтъ достаточнаго повода и для усиленной охраны, установленной закономъ для тѣхъ случаевъ, когда „общественное спокойствіе въ какой-либо мѣстности нарушено преступнымъ посягательствомъ противъ существующаго государственнаго строя или безопасности частныхъ лицъ и ихъ имущества". Общественное спокойствіе въ Петербургѣ — и, тѣмъ болѣе, въ петербургской губерніи — можетъ считаться полнымъ и прочнымъ по меньшей мѣрѣ съ конца 1906-го года; посягательства позднѣйшаго времени, какъ бы они ни были серьезны сами по себѣ, не нарушали порядка и тишины, не требовали никакихъ мѣръ, кромѣ обычныхъ полицейскихъ розысковъ и судебныхъ преслѣдованій. Въ Высочайшемъ указѣ 7-го іюня общественный порядокъ признается *укрѣпленнымъ*. Это значитъ, что для поддержанія его вполнѣ достаточно тѣхъ обыкновенныхъ средствъ, которыми у насъ съ избыткомъ снабжена правительственная власть. Если изъ твердо установленной посылки дѣлается не тотъ выводъ, который она логически предполагаетъ, то это объясняется глубоко вкоренившейся привычкой къ крайностямъ произвола — привычкой, воспитанной непрерывнымъ, въ теченіе трехъ десятилѣтій, дѣйствіемъ всяческихъ исключительныхъ положеній. Нормальное представленіе о смыслѣ и цѣли усиленной охраны утрачено у насъ еще въ восьмидесятыхъ годахъ, когда она изъ временной, краткосрочной мѣры обратилась въ обычный способъ управленія.

А между тѣмъ, именно теперь особенно важно возвращеніе къ правильному взгляду на экстраординарныя охраны. Настанетъ же, наконецъ, моментъ разсмотрѣнія давно внесенныхъ въ Думу законопроектовъ о неприкосновенности личности и объ исключительномъ положеніи. Чрезвычайно важно, чтобы къ этому времени повсемѣстно— и особенно въ столицахъ — прекратилось дѣйствіе правилъ 1881-го года, неожиданно и незамѣтно обратившихся изъ временныхъ — въ постоянныя, изъ оружія борьбы—въ орудіе административнаго обихода. Чрезвычайно важно, чтобы законодательныя собранія, приступая къ обсужденію коренной основы правового государственнаго строя, имѣли передъ собою картину общественной жизни, регулируемой только нормальнымъ закономъ. Только тогда можно будетъ дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, при какихъ условіяхъ охрана личныхъ правъ, личной неприкосновенности должна уступать мѣсто охранѣ общественной безопасности и государственнаго порядка. Если проектированная регламентація исключительнаго положенія пройдетъ черезъ палаты и

станетъ закономъ при дѣйствіи правилъ 1881-го года, то соблазнительно легкимъ можетъ оказаться переходъ отъ старой формы „охраны“ къ новой — и то, что имѣетъ смыслъ лишь какъ рѣдкое уклоненіе отъ нормы, опять можетъ стать общимъ правиломъ... Не такъ велико, притомъ, различіе между охранами усиленной и чрезвычайной, чтобы замѣна послѣдней первою могла вызывать особую радость. Достаточно вспомнить, что и при усиленной охранѣ возможно свободное обращеніе къ военному суду — и, слѣдовательно, широкое примѣненіе смертной казни. Замѣтное облегченіе отмѣна чрезвычайной охраны можетъ принести только печати. Однимъ изъ послѣднихъ проявленій административнаго произвола въ этой области было запрещеніе „Финляндіи“—журнала, спокойно обсуждавшаго всѣ фазисы финляндскаго вопроса и отстаивавшаго права Финляндіи, нимало не упуская изъ вида интересовъ Россіи. Прекращеніе его въ данную минуту было тѣмъ болѣе несправедливо, чѣмъ чернѣе тучи, надвигающіяся на финскій народъ.

Говоря, въ предъидущей книжкѣ нашего журнала, объ обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ законопроекта, регулирующаго положеніе старообрядцевъ, мы коснулись лишь тѣхъ его пунктовъ, по которымъ верхняя палата разошлась не только съ Государственной Думой, но и съ видами правительства, выразившимися въ указахъ 17-го апрѣля 1905-го и 17-го октября 1906-го года. Остановимся теперь на другихъ сторонахъ преній, почему-либо характерныхъ и интересныхъ.

Такихъ сторонъ особенно много въ рѣчахъ представителей духовенства. Не оспаривая прямо компетентность законодательныхъ учрежденій въ рѣшеніи даннаго вопроса, не предлагая Государственному Совѣту отклонить законопроектъ, какъ неподлежащій его вѣдѣнію, іерархи православной церкви несомнѣнно находили неправильнымъ самый путь, на который вступила свѣтская власть въ знаменательный день 17-го апрѣля 1905-го года и съ котораго она послѣ того принципіально не сходила. „Самое разумное и справедливое“—сказалъ архіепископъ псковской — „было бы не подвергать въ вѣроисповѣдномъ дѣлѣ церковь риску случайныхъ голосованій гражданскихъ учрежденій внѣ-исповѣднаго характера. Слѣдовало бы отложить вѣроисповѣдное дѣло до установленія верховною властью совѣщанія съ соборомъ о нормахъ церковнаго и гражданскаго вмѣшательства въ церковныя дѣла“. Въ томъ же смыслѣ говорилъ и архіепископъ варшавскій, утверждая, что законопроектомъ о старообрядцахъ „государство вторгается въ область, чуждую ему по природѣ и не подлежащую его

компетенціи. Въ нашемъ русскомъ православномъ царствѣ всѣ опредѣленія церкви обязательны для государства, неизмѣнны и никѣмъ не отмѣняемы. Направлять явленія церковной жизни и опредѣлять къ нимъ отношенія можетъ только церковь, никто больше, черезъ соборъ, который является органомъ сознанія церкви. Церковь помогаетъ государству, исполняетъ законы государственные, а государство обязано прислушиваться къ тому, какъ учитъ церковь, и согласовать свои законы съ законами церковными". Въ законопроектѣ о старообрядцахъ архіепископъ варшавскій усматриваетъ нарушеніе правъ православной церкви, заключающееся, между прочимъ, въ „отмѣнѣ опредѣленій собора 1667-го года, осудившаго раскольниковъ, признавшаго ихъ мятежниками, раздорниками и непослушниками святой церкви. Постановленіе собора, вынесенное сонмомъ духовенства, съ участіемъ вселенскихъ патріарховъ, должно существовать и впредь. Теперь государство отмѣняетъ это постановленіе, находя его оскорбительнымъ для раскола, и переименовываетъ послѣдній въ старообрядчество. Этимъ государство произноситъ судъ надъ великимъ соборомъ, признаетъ дѣянія его неправильными и незаконными, оправдываетъ признанныхъ мятежниками, революціонерами церкви. Государство беретъ подъ свое покровительство враговъ церкви, осуждаетъ самую церковь".

На чемъ же зиждется основное положеніе, выдвигаемое архіепископами псковскимъ и варшавскимъ — положеніе, въ силу котораго вѣроисповѣдные законопроекты являются вторженіемъ, вмѣшательствомъ государства въ область, доступную только для церкви? Прямой ссылки на законъ мы въ рѣчахъ обоихъ іерарховъ не находимъ. Весьма вѣроятно, что они имѣли въ виду главу седьмую законовъ основныхъ, озаглавленную: „о вѣрѣ". Одна изъ статей этой главы (62-ая) провозглашаетъ православную церковь первенствующею и господствующею въ россійской имперіи; другая (64-ая) признаетъ императора, „яко христіанскаго государя, верховнымъ защитникомъ и хранителемъ догматовъ господствующей вѣры, блюстителемъ правовѣрія и всякаго въ церкви святой благочинія"; наконецъ, за силою ст. 65-ой, „самодержавная власть въ управленіи церковномъ дѣйствуетъ посредствомъ святѣйшаго правительствующаго синода, ею учрежденнаго". Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣми этими правилами установляется отношеніе верховной власти исключительно къ православной церкви, а не къ другимъ церквамъ и исповѣданіямъ, существующимъ въ Россіи. Послѣднихъ касаются ст. 66 и 67-ая той же главы—статьи, происхожденіе которыхъ восходитъ еще къ XVIII-му вѣку; въ управленіи ими синодъ никакого участія не принималъ и не принимаетъ. Законодательство, имѣющее предметомъ

юридическое положеніе инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій, личныя права ихъ послѣдователей, коллективныя права образуемыхъ ими соединеній, было и продолжаетъ быть дѣломъ одной свѣтской власти. Не отъ духовнаго вѣдомства исходили законодательные акты, опредѣлявшіе мѣру вѣротерпимости или религіозной свободы. И это не могло и не можетъ быть иначе. Истинное право не должно быть построено на чужомъ безправіи; изъ первенствующей, господствующей роли одного учрежденія не вытекаетъ, неизбѣжно и безусловно, рядъ правоограниченій для всѣхъ остальныхъ. Самое понятіе о господствующей церкви, разъ что оно перенесено на юридическую почву, можетъ быть установлено только государствомъ; отъ государства зависитъ и измѣненіе его. Предоставить церкви опредѣленіе границъ этого понятія и вытекающихъ изъ него заключеній—значило бы сдѣлать ее судьею въ собственномъ дѣлѣ. Рядомъ съ господствующею церковью у насъ издавна допускались другія вѣроисповѣдныя организаціи—допускались государствомъ, на условіяхъ, имъ выработываемыхъ и имъ же согласуемыхъ съ требованіями времени. Высочайшій указъ 17-го апрѣля ничѣмъ, съ этой точки зрѣнія, не отличается отъ законовъ 19-го апрѣля 1874-го и 3-го мая 1883-го года, открывшихъ новую эпоху въ исторіи раскола. Рѣшительный поворотъ къ свободѣ совѣсти столь же мало требовалъ и требуетъ согласія или одобренія православной церкви, какъ и первые, робкіе шаги въ этомъ направленіи. Руководствомъ для законодателя и тутъ, и тамъ одинаково служили и должны служить государственныя соображенія, чуждыя конфессіональнаго характера. Нѣтъ и не было, слѣдовательно, никакой причины откладывать разрѣшеніе болѣзненно назрѣвшаго вопроса до созыва церковнаго собора, въ кругъ дѣйствій котораго должны входить исключительно дѣла православной церкви и ея членовъ—членовъ не только по имени,—а не дѣла лицъ и союзовъ, стоящихъ внѣ церкви и не имѣющихъ съ нею ничего общаго.

Совершенно ошибочно утвержденіе, что государство, въ послѣднее время, произноситъ судъ надъ соборомъ 1667-го года, отмѣняетъ его опредѣленіе, признаетъ его дѣянія незаконными и неправильными. Судъ надъ соборомъ 1667-го года, въ смыслѣ всесторонней и объективной его оцѣнки, принадлежитъ исторіи: она одна можетъ взвѣсить обстоятельства, при которыхъ дѣйствовалъ соборъ, вліянія, которымъ онъ подвергался, зависимость его отъ времени и мѣста—и сообразно съ этимъ установить цѣну его дѣяній. Конечно, опредѣленіе собора можетъ быть *формально* отмѣнено только другимъ соборомъ, одинаковаго съ нимъ значенія и авторитета; но изъ того, что такая отмѣна еще не состоялась, нельзя выводить обязательность соборныхъ поста-

новленій для современнаго государства. Нисколько не касаясь вопроса о канонической правильности этихъ постановленій, свѣтская власть можетъ признать ихъ не отвѣчающими измѣнившимся условіямъ и, слѣдовательно, потерявшими значеніе указателя пути, которымъ подобаетъ идти свѣтскому законодательству. Если соборное опредѣленіе 1667-го года оставалось, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, руководящею нитью правительственной политики по отношенію къ расколу, то объясняется это именно длительнымъ согласіемъ между точкой зрѣнія, которую усвоила себѣ церковь, и настроеніемъ свѣтской власти. Когда это согласіе поколебалось—уменьшилась интенсивность стѣсненій и репрессій, которымъ подвергались сторонники раскола; когда оно уступило мѣсто прямому разномыслію—изъ свѣтскаго законодательства должно было исчезнуть самое понятіе о расколѣ. При Алексѣѣ Михайловичѣ мятежниками и раздорниками раскольники были одинаково въ глазахъ гражданской и церковной іерархіи; понятно, что общей почвой для той и другой были соборныя опредѣленія 1667-го года. Такому единодушію давно уже наступилъ конецъ,—и указъ 17-го апрѣля явился результатомъ медленно, но постоянно усиливавшагося движенія. Поворотъ назадъ, во имя начала, потерявшаго свою силу, представляется невозможнымъ. Опредѣленія церкви „неизмѣняемы“ для государства только въ той мѣрѣ, въ какой они прямо касаются церкви, одной лишь церкви. Еслибы основные законы и не провозглашали императора хранителемъ догматовъ и блюстителемъ правовѣрія, свѣтская власть не могла бы брать на себя ни пересмотра или толкованія догматовъ православной вѣры, ни разъясненія понятія о правовѣріи; но вѣдь ни о чемъ подобномъ и не идетъ рѣчь въ вѣроисповѣдныхъ указахъ и законопроектахъ. Они имѣютъ въ виду исключительно ту часть населенія, которая чужда православнымъ догматамъ и не считаетъ ихъ правовѣріемъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употреблено ст. 64-ою основныхъ законовъ. „Прислушиваться къ тому, какъ учитъ церковь“, государство *обязано* лишь на столько, на сколько церковь остается въ естественныхъ своихъ границахъ. Поставить государственные законы въ зависимость отъ церковныхъ, значило бы обречь первые на неподвижность, несвойственную ихъ природѣ. Исторія доказываетъ съ полною ясностью, что помощь церкви государству, пріобрѣтаемая цѣною эквивалентной помощи государства, одинаково вредна для обѣихъ сторонъ. Широкое развитіе церковной дѣятельности предполагаетъ свободу церкви отъ государственной опеки; успѣшное исполненіе задачъ, лежащихъ на государствѣ, предполагаетъ свободу государства отъ теократическихъ вліяній.

„Представьте себѣ“—читаемъ мы въ рѣчи преосвященнаго варшавскаго,—„что св. синодъ въ одно прекрасное утро вдругъ распу-

бликовалъ пастырское посланіе о томъ, что наказывать гражданскихъ, государственныхъ, политическихъ революціонеровъ оскорбительно и жестоко, что они имѣютъ право высказывать свои убѣжденія и увлекать другихъ и потому ихъ не слѣдуетъ преслѣдовать? Что сказалъ бы товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Курловъ? Онъ сказалъ бы: святые отцы, въ здравомъ ли вы умѣ"?—Аналогіи, здѣсь проводимой, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Нѣчто подобное ей можно было бы усмотрѣть развѣ въ томъ случаѣ, еслибы свѣтская власть потребовала отъ церкви безпрекословнаго принятія въ ея среду иначе вѣрующихъ или вообще въ чемъ-либо съ нею несогласныхъ. Такихъ требованій никто къ церкви не предъявляетъ: въ вѣроисповѣдныхъ законопроектахъ рѣчь идетъ только объ устройствѣ иновѣрцевъ внѣ православной церкви, безъ какого бы то ни было нарушенія ея внутреннихъ правилъ и порядковъ. Едва ли, съ другой стороны, церковь вышла бы за начертанныя для нея границы, еслибы, не оспаривая юридической правомѣрности тѣхъ или иныхъ дѣйствій свѣтской власти, выразила сомнѣніе въ моральной ихъ цѣнности, съ точки зрѣнія евангельской доктрины. Конечно, это едва ли понравилось бы полицейскимъ чинамъ и учрежденіямъ; но нравственно правой могла бы оказаться церковь, какъ правъ былъ архіепископъ миланскій Амвросій въ своемъ извѣстномъ обращеніи къ Ѳеодосію Великому, вызванномъ событіями въ Ѳессалоникахъ...

„Представьте себѣ"—продолжалъ архіепископъ варшавскій,—„что сказалъ бы министръ финансовъ, еслибы министры внутреннихъ дѣлъ, Дума и Государственный Совѣтъ порѣшили, пусть и фальшивыя бумаги и монеты ходятъ какъ настоящія... Что сказалъ бы военный министръ, еслибы ему доложили, что какіе-то мужики понадѣвали полковничьи и генеральскіе костюмы и въ нихъ ходятъ? Военные честь мундира считаютъ своего рода культомъ—но вѣдь здѣсь (т.-е. въ вопросѣ объ облаченіи старообрядческаго духовенства) не мундиръ, здѣсь побольше мундира: здѣсь сакраментальная вещь, освящаемое церковью облаченіе".—И эти примѣры нельзя признать подходящими къ данному случаю. Еслибы и можно было уподобить старообрядческую іерархію фальшивой монетѣ или бумагѣ, то вѣдь думскій законопроектъ клонился не къ тому, чтобы признать эту іерархію во всемъ равноцѣнною православной, а только къ тому, чтобы дать ей возможность свободнаго дѣйствія въ средѣ, для которой „подлинность" ея не подлежитъ никакому сомнѣнію. Что касается до военнаго министра, то справедливый гнѣвъ его могъ бы обрушиться на мужиковъ, *самозванно* надѣвающихъ на себя неприсвоенную имъ форму—а старообрядческому духовенству право носить церковное облаченіе предоставляется закономъ. Къ какимъ печальнымъ результатамъ преуве-

личенныя представленія о чести мундира приводятъ въ военной средѣ—это слишкомъ хорошо извѣстно; неужели желательно переносить ихъ въ другой міръ, по самому своему существу отъ нихъ далекій и имъ чуждый?.. Позволимъ себѣ и съ своей стороны привести одно сравненіе. Когда во Франціи, въ эпоху реставраціи и іюльской монархіи, существовала національная гвардія, ея офицерамъ была дана форма, во многомъ напоминавшая общевоенную; высшимъ чинамъ были, между прочимъ, присвоены эполеты. Это, конечно, было не совсѣмъ пріятно заправскимъ военнымъ; но неужели они меньше, вслѣдствіе этого, цѣнили свой мундиръ—и неужели онъ потерялъ прежнюю цѣну въ глазахъ населенія? Неужели истинному сыну православной церкви православный епископъ будетъ внушать меньше уваженія послѣ того, какъ можно будетъ видѣть сходное одѣяніе на „епископѣ по старообрядчеству"?

Обратимся теперь къ рѣчамъ одного изъ представителей бѣлаго духовенства, протоіерея Буткевича. Главный ихъ недостатокъ—фактическая неточность. По словамъ прот. Буткевича, „со временъ Петра Великаго ни одинъ императоръ не всходилъ на престолъ, не давая самыхъ широкихъ правъ и льготъ старообрядчеству въ области свободы совѣсти; но спустя немного времени тотъ же императоръ издавалъ уже распоряженія, въ значительной мѣрѣ стѣснявшія свободу совѣсти старообрядцевъ. Это явленіе извѣстный апологетъ старообрядчества Мельниковъ объяснилъ нашимъ государственнымъ режимомъ — самодержавіемъ, по которому верховная власть, давшая привилегіи, можетъ въ непродолжительномъ времени ихъ отнять. Современное намъ правительство всегда съ особенною гуманностью и предупредительностью относилось къ старообрядчеству". Мы желали бы знать, какія *широкія* права и льготы предоставилъ старообрядцамъ, въ первые годы своего царствованія, императоръ Николай I-ый? Онъ началъ прямо съ стѣснительныхъ мѣръ—и неуклонно продолжалъ развивать ихъ, все болѣе и болѣе ихъ обостряя, до самой своей смерти. Императоръ Александръ II-ой, ослабивъ, фактически, преслѣдованіе раскола, даровалъ ему первую — и единственную — *законную* льготу лишь на двадцатомъ году правленія (19-го апрѣля 1874-го года), льготу, притомъ, далеко не широкую и очень мало измѣнившую къ лучшему положеніе старообрядцевъ; но то немногое, что было имъ дано, не было взято имъ назадъ, и послѣдній періодъ его царствованія подготовилъ тотъ сравнительно-благопріятный для старообрядчества законъ (3-го мая 1883-го года), который былъ обнародованъ Александромъ III-мъ. Къ этому императору только и примѣнимы слова прот. Буткевича объ отмѣнѣ данныхъ сначала льготъ: дѣйствительно, въ рукахъ Побѣдоносцева зародыши терпимости, заключавшіеся въ законѣ 1883-го года,

глохли все больше и больше, пока, наконецъ, не началась и формально частичная ихъ отмѣна (правила 4-го іюля 1894-го года). Но вѣдь политика Побѣдоносцева продолжала господствовать и послѣ смерти Александра III-го, уступивъ мѣсто другому направленію лишь тогда, когда настала новая эпоха въ исторіи Россіи. Чему же приписать явное противорѣчіе между общей схемой, выставленной прот. Буткевичемъ, и реальнымъ ходомъ событій? Быть можетъ, поддержкѣ, которую онъ надѣялся найти въ приводимомъ имъ мнѣніи Мельникова [1])? Это мнѣніе имѣетъ чисто формальный характеръ: оно объясняетъ только, почему была юридически *возможна* отмѣна льготъ, однажды данныхъ, не касаясь побужденій, ее вызвавшихъ. Противникамъ старообрядчества пріятно напоминаніе о легкости, съ которою уничтожались принятыя въ его пользу мѣры; но вѣдь нельзя же забывать, что между прошлымъ и настоящимъ существуетъ, при всѣхъ чертахъ сходства, значительная разница. Возвращенію на прежнюю дорогу мѣшаетъ, помимо всего остального, самый размѣръ перемѣны, совершившейся 17-го апрѣля 1905-го года: одно дѣло—брать назадъ частичныя реформы, основанныя на снисхожденіи, совершенно другое—дать обратный ходъ преобразованію, предпринятому во имя справедливости.

Еще менѣе точной аргументація прот. Буткевича становится по мѣрѣ приближенія къ настоящему времени. Онъ говоритъ, что семь лѣтъ тому назадъ старообрядцы остались недовольны тѣмъ, что тогда дало имъ правительство, и настойчиво требовали себѣ свободы. Что же именно было имъ дано въ 1903-мъ году? Рѣшительно ничего, кромѣ неопредѣленныхъ обѣщаній манифеста 26-го февраля. Вопросъ о свободѣ совѣсти оставался въ прежнемъ положеніи, пока непредвидѣнныя обстоятельства, измѣнившія всю политическую конъюнктуру, не привели къ изданію указа 12-го декабря 1904-го, а затѣмъ и указа 17-го апрѣля 1905-го года. 5-го августа 1905-го года—продолжаетъ прот. Буткевичъ,—„въ Нижнемъ Новгородѣ былъ созванъ всероссійскій (старообрядческій) съѣздъ, на которомъ, по неосторожному внушенію губернатора, былъ поставленъ вопросъ, благодарить ли правительство за милости. Единогласно, въ числѣ 550 человѣкъ, съѣздъ постановилъ не благодарить, а порицать правительство за милости“. Старообрядцы выставляются, такимъ образомъ, людьми неблагодарными, всѣмъ недовольными, не знающими предѣла своимъ требованіямъ и не заслуживающими свободы. Что же оказывается на са-

[1]) Замѣтимъ, мимоходомъ, что Мельниковъ, долго состоявшій въ рядахъ преслѣдователей раскола, отнюдь не можетъ быть названъ *апологетомъ* старообрядчества. Даже въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ онъ его только съ большею или меньшею объективностью *изображаетъ*, вовсе его не защищая.

момъ дѣлѣ? Одинъ изъ участниковъ нижегородскаго съѣзда, г. Брилліантовъ, напечаталъ въ „Новомъ Времени“ (№ 12281) письмо, перечисляющее подлинныя резолюціи съѣзда. Рѣшено было благодарить, за труды „по проведенію въ жизнь вопроса о вѣротерпимости“, и С. Ю. Витте, и кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго, а Государю Императору представить адресъ, съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и благодарности за указъ 17-го апрѣля. Подписанъ былъ этотъ адресъ 76 тысячами старообрядцевъ разныхъ согласій. Въ своемъ отвѣтѣ г. Брилліантову прот. Буткевичъ, не поддерживая своихъ прежнихъ утвержденій, говоритъ о политическомъ скандалѣ, которымъ закончились оффиціальныя засѣданія нижегородскаго съѣзда, продолжавшагося, затѣмъ, въ видѣ частнаго собранія. Все это г. Брилліантовъ категорически отрицаетъ [1])—и безспорнымъ остается только одинъ фактъ, снимающій съ старообрядцевъ всякое подозрѣніе въ неблагодарности и фрондерствѣ: фактъ принесенія старообрядцами, согласно съ рѣшеніемъ нижегородскаго съѣзда, благодарственнаго адреса Государю Императору. Нельзя не пожалѣть, что въ преніяхъ Государственнаго Совѣта нашли мѣсто явно неосновательныя увѣренія.

Какъ протоіерей Буткевичъ, такъ и другой представитель бѣлаго духовенства, прот. Бѣликовъ, старались доказать, что свобода проповѣдыванія, которую Государственная Дума нашла возможнымъ предоставить старообрядцамъ, опасна для государства не меньше или даже больше, чѣмъ для церкви. „Неужели нужно“ — вопрошалъ прот. Бѣликовъ,—„чтобы безпоповщинское, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и поповщинское ученіе объ антихристѣ, мрачное и пессимистическое, ширилось и множилось въ нашемъ народѣ“? Конечно, государству это не нужно; но для него не опасно ученіе, съ котораго снятъ покровъ тайны, снята прелесть запрета — ученіе, ставшее „пессимистическимъ и мрачнымъ“, быть можетъ, именно подъ вліяніемъ преградъ, которыя встрѣчало, и невзгодъ, которыя влекло за собою открытое его выраженіе. Свобода проповѣди, притомъ, имѣетъ свои границы; наравнѣ со всѣми другими формами рѣчи, она подлежитъ, при злоупотребленіи ею, дѣйствію уголовнаго закона... Къ тому же выводу, какъ и прот. Бѣликовъ, приходитъ и прот. Буткевичъ; но исходныя ихъ точки существенно различны. Первый говоритъ о тѣхъ разновидностяхъ старообрядчества, которыя особенно далеки отъ церковной доктрины; второй подчеркиваетъ, наоборотъ, незначительность различій между церковью и старообрядчествомъ. Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, опасность, представляемая старообрядческой пропагандой для

[1]) См. „Новое Время“ № 12298.

государства? Если сама церковь признаетъ „уклоненія“ старообрядчества „не имѣющими существеннаго значенія и терпимыми“, то какимъ же образомъ государство можетъ быть заинтересовано въ наложеніи молчанія на „уклонившихся“?

Наиболѣе рѣшительно и прямолинейно вопросъ, обсуждавшійся въ Государственномъ Совѣтѣ, былъ поставленъ и разрѣшенъ однимъ изъ духовныхъ его членовъ—епископомъ вологодскимъ,—не во время преній, а въ особой брошюрѣ, напечатанной на правахъ рукописи и озаглавленной: „Свобода совѣсти имѣетъ свои границы“. Исходной ея точкой служитъ утвержденіе, что „совѣсть, потемненная грѣхопаденіемъ первозданнаго человѣка, не одинакова у людей“. Да, велѣнія и внушенія совѣсти могутъ быть различны—но различны не въ силу принадлежности къ различнымъ исповѣданіямъ, а въ силу многочисленныхъ и разнообразныхъ условій происхожденія, воспитанія, среды, обстановки, житейскаго опыта. Не такъ смотритъ на дѣло авторъ брошюры: у него идетъ рѣчь о совѣсти талмудиста, повелѣвающей причинять зло „гоямъ“, о совѣсти магометанина, повелѣвающей истреблять гяуровъ, о совѣсти католика, не препятствующей преслѣдованію лютеранъ и православныхъ, о совѣсти протестанта, допускающей такое же преслѣдованіе, только не такъ открыто. Какъ же опредѣляетъ авторъ совѣсть православнаго христіанина? Она требуетъ, по его словамъ, чтобы „насиліемъ и преслѣдованіемъ никто не былъ привлекаемъ даже къ святой, спасающей православной вѣрѣ, чтобы отношеніе ко всѣмъ людямъ было любовное и доброжелательное“. Кому же неизвѣстно, однако, что еще совсѣмъ недавно насиліе и преслѣдованіе служили обычными средствами привлеченія въ православіе—или удержанія въ немъ—и что починъ въ пользованіи этими средствами принадлежалъ, сплошь и рядомъ, іерархамъ православной церкви? Обращеніе къ „свѣтской рукѣ“ практиковалось священниками, епископами и синодомъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій; измѣнялись только формы воздѣйствія „свѣтскаго меча“, всегда оставаясь одинаково далекими отъ любви и доброжелательства. Этого достаточно, чтобы доказать ошибочность аргументаціи, исходящей изъ предполагаемаго превосходства одной вѣроисповѣдной совѣсти надъ всѣми другими.

Другая особенность разбираемой нами брошюры заключается въ непомѣрномъ расширеніи понятія о требованіяхъ, въ основу которыхъ кладется свобода совѣсти. „Мало ли чего“—говорятъ намъ—„захотятъ раскольники во имя правды и свободы своей совѣсти? Они захотятъ требовать, чтобы имъ отдали всѣ святыни наши историческія, напр. кремлевскіе соборы; они захотятъ—и, конечно дайте имъ свободу хотѣть, уже и хотѣли бы,—чтобы нашъ Государь перешелъ въ ихъ согласіе; вѣдь этого требуетъ ихъ совѣсть, а она вѣдь свободна“. *Сво-*

бода хотѣть никому не можетъ быть дарована, потому что ни у кого не можетъ быть отнята; но она не имѣетъ ничего общаго съ *правомъ требовать*, вытекающимъ изъ свободы совѣсти. Неразумныя желанія, едва ли основательно приписываемыя старообрядцамъ, при всякомъ законодательствѣ, даже самомъ благопріятномъ для старообрядчества, остались бы въ области неосуществимыхъ фантазій. Свобода совѣсти — это свобода вѣровать и безпрепятственно выражать свою вѣру, а не свобода отъ всѣхъ установленныхъ закономъ правилъ. Нельзя, слѣдовательно, связывать съ нею — какъ это дѣлаетъ авторъ брошюры—ниспроверженіе или нарушеніе всѣхъ государственныхъ и общественныхъ устоевъ. И когда авторъ ищетъ точекъ опоры для своего мнѣнія въ чемъ-либо иномъ, кромѣ произвольныхъ обобщеній, онъ не находитъ ничего другого, кромѣ ссылки на дѣйствующій законъ, т.-е. именно на то, что составляетъ предметъ спора. „Ужели—восклицаетъ онъ—давать раскольникамъ свободу привлекать къ себѣ въ расколъ всю Русь православную?“ — и отвѣчаетъ: „слава Богу, основные законы предоставляютъ это право (т.-е. право распространенія своего вѣроученія) исключительно только церкви православной“.

Глубокимъ нерасположеніемъ къ старообрядчеству проникнуты рѣчи и писанія православныхъ іерарховъ. Не угасли, очевидно, тѣ чувства, яркимъ выраженіемъ которыхъ служили еще недавно отчеты К. П. Побѣдоносцева, какъ синодальнаго оберъ-прокурора; не исчезла привычка видѣть въ иновѣріи опасную *заразу*. „Помнить надо“ — говоритъ епископъ вологодскій,—„что всякое лжеученіе, въ томъ числѣ и расколъ, *заражено* страшною гордынею: просимъ мы, служители церкви, повѣрить намъ въ этомъ на слово—вся религіозная жизнь (раскола) въ ея проявленіи, въ ея дѣлахъ зиждется на безсознательномъ лицемѣріи: нѣсмы якоже прочіи человѣцы“. Не могутъ, въ особенности, высшіе представители духовенства примириться съ переименованіемъ раскола и раскольниковъ въ старообрядчество и старообрядцевъ—переименованіемъ, составляющимъ одно изъ великихъ достоинствъ указа 17-го апрѣля. Самая элементарная государственная мудрость подсказывала необходимость пожертвовать словомъ, чтобы подвинуть впередъ дѣло. Устранить терминъ, служившій символомъ ненависти, налагавшій какъ бы клеймо на преслѣдуемое ученіе—значило сдѣлать первый шагъ къ погашенію вѣковой вражды, въ значительной мѣрѣ основанной на недоразумѣніи. Но именно это, очевидно, и возмущаетъ сторонниковъ традиціи, недавно господствовавшей въ оффиціальныхъ сферахъ. Архіепископъ исковской „считаетъ старообрядцевъ раскольниками, ибо такъ велитъ церковь. Самое названіе: старообрядцы — обидно для православной церкви, ибо выходитъ, что всѣ право-

славные—новообрядцы. Если называть доктриной ученіе раскола, то справедливо назвать его *старообрядовѣріемъ*, ибо они вѣрятъ въ букву". „И почему это такая милость къ раскольникамъ"!—восклицаетъ епископъ вологодскій.—„Насъ хотятъ заставить величать ихъ лжеіерарховъ и поповъ священнослужителями, а вотъ намъ хотятъ запретить называть ихъ такъ, какъ велитъ намъ наша православная совѣсть. Вѣдь ужъ если уваженіе къ совѣсти и убѣжденію, такъ и намъ дайте сію свободу! Позвольте и намъ именовать ихъ такъ, какъ велитъ намъ церковь своими канонами, а не мірская власть ея законами". Такую свободу едва ли кто-либо станетъ оспаривать у православныхъ іерарховъ; весь вопросъ въ томъ, какъ велика ея внутренняя цѣнность... Отмѣтимъ, въ заключеніе, еще одну черту, особенно рельефно отразившуюся въ брошюрѣ епископа вологодскаго: отношеніе къ массѣ православныхъ какъ къ „простецамъ", „младенцамъ вѣры", „младенчествующимъ въ вѣрѣ", беззащитнымъ противъ соблазна и нуждающимся, поэтому, въ охранѣ „гражданскаго закона"...

Финляндскому вопросу въ этой книжкѣ нашего журнала посвящена особая статья. Ограничимся, поэтому, указаніемъ нѣсколькихъ эпизодовъ, особенно ярко выступающихъ на фонѣ преній Государственнаго Совѣта.

Не было, кажется, еще ни одного важнаго вопроса, разсмотрѣніе котораго въ Государственномъ Совѣтѣ обходилось бы безъ явнаго и рѣзкаго нарушенія предсѣдателемъ предѣловъ его власти и его роли. Чаще чѣмъ когда-либо такія нарушенія повторялись во время обсужденія финляндскаго законопроекта. Уже въ самомъ началѣ послышался окрикъ по адресу Д. Д. Гримма: „говорите покороче!"—окрикъ, совершенно не соотвѣтствующій характеру отношеній между предсѣдателемъ и членами законодательнаго учрежденія. Внѣшняя постройка рѣчи зависитъ исключительно отъ самого оратора; никто не имѣетъ права предписывать ему тотъ или другой способъ развитія его мысли. Въ крайнемъ случаѣ предсѣдатель можетъ просить—именно *просить*, не прибѣгая къ повелительному наклоненію,—о неповтореніи сказаннаго однажды; но требовать краткости можетъ только сама палата, путемъ назначенія максимальнаго срока для каждой рѣчи, кѣмъ бы она ни была произносима. И въ какой моментъ прервалъ М. Г. Акимовъ рѣчь Д. Д. Гримма? Именно тогда, когда послѣдній доказывалъ необходимость предоставленія финляндскому сейму, въ опредѣленіи границъ общеимперскаго законодательства, *рѣшающаго* голоса — т.-е. касался одной изъ важнѣйшихъ сторонъ финляндскаго вопроса.

Въ первомъ обращеніи къ Д. Д. Гримму не было, по крайней мѣрѣ, элемента наставительнаго, учительскаго, напоминающаго выговоръ начальника подчиненному. Нельзя сказать того же самаго о дальнѣйшихъ перерывахъ. И. О. Корвинъ-Милевскій, возражая противъ включенія Финляндіи въ кругъ дѣйствій Правительствующаго Сената, замѣтилъ, что при нынѣшнемъ настроеніи Сенатъ въ десяти строкахъ можетъ разъяснить Финляндію въ Туркестанскую область. Предсѣдатель остановилъ его словами: „вы не имѣете права такъ выражаться о Правительствующемъ Сенатѣ. Вы имѣете право критиковать, но злословить здѣсь нельзя". Болѣе чѣмъ спорной представляется первая часть этого замѣчанія. Способъ разъясненій, принятый Сенатомъ съ осени 1906-го года, безчисленное множество разъ подвергался осужденію гораздо болѣе рѣзкому, чѣмъ выраженное въ словахъ И. О. Корвинъ-Милевскаго. Недопустима въ законодательномъ учрежденіи только грубая или неприличная форма критики, но совершенно законна иронія, совершенно позволителенъ сарказмъ, дальше котораго не шелъ, въ данномъ случаѣ, членъ Государственнаго Совѣта... Вторая часть замѣчанія заключала въ себѣ прямое оскорбленіе оратора: обвинять своего сочлена въ *злословіи* предсѣдатель столь же мало имѣетъ право, какъ и обвинять его въ какомъ бы то ни было другомъ преступленіи или проступкѣ.

И. Г. Каменскій высказалъ въ своей рѣчи предположеніе, что народы западной Европы не отнесутся равнодушно къ судьбѣ Финляндіи. Предсѣдатель сдѣлалъ ему слѣдующее замѣчаніе: „вы вступаете въ общеполитическія сужденія. Прошу васъ оставить эти разсужденія. Ваша политическая дальновидность въ данномъ случаѣ идетъ въ ущербъ достоинству Россіи и такія рѣчи здѣсь нетерпимы". Трудно понять, почему въ собраніи, призванномъ къ рѣшенію политическихъ вопросовъ, неумѣстны „общеполитическія сужденія"; еще труднѣе объяснить себѣ, какимъ образомъ рѣчь отдѣльнаго лица, говорящаго исключительно отъ своего собственнаго имени, можетъ „идти въ ущербъ достоинству Россіи". Стѣсненіе свободы слова—плохое средство огражденія національной чести. Всего болѣе достоинство Россіи страдало именно тогда, когда оно охранялось искусственно водворяемымъ молчаніемъ. Едва ли, наконецъ, подобаетъ предсѣдателю насмѣшливый тонъ, звучащій въ словахъ: „политическая дальновидность".

Когда, въ послѣднемъ засѣданіи, посвященномъ финляндскому вопросу, совершенно ясной стала твердая рѣшимость большинства Государственнаго Совѣта провести законопроектъ безъ какихъ бы то ни было въ немъ измѣненій, Д. Д. Гриммъ воскликнулъ, въ короткой рѣчи: „я вижу, что кромѣ забронированнаго бюджета бываютъ забронированные отъ поправокъ законопроекты". На этомъ мѣстѣ его пре-

рвалъ предсѣдатель. „Я бы васъ просилъ“—сказалъ М. Г. Акимовъ—„о забронированныхъ проектахъ не распространяться. Вы бросаете вызовъ большинству, на что можете получить надлежащій отвѣтъ. Прошу безъ замѣчаній“. Неудивительно, что послѣдствіемъ этого перерыва явился выходъ многихъ членовъ Совѣта изъ залы засѣданій. Болѣе обиднаго отношенія предсѣдателя къ оппозиціи, въ лицѣ одного изъ видныхъ ея ораторовъ, нельзя себѣ и представить. Что это за „надлежащій отвѣтъ“, который могъ быть данъ большинствомъ на слова Д. Д. Гримма? И какой „вызовъ“ заключали въ себѣ эти слова? Они были ничѣмъ инымъ, какъ картиннымъ выраженіемъ мысли, вслѣдъ затѣмъ повторенной Д. Д. Гриммомъ въ болѣе простой формѣ и не вызвавшей протеста со стороны предсѣдателя. „Я заявляю—сказалъ Д. Д. Гриммъ, сходя съ каѳедры,—что, въ виду безнадежности обсужденія дальнѣйшихъ поправокъ, я ихъ снимаю“. То же самое, въ другихъ словахъ, высказалъ и Н. С. Таганцевъ, чуждый всякихъ оппозиціонныхъ настроеній. Онъ внесъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими членами Совѣта, поправку къ одному изъ пунктовъ пресловутаго перечня, который совершенно основательно представлялся ему „въ высшей степени неопредѣленнымъ“. „Справедливость изложенныхъ мною соображеній“ — заявилъ онъ вслѣдъ за инцидентомъ съ Д. Д. Гриммомъ — „остается для меня безусловной и теперь, но, *въ виду тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ происходитъ обсужденіе законопроекта*, я не считаю нужнымъ поддерживать эту поправку“. Развѣ этимъ заявленіемъ не подтверждена, вполнѣ и безусловно, параллель, проведенная Д. Д. Гриммомъ между забронированнымъ бюджетомъ и забронированнымъ законопроектомъ? Если въ этой параллели есть недостатокъ, то развѣ тотъ, что она слишкомъ благопріятна для законопроекта. Въ самомъ дѣлѣ, бюджетъ забронированъ закономъ, который можно критиковать, но нельзя, пока онъ не отмѣненъ, не исполнять, — а финляндскій законопроектъ былъ забронированъ только предвзятымъ рѣшеніемъ большинства Государственнаго Совѣта.

Что такое рѣшеніе состоялось, что законопроектъ, въ видахъ скорѣйшаго его утвержденія, дѣйствительно былъ забронированъ отъ поправокъ, которыя потребовали бы созыва согласительной коммиссіи и, слѣдовательно, отсрочки до осенней сессіи—это стало совершенно ясно еще до перехода къ постатейному обсужденію. Когда въ законопроектѣ, разсматриваемомъ законодательнымъ собраніемъ, обнаруживается пробѣлъ, требующій пополненія, естественнымъ или, лучше сказать, единственнымъ для того средствомъ представляется поправка. Такой пробѣлъ былъ усмотрѣнъ Государственнымъ Совѣтомъ въ статьѣ проекта, предоставляющей Государственной Думѣ передавать на заключеніе финляндскаго сейма тѣ дѣла, которыя не были сообщены ему

совѣтомъ министровъ. Сторонники проекта нашли — и это съ ихъ точки зрѣнія было логично, — что такимъ же правомъ долженъ быть облеченъ и Государственный Совѣтъ. Отсюда, очевидно, вытекала необходимость соотвѣтственной поправки. Большинство предпочло, однако, пойти другимъ путемъ, примѣнимымъ только при совершенно другихъ условіяхъ: путемъ пожеланія, понятнымъ лишь тогда, когда цѣль можетъ быть достигнута только изданіемъ особаго закона. На это было указано двумя членами Государственнаго Совѣта (кн. А. Д. Оболенскимъ и С. С. Манухинымъ). Возражая имъ отъ имени большинства коммиссіи, П. Н. Дурново прямо сослался на спѣшность проекта, принятіе котораго могло бы быть замедлено поправкой. Съ этого момента для сомнѣній относительно намѣреній большинства не оставалось больше мѣста — и Д. Д. Гриммъ ограничился тѣмъ, что подчеркнулъ лишній разъ для всѣхъ ясный фактъ.

Въ печати, даже нерасположенной къ финляндскому законопроекту, неоднократно воздавалась хвала Государственному Совѣту за безупречную форму преній, за спокойствіе и достоинство, съ которымъ они были ведены и приведены къ заранѣе намѣченному концу. Не лишенными основанія такіе отзывы могутъ казаться лишь до тѣхъ поръ, пока рѣчь идетъ о сравненіи Государственнаго Совѣта съ Государственной Думой. Большинство Думы, спѣша исполнить заданную ему задачу, забыло о парламентскихъ приличіяхъ, забыло о правахъ меньшинства и обратило глубоко важное дѣло въ какое-то плохо поставленное и еще хуже исполненное театральное „дѣйство“. Присматриваясь поближе къ обсужденію финляндскаго законопроекта въ Государственномъ Совѣтѣ, нельзя не замѣтить, однако, что и оно страдало тѣми же недостатками, только прикрытыми внѣшнею сдержанностью и привычкою къ самообладанію. Что въ практикѣ всѣхъ вообще законодательныхъ собраній конечный результатъ преній, на сколько онъ касается самой сути разсматриваемаго вопроса, часто бываетъ заранѣе предопредѣленъ — это безспорно: но это еще не значитъ, что заранѣе же осуждены на неудачу всѣ попытки частичныхъ улучшеній, хотя бы онѣ исходили отъ сторонниковъ законопроекта, отъ членовъ большинства собранія. Совершенно несовмѣстной съ призваніемъ законодательнаго учрежденія является рѣшимость принять проектъ со всѣми его пробѣлами и недостатками, лишь бы только покончить съ нимъ къ данному сроку. Что финляндскій законопроектъ страдалъ серьезнѣйшими дефектами, что нѣкоторые изъ нихъ, для всѣхъ очевидные, могли быть устранены или смягчены безъ отступленія отъ его основной мысли — это не подлежитъ никакому сомнѣнію: и если онъ принятъ Госуд. Совѣтомъ en bloc, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ Госуд. Думы — т. е.

въ видѣ еще худшемъ, чѣмъ первоначальный, — то мы не видимъ причины ставить верхнюю палату, въ этомъ фазисѣ ея дѣятельности, выше нижней. И ради чего обѣ палаты такъ торопились съ проведеніемъ реформы? Что мѣшало имъ подождать до осени, когда онѣ имѣли бы передъ собою цѣлую сессію, а не нѣсколько недѣль или дней? Въ чемъ заключалась та опасность промедленія (periculum in mora), которая одна только можетъ оправдать или, по крайней мѣрѣ, извинить законодательствованіе съ быстротою курьерскаго поѣзда?

„Если существуютъ длинные періоды для обдумыванія, то существуютъ историческія минуты для рѣшенія". Такъ закончилъ предсѣдатель совѣта министровъ рѣчь, сказанную имъ въ Государственномъ Совѣтѣ во время общихъ преній по финляндскому законопроекту. Да, бываютъ историческія минуты, когда необходимо рѣшеніе—рѣшеніе безотлагательное, немедленное. Наступаютъ онѣ тогда, когда на картѣ стоитъ будущность государства или народа, когда голосъ жизни не оставляетъ мѣста для сомнѣній и колебаній. Такую минуту, напримѣръ, переживала Россія 17-го октября 1905-го года или еще раньше, наканунѣ 19-го февраля. Но что же заставляло спѣшить съ установленіемъ общеимперскаго законодательства? Развѣ были исчерпаны всѣ болѣе мирные, болѣе нормальные пути, ведущіе къ той же цѣли? Развѣ было испытано, безъ успѣха, соглашеніе съ финляндскимъ сеймомъ, на почвѣ несомнѣнно принадлежащаго ему права? И развѣ можетъ считаться *рѣшеніемъ* законъ декларативнаго характера, только готовящій, но не производящій перемѣну въ содержаніи финляндскаго законодательства? „Историческую минуту" нельзя, притомъ, понимать буквально: она измѣряется не днями, а мѣсяцами, иногда годами. П. А. Столыпинъ убѣждалъ Государственный Совѣтъ доказать, что „дарованныя Государемъ Россіи новыя законодательныя учрежденія считаютъ своимъ долгомъ свято охранять *принадлежащее всему государству*". Какъ бы велика ни была готовность Государственнаго Совѣта послѣдовать этому призыву, она не освобождала его отъ обязанности тщательно разобраться въ томъ, что же именно, въ области отношеній между имперіей и великимъ княжествомъ, „принадлежитъ всему государству"? Эту обязанность Государственный Совѣтъ не исполнилъ, отклонивъ, de facto, повѣрку демаркаціонной черты между мѣстными и общими дѣлами—черты, проведенной совершенно произвольно, ко вреду Финляндіи и безъ всякой пользы для имперіи.

Finis Finlandiae! — воскликнулъ, торжествуя и ликуя, одинъ изъ наиболѣе безцеремонныхъ глашатаевъ новоявленнаго русскаго націонализма, когда финляндскій законопроектъ получилъ одобреніе Государственной Думы. Предсѣдатель совѣта министровъ не сулитъ Финляндіи

такой участи: онъ говоритъ о „сохраненіи полнаго уваженія къ финляндской автономіи, къ финляндскимъ привилегіямъ“. Восклицанію г. Пуришкевича нельзя, однако, отказать въ одномъ достоинствѣ: оно вѣрно выражаетъ собою намѣреніе и цѣль законопроекта. Другое дѣло—если разсматривать его какъ пророчество. Прошедшее Финляндіи ручается за ея будущее. Народъ, въ короткое время создавшій высокую культуру, перенесетъ предстоящія ему испытанія, какъ бы они ни были тяжелы и продолжительны. Сохранитъ свои особенности и страна, которую онъ населяетъ. Если не оправдались слова Костюшки, если Польша, переставъ быть государствомъ, не перестала быть національнымъ цѣлымъ, если единству польской мысли и польскаго чувства не мѣшало и не мѣшаетъ включеніе поляковъ въ составъ трехъ имперій, то еще меньше основаній ожидать „конца Финляндіи“. Пускай о немъ мечтаютъ слѣпые поклонники минутнаго успѣха; русскому народу, сила котораго не зависитъ отъ чужой слабости, „конецъ Финляндіи“ не нуженъ.

НОВЫЙ ТРУДЪ ПО ИСТОРІИ ИСКУССТВА

— *Игорь Грабарь*, Исторія русскаго искусства. Москва. Выпускъ первый.

Такъ мало у насъ хорошихъ книгъ по искусству вообще, что всякое, даже небольшое изслѣдованіе въ этой области обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто глядитъ на искусство, какъ тюремный сидѣлецъ на далекое золотое солнце. Вполнѣ понятно, какой глубокій интересъ должно вызвать появленіе перваго выпуска восьмитомнаго труда, посвященнаго исторіи русскаго искусства. Вѣдь у насъ до сихъ поръ не было исторіи не только русскаго искусства, но и отдѣльныхъ его моментовъ, представленныхъ въ связи другъ съ другомъ. То немногое, что большая публика знаетъ о русскомъ искусствѣ изъ рѣдкихъ у насъ монографій и отдѣльныхъ журнальныхъ статей, по большей части случайныхъ и неполныхъ, ничтожно по сравненію съ коллективнымъ трудомъ, охватывающимъ все развитіе русскаго искусства, съ самаго зарожденія его самобытности до нашихъ временъ. Планъ этого изданія, задуманнаго художникомъ Игоремъ Грабаремъ, вполнѣ разработанъ въ основныхъ частяхъ: сорокъ выпусковъ образуютъ восемь томовъ, изъ которыхъ три первыхъ по-

свящаются исторіи архитектуры, три слѣдующихъ—исторіи живописи, седьмой—исторіи скульптуры, восьмой и послѣдній—исторіи декоративнаго и прикладного искусства.

Вышедшій въ свѣтъ первый выпускъ почти весь посвященъ „Введенію въ исторію русскаго искусства", написанному Игоремъ Грабаремъ и указывающему на серьезность предпринятаго дѣла. Тѣ немногія данныя, на которыхъ основывался у насъ взглядъ на памятники русскаго искусства, подлежали тщательной повѣркѣ. И когда эта трудная и кропотливая работа была сдѣлана, то многое, въ особенности въ области стараго искусства, оказалось въ концѣ переоцѣненнымъ. Традиціонные, часто очень фантастическіе взгляды на тотъ или другой памятникъ художественной старины должны были уступить мѣсто новымъ выводамъ, покоящимся не на вѣрѣ въ преданіе и основаннымъ не на наивныхъ измышленіяхъ досужихъ любителей. Тщательныя архивныя изысканія и не любительскій, а серьезный научный методъ изслѣдованія памятниковъ русской старины привели Грабаря къ цѣннымъ открытіямъ и къ заключеніямъ, продиктованнымъ не только настойчивой пытливостью, но и талантливымъ пониманіемъ культурнаго и умнаго художника. „Вдохновеніе нужно въ геометріи какъ и въ поэзіи"—говоритъ Пушкинъ. Даже и въ такой, казалось бы, сухой области, какъ архивная работа или обмѣръ колоннъ стараго зданія, необходимо интуитивное прозрѣніе. А оно можетъ быть на лицо лишь тогда, когда у работника есть любовь къ своему дѣлу. Тогда и работа для него уже не работа, а счастье, и трудъ его приводитъ къ счастливому синтезу.

„Было ли когда-либо и есть ли теперь въ Россіи великое искусство?—спрашиваетъ Грабарь.—Были ли созданы здѣсь художественныя сокровища, если и не такого масштаба, какъ храмы и статуи античнаго міра, то все же цѣнности, могущія имѣть не мѣстный, русскій интересъ, не только провинціальные отголоски великихъ европейскихъ мыслей и чувствъ, но и подлинно великія творенія, достойныя занять видное мѣсто во всемірной сокровищницѣ искусствъ? Было ли и есть ли въ Россіи такое искусство?.. На вопросъ, есть ли сейчасъ, на зарѣ XX-го вѣка, въ Россіи великое искусство, отвѣтить никто не можетъ и отвѣчать никто не въ правѣ, ибо судить объ этомъ не намъ, современникамъ. Опытъ недавняго прошлаго, рядъ грубыхъ ошибокъ и смѣшныхъ по своей нелѣпости приговоровъ, еще такъ недавно сдѣланныхъ европейской художественной критикой по цѣлому ряду вопросовъ современности, заставляетъ относиться съ величайшей осторожностью къ сужденіямъ обо всемъ, что намъ слишкомъ близко и въ чемъ мы сами живемъ и участвуемъ. На вопросъ, было ли въ Россіи великое искусство, мы въ правѣ безъ малѣйшаго

колебанія отвѣтить: да, оно было. Россія въ своемъ прошломъ имѣетъ такихъ блестящихъ мастеровъ, такихъ по истинѣ великихъ зодчихъ, живописцевъ, скульпторовъ и декораторовъ, что имена ихъ она съ гордостью можетъ противопоставить именамъ многихъ мастеровъ запада".

Къ числу наиболѣе оригинальныхъ выводовъ Грабаря принадлежитъ утвержденіе, что русскій народъ обладаетъ исключительной архитектурной одаренностью, проявляющейся на протяженіи всей русской исторіи и выражающейся въ чутьѣ пропорцій, въ пониманіи силуэта, въ декоративномъ инстинктѣ и въ изобрѣтательности формъ. „Еслибы — говоритъ Грабарь — у кого-нибудь могло возникнуть сомнѣніе насчетъ возможности приписывать эти свойства народу, среди котораго работало такъ много иностранцевъ, то достаточно указать на русскій сѣверъ, съ его деревяннымъ зодчествомъ, созданнымъ исключительно русскими мастерами. Самобытность его формъ не можетъ вызывать никакихъ сомнѣній". Что касается, въ частности, иностранцевъ, то здѣсь такія крупныя въ исторіи русской архитектуры величины, какъ напримѣръ Растрелли-сынъ, Фельтенъ, Росси, Бове, Жилярди, не должны разсматриваться какъ иностранцы: вѣдь не считаются же иностранцами Фонвизинъ, Герценъ, Фетъ, Чайковскій, Кипренскій, Ге, Левитанъ. И это потому, что творчество ихъ подлинно русское. „Если французъ Жанъ Булонь, переѣхавъ въ Италію, становится чистокровнымъ итальянцемъ Джованни да-Болонья и принадлежитъ безусловно Италіи, а не Франціи, какъ итальянецъ Росетти — Англіи, или нѣмцы Буль и Ризенеръ—Франціи, то съ тѣмъ бо̀льшимъ правомъ Россія можетъ и должна считать въ числѣ лучшихъ своихъ сыновъ тѣхъ византійскихъ и итальянскихъ мастеровъ, которые наѣзжали въ нее какъ на зарѣ русскаго искусства, такъ и въ эпоху его расцвѣта. Еще съ бо̀льшимъ правомъ принадлежатъ Россіи тѣ художники, которые, нося нерусскія имена, не только родились уже въ Россіи отъ выписанныхъ изъ-за моря отцовъ, но и выросли въ ней, воспитались на произведеніяхъ русскаго искусства и ѣздили въ чужіе края только для довершенія своего образованія, какъ ѣздятъ пенсіонеры всякой академіи художествъ".

Со временъ знаменитаго французскаго архитектора и историка Віоле-ле-Дюка установилось мнѣніе, что церковь Рождества Богородицы на Путинкахъ, противъ Страстного монастыря въ Москвѣ (XVII в.), является однимъ изъ лучшихъ образцовъ самобытнаго русскаго стиля. Не соглашаясь съ этимъ взглядомъ, Грабарь очень краснорѣчиво и убѣдительно указываетъ съ одной стороны на самобытность величаваго и суроваго зодчества Новгорода и Пскова, на храмы Владиміро-Суздальской Руси и на деревянное зодчество, съ другой стороны—

на позднѣйшую, не менѣе самобытную архитектуру, хотя бы, напримѣръ, на Казакова или Дементія Жилярди въ Москвѣ и Воронихина или Захарова въ Петербургѣ (Александровскій классицизмъ). Якобы русскій стиль архитектора Тона (строителя храма Христа Спасителя) и пресловутый „пѣтушковый" стиль Ропета-Стасова также получаютъ у Грабаря должную оцѣнку. Вообще часть введенія, касающаяся русской архитектуры, написана съ большой убѣдительностью и заставляетъ съ интересомъ ждать выхода въ свѣтъ выпусковъ, подтверждающихъ и подробно иллюстрирующихъ интересныя положенія, высказанныя авторомъ въ его введеніи лишь вскользь.

Исторія русской живописи, скульптуры, декоративнаго и прикладного искусства даетъ автору гораздо меньше данныхъ для новыхъ словъ, чѣмъ исторія русской архитектуры. Но и здѣсь наталкиваешься на цѣнныя замѣчанія и своеобразные выводы. Подходя къ нашимъ днямъ, авторъ дѣлается въ своихъ сужденіяхъ, быть можетъ, слишкомъ осторожнымъ и лаконичнымъ. Однако надо помнить, что передъ нами лишь введеніе, и требовать здѣсь отъ автора всесторонняго освѣщенія предмета было бы несправедливо.

Заканчивая главу о русской живописи упоминаніемъ о многочисленныхъ и разнообразныхъ, борющихся другъ съ другомъ направленіяхъ, Грабарь останавливается на вопросѣ: гдѣ же истина? кто правъ и кто неправъ? „Или все искусство есть только безпорядочная бѣшеная скачка, гдѣ гибнутъ отсталые, которыхъ неизбѣжно растопчутъ мчащіеся впереди? Но чѣмъ инымъ можетъ быть искусство, когда сама жизнь часто похожа на такую скачку? Однако не каждый разъ, когда топчутъ человѣка, онъ умираетъ, и не всегда, когда онъ умираетъ, умираетъ и все имъ содѣянное. Придутъ иныя времена—и то, что̀ растоптано въ пылу страстей, оживетъ вновь, если въ немъ когда-либо теплилась искра. Въ искусствѣ нѣтъ ни правыхъ, ни виновныхъ, а есть лишь сильные и слабые, есть одаренные и недаровитые, и неправый геній обладаетъ волшебной властью убѣждать насъ въ своей правотѣ, тогда какъ никто не вѣритъ въ правоту безталаннаго, хотя бы онъ тысячу разъ былъ правъ".

Конечно, объективной правотѣ въ искусствѣ дѣлать нечего. Несомнѣнно, что къ искусству примѣнимы лишь категоріи силы и слабости. Но авторъ напрасно говоритъ здѣсь о недаровитыхъ и безталанныхъ. Вѣдь они внѣ искусства. Никакое, даже мимолетное проявленіе художникомъ своей силы въ области искусства немыслимо безъ дара, безъ таланта. Что касается терминовъ силы и слабости, то ихъ хотѣлось бы понимать какъ бо̀льшую силу и силу же, но меньшую. Слабость въ смыслѣ отсутствія силы—опять-таки терминъ, къ искусству непримѣнимый. Только сила, сила творца, творческая

энергія вводитъ въ кругъ искусства. Тамъ, гдѣ нѣтъ ея—нѣтъ искусства, ибо искусство есть прежде всего творчество. Измѣреніе степени напряженія этой энергіи есть дѣло историка искусства. И такъ бы хотѣлось видѣть этотъ методъ художественной критики примѣненнымъ къ раскрытію преемственной связи между отдѣльными произведеніями русскаго искусства.

Какъ бы то ни было, „Введеніе“ Грабаря обѣщаетъ многое, а по увѣренности автора въ значительности предпринятаго труда чувствуется, что и выполнено будетъ многое. Русское искусство ждетъ оцѣнки, достойной его величія.

Конст. Эрбергъ.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

Андрей Бѣлый задумалъ трилогію: „Востокъ и Западъ“. Хотя пока мы имѣемъ только первую часть ея—повѣсть „Серебряный Голубь“,—но и по этой части можно уже довольно ясно представить себѣ кругъ идей, на которомъ сосредоточилось вниманіе московскаго символиста. Въ сущности, это — давно знакомыя славянофильскія построенія, за послѣднее время воскрешенныя и слегка видоизмѣненныя нѣкоторыми изъ нашихъ модернистовъ.

Два взаимно противоположныхъ міра, два культурно-историческихъ типа, Востокъ и Западъ, столкнулись на почвѣ русской жизни и раскололи русскій національный организмъ на два враждебныхъ лагеря—интеллигенцію и массу. Этотъ расколъ обусловливаетъ глубокую болѣзнь и въ сознаніи отдѣльныхъ личностей, и въ жизни всего народа, болѣзнь настолько серьезную, что намъ грозитъ погибель, если мы не съумѣемъ найти синтеза обуревающихъ насъ противоположностей, если не возсоздадимъ всенароднаго культурнаго единства. У различныхъ нашихъ мыслителей эта общая идея прилагалась къ различнымъ сторонамъ дѣйствительности, облекалась въ различныя формы. У Андрея Бѣлаго она развертывается въ рядѣ символическихъ образовъ.

Гдѣ-то въ центральной Россіи стоятъ село Цѣлебѣево и усадьба Гуголево. Село лежитъ къ *востоку* отъ усадьбы, усадьба—къ *западу* отъ села. Въ селѣ жизнь пьяная, грязная, безобразная. Усадьбою владѣютъ бароны Тоодрабе-Граабены, маніаки чистоплотности и по-

рядка. Зато въ селѣ, среди видимаго хаоса, кипитъ въ глубинѣ великая творческая сила, которая мучительно ищетъ для себя воплощенія, а почти всѣ связанные съ усадьбою люди, подъ покровомъ внѣшняго изящества, благообразія и устоявшихся формъ, несутъ неисцѣлимую пустоту и смерть. Послѣдній баронъ Тоодрабе-Граабенъ—острякъ, тонкій юристъ, холодный скептикъ до мозга костей, въ сущности совсѣмъ мертвый человѣкъ. Это, по терминологіи Андрея Бѣлаго—„западникъ“. А деревня выдвигаетъ столяра Кудеярова, носителя таинственной мистической силы, основателя изступленной секты „голубей“, сильно смахивающей на хлыстовщину. Итакъ — на западѣ безсодержательныя формы, на востокѣ — безформенное содержаніе; на западѣ голая логика, на востокѣ—безпорядочная мистика; на западѣ невозмутимый покой смерти, на востокѣ — ужасъ стихійныхъ бореній и проваловъ. И вотъ задача: дать хаотическимъ, но богатымъ и жизненнымъ силамъ „востока“ воплощеніе, законченность формъ „запада“, но такъ, чтобы форма не убила жизненности. Или наоборотъ: оплодотворить стройныя, но мертвыя формы „запада“ жизненной силой „востока“, но такъ, чтобы буйная стихія не разметала въ слѣпой мощи своей этихъ формъ.

Передъ нами типичный дуализмъ, стремящійся къ монизму. Явленіе не новое въ исторіи человѣчества и всегда находившее свое разрѣшеніе въ ученіи о нѣкоемъ посредникѣ, сопрягающемъ и примиряющемъ въ себѣ оба враждующіе міра. Обыкновено такой посредникъ кончаетъ свою земную миссію злой погибелью, но вмѣстѣ съ нимъ гибнетъ и старая вражда—и міръ, очищенный, просвѣтленный и замиренный, вступаетъ въ новую фазу своего развитія.

И у Андрея Бѣлаго намѣчается фигура такого посредника. Дарьяльскій взялся неизвѣстно откуда, во всякомъ случаѣ не изъ усадьбы и не изъ деревни. Онъ — красавецъ, поэтъ символическаго толка, съ юныхъ лѣтъ рвущійся къ какимъ-то явно символическимъ зорямъ. Онъ—носитель какой-то силы, одинаково нужной и усадьбѣ, и деревнѣ; въ немъ есть задатки, позволяющіе ему одинаково легко податься и въ сторону „востока“, и въ сторону „запада“. У него на устахъ постоянно стихи Ѳеокрита и Марціала, но онъ ходитъ въ красной рубахѣ и смазныхъ сапогахъ, „общается съ народомъ“ въ чайныхъ, пивныхъ и кабакахъ, способенъ напиваться сивухой до того, что ему на слѣдующій день уже не до Ѳеокритовъ и Марціаловъ. И въ то же время, стоитъ ему переодѣться въ пиджакъ да крахмаленное бѣлье, какъ у него сразу такой барственный видъ проявляется, что самый дерзкій мужиченко, только что видѣвшій его въ непристойнѣйшемъ видѣ, невольно ломаетъ передъ нимъ шапку и робѣетъ.

Таковъ если не Зигфридъ, то, по меньшей мѣрѣ, отецъ Зигфрида

въ повѣсти Андрея Бѣлаго. Стоя на самомъ гребнѣ перевала между двумя мірами, чувствуя сродство свое съ обоими, Дарьяльскій тянется и въ ту, и въ другую сторону, но чуетъ, что въ какую бы сторону ни спустился онъ, удовлетворенія все равно не найдетъ. Повидимому, ему, какъ герою, поставлена сверхчеловѣческая задача: не спускаться ни на востокъ, ни на западъ, а мощнымъ усиліемъ поднять оба міра на свою воздушную высоту, сочетать ихъ въ творческомъ объятіи и породить міръ новый.

Но пока этого не случается. Пока оба міра манятъ его каждый къ себѣ, внизъ. Въ усадьбѣ расцвѣла нѣжная, изящная красавица Катя; въ деревнѣ чудными глазами сверкаетъ рябая, безбровая Матрена съ отвисшимъ животомъ и грязными пятками. Два года добивается Дарьяльскій взаимности Кати, и наконецъ она вводитъ его въ баронскую усадьбу, какъ своего нареченнаго. Но черезъ два дня послѣ обрученія встрѣчаетъ онъ въ деревнѣ рябую, безбровую бабу, — и ужъ ему кажется, что въ своихъ мистическихъ зоряхъ онъ видѣлъ не Катино лицо, а Матренино. Онъ покидаетъ Катю, идетъ къ Матренѣ, поступаетъ въ подмастерья къ столяру-голубю Кудеярову, у котораго живетъ Матрена, подчиняется хлыстовской голубиной вѣрѣ Кудеяровской, неистовствуетъ въ голубиныхъ радѣніяхъ. Кудеярову нужна любовь Дарьяльскаго съ Матреной: отъ этой любви онъ чаетъ нарожденія „духовнаго младенца“, на которомъ утвердится новая голубиная вѣра, побѣдитъ всѣхъ враговъ своихъ и спасетъ весь народъ русскій. Неясно, что̀ это за младенецъ долженъ быть: настоящій ли младенецъ, или нѣкая спиритическая матеріализація, ибо, какъ кажется, Кудеяровъ пользуется Матреной и Дарьяльскимъ какъ медіумами. Во всякомъ случаѣ, довольно быстро выясняется, что Кудеяровъ обманулся: изъ связи Матрены и Дарьяльскаго выходитъ не то, на что онъ надѣялся. Самъ Кудеяровъ объясняетъ это тѣмъ, что у Дарьяльскаго „силы мало“; авторъ даетъ понять, что сила Дарьяльскаго иного тембра, не кудеяровскаго, и должна привести къ творчеству особаго порядка. Какъ бы тамъ ни было, а спускъ Дарьяльскаго на „востокъ“ кончается крушеніемъ: имъ „востокъ“ недоволенъ, да и самъ онъ начинаетъ понимать, что на „востокѣ“ имѣется смѣсь „иконописи со свинописью“. И выростаетъ въ Дарьяльскомъ стремленіе порвать съ Матреной, т.-е. съ востокомъ, и вернуться къ Катѣ, т.-е. на западъ. Но востокъ слишкомъ передъ нимъ разоблачился, чтобы выпустить его невозбранно во вражій станъ. „Голуби“ убиваютъ Дарьяльскаго. На этомъ кончается первая часть трилогіи Андрея Бѣлаго.

Столяръ Кудеяровъ былъ, пожалуй, правъ, усумнившись, въ концѣ концовъ, въ „силѣ“ Дарьяльскаго. Герой Андрея Бѣлаго въ самомъ

дѣлѣ далекъ отъ той внутренней цѣльности натуры, которая одна только создаетъ героя. Подъ цѣльностью я въ данномъ случаѣ отнюдь не понимаю нѣкоторой однобокости, т.-е. мощнаго развитія однѣхъ сторонъ человѣческой личности въ ущербъ другимъ. Пусть будетъ человѣкъ обуреваемъ самыми противоположными стремленіями, но пусть всѣ они органически выростаютъ изъ его индивидуальности, а не являются чѣмъ-то извнѣ пришедшимъ. Пусть въ трагическихъ противорѣчіяхъ проявляется его „я“, а не прячется подъ навѣянными со стороны метаніями. А относительно Дарьяльскаго авторъ не разъ проговаривается и придаетъ ему именно такія черточки, которыя ближе именно къ растерянному метанію, чѣмъ къ истинному трагизму.

Въ душѣ у Дарьяльскаго была „вѣчная тяжесть“, и онъ то спасался отъ нея въ мечты о „солнечномъ бытѣ давно минувшихъ лѣтъ блаженной Греціи“, то „бытъ простонародный русскій вызывалъ *на поверхности его души* картины блаженной жизни райской“. Эти двѣ привычныя мечты причудливо переплелись въ душѣ Дарьяльскаго, и „въ понятьяхъ православнаго мужичка видѣлъ онъ новый свѣточъ въ міръ грядущаго грека“. Это же сопряженіе античнаго грека съ россійскимъ мужикомъ должно символизовать и поведеніе самого Дарьяльскаго—его смазные сапоги и Θеокритъ, крѣпкія словечки изъ полпивной и мудрствованія о Вилламовицѣ-Меллендорфѣ. Однако, какъ ни гнетъ Андрей Бѣлый тутъ на нѣкоторое органическое сліяніе столь противоположныхъ элементовъ въ одной индивидуальности, а все же передъ читателемъ выростаетъ образъ человѣка, который, въ сущности, „ломается“, хотя Дарьяльскій, по словамъ автора, „видитъ Богъ, не ломался; онъ *думалъ*, что работалъ надъ собой“. Но вѣдь думать, что дѣлаешь что-то, и дѣлать на самомъ дѣлѣ — двѣ вещи совсѣмъ различныя.

Много справедливаго говорятъ Петру Дарьяльскому тѣ трезвые люди, съ которыми онъ сталкивается. Примѣняетъ, напримѣръ, Петръ, къ антитезѣ востока и запада тютчевскую идею: „мысль изреченная есть ложь“, и разсуждаетъ такъ: на западѣ „свои выплескиваютъ наружу слова, въ книги, во всякую премудрость и науку; оттого-то вотъ тамъ и сказуемыя слова, и сказанный складъ жизни: вотъ что такое западъ. И не то въ Россіи: полевые люди, лѣсные, въ слова не рядятся, и складомъ жизни не радуютъ взора; слово ихъ что ни есть сквернословіе; жизни складъ пьяный, бранчливый; неряшество, голодъ, нѣмота, тьма. А ты и смекай: духовное винцо на столѣ-то передъ каждымъ, и каждый словъ несказанныхъ и чувствъ несказуемыхъ то винцо про себя выпиваетъ“...

По поводу этихъ диѳирамбовъ молчанію и внѣшнему неблагообразію, скептическій баронъ Тоодрабе-Граабенъ замѣчаетъ Дарьяльскому:

— Вы, молодой человѣкъ, не только чудакъ, но вы вдобавокъ еще и косноязычный чудакъ... Говорятъ о чреватомъ молчаніи, потому что не умѣютъ членораздѣльно выражаться...

— Неправда! Неправда! — безпомощно восклицаетъ Дарьяльскій.

— Къ сожалѣнію правда,—возражаетъ безпощадный баронъ:—вотъ вы, молодой человѣкъ, повидимому, принадлежите къ интеллигенціи, а посмотришь на васъ—мужикъ мужикомъ: это потому, что подлинная культура вамъ не подъ силу; оттого вы и *чудачите*...

Столь же убійственныя вещи говоритъ хлыстовствующему символисту сельскій дьячокъ. Когда Дарьяльскій, въ порывѣ внушеннаго ему Кудеяровымъ экстаза, вѣщаетъ о славѣ Божіей, въ хмѣльномъ плясѣ являемой, дьячокъ ему замѣчаетъ не въ бровь, а прямо въ глазъ:

— Христосъ съ вами, Петръ Петровичъ! Какая тамъ слава Божія! Этакъ всякій пьяница, гласящій изъ кабака — глашатай: такъ вѣдь это бываетъ у хлыстовъ, ни у кого иного; срамное веселіе свое почитаютъ за духовное озаренье...

Какъ ни „чудачитъ“ Петръ, а слова дьячка и барона на него дѣйствуютъ: ловитъ онъ себя на томъ, что уличаетъ его въ безуміи внутренній голосъ и что голосъ этотъ—подлинный голосъ его души. Но тутъ же увертывается Петръ за соображеніе, „что тотъ, поймавшій его голосъ, есть голосъ искушающаго его бѣса“.

Черезъ минуту „бѣсъ“ снова принимаетъ обликъ барона и говоритъ ему разсудительно:

— Вы—человѣкъ запада; ну, чего это пялите на себя рубашку? Вернитесь обратно!

— Отыди отъ меня, Сатана,—бунтуетъ Дарьяльскій,—я иду на востокъ!

Впрочемъ всѣ эти отбрыкиванья Петра Петровича кончаются все-таки тѣмъ, что онъ начинаетъ понимать, въ какую трясину завели его мистическіе экстазы и братанье съ народомъ при помощи кабаковъ и Матрены. „То — ужасъ, петля и яма: не Русь, а какая-то темная бездна востока претъ на Русь изъ этихъ радѣніемъ истонченныхъ тѣлъ... Гуголево на мигъ мелькнуло передъ нимъ, и онъ подумалъ: „чисто тамъ все и непорочно; тамъ хотя нѣтъ тайнаго зова, издалека сладостнаго, а вблизи грязнаго“.. „Послѣ радѣній съ тупою болью головы онъ вставалъ, съ тошнотою, съ пресыщеніемъ душевнымъ—и все, что случалось съ нимъ наканунѣ, теперь казалось ему мерзкимъ, стыднымъ и страшнымъ“. И уже „не любой казалась ему Матрена: она ему казалась бабехой грязной, глупой и при томъ черезчуръ жадной до грубыхъ ласкъ“. Понятно, что послѣ этого Дарьяльскому невозможно было оставаться на „востокѣ“. Непонятно только,

почему мудрый его другъ, астрологъ Шмидтъ, усмотрѣлъ въ похожденіяхъ Петра нѣчто грандіозное, такъ сказать—космическое.

— Вѣрьте мнѣ,—проповѣдуетъ Шмидтъ,—только великія и сильныя души подвержены такому искусу; только гиганты обрываются такъ, какъ Петръ...

Въ унисонъ со Шмидтомъ говоритъ и самъ авторъ отъ своего уже имени: „И этотъ путь для него былъ Россіи путемъ—Россіи, въ которой великое началось преображеніе міра, или міра погибель".

Странно какъ-то слышать такія большія слова по поводу нелѣпыхъ метаній запутавшагося, неустойчиваго человѣка. Вопросъ о Востокѣ и Западѣ—великій вопросъ, сложный и захватывающій основныя проблемы человѣческой культуры. Вопросъ о грядущихъ путяхъ Россіи, о преображеніи всего ея быта и облика—быть можетъ, самое важное, что̀ сейчасъ волнуетъ всѣхъ, кто еще не отупѣлъ и не махнулъ рукою на все. Но нельзя же эти огромныя задачи сводить къ символизму и хлыстовщинѣ. Пусть необходимо и желанно сближеніе различныхъ слоевъ нашего народа, пусть въ самомъ дѣлѣ зависитъ отъ этого будущее нашей страны и нарожденіе той активной силы, которая выведетъ насъ изъ тьмы обстоящихъ насъ бѣдъ. Но немыслимо ждать осуществленія этого процесса на почвѣ неврастеническаго сектантства. Понятно, что дребезжащіе нервы развинченнаго интеллигента могутъ отозваться на истерическое безуміе „голубиныхъ" радѣній, съ ихъ половымъ изступленіемъ и прочими эксцессами. Но надо же понимать, что истерія, въ какія бы формы она ни отливалась, есть не сила, а слабость, и мистика, плѣняющая Дарьяльскихъ, есть, конечно, не „преображеніе", а „погибель".

Такимъ образомъ, трилогія Андрея Бѣлаго—по крайней мѣрѣ, въ первой своей части—стоитъ не очень многаго съ точки зрѣнія идейно-психологическаго содержанія. Она типична, какъ характерный и обличающій продуктъ народническихъ устремленій нашего символизма—и только. Ни одного вопроса, дѣйствительно волнующаго широкіе круги людей ищущихъ и жаждущихъ, она не поможетъ не только разрѣшить, но даже освѣтить.

Но Андрей Бѣлый не желаетъ, чтобы къ искусству подходили съ точки зрѣнія содержанія. Въ только что вышедшемъ, весьма объемистомъ сборникѣ своихъ теоретическихъ статей („Символизмъ", изд. Мусагета), онъ, между прочимъ, весьма гнѣвно обрушивается на всю нашу критику именно за то, что она, интересуясь содержаніемъ и пренебрегая формой, систематически портила и портитъ художественный вкусъ нашей публики, рекламируетъ пошлыя бездарности и замалчиваетъ истинные таланты. Я отнюдь не склоненъ отрицать, что на душахъ нашихъ критиковъ есть немало серьезныхъ грѣховъ, но

никакъ не могу признать, что критика обязана заниматься исключительно формальнымъ анализомъ произведеній искусства, особенно такого, образчики котораго даетъ самъ Андрей Бѣлый въ той же книгѣ. Подумайте только, что для разбора превосходнаго стихотворенія Пушкина: „Не пой, красавица, при мнѣ“, состоящаго изъ 16 строкъ, Андрею Бѣлому понадобилось цѣлыхъ 32 страницы in-4°, и при томъ онъ исполнилъ только одну четверть поставленной себѣ задачи, а остальныя три четверти отложилъ до другого случая. Для полнаго разбора потребовалось бы, слѣдовательно, чуть не по печатному листу на каждую строчку. Какой же читатель выдержалъ бы подобную критику? А между тѣмъ Андрей Бѣлый утверждаетъ, что иначе „о лирическомъ произведеніи нельзя судить никакъ“. Оговорюсь, впрочемъ, что человѣкъ, который интересуется техникой стиха, звуковыми элементами, создающими словесную музыку, такой человѣкъ найдетъ много поучительнаго въ этой статьѣ Андрея Бѣлаго, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ сборника „Символизмъ“. Авторъ обладаетъ несомнѣннымъ и очень тонкимъ музыкальнымъ чутьемъ и ведетъ свой анализъ съ истинной любовью къ мельчайшимъ деталямъ поэтической работы. Жаль только, что онъ загромождаетъ свое изложеніе неудобоваримыми математическими формулами и излишними схоластическими тонкостями. Другая серія статей, вошедшая въ этотъ сборникъ, посвящена философскимъ, метафизическимъ и даже теософическимъ вопросамъ, связывающимся въ представленіи Андрея Бѣлаго съ поэзіей. Свое сужденіе объ этой части сборника я боюсь высказывать, ибо недостаточно свѣдущъ въ астрологіи, каббалистикѣ и прочихъ оккультныхъ наукахъ, играющихъ весьма существенную роль въ построеніяхъ Андрея Бѣлаго.

Возвращаюсь къ „Серебряному Голубю“. Я заговорилъ о теоретическихъ статьяхъ нашего автора только потому, что, усмотрѣвъ изъ нихъ, сколь важное значеніе придаетъ онъ художественной формѣ, я почувствовалъ необходимость обратить серьезное вниманіе на стиль его повѣсти. Я не считаю себя вправѣ отводить моимъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ этомъ направленіи, такое мѣсто, какое полагается по программѣ Андрея Бѣлаго, но по мѣрѣ силъ и возможности долженъ всетаки объяснить, почему чтеніе „Серебрянаго Голубя“ вызываетъ крайне непріятное, прямо досадливое чувство у читателя, нелишеннаго нѣкотораго чутья стиля.

Написана вся повѣсть отъ начала до конца манерно, и притомъ въ нѣсколькихъ, совершенно различныхъ манерахъ. То идетъ цѣлыми страницами поддѣлка подъ народный языкъ, то начинается противоестественная разстановка словъ, которою такъ любитъ щеголять Сологубъ, то авторъ впадаетъ въ юмористическую манеру гоголевскихъ

„Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“. Этотъ перебой стилей, ничѣмъ внутренно не мотивированный, дѣйствуетъ непріятно уже самъ по себѣ. Но неудовольствіе читателя еще болѣе увеличивается отъ того обстоятельства, что Андрей Бѣлый ни однимъ изъ этихъ стилей хорошенько не владѣетъ и на каждомъ шагу допускаетъ вопіющіе кляксы. Напримѣръ, на страницахъ, написанныхъ „народнымъ“ языкомъ, попадаются такія неслыханныя ни въ устномъ, ни въ письменномъ творчествѣ формы: „пѣсенью“ (вѣроятно, отъ именительнаго падежа „пѣсень“?), „нѣкіяго мужа“, „бабьино лицо“, „бабьины груди“ и т. д. Навязчиво пестритъ рѣчь такими формами, какъ „знамъ“, „дѣламъ“, вмѣсто „знаемъ“, „дѣлаемъ“, и даже „знатъ“, вмѣсто „знаютъ“. Было бы любопытно узнать, гдѣ услышалъ Андрей Бѣлый послѣднюю форму въ народныхъ устахъ. Какъ бы то ни было, но подобныя ошибки и злоупотребленія создаютъ безвкусицу, претящую своей претенціозностью. Вспоминается тургеневская Дарья Михайловна Ласунская, которая, щеголяя передъ Рудинымъ народными словечками, нещадно перевирала ихъ. Но Рудину, замѣчаетъ Тургеневъ, это вранье не коробило уха, „да и врядъ ли у него было на то ухо“. Беллетристу, столь цѣнящему стиль, какъ Андрей Бѣлый, немного конфузно попадать въ данномъ случаѣ въ одну категорію съ Ласунской и Рудинымъ.

А вотъ образчикъ „гоголевскаго юмора“: „Два уже года—нѣтъ, позвольте: когда горѣла коноваловская свинарня? Поди—три уже года, какъ свинарня сгорѣла... Такъ вотъ: три уже года, какъ перешла Ѳекла Матвѣевна въ согласіе Голубя“. Не правда ли, какъ смѣшно и оригинально?

А вотъ фраза „подъ Сологуба“: „Завладѣвая душою Дарьяльскаго, борьба вызвала изъ души земляной глубины рать скрытыхъ силъ“. Что такое „земляная душа“?—спроситъ съ недоумѣніемъ читатель недогадливый, и не сразу, пожалуй, сообразитъ, что фразу надо перевернуть примѣрно такъ: „борьба вызвала изъ земляной глубины души рать скрытыхъ силъ“. Впрочемъ, не поручусь, вѣрно ли я понимаю эту фразу. Можно остановиться и передъ вопросомъ, какая собственно особенная красота заключается въ алыхъ глазахъ, о которыхъ повѣствуется въ слѣдующихъ строкахъ: „рябое ея лицо съ глазами темными и алыми, съ чуть дрожащими алыми губами, усмѣхается“. Еще затруднительнѣе проникнуть въ смыслъ нижеслѣдующей тирады: „Но ни старушка, ни гусары ея незабвенной памяти, ни любезныя сердцу дубровы съ барышней, болѣе еще ему любезной, не сегодня возбуждали сладкихъ воспоминаній“. Такихъ загадочныхъ мѣстъ въ книгѣ немало. Вотъ, на удачу, еще одно: „онъ видѣлъ небо, его барашки, цвѣтныя избы и точно вырѣзанныя на лугу далекаго попика

фигурку". Или, быть-можетъ, книга кишитъ опечатками, и всѣ такія загадки лежатъ на совѣсти корректора? Но тогда невозможно возлагать на выю читателя двойное бремя—и сологубовскаго стиля, и типографской неряшливости.

И всетаки, всѣхъ стилистическихъ недоразумѣній, щедро разсыпанныхъ въ повѣсти о „Серебряномъ Голубѣ", невозможно свалить на корректуру. За многіе перлы долженъ несомнѣнно отвѣчать самъ авторъ. Слыхали ли вы, напримѣръ, когда-нибудь, чтобы человѣкъ вонзался въ выпятившуюся диванную пружину, а не обратно? Между тѣмъ Андрей Бѣлый повѣствуетъ на 32-й страницѣ своей книги именно о такомъ удивительномъ случаѣ, угрожавшемъ „неопытному гостю". Черезъ шесть страницъ онъ сообщаетъ о не менѣе удивительныхъ людяхъ, которые умудряются „лопать" сосиски не ртомъ, какъ то свойственно всѣмъ земнороднымъ, а руками. Въ другомъ мѣстѣ узнаемъ, что „*изъ-подъ лица* глядѣли большіе глаза"—и, замѣтьте, глядѣли „увѣренно и спокойно", не подозрѣвая очевидно того невозможнаго положенія, въ которое ихъ поставилъ авторъ...

Подобными несообразностями книга кишитъ. Однако въ повѣсти встрѣчаются страницы, которыя показываютъ, что Андрей Бѣлый можетъ писать богатымъ и гибкимъ языкомъ. Тѣмъ менѣе простительно для него впадать въ вычурность и неряшество.

С. Адріановъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Политическія дѣла въ Пруссіи.—Консервативныя партіи и правительство.—Вопросъ о содержаніи прусской королевской фамиліи.—Дѣло Гелльфельда и его значеніе для Россіи.—Критская автономія и великія державы.—Мѣстный сеймъ въ Босніи и Герцеговинѣ.

Нѣмецкія либеральныя партіи крайне недовольны общимъ положеніемъ дѣлъ въ Пруссіи и не предвидятъ поворота къ лучшему въ близкомъ будущемъ. Многіе признаки указываютъ на то, что самъ Вильгельмъ II все болѣе проникается чувствомъ солидарности съ реакціоннымъ „чернымъ блокомъ" и утрачиваетъ съ годами сознаніе необходимаго единенія съ народными массами. Единственный прогрессивный дѣятель въ составѣ правительства, имперскій статсъ-секретарь по дѣламъ колоній, бывшій коммерсантъ и директоръ банка, Бернгардъ Дернбургъ, не могъ сохранить свой постъ при утвердившемся владычествѣ аграріевъ и клерикаловъ; онъ вынужденъ былъ

выйти въ отставку, и съ его уходомъ порвались послѣднія оффиціальныя связи съ либералами. Дернбургъ считался воплощеніемъ промышленной иниціативы и дѣловитой энергіи среди обычныхъ представителей германской бюрократіи; за четыре года своего управленія онъ преобразовалъ колоніальное вѣдомство на новыхъ началахъ и сдѣлалъ очень много для привлеченія капиталовъ и поселенцевъ въ африканскія владѣнія Германіи. Оставленіе Дернбурга на службѣ было въ высшей степени желательно для общихъ интересовъ имперіи, даже по признанію его противниковъ; но интересы имперіи не имѣютъ рѣшающаго значенія, когда дѣло идетъ о соображеніяхъ и интересахъ консервативно-партійныхъ и придворныхъ сферъ.

Мотивы удаленія Дернбурга были понятны для публики, такъ какъ его присутствіе слишкомъ рѣзко нарушало однородный характеръ министерства Бетманна-Гольвега; послѣдовавшія затѣмъ другія правительственныя перемѣны объясняются уже разными закулисными причинами. Статсъ-секретарь по иностранной политикѣ, фонъ-Шенъ, бывшій сотрудникъ князя Бюлова, уступаетъ мѣсто простому дипломатическому чиновнику, исполнительному и усердному Кидерлену-Вехтеру; прусскіе министры внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія и финансовъ—фонъ-Мольтке, фонъ-Арнимъ и фонъ-Рейнбабенъ—уволены вѣроятно потому, что не оправдали возлагавшихся на нихъ ожиданій, и вмѣсто нихъ назначены бюрократы изъ аграріевъ—фонъ-Далльвицъ, баронъ Шорлемеръ и фонъ-Ленце. Говорятъ, что фонъ-Далльвицъ и Шорлемеръ пользуются особыми симпатіями Вильгельма II, и, быть можетъ, одному изъ нихъ суждено сдѣлаться преемникомъ Бетманна-Гольвега.

Консервативные и реакціонные элементы несомнѣнно господствуютъ теперь въ Пруссіи, но они вовсе не находятся въ подчиненіи у правительства и далеко не всегда солидарны съ идеями и стремленіями двора. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Далльвицъ, будучи консервативнымъ депутатомъ въ прусскомъ парламентѣ, въ 1899-мъ году, заодно съ другими аграріями, подавалъ голосъ противъ одного изъ любимыхъ личныхъ проектовъ короля—и это не помѣшало ему впослѣдствіи сдѣлать блестящую политическую карьеру. Нѣмецкіе консерваторы и реакціонеры представляютъ самостоятельную общественную силу; они не ищутъ поддержки у министровъ, а сами предписываютъ имъ свои законы; они не доказываютъ своей преданности низкопоклонствомъ и угодничествомъ, а напротивъ, сохраняютъ свободу сужденій и критики относительно высшихъ носителей власти. Въ реакціонной палатѣ депутатовъ принимаются иногда рѣшенія, направленныя не только противъ администраціи, но, косвенно, и противъ членовъ царствующей фамиліи. Между прочимъ, въ засѣданіи 8-го іюня группою консерваторовъ внесено и поддержано рѣзко моти-

вированное предложеніе по поводу автомобильной гонки, устраиваемой обыкновенно подъ покровительствомъ и при участіи принца Генриха.

„Непонятно—говорилъ консервативный депутатъ Штроссеръ,—какъ можетъ полиція допускать по улицамъ и шоссейнымъ дорогамъ такія опасныя для публики автомобильныя гонки, какъ гонка принца Генриха. Пусть господа автомобилисты строятъ для себя особыя дороги. Полиція должна исполнять существующія постановленія одинаково относительно всѣхъ и каждаго—а этого мы не видимъ. Народъ не желаетъ, чтобы право на общія дороги принадлежало однимъ автомобилямъ". Депутатъ центра, фонъ-Эйнаттенъ, указывалъ на возрастающее въ сельскихъ округахъ раздраженіе противъ автомобильныхъ злоупотребленій. „Необходимо заявить здѣсь публично,—продолжалъ онъ—что правительство допускаетъ послабленія только потому, что извѣстныя высокопоставленныя особы состоятъ друзьями и приверженцами автомобильнаго спорта. Если правительство этого не знаетъ, то мы это знаемъ. Мы знаемъ, почему это такъ происходитъ, что всѣ наши рѣчи здѣсь безполезны. Но мы еще имѣемъ здѣсь точку опоры, и мы будемъ охранять наше населеніе. Нашъ народъ не долженъ придти къ убѣжденію, что мы не живемъ въ правовомъ государствѣ". Любопытно, что національ-либералы считали нужнымъ заступиться за автомобилистовъ. Они ссылались на то, что любители автомобильнаго спорта—большею частью порядочные люди, которые не станутъ завѣдомо поступать несправедливо или жестоко; они напоминали также о частыхъ нападеніяхъ и покушеніяхъ мѣстныхъ жителей противъ автомобилистовъ. Лѣвые относились къ вопросу индифферентно, и предложеніе объ ограничительныхъ мѣрахъ противъ излишествъ автомобильнаго спорта принято большинствомъ голосовъ центра и консерваторовъ,—такъ что отнынѣ высокопоставленныя особы, въ родѣ принца Генриха Прусскаго, не могутъ уже пользоваться привилегіей быстроты въ ѣздѣ на автомобиляхъ.

Независимый духъ консервативнаго прусскаго парламента выразился особенно замѣтно при обсужденіи внесеннаго правительствомъ законопроекта объ увеличеніи средствъ на содержаніе королевскаго двора. Съ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія всѣ коронные домэны и лѣса уступлены государству, съ тѣмъ, что послѣднее уплачиваетъ на содержаніе королевской фамиліи и королевскаго двора, а также всѣхъ принцевъ, съ ихъ придворными штатами, опредѣленную ежегодную ренту, которая первоначально (съ 1820 до 1859 г.) составляла $2^1/_2$ мил. талеровъ и, постепенно возвышаясь, дошла въ настоящее время (съ 1889 г.) до 15.719.296 марокъ. Такъ какъ доходы съ коронныхъ земель и лѣсовъ значительно превышаютъ эту цифру и сверхъ того имѣютъ естественную наклонность къ постоянному

возрастанію, то уплата указанной ренты не ложится бременемъ на государственное казначейство и не причиняетъ никакого ущерба плательщикамъ налоговъ. Правительственный законопроектъ предлагаетъ назначить дополнительную ежегодную ренту въ два милліона марокъ, въ виду общаго увеличенія расходовъ и цѣнъ, повышенія окладовъ жалованья придворнымъ чинамъ и назначенія нужныхъ суммъ на содержаніе женатыхъ и неженатыхъ принцевъ королевскаго дома, число которыхъ увеличилось съ 1889-го года болѣе чѣмъ вдвое. Вмѣстѣ съ тѣмъ законопроектъ требуетъ назначенія субсидіи въ $1^1/_2$ милліона марокъ изъ общихъ государственныхъ средствъ для покрытія ежегодныхъ затратъ короннаго фонда на содержаніе королевскихъ театровъ въ Берлинѣ, Ганноверѣ, Касселѣ и Висбаденѣ.

Нельзя отрицать, что приведенныя цифры прусскаго придворнаго бюджета отличаются своею скромностью и что вновь предъявленныя требованія мотивированы вполнѣ добросовѣстно и обстоятельно. Семнадцать милліоновъ марокъ или восемь милліоновъ рублей на всю королевскую фамилію и на все придворное вѣдомство—это, конечно, немного при той роли, которую играютъ Гогенцоллерны въ политической и общественной жизни Пруссіи. Можно было думать, что консервативное большинство палаты депутатовъ воспользуется случаемъ для проявленія своихъ монархическихъ чувствъ и приметъ законопроектъ безъ передачи его въ бюджетную коммиссію. Консерваторы и центръ дѣйствительно признавали излишнимъ передавать проектъ на разсмотрѣніе коммиссіи и заранѣе высказались за принятіе его; но національ-либералы находили, что коммиссіонное обсужденіе необходимо для устраненія всякихъ сомнѣній о томъ, возможно ли уменьшить предположенныя цифры или нѣтъ. Представители свободомыслящихъ заявляли, что часть партіи относится къ законопроекту отрицательно или, по крайней мѣрѣ, скептически. Рѣшительно противъ него возстали одни соціалъ-демократы, которые при своей малочисленности въ палатѣ депутатовъ (ихъ всего шесть человѣкъ) громко поднимаютъ свой голосъ и умѣютъ заставить себя слушать по всѣмъ щекотливымъ и важнымъ вопросамъ текущей политики. Одинъ соціалистъ Гофманъ, своею рѣчью и вызванными ею преніями, занялъ почти все засѣданіе 7-го іюня; онъ пытался придать дѣлу политическое значеніе и наговорилъ много непріятнаго правительству. По словамъ этого депутата, требовать денегъ въ пользу короны послѣ торжественнаго отреченія отъ обѣщанной избирательной реформы въ пользу народа—было неслыханною смѣлостью со стороны министерства. По существу „не понадобилось бы никакого увеличенія придворнаго бюджета, еслибы корона сама примѣняла тѣ правила бережливости и простоты, которыя она часто рекомендуетъ офице-

рамъ". Еще недавно министръ-президентъ фонъ-Бетманнъ-Гольвегъ внушалъ нѣмецкимъ рабочимъ, что они должны быть довольны своимъ положеніемъ; то же самое и съ гораздо бо̀льшимъ основаніемъ могъ бы онъ совѣтовать коронѣ. Президентъ палаты нѣсколько разъ прерывалъ оратора, когда тотъ задѣвалъ личность короля; однако Гофманъ довелъ свою рѣчь до конца. „Первый слуга государства—говорилъ онъ—долженъ несомнѣнно получать щедрое вознагражденіе, но всетаки въ общихъ рамкахъ жалованья. Между тѣмъ корона обладаетъ огромными доходами и имуществами, свободными отъ всякихъ налоговъ; среднимъ числомъ король получаетъ сорокъ три тысячи марокъ въ день, а рабочій не заработаетъ этой суммы въ сорокъ три года". Притомъ король слишкомъ часто отсутствуетъ и, „быть-можетъ, со временемъ придется назначить суточныя деньги вмѣсто постояннаго содержанія". Свободомыслящіе и національ-либералы напрасно присоединились къ „черному блоку", который теперь становится „византійскимъ"; они „получатъ отъ народа достойный отвѣтъ на будущихъ выборахъ въ имперскій сеймъ".

Депутату Гофману подробно возражалъ министръ финансовъ, баронъ фонъ-Рейнбабенъ. Онъ оспаривалъ право соціалъ-демократовъ говорить отъ имени прусскаго народа или прусскихъ рабочихъ, потому что изъ 19 милліоновъ рабочихъ въ Пруссіи только 1.800 тысячъ участвуютъ въ соціалъ-демократическихъ организаціяхъ; тѣмъ не менѣе министръ всю свою рѣчь посвятилъ разбору доводовъ и замѣчаній представителя рабочаго класса. Выставляя великія историческія заслуги прусской королевской фамиліи, баронъ фонъ-Рейнбабенъ причисляетъ къ нимъ и германское рабочее законодательство. „Весь міръ—говоритъ онъ—завидуетъ намъ по этому поводу. Республики не сдѣлали еще перваго шага къ такому законодательству. На обезпеченіе рабочихъ затрачено до 1907-го года шесть милліардовъ триста милліоновъ марокъ; изъ нихъ внесено рабочими 3.598 милліоновъ". Податное обложеніе въ Пруссіи обременяетъ главнымъ образомъ зажиточные и богатые классы; пять процентовъ населенія доставляютъ не менѣе 67% всего подоходнаго налога. Въ то же время положеніе трудящихся массъ непрерывно улучшается: въ 1895-мъ году 68% населенія имѣли менѣе 900 марокъ годового дохода, а 27% обладали доходомъ отъ 900 до трехъ тысячъ марокъ; въ 1909-мъ году только 45% населенія имѣли доходъ ниже 900 марокъ, а выше, до трехъ тысячъ марокъ—48%. Заработная плата, напр. на желѣзныхъ дорогахъ, повысилась на 56% за послѣдніе три года, и вообще народное благосостояніе вполнѣ дозволяетъ увеличить средства короны на 13%. Министръ закончилъ свою рѣчь пожеланіемъ, чтобы буржуазныя партіи

и въ будущемъ образовали тѣсно сплоченную фалангу противъ соціалъ-демократіи.

При второмъ чтеніи законопроекта, 9-го іюня, это пожеланіе исполнилось: либеральные прогрессисты присоединились къ національ-либераламъ и консерваторамъ, чтобы совмѣстными силами дать отпоръ маленькой группѣ соціалъ-демократовъ. Главными ораторами были опять соціалистъ Гофманъ и министръ финансовъ, но на этотъ разъ противъ соціалъ-демократовъ выступили также прогрессисты, въ лицѣ депутата Фишбека. Послѣдній взглянулъ на законопроектъ съ точки зрѣнія конституціонно-монархической и отрекся отъ всякой солидарности съ соціалъ-демократами. Палата, конечно, приняла законъ, но долгое и упорное обсужденіе его, при сравнительномъ равнодушіи консерваторовъ, не могло считаться большимъ успѣхомъ для правительства. Неловкая и въ сущности излишняя защита короны министромъ финансовъ ускорила, вѣроятно, его отставку, хотя самъ Рейнбабенъ, по видимому, думалъ подготовить почву для своей кандидатуры на постъ имперскаго канцлера. Но мысли и намѣренія Вильгельма II часто мѣняются или остаются скрытыми, и никто еще не знаетъ, когда уйдетъ фонъ-Бетманнъ-Гольвегъ и кому предназначено быть его преемникомъ.

Въ Берлинѣ благополучно окончилось нашумѣвшее дѣло капитана фонъ-Гелльфельда о наложеніи ареста на капиталы русскаго правительства, хранящіеся въ банкирскомъ домѣ Мендельсона, въ суммѣ $3^1/_2$ милліоновъ рублей. Это странное дѣло ярко обрисовало передъ всей Европою, съ одной стороны, особый характеръ нашего военнаго хозяйства въ тяжелую пору японской войны, съ другой — особое отношеніе нашихъ мѣстныхъ дипломатическихъ властей къ интересамъ Россіи и русскаго казначейства.

Въ концѣ сентября 1904-го года, когда судьба Портъ-Артура могла уже считаться окончательно рѣшенною, когда остатки нашего тихоокеанскаго флота безнадежно укрывались въ гавани осажденной крѣпости, агентъ русскаго военнаго вѣдомства въ Тзинъ-тау заключилъ сдѣлку съ уполномоченнымъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ фирмъ, отставнымъ капитаномъ Гелльфельдомъ, о покупкѣ у него извѣстнаго количества орудій, митральезъ и боевыхъ снарядовъ, вмѣстѣ съ находившимся въ Гамбургѣ пароходомъ „Anhalt“, который долженъ былъ доставить весь этотъ грузъ, подъ нейтральнымъ флагомъ, въ Портъ-Артуръ. Пароходъ былъ переведенъ на чужое имя, грузовые документы выданы были отъ имени третьихъ лицъ и адресованы въ русско-китайскій банкъ въ Тьенъ-цзинѣ. Нуженъ ли былъ въ Портъ-Артурѣ или въ другомъ мѣстѣ этотъ никѣмъ не провѣренный военный грузъ и какую пред-

ставлялъ онъ реальную цѣнность, а также стоилъ ли пароходъ условленныхъ за него денегъ—остается неизвѣстнымъ; одно было несомнѣнно съ самаго начала—что этотъ пароходъ съ своимъ контрабаднымъ грузомъ не имѣлъ абсолютно никакихъ шансовъ дѣйствительно пробраться въ Портъ-Артуръ, мимо сторожевыхъ японскихъ судовъ. Тѣмъ не менѣе финансовая сторона сдѣлки была быстро приведена въ исполненіе, и наше военное вѣдомство поспѣшило уплатить Гелльфельду впередъ, хотя и по частямъ, всю условленную покупную сумму—4½ милліона марокъ. Въ концѣ декабря 1904-го года, послѣ паденія Портъ-Артура, пароходъ „Anhalt“ прибылъ къ острову Суматрѣ, въ Падангъ; онъ не успѣлъ сдѣлаться добычей японцевъ, на что̀ разсчитывали, быть можетъ, продавцы,—и нашему военному вѣдомству предстояло по заключеніи мира получить въ свое распоряженіе купленный пароходъ съ грузомъ и удостовѣриться въ качествахъ того и другого.

Въ октябрѣ 1905-го года наши военно-морскія власти вспомнили о пароходѣ „Anhalt“ и распорядились доставить его съ грузомъ въ Владивостокъ; но тѣмъ временемъ фактическій владѣлецъ парохода, фонъ-Гелльфельдъ, перевелъ его въ Тзинъ-тау, въ предѣлы германской колоніи Кіао-чао, и отказался выдать его русскому правительству на томъ основаніи, что нашъ мѣстный военный агентъ, будто бы, обязался купить у него, Гелльфельда, дальнѣйшую партію орудій стараго образца, и въ силу этой новой словесной сдѣлки русское военное вѣдомство должно ему уплатить три милліона марокъ. Переговоры объ этой новой покупкѣ, завѣдомо ненужной для русскаго военнаго вѣдомства, оправдывались, будто бы, предполагаемымъ желаніемъ Россіи скупать всѣ имѣющіяся на міровомъ рынкѣ артиллерійскія орудія и ихъ принадлежности, для того, чтобы ихъ не могла пріобрѣсть Японія. Сдѣлка вѣроятно и состоялась бы, еслибы своевременно не пришло распоряженіе прекратить нелѣпыя закупки подобнаго рода. Впослѣдствіи выяснилось,—какъ сообщаютъ изъ компетентныхъ источниковъ, — что старыя негодныя орудія, за которыя Гелльфельдъ думалъ получить отъ щедраго русскаго казначейства три милліона марокъ, были запроданы предпріимчивому капитану прусскимъ военнымъ управленіемъ за 350 тысячъ марокъ и хранятся до сихъ поръ въ одномъ изъ прусскихъ арсеналовъ.

Очевидно, Гелльфельдъ не имѣлъ законнаго права задерживать проданный пароходъ съ грузомъ, даже еслибы его денежная претензія по другому дѣлу была основательна; но онъ разсчитывалъ на успѣхъ въ виду твердо установившейся репутаціи русскихъ военно-хозяйственныхъ порядковъ на Дальнемъ Востокѣ. Русское правительство, черезъ посредство своихъ мѣстныхъ консуловъ, обратилось въ

германскій судъ въ Тзинъ-тау съ требованіемъ о передачѣ ему парохода „Anhalt“, съ грузомъ; Гельфельдъ предъявилъ встрѣчный искъ въ три милліона марокъ, и судъ вошелъ въ разсмотрѣніе этого иска. Дальнѣйшій ходъ дѣла покрывается какимъ-то туманомъ; извѣстія нѣмецкихъ и французскихъ оффиціозныхъ газетъ—изъ которыхъ русская печать только и почерпаетъ свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ,—становятся совершенно непонятными и загадочными. Органы русской дипломатіи, начавъ въ германскомъ колоніальномъ судѣ судебное дѣло противъ Гельфельда и признавъ этимъ компетенцію германскаго суда въ данномъ гражданскомъ процессѣ, перестали интересоваться ходомъ этого дѣла, предоставили противнику свободно доказывать его права, не оспаривали его заявленій и доказательствъ, фактически бросили дѣло на произволъ судьбы и не удостоили даже обратить вниманіе на заключительное рѣшеніе суда въ пользу Гельфельда. Мало того: наши мѣстные оффиціальные представители допустили, чтобы состоявшееся противъ Россіи судебное рѣшеніе вошло въ окончательную законную силу, чтобы пропущены были всѣ законные сроки для обжалованія и перенесенія въ высшую инстанцію, и чтобы ничего не оставалось дѣлать, какъ удовлетворить претензію отставного нѣмецкаго капитана. И, по всей вѣроятности, присужденныя деньги были бы выданы Гельфельду, еслибы онъ обнаружилъ надлежащее терпѣніе и дождался соотвѣтственной комбинаціи на мѣстахъ, довольствуясь пока достаточнымъ обезпеченіемъ въ видѣ парохода „Anhalt“ и его груза; но онъ поторопился приступить къ принудительному исполненію рѣшенія при помощи такого способа, который неминуемо долженъ былъ произвести скандалъ на всю Европу. Онъ обратился въ берлинскій судъ съ ходатайствомъ о наложеніи ареста на имѣющіяся у Мендельсона и К° суммы русскаго правительства, на основаніи вошедшаго въ законную силу рѣшенія германскаго суда въ Тзинъ-тау, и берлинскій судъ, постановленіемъ отъ 15 (2) декабря 1909 г., удовлетворилъ это ходатайство.

Германская дипломатія была озадачена этою рѣшительною судебною мѣрою противъ дружественнаго сосѣдняго государства и тотчасъ же вмѣшалась въ дѣло, возбудивъ споръ о подсудности съ точки зрѣнія общепринятыхъ началъ международнаго права. Наше министерство иностранныхъ дѣлъ не предъявляло никакого протеста и предоставило дѣйствовать берлинскому кабинету; только позднѣе предпринято было съ русской стороны собраніе фактическихъ матеріаловъ и авторитетныхъ научно-юридическихъ заключеній по данному вопросу. Гельфельдъ требовалъ судебнымъ порядкомъ выдачи ему $3^1/_2$ милліоновъ отъ фирмы Мендельсона, но окружный судъ отложилъ рѣшеніе до разсмотрѣнія возбужденнаго спора о подсудности специаль-

нымъ высшимъ судомъ. Палата по дѣламъ о подсудности собралась 25 іюня (нов. ст.), подъ предсѣдательствомъ директора въ министерствѣ юстиціи, д-ра Лукаса, при участіи двухъ судейскихъ сановниковъ-референтовъ. Докладчикъ, въ своемъ изложеніи обстоятельствъ дѣла по документамъ, отмѣтилъ, что „при разсмотрѣніи основного спора въ Тзинъ-тау представители русскаго фиска, два консула, заявили о готовности русскаго правительства подчиниться всѣмъ постановленіямъ германскаго суда". На этотъ фактъ настойчиво ссылались оба повѣренные Гельфельда; они доказывали, что послѣ законно состоявшагося окончательнаго судебнаго рѣшенія не можетъ уже быть поднятъ вопросъ о подсудности и что для исполненія такого рѣшенія нѣтъ другихъ мѣръ, кромѣ судебныхъ. Посредничество министерства иностранныхъ дѣлъ является уже, съ этой точки зрѣнія, запоздалымъ и безцѣльнымъ; оно ни въ чемъ не измѣняетъ и не колеблетъ ни законной силы рѣшенія, ни обязательности его исполненія. Повѣренный банкирскаго дома Мендельсона утверждалъ, что принудительныя исполнительныя мѣры противъ иностраннаго правительства не допускаются международнымъ правомъ и что заявленія мѣстныхъ русскихъ консуловъ необязательны для русскаго правительства, такъ какъ консулы суть только второстепенные чиновники, а вовсе не уполномоченные представители государства. Наконецъ, представитель германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ высказалъ мнѣніе, что въ данномъ случаѣ должно быть примѣняемо не германское право, а международное, которое категорически воспрещаетъ принудительное исполненіе противъ иноземной державы. Если русское правительство выразило готовность подчиниться постановленіямъ суда въ Тзинъ-тау, то это далеко еще не значитъ, что оно обязано подчиняться всѣмъ германскимъ судебнымъ учрежденіямъ. Вѣдомство иностранныхъ дѣлъ склоняется къ тому, чтобы послѣ рѣшенія суда представить приговоръ русскому правительству для уплаты. Когда русское правительство откажетъ въ уплатѣ, придется обсудить, что̀ можетъ быть сдѣлано по международному праву для оказанія содѣйствія кредитору въ полученіи принадлежащихъ ему денегъ". Выслушавъ всѣ эти объясненія и обсудивъ спорный вопросъ, судебная палата по дѣламъ о подсудности нашла, что „обычный законный путь въ настоящемъ дѣлѣ недопустимъ и что конфликтъ относительно компетенціи обоснованъ правильно, вслѣдствіе чего постановленіе 15 декабря 1909-го года о наложеніи ареста въ видахъ обезпеченія и взысканія подлежитъ отмѣнѣ".

Такимъ образомъ капиталы русскаго государственнаго казначейства, находящіеся на храненіи въ Берлинѣ, избавились отъ скандальнаго ареста, наложеннаго на нихъ по требованію Гельфельда, и въ

этомъ смыслѣ достигнутый результатъ можетъ быть названъ благопріятнымъ. По крайней мѣрѣ, элементъ прямой обиды и оскорбленія устраненъ изъ дѣла; по существу приговоръ германскаго суда въ Тзинъ-тау остается въ полной силѣ, и только принудительное исполненіе этого приговора отвергнуто, какъ противорѣчащее международному праву. За капитаномъ фонъ-Гелльфельдомъ признано безспорное право на полученіе какихъ-то милліоновъ изъ русскаго государственнаго казначейства, и германское министерство иностранныхъ дѣлъ, какъ мы видѣли, охотно возьметъ на себя посредничество для побужденія должника къ добровольной уплатѣ должныхъ денегъ. Сколько желаетъ получить суровый кредиторъ—$3^1/_2$ милліона рублей, какъ значится въ ходатайствѣ о выдачѣ арестованныхъ денегъ, или 3 милліона марокъ, какъ сообщали отчеты о попыткахъ продажи старыхъ орудій изъ прусскихъ арсеналовъ — этого мы въ точности не знаемъ. Что собственно рѣшилъ германскій судъ въ Тзинъ-тау, по какой именно сдѣлкѣ онъ присудилъ деньги въ пользу Гелльфельда и за кѣмъ призналъ право собственности на пароходъ „Anhalt“ съ грузомъ — этого не видно изъ имѣющихся разнорѣчивыхъ свѣдѣній. Наша оффиціозная печать давала до сихъ поръ только отрывочныя фактическія указанія, въ которыхъ трудно разобраться. Мы знаемъ только, что несправедливыя претензіи нѣмецкаго аферіста къ русскому государственному казначейству признаны германскимъ судомъ законными и подлежащими удовлетворенію исключительно вслѣдствіе непростительной небрежности нашихъ дипломатическихъ властей и что самыя соглашенія и переговоры мѣстныхъ агентовъ нашего военнаго вѣдомства съ названнымъ аферистомъ даютъ матеріалъ для разныхъ недоумѣній и вопросовъ. Однако, до сихъ поръ не произведено никакого разслѣдованія для выясненія дѣйствительной роли нашихъ мѣстныхъ военно-дипломатическихъ агентовъ въ дѣлѣ фонъ-Гелльфельда, и никто еще пока не привлеченъ къ отвѣту за дѣйствія и упущенія, послѣдствія которыхъ такъ непріятно отзываются не только на интересахъ русской казны, но и на репутаціи русскаго государства.

Четыре великія державы, принимающія близкое участіе въ судьбѣ Кандіи,—Англія, Франція, Россія и Италія—поставлены въ большое затрудненіе новѣйшимъ фазисомъ критскаго вопроса. Дипломатія всегда признаетъ своею обязанностью охранять существующій порядокъ вещей; принципъ status quo издавна служилъ основою всякой дипломатической программы по отношенію къ ближнему Востоку. Соблюденіе того же status quo обязательно и относительно острова

Крита. Но какой порядокъ вещей можетъ считаться установленнымъ и подлежащимъ охранѣ на островѣ Критѣ?

До лѣтнихъ мѣсяцевъ 1906-го года критяне имѣли правителемъ королевича Георгія, сына греческаго короля; послѣ его отставки державы-покровительницы, въ началѣ августа того же года, сообщили королю, что, въ силу взаимнаго между ними соглашенія, онѣ предоставляютъ ему „всякій разъ, когда постъ высшаго коммиссара Крита окажется вакантнымъ, назначать, съ ихъ вѣдома и одобренія, подходящаго кандидата“ на этотъ постъ, срокомъ на пять лѣтъ, и что затѣмъ о состоявшемся назначеніи державы будутъ доводить до свѣдѣнія турецкаго султана. По предложенію греческаго короля, это рѣшеніе великихъ державъ было опубликовано на островѣ Критѣ и съ восторгомъ принято населеніемъ, какъ залогъ желаннаго возсоединенія съ Грецією. На этихъ основаніяхъ былъ назначенъ правителемъ Крита бывшій глава греческаго министерства, Александръ Займисъ. Фактически верховная власть приписывалась греческому королю, и авторитетъ султана оставался лишь номинальнымъ. Судебные приговоры постановлялись на островѣ отъ имени короля; критскіе офицеры назначались отъ его же имени, и губернаторъ дѣйствовалъ по его уполномочію, подъ наблюденіемъ великихъ державъ. Въ сентябрѣ 1908-го года, въ отсутствіе правителя Займиса, критское народное собраніе провозгласило присоединеніе острова къ Греціи и избрало временную исполнительную коммиссію для завѣдыванія дѣлами управленія. Въ октябрѣ кабинеты увѣдомляютъ критское правительство, что они готовы доброжелательно отнестись къ возвѣщенному проекту и вступить по этому вопросу въ переговоры съ Турціею, „если на островѣ будетъ сохраненъ порядокъ и если безопасность мусульманскаго населенія будетъ обезпечена“. Почти цѣлыхъ два года исполнительная коммиссія управляетъ отъ имени короля Георга; она издавала отъ его имени декреты на глазахъ иностранныхъ консуловъ и въ присутствіи оккупаціонныхъ войскъ, которыя очистили островъ только въ іюлѣ прошлаго года. Такимъ образомъ на практикѣ аннексія къ Греціи осуществилась, но номинальная связь съ Турціею не порывалась. Въ апрѣлѣ текущаго года открыто было критское собраніе, декретомъ отъ имени греческаго короля. Представители мусульманскаго населенія тотчасъ заявили протестъ противъ примѣненія греческихъ законовъ и распоряженій въ странѣ, номинально связанной съ Оттоманской имперіей. По предложенію президента собранія, депутаты-христіане приносятъ присягу на вѣрность „королю и конституціи“, среди шумныхъ возгласовъ въ честь греческой націи и державъ-покровительницъ; тотъ же мусульманскій представитель опять поднимается съ протестомъ и передаетъ бумагу

президенту, но бумага перехватывается депутатомъ Канеи, Даскалоянисомъ, и разрывается имъ въ клочки. Этотъ актъ насилія противъ мусульманъ вызываетъ въ палатѣ сильнѣйшее волненіе; президентъ объявляетъ, что произвольный поступокъ Даскалояниса не выражаетъ воли собранія, что мусульманскіе депутаты имѣютъ безспорное право представлять свои заявленія и протесты, и что они могутъ замѣнить разорванный документъ другимъ и передать его президіуму. Глава исполнительной коммиссіи, Скуридисъ, съ своей стороны выразилъ порицаніе поступку Даскалояниса и подтвердилъ объясненія, данныя президентомъ. Въ томъ же духѣ высказался и популярный представитель Канеи, Венизелосъ, отъ имени своихъ политическихъ друзей. Въ собраніи не нашлось ни одного патріота, который отрицалъ бы право критскихъ мусульманъ свободно высказываться объ общихъ критскихъ дѣлахъ. Мусульманамъ предоставлено было внести свой протестъ, который они формулировали слѣдующимъ образомъ: „Принимая въ соображеніе верховныя права Оттоманской имперіи на островъ Критъ, и имѣя въ виду существованіе автономіи, дарованной оттоманскимъ правительствомъ, мы протестуемъ, отъ имени мусульманскаго населенія, противъ предложенія присягать греческому королю". Другими словами, мусульмане протестуютъ противъ внѣшнихъ признаковъ и формъ аннексіи, но не противъ ея сущности; они хотятъ сохранить фикцію турецкаго верховенства, безъ ущерба для автономіи, которая на дѣлѣ открываетъ полный просторъ естественному тяготѣнію Крита къ Греціи. Самый антагонизмъ между христіанами и мусульманами является на островѣ далеко не столь глубокимъ и острымъ, какъ думаютъ обыкновенно; объ этомъ свидѣтельствуетъ уже то горячее единодушіе, съ какимъ большинство критскаго собранія подтвердило полную равноправность мусульманъ съ христіанами въ политическомъ отношеніи. Греческому королю присягали по христіанскому обряду, и уже потому не могло быть и рѣчи о понужденіи мусульманъ къ участію въ этой присягѣ. Желающіе изъ критянъ присягаютъ, а другіе отказываются; можно сказать, что эта свобода дѣйствій соотвѣтствуетъ особенностямъ критской автономіи. Дѣйствительное политическое положеніе Крита, конечно, не мѣняется отъ различныхъ манифестацій мѣстнаго собранія, а связь Крита съ Турціею перестала существовать даже фиктивно съ 1906-го года.

Изъ этого видно, что критскій status quo представляетъ собою нѣчто крайне сложное и запутанное. За послѣдніе четыре года сама дипломатія постепенно допускала и устраивала предварительные опыты возсоединенія Крита съ Греціей, оффиціально ставила греческаго короля въ положеніе верховнаго правителя острова и пріучала кри-

тянъ къ устраненію и забвенію послѣднихъ остатковъ политической зависимости отъ Турціи. Этотъ переходъ отъ турецкаго владычества къ греческому и есть тотъ фактическій status, о сохраненіи котораго должны заботиться великія державы въ интересахъ дальнѣйшаго культурнаго развитія и процвѣтанія Крита. Между тѣмъ, политическое обновленіе Оттоманской имперіи внесло новый элементъ въ европейскую политику на ближнемъ Востокѣ: иностранные кабинеты вынуждены теперь считаться съ подъемомъ турецкаго національнаго патріотизма, который, между прочимъ, отозвался и на отношеніяхъ Порты къ критскому вопросу. Порта стала настойчиво ссылаться на свои формальныя права и поддерживать притязанія, казавшіяся уже почти забытыми; она грозила военною расправою съ непокорными и въ сущности безсильными противниками, хорошо понимая, что Европа не можетъ допустить новую войну противъ Греціи. Кабинеты державъ-покровительницъ стали, поэтому, усиленно хлопотать объ успокоеніи критянъ и о смягченіи патріотическаго пыла турокъ; но такъ какъ критяне не могли вдругъ отказаться отъ своихъ естественныхъ чувствъ и иногда выражали ихъ довольно громко, то въ видѣ успокоительной мѣры рѣшено было послать къ острову нѣсколько лишнихъ броненосцевъ для высадки дессанта въ случаѣ надобности. Лондонскій кабинетъ предложилъ усилить составъ международной эскадры, находящейся около Крита; наша дипломатія поспѣшила идти гораздо дальше по пути „успокоенія“, о чемъ напечатано въ газетахъ отъ 6-го іюня слѣдующее оффиціозное сообщеніе:

„Въ отвѣтъ на послѣднее англійское предложеніе по критскимъ дѣламъ русское правительство высказало полную готовность принять это предложеніе и немедленно послать въ критскія воды, дополнительно, еще одно военное судно; вмѣстѣ съ тѣмъ оно предложило на обсужденіе лондонскаго, парижскаго и римскаго кабинетовъ нѣсколько мыслей, не придавая, однако, изложенію послѣднихъ характера формальнаго контръ-предложенія. По мнѣнію петербургскаго кабинета, въ виду возбужденія умовъ на Критѣ, мало надежды на то, чтобы критяне добровольно подчинились требованіямъ четырехъ державъ, и слѣдуетъ нынѣ же предвидѣть, что въ конечномъ результатѣ державамъ-покровительницамъ необходимо будетъ вновь оккупировать островъ и взять въ свои руки его управленіе, но лишь послѣ продолжительнаго періода волненій и смутъ, весьма опасныхъ для сохраненія мира. При этихъ обстоятельствахъ и въ виду невозможности найти окончательное рѣшеніе вопроса въ скорости и безъ содѣйствія всѣхъ державъ, подписавшихъ берлинскій договоръ, русское правительство полагаетъ, что четыре державы-покровительницы могли бы немедленно послать на Критъ каждая по достаточно силь-

ному отряду пѣхоты и учредить тамъ временное управленіе подъ руководствомъ означенныхъ державъ. Разъ предметъ спора будетъ вновь въ рукахъ четырехъ державъ, можно будетъ разсчитывать на общее успокоеніе".

Предложенный нашими дипломатами „успокоительный" методъ не былъ, однако, одобренъ ни Англіею, ни Франціею. Эти державы предпочитаютъ благоразумно щадить не только чувства сильныхъ, но и чувства и интересы слабыхъ. „Ставка на сильныхъ" — или кажущихся сильными въ данный моментъ — не всегда оправдывается и во внѣшней политикѣ.

Австро-Венгрія формально вступила во владѣніе новыми австрійскими провинціями, Босніей и Герцеговиною, при личномъ участіи престарѣлаго императора Франца-Іосифа, путешествіе котораго по краю имѣло значеніе событія для всего южнаго славянства. Посѣтивъ въ концѣ мая крупнѣйшіе центры обѣихъ провинцій, Сараево и Мостаръ, императоръ имѣлъ возможность обращаться къ мѣстнымъ дѣятелямъ, какъ къ гражданамъ конституціоннаго государства, обладающимъ избирательными правами въ силу дарованной краю конституціи; но онъ видѣлъ народъ только издали и въ ничтожныхъ, случайныхъ группахъ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго охранительнаго усердія военной администраціи, которой онъ выразилъ потомъ свое неудовольствіе увольненіемъ одного изъ начальствующихъ лицъ.

Населеніе Босніи и Герцеговины получило свой выборный сеймъ, который и открылся торжественно въ началѣ іюня. По закону избиратели раздѣлены на три главныя вѣроисповѣдныя группы — православныхъ, католиковъ и мусульманъ; каждая группа въ свою очередь дѣлится на три куріи—крестьянъ, горожанъ и болѣе крупныхъ налогоплательщиковъ, къ которымъ приравнены лица съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ и представители либеральныхъ профессій. Православные сербы, которыхъ числится въ краѣ около восьмисотъ тысячъ, имѣютъ въ сеймѣ тридцать шесть депутатовъ; мусульмане, численностью свыше полумилліона—двадцать девять депутатовъ; у католиковъ-хорватовъ, въ количествѣ приблизительно четырехсотъ тысячъ—двадцать три представителя. Выборы производились при большомъ оживленіи національныхъ и религіозныхъ интересовъ, но безъ всякихъ излишествъ и безъ стѣснительнаго вмѣшательства администраціи. Клерикальная партія католиковъ-хорватовъ, руководимая изъ Загреба архіепископомъ Стадлеромъ и поддерживаемая сильными придворными вліяніями, потерпѣла пораженіе, и побѣдителями среди хорватскаго населенія являются сторонники самостоятельной мѣстной автономіи безъ различія вѣроисповѣданій. Православные сербы, стоящіе за обра-

зованіе особаго независимаго боснійскаго государства въ составѣ монархіи Габсбурговъ, дѣйствовали на выборахъ дружно, не смотря на существованіе у нихъ двухъ партій—національной и прогрессивно-радикальной. Между мусульманами одержали верхъ приверженцы примиренія съ новымъ порядкомъ вещей, на началахъ компромисса съ представителями другихъ національностей и религій; старая партія исламизма не имѣла никакого успѣха.

Сейму Босніи и Герцеговины предстоитъ сложная предварительная работа для приспособленія новыхъ политическихъ условій къ потребностямъ мѣстной жизни. Новая историческая эпоха открывается теперь для злополучнаго края, изъ-за котораго началось въ Россіи памятное славянское освободительное движеніе, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Невольно вспоминаются странные плоды кровавой и тяжелой русско-турецкой войны, оказавшейся столь побѣдоносною для посторонней державы—Австро-Венгріи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Б. В. Варнеке. Исторія русскаго театра. Часть вторая: XIX вѣкъ (Опытъ изложенія). Казань, 1910 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Первая часть „Исторіи русскаго театра“ (XVII-й и XVIII-й вѣкъ), составленной профессоромъ казанскаго университета и лекторомъ драматическихъ курсовъ, Б. В. Варнеке, вышла въ свѣтъ въ 1908 г. Въ предисловіи къ ней указано, что за книгой сохраненъ характеръ лекцій, составленныхъ по программѣ драматическихъ курсовъ; это — „руководство для будущихъ актеровъ“, разбирающее пьесы „въ направленіи, важномъ именно для сценическихъ исполнителей“. Въ предисловіи ко второй части книги авторъ указываетъ, что въ отношеніи къ XIX-му вѣку у него не было ни одного предшественника: въ исторіи театра за этотъ вѣкъ есть и отдѣльныя личности, и цѣлыя полосы репертуара и театральнаго управленія, совершенно не освѣщенныя. „Такъ, моя личная память театрала живо рисуетъ мнѣ значеніе хотя бы великолѣпнаго московскаго артиста М. А. Рѣшимова (Горожанцева), но по состоянію нашихъ матеріаловъ я ничего не могъ бы привести о немъ, кромѣ голыхъ цифръ. Пришлось его пропустить, и такихъ, очень болѣзненныхъ и совсѣмъ несправедливыхъ съ исторической точки зрѣнія пропусковъ найдется въ книгѣ не одна

сотня". Намъ кажется, что въ такихъ случаяхъ слѣдовало даже въ „опытѣ изложенія" дѣлать указанія на существующіе пробѣлы. Авторъ проситъ „смотрѣть на предлагаемую книгу, какъ на подобіе того кафтана перваго портного, изъ-за котораго препиралась г-жа Простакова со своимъ Тришкой". Въ книгѣ послѣдовательно идетъ рѣчь объ актерахъ и репертуарѣ Александровскаго времени, при чемъ отдѣльныя главы посвящены А. А. Шаховскому и трагедіи начала вѣка, водевилю и Грибоѣдову; объ актерахъ николаевскаго времени, о Кукольникѣ и Полевомъ, Щепкинѣ, Гоголѣ; объ Островскомъ и его эпохѣ. Въ приложеніи идетъ рѣчь о болѣе близкомъ къ намъ времени, кончая „Жизнью Человѣка" и „Днями нашей жизни" Л. Андреева. Эту работу давно слѣдовало сдѣлать, и потому починъ г. Варнеке можно только привѣтствовать. Существеннѣйшимъ недостаткомъ книги мы считаемъ не пропуски и пробѣлы, вполнѣ извинительные, а общій характеръ ея изложенія, отрывочный, лишенный единства и руководящей мысли. Исторія театра стоитъ у г. Варнеке, если не считать мимоходомъ бросаемыхъ замѣчаній, какъ-то совершенно въ сторонѣ отъ общаго хода русской жизни и литературы, отъ смѣнявшихся у насъ умственныхъ теченій и настроеній; вся она сведена на разсказъ (по матеріаламъ весьма обильнымъ) объ актерахъ и репертуарныхъ пьесахъ даннаго времени. Авторъ сообщаетъ очень много свѣдѣній, но часто они весьма слабо между собою связаны и не даютъ общаго представленія о жизни театра въ тотъ или другой моментъ. Пробѣломъ по существу является и отсутствіе цѣльной главы или указаній въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ о роли въ исторіи театра театральной критики: напр. Бѣлинскій и Аполлонъ Григорьевъ заслуживали бы хотя нѣсколькихъ самостоятельныхъ страничекъ, какъ видные писатели о театрѣ. Очень случайны и отрывочны указанія на развитіе технической стороны театра, режиссерской, декораціонной и прочихъ частей. Какъ небрежно и иногда безсвязно изложеніе, можно видѣть, напр., на стр. 347. Здѣсь глава XII-я книги: „Современные Островскому драматурги" оканчивается, послѣ характеристики пьесъ гр. Алексѣя Толстого, сообщеніемъ свѣдѣній объ умопомрачительныхъ успѣхахъ оперетточной пѣвицы Лядовой. Такъ шить не полагается, кажется, и „первому" портному. За полнымъ отсутствіемъ другихъ общихъ обзоровъ, съ интересомъ читаются заключительныя главы книги: „Провинціальный театръ", „Актеры и репертуаръ послѣдней четверти XIX-го вѣка" и на рубежѣ XX-го вѣка",—хотя и здѣсь указанія часто совершенно случайны и не объединены общимъ взглядомъ на сущность эволюціи театра. Къ книгѣ приложены обширный указатель литературы предмета, съ пропускомъ того, что ему не удалось лично изучить или прочесть (что извинительно) и указатель именъ, упоминаемыхъ въ

книгѣ, по множеству пропусковъ мало годный къ употребленію (что̀ неизвинительно). Какъ сборникъ данныхъ, разсѣянныхъ по забытымъ театральнымъ журналамъ и мемуарамъ, книга все же очень полезна.

— Эпоха Николая 1-го. Подъ редакціей М. О. Гершензона. Книгоиздательство „Образованіе". М. 1910.

— Жизнь В. С. Печерина. М. Гершензона. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ „Эпоха Николая I-го"—носитъ эпиграфъ, заимствованный у Герцена: „Удивительное время наружнаго рабства и внутренняго освобожденія". „Наружное рабство" охарактеризовано въ книгѣ чрезвычайно мѣткимъ подборомъ выдержекъ изъ документовъ, записокъ и воспоминаній современниковъ и немногими выдержками изъ позднѣйшихъ историческихъ трудовъ. Предъ читателемъ послѣдовательно развертываются данныя для характеристики личности и взглядовъ Николая I-го, его сподвижниковъ, администраціи въ столицахъ и провинціи, суда и казней, крѣпостного права, войска, печати и школы, III-го Отдѣленія. Въ предисловіи составителя дана удачная характеристика личности Николая I-го, какъ непреклоннаго доктринера по натурѣ и взглядамъ; онъ фанатически стремился вогнать жизнь въ фантастическія рамки, но достигъ лишь глубокой деморализаціи въ управленіи и нисколько не обуздалъ свободной мысли въ обществѣ. Что касается „внутренняго освобожденія", то редакторъ книги видитъ центральные его моменты въ идеализмѣ 30-хъ годовъ и въ соціалистическихъ идеяхъ петрашевцевъ; поэтому для характеристики общественнаго движенія въ эпоху Николая I-го имъ приведены выдержки, касающіяся только этихъ двухъ моментовъ. Совершенно неосвѣщенною осталась вся средина сороковыхъ годовъ, съ борьбою славянофильства и западничества, съ заключительнымъ аккордомъ—письмомъ Бѣлинскаго къ Гоголю. Это—такой же пробѣлъ, какъ и отсутствіе хотя бы краткой характеристики литературнаго движенія въ эпоху Николая I-го.

Самостоятельный этюдъ г. Гершензона: „Жизнь В. С. Печерина" даетъ читателю необыкновенно теплый, дышущій жизнью очеркъ человѣка той же эпохи; это—высоко интересный эпизодъ борьбы за „внутреннее освобожденіе". Собственно этотъ этюдъ есть расширенная обработка статьи того же автора о Печеринѣ, помѣщенной въ книгѣ: „Исторія молодой Россіи". Расширеніе произведено главнымъ образомъ включеніемъ въ текстъ многихъ писемъ и стихотвореній Печерина, въ томъ числѣ его поэмы: „Торжество смерти". Біографическій очеркъ—исторія души романтика 30-хъ годовъ,—превращенъ и въ собраніе его сочиненій, что̀ едва ли удобно: произведенія Печерина

имѣютъ и нѣкоторую объективную цѣнность и интересъ, независимо отъ значенія ихъ для того или другого момента душевной жизни Печерина. Лучше было бы помѣстить все это приложеніемъ къ тексту біографіи. Неудобно и отсутствіе въ книгѣ указателя, который, при теперешнемъ ея видѣ, могъ бы помочь отысканію того или другого стихотворенія или письма. Помимо этихъ чисто внѣшнихъ неудобствъ, работа г. Гершензона принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ явленій въ исторіи литературы. Въ его книгѣ сведенъ воедино весь наличный матеріалъ о Печеринѣ. „Торжество смерти“ напечатано безъ прежнихъ цензурнымъ урѣзокъ. Книга вводитъ, увлекаетъ читателя въ сочувственное пониманіе мечты нашего романтика. „Это была мечта объ осуществленіи потенціальной красоты человѣка, о водвореніи на землѣ царства справедливости, разума и красоты, — та самая мечта о „гармоніи“, которая во всѣ времена жила въ сердцахъ художниковъ и учителей человѣчества, то неутолимое „желаніе лучшаго міра“, о которомъ, вслѣдъ за Шиллеромъ, Печеринъ пѣлъ уже въ юношескіе годы“. За недостаткомъ матеріала, въ книгѣ лишь бѣгло освѣщено крушеніе гордой вѣры Печерина въ свою звѣзду и мечтаній его о близкомъ обновленіи человѣчества, что̀ и увлекло Печерина на Западъ. Но самыя мечтанія и послѣдующая жизнь Печерина (католическимъ монахомъ) очерчены превосходно. Прочитавъ книгу г. Гершензона, живо чувствуешь, какое богатство душевныхъ силъ и красоты было потеряно для Россіи въ лицѣ Печерина.

— Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Посмертное изданіе. Книга двадцать вторая.

Настоящею двадцать второю книгою закончено монументальное предпріятіе Н. Барсукова, начатое лѣтъ двадцать назадъ и прерванное смертью автора. Братъ покойнаго заявляетъ въ предисловіи, что „не рискнулъ взяться за продолженіе его труда,—труда своеобразнаго, единственнаго въ своемъ родѣ“. Въ двадцать вторую книгу вошло всего шесть главъ, подготовленныхъ къ печати самимъ авторомъ, и затѣмъ—объемистый „ключъ“ ко всѣмъ двадцати двумъ книгамъ „Жизни и трудовъ М. П. Погодина“: въ алфавитномъ порядкѣ составленный указатель собственныхъ именъ, названій мѣстъ и важнѣйшихъ предметовъ, упоминаемыхъ въ біографіи. Всякій, обращающійся къ труду г. Барсукова, поблагодаритъ составителей за этотъ указатель. А обращаться къ біографіи Погодина будутъ многіе и еще долго. Едва ли кто прочиталъ ее отъ доски до доски — такъ суха, нестройна, лишена плана и осмысленнаго руководящаго взгляда эта странная біографія. Но на протяженіи ея, плывя по теченію жизни

своего героя, подбирая тщательно каждую мелочь, біографъ отыскивалъ иногда соприкосновеніе ея съ крупными общественными явленіями и говорилъ о нихъ, забывъ про своего героя. Такъ составился сборникъ матеріаловъ по исторіи русской общественности за 20-ые—60-е годы прошлаго вѣка, пригодный для многихъ справокъ. Какъ первоисточникъ многихъ данныхъ о лицахъ, бывшихъ въ перепискѣ съ Погодинымъ, книга Барсукова особенно важна: въ ней напечатано много выдержекъ изъ неопубликованныхъ писемъ обширнаго архива Погодина, хранящагося въ Румянцевскомъ Музеѣ въ Москвѣ.

Шесть главъ послѣдней книги Барсукова посвящены описанію путешествія за границу въ 1864 г. Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича и его болѣзни, кончившейся смертью. Разсказъ ведется главнымъ образомъ на основаніи неизданныхъ воспоминаній Б. Н. Чичерина, приглашеннаго читать Наслѣднику лекціи по государственному праву. Кромѣ страницъ, посвященныхъ личности Наслѣдника, его занятіямъ и потомъ болѣзни, воспоминанія Чичерина касаются, между прочимъ, конституціонныхъ настроеній въ тогдашнемъ обществѣ; къ нимъ Чичеринъ относится съ нескрываемымъ раздраженіемъ, какъ къ „либеральничанью въ пустотѣ, которое должно было остаться безплоднымъ“. Имѣются также кое-какіе любопытные штрихи для характеристики отдѣльныхъ видныхъ дѣятелей. Такъ напр., кн. А. М. Горчаковъ, на вопросъ Чичерина въ 1863 г., будетъ ли данъ категорически-отрицательный отвѣтъ на требованіе державъ относительно Польши, отвѣтилъ: „Я еще не знаю, что я буду отвѣчать: это—дѣло импровизаціи. Я всегда такъ поступаю: когда я встаю въ Государственномъ Совѣтѣ, я никогда не знаю, что я буду говорить. Затѣмъ, если этотъ импровизаторъ вамъ не нравится, берите другого“.—„Меня крайне удивилъ этотъ способъ обсужденія государственныхъ вопросовъ“—замѣчаетъ Чичеринъ; впрочемъ, на этотъ разъ онъ остался доволенъ „импровизаціею“ Горчакова, отвергнувшей предъявленныя Россіи притязанія.

Разставаясь съ двадцати-двухъ-томнымъ трудомъ Н. Барсукова, нельзя не пожелать, чтобы нашелся изслѣдователь, который опубликовалъ бы переписку Погодина; необходима и біографія Погодина, но, конечно, не въ томъ видѣ, какъ писалъ ее покойный Н. Барсуковъ.

— А. П. Чеховъ. Сборникъ статей, Москва, 1910. Книгоиздательство „Образованіе“. „Русская Быль“, № 2.

— Чеховская библіотека. О Чеховѣ. Воспоминанія и статьи. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Послѣ смерти Чехову повезло больше, чѣмъ кому бы то ни было другому изъ русскихъ писателей. Около его имени создался настоящій

культъ, выросла въ короткое время цѣлая литература о немъ и, такъ или иначе, положено начало для изученія его литературной дѣятельности и его жизни.

Въ сборникѣ, изданномъ книгоиздательствомъ „Образованіе“, наиболѣе мѣста отведено біографіи Чехова, составленной Ф. Мускатблитомъ. Біографія, однако, доведена почему-то только до 1890 г. Это—довольно подробный сводъ выдержекъ изъ разнообразныхъ матеріаловъ, воспоминаній и писемъ Чехова, составленный съ привлеченіемъ нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ данныхъ (архивъ московскаго университета), но не безъ существенныхъ пропусковъ. Такъ, мы не встрѣтили упоминанія въ обзорѣ критическихъ отзывовъ статьи Л. Е. Оболенскаго („Русское Богатство“). Оболенскій горячо привѣтствовалъ „Пестрые разсказы“ Чехова и противопоставлялъ его громадный талантъ дарованію—на его взглядъ, болѣе скромному—В. Г. Короленка. Не упомянута и любопытная статья Гл. Успенскаго по поводу „Иванова“. Какъ первый опытъ мало-мальски обстоятельной біографической работы, сводка, сдѣланная г. Мускатблитомъ, заслуживаетъ вниманія. Въ приложеніи къ статьѣ напечатанъ IV-ый актъ „Лѣшаго“, малоизвѣстной чеховской комедіи, переработанной впослѣдствіи въ „Дядю Ваню“.—Интересна и статья г. Вл. Каллаша: „Первый сборникъ А. П. Чехова“—пересказъ содержанія нѣсколькихъ раннихъ произведеній его; этотъ первый сборникъ не увидѣлъ свѣта, такъ какъ у автора и у иллюстратора, Н. П. Чехова, не хватило денегъ на расплату съ типографіей.

Намъ пришлось уже („В. Е.“, 1910, мартъ) упомянуть о „чеховской библіотекѣ“, какъ изданіи, посвященномъ преимущественно спекуляціи именемъ Чехова. Такого же характера и сборникъ воспоминаній, механически составленный г. Брензеромъ. Это — простая перепечатка уже всѣмъ извѣстныхъ статей, въ томъ числѣ воспоминаній Бунина, Горькаго, Елпатьевскаго, Короленка, Куприна, М. Чехова и другихъ.—Оба сборника иллюстрированы. Въ первомъ изъ нихъ курьезны иллюстраціи Н. Чехова къ юмористическимъ разсказамъ А. П. Во второмъ много снимковъ съ портретовъ Чехова.—Ч. В—скій.

— Р. И. Сементковскій. Современная Россія. Записки японца. Спб., 909. Стр. 182. Ц. 75 к.

Любознательный молодой японецъ, изображаемый г. Сементковскимъ, высказываетъ свои впечатлѣнія въ рядѣ живыхъ и иногда остроумныхъ замѣчаній о русскихъ дѣлахъ и порядкахъ. Прибывъ въ Петербургъ, онъ прежде всего пожелалъ ознакомиться съ нашей правительственной организаціей и съ этой цѣлью посѣтилъ „педаго-

гическое вѣдомство"; тамъ онъ наткнулся на группы веселыхъ барышенъ. Съ одною изъ этихъ интересныхъ дѣвицъ онъ ведетъ длинныя политическія бесѣды; отъ нея онъ узнаетъ, что начальникъ вѣдомства — „бывшій кавалергардъ, конногвардеецъ или что-то въ этомъ родѣ" — очень интересуется и увлекается сельскимъ хозяйствомъ, и что каждый изъ нашихъ чиновниковъ занимается какимъ-нибудь постороннимъ дѣломъ, не имѣющимъ ничего общаго съ его служебными обязанностями. Самъ начальникъ, при первомъ знакомствѣ съ японцемъ, настойчиво спрашиваетъ его о практикуемыхъ въ Японіи способахъ приготовленія рыбныхъ туковъ; его чиновникъ особыхъ порученій разсказываетъ о своихъ театральныхъ пьесахъ, другой—говоритъ только о музыкѣ и занимается въ канцеляріи писаніемъ нотъ, третій—просто жуируетъ, хотя пользуется репутаціею спеціалиста по школьному дѣлу. Японецъ съ удивленіемъ выслушиваетъ откровенныя признанія русскихъ собесѣдниковъ о томъ, что „въ Россіи химики, флотскіе офицеры, профессора баллистики бываютъ композиторами и воздухоплавателями, артиллеристы — художниками, археологи — директорами театровъ, а писателями—всѣ понемногу", и что „разныя вѣдомства, въ родѣ морского, финансоваго, цензурнаго и др., спеціализируются—одно на музыкѣ, другое—на поэзіи и т. д." Одна изъ служащихъ въ канцеляріи приглашаетъ японца на секретное революціонное собраніе, которое происходитъ въ роскошной квартирѣ большого казеннаго дома, при участіи многихъ чиновныхъ и даже военныхъ лицъ; извѣстный подпольный дѣятель читаетъ рефератъ, и къ возникшимъ принципіальнымъ спорамъ вскорѣ примѣшиваются разоблаченія систематическаго казнокрадства въ одномъ техническомъ вѣдомствѣ, представитель котораго тутъ же присутствуетъ и подтверждаетъ сообщаемые факты. Японецъ все болѣе убѣждается, что правящій классъ въ Россіи никуда не годится и не можетъ оказать никакого сопротивленія въ случаѣ какой-либо внѣшней или внутренней катастрофы. Онъ кончаетъ свои записки словами: „государство, граждане котораго не интересуются своимъ прямымъ дѣломъ и не любятъ его, не можетъ быть сильнымъ, и врагамъ оно не страшно".

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе книжки г. Сементковскаго. Въ концѣ прибавлены двѣ отдѣльныя статьи — „Русскій Олимпъ" и „Наши гимназіи", гдѣ указываются различные недостатки русскаго общества и русской передовой интеллигенціи. Въ изложеніи автора „современная Россія" исчерпывается бюрократіей и примыкающими къ ней высшими классами; о народѣ почти совсѣмъ не говорится, какъ не говорится ни о системѣ управленія, ни объ организаціи государственной власти, — хотя для „японскаго" наблюдателя эти предметы должны были бы представлять нѣкоторый интересъ. Насмѣшки

надъ такими явленіями, какъ присутствіе служащихъ женщинъ въ нашихъ канцеляріяхъ, придаютъ сатирѣ г. Сементковскаго оттѣнокъ, котораго онъ вѣроятно не имѣлъ въ виду. Впрочемъ, и исходная точка зрѣнія автора кажется намъ ошибочною. То дѣло, которому призвана была служить бюрократія до манифеста 17 октября и которому она отчасти служитъ понынѣ, не было дѣломъ русскаго народа и государства и не могло, поэтому, вызывать чувства любви и сознательной преданности среди массы исполнителей. Еслибы всѣ чиновники съ любовью и убѣжденіемъ проводили предписываемую имъ политику подавленія культурныхъ потребностей и интересовъ народа, заботясь серьезно о процвѣтаніи водочной монополіи и о возможно болѣе широкомъ господствѣ неограниченныхъ административныхъ полномочій надъ безправнымъ населеніемъ, то жизнь при данныхъ условіяхъ стала бы просто невыносимою, и общіе интересы Россіи страдали бы несравненно болѣе, чѣмъ теперь. Грандіозныя хищенія „въ одномъ техническомъ вѣдомствѣ“, упоминаемыя въ книжкѣ г. Сементковскаго, также зависятъ, разумѣется, не отъ случайныхъ и личныхъ причинъ, а отъ коренныхъ органическихъ пороковъ всей правительственно-государственной организаціи — пороковъ, противъ которыхъ безсильны всѣ отдѣльные чиновники, вмѣстѣ взятые, какъ бы добросовѣстны они ни были.—Л. С.

— Пфлугъ-Гартунгъ. Всемірная Исторія. Отъ Вѣнскаго Конгресса до нашихъ дней (1815 — 1910). Переводъ съ дополненіями подъ ред. проф. Н. И. Карѣева и С. Г. Лозинскаго. Отдѣлъ русской исторіи написанъ А. А. Корниловымъ. Изданіе Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1910.

Въ рядѣ большихъ коллективныхъ историческихъ трудовъ, вышедшихъ за послѣднее время, особенное вниманіе обращаетъ на себя научное предпріятіе нѣмецкихъ историковъ, объединившихся подъ редакціей проф. Пфлугъ-Гартунга. Успѣху его, помимо богатства внутренняго содержанія, способствуетъ великолѣпно скомбинированный иллюстративный матеріалъ. Шестой томъ „Всемірной Исторіи“, только-что вышедшій въ русскомъ переводѣ, принадлежитъ—наряду съ томомъ, посвященнымъ средневѣковью,—къ числу сравнительно менѣе удавшихся частей изданія, и можно пожалѣть, что именно съ него начинается ознакомленіе русской публики съ капитальнымъ трудомъ нѣмецкихъ ученыхъ. Для начала болѣе подходилъ бы или ранѣе всѣхъ вышедшій третій томъ, трактующій объ эпохѣ открытій, Ренессанса и Реформаціи, или недавно появившійся первый томъ, посвященный античному міру.

Редакторы русскаго перевода VI-го тома измѣнили распланировку

матеріала, сдѣлали дополненія и сокращенія въ текстѣ и поручили за-ново написать отдѣлъ русской исторіи А. А. Корнилову. Всѣ эти начинанія можно привѣтствовать; отъ нихъ изданіе только выиграло. Но всѣ недочеты оригинала исправить не удалось. Нѣтъ правильнаго дѣленія матеріала ни по хронологическимъ признакамъ, ни по принципу важности трактуемыхъ событій. Еще болѣе усугубляетъ эту неравномѣрность крайній „германизмъ“ составителей „Всемірной Исторіи“. Не смотря на стремленіе русскихъ редакторовъ (какъ это и указано въ предисловіи) внести извѣстные коррективы, все же остается преобладаніе нѣмецкой исторіи и нѣмецкой точки зрѣнія. Въ то время какъ исторія другихъ государствъ излагается въ почти конспективной формѣ, исторія Германіи и Австріи полна деталей (большею частью анекдотическаго характера) и написана въ весьма повышенномъ тонѣ. Для примѣра укажемъ главу объ австро-прусской войнѣ, съ сентиментальнымъ заключеніемъ въ духѣ тройственнаго союза, главу о франко-прусской войнѣ, далеко не отличающуюся объективностью, и патетическій разсказъ о паденіи Бисмарка, растянутый на 22 страницы. Совершенно излишней слѣдуетъ признать настойчивость въ подчеркиваніи близости русскихъ и германскихъ интересовъ, съ намѣреннымъ сгущеніемъ красокъ въ изображеніи „традиціонной“ вражды Россіи и Англіи. Другимъ недостаткомъ разбираемаго сочиненія является отсутствіе общей, соціологической точки зрѣнія. Попытки объясненія тѣхъ или другихъ историческихъ явленій часто страдаютъ расплывчатостью и неясностью исходныхъ точекъ зрѣнія. Внутренняя жизнь государствъ — особенно соціально-экономическія отношенія—остается сравнительно менѣе освѣщенной; главное вниманіе обращено на внѣшнюю исторію. Авторамъ нельзя отказать въ живости, нерѣдко увлекательности изложенія, въ умѣньѣ использовать драматическіе моменты и ярко изобразить сложныя дипломатическія и партійныя комбинаціи. Благодаря этому обширный томъ (около 800 страницъ) читается съ неослабѣвающимъ интересомъ и вполнѣ доступенъ для широкой публики. Въ отдѣлѣ русской исторіи главное мѣсто отведено внутреннему развитію Россіи (особенно подробно изложено освобожденіе крестьянъ), но ему недостаетъ яркости и образности другихъ частей сочиненія.

Мы останавливались болѣе на недочетахъ труда, нежели на его достоинствахъ, потому что русская публика можетъ быть весьма требовательной по отношенію ко всякому новому изданію по исторіи XIX-го вѣка. У насъ имѣются въ переводѣ почти всѣ главнѣйшія западно-европейскія сочиненія, относящіяся къ этому періоду, и кромѣ того превосходящій многія изъ нихъ оригинальный трудъ проф. Карѣева. Тѣмъ не менѣе коллективный трудъ подъ редакціей Пфлугъ-

Гартунга, какъ прекрасно написанный общій очеркъ исторіи новѣйшаго времени, можетъ считаться цѣннымъ пріобрѣтеніемъ нашей исторической литературы. По внѣшности русское изданіе уступаетъ заграничному; приложенные къ нему многочисленные портреты историческихъ дѣятелей не замѣняютъ разнообразныхъ иллюстрацій, которыми такъ богато нѣмецкое изданіе. Интересная статья Лампрехта о распространеніи европейской цивилизаціи сильно теряетъ безъ поясняющаго атласа картъ.

— Труды Ѳ. Ѳ. Соколова. Спб. 1910.

1 іюня истекшаго года не стало признаннаго главы школы русскихъ эпиграфистовъ Ѳ. Ѳ. Соколова. Къ годовщинѣ его смерти ученики его—проф. Никитскій, Жебелевъ, Латышевъ, Новосадскій и др.—выпустили обширный томъ трудовъ своего учителя. Мало доступные для широкой публики, эти труды представляютъ большую цѣнность для спеціалистовъ по древней исторіи и для классиковъ. На первый взглядъ сухія, трактующія почти исключительно вопросы внѣшней исторіи и хронологіи, статьи Соколова поражаютъ глубиной критическаго анализа и тонкимъ мастерствомъ интерпретаціи. Авторъ — исключительный эрудитъ — умѣло толкуетъ полуистертыя письмена и на основаніи сохранившихся обломковъ даетъ блестящія и остроумныя реконструкціи. Предметъ большей части спеціальныхъ этюдовъ—изслѣдованіе надписей. О значеніи этого источника Ѳ. Ѳ. Соколовъ выражается такъ: „Древнія надписи производятъ особое, глубокое впечатлѣніе, отличаются особымъ, захватывающимъ интересомъ: внимая имъ, какъ бы слышишь голоса, отрывки разговоровъ дня, которому минуло двѣ тысячи лѣтъ“. Особенное значеніе имѣютъ этюды, посвященные темнымъ и запутаннымъ вопросамъ исторіи III-го вѣка до Р. Хр.; они вошли въ циклъ статей подъ общимъ заглавіемъ: „Въ области древней исторіи“ (многія изъ нихъ напечатаны и по-нѣмецки, въ журналѣ „Klio“). Общую, замѣчательную характеристику III-го вѣка даетъ актовая рѣчь: „Третье столѣтіе до Р. Хр.“. Нѣсколько особнякомъ отъ другихъ трудовъ покойнаго ученаго стоятъ обширная, ранняя статья о Гомеровскомъ вопросѣ и публичная рѣчь объ Александрѣ I-мъ. Къ сборнику приложены три портрета Ѳ. Ѳ. Соколова. Нельзя не пожалѣть, что не перепечатанъ въ сборникѣ превосходный некрологъ, написанный проф. Жебелевымъ (онъ былъ помѣщенъ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“).—И. Бороздинъ.

— М. И. Боголѣповъ.—Государственный долгъ. Спб., 1910 г.

Объемистая книга г. Боголѣпова является началомъ обширнаго изслѣдованія о развитіи публичнаго кредита. Авторъ находитъ, что изученію общихъ основъ публичнаго кредита должно предшествовать изслѣдованіе государственныхъ долговъ. Первый томъ такого изслѣдованія онъ посвятилъ государственнымъ долгамъ, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ военнымъ расходамъ и бюджетнымъ дефицитамъ. Содержаніе книги, однако, шире ея заголовка; бо̀льшая ея часть посвящена не кредиту, а различнымъ другимъ вопросамъ государственнаго хозяйства, прямо или косвенно связаннымъ съ кредитомъ. Такъ, много страницъ и даже цѣлыя главы отведены авторомъ исторіи путей, какими пріобрѣтались средства для военныхъ расходовъ, интересному, но мало разработанному вопросу о финансовой боевой готовности государствъ, отношенію военныхъ расходовъ къ народному хозяйству, теоріи и исторіи чрезвычайнаго бюджета, порчѣ денегъ и бумажно-денежному обращенію. Все это излагается, подчасъ, съ большими подробностями. Мы говоримъ это не въ осужденіе автора, — потому что интересъ литературной работы опредѣляется не заголовкомъ, а содержаніемъ,—а для того, чтобы дать о книгѣ болѣе точное понятіе. Темы, трактуемыя авторомъ, очень интересны и злободневны.

Авторъ изучаетъ интересующіе его вопросы исторически, въ связи съ ученіями теоретиковъ — съ одной стороны, съ фактическими государственно-соціальными отношеніями — съ другой. Но у него вы не найдете хотя бы приблизительнаго учета роста задолженности главнѣйшихъ государствъ собственно для военныхъ цѣлей, условій заключенія такихъ займовъ и т. п. Въ частности г. Боголѣповъ отвелъ много мѣста вопросу объ отношеніи военныхъ расходовъ къ народному хозяйству, какъ источнику средствъ для войны и какъ организаціи, такъ или иначе отъ нихъ страдающей; интересуется онъ здѣсь и тѣми силами и отношеніями, которыя поддерживаютъ милитаризмъ въ наше время господства мирныхъ сношеній между народами, всеобщей коммерческой взаимозависимости и всеобщей боязни военныхъ столкновеній. Но изъ всѣхъ его разсужденій и фактовъ вытекаетъ лишь то, что чѣмъ болѣе развивается въ обществѣ отвращеніе къ войнѣ, тѣмъ болѣе къ ней готовятся государства. Авторъ разсматриваетъ различныя силы и интересы, положительно или отрицательно заинтересованные въ военныхъ расходахъ, но — можетъ-быть потому, что онъ слишкомъ много вниманія удѣляетъ этимъ факторамъ и недостаточно используетъ „экономическую точку зрѣнія“—отвѣта на вопросъ о причинахъ упорнаго сопротивленія милитаризма вра-

ждебнымъ ему тенденціямъ мы у него не находимъ. Заключенія автора вообще нѣсколько расплывчаты и не всегда легко могутъ быть формулированы. Отчасти это объясняется его системой развитія своихъ взглядовъ путемъ изложенія и критики чужихъ мнѣній въ исторической, по большей части, ихъ послѣдовательности. При этомъ авторъ злоупотребляетъ правомъ выписокъ изъ чужихъ произведеній.

Научные результаты изслѣдованія г. Боголѣпова заключаются въ установленіи нѣкоторыхъ зависимостей въ области финансовъ и въ критикѣ господствующихъ финансовыхъ теорій. Скажемъ нѣсколько словъ о послѣдней. По заключенію автора, теоріи, если онѣ не имѣли въ виду оправданіе существующихъ отношеній, какъ бы протекали внѣ жизни: теорія—сама по себѣ, а практика—сама по себѣ. Мало дали финансовыя теоріи и въ сферѣ объясненія существующаго. Эти неудачи теорій авторъ приписываетъ тому, что онѣ стремились не столько къ познанію, сколько къ поученію, къ раціонализированію финансовой практики. Оставаясь на этой почвѣ, теорія „въ конечномъ результатѣ даетъ программу, быть-можетъ самую совершенную“ и способную „бросить яркій лучъ свѣта въ неизвѣстность будущаго“, но безсильную, если ее не приметъ къ руководству господствующій классъ, и не объясняющую научно ни прошлаго, ни настоящаго. „Современная финансовая политика осуществляется подъ вліяніемъ тѣхъ общественныхъ классовъ, интересы которыхъ опредѣляютъ весь ходъ государственной жизни“ — а эти классы мало склонны къ раціонализаціи финансовъ, грозящей перенесеніемъ на ихъ плечи податного бремени. Усиленіе вліянія демократіи и развитіе государственныхъ потребностей заставляютъ ихъ, правда, дѣлать хотя бы малые шаги по этому пути; но авторъ склоняется къ заключенію, что дальнѣйшее усиленіе демократіи помѣшаетъ раціонализаціи финансовъ. „Соціальная борьба, какъ основа современныхъ финансовыхъ отношеній, возрастетъ до невиданныхъ размѣровъ, а вслѣдствіе этого усилятся и умножатся преграды и препятствія на пути развитія финансовыхъ системъ“. Мало сдѣлано, по мнѣнію г. Боголѣпова, господствующими теоріями и въ отношеніи объясненія явленій существующаго. „Ставъ на почву этой теоріи, можно узнать только одно: какіе отдѣльные факты изъ исторіи государственнаго кредита нужно теоретически признать раціональными, и какіе — патологическими“. Современная финансовая наука, однако, „постепенно освобождается отъ гнета совершенно постороннихъ для нея политическихъ и практическихъ задачъ, и этимъ создаются необходимыя условія для построенія дѣйствительно научныхъ теорій финансовыхъ явленій“ (стр. 562). „Достаточно, если теорія обнаружитъ и раскроетъ органическую связь даннаго явленія съ эпохой, съ общими условіями вре-

мени, раскроетъ его природу и его дѣйствія"—такъ формулируетъ, на стр. 568, г. Боголѣповъ задачу научнаго изслѣдованія финансовъ, которою онъ руководствуется и въ своемъ собственномъ трудѣ. Нельзя возражать противъ положительной части этого утвержденія: изученіе и уясненіе явленія составляютъ дѣйствительно первую задачу науки. Но если авторъ разсматриваемаго нами весьма интереснаго изслѣдованія порицаетъ прежнихъ теоретиковъ за чрезмѣрное и немотивированное пристрастіе къ раціонализму, то не вправѣ ли мы упрекнуть его самого за столь же мало обоснованное уклоненіе въ другую крайность?

— А. А. Кизеветтеръ. Мѣстное самоуправленіе въ Россіи. Москва, 1910.

— Орестъ Семинъ. Основные вопросы мѣстнаго самоуправленія. Земская реформа на Кавказѣ. Баку, 1910.

Задачей названнаго выше труда А. А. Кизеветтера, извѣстнаго самостоятельными работами въ области исторіи самоуправленія въ Россіи, было „прослѣдить въ сжатомъ и удобообозрѣваемомъ очеркѣ наиболѣе характерныя и основныя черты въ исторіи взаимныхъ отношеній коронныхъ и выборныхъ общественныхъ властей на поприщѣ мѣстнаго управленія въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней", въ надеждѣ, что эта историческая справка окажется небезполезной при разрѣшеніи очередного вопроса русскаго быта: преобразованія дѣйствующаго положенія о мѣстномъ самоуправленіи.

Исторія самоуправленія въ Россіи, по мнѣнію автора, отражаетъ моментъ общей исторіи провинціальной администраціи, проходящей въ своемъ развитіи слѣдующіе этапы: полнаго примѣненія общественной самодѣятельности въ мѣстномъ управленіи, безъ всякаго вмѣшательства государства — упраздненія этого самоуправленія центральною властью—и введенія его вновь по иниціативѣ правительства. Этапы эти въ нашемъ отечествѣ характеризуются, конечно, своеобразными особенностями. Въ удѣльно-вѣчевой періодъ представители правительства на мѣстахъ имѣли задачей не столько управленіе, сколько „смотрѣніе своего прибытка", а управленіе „предоставлялось всецѣло самопомощи населенія—самопомощи не урегулированной и не санкціонированной никакимъ закономъ". Въ XVI-мъ вѣкѣ мѣстныя выборныя власти получаютъ формальное признаніе закона и ставятся во главѣ управленія. На практикѣ это оказалось, однако, началомъ бюрократизаціи мѣстнаго управленія. Начатки самоуправленія не могли развиться въ прочныя организаціи при господствовавшей системѣ разъединенія сословій и подчиненія всѣхъ ихъ государеву тяглу. Въ мѣстномъ самоуправленіи разъединительный

характеръ сословной политики дополненъ былъ территоріальной раздробленностью самоуправляющихся единицъ: „каждый уѣздъ дробился на сотни мелкихъ общинъ, и каждая изъ этихъ общинъ съ выборными властями непосредственно подчинялась центральнымъ учрежденіямъ". А въ силу тяглаго характера предъявлявшихся правительствомъ требованій „функціи земскихъ старостъ сводились не столько къ удовлетворенію мѣстныхъ общественныхъ потребностей, сколько къ исполненію казенныхъ порученій", съ отчетомъ о нихъ передъ центральной властью. Въ XVII в. между органами самоуправленія и правительствомъ поставлены были воеводы, которые превратились въ настоящихъ хозяевъ мѣстнаго управленія, а выбранные чины сдѣлались выполнителями ихъ распоряженій. Реформы Петра I направлены были „на подставленіе новыхъ подпорокъ подъ старыя основы государственности". Число чиновниковъ на мѣстахъ увеличилось, функціи ихъ были расширены, но выполнялись неудовлетворительно; попытки же привлечь къ участію въ мѣстномъ управленіи общественныя силы терпѣли неудачу. „Только раскрѣпленіе общества и взаимное сближеніе сословій могло бы оживить самодѣятельность русской провинціи". То и другое начало получили нѣкоторое осуществленіе при Екатеринѣ II, когда вмѣстѣ съ тѣмъ задачей мѣстнаго управленія — наряду съ удовлетвореніемъ государственныхъ потребностей—признана была и забота о благосостояніи населенія. Но и мѣстная реформа Екатерины II выродилась въ скоромъ времени въ „бюрократизацію общественнаго представительства", вслѣдствіе подчиненія выборныхъ лицъ руководству администраціи и проникновенія всей общественной атмосферы „насквозь духомъ крѣпостническаго произвола". Лишь съ упраздненіемъ крѣпостного права могъ серьезно быть поставленъ вопросъ о развитіи дѣйствительнаго мѣстнаго самоуправленія. Краткимъ очеркомъ составленія земскаго Положенія 1864 г. и его послѣдующей судьбы заканчиваются талантливые очерки г. Кизеветтера.

Книжка Ореста Семина служитъ какъ бы дополненіемъ труда г. Кизеветтера; главное ея содержаніе заключается въ изложеніи подготовительныхъ работъ послѣднихъ лѣтъ къ замѣнѣ бюрократическихъ порядковъ мѣстнаго управленія на Кавказѣ системою самоуправленія. Это изложеніе, однако, дается не объективнымъ историкомъ, какъ въ книгѣ г. Кизеветтера, смотрящимъ на дѣло со стороны, а общественнымъ дѣятелемъ, принимающимъ личное участіе въ описываемомъ имъ процессѣ. Въ книжкѣ г. Семина имѣется также характеристика дѣйствующей системы мѣстнаго хозяйства въ Закавказьѣ и обзоръ въ табличной формѣ коммунальныхъ положеній Западной Европы и Россіи. Къ книгамъ г.г. Кизеветтера и Семина приложена библіографія разсматриваемыхъ ими предметовъ.—В. В.

Въ теченіе іюня мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Адріановъ, Г. В., и *Малишевскій*, М. А.—Черноморско-кубанская ж. д. взамѣнъ Перевальной черезъ Кавказскій хребетъ. Спб., 1910 г.

Аракскій, И. Ѳ.—Въ Закавказьѣ. Очерки. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Башкинъ, В.—Разсказы. Томъ III. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Бѣлецкій, В. П.—Сборникъ обвинительныхъ пунктовъ. Житоміръ, 1910 г.

Вагнеръ, Германъ.—Въ полѣ и на лугу. Спб., 1910 г. Цѣна 65 коп.

Вандаль, Альбертъ.—Наполеонъ и Александръ. Томъ I. Перев. съ франц. В. Шиловой. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р.

Велетокъ, Х.—Стихотворенія. Ломжа, 1910 г. Цѣна 30 коп.

Величкинъ, В.—Другъ дѣтей. Спб., 1910 г. Цѣна 20 р.

В. Л.—Новое дѣло. Литературный сборникъ. Спб., 1909 г. Цѣна 70 коп.

Гаринъ, Н.—Разсказы и пьесы. Томъ IX. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Гейерстамъ, афъ, Густавъ.—Собраніе сочиненій. Т. V. Власть женщинъ. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Ивановъ, Г. И.—Начальный курсъ географіи. Ч. I, II и III. Спб., 1910 г. Цѣна I ч. 60 коп., II и III по 75 коп.

Казанцева, Н.—Принципы, на которыхъ утверждалось русское просвѣщеніе. Александровскъ, 1910 г.

Краевскій, Б.—По поводу самоубійствъ среди учащихся. Харьковъ, 1910 г. Цѣна 50 коп.

Крачковскій, Д.—Необыкновенный человѣкъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Ле-Дантекъ, Феликсъ.—Основныя начала біологіи. Перев. З. Стиглисъ подъ ред. В. Базарова. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Малиновскій, І., проф.—Русскіе писатели-художники о смертной казни. Томскъ, 1910 г. Цѣна 75 коп.

Малянтовичъ, П. Н., и *Муравьевъ*, Н. К.—Законъ о политическихъ и общественныхъ преступленіяхъ. Практическій комментарій. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Миклашевскій, Іос.—Вѣнокъ на могилу Шопена. Кіевъ, 1910 г.

Морозовъ, И.—Объ искусствѣ вообще и поэзіи въ частности. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Морозовъ, Николай.—Звѣздныя пѣсни. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Неткачевъ, Г. Д.—Къ психопатологіи театральной игры. О сценическомъ страхѣ. Спб., 1910 г.

Нѣнинъ.—Грядущій Фаустъ. Драма-поэма въ 2-хъ частяхъ. Рязань, 1910 г. Цѣна 70 коп.

Павловъ, Анатолій.—Въ океанѣ вдохновенія. Тифлисъ, 1909 г. Цѣна 50 к.

Паліенко, Н. Н.—Основные законы и форма правленія въ Россіи. Юридическое изслѣдованіе. Харьковъ, 1910 г. Цѣна 75 коп.

Переферковичъ, Н. А.—Еврейскіе законы объ иновѣрцахъ. Изд. 2-е. Спб., 1910 г. Цѣна 35 коп.

Пуанкаре, Л.—Эволюція современной физики. Перев. съ франц. І. Гольденберга. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

П., Ѳ. Г.—Лѣсная семья дѣдушки Крылова. Сцены для школьнаго театра, № 1. Харьковъ, 1910 г. Цѣна 40 коп.

Слезкинъ, Юрій.—Картонный король. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Слобожанскій, С.—Италія. Часть I. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Сологубъ, Ѳедоръ.—Собраніе сочиненій. Т. IV. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 к

——— Собраніе сочиненій. Т. VIII. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Супничичъ, Гугонъ Семеновичъ. — Славяне и конституція. Одесса, 1910 г. Цѣна 10 коп.

Сьверова, Н. Б.—Интимныя страницы. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Тэффи.—Юмористическіе разсказы. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Усовъ, М. Л.—Преданіе и факты. (Къ еврейскому вопросу). Изд. 2-е. Спб., 1910 г. Цѣна 20 коп.

Уэллсъ, Гербертъ Джорджъ.—Собраніе сочиненій. Томъ VIII. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Чернышевъ, В.—Русское правописаніе. Спб., 1910 г. Цѣна 30 коп.

Шлихтъ, баронъ.—Подъ сѣнью побѣдныхъ знаменъ. Книга I. Перев. съ нѣм. В. І. фонъ-Толь и Л. А. Шмидтъ. Спб., 1910 г. Цѣна 60 коп.

Шюре, Эдуардъ. — Великіе посвященные. Перев. съ франц. Е. П. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Ѳеоктистовъ, В. К.—Пятидесятилѣтіе Саратовской Маріинской женской гимназіи. Саратовъ, 1910 г.

— Альманахъ для всѣхъ. Книга первая. Изд. 2-е. Спб., 1910 г. Ц. 60 коп.

— Альманахъ для всѣхъ. Издательство „Разумъ“. Книжка 4-я. На чужбинѣ. Спб., 1910 г. Цѣна 15 коп.

— Матеріалы для оцѣнки неземельныхъ имуществъ Саратовской губерніи. Выпускъ II. Саратовъ, 1910 г.

— Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола. Подъ ред. Влад. Бончъ-Бруевича. Вып. II. Животная книга духоборцевъ. Записалъ и собр. В. Бончъ-Бруевичъ. Вып. III. Штундисты. Постники. Свободные христіане. Духовные скопцы. Старообрядцы. Цѣна каждаго выпуска 2 рубля.

— Отчетъ мужского семиклассnаго коммерческаго училища М. А. Паршина за 1909—1910 г. Москва, 1910 г.

— Памяти Николая Гавриловича Чернышевскаго. Доклады и рѣчи Н. Ф. Анненскаго, М. А. Антоновича, А. А. Корнилова, А. С. Посникова и М. И. Туганъ-Барановскаго. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

— Сборникъ т-ва „Знаніе“. Книга 30-я. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

— У источника. Спб., 1910 г.

— Фіорды. Сборникъ 5-й. „На высотахъ“. Издательство А. Ф. Маркса. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Записки наукового товариства імені Шевченка. Під редакціею Михайла Грушевського. Рік XIX, т. XCIV. Львів, 1910 р.

— Українсько-руський архивъ. Т. V. Фільологічні праці Івана Могильницкого. Видав Михайло Возняк. У Львові, 1910 р.

— Этнографічний Збірник. Т. XXVI. Народні оповидання про опришків. Зібравъ Володимир Гнатюк. У Львові, 1910 р.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

Дума въ одинъ изъ дней засѣданія по финляндскому вопросу.—Думская „охрана“.—Музыка разговоровъ, чтенія и ходьбы. — Итогъ личныхъ впечатлѣній. — Изъ отзывовъ печати о финляндскомъ законопроектѣ.—Что ждетъ высшую, среднюю и низшую школу. — Внѣшній шпіонажъ. — К. Ѳ. Казиміръ, Юлія Безродная и А. Н. Котельниковъ †.

Авторъ этихъ строкъ въ концѣ мая былъ въ первый разъ въ Таврическомъ дворцѣ послѣ роспуска второй Думы. Какъ публицистъ, много писавшій о Думѣ 3-го іюня, онъ, конечно, заслуживаетъ упрека. Публицистъ обязанъ пользоваться всякой возможностью, чтобы провѣрять непосредственными наблюденіями и впечатлѣніями чужіе отзывы, печатные и устные, на основаніи которыхъ онъ пишетъ. Но для составителя „общественной хроники“ „Вѣстника Европы“ есть оправданіе личнаго свойства. На его долю выпала высокая честь быть членомъ, какъ первой Думы—„Думы народныхъ надеждъ“,—такъ и второй — „Думы народнаго гнѣва“. И онъ въ теченіе трехъ лѣтъ не находилъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы придти въ третью Думу, намѣренно и искусно созданную для ликвидаціи надеждъ и для инсценированія въ обратномъ направленіи гнѣва и желаній народа. Понятно, что ему было бы нелегко присутствовать въ качествѣ зрителя при все далѣе развертывающихся актахъ такого инсценированія и такой ликвидаціи. Время, однако, беретъ свое — всегда и во всемъ. Конечно, три года практики учрежденія, увѣнчавшаго, наконецъ, послѣ долгой борьбы, зданіе освободительныхъ реформъ, не примирили и не могли примирить съ „самобытно-русской“, „самодержавно-представительной“ конституціей и съ ея главнымъ выраженіемъ — съ третьей Думой—тѣхъ, кто были 27 апрѣля 1906 г. въ Зимнемъ дворцѣ, а затѣмъ, подъ восторженные клики съ улицъ, мостовъ, барокъ, изъ тюремныхъ оконъ, вошли въ Таврическій дворецъ. Не въ этомъ смыслѣ время взяло свое: но оно отодвинуло 27-ое апрѣля, какъ и 17-ое октября, въ исторію. А третью Думу оно сдѣлало фактомъ русской дѣйствительности — тѣмъ фактомъ, который сталъ безспорно яснымъ и который только наименованіемъ своимъ говоритъ о несбывшихся былыхъ надеждахъ...

Какою представляется внѣшняя обрисовка этого факта?

Мы были въ вечернемъ засѣданіи. Жаркая лѣтняя погода и засѣданіе, созванное вечеромъ, послѣ короткаго, двухчасового обѣденнаго перерыва, живо напомнили болѣзненно напряженную энергію работы первой Думы. Тогда, въ маѣ 1906 г., тоже стояли удушливо жаркіе дни. Но первые избранники народа и мысли не допускали объ отдыхѣ. Пока С. А. Муромцевъ не сказалъ исторической фразы: „У Государственной Думы нѣтъ неразсмотрѣнныхъ дѣлъ“ — вскорѣ затѣмъ министерствомъ былъ внесенъ законопроектъ о прачешной,— Дума засѣдала и днемъ, и вечеромъ до ранняго петербургскаго восхода солнца. Первая Дума, не отрываясь, работала надъ отвѣтнымъ адресомъ, горя желаніемъ скорѣе вылить въ конкретныя формы законодательныхъ актовъ утоленіе земельнаго голода, гражданскую свободу, равноправіе, отмѣну смертной казни, амнистію. Въ маѣ 1910 г. третья Дума тоже не помнила объ отдыхѣ: она экстренно исполняла срочный заказъ. Она торопилась прикончить Финляндію...

Мы шли черезъ Таврическій садъ. За рѣшеткой, въ закрытой для публики части сада, видны были вышедшіе на воздухъ депутаты и на каждомъ углу, у каждаго заворота рѣшетки — чины охраны дворца. Форма охранниковъ мелькала не рѣже, чѣмъ сюртуки и пиджаки депутатовъ. И было ясно, что охранники стоятъ и ходятъ по саду для охраны членовъ Думы... Въ первой Думѣ охраны и охранниковъ не было вовсе. Ко времени открытія второй Думы создана была сложная система изоляціи народныхъ представителей отъ уличныхъ овацій, отъ посѣщающей засѣданія публики, отъ сотрудниковъ газетъ и даже отъ министровъ, для которыхъ былъ выстроенъ особый павильонъ. И въ основу системы тогда же была положена „охрана“. Появились начальникъ дворцовой охраны, его помощникъ изъ жандармскихъ офицеровъ и цѣлый штатъ охранныхъ чиновъ низшихъ ранговъ. Но та охрана была всего менѣе охраною депутатовъ. Охранять ихъ было не отъ кого, и ихъ неприкосновенность не составляла предмета охранныхъ заботъ. Охранники, ходившіе по саду въ маѣ 1907 г., предупреждали общеніе членовъ второй Думы съ стремившейся всегда подойти къ запретной рѣшеткѣ публикой. Предупреждали они не то общеніе, которое вынуждаетъ помнить о личной безопасности общающихся. Задачи думской „охраны“ въ 1910-мъ году стали совершенно иными... Въ первые мѣсяцы жизни третьей Думы такая охрана, можетъ быть, и была нужна. Но теперь, проходя черезъ Таврическій садъ, мы не замѣтили абсолютно ни одной черточки, которая говорила бы, что у массы гуляющихъ, играющихъ въ лаунъ-теннисъ и сидящихъ на скамейкахъ есть хоть малѣйшій интересъ къ тому, что дѣлается за рѣшеткой, и къ тѣмъ, кого тамъ тщательно охраняютъ. Даже недовольство Думой въ уличныхъ

массахъ исчезло. Три года октябристы „пріучали“ къ конституціи — и пріучили къ обидно безразличному взгляду на Думу, какъ на присутственное мѣсто, гдѣ изготовляютъ законы.

Черезъ длинный рядъ охранной провѣрки билета и самоличности — у воротъ, у подъѣзда, въ швейцарской, на лѣстницѣ — мы прошли по стеклянной галлереѣ въ ложи для публики. Сквозь прозрачныя верхнія стекла видны были только потолокъ Екатерининской залы да горящія люстры. Нижнія матовыя стекла скрывали отъ глазъ, что дѣлалось въ кулуарахъ. Слышался неопредѣленный гулъ голосовъ. Часъ открытія засѣданія уже насталъ, предсѣдательствовавшій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, но депутатовъ еще почти никого не было. Созывающій звонокъ трещалъ непрерывно. На министерскихъ мѣстахъ сидѣло человѣка четыре — но не министровъ и даже не товарищей министровъ, а чиновниковъ не выше департаментскихъ директоровъ. Въ верхнихъ ложахъ была такая же пустота, какъ внизу. Пришедшіе послушать заключительный аккордъ общихъ преній по финляндскому вопросу свободно размѣщались въ первомъ ряду стульевъ. Тутъ были преимущественно провинціалы, кое-кто изъ журналистовъ, не получившихъ доступа въ нижнюю ложу представителей печати, дамы и личные знакомые очередныхъ ораторовъ.

Постепенно депутатскія кресла стали заполняться. Потомъ, къ моменту голосованія, въ залъ собралось болѣе трехсотъ человѣкъ. Къ началу же преній едва ли былъ на-лицо законный кворумъ. Большинство третьей Думы не въ этотъ вечеръ предвосхитило слова П. А. Столыпина о минутахъ, когда надо рѣшать. Оно давно уже и твердо усвоило, что думскія засѣданія существуютъ отнюдь не для обсужденія дебатируемыхъ вопросовъ, а лишь для принятія рѣшеній,— или, вѣрнѣе, для санкціонированія счетомъ голосовъ тѣхъ рѣшеній, которыя уже приняты во фракціонныхъ собраніяхъ и въ междуфракціонныхъ соглашеніяхъ. Оно постоянно заявляетъ объ отсутствіи какой бы то ни было преемственности между нимъ и партіями, составлявшими большинство въ Думахъ перваго и второго созывовъ. Но, въ сущности, оно восприняло отъ нихъ партійность и возвело ее въ культъ. Третья Дума — откровенная говорильня. Въ ней говорятъ для газетъ, для „сферъ“, но только не для тѣхъ, къ кому обращаютъ слово. Представителей правительства Дума слушаетъ. Рѣчи же депутатовъ — ненужная докука. И большинство этого не скрываетъ. Были не разъ примѣры, что немедленно вслѣдъ за рѣчью докладчика вносилось предложеніе о прекращеніи еще не начинавшихся преній. Зачѣмъ законодателямъ обдумывать, взвѣшивать сужденія за и противъ? Ихъ обязанность класть штемпель на то, что предрѣшено отъ

ихъ имени, во-первыхъ, законопроектомъ, а затѣмъ переговорами, соглашеніями и учетомъ вліяній.

Ложи для публики такъ и остались до конца засѣданія пустыми. Исходъ голосованія никого не интересовалъ: онъ былъ извѣстенъ еще за недѣлю, если не за мѣсяцъ. Та единственная рѣчь, которая могла имѣть реальное значеніе и послѣ принятыхъ во фракціяхъ большинства рѣшеній—рѣчь П. А. Столыпина,—уже была произнесена. Крупнаго скандала не ожидалось: г. Пуришкевичъ уже говорилъ, а мелкими думскими скандалами обычные посѣтители засѣданій пресыщены свыше всякой мѣры. Но для посѣтителей необычныхъ то засѣданіе, на которомъ мы были, представляло собою сплошной, тягостный скандалъ. Около насъ сидѣлъ старичокъ, не то мѣщанинъ изъ уѣзднаго города, не то торговецъ-крестьянинъ. Глядя внизъ, онъ вздыхалъ и про себя бормоталъ: „на сельскихъ сходахъ этого не бываетъ“.

Въ залѣ царилъ безпорядокъ. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что С. А. Муромцевъ, руководя засѣданіями первой Думы, почти никогда не употреблялъ колокольчика. Тутъ же колокольчикъ звенѣлъ поминутно. Князь Волконскій и затѣмъ смѣнившій его г. Шидловскій не выпускали думскаго колокола изъ рукъ. Говорилъ правый ораторъ—они, готовые примѣнить предсѣдательскую власть, сидѣли въ полъоборота влѣво. Говорилъ лѣвый—они поворачивались вправо. Первымъ занялъ каѳедру членъ партіи народной свободы, г. Бабянскій. Разслышать его рѣчь, весьма сдержанную по формѣ, дѣловую и содержательную, представляло большой трудъ. Не смотря на громкій голосъ оратора, нужно было черезъ силу напрягать слухъ, чтобы схватывать порой выкрикиваемыя фразы. Наканунѣ была впервые примѣнена правыми и націоналистами новая форма обструкціи: заглушать рѣчи оппозиціи разговоромъ съ сосѣдомъ. Г. Бабянскаго почти-что не перебивали: всего разъ или два что-то прокричалъ г. Пуришкевичъ—но по нравамъ третьей Думы это такая неизбѣжно-привычная мелочь, на которую и предсѣдатель, и ораторъ перестали обращать вниманіе. Вся правая половина залы безъ умолку говорила обычнымъ разговорнымъ голосомъ. Кое-кто вслухъ читалъ газету. Нисколько не умѣряя стука шаговъ, десятки людей входили въ залъ, выходили, собирались группами, передавали другъ другу должно-быть послѣднія новости дня, смѣялись. Словомъ, залъ думскаго засѣданія представлялъ собою не то базаръ, не то большой залъ ресторана, гдѣ даже оркестръ не всегда успѣшно борется съ звуками шаговъ и съ гуломъ одновременно говорящихъ полутораста голосовъ.

Октябристы, повидимому, въ обструкціи участія не принимали. Съ внѣшней стороны они держали себя прилично. Но и тѣни интереса къ преніямъ они не обнаруживали. На ихъ лицахъ была напи-

сана спокойная увѣренность, вмѣстѣ съ недоумѣніемъ — зачѣмъ тратить время, когда уже все рѣшено. Съ этой увѣренностью они бродили между залой и кулуарами. Войдетъ человѣкъ въ залу, справится, скоро ли нужно голосовать, полюбопытствуетъ минуту и снова уйдетъ пить чай или курить. Одинъ замѣститель А. И. Гучкова по лидерству, г. фонъ-Анрепъ, обнаруживалъ безпокойство. Его озабоченная фигура каждую минуту появлялась то въ одномъ, то въ другомъ концѣ залы. То онъ, наклоняясь, шепталъ „своимъ", то подходилъ къ предсѣдательской трибунѣ, то летѣлъ за колонны, чтобы перекинуться парой словъ съ министерскими чиновниками. Онъ додѣлывалъ сдѣланное за думскими кулисами: провѣрялъ ариѳметику голосовъ, устранялъ послѣднія сомнѣнія въ предрѣшенномъ исходѣ баллотировки.

Послѣ г. Бабянскаго на каѳедру вошелъ г. Марковъ 2-ой. Слѣдомъ за нимъ потянулись съ мѣста его партійные друзья и заняли боковой проходъ къ каѳедрѣ. Образовалась толпа, среди которой особенно выдѣлялись „батюшки", съ крестами на груди, крупные и тучные, типа соборныхъ протопоповъ. Потомъ, когда говорилъ г. Покровскій, за нимъ встали и заняли лѣвый боковой проходъ соціалъ-демократы. Только изъ нихъ образовалась не толпа, а кучка человѣкъ въ десять. На двухъ крайнихъ полюсахъ Думы очевидно стало обычаемъ высылать въ помощь „своимъ" ораторамъ подкрѣпленія. Едва г. Марковъ раскрылъ ротъ, слѣва началась та самая музыка разговоровъ, громкаго чтенія и ходьбы, которая только-что раздавалась справа. Но лѣвые, включая кадетовъ, занимаютъ въ Думѣ только одинъ сегментъ креселъ, а крайніе правые и націоналисты—если не сплошь половину залы, то всѣ передніе ряды правой половины. На глазъ ихъ было въ засѣданіи по крайней мѣрѣ вдвое больше, чѣмъ оппозиціи. Поэтому оратору мѣшали, но въ гораздо меньшей степени. Кромѣ того, надо отдать справедливость г. Маркову: по временамъ ему удавалось настолько привлечь вниманіе къ своимъ словамъ, что музыка сама собою стихала. Рѣчь г. Маркова носила чисто митинговый характеръ. Дѣлового содержанія въ ней не было и тѣни. Но она была построена и сказана умѣло и, главное, съ полнымъ знаніемъ аудиторіи. Ораторъ и по формѣ изложенія, и по пріемамъ полемическихъ выпадовъ напомнилъ намъ г. Аладьина въ первой Думѣ. Онъ имѣлъ несомнѣнный успѣхъ. Скучавшему въ ожиданіи голосованія центру его рѣчь доставила, во всякомъ случаѣ, развлеченіе. Сколько въ этой рѣчи было неправды, какой она звучала злобой, какимъ самодовольствомъ, какъ ораторъ пьянѣлъ въ потокахъ своего краснорѣчія, взывая къ силѣ, для которой не должно существовать ничего завѣтнаго и святого—объ этомъ лучше не вспоминать.

Далѣе слѣдовали три рѣчи изъ рядовъ оппозиціи. Говорили кадетъ, мирнообновленецъ и г. Покровскій. Рѣчи первыхъ двухъ для публики не существовали: въ залѣ былъ уже не безпорядокъ, а хаосъ. Долетали до слуха только отдѣльныя слова. Въ общемъ, можно было скорѣе догадаться, чѣмъ разслышать, что, возражая противъ законопроекта, ораторы пытались доказать возможность какого-то средняго разрѣшенія вопроса. Кадетъ говорилъ такъ, что въ первой или во второй Думѣ его рѣчь приписали бы октябристу, а рѣчь мирнообновленца приписали бы безпартійному правому. Что касается рѣчи г. Покровскаго, то, по ея содержанію, ни въ первой, ни во второй Думѣ никто не догадался бы, что ораторъ принадлежитъ къ соціалъ-демократической фракціи. Всѣ сказали бы: говорилъ кадетъ. А говорилъ г. Покровскій, съ митинговой точки зрѣнія, хорошо и нѣсколько разъ сильно ударилъ по выпадамъ г. Маркова.

Мы не остались ждать голосованія. Довольно было „преній". Мы вышли изъ дворца подъ такимъ впечатлѣніемъ, отъ котораго, какъ отъ кошмара, до сихъ поръ не можемъ освободиться. Вотъ она—Дума-декорація! Дума — предметъ долгой борьбы и вѣковыхъ мечтаній. Вотъ она — Дума, въ которую всего четыре года назадъ народъ съ молитвеннымъ благоговѣніемъ посылалъ своихъ первыхъ избранниковъ. Русское общественное сознаніе долгимъ болѣзненнымъ процессомъ выстрадало представительное учрежденіе во славу вожделѣній Пуришкевичей, Марковыхъ, Крупенскихъ! Оно его выстрадало, чтобы по волѣ „представителей народа" (!?) въ Финляндіи воцарилась „истинно-русская", все покрывающая и все подавляющая „охрана"...

Въ самый разгаръ полемики по финляндскому вопросу изъ рядовъ русской печати, въ порядкѣ чрезвычайной охраны—чуть не наканунѣ ея отмѣны,—выбылъ журналъ „Финляндія". Журналъ два года издавался въ Петербургѣ и вѣрно служилъ своей задачѣ: знакомить русское общественное мнѣніе съ той бытовой дѣйствительностью по ту сторону рѣки Сестры, которая, въ сущности, у насъ оцѣнивается гораздо болѣе по разсказамъ дачныхъ винтеровъ и по анекдотамъ объ оплеванномъ священникѣ, нежели на основаніи серьезныхъ данныхъ. Добрая половина петербуржцевъ бывала въ Финляндіи — если не въ Гельсингфорсѣ, то въ Выборгѣ или на Иматрѣ, въ Райволѣ или Теріокахъ. И поразительно слабо развито среди насъ пониманіе особенностей финляндской культуры, которыя составляютъ незыблемую основу мѣстной жизни.

Мы помнимъ разсказъ покойнаго графа П. А. Гейдена изъ дней выборгскаго сидѣнья. Въ послѣдній день занятій въ „Бельведерѣ",

во время перерыва, многіе изъ депутатовъ вышли на бульваръ. Къ одному изъ столиковъ, за которымъ сидѣла группа русскихъ, подошелъ старикъ, ничѣмъ не отличавшійся отъ гуляющихъ финновъ и не обращавшій на себя ничьего особеннаго вниманія. Никто его не сопровождалъ. Старикъ просто и вѣжливо приподнялъ шляпу и спросилъ, гдѣ князь Долгоруковъ. Ему сказали, и онъ ушелъ. Оказалось, что это былъ губернаторъ и что онъ отыскивалъ князя Долгорукова, чтобы объявить ему требованіе къ опредѣленному часу прекратить занятія и разойтись. Въ pendant къ этому гр. Гейденъ приводилъ комическій эпизодъ изъ русской жизни. „Иду—разсказывалъ онъ—я какъ-то по Пскову. Вижу, что впереди меня полицейскій, идущій навстрѣчу по той же панели, дѣлаетъ мнѣ какіе-то знаки. Я не сразу догадался, что онъ требуетъ, чтобы я сошелъ на мостовую. Когда я исполнилъ требованіе, со мною поровнялся губернаторъ. Мы поздоровались, и только тутъ я понялъ, зачѣмъ мнѣ нужно было очистить панель отъ своей персоны. Губернаторъ гулялъ, а полицейскій, слѣдуя сзади его, расчищалъ ему дорогу". „Вотъ, — заканчивалъ свой разсказъ гр. Гейденъ,—когда мы дождемся такихъ губернаторовъ, какъ выборгскій, тогда я скажу, что у насъ есть правовой порядокъ".

Дѣйствительно, въ Финляндіи есть глубоко проникшій въ нравы населенія правовой порядокъ, а у насъ его не было при старомъ государственномъ строѣ, нѣтъ и сейчасъ. Тальманъ сейма, г. Свинхувудъ, говорилъ, во время теріокскихъ празднествъ, газетному корреспонденту, что законы, изданные въ порядкѣ общеимперскаго законодательства, законами въ Финляндіи не будутъ. Подобныя слова, въ устахъ нашего политическаго дѣятеля любого направленія, были бы безсодержательной фразой. А г. Свинхувудъ имѣлъ основаніе ихъ сказать. На непопулярный законъ у насъ возможенъ отвѣтъ терроромъ, погромомъ, даже вооруженнымъ возстаніемъ. Но терроръ будетъ подавленъ, погромъ—прекращенъ, вооруженное возстаніе—усмирено, и если власть не откажется отъ намѣренія провести законъ въ жизнь, онъ закономъ станетъ. А въ Финляндіи не будетъ ни террора, ни погрома, ни возстанія, законъ же останется на бумагѣ. Тамъ есть область недостижимая для государственнаго вмѣшательства. И что она тамъ совершенно ясно и въ то же время лояльно обозначается—именно это и вызываетъ негодованіе нашихъ націоналистовъ. Теріокскія празднества, прошедшія совершенно мирно, безъ всякой политической демонстраціи, ихъ больнѣе ударили, чѣмъ ударилъ бы политическій взрывъ. Ибо на взрывъ имъ хорошо извѣстенъ изъ русской практики столь же громкій отвѣтъ. А передъ ненарушеннымъ мирнымъ теченіемъ народной жизни приходится молчать.

Измѣненіе въ отношеніяхъ правительства къ Финляндіи ничѣмъ

со стороны финляндцевъ вызвано не было, а явилось какъ одинъ изъ моментовъ общей реакціи. Надъ правительствомъ восторжествовали темныя силы. Г. Меньшиковъ сталъ политическимъ руководителемъ. Естественно, что бѣльмо на глазу русской некультурности и русской „охраны“ выросло въ громадный миражъ. Что не реальныя потребности вызвали проектъ объ общеимперскомъ законодательствѣ—объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ тѣ условія, въ которыхъ проектъ былъ проведенъ, и тѣ вопросы, вокругъ которыхъ все время велась и до сихъ поръ ведется полемика. Военная опасность, грозящая Петербургу отъ сосѣдства автономной Финляндіи, отмѣчалась печатью мимоходомъ. О томъ, что финляндская обособленность нарушаетъ интересы русскаго народа, писали-было, но скоро забыли. Главный предметъ спора составляли даже не юридическія и историческія разысканія, а два вопроса государственно-этическаго свойства: во-первыхъ, обязательно ли для монарха данное съ высоты престола обѣщаніе и, во-вторыхъ, чѣмъ оправдывается и допустима ли та спѣшность, съ которою законодательный механизмъ, въ лицѣ Думы и Государственнаго Совѣта, пропустилъ черезъ себя финляндскій законопроектъ.

Въ отвѣтахъ на эти вопросы печать разбилась не по общеполитическому шаблону. На одной сторонѣ оказался, вмѣстѣ съ „Русскимъ Знаменемъ“, „Новымъ Временемъ“, „Земщиной“ и вообще съ черносотенными газетами, „Голосъ Москвы“. На другой, вмѣстѣ съ прогрессивной прессой—„Гражданинъ“. И надо воздать должное: обѣ стороны договорились до конца, что̀ вообще рѣдко бываетъ въ этическихъ вопросахъ. На этотъ разъ съ истинныхъ мотивовъ и съ самыхъ анти-этическихъ разсужденій былъ вовсе сдернутъ всякій покровъ. Пальму первенства въ безстыдствѣ, конечно, сохранилъ за собой г. Меньшиковъ. Съ твердо усвоенной имъ авторитетностью во всѣхъ областяхъ человѣческихъ мыслей и чувствъ, и особенно въ области этики, онъ легко и просто разрѣшилъ первый вопросъ: разъ слово или обѣщаніе исходило отъ монарха, „отъ безотвѣтственнаго человѣка“, то оно для него необязательно. Такимъ образомъ, г. Меньшиковъ перенесъ правовой принципъ уголовной безотвѣтственности монарха въ область этики и подчинилъ авторитету власти то, что допускаетъ одно подчиненіе — голосу совѣсти. Мы не будемъ разбирать этого, столь же нелѣпаго, сколько циничнаго тезиса. Думаемъ, что ярче нашихъ словъ, въ данномъ случаѣ, будутъ слова кн. Мещерскаго, ибо онъ и г. Меньшиковъ, вообще говоря, мыслятъ въ одной плоскости. Для г. Меньшикова—по крайней мѣрѣ, онъ это постоянно силится подчеркивать,—какъ и для кн. Мещерскаго, всего выше традиціи благородной крови. И именно съ этой точки зрѣнія возмутили его слова издателя „Гражданина“.

„Вопросъ, за рѣшеніе котораго взялся, съ обычною безцеремонностью, г. Меньшиковъ,—писалъ въ своемъ дневникѣ кн. Мещерскій,—къ тѣмъ вопросамъ принадлежитъ, которые рѣшаются подъ вліяніемъ крови и преданій. Вотъ почему кровь и преданія подсказали барону Мейендорфу одно рѣшеніе, а меньшиковская кровь, при отсутствіи всякихъ преданій дворянства и рыцарства, подсказываетъ ему рѣшеніе, которое подпишетъ съ удовольствіемъ всякій ломовой извозчикъ: разъ человѣкъ безотвѣтственнѣе и независимѣе всѣхъ, то слово его для него не обязательно!..“ Но самое курьезное и, прибавлю, гадкое въ этомъ циничномъ выступленіи г. Меньшикова съ поясненіемъ своему глупому читателю (чѣмъ глупѣе читатель, тѣмъ онъ восторженнѣе захлебывается Меньшиковымъ), очевидно, заключается въ томъ, что Меньшиковъ такое толкованіе правъ самодержца присваиваетъ тому единственному человѣку въ Россіи, коего кровь и преданія—во много разъ сильнѣе, чѣмъ кровь и преданія дворянскія—обязываютъ, какъ Богомъ помазаннаго самодержца, свое слово считать обязательнымъ не только въ своемъ пониманіи, но и въ пониманіи каждаго изъ своихъ вѣрноподданныхъ. И если издавна въ преданіяхъ о дворянской чести хранится на французскомъ языкѣ: „le gentilhomme n'a qu'une parole“, то вѣковыя преданія русскаго царя доселѣ хранятъ во всей его силѣ завѣтъ, гласящій: Царево слово, какъ Божье слово—несокрушимо“.

Князь Мещерскій относитъ далѣе г. Меньшикова, кичащагося своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, „къ многочисленной шайкѣ холоповъ“. „А холопы—пишетъ онъ,—какъ извѣстно, отличаются отъ свободныхъ людей тѣмъ, что они, въ усердіи послужить своему господину или барину, всегда пересаливаютъ. Баринъ скажетъ, когда ему доложитъ холопъ, что пришелъ такой-то: „скажи, что я извиняюсь, очень занятъ, не могу принять“, а холопъ пойдетъ и скажетъ пришедшему: „пошелъ вонъ“. Приблизительно то же произошло съ финляндскимъ вопросомъ. Нигдѣ никто не слыхалъ, чтобы царь назвалъ свой финляндскій народъ мятежниками и измѣнниками; но холопы Думы и печати, въ угоду барину, на весь міръ кричатъ, что финляндскій народъ надо казнить, какъ мятежныхъ враговъ Россіи и ея царя. Никогда никто не слыхалъ, чтобы царь выразилъ мысль о необязательности для него царскаго слова... но холопы Думы и печати на весь міръ кричатъ: долой финляндская конституція—для царя не обязательно его слово и т. д.“ („Гражданинъ“, № 19).

Спѣшность проведенія проекта, по мысли „Голоса Москвы“, оправдывается опасеніемъ „закулисныхъ интригъ и подпольныхъ ходовъ“. Но что означаютъ такія опасенія? Не означаютъ ли они, что, по признанію октябристской газеты, въ обновленномъ „самодержавно-

представительномъ" русскомъ государственномъ строѣ главная двигающая сила — „закулисныя интриги" и „подпольные ходы"? Не кроется ли здѣсь сознаніе, что авторы и сторонники проекта тоже пользовались закулисными и подпольными путями и для даннаго момента подготовили почву, а на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ увѣренности не имѣютъ? Не есть ли это едва прикрытое цензурнымъ туманомъ заявленіе: теперь „мы" разсчитываемъ на санкцію законопроекта, а осенью „наши" разсчеты могутъ не оправдаться? Въ пылу усердія газета не видитъ, какое testimonium paupertatis она выдаетъ законодательному акту, считая его безсильнымъ выдержать искусъ всесторонняго, спокойнаго обсужденія и тщательнаго редактированія. Впрочемъ, что ужъ говорить объ „усердствующихъ", когда самъ П. А. Столыпинъ заявлялъ, что въ ближайшее время все въ Финляндіи останется по старому—и вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ немедленнаго принятія проекта во что бы то ни стало!

Мы говорили о передовой статьѣ „Голоса Москвы", напечатанной 15-го іюня. Авторъ ведетъ атаку сразу на два фронта. Одинъ фронтъ онъ настойчиво рекомендуетъ брать штурмомъ. Противъ другого—онъ выставляетъ тихую сапу доносовъ. Имъ приведенъ рядъ выдержекъ изъ финляндскихъ газетъ, заключенный слѣдующимъ выводомъ: „Всѣ эти сообщенія говорятъ о томъ, что въ Финляндіи ведется энергичная, незакономѣрная агитація, что населеніе взвинчивается и взвинчивается съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, что эта агитація тѣсно и непосредственно связана съ дѣятельностью нашей оппозиціи"...

Что ждетъ русскую школу?

Русскую школу всегда что-нибудь ждетъ. Одинаково, впрочемъ, можно сказать и наоборотъ: русская школа всегда чего-нибудь ждетъ. Школу ждутъ уже полстолѣтіе реформы, и школа то же полстолѣтіе ждетъ реформъ. Были за эти пять десятковъ лѣтъ мѣсяцы и даже годы, когда ожиданія не страшили, когда, напримѣръ, страстно хотѣлось, чтобы они скорѣе сбылись. Но то были короткіе свѣтлые промежутки, за которыми слѣдовали цѣлыя полосы, одна другой темнѣе, одна другой мрачнѣе. Сейчасъ наступила опять темная полоса для всѣхъ проявленій русской жизни, поскольку жизнь регламентируется законодательствомъ. Условія „обновленнаго" строя засвидѣтельствовали, что сложный аппаратъ изъ объединеннаго правительства, Думы 3-го іюня и Государственнаго Совѣта прекрасно приспособленъ для всякаго рода искорененія, для приведенія всѣхъ и всего къ одному охранному знаменателю, для насажденія внѣшняго полицейскаго благополучія, словомъ, для всего того, что тоже именуется реформами, но носитъ

это названіе въ специфическомъ реакціонномъ смыслѣ. Но аппаратъ вялъ и малоподвиженъ. Только для законопроекта объ общеимперскомъ законодательствѣ, въ сущности чисто декларативнаго характера, онъ обнаружилъ энергію — на этотъ разъ подобную лихой кавалерійской атакѣ. И вялость аппарата умѣряетъ опасенія за судьбу, напримѣръ, земства и городского самоуправленія. Такъ было до послѣднихъ дней и въ отношеніи школы. Теперь же появились признаки, которые говорятъ, что средней и особенно низшей школѣ „реформа“ грозитъ въ ближайшее время. Насколько „реформа“ близка и въ чемъ ея суть, видно изъ сопоставленія слѣдующихъ фактовъ и газетныхъ сообщеній.

Въ Петербургъ, подъ руководствомъ мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, пріѣзжала изъ Бахмута „рота“ школьниковъ, обученныхъ военному строю. Пріѣздъ школьниковъ былъ обставленъ какъ событіе. Въ теченіе нѣсколькихъ дней они были такими же героями минуты, какъ мѣсяцемъ ранѣе—авіаторы. Едва ихъ торжественно проводили, „Голосъ Москвы“ (№ 126) получилъ извѣстіе, что „при министерствѣ народнаго просвѣщенія образована коммиссія для разсмотрѣнія проекта о подготовкѣ учителей начальныхъ школъ, составленнаго ген. Богдановичемъ“. Читатели „Вѣстника Европы“, быть можетъ, помнятъ, что это за проектъ. Мы упоминали о немъ въ октябрьской книгѣ 1908 г., какъ о совершенно безпримѣрной нелѣпости. По проекту ген. Богдановича всѣ народные учителя должны быть исключительно изъ запасныхъ унтеръ-офицеровъ. Для приготовленія къ учительской дѣятельности они должны пройти двухлѣтніе курсы, которые надлежитъ устроить „преимущественно въ городахъ, гдѣ расположены наши окружные и корпусные штабы, такъ какъ преподавателями на курсахъ должны быть наши офицеры генеральнаго штаба, законоучитель изъ академиковъ, и, наконецъ, ради (!) преподаванія педагогіи, математики и русскаго языка, — мѣстные педагоги“. Органами руководительства и надзора г. Богдановичъ проектировалъ волостные, уѣздные и губернскіе комитеты сложнаго состава, съ участіемъ мѣстныхъ воинскихъ начальниковъ и „не менѣе“ чѣмъ двухъ, трехъ и четырехъ „землевладѣльцевъ изъ отставныхъ или запасныхъ офицеровъ“. Главными предметами занятій въ школахъ должны быть военныя упражненія съ деревянными ружьями и знаменами и изученіе „отечествовѣдѣнія“; а на грамоту г. Богдановичъ отводилъ: въ первый годъ шесть часовъ въ недѣлю, во второй — три часа и въ третій—два.

Вслѣдъ за этимъ въ „лѣвыхъ листкахъ“ появились слухи объ уходѣ г. Шварца, при чемъ эти слухи ставились въ связь съ „потѣшной ротой“. „Россія“, конечно, поторопилась немедленно опровер-

гнуть и связь, и слухи. Но въ отношеніи слуховъ, въ сущности, ихъ оффиціозно подтвердила. „Если эти вымыслы — написали „казенныя перья“—можно оправдать хоть чѣмъ-либо, то развѣ тѣмъ, что за послѣдніе мѣсяцы министръ неоднократно высказывалъ какъ своимъ близкимъ, такъ и сотрудникамъ, что чувствуетъ себя замѣтно переутомленнымъ, а временами даже испытываетъ болѣзненный упадокъ силъ“. Кто не знаетъ, что у министровъ передъ уходомъ всегда разстраивается здоровье?... Еще немного спустя въ газетахъ появилось слѣдующее извѣстіе: „въ министерствѣ народнаго просвѣщенія спѣшно разрабатывается въ настоящее время проектъ обученія воспитанниковъ городскихъ школъ и среднихъ учебныхъ заведеній военному строю и военной гимнастикѣ. Предполагается въ большихъ городахъ соединять при обученіи военному строю нѣсколько учебныхъ заведеній вмѣстѣ. Особенное значеніе придается обученію учащихся на окраинахъ Россіи. Горячее участіе въ разработкѣ проекта принимаетъ попечитель петербургскаго округа, благодаря энергіи котораго въ Петербургѣ удалось уже (!) сорганизовать первую роту военнаго строя и гимнастики изъ воспитанниковъ петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Осенью этого года законопроектъ будетъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственной Думы“.

Итакъ, то, что прежде всего предшествуетъ у насъ „реформамъ“, уже есть: подтвержденные опроверженіемъ слухи о смѣнѣ министра. Отъ высшей школы, значитъ, непосредственная опасность готова нѣсколько отдалиться. Г. Шварцъ велъ походъ, главнымъ образомъ, противъ университетовъ. Съ его уходомъ внесенный въ Думу проектъ университетскаго устава будетъ навѣрное взятъ обратно и снова потонетъ на годъ, на два въ министерской канцеляріи. Если нетрудно поворачивать на подобіе дышла законъ, то повороты изъ стороны въ сторону „государственной необходимости“—совсѣмъ легкое дѣло. За то для средней и низшей школы ясно обозначивается перспектива казармы... Кто будетъ преемникомъ г. Шварца? Въ газетахъ называли было профессора-психіатра Бехтерева. При казарменныхъ перспективахъ это имя могло упоминаться не иначе, какъ съ „провокаціонными“ цѣлями. Болѣе серьезный кандидатъ — ген. фонъ-Вендрихъ, авторъ извѣстнаго проекта о военномъ эксплоатаціонномъ корпусѣ для обслуживанія желѣзныхъ дорогъ...

Во всей Европѣ никогда не переводятся процессы о шпіонахъ. Еще недавно въ Вѣнѣ былъ обнаруженъ шпіонъ, „работавшій“ для Россіи. Теперь въ Петербургѣ задержанъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ, занимавшійся шпіонствомъ въ интересахъ Австріи. Газеты

полны подробностей. Изъ нихъ узнаемъ, что баронъ Унгернъ-Штернбергъ—русскій подданный, бывшій офицеръ, оффиціально состоявшій корреспондентомъ нѣсколькихъ большихъ заграничныхъ изданій. Онъ былъ принятъ среди дипломатовъ, имѣлъ обширный кругъ знакомства, жилъ широко и открыто. Словомъ, это былъ шпіонъ высшаго полета, и его дѣятельность состояла не въ случайной продажѣ случайно добытыхъ секретныхъ документовъ. Можно легко догадываться, что, въ качествѣ „сотрудника" иностраннаго военнаго агента, онъ систематически велъ „внутреннее наблюденіе" въ военныхъ и политическихъ кругахъ Петербурга.

Личныя данныя, касающіяся барона Унгернъ-Штернберга, конечно представятъ интересъ на судѣ. Съ общественной точки зрѣнія ихъ значеніе безъ остатка растворяется въ значеніи шпіонства, какъ явленія, широко развитого въ современныхъ международныхъ отношеніяхъ. Шпіонажъ есть средство, которымъ государство не брезгуетъ ни внутри, ни во внѣ. Но внутренній шпіонажъ каждое государство можетъ объявлять своей исключительной привилегіей и, пользуясь имъ, можетъ не допускать его во вредъ себѣ. Такъ, у насъ создана цѣлая теорія, оправдывающая государственной необходимостью азефовщину, въ огражденіе неприкосновенности которой—также во имя государственной необходимости — Лопухинъ расплачивается лишеніемъ правъ состоянія и ссылкой за выдачу служебной тайны. Столь просто разрѣшать вопросъ о внѣшнемъ шпіонажѣ нельзя. Тутъ стороны равноправны. И если одна желаетъ пользоваться шпіонажемъ, то она должна считаться съ такимъ же желаніемъ другой. Эти желанія повсюду настолько велики, что европейскія государства перевернули формулу: „если не хочешь, чтобы тебѣ причиняли зло, не причиняй его самъ", — и мирятся съ причиненіемъ зла имъ самимъ, только бы имѣть возможность въ свою очередь его причинять другимъ. Создался особый институтъ оффиціальныхъ агентовъ иностраннаго военнаго шпіонажа. Государства посылаютъ другъ къ другу такъ называемыхъ военныхъ агентовъ, задача которыхъ цѣликомъ исчерпывается собраніемъ свѣдѣній—тѣмъ болѣе нужныхъ и важныхъ, чѣмъ болѣе они секретны. Для нихъ—это почетная миссія. А для тѣхъ, черезъ кого они дѣйствуютъ—иногда преступленіе. Государство открыто разрѣшаетъ покупателямъ шпіонскихъ услугъ пребываніе на своей территоріи, а продавцовъ сурово наказываетъ. Развѣ ужъ очень громкій выйдетъ скандалъ! Только въ такомъ случаѣ военный агентъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, уѣзжаетъ въ отпускъ, чтобы болѣе не возвращаться.

Показать уродливость явленія и объяснить его—въ данномъ случаѣ, само собою разумѣется, еще не значитъ его оправдать. На рынкѣ

спроса-предложенія не все можетъ быть предметомъ обмѣна. Продавецъ шпіонскихъ услугъ отвратителенъ совершенно независимо отъ того, есть спросъ на его услуги, или нѣтъ. Но когда на такія услуги есть организованный спросъ, успѣшная борьба съ предложеніемъ однѣми карами немыслима. Невозбранная скупка завѣдомо краденаго всегда и неизбѣжно плодитъ воровство, какими бы наказаніями его законъ ни облагалъ.

Въ дѣлѣ бар. Унгернъ-Штернберга особенно обидно было узнать, что къ шпіонажу была причастна газета „Вечерній Голосъ". Такъ, по крайней мѣрѣ, оповѣстило „Новое Время". „Вечерній Голосъ" недолго издавался въ Петербургѣ и успѣха не имѣлъ. Но, конечно, ни неуспѣхъ его, ни короткій вѣкъ, не уменьшаютъ значенія того факта, что петербуржцы могли читать и читали русскую газету, издававшуюся на австрійскія деньги. Если честь войска — въ мужествѣ и храбрости, врачебной корпораціи — въ служеніи страждущимъ, корпораціи купеческой—въ вѣрности исполненія обязательствъ, то честь прессы — въ независимости. Ни въ чемъ продажность не гнусна въ той мѣрѣ, какъ въ торговлѣ мнѣніями и сужденіями, публикуемыми во всеобщее свѣдѣніе и распространяемыми подъ флагомъ свободнаго, независимаго отъ „закулисныхъ" вліяній печатнаго слова. Противны, какъ глубоко анти-этическое явленіе, внутреннія рептиліи. Рептиліи, продающія себя чужой странѣ—для нихъ нельзя подобрать достаточно сильнаго эпитета. Фактъ, оглашенный „Новымъ Временемъ" — небывалый въ исторіи русской печати. Тѣмъ скорѣе нужно удостовѣриться въ его дѣйствительности и огласить имена его участниковъ.

Рѣдкаго во многихъ отношеніяхъ человѣка потеряло русское общество въ лицѣ Константина Ѳедоровича Казиміра. Покойный былъ членомъ первой Думы. Въ Думѣ онъ занималъ внѣпартійное положеніе. Но тогда партійность еще не заходила такъ далеко, какъ теперь. К. Ѳ. имѣлъ возможность принимать участіе въ коммиссіяхъ и былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ аграрной коммиссіи, хотя и принадлежалъ въ ней къ меньшинству. Сторонникъ принципа частной собственности на землю, онъ передъ роспускомъ Думы примкнулъ къ группѣ, которая образовалась вокругъ графа П. А. Гейдена и потомъ стала ядромъ партіи мирнаго обновленія. Но, если не ошибаемся, формально онъ въ партію не вступалъ. Вообще послѣ роспуска первой Думы К. Ѳ. отошелъ въ сторону отъ политики и всецѣло отдалъ себя на служеніе дѣлу помощи учащейся молодежи. Этому дѣлу онъ служилъ и раньше, своимъ многолѣтнимъ участіемъ въ бессарабскомъ земствѣ и какъ благотворитель въ самомъ

высокомъ и лучшемъ смыслѣ слова. Покойный К. Ѳ. имѣлъ буквально сотни стипендіатовъ, которые на его счетъ проходили низшую, среднюю и высшую школу. И онъ не былъ тѣмъ благотворителемъ, которые даютъ деньги и не интересуются своими питомцами. Напротивъ, онъ съ исключительнымъ вниманіемъ относился къ своимъ стипендіатамъ, зналъ каждаго изъ нихъ, интересовался ихъ успѣхами, внимательно вникалъ въ ихъ нужды, въ ихъ домашнія обстоятельства, освѣдомлялся о здоровьѣ. К. Ѳ. широко помогалъ до самой смерти и своимъ товарищамъ по первой Думѣ.

„Юлія Безродная"—псевдонимъ скончавшейся послѣ тридцати слишкомъ лѣтъ литературной работы Юліи Ивановны Яковлевой. Покойная пользовалась заслуженной извѣстностью. Она начала литературную дѣятельность еще будучи слушательницей высшихъ женскихъ курсовъ. Ея первый разсказъ: „На чистый воздухъ" былъ напечатанъ въ 1878 г. Ю. И. работала какъ въ толстыхъ журналахъ, такъ и въ цѣломъ рядѣ газетъ. Изъ ея произведеній въ „Вѣстникѣ Европы" были помѣщены: разсказъ „Съ улицы" (май 1894) и повѣсть „Золотое дно" (февр., мартъ и апр. 1907).

Покойный А. Н. Котельниковъ былъ не столько писателемъ, сколько администраторомъ органовъ прогрессивной періодической прессы. Въ 1904 г. онъ организовалъ, въ качествѣ ближайшаго сотрудника Л. В. Ходскаго, газету „Наша Жизнь" и стоялъ во главѣ администраціи этой газеты въ ея лучшіе годы. Въ 1909 г. А. Н., вмѣстѣ съ Р. М. Бланкомъ, организовалъ изданіе „Запросовъ Жизни".

СВОДНЫЙ СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

ТЕКУЩЕЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЗА *второе* ПОЛУГОДІЕ 1909-го ГОДА [1]).

Логика.

1. Гуссерль, Э. — Логическія изслѣдованія. Ч. I. Изд. „Образ.". Спб. 1909. 1 р. 50 к.
2. Челпановъ, Г.—Учебникъ логики. 5 изд. М. 1909. 1 р.

Математика.

3. Веберъ и Вельштейнъ. — Энциклопедія элементарной математики. Т. II. Изд. „Матезъ". Одесса. 1909. 3 р.

[1]) См. „Вѣстникъ Европы" 1909, XI.

4. Власовъ, А. К.—Теорія вѣроятностей. М. 1909.
5. Кэджори, Ф. — Исторія элементарной математики. Изд. „Матез“. Од. 1910. 2 р. 50 к.

Механика. Физика.

6. Дрентельнъ, Н. С.—Физика. Изд. Сытина. Спб. 1909. 2 р. 85 к.
7. Лебединскій, В. К. Электричество и магнетизмъ. Спб. 1909. 2 р.
8. Лоренцъ, Г. А. — Курсъ физики. Изд. „Матез.“. Од. 1909. 2 р. 75 к.
9. Махъ, Э.—Механика. Перев. п. р. Гезехуса. Спб. 1909. 3 р.
10. Томпсонъ, С.—Добываніе свѣта. Изд. „Матез.“. Од. 1909. 50 к.
11. Щукаревъ, А.—Введеніе въ курсъ физики. Ученіе объ энергіи и энтропіи. М. 1909. 30 к.

Химія.

12. Лассаръ-Конъ.—Химія въ обыденной жизни. 2 изд. Девріена. Спб. 1909. 1 р. 50 к.
13. Ми, Г.—Іоны и электроны. Изд. „Межд. Б-ки“. Спб. 1909. 30 к.
14. Оствальдъ, В.—Школа химіи. 2 изд. Распопова. Од. 1909.

Космографія. Астрономія.

15. Покровскій, К. Д.—Курсъ космографіи. 2 изд. Пирог. Т-ва. Кіевъ. 1909. 1 р.
16. Райтманъ, Д. — Общедоступные очерки изъ области астрономіи. В. II. Изд. Сытина. М. 1909. 1 р. 50 к.
17. Штерне, К.—Эволюція міра. В. V-VI. Изд. „Міръ“. М. 1909.

Геологія.

18. Богдановичъ, К.—Землетрясенія въ Мессинѣ и Санъ-Франциско. Изд. Поповой. Спб. 1909. 2 р.

Біологія.

19. Бобрецкій, Н.—Учебникъ зоологіи. 3 изд. Просяниченко. Кіевъ. 1910. 4 р.
20. Геккель, Э. — Міровоззрѣніе Дарвина и Ламарка. Изд. „Нв. Жз.“. Спб. 1909. 25 к.
21. Гюнтеръ, К. — Происхожденіе и развитіе человѣка. 2 т. Изд. Девріена. Спб. 1909. 20 р.
22. Елачичъ, Е. –Крайній сѣверъ, какъ родина человѣчества. Спб. 1910. 50 к.
23. Кайгородовъ, Д.—Собиратель грибовъ. 5 изд. Суворина. Спб. 1909.
24. Книповичъ, Н. М. — Курсъ общей зоологіи. Изд. Девріена. Спб. 1909. 4 р. 50 к.
25. Комаровъ, В. А. — Практическій курсъ ботаники. Ч. I. 2 изд. Спб. 1909.
26. Лебонъ, Г.—Эволюція матеріи. Изд. „Общ. Плз“. Спб. 1909. 1 р. 50 к.
27. Львовъ, В. Н. — Начальный учебникъ зоологіи. Ч. II. 4 изд. Сабашниковыхъ. М. 1909. 1 р.
28. Омелянскій, В. Л.—Основы микробіологіи. Спб. 1909. 3 р.
29. Половцевъ, В. В.—Учебникъ ботаники. Ч. I. Изд. Сытина. М. 1909. 90 к.
30. „ „ Практическія занятія по ботаникѣ. Изд. Сытина. М. 1910. 35 к.
31. Спнегубъ, С.—Бабочки Россіи. 3 в. Изд. Сытина. М. 1908-9. По 35 к.
32. Страсбургеръ, Нолло и др.—Учебникъ ботаники. 3 изд. Перев. Голенкина и Дейнеги. М. 1909. 4 р.

33. Федченко и Флеровъ. — Флора Европейской Россіи. Ч. II. Изд. Девріена. Спб. 1909. 1 р. 40 к.
34. Ѳоминъ и Вороновъ. — Опредѣлитель растеній Кавказа и Крыма. В. V. Изд. Ботан. Сада. Тфл. 1909. 60 к.

Психологія.

35. Вундтъ, В.—Душа и мозгъ. 2 изд. Спб. 1909. 30 к.
36. „ „ Гипнотизмъ и внушеніе. Изд. Губинскаго. Спб. 1909. 50 к.
37. „ „ Основы физіологической психологіи. Перев. п. р. Крогіуса и др. В. III—IV. Спб. 1909. 2 р.
38. Гауппъ, Р.—Психологія ребенка. Изд. Богдановой. Спб. 1909. 75 к.
39. Нечаевъ, А. П.—Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія. 2 изд. Т. I. Спб. 1909. 1 р. 80 к.
40. Цигенъ, Т. — Физіологическая психологія. 3 изд. Богдановой. Спб. 1909. 1 р. 50 к.

Соціологія.

41. Ковалевскій, М.—Соціологія. 2 т. Спб. 1910. 3 р.

Философія.

42. Авенаріусъ, Р. — Критика чистаго опыта. Т. II. Изд. Шестаковскаго и Ѳедорова. Спб. 1909. 2 р. 50 к.
43. Геффдингъ, Г. Учебникъ исторіи новой философіи. Изд. „Шиповникъ“. Спб. 1910. 1 р. 75 к.
44. Куно-Фишеръ.—Исторія новой философіи. Т. VI. Фихте. Изд. Жуковскаго. Спб. 1909. 4 р. 50 к.
45. Махъ, Э.—Популярно-научные очерки. Изд. „Образ.“. Спб. 1909. 2 р.
46. Ницше, Ф.—П. с. с. Т. II. Изд. „Моск. Кн.“. М. 1909. 2 р.
47. Сборникъ рѣчей, посвящ. памяти кн. С. Н. Трубецкого. М. 1909. 75 к.
48. Трубецкой, кн. С. Н. — С. с. Т. III. Метафизика въ древней Греціи. М. 1909. 3 р.
49. Фалькенбергъ, Р.—Исторія новой философіи. Изд. „Моск. Кн.“. М. 1910. 3 р. 75 к.
50. Шельвинъ, Р.—М. Штирнеръ и Ф. Ницше. Изд. Клочкова. М. 1909. 50 к.

Религія.

51. Брикнеръ, М.—Страдающій Богъ въ религіяхъ древняго міра. Изд. „Пирам.“. Спб. 1909. 30 к.
52. Джемсъ, В. — Многообразіе религіознаго опыта. Изд. „Р. М.“. М. 1909. 2 р. 50 к.
53. Коноваловъ, Д. Г. — Психологія сектантскаго экстаза. Ср. п. 1909. 20 к.
54. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола. П. р. Бончъ-Бруевича. В. II. Спб. 1909. 2 р.
55. Пругавинъ, А. С.—Расколъ вверху. Изд. „Общ. Пльз.“. Спб. 1909. 1 р.
56. Пфлейдереръ, О.—О религіи и религіяхъ. Изд. „Пром.“ Спб. 1909. 1 р. 25 к.

Искусство.

57. Верманъ, К.—Исторія искусства. Т. II, в. 16—17. Изд. „Просв.“. Спб. 1909.
58. Мейманъ, Э. — Введеніе въ современную эстетику. Изд. „Косм.“. М. 1909. 60 к.

Литература.

59. Айхенвальдъ, Ю. — Силуэты русскихъ писателей. В. II. 2 изд. М. 1909. 1 р. 25 к.
60. Алферовъ, Грузинскій и др.—Десять чтеній по литературѣ. 3 изд. „Сотр. Шк.“. М. 1909. 1 р.
61. Брандесъ, Г.—С. с. Т. XVI. 2 изд. „Просв.“. Спб. 1909. 75 к.
62. Веселовскій, Александръ.—С. с. Т. IV, в. I (Италія и Возрожденіе). Изд. Акад. Наукъ. Спб. 1909. 3 р.
63. Веселовскій, Алексѣй. — Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. 4 изд. М. 1910. 1 р. 75 к.
64. Веселовскій, А. А.—Любовная лирика XVIII в. Спб. 1 р. 25 к.
65. Вопросы теоріи и психологіи творчества. Изд. Суворина. Т. II. 2 в. Спб. 1909—10. 2 р. 25 к.
66. Горькій, М., и Мейеръ, В. — Землетрясеніе въ Калабріи и Сициліи. Изд. „Зн.“ Спб. 1909. 2 р.
67. Діонео. — Рефлексы дѣйствительности. Изд. „Сотр.“. М. 1909. 1 р. 75 к.
68. Добролюбовъ, Н. А.—Избранныя произведенія. Спб. 1910. 1 р.
69. Елпатьевскій, С.—За границей. Изд. „Общ. Плз“. Спб. 1910. 1 р.
70. Засуличъ, В. И.—Вольтеръ. Изд. „Пант.“. Спб. 1909. 80 к.
71. Измайловъ, А. А. — Помраченіе божковъ и новые кумиры. М. 1909. 1 р.
72. Коганъ, П.—Очерки по исторіи новой русской литературы. Т. I, в. 2. М. 1909. 80 к.
73. Коганъ, П. — Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Т. I. 4 изд. М. 1909. 1 р. 50 к. Т. II. 3 изд. М. 1910. 1 р. 50 к.
74. Коганъ, П.—Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Современники. Изд. „Зар.“. М. 1910. 1 р.
75. Корниловъ, А. А.—50-лѣтіе Литературнаго фонда. Спб. 1909. 50 к.
76. Котляревскій, Н.—Міровая скорбь въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. 2 изд. Спб. 1910. 2 р.
77. Максимовъ, С. В. — С. с. Т. XIII, ч. 2 (на Востокѣ). Изд. „Просв.“. Спб. 1909. 1 р.
78. Мережковскій, Д. С.—Вѣчные спутники. 3 изд. „Общ. Плз.“. Спб. 1910. 1 р. 50 к.
79. Мережковскій, Д. С.—Л. Толстой и Достоевскій. Т. II. 2 ч. 3 изд. „Общ. Плз.“. 3 р.
80. Миллеръ, О. — Русскіе писатели послѣ Гоголя. Т. II. Изд. Вольфа. Спб. 1909. 1 р. 75 к.
81. Овсянико-Куликовскій, Д. Н.—С. с. Т. IV—VI, VIII. Изд. „Общ. Плз.“ и „Пром.“. Спб. 1909. 1 р. + 1 р. 25 к. + 1 р. 25 к. + 1 р. 50 к.
82. Памяти Н. И. Стороженко. Изд. О. Л. Р. Сл. М. 1909. 1 р.
83. Плехановъ, Г. В.—Н. Г. Чернышевскій. Изд. „Шип.“. Спб. 1910. 3 р.
84. Радищевъ, А. Н.—П. с. с. Т. II. Изд. Акинфіева. Спб. 1909.
85. Соловьевъ, Вл.—Письма. Т. II. Изд. „Общ. Плз.“. Спб. 1909. 2 р.
86. Стекловъ, Ю. М.—Н. Г. Чернышевскій. Изд. „Общ. Плз.“. Спб. 1909. 2 р.
87. Шестовъ, Л.—Достоевскій и Нитше. 2 изд. Спб. 1909. 1 р. 25 к.

Политическая экономія.

88. Боголѣповъ, М. И.—Государственный долгъ. Изд. Поповой. Спб. 1910. 3 р.
89. Гензель, П. — Новыя теченія въ коммунальномъ обложеніи на Западѣ. М. 1909. 2 р.

90. Зотовъ, А. — Очерки землевладѣнія и земледѣлія въ современной Англіи. Спб. 1909. 1 р. 50 к.
91. Кадомцевъ, Б. П. — Профессіональный и соціальный составъ населенія Европейской Россіи по даннымъ переписи 1897 года. Спб. 1909. 80 к. (*400 экз.*).
92. Каминка, А. И.—Предпринимательскіе союзы. Спб. 1909.
93. Каратыгинъ, Е. С.—Въ странѣ крестьянскихъ товариществъ. (Данія). Спб. 1909. 1 р.
94. Кауфманъ, А. А.—Теорія статистики. Изд. Сытина. М. 1909. 2 р.
95. „ И. И.—Изъ исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи. Спб. 1909. 1 р. 75 к.
96. Озеровъ, И. Х.—Основы финансовой науки. В. II. 3 изд. Сытина. М. 1910. 1 р. 50 к.
97. Первушинъ, С. А. — Вліяніе урожаевъ въ связи съ др. экономическими факторами на потребленіе спиртныхъ напитковъ въ Россіи. Съ пред. Каблукова. М. 1902. 2 р. (*300 экз.*).
98. Русовъ, А. — Краткій обзоръ развитія русской оцѣночной статистики. Кіевъ. 1909. (*400 экз.*).
99. Тайновъ, И. Г. — Золотое обращеніе и центральные банки. Спб. 1910. 1 р. 50 к.
100. Туганъ-Барановскій, М. И.—Основы политической экономіи. Спб. 1909. 3 р.
101. Фортунатовъ, А. Ѳ. — Нѣсколько страницъ изъ экономіи и статистики сел. хозяйства. 2 изд. М. 1909. 60 к.
102. Чупровъ, А. А.—Очерки по теоріи статистики. Спб. 1909. 2 р. 50 к.
103. „ А. И.—Крестьянскій вопросъ. Изд. Сабашниковыхъ. М. 1909. 1 р. 20 к.
104. Чупровъ, А. И. — Мелкій кредитъ и кооперація. Изд. Сабашниковыхъ. М. 1909. 1 р.
105. Шульце-Геверницъ, Г.—Марксъ или Кантъ. Изд. Жуковскаго. Спб. 1909. 50 коп.

Право. Политика.

106. Беккеръ, Р. Б.—Есть-ли право предметъ общаго образованія. Спб. 1909. 50 коп.
107. Богословскій, М.—Земское самоуправленіе на русскомъ съѣздѣ въ XVII в. Ч. I. М. 1909. 2 р.
108. Гамбаровъ, Ю. С.—Свобода и ея гарантія. Спб. 1910. 1 р. 50 к.
109. Гессенъ, В. М.—Подданство. Т. I. Спб. 1909. 3 р.
110. Гогель, С. К.—Курсъ уголовной политики въ связи съ уголовной соціологіей. Спб. 1910. 2 р. 50 к.
111. Гриммъ, Э. — Политическія воззрѣнія И. Тэна. Изд. Вольфъ. Спб. 1909. 60 коп.
112. Дѣло о погромѣ въ Бѣлостокѣ 1906 г. 2 изд. Спб. 1909. 75 к.
113. Дюги, Л.—Соціальное право, индивидуальное право и преобразованіе государства. Изд. Клочкова. М. 1909. 50 к.
114. Коркуновъ, Н. М. — Лекціи по общей теоріи права. 8 изд. Мартынова. Спб. 1909. 2 р.
115. Коркуновъ, Н. М. — Русское государственное право. Т. II. Спб. 1909. 3 р. 50 к.
116. Котляревскій, С. А.—Правовое государство и внѣшняя политика. М. 1909. 2 р. 50 к.

117. Леонтьевъ, А. А.—Крестьянское право. Изд. „Зак.“. Спб. 1909. 2 р. 50 к.
118. Матвѣевъ, В. Ѳ.—Право публичныхъ собраній. Спб. 1909. 2 р.
119. Мишель, А.—Идея государства. („Б. д. С.“). М. 1909. 3 р.
120. Петражицкій, Л. І.—Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности. 2 изд. Спб. 1909. 2 р.
121. Плевако, Ѳ. Н.—Рѣчи. Т. І. М. 1909. 2 р. 50 к.
122. Полянскій, Н. Н.—Коалиціи рабочихъ и предпринимателей съ точки зрѣнія уголовнаго права. М. 1909. 3 р. (*250 экз.*).
123. Труды I всеросс. женскаго съѣзда. Спб. 1909. 3 р. 50 к.
124. Устиновъ, Новицкій и Гернетъ.—Основныя понятія русскаго государственнаго, гражданскаго и уголовнаго права. 3 изд. Сытина. М. 1910. 1 р. 10 к.

Народное образованіе.

125. Обуховъ, А. М.—Клубы для учащихся. Блш. 1909. 20 к.
126. Чарнолускій, В.—Основные вопросы организаціи внѣшкольнаго образованія въ Россіи. Изд. „Зн.“. Спб. 1909. 60 к.
127. Чарнолускій, В.—О самообразованіи. Изд. „Зн.“. Спб. 1909. 65 к.

Педагогика.

128. Demoor, J.—Ненормальныя дѣти. Воспитаніе ихъ... Перев. п. р. Россолимо. М. 1909. 1 р.
129. Жаринцова, Н.—Объясненіе полового вопроса дѣтямъ. 3 изд. Спб. 1909. 90 коп.
130. Каптеревъ, П. Ѳ.—Исторія русской педагогіи. Изд. Богдановой. Спб. 1910. 3 руб.
131. Колодца, Д. А.—Дѣтскія игры, ихъ психологическое и педагогическое значеніе. Изд. „Моск. Кн.“. М. 1909. 1 р. 50 к.
132. Мейманъ, Э.—Лекціи по экспериментальной педагогикѣ. Изд. „Міръ“. М. 1909. 1 р. 60 к.
133. Молль, А.—Половая жизнь ребенка. Изд. „Нв. Жз.“. Спб. 1909. 1 р. 50 к.
134. Острогорскій, В., и Семеновъ, Д.—Русскіе педагогическіе дѣятели. Изд. Сытина. М. 1909. 30 к.
135. Песталоцци, Г.—Избранныя педагогическія соч. Т. III. 2 изд. М. 1909. 2 р. 50 к.
136. Ушинскій, К. Д.—Собраніе педагогич. соч. Т. I, изд. 3, и т. II. Спб. 1909. 3 руб.
137. Ушинскій, К. Д.—Собраніе неизданныхъ соч. 3 изд. Спб. 1909. 1 р. 50 к.
138. Хорошко, В. К.—Самоубійство дѣтей. Съ пред. Россолимо. М. 1909. 75 к.

Исторія.

139. Быкова, А. Ѳ.—Вильг. Оранскій. Борьба Нидерландовъ за независимость... 3 изд. Спб. 1909 25 к.
140. Быкова, А. Ѳ.—Сѣв.-Америк. Соедин. Штаты. 3 изд. „Общ. Пзз.“. Спб. 1909. 50 к.
141. Вельгаузенъ, Ю.—Введеніе въ исторію Израиля. Изд. „Пирам.“. Спб. 1909. 3 руб.
142. Виппперъ.—Лекціи по исторіи Греціи. 3 изд. М. 1909. 1 р.
143. „ Учебникъ древней исторіи. 10 изд. Спб. 1909. 1 р. 75 к.

144. Гершензонъ, М.—Историческія записки (о русскомъ обществѣ). М. 1909. 1 р. 25 к.
145. Грабеньскій, В.—Исторія польскаго народа. „Уч. Д.“. Спб. 1910. 3 р.
146. Грушевський, М.—Исторія Украіни Руси. Т. VII. Кв.-Львъ. 1909. 3 р. 50 к.
147. Деличъ, Ф.—Библія и Вавилонъ. Изд. „Героя“. Спб. 1909. 10 к.
148. Карѣевъ, Н.—Учебная книга древней исторіи. 7 изд. Спб. 1909. 1 р. 35 к.
149. „ „ „ „ новой исторіи. 10 изд. Спб. 1909. 1 р. 45 к.
150. Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ. Подъ ред. проф. Виноградова. 5 изд. Сытина. В. I. М. 1910. 1 р. 50 к.
151. Князьковъ, С.—Очерки изъ исторіи Петра Великаго. Изд. Сытина. М. 1909. 2 р. 50 к.
152 Луи Бланъ. — Исторія французской революціи 1789 г. 12 т. Спб. 1907—9.
153. Мижуевъ, П. Г.—Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики въ Англіи. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1909. 1 р. 25 к.
154. Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Изд. „Образ.“. Ч. I. М. 1909.
155. Мулюкинъ, А. С. — Пріѣздъ иностранцевъ въ Московское государство. Изд. Спб. универ. Спб. 1909. 2 р.
156. Вел. Кн. Николай Михайловичъ.—Имп. Елизавета Алексѣевна. Т. II—III. Спб. 1909.
157. Обнинскій, В. П.—Новый строй. Ч. I. М. 1909.
158. Общественное движеніе въ Россіи въ н. XX в. Подъ ред. Мартова и др. Т. II, ч. 1. Спб. 1909. 2 р. 50 к.
159. Павловъ-Сильванскій, Н. П.—Соч. Т. I—II. Спб. 1909—10. 2 р. 75 к.
160. Петрункевичъ, А. М.—Кола ди Ріенци. Спб. 1909. 2 р. 75 к.
161. Пильцъ, Э.—Русская политика въ Польшѣ. Варшава. 1909.
162. Пискорскій, В. К. — Исторія Испаніи и Португаліи. 2 изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1 р. 25 к.
163. Погодинъ, А. Л.—Исторія Сербіи. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1909. 1 р.
164. Раннее христіанство (общ. исторія „Европ. культуры“). Т. V. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 4 р.
165. Пѣшехоновъ, А. В.—На очередныя темы. Изд. „Р. Б.“. Спб. 1909. 1 р. 50 к.
166. Ренанъ, Э.—Исторія израильскаго народа. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Т. I., вып. 2. Спб. 1909. 1 р. 50 к.
167. Русановъ, Н. С. (Кудринъ).—Соціалисты Запада и Россіи. 2 изд. Спб. 1909. 1 руб.
168. Сборникъ Имп. Русск. Ист. О-ва. Т. 128 и 130. Спб. 1909. 8 р.
169. Семеновъ, В.—Цѣна крови. Изд. Вольфа. Спб. 1910. 1 р.
170. Тарле, Е. В. — Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Ч. I. Спб. 1909.
171. Шикунъ, Ф. И.—Дневникъ солдата въ русско-японск. войну. Изд. Пржевалинскаго. Спб. 1909. 2 р. 25 к.
172. Шурцъ, Г.—Исторія первобытной культуры. Изд. Острогорскаго. Спб. 1910. 3 р. 60 к.
173. Эрве, Г. — Исторія Франціи и Европы. 2 изд. Яковенко. Спб. 1909. 1 р. 50 к.

Географія.

174. Круберъ и др.—Европейская Россія. Изд. Кушнерева. М. 1909. 2 р.
175. Мечъ, С.—Балканскій полуостровъ. М. 1909. 50 к.
176. Приамурье. Изд. „Общест. орг.“. М. 1909. 2 р.

Медицина.

177. Бидертъ, Ф.—Болѣзни дѣтей дошкольнаго возраста. Изд. „Сотр.“. Кв. 1909. 1 р.
178. Бургерштейнъ и Нетолицкій. — Руководство по школьной гигіенѣ. Изд. Риккера. 2 ч. Спб. 1908—9. 7 р.
179. Веберъ, Г.—Пути къ продленію жизни. Спб. 1909. 50 к.
180. Кауне, В.—Грудной ребенокъ. Вскармливаніе... Изд. „Косм.“. М. 1909. 75 коп.
181. Смоленскій, П. О.—Простые способы изслѣдованія и оцѣнки доброкачественности съѣстныхъ припасовъ... 4 изд. Спб. 1909. 5 р.
182. Уваровъ, М. С.—Гигіена. 3 изд. Риккера. Спб. 1910. 90 к.
183. Шустеръ, П.—Наша первная система. Изд. „Косм.“. М. 1909. 60 к.

Сельское хозяйство.

184. Богдановъ, С. М.—Учебникъ агрономіи. Изд. Девріена. Спб. 1909. 2 р. 75 к.
185. Зубрилинъ, А. А. — Улучшеніе крестьянскаго хозяйства. В. I. М. 1909. 90 коп.
186. Шредеръ, Р. И.—Русскій огородъ. 9 изд. Девріена. Спб. 1909. 2 р. 50 к.

Метеорологія.

187. Клоссовскій, А. В. — Основы метеорологіи. Изд. „Матез.“. Од. 1909. 4 р.

К. Деруновъ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ

17-го августа исполняется годъ со дня смерти Антона Владиславовича Зарембы. Среди друзей и близкихъ товарищей покойнаго вмѣсто вѣнка на дорогую могилу собрано было 500 рублей. Такая же сумма собрана при Польской Библіотекѣ Польскаго Благотворительнаго Общества въ Москвѣ. Среди иниціаторовъ сбора явилось предположеніе учредить фондъ имени А. В. Зарембы для выдачи преміи за лучшее сочиненіе о польско-русскихъ отношеніяхъ и ходатайствовать передъ Юридическимъ Обществомъ при Московскомъ университетѣ объ учрежденіи при названномъ Обществѣ этого фонда.

Такъ, думалось, лучше всего увѣковѣчить свѣтлую память человѣка, отдававшаго въ жизни столько времени и труда на благо и просвѣщеніе другихъ. Мы увѣрены, что среди лицъ, знакомыхъ съ безкорыстной общественной дѣятельностью А. В., найдется много сочувствующихъ осуществленію этой идеи. Высокіе и гуманные завѣты, которыми руководился въ своей общественной дѣятельности

А. В., завоевали ему широкія симпатіи и уваженіе въ общественныхъ кругахъ. Россія могла его считать своимъ лучшимъ гражданиномъ, жившимъ интересами народа и страдавшимъ всѣми его горестями.

Для Польши онъ былъ горячимъ поборникомъ ея свободы. Защитѣ правъ угнетенныхъ народностей служило по преимуществу его публицистическое перо.

Русская жизнь грубо разбивала идеалы А. В. Его искренняя и непосредственная натура слишкомъ интенсивно реагировала на господствующій произволъ. И силы ослабѣли...

Но память о благородной личности А. В. будетъ долго еще жива среди всѣхъ знавшихъ его. И мы обращаемся ко всѣмъ, кто любилъ А. В., кто помнитъ его всегдашнюю готовность горячо откликнуться на нужды ближняго, придти на помощь въ дѣлѣ осуществленія задуманнаго фонда (минимальная сумма для фонда опредѣлена въ 2.000—2.500 рублей при разсчетѣ, что выдача премій будетъ производиться въ размѣрѣ около 500 рублей черезъ каждыя пять лѣтъ).

Пожертвованія просимъ направлять на имя комитета по устройству фонда имени А. В. Зарембы по адресу: Москва, Контора „Русскихъ Вѣдомостей“, Чернышевскій, 7.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ

Отъ Московскаго Общества Грамотности.

Конкурсъ на соисканіе преміи за лучшее сочиненіе на нижеуказанныя темы по случаю исполняющагося 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Объявляя настоящій конкурсъ, Московское Общество Грамотности имѣетъ въ виду вызвать появленіе такой работы по исторіи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, которая могла бы надлежащимъ образомъ заполнить какой-либо существенный пробѣлъ въ нашей популярно-исторической литературѣ, предназначенной для широкихъ массъ, включая и наименѣе подготовленныхъ читателей. Въ этой литературѣ уже имѣются хорошо исполненные общіе очерки по исторіи крѣпостного права и освобожденія крестьянъ въ Россіи, какъ, напр., извѣстная брошюра г. Князькова: „Какъ сложилось и пало крѣпостное право въ Россіи“. Во избѣжаніе поэтому повтореній для настоящаго конкурса предлагаются темы болѣе частнаго характера,

однако представляющія въ то же время первостепенный интересъ и значеніе въ общей связи крестьянскаго вопроса въ Россіи.

Въ виду потребностей предполагаемаго читателя условіемъ конкурса ставится соединеніе серьезности и точности содержанія очерка съ ясностью и доступностью изложенія самому широкому кругу читателей. Изъ обильнаго матеріала, относящагося къ предлагаемымъ темамъ, должно быть взято наиболѣе существенное и расположено наиболѣе наглядным для читателя образомъ, такъ, чтобы подробности и частности отнюдь не заслоняли собою основныхъ линій соотвѣтствующихъ процессовъ.

Представляемыя на конкурсъ работы должны быть, слѣдовательно, написаны простымъ и яснымъ литературнымъ языкомъ, по возможности безъ иностранныхъ терминовъ и словъ, затрудняющихъ пониманіе текста: однако какія-либо поддѣлки подъ такъ называемую „народную“ рѣчь не должны имѣть мѣста. При составленіи своей работы авторъ долженъ исходить, какъ сказано выше, изъ предположенія, что ему приходится имѣть дѣло съ читателемъ, совершенно лишеннымъ необходимой образовательной подготовки, но такимъ однако, которому трактуемые вопросы особенно близки въ ихъ современной практической постановкѣ. Поэтому желательно вмѣстѣ съ тѣмъ придать изложенію характеръ не отвлеченно-теоретическій, но освѣтить тему съ ея жизненной стороны, наиболѣе интересной для того читателя, для котораго и предназначается настоящее юбилейное изданіе, главнымъ образомъ, изъ сельскаго населенія.

Авторамъ рекомендуется также сопровождать изложеніе предмета ссылками и указаніями на популярную литературу.

Темы: 1. Освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ и поземельное устройство русской освобожденной деревни.

1) Поземельное устройство владѣльческихъ крестьянъ при крѣпостномъ правѣ. 2) Ходъ разработки реформы 1861 г. преимущественно по вопросу о поземельномъ устройствѣ освобождаемыхъ крестьянъ. 3) Развитіе поземельныхъ отношеній въ русской деревнѣ въ пореформенное время.

Въ работѣ на означенную тему должно быть выяснено, какъ въ связи съ реформой 1861 г. былъ поставленъ и разрѣшенъ вопросъ о поземельномъ устройствѣ освобождаемыхъ крестьянъ.

Вводная глава очерка должна быть посвящена выясненію того, какъ обезпечивалась землей русская владѣльческая деревня при крѣпостномъ правѣ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи и въ зависимости отъ различныхъ системъ крѣпостного хозяйства. При этомъ должно быть отмѣчено, какія измѣненія обнаруживались въ поземельномъ устройствѣ крѣпостныхъ крестьянъ къ кануну преобразованія.

Затѣмъ долженъ быть изложенъ общій ходъ разработки реформы 1861 г., съ преимущественнымъ обращеніемъ вниманія на то, какъ въ различныхъ стадіяхъ этой разработки ставился вопросъ о поземельномъ устройствѣ освобождаемой деревни, и какъ этотъ вопросъ окончательно былъ разрѣшенъ въ положеніи 19 февраля 1861 г.

Въ послѣдующемъ изложеніи долженъ быть показанъ ходъ практическаго примѣненія соотвѣтствующихъ постановленій положенія: ходъ и результаты отвода земельныхъ надѣловъ освобожденнымъ крестья-

намъ и затѣмъ—ходъ и результаты выкупа этихъ надѣловъ крестьянами у помѣщиковъ, съ указаніемъ и на то, какъ вліяли условія выкупа на установленіе различныхъ формъ крестьянскаго землепользованія.

Наконецъ, въ очеркѣ должно быть обрисовано вліяніе результатовъ выкупной операціи на современное поземельное положеніе деревни въ связи съ наиболѣе характерными явленіями изъ исторіи поземельнаго устройства русской деревни въ пореформенную эпоху, какъ-то: развитіемъ внѣнадѣльныхъ арендъ, переселенческимъ движеніемъ, дѣятельностью крестьянскаго банка и т. д.

Въ общемъ весь очеркъ долженъ дать неподготовленному читателю ясное и точное представленіе о томъ, какую роль сыграла реформа 1861 года въ экономической исторіи русской деревни по настоящее время.

2. Положеніе 19 февраля 1861 г., и что оно дало русскому крестьянину.

1) Основныя причины, подготовившія реформу. Исторія составленія акта 19-го февраля 1861 г. 2) Анализъ „Положенія“ о крестьянахъ (земельное устройство, правовое положеніе, общественное устройство, учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ), дворовыхъ и заводскихъ рабочихъ. 3) Выкупная операція и экономическое положеніе деревни въ пореформенное время въ связи съ исторіей крестьянскаго самоуправленія и правительственнаго надзора.

Главнымъ предметомъ вниманія при разработкѣ предложенной темы долженъ быть самый актъ 19 февраля 1861 г. положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Авторъ долженъ обстоятельно выяснить условія выхода крестьянъ на свободу, ихъ экономическое и юридическое положенія и сословную организацію, прослѣдивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ важнѣйшія измѣненія въ положеніи крестьянства въ пореформенную эпоху, которыя произошли отчасти подъ вліяніемъ дальнѣйшаго развитія началъ, положенныхъ въ основу самой освободительной реформы, отчасти же подъ вліяніемъ реакціонной политики правительства, въ значительной мѣрѣ исказившей эти начала.

Планъ сочиненія: 1. Краткое вступленіе, съ указаніемъ основныхъ причинъ, подготовившихъ реформу, а также краткой характеристикой тѣхъ условій, при которыхъ былъ составленъ и появился актъ 19 февраля 1861 г. Особенное вниманіе должно быть обращено на работы губернскихъ комитетовъ, редакціонныхъ коммиссій и взаимныя отношенія правительства, бюрократіи и общественныхъ элементовъ въ процессѣ выработки „положенія“.

Вступленіе это должно такимъ образомъ послужить историческимъ комментаріемъ, вводящимъ читателя въ болѣе широкое пониманіе „положенія“ и облегчающимъ это пониманіе. Поэтому во вступленіи желательно остановиться лишь на такихъ явленіяхъ, которыя ближайшимъ образомъ связаны съ главной темой, такъ что отъ нихъ непосредственно можно было бы перейти къ „положенію“.

2. Расположеніе самаго матеріала „положенія“ желательно было бы разбить на главы или изложить въ такой послѣдовательности:

А. Положеніе о крестьянахъ. Общее и мѣстныя. 1) Земельное

устройство крестьянъ. Выкупная операція. Надѣльныя нормы. Приведеніе въ дѣйствіе „положенія“ о крестьянахъ. Временно-обязанное состояніе. 2) Личныя и имущественныя права крестьянъ. 3) Сельскія общественныя учрежденія (сельскія общества и волостная организація). 4) Повинности крестьянъ, полиція. Учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ.

Б. Положеніе объ устройствѣ дворовыхъ.

В. Правила о приписанныхъ къ горнымъ и инымъ заводамъ крестьянахъ и работникахъ.

Общій анализъ „положенія“ долженъ быть сведенъ къ ряду положеній, охватывающихъ въ своемъ цѣломъ законченную характеристику закона 19 февраля 1861 г. и завершенъ исторической справкой о томъ, какъ отнеслось крестьянское населеніе къ возвѣщенной свободѣ.

3. Послѣдняя часть работы посвящается: 1) характеристикѣ выкупной операціи до ея отмѣны и экономической эволюціи деревни въ пореформенное время въ связи съ вопросомъ о положеніи общины и современномъ землеустройствѣ; 2) исторіи крестьянскаго самоуправленія въ связи съ учрежденіями надзора (законъ 12 іюля 1879 г.) и земской реформой.

Въ видѣ общаго итога желательно было бы коснуться вопроса о роли правового момента въ современномъ положеніи крестьянства и ея культурномъ состояніи.

Условія конкурса: 1) Представляемыя работы не должны превышать 5 листовъ на каждую тему, считая листъ въ 40.000 буквъ. 2) Авторъ премированной работы каждой темы получаетъ золотую медаль и по 100 рублей за печатный листъ. 3) Первое изданіе премированной работы издается Московскимъ Обществомъ Грамотности въ количествѣ 10—15 тысячъ экземпляровъ. 4) Работы, признанныя жюри хорошими, могутъ получить почетный отзывъ. 5) Работы представляются въ Правленіе М. О. Г. къ 1-му декабря 1910 г. безъ подписи, но съ какимъ-либо девизомъ. Одновременно съ работой долженъ присылаться запечатанный пакетъ съ написаннымъ на немъ девизомъ и содержащій подробный адресъ автора, его имя, отчество и фамилію. 6) Жюри даетъ отзывъ къ 1-му янв. 1911 г.

Желательно, чтобы представляемыя работы были исполнены по возможности на пишущихъ машинахъ.

Предполагаемый составъ читателей — самыя широкія народныя массы, преимущественно сельское населеніе.

Составъ жюри: В. О. Ключевскій, А. А. Мануиловъ, Н. А. Каблуковъ, А. В. Вормсъ, А. А. Кизеветтеръ, М. М. Богословскій, Б. И. Сыромятниковъ, А. И. Яковлевъ, В. А. Розенбергъ, В. И. Анисимовъ и П. Л. Барсковъ.

Подробныя программы и условія конкурса можно выписывать изъ канцеляріи Правленія М. О. Г.: Москва, Плющиха, Большой Трубный переулокъ, Аукціонный залъ Комитета выставокъ Моск. Об-ва Сельскаго Хозяйства.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.—ІЮЛЬ.

	стран.
Англійская гелиогравюра: П. Э. БЕРТЛО.	
I. ИДЕЯ БОГОЧЕЛОВѢКА ВЪ ГРЕЧЕСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ САГѢ.—**Ѳ. Ф. Зѣлинскаго**	3
II. СТИХОТВОРЕНІЯ. — „Мысль каждая“ (Frédéric Amiel). — „Идеалъ“ (Sully Prudhomme).—**Ел. Миличъ**	41
III. НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ. — Изъ воспоминаній **А. Л. Костомаровой**	43
IV. ВѢРУЮ.—Стихотвореніе.—**Ал. Лугового.**	67
V. „НОВАЯ КРѢПЬ“. — Очерки изъ жизни современной деревни.— **С. А. Холщевникова**	68
VI. ТИХІЯ ДОЛИНЫ.—Стихотвореніе.—**Леонида Афанасьева**	121
VII. ЛАМАРКЪ И ДАРВИНЪ КАКЪ ТИПЫ УЧЕНЫХЪ. — I-II. — **Влад. Вагнера**	122
VIII. ХАМЕЛЕОНЪ.—Стихотвореніе.—**Л. М. Василевскаго**	134
IX. ТѢНЬ ЛЮБВИ. — Романъ Марсель Тинэйръ.—V-VIII.—Перев. съ франц. **З. Журавской.**	135
X. ГОДЕНЪ КЪ ВОЕННОЙ СЛУЖБѢ!—Жоржа Экоута.—Перев. съ франц. **М. Веселовской**	169
XI. ТОРЖЕСТВО ГИЛЬОТИНЫ.—Къ вопросу о смертной казни во Франціи.—**К. Ф.**	195
XII. СМЕРТНИКИ.—I-IV.—**С.**	206
XIII. БЛАГОВѢЩЕНСКАЯ „УТОПІЯ“.—**В.**	231
XIV. СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНІЕ РАБОЧИХЪ ВЪ РОССІИ. — **Г. Гольдберга.**	242
XV. ФИНЛЯНДСКІЙ ВОПРОСЪ.—**Максима Ковалевскаго**	253
XVI. Хроника.—ЕЩЕ О ПОСЛѢ-КОНСТИТУЦІОННОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ССЫЛКѢ.—**М. И. Сафонова**	278
XVII. ПЕРІОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И КАПИТАЛИЗМЪ.—**Л. З. Слонимскаго**	286
XVIII. ТРИ КУЛЬТУРЫ.—Письмо изъ Танжера.—**Діонео**	296
XIX. НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ ВО ФРАНЦІИ. — Письмо изъ Парижа. — **Бѣлорусссова**	310

[illegible]

СТРАН.

XX. ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ. — Смерть Марка Твэна. — Рузевельтъ.—Новыя болѣзни.—**П. А. Тверского** 323

XXI. „ГОРЕ ОТЪ УМА“ въ Московскомъ Художественномъ Театрѣ.—X-XIII.—Окончаніе.—**Вл. И. Немировича-Данченко.** 332

XXII. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — **И. В. Жилкина** . . 349

XXIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Усиленная охрана, вмѣсто чрезвычайной, въ Петербургѣ и петербургской губерніи.—Законопроектъ о старообрядцахъ въ Государственномъ Совѣтѣ; рѣчи представителей чернаго и бѣлаго духовенства.—Разсужденіе о границахъ свободы совѣсти.—Пренія о финляндскомъ вопросѣ въ Государственномъ Совѣтѣ 362

XXIV. НОВЫЙ ТРУДЪ ПО ИСТОРІИ ИСКУССТВА.—Игорь Грабарь, „Исторія русскаго искусства“.—**Конст. Эберга.** . . 379

XXV. КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. А. Адріанова.** 383

XXVI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Политическія дѣла въ Пруссіи.—Консервативныя партіи и правительство.—Вопросъ о содержаніи прусской королевской фамиліи.—Дѣло Гельфельда и его значеніе для Россіи.—Критская автономія и великія державы.—Мѣстный сеймъ въ Босніи и Герцеговинѣ 391

XXVII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Б. В. Варнеке. Исторія русскаго театра. — Эпоха Николая I, подъ ред. М. Гершензона. — Жизнь В. С. Печерина, М. Гершензона. — Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова. Кн. 22-я.—А. П. Чеховъ. Сборникъ статей.—Чеховская библіотека.—**Ч. В—ского.**—Р. И. Сементковскій. Современная Россія. Записки японца.—**Л. С.**—Пфлугъ-Гартунгъ. Всемірная исторія. — Труды Ѳ. Ѳ. Соколова. — **И. Бороздина.** — М. И. Боголѣповъ. Государственный долгъ. — А. А. Кизеветтеръ. Мѣстное самоуправленіе въ Россіи. — Орестъ Семинъ. Основные вопросы мѣстнаго самоуправленія. — **В. В.**—Новыя книги и брошюры. 405

XXVIII. ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Дума въ одинъ изъ дней засѣданія по финляндскому вопросу.—Думская „охрана“.—Музыка разговоровъ, чтенія и ходьбы. — Итогъ личныхъ впечатлѣній. — Изъ отзывовъ печати о финляндскомъ законопроектѣ.—Что ждетъ высшую, среднюю и низшую школу. — Внѣшній шпіонажъ.—К. Ѳ. Казиміръ, Юлія Безродная и А. Н. Котельниковъ † 421

XXIX. СВОДНЫЙ СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ текущей научно-популярной литературы.—**К. Н. Дерунова** 435

XXX. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ 442

XXXI. ИЗВѢЩЕНІЕ 443

XXXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 449

XXXIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

86
E